ГРЕКОВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ

ПЕРІОДЪ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина великаго до императрицы Ѳеодоры (312—842.)

съ приложеніемъ **РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ БИБЛІОГРАФІИ**

по предмету чтеній.

ТРУДЪ

Ф. А. Терновскаго,

преподавателя церковной исторіи въ кіевскомъ университетѣ

и

С. А. Терновскаго,

преподавателя церк. исторіи въ казанской духовной академіи.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи (І. Завадзкаго).
1883.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Чтеніе первое (стр. 5—34).

II. Константинъ великій.

Константинъ до воцаренія (274—306). Религіозное воспитаніе. Жизнь при дворѣ Діоклетіана 5
Константинъ отъ воцаренія до единодержавія. (306—323) Торжество надъ Максенціемъ 8
Единовластительство Константина. (323—337) Аріанскіе споры. Основаніе новой столицы 14
Смерть и. Константина. Отзывы и легенды о немъ . . . 29

Чтеніе второе (стр. 35—61).

Императоры Констанцій (337—361), и Юліанъ (361—363).

Характеристика имп. Констанція и его участія въ дѣлахъ церковныхъ 35
II. Юліанъ (+363 г. 27 іюня). Воспитаніе Юліана и его жизнь до воцаренія 42
Царствованіе Юліана. Юліанъ въ Константинополѣ и Антіохіи. 47
Смерть Юліана. Легенды и сужденія о немъ 54

Чтеніе третье (стр. 62—105).

Внутренняя исторія церкви въ царствованіе династіи Константиновой (312+363).

Начало христіанскаго монашества. Святые подвижники въ Египтѣ. Общая характеристика иноческаго міросозерцанія и житія. 62
Святые епископы. Общая характеристика тогдашняго положенія епископовъ. Св. епископы Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Враги церкви. 83
Религіозное состояніе народа. Вліяніе христіанства на народную жизнь. Двоевѣріе. Язычество. Новыя пріобрѣтенія христіанства внѣ предѣловъ римской имперіи 94

стр.

Чтеніе четвертое (стр. 106—135).

Императоры Іовіанъ, Валентиніанъ, Валентъ и Ѳеодосій великій (363—395).

Положеніе церкви въ короткое царствованіе Іовіана (отъ 27 іюня 463 г. по 16 февраля 364 г.) 106
Императоръ Валентиніанъ. 364—375) Братъ и соправитель его Валентъ—императоръ востока. (464—378) Аріанство Валента и его погибель отъ готеовъ 109
Воцареніе Ѳеодосія великаго. Св. Григорій Богословъ въ Константинополѣ. II-й вселенскій соборъ. Религіозный характеръ и. Ѳеодосія. (489—495 г.) 119

Чтеніе пятое (стр. 136—182).

Императоры Аркадій, Ѳеодосій младшій, Пулхерія и Маркіанъ (395—457).

Имп. Аркадій (395—408). Характеристика Аркадія и его жены Евдоксіи. Отношенія Евдоксіи къ св. Порфирію газскому и св. Іоанну Златоусту 136
Ѳеодосій младшій (408—450). Его сестра Пулхерія и жена Евдоксія. Ересь Несторія. III вс. соборъ. Состояніе имперіи при и. Ѳеодосіѣ. Ересь Евтихія 151
Императоръ Маркіанъ—супругъ Пулхеріи (450—457). IV вселенскій соборъ въ Халкидонѣ 170

Чтеніе шестое (стр. 183—235).

Внутреннее состояніе церкви въ царствованіе Валента и династіи Ѳеодосія великаго (363—457).

Золотой вѣкъ церковной литературы 183
Монашество. Иноческая литература. Распространеніе иночества. Новые виды иноческихъ подвиговъ. 207
Епископы и міряне разсматриваемаго періода. Подавленіе язычества на востокѣ 228

Чтеніе седьмое (стр. 236—260).

Состояніе церкви при имп. Львѣ Ѳракіянинѣ и его преемникахъ до Анастасія I. (457—518).

Левъ Ѳракіянинъ (477—475). Его благочестіе и православіе . 236
Левъ малый и Зенонъ. (474—491). Энотиконъ Зенона и что изъ того вышло 243
Анастасій Диррахитъ или Дикоръ. (491—518) Его религіозная политика. Волненія въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ . 250

Чтеніе восьмое (стр. 261—310).

Юстинъ I и его преемники до Маврикія. (518—503)

Юстинъ I (518—527). Его происхожденіе и религіозная политика 261

стр.

Юстиніанъ I. (527—565) Характеристика его и его супруги Өеодоры. Удачи и бѣдствія его царствованія . . . 264
Имп. Юстиніанъ, какъ церковно-историческій дѣятель. Построеніе Св. Софіи. Церковное законодательство. V всел. соборъ. 282
Преемники Юстиніана: Юстинъ II. (565—578) Тиверій. (578—582) Маврикій (582—602). Гибель Маврикія и его семьи. . 302

Чтеніе девятое (стр. 311—349).

Внутренняя исторія церкви во время династій Льва I и Юстина I (457—602).

Сравнительный упадокъ монашества въ VI вѣкѣ. Подвигъ юродства. Св. игумены 311
Упадокъ церковной литературы. Осужденіе умершихъ писателей. Преобладаніе легендарно-апокрифическихъ сказаній. Иноческая литература. 323
Церковныя узаконенія въ вѣкъ Юстиніана. Восточные христіане внѣ предѣловъ имперіи 342

Чтеніе десятое (стр. 350—379).

Императоры Фока и Ираклій. (602—641).

Фока и его гибель. (610) Ираклій и его попытка покинуть столицу (618) 350
Походы Ираклія на персовъ. Осада Константинополя аварами и персами и акаѳистъ Богоматери (624). Возвращеніе Ираклія изъ походовъ и воздвиженіе креста Господня (629). . 535
Магометъ и его ученіе. Завоеваніе Сиріи и Египта магометанами. Религіозная политика и смерть Ираклія. (641, март. 11). 362

Чтеніе одинадцатое (стр. 380—400).

Преемники Ираклія до пресѣченія его династіи. (641—711).

Смутное полугодіе по смерти Ираклія. Имп. Конста, внукъ Ираклія, и послѣдняя монооелитская борьба. Смерть Консты (в 668) 380
Императоръ Константинъ Погонатъ. 668—685) Неудачная осада столицы арабами. (669—676). VI вселенскій соборъ. (680). 387
Юстиніанъ Рипотметъ (685—694 и 705—711). Его характеръ. Соборъ въ Трулле. (692) Низверженіе Юстиніана (694). Императоры Леонтій (694—697) и Тиверій (697—705). Вторичное царствованіе Юстиніана 705—711) и его гибель. 390

Чтеніе двѣнадцатое (стр. 401—426).

Внутренняя исторія церкви въ вѣкъ Ираклидовъ

Вліяніе успѣховъ магометанства на положеніе восточной церкви. Православіе на востокѣ становится почти исключительно

стр.

греческимъ исповѣданіемъ. Развитіе у грековъ обрядовой набожности въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ 401
Богослужебная литература въ VII вѣкѣ. Почитаніе священныхъ реликвій. 408
Постановленія трульскаго собора противъ двоевѣрія и суевѣрія. 421

Чтеніе тринадцатое (стр. 427—472).

Первая половина иконоборнаго періода при такъ называемой исаврійской династіи.

Греческая исторіографія относительно періода иконоборства . 427
Три краткосрочные императора послѣ ираклидовъ. Левъ III какъ воинъ и правитель. Попытка церковной реформы. Ея сторонники и противники. Общее сужденіе историковъ о Львѣ III. 435
Константинъ V, (741—775) въ его отношеніяхъ къ государству и церкви. Иконоборческій соборъ. (754 г.) Антимонашеская борьба. Общее сужденіе историковъ о Константинѣ V. 451
Левъ IV Хазаръ (775—780). Имп. Ирина вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ (780—760). VII вселенскій соборъ (787). Константинъ VI (790—797). Борьба матери съ сыномъ. Единодержавіе Ирины (797 — 802). Отзывы историковъ о ней 459

Чтеніе четырнадцатое (стр. 473—500).

Вторая половина иконоборнаго періода.

Аналогія между обѣими половинами иконоборнаго періода. И. Никифоръ Геникъ. (802—811) Его борьба съ внутренними и внѣшними противниками. Отзывы о немъ. Паденіе династіи Геника (811—813) 473
Левъ V армянинъ (813—820). Его борьба съ иноками и иконоборческій соборъ (815). Смерть Льва V (25 дек. 820) . 480
Амморейская династія. Михаилъ II Травлъ (920—829) и его религіозный характеръ. Θеофилъ — послѣдній иконоборецъ. (829—842). Императрица Θеодора и торжество православія. (19 февр. 842). Конецъ амморейской династіи . . . 485

Чтеніе пятнадцатое (стр. 501—526).

Внутренняя исторія церкви въ періодъ иконоборства.

I) Новаторы иконоборцы. Уцѣлѣвшіе остатки иконоборческой литературы. Догматика и церковная политика иконоборцевъ. Отношеніе иконоборцевъ къ наукѣ и къ искусству. . . 501
II) Православные защитники иконопочитанія и монашества. Ихъ церковный авторитетъ. Крайнее направленіе ихъ церковно-политическихъ убѣжденій. Общее сужденіе о нихъ . . 509

стр.

III) Духовные христіане или павликіане. Аналогія павликіанъ съ русскими антицерковными сектами. Ихъ ученіе. Ихъ внѣшняя исторія. Заключеніе 516

ДОПОЛНЕНІЕ

къ первому выпуску *Опыта руководства по церковной исторіи*, вышедшему въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Первые три вѣка христіанства* (Кіевъ 1878).

Переводъ приведенныхъ въ подлинникѣ латинскихъ и греческихъ выдержекъ изъ первоисточниковъ (стр. 527—551).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Цицеронъ—о государственномъ значеніи религіи.—Сенека о богахъ.—Цицеронъ о скептицизмѣ образованныхъ римлянъ.—Страбонъ—о необходимости религіи для народа.—Совѣтъ Мецената Августу такогоже содержанія.—Ювеналъ—о современномъ невѣріи.—Плинія старшаго отзывъ такогоже содержанія.—Отзывъ Сенеки подобнагоже характера.—Сенека—о современномъ нравственномъ упадкѣ.—Плиній—о современномъ суевѣріи.—Изъ Тацита. . . . . 527—529

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Отзывы язычниковъ объ іудеяхъ.—Изъ Тацита отзывъ объ іудеяхъ.—Іосифъ Флавій о самаряпахъ.—Указъ имп. Клавдія объ іудеяхъ.—Ювеналъ объ іудеяхъ въ Римѣ.—Тацитъ о прозелитахъ іудейства . . . . . 529—

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Іосифъ Флавій—объ Іоаннѣ Крестителѣ . . . . . 530—

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тацитъ—объ Іисусѣ Христѣ.—Іосифъ Флавій объ Іисусѣ Христѣ.—Изъ Евсевія. Письмо Авгаря къ Спасителю.—Отвѣтъ Спасителя Авгарю . . . . . 530—531

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Переписка Плинія съ Траяномъ о христіанахъ. — Отзывъ Тертулліана о письмѣ Траяна. — Изъ актовъ мученическихъ. Разговоръ имп. Траяна со св. муч. Игнатіемъ. — Изъ письма св. Игнатія.—Указъ имп. Адріана малоазійскому проконсулу Минуцію Фундану. . . . . 531—533

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Ириней объ ученіи гностика Василида.—Ириней о богословіи валентиніанъ . . . . . 533—536

стр.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Указъ императора Марка Аврелія малоазійскимъ муниципіямъ.—Посланіе общины смирнской о мученіи св. Поликарпа.—Тертулліанъ о чудѣ громоноснаго легіона.—Изъ посланія ліонской и вьенской церкви о ліонскихъ мученикахъ. 536—540

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Изъ первой апологіи Іустина мученика . . . . . 540—542

ЧТЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Изъ воспоминаній св. Иринея ліонскаго.—Изъ книги св. Иринея противъ ересей.—Изъ письма Иринея с. ліонскаго къ Виктору с. римскому . . . . . 543—544

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Изъ сказанія о мученіи Перпетуи, записаннаго отчасти со словъ ея. — Изъ Элія Лампридія о Геліогабалѣ и объ Александрѣ Северѣ . . . . . 544—545

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Гимнъ Христу Спасителю св. Климента александрійскаго. 546—

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Изъ Тертулліана . . . . . 546—547

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Мученіе св. Кипріана кароагенскаго.—Св. Кипріана ученіе о церкви. . . . . 547—549

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Изъ Тертулліана . . . . . 549—

ЧТЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Составъ римскаго клира въ 252 году.—Изъ посланія къ Діогнету о правахъ древнихъ христіанъ.—Акты (быть можетъ апокрифическіе) о мученичествѣ актера Гепезія.—Изъ Тертулліана: обращеніе къ христ. женщинамъ; о заклинателяхъ . . . . . 549—551

Въ приложеніи: Русская и иностранная библіографія къ исторіи грековосточной церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. (Алфавитный списокъ авторовъ и краткій обзоръ ихъ трудовъ) . . . . отъ 552 стр.—до конца книги.

Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина великаго до императрицы Ѳеодоры 312—842.

Послѣ *трехъ первыхъ вѣковъ христіанства* гонимаго, мы переходимъ ко временамъ, когда христіанство сдѣлалось господствующею, государственною религіею: изъ періода мучениковъ и исповѣдниковъ вступаемъ въ періодъ благочестивыхъ царей, православныхъ патріарховъ и иноковъ. Наше вниманіе въ настоящемъ трудѣ почти исключительно остановится на судьбахъ грековосточной церкви, и притомъ въ предѣлахъ византійской имперіи. Чтобы объяснить причины этого предпочтенія Византіи, мы, кажется, не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ повторить слова Т. Н. Грановскаго объ особенномъ значеніи для русскаго византійской, въ частности церковно-византійской исторіи.

„Исторія византійской имперіи“, — говоритъ Грановскій (II, — 211) не пользуется большимъ почетомъ на западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для спеціальныхъ сочиненій. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византія представляетъ такой же любопытный пред-

метъ, какъ напримѣръ аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе... Нужно ли съ другой стороны говоритъ о важности византійской исторіи для насъ русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы славяне... Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что *въ европейскихъ темахъ громадное большинство населенія состояло изъ славянъ*, и что въ азіатскихъ областяхъ преобладали чуждыя еллинизму примѣси... Исавры, *славяне* и армяне сидятъ на престолѣ Константина и Ѳеодосія... Какая же сила собрала во едино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность или кровную связь населенія другою чисто-духовною связью? Эта сила заключалась въ религіи, утвержденной отцами восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ языческаго міра вмѣстѣ съ языкомъ". „Можно прибавить,—заключаетъ Грановскій,—„что на насъ (т. е. русскихъ), лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ много обязаны".

Особенности въ изложеніи нашего труда обозначились уже въ первомъ выпускѣ чтеній по церковной исторіи.

Въ настоящемъ выпускѣ выдержки изъ первоисточниковъ будутъ допущены въ возможно меньшихъ размѣрахъ, во исполненіе желанія тѣхъ, которые говорятъ: graeca sunt, non leguntur. Библіографическія примѣчанія отнесутся къ концу книги и будутъ содержать въ себѣ посильное обозначеніе не только русскихъ, но по возможности и иностранныхъ сочиненій, соотвѣтственныхъ предмету чтеній. Въ концѣ книги будетъ приложенъ *очеркъ церковной географіи христіанскаго востока* IV—IX *вѣковъ*.

Что касается текста чтеній, то при составленіи втораго выпуска, мы не имѣли уже такихъ опредѣленныхъ руководителей, какими были для перваго выпуска Гизелеръ и Гагенбахъ. Правда мы съ признательностію пользовались трудами по ви-

зантійской исторіи Гиббона [1]), Тиллемона [2]), Ле-Бо [3]) Шлоссера [4]), Гефеле [5]), Муральта [6]), Финлея [7]), Папарригопуло [8]), изъ русскихъ: св. Димитрія Ростовскаго [9]), а. Сергія [10]), а. Арсенія [11]), А. П. Лебедева [12]).—но заимствуя изъ помянутыхъ авторовъ отдѣльныя свѣдѣнія и соображенія, въ общемъ мы должны были идти *дорогами неготовыми.*

---

[1]) Ed. Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman empire.

[2]) Tillemont. Histoire des empereurs... Bruxelles, 1709.

[3]) Le Beau. Histoire du Bas-Empire.

[4]) Schlosser. Geschichte der Bildersturmender Kaizer der östromischen Reichs.

[5]) Hefele. Conciliengeschichte. Freiburg. 1875—7.

[6]) E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine, 1855.

[7]) Г. Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ до 717 г. М.—1877.

[8]) Histoire dela civilisation hellenique par M. C. Paparrigopoulo Paris 1878.

[9]) Минеи четіи 12 мѣсяцовъ.

[10]) А. Сергія. Полный Мѣсяцословъ Востока 1876.

[11]) А. Арсенія. Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя.

[12]) А. П. Лебедева. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ 1879.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

II. Константинъ великій.

Константинъ довоцаренія (274—306). Религіозное воспитаніе, жизнь при дворѣ Діоклетіана.

Признаніе христіанства государственною религіею совершено Константиномъ великимъ. Душевную исторію виновника этой великой перемѣны воспроизвести сколько любопытно, столько же и трудно; для этого придется собирать и угадывать цѣлое по отдѣльнымъ чертамъ.

Отецъ Константина, правитель Галліи и Британіи, *Констанцій Хлоръ*, былъ расположенъ къ христіанамъ; вѣроятно онъ, подобно императорамъ Александру Северу и Филиппу Аравитянину, держался того религіознаго эклектизма, по которому Христосъ былъ почитаемъ наряду съ языческими богами и великими людьми, благодѣтелями человѣчества. Мать Константина, *Елена*, первая жена Констанція Хлора [1]), подъ старость, какъ извѣстно, была ревностною христіанкою; но весьма вѣроятно, что и съ молоду она была предрасположена къ христіанству [2]),

---

[1]) У. Констанція Хлора была и другая жена по имени Ѳеодора, дочь кесаря Максиміана Геркулія. Отъ нея сыновья: Констанцій, Далматій и Аннибалъ и дочь Констанція.

[2]) Евсевій, панегиристъ Константина, приписалъ своему герою честь обращенія матери къ христіанству (Vita III, 47), но конечно не говорилъ, да и не могъ сказать, чтобы въ душѣ Елены не было расположенія къ христіанству.

которое, какъ видимъ изъ исторіи, всегда почти скорѣе находило доступъ къ женскому сердцу. Религіозное расположеніе родителей не осталось безъ вліянія и на сына. Многочисленные христіане, пользовавшіе при дворѣ Констанція Хлора самою широкою терпимостью и даже покровительствомъ, быть можетъ также старались внушать юному Константину убѣжденіе въ истинѣ христіанской религіи, и особенно въ томъ, что христіанскій Богъ жестоко караетъ гонителей христіанства. Слѣды этихъ уроковъ остались въ Константинѣ на всю жизнь. Уже въ старости, въ одной изъ своихъ рѣчей, сохраненной для насъ Евсевіемъ, Константинъ бросаетъ такой взглядъ на римскихъ императоровъ III вѣка, гонителей христіанства. „Спрашиваю тебя, Декій, издѣвавшійся нѣкогда надъ страданіями праведниковъ, ненавидѣвшій церковь, подвергавшій наказанію живущихъ свято,—спрашиваю: что ты теперь дѣлаешь послѣ своей жизни? Въ какихъ и сколь бѣдственныхъ находишься обстоятельствахъ? Судьбу твою указывало уже и время, протекшее между жизнію и смертію, когда, со всѣмъ своимъ войскомъ пораженный на поляхъ скиѳскихъ, ты подвергъ посмѣянію готовъ славное могущество римлянъ. Спрашиваю и тебя, Валеріанъ, который, обнаруживъ гнусную страсть къ убійству служителей Божіихъ, сдѣлался предметомъ праведнаго суда, то есть, взятый въ плѣнъ и скованный, выведенъ былъ на позоръ въ порфирѣ и прочихъ царскихъ украшеніяхъ, а потомъ представилъ вѣчный памятникъ злополучія, когда персидскій царь Сапоръ велѣлъ содрать съ тебя кожу и положить твое тѣло въ соль. Спрашиваю и тебя, Авреліанъ, горнило всѣхъ несправедливостей! Какъ явственно пораженъ ты былъ среди пути, когда неистово бѣгалъ по Ѳракіи, и нечестивою кровію наполнилъ канавы дороги!“ Тоже историческое наблюденіе Константинъ высказываетъ въ посланіи къ персидскому царю Сапору. „Многіе изъ здѣшнихъ государей, увлекшись буйными и превратными помыслами, рѣшались отвергать единаго Бога, но всѣхъ ихъ постигъ злосчастный конецъ... Однимъ изъ нихъ по моему мнѣнію, былъ тотъ, котораго Божій гнѣвъ, подобно молніи, изгналъ отсюда и предалъ въ ваши руки“. (т. е. Валеріанъ).

Скоро юному Константину пришлось поближе присмотрѣться къ жизни современныхъ ему императоровъ враговъ христіанства. Съ 292 года т. е. съ 18-тилѣтняго возраста Константинъ долженъ былъ жить въ качествѣ представителя своего отца при дворѣ старшаго импера-

тора Діоклетіана въ Никомидіи. Пребываніе Константина при дворѣ языческаго императора церковный историкъ Евсевій сравниваетъ съ воспитаніемъ Моисея при дворѣ Фараона, царя египетскаго. Константинъ былъ окруженъ внѣшнимъ почетомъ и не лишенъ нѣкоторой свободы,—сопровождалъ Діоклетіана во время его путешествія въ Египетъ, принималъ участіе въ воинскихъ экспедиціяхъ, женился на нѣкоей Минервинѣ, отъ которой имѣлъ сына Криспа,—но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя какъ бы подъ арестомъ, и не могъ питать симпатію къ виновникамъ этого ареста. На глазахъ Константина свирѣпствовало гоненіе Діоклетіана и жестокость гонителей христіанства,—которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и его личными притѣснителями,—дѣйствовала на него отталкивающимъ образомъ. Онъ сравнивалъ религіозную терпимость своего отца съ фанатизмомъ восточныхъ правителей, и не могъ сомнѣваться, какому образу дѣйствій отдать предпочтеніе по отношенію къ государственному благосостоянію. „Я чуждался“, писалъ онъ впослѣдствіи, „бывшихъ предъ этимъ самодержцевъ, потому что видѣлъ дикость ихъ нравовъ. Только мой отецъ, во всѣхъ дѣлахъ съ удивительнымъ благоговѣніемъ призывавшій Бога Отца, держался правилъ кротости; а всѣ прочіе, не имѣя здраваго смысла, заботились болѣе о мѣрахъ жестокихъ, нежели о милосердіи, и, отвергая истинное ученіе, эту жестокость питали въ свое время весьма щедро“.—Константинъ видѣлъ христіанскихъ мучениковъ, непреоборимая вѣра которыхъ произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ понялъ, что въ христіанствѣ есть сила, которой не могутъ побѣдить ни огонь ни мечь. „Тогда можно было видѣть“, вспоминалъ Константинъ впослѣдствіи,—„съ какимъ произволомъ это величіе благочестія ежедневно подвергалось необыкновеннымъ оскорбленіямъ неутомимой жестокости... Какому огню, какимъ пыткамъ, какому колесованію не подвергали всякаго тѣла безъ различія возраста! Въ то время и земля поистинѣ плакала, и всеобъемлющее небо, оскверняемое кровію, испускало стоны, и самый даже день отъ ужаса облачился въ одежду скорби“.

Около четырнадцати лѣтъ (292—306) Константинъ прожилъ при дворѣ восточныхъ императоровъ, былъ свидѣтелемъ отреченія Діоклетіанова, и только поспѣшнымъ отъѣздомъ спасся отъ гибели, которую готовилъ ему Галерій, извѣстный гонитель христіанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лично враждебный Константину. На западъ Константинъ возвратился не задолго до смерти своего отца, которая послѣдовала 25 іюля

306 года въ Великобританіи. Согласно завѣщанію отца и единодушному желанію войска Константинъ былъ провозглашенъ кесаремъ и единолично вступилъ въ управленіе удѣломъ своего отца т. е. Галлію, Испаніею и Британіею, помимо своихъ братьевъ, много уступавшимъ ему дарованіями.

Константинъ отъ воцаренія до единодержавія. (306—323). Торжество надъ Максенціемъ и Ликиніемъ.

Константину было 33 года, когда онъ сдѣлался кесаремъ. Новый кесарь былъ человѣкъ высокаго роста, съ большими глазами, съ орлинымъ носомъ, съ короткою бородою, не очень крѣпкаго сложенія, но привыкшій беречь здоровье умѣренностію въ удовольствіяхъ,—дѣятельный, воинственный, доступный, щедрый, либеральный. „Дѣло фортуны", —говорилъ онъ,—„выбирать императоровъ; дѣло императоровъ—оправдывать ея выборъ". Нельзя отрицать того, что, обладая качествами хорошаго правителя, Константинъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ большимъ честолюбіемъ, побуждавшимъ его стремиться къ расширенію предѣловъ власти. Но это было честолюбіе спокойное, выжидающее, стоящее въ связи съ религіозными воззрѣніями. Рядъ послѣдовательныхъ успѣховъ и побѣдъ надъ соперниками убѣждалъ Константина, что онъ стоитъ на правомъ пути и служитъ единому истинному Богу; благодаря этимъ успѣхамъ, Константинъ мало по малу переходилъ отъ религіознаго эклектизма и отвлеченнаго деизма къ вѣрѣ въ единаго живаго Бога и Его воплотившагося Сына, Спасителя міру,—отъ довольно неопредѣленнаго сочувствія христіанамъ—къ рѣшимости самому сдѣлаться христіаниномъ. Подобно русскому князю Владиміру, который сказалъ: *если возьму Херсонесъ, то крещусь*,—и Константинъ ожидалъ отъ Бога христіанскаго всякаго пособія и покровительства; и когда ожиданія сбывались, соперники изчезали, препятствія сглаживались, Константинъ все тверже и тверже убѣждался, что Богъ избралъ его своимъ орудіемъ для блага человѣчества. Это убѣжденіе Константинъ торжественно высказалъ, достигнувъ единодержавія. „Во время великаго и тяжкаго, овладѣвшаго человѣчествомъ, несчастія, когда все государство подвергалось опасности совершеннаго уничтоженія...,—какое облегченіе, какое средство къ избавленію отъ золъ придумалъ Богъ? А подъ

именемъ Бога надобно разумѣть бытіе единое, истинно сущее и могущественное во всякое время. Не будетъ конечно никакой гордости хвалиться тому, кто сознаетъ, что благодѣянія онъ получилъ отъ Существа высочайшаго. *Мое служеніе Богъ нашелъ и судилъ годнымъ для исполненія Его воли.* Начавъ отъ того британскаго моря и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по нѣкоей необходимости, опредѣлено заходить солнцу, я, при помощи какой-то высочайшей силы, гналъ предъ собою и разсѣевалъ всѣ встрѣчавшіеся ужасы, чтобы воспитываемый подъ моимъ вліяніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону, и подъ руководствомъ высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру".

До полученія единодержавія Константину пришлось жить 18 лѣтъ и пережить семь совмѣстниковъ: стараго императора Діоклетіана, Галерія, тестя Максимина Геркулія, шурина Максентія, Севера, Александра и зятя Ликинія. Нѣкоторые изъ нихъ погибли сами собою, другихъ столкнулъ Константинъ, потому что они стояли ему на дорогѣ.

По отношенію къ развитію христіанскихъ убѣжденій Константина имѣетъ особенное значеніе—а) торжество надъ шуриномъ Максенціемъ, въ 312 г. и б)—надъ зятемъ Ликиніемъ въ 323 г.

Максенцій, сынъ престарѣлаго императора Максимина и шуринъ Константина, былъ кесаремъ въ Италіи и Африкѣ лѣтъ пять. Отношенія между нимъ и Константиномъ не были дружественны и различіе ихъ свойствъ и образа жизни бросалось въ глаза подданнымъ. Максенцій никогда не командовалъ войскомъ и всю жизнь провелъ въ праздномъ покоѣ. Его ненавидѣли за тиранію и развратъ всѣ, исключая войска, которому онъ позволялъ грабить гражданъ. Константинъ напротивъ велъ жизнь трудовую и всегда поддерживалъ порядокъ и законность. Поэтому неудивительно, что граждане Рима, хотя и не избалованные хорошими императорами, желали избавиться отъ Максенція и тайно приглашали къ себѣ Константина. Максенцій, имѣвшій преувеличенное понятіе о своихъ силахъ, съ своей стороны вызывалъ Константина на войну. Исходъ борьбы между двумя императорами былъ несомнѣненъ. Константинъ проникъ въ Италію, разбилъ на голову войска Максенція, беззаботно пировавшаго въ Римѣ, и наконецъ приблизился къ самой столицѣ. Здѣсь Максенцій—по мнѣнію Шлоссера—впалъ въ большую ошибку, далъ врагу своему битву въ открытомъ полѣ, тогда какъ осада Рима могла бы быть соединена съ значительными затруд-

неніями для осаждающихъ. Предъ рѣшительною битвою (27 окт. 312 г.) Константинъ возбудилъ энтузіазмъ христіанъ, служившихъ въ его войскѣ и въ войскѣ противника, помѣстивъ изображеніе креста и монограмму имени Спасителя на императорскомъ знамени, которое съ того времени получило названіе labarum. Разбивъ Максенція, который погибъ въ бѣгствѣ, Константинъ съ торжествомъ вступилъ въ Римъ и въ память побѣды поставилъ собственное изображеніе въ видѣ статуи съ высокимъ копьемъ на подобіе креста и подписью: *этимъ спасительнымъ знаменіемъ, свидѣтельствомъ истиннаго мужества, я освободилъ вашъ городъ, спасенный отъ ига тиранна.*

Таковъ внѣшній обликъ событій. Современники Константина, какъ язычники, такъ и христіане, приписывали его побѣду божественной помощи. Язычники въ этомъ случаѣ разумѣли конечно своихъ боговъ. Сенатъ римскій, воздвигая побѣдителю торжественную арку, надписалъ на ней, что побѣда одержана instinctu divinitatis. Назарій въ панегирикѣ увѣряетъ, будто въ Галліи были видимы какія-то чудныя войска, спѣшившія на помощь Константину и восклицавшія: Constantinum petimus, Constantino imus auxilio. За тѣмъ ораторъ съ грубою лестію прибавляетъ: illi, divinitus missi, gloriabantur, quod tibi militabant. Что касается до христіанъ, то побѣду Константина они приписывали силѣ крестнаго знаменія, которое было сооружено императоромъ вслѣдствіе особаго даннаго во снѣ божественнаго повелѣнія. Commonitus est in quiete Constantinus, говоритъ Лактанцій, (de mort. pers. c. 44), ut coeleste signum Dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. По разсказу Руфина (hist. eccles. IX, 9), Константинъ видѣлъ во снѣ пылающій на востокѣ крестъ и проснувшись въ испугѣ, увидалъ возлѣ себя ангела, который сказалъ ему: *симъ побѣждай!*—Самъ же Константинъ чрезъ много лѣтъ послѣ событія нѣсколько иначе разсказывалъ о немъ христіанскому епископу и историку Евсевію. Приведемъ разсказъ Евсевія. „Усердно вознося свои молитвы и прошенія, царь получилъ удивительнѣйшее, посланное отъ Бога, знаменіе; такъ что и повѣрить было бы не легко, еслибы говорилъ кто другой. Но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь, когда спустя долго послѣ того мы писали настоящее сочиненіе и удостоивались его знакомства и бесѣды; посему кто станетъ сомнѣваться въ истинѣ сего сказанія, тѣмъ болѣе, что и послѣдующее время было свидѣтелемъ его истины? Однажды въ полуденные часы дня, когда солнце начинало

уже склоняться къ западу,—говорилъ царь,—я собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: *симъ побѣждай!*" Это зрѣлище объяло ужасомъ, какъ его самаго, такъ и все войско, которое, само не зная куда, слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чудо. Константинъ находился однако въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что бы значило такое явленіе? Но между тѣмъ какъ онъ думалъ и долго размышлялъ о немъ,—наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ Божій съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобно этому видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ".

По мнѣнію Неандера, невозможно рѣшить: что въ этомъ разсказѣ принадлежитъ дѣйствительному событію 312 года, и какія черты непроизвольно привнесены Константиномъ впослѣдствіи подъ вліяніемъ измѣнившагося его міросозерцанія?—сколько на разсказъ Константина имѣло вліянія желаніе приспособиться къ своему собесѣднику—епископу, и на сколько самъ Евсевій измѣнилъ царскій разсказъ своимъ литературнымъ изложеніемъ? Несомнѣнно одно, что въ рѣшительную минуту борьбы съ Максенціемъ Константинъ ожидалъ помощи отъ христіанскаго Бога и рѣшился воспользоваться символомъ христіанскаго спасенія, какъ добрымъ знаменіемъ на счастье.

Борьба Константина съ Максенціемъ была не изъ-за вѣры, а исключительно изъ-за политическаго преобладанія. Болѣе религіознымъ характеромъ проникнута борьба Константина съ зятемъ Ликиніемъ. Въ 314 г. Константинъ и Ликиній остались единственными государями римской имперіи, при чемъ удѣломъ Ликинія былъ востокъ, а Константина—западъ. Мирныя отношенія обоихъ государей еще ранѣе были скрѣплены бракомъ Ликинія съ сестрою Константина Констанціею, заключеннымъ въ Миланѣ въ 313 году. Свое тогдашнее религіозное единомысліе оба государя засвидѣтельствовали миланскимъ *едиктомъ терпимости*. Этотъ едиктъ не дошелъ до насъ, но содержаніе заключеннаго между обоими государями соглашенія извѣстно для насъ изъ сохраненнаго у Лактанція позднѣйшаго указа Ликиніева. Cum feliciter tam ego Constantinus Augustus, quam etiam ego Licinius apud Mediolanum convenissemus atque universa, quae ad commoda et securitatem publicam pertinerent, in tractatu haberemus, haec inter caetera, vel inprimis ordinanda esse credidimus, ut daremus et christianis, et onimbus

liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset. (Lact. de mort. persec. c. 48). Согласіе между двумя обладателями римской имперіи было кратковременно. Не прошло одного года, какъ они разссорились, и началась война, въ которой Константинъ, не смотря на двукратную побѣду (при Кибалахъ въ Паннонии и при Марди во Ѳракіи) испыталъ такія потери, что счелъ за лучшее согласиться на мирныя предложенія Ликинія. При новомъ раздѣлѣ государства Константинъ расширилъ предѣлы своихъ владѣній на счетъ Ликинія, присоединивъ къ себѣ Паннонію, Иллирію, западную Мизію и Грецію. Въ продолженіе послѣдовавшаго за тѣмъ девятилѣтняго перемирія оба императора дѣйствовали по совершенно различнымъ принципамъ, хотя, по мнѣнію одного русскаго ученаго, (П. А. Лашкарева) „миланскій едиктъ представлялъ собою нѣкотораго рода границу, за которую не долженъ былъ переступать ни Ликиній въ своихъ антипатіяхъ къ христіанству, ни Константинъ въ своихъ симпатіяхъ къ нему“.

Константинъ покровительствовалъ христіанамъ и издавалъ законы, въ которыхъ съ умѣренностію мудраго политика, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ совершенною ясностію и опредѣленностію высказывалъ новый складъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Онъ не преслѣдовалъ язычества. Въ двухъ законахъ 319 г. читаемъ слѣдующее: superstitioni suae servire cupientes poterunt publice ritum proprium exercere. И еще: qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas atque delubra et consvetudinis vestrae celebrate solemnia. Nec enim prohibemus praeteritae usurpationis officia libera luce tractari. Въ этихъ законахъ Константинъ обнаружилъ благоразумную терпимость, знаніе предѣловъ, до какихъ можетъ простираться государственная власть, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе человѣческой природы, которая всегда болѣе стремится къ запрещенному. Но уже самыя названія, прилагаемыя императоромъ къ языческому культу superstitio, praeterita usurpatio, доказываютъ его пренебрежительное отношеніе къ язычеству. Трактуя язычество, какъ *суевѣріе* и *старое злоупотребленіе*, Константинъ не хотѣлъ все-таки выпустить изъ своихъ рукъ завѣдываніе дѣлами религіи, еще сильной надъ умами большинства. Онъ продолжалъ носить усвоенный римскимъ императорамъ титулъ pontifex maximus, закономъ 321 г. опредѣлилъ, въ какихъ случаяхъ могутъ быть допускаемы совѣщанія авгуровъ и т. д.— однимъ словомъ дѣйствовалъ въ томъ же родѣ, какъ нѣкоторые государи—философы XVIII вѣка, считавшіе религію средствомъ къ тому,

чтобы владычествовать надъ массами. Положеніе Константина было тѣмъ болѣе свободно и ничѣмъ не связано, что онъ до послѣднихъ дней жизни не принималъ крещенія. По своего сочувствія къ христіанамъ и христіанству Константинъ нисколько не скрывалъ. „Христіане", разсуждаетъ Шлоссеръ, „успѣвшіе распространиться въ большомъ числѣ во всѣхъ частяхъ государства, находились между собою въ тѣсной связи, имѣли свою іерархію и соборы, тогда какъ древнія государственныя учрежденія Рима уже потеряли свою силу, и къ довершенію всего приверженцы древней религіи раздѣлились на множество толковъ и сектъ, не имѣвшихъ между собою ни внутренней, ни внѣшней іерархической связи. Поэтому правитель, имѣвшій на своей сторонѣ христіанъ, рано или поздно долженъ былъ восторжествовать надъ соперниками". Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ вліяли на Константина подобнаго рода политическія соображенія, но, какъ бы то ни было, христіане не могли не видѣть въ императорѣ своего друга и покровителя.

Воспитаніе своего сына Криспа Константинъ поручилъ христіанскому ритору Лактанцію, въ 313 г. освободилъ христіанскихъ духовныхъ лицъ отъ тяжелой должности декуріоновъ,—въ 315 г. уничтожилъ казнь распятіемъ и подъ страхомъ сожженія на кострѣ запретилъ іудеямъ преслѣдовать тѣхъ, кто оставитъ ихъ" звѣрскую секту „и обратится къ почитанію Бога: въ 316 г. дозволилъ совершать при христіанскихъ храмахъ освобожденіе рабовъ, совершавшееся прежде въ магистратурахъ; въ 321 г. узаконилъ всеобщее празднованіе воскреснаго дня, отмѣнилъ древній римскій законъ противъ безбрачныхъ и бездѣтныхъ, (lex Julia et Papia Poppoea), и дозволилъ христіанскимъ церквамъ наслѣдовать имущества по завѣщанію.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Ликиній. Со времени неудачной войны съ Константиномъ, онъ озлобился на христіанъ, какъ на приверженцевъ своего соперника, и началъ притѣснять ихъ мелкими мѣропріятіями, которыя впрочемъ болѣе могли раздражать христіанъ, чѣмъ приносить вредъ. Такъ Ликиній запретилъ христ. епископамъ выходить изъ предѣловъ своихъ епархій и собираться на соборы; приказалъ въ христ. храмахъ мужчинамъ становиться отдѣльно отъ женщинъ; въ своей столицѣ Никомидіи запретилъ христіанамъ собираться въ домахъ внутри города, предоставивъ имъ для этого открытое поле, подъ тѣмъ предлогомъ, что для многолюднаго собранія нуженъ чистый воздухъ. Ликиній удалялъ христіанъ отъ государственной службы, конечно по-

дозрѣвая въ нихъ расположенность къ Константину,—и частію затворилъ, частію разрушилъ нѣсколько церквей въ Понтѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ молятся не за него, а за Константина. Впрочемъ открытаго и кроваваго гоненія противъ христіанъ Ликиній не предпринималъ; такъ заключаемъ изъ того, что 13 правило перваго вс. собора гласитъ: „касательно отступившихъ отъ вѣры не по принужденію, не причинѣ лишенія имущества, безъ всякой опасности и тому подобныхъ поводовъ, *какъ случилось во время Ликинієва гоненія*, соборъ опредѣлилъ: хотя они и недостойны человѣколюбія, однако оказывать имъ снисхожденіе". Находились, какъ видно, люди, по всей вѣроятности состоявшіе на военной или придворной службѣ, для которыхъ личные вкусы Ликинія, помимо всякаго принужденія, служили достаточнымъ поводомъ къ отступленію отъ христіанства. Вслѣдствіе вражды Ликинія къ христіанству оживился старый языческій фанатизмъ, создававшій по мѣстамъ новыхъ мучениковъ (таковы напр. 40 воиновъ, пострадавшія въ севастійскомъ озерѣ въ Арменіи, память которыхъ совершается церковію 8 марта).

Наконецъ, послѣ 9-тилѣтняго мира между Константиномъ и Ликиніемъ, вспыхнула новая война, имѣвшая религіозный характеръ, такъ какъ Ликиній выступалъ во имя древнихъ боговъ, а Константинъ подъ знаменемъ креста. Ликиній, окруженный жрецами и гадателями, въ священной рощѣ совершивъ жертвоприношеніе, убѣждалъ всѣхъ къ мужеству, говоря, что предстоящая война должна рѣшить споръ между древними отеческими богами и новымъ чужестраннымъ богомъ, котораго чтитъ Константинъ. Константинъ же уповалъ на силу крестнаго знаменія, (labarum), которое было несено предъ войскомъ. Упованіе не посрамило: Константинъ два раза разбилъ Ликинія, взялъ его въ плѣнъ и вскорѣ умертвилъ, вѣроятно отъ опасенія его дѣйствительныхъ или ожидаемыхъ козней. Чрезъ два года былъ убитъ и малолѣтній сынъ Ликинія.

Единовластительство Константина. (323—337). Арианскіе споры. Основаніе новой столицы.

По низверженіи Ликинія, Константинъ сдѣлался единовластителемъ римской имперіи. „Всѣ части римской имперіи"—говоритъ церковный историкъ Евсевій,—„соединились въ одно, всѣ народы востока

слились съ другою половиною государства, и цѣлое украсилось единствомъ власти, какъ бы единою главою; все начало жить подъ владычествомъ единодержавія. А славный во всякомъ родѣ благочестія царь побѣдитель.., первый проповѣдывавшій монархію Бога, и самъ царствовалъ надъ римлянами и управлялъ всѣмъ міромъ—монархически". Для христіанъ единовластительство Константина было событіемъ, разумѣется, самымъ желательнымъ и счастливымъ. Теперь Константинъ имѣлъ возможность безпрепятственно высказать свое расположеніе къ христіанству.

Первымъ дѣломъ Константина было изгладить слѣды гоненія Ликиніева. Указомъ своимъ императоръ повелѣвалъ возвратить права, честь и достояніе христіанамъ, пострадавшимъ за преданность вѣрѣ, лишеннымъ должностей и имущества, исключеннымъ изъ военной службы, сосланнымъ въ рудокопни и гинекеи и т. д. „Опредѣленія закона", говоритъ Евсевій, „скоро приведены были въ исполненіе: все дѣлалось вопреки недавнимъ дерзостямъ тиранской жестокости; дары царя изливались на всѣхъ, на кого простирался законъ его".

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ озаботился умноженіемъ и расширенія христіанскихъ храмовъ съ пособіемъ отъ казны въ той надеждѣ, что скоро наступитъ время, когда всѣ подданные его обратятся къ христіанству. Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской, сохранилъ посланіе къ нему императора по этому предмету. „Я думаю, что для всѣхъ сдѣлалась ясною божественная сила", писалъ Константинъ... „поэтому и самъ ты, какъ предстоятель многихъ церквей, знай, и другимъ извѣстнымъ тебѣ мѣстнымъ предстоятелямъ—епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, напомни, чтобы они усердно занимались созиданіемъ церквей, либо исправляя, какія сохранились, либо распространяя ихъ, либо, по требованію нужды, созидая новыя. Въ чемъ же встрѣтится надобность, — того для себя, а чрезъ себя и для прочихъ, испрашивай отъ правителей и областнаго начальства; ибо имъ предписано со всѣмъ усердіемъ исполнять то, что будетъ сказано твоимъ преподобіемъ".—Особеннымъ предметомъ царской заботливости было устроеніе храмовъ на мѣстахъ великихъ событій евангельской исторіи. Въ этомъ дѣлѣ сотрудниками императора и исполнителями его воли были: мать его Елена, іерусалимскій епископъ Макарій и правитель Палестины Дракиліанъ. Мать императора,—по словамъ Евсевія,—„старица необыкновеннаго ума съ быстротою юноши поспѣшила на востокъ и съ царскою заботливостію обозрѣвала див-

ную землю, восточныя провинціи, города и селенія—съ тою цѣлію, дабы совершить должное поклоненіе стопамъ Спасителя по слову пророка: *поклонимся на мѣсто, идѣже стоятъ нозѣ его* (Пс. 131,7)—и плодъ собственнаго благочестія оставила грядущему потомству. Въ тоже время воздвигла она поклоняемому Богу два храма: одинъ при пещерѣ рожденія, другой на горѣ вознесенія". Но наиболѣе изящный и великолѣпный храмъ былъ устроенъ императоромъ надъ пещерою гроба Господня,—тамъ, гдѣ Елена нашла крестъ Христовъ. „Твоя прозорливость", писалъ императоръ іерусалимскому епископу Макарію, „должна такъ распорядиться и обо всемъ необходимомъ имѣть такое попеченіе, *чтобы* не только *самый храмъ былъ великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, идѣ либо существующихъ*, но и другія при немъ зданія были бы превосходнѣе самыхъ прекрасныхъ по городамъ строеній. Что касается до возведенія и изящной отдѣлки стѣнъ, то знай, что заботу объ этомъ мы возложили на главно-управляющаго тѣми областями друга нашего Дракиліана и на правителя вашей провинція". Храмъ строился болѣе десяти лѣтъ, но за то, по описанію Евсевія, представлялъ собою высшую степень изящества, до какой могло дойти тогдашнее искусство, и освященъ въ присутствіи императора уже въ 335 году.

Отношенія Константина къ язычеству были обратно противоположны его отношеніямъ къ христіанству. Правда Константинъ не преслѣдовалъ язычниковъ. У него было слишкомъ много опытности и знанія природы человѣческой, чтобы понять всю безполезность преслѣдованій. Онъ ограничивался открытымъ заявленіемъ своего неодобренія язычеству. Въ своемъ манифестѣ противъ заблужденія многобожниковъ императоръ высказывается такъ: „Пусть никто не безпокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты, (Боже!), призовешь почить подъ святыми твоими законами; а отвращающіеся пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Кто препятствуетъ врачевать себя, тотъ пусть не винитъ въ этомъ другаго, ибо врачебница болѣзней—предъ глазами". Но и одно неодобреніе язычеству со стороны самодержавнаго государя имѣло уже большое значеніе, особенно для тѣхъ, которые привыкли становиться на ту сторону, на которой сила.

Не употребляя противъ язычества прямыхъ мѣръ, Константинъ употреблялъ противъ него мѣры косвенныя, которыя иногда бываютъ

дѣйствительнѣе прямыхъ,—не касаясь внутренней религіозной жизни язычниковъ, обсѣкалъ ея внѣшнія проявленія, большею частію бывшія уже пустыми формами, изъ коихъ выдохлось содержаніе. „Угощая нѣкогда епископовъ,"—разсказываетъ Евсевій (de vita C. IV, 25)—„Константинъ справедливо сказалъ, что и самъ онъ епископъ (приводимъ его собственныя слова:) „только вы—епископы внутреннихъ дѣлъ церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога *епископомъ дѣлъ внѣшнихъ*". Дальнѣйшее повѣствованіе Евсевія показываетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать это *епископство*, усвояемое себѣ Константиномъ. „Распоряжаясь согласно съ этими словами",—продолжаетъ Евсевій,—„царь надзиралъ за всѣми подвластными себѣ и побуждалъ ихъ, сколько было силы, вести жизнь благочестивую. Поэтому своими законами и указами онъ непрестанно запрещалъ приносить жертвы идоламъ, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственныя освященія (мистеріи) и осквернять города убійствами единоборцевъ (гладіаторскими играми). Такъ какъ живущіе въ Египтѣ и самой Александріи имѣли обычай для служенія своей рѣкѣ назначать мужеложцовъ; то туда было послано также повелѣніе — истребить весь родъ подобныхъ людей, какъ скверну, чтобы страдающихъ такимъ недугомъ разврата и глаза не видѣли".

Созидая одною рукою храмы христіанъ, Константинъ другою рукою разрушалъ храмы языческіе. Такъ были разрушены капища въ Афакѣ финикійской, въ Егинѣ сицилійской, храмъ Венеры въ Иліуполисѣ, да и вообще, если вѣрить Евсевію, „притворы городскихъ капищъ чрезъ снятіе дверей, какъ и слѣдуетъ, были обнажаемы, потолочные своды, по сломкѣ кровли надъ ними, портились" и т. д. Конечно все это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ язычники составляли незначительное меньшинство. Впрочемъ, по свидѣтельству того-же Евсевія, для приведенія въ запустѣніе языческихъ капищъ императоръ не употреблялъ вооруженной силы, а предоставилъ все дѣло частной иниціативѣ ревнителей христіанства. „Константинъ разсудилъ, что для осуществленія его мысли не нужно ни латниковъ, ни многочисленнаго войска; ему довольно было одного или двухъ преданныхъ ему лицъ, которые, повинуясь единому его маповенію, отправились во всѣ провинціи. Воодушевленные благочестіемъ царя и своимъ собственнымъ благоговѣніемъ къ святому дѣлу, они являлись среди многочисленныхъ народныхъ общинъ и по всѣмъ городамъ и областямъ истребляли за-

старѣлое заблужденіе". Старые боги были выносимы изъ капищъ; металлы,—изъ которыхъ были сдѣланы идолы,—отбирались въ казну; остальное возвращалось ревнителямъ древняго заблужденія.—Отобранныя сокровища храмовъ идольскихъ давали царю возможность обнаруживать щедрость, которая многихъ язычниковъ привлекала къ христіанству. „Заботясь о наибольшемъ обращеніи людей къ слову", говоритъ Евсевій,—„царь дѣлалъ много пожертвованій для вспомоществованія бѣднымъ и тѣмъ поощряя ихъ спѣшить къ спасительному ученію, едва не тоже говорилъ самъ, что сказалъ апостолъ: *аще виною, аще истиною* Христосъ да проповѣдуется (Фил. I, 18)". Туже систему привлеканія язычниковъ, приспособленія къ нимъ, царь рекомендовалъ христ. епископамъ, собравшимся на 1 вс. соборъ. „Одни", говоритъ императоръ, „слушаютъ для испрошенія милостыни, другіе бѣгутъ на проповѣдь для снисканія покровительства, иные привѣтствуютъ проповѣдниковъ, какъ людей ласково принимающихъ, а нѣкоторые любятъ ихъ за то, что они даютъ подарки. Дѣйствительныхъ же любителей слова немного; рѣдки также любители истины. Посему, надобно приноравливаться ко всѣмъ и подобно врачу подавать каждому потребное для его спасенія, чтобы спасительное ученіе славилось у всѣхъ и по всему".

Благодаря такой системѣ привлеченія число христіанъ быстро увеличивалось, но въ такой мѣрѣ быстро падалъ уровень нравственной жизни въ христіанскомъ обществѣ, и Константинъ имѣлъ огорченіе видѣть въ церкви то, чего онъ болѣе всего боялся, то есть распри, раздоры и несогласія, въ которыхъ онъ волею-неволею долженъ былъ самъ принимать участіе. Еще до низложенія Ликинія, когда Константинъ владычествовалъ только на западѣ, въ Африкѣ возникъ расколъ донатистовъ, обратившій на себя вниманіе императора и надѣлавшій ему много безпокойствъ. (Слѣдя исключительно исторію востока, мы оставимъ въ сторонѣ расколъ донатистовъ). Когда же Константинъ сдѣлался единодержавнымъ и переселился на востокъ, онъ засталъ въ полномъ разгарѣ аріанскіе споры. Ересь Арія, александрійскаго пресвитера, отрицавшаго божество Основателя христіанской вѣры, извѣстна. Она выросла на почвѣ софистической діалектики, которая была любимою гимнастикою греческаго ума. Не отрицая супранатурализма въ происхожденіи христіанства, не пытаясь ввести его въ кругъ общеисторическихъ явленій, еретичествующая мысль обращалась къ церков-

нымъ вѣрованіямъ съ назойливыми и придирчивыми запросами школьной діалектики. Противъ церковнаго вѣрованія въ вѣчность Сына Божія, аріанская мысль предъявляла такое возраженіе: „если Сынъ вѣченъ и пребываетъ со Отцемъ, то этимъ утверждается, что онъ уже не сынъ, а братъ Отцу“. Противъ церковнаго вѣрованія въ предвѣчное рожденіе Сына Божія аріанство предъявляло такой запросъ: „Богъ родилъ Сына, который уже существовалъ (вѣчнаго) или который не существовалъ? Если несуществовавшаго, то правильно утверждать, что онъ родился со времени. Если же скажемъ: *родилъ Сына, который уже существовалъ*, то сказать это не только нелѣпость и хула, но и совершенная глупость, ибо существующему не нужно рожденіе“. Конечно съ точки зрѣнія настоящаго времени представляется *совершенною глупостью* эта претензія измѣрять божественныя и вѣчныя отношенія маленькою мѣркою дешевой логомахіи; но эта логомахія приходилась на вкусъ еллинскаго духа, сохранявшаго гибкость мысли, даже въ эпоху своего паденія. Въ положительномъ же своемъ ученіи аріанство было продолженіемъ гностицизма, который предполагалъ между высочайшимъ Богомъ и конечнымъ міромъ цѣлый рядъ посредствующихъ божествъ (эоновъ), постепенно оскудѣвающихъ въ силѣ и величіи по мѣрѣ отдаленія отъ высшаго Бога и приближенія къ конечному міру. Аріанство только сократило гностическую лѣстницу божествъ, замѣнивъ ее однимъ звѣномъ—Сыномъ Божіимъ, созданнымъ отъ Отца во времени и въ свою очередь создавшимъ міръ.

Наша спеціальная задача состоитъ въ томъ, чтобы указать отношеніе императора къ аріанству,—къ чему мы теперь и обращаемся. Императоръ очень огорчился, узнавъ объ аріанскихъ распряхъ. Считая всю распрю слѣдствіемъ личнаго раздора между епископомъ Александромъ и пресвитеромъ Аріемъ, императоръ отправилъ въ Александрію Осію епископа кордовскаго съ посланіемъ, увѣщевавшимъ спорящихъ къ единомыслію. „Возвратите мнѣ мирные дни и спокойныя ночи“, писалъ Константинъ къ Александру и Арію, „въ противномъ случаѣ мнѣ ничего не останется, кромѣ необходимости стенать, всему обливаться слезами и проводить свой вѣкъ безъ всякаго спокойствія; потому что доколѣ Божіи люди,—говорю о моихъ сослужителяхъ—взаимно раздѣляются столь несправедливою и гибельною распрею, могу ли я быть спокоенъ въ душѣ своей!“ Все посланіе проникнуто горячимъ стремленіемъ императора такъ или иначе возстановить миръ

въ той средѣ, которую онъ считалъ образцовою частію человѣчества. „О благое и божественное провидѣніе!“ писалъ императоръ,—„какъ жестоко поразила мой слухъ, или лучше, самое сердце—вѣсть, что, вы, чрезъ которыхъ я надѣялся доставить исцѣленіе другимъ, сами имѣете нужду въ гораздо бо́льшемъ врачеваніи!“. Но кромѣ горячаго желанія мира, письмо императора не имѣетъ другихъ достоинствъ. Оно все наполнено противорѣчіями. Предметъ спора представляется императору то маловажнымъ и безразличнымъ, то важнымъ до такой степени, что превышаетъ силы человѣческаго разумѣнія. Практическія мѣры, рекомендуемыя императоромъ для прекращенія спора, страдаютъ такою-же двойственностію. Онъ то приглашаетъ къ совершенному молчанію относительно спорныхъ вопросовъ,“—несогласныя мнѣнія должны оставаться въ вашемъ умѣ и храниться въ тайникѣ души;—„то дозволяетъ спорить, но спорить спокойно и объективно, безъ гнѣва и раздраженія, подобно тому какъ разсуждаютъ языческіе философы объ отвлеченныхъ предметахъ своего вѣдѣнія. „Знайте, что и самые философы... если нерѣдко въ разсужденіи какого-нибудь частнаго мнѣнія и разногласятъ между собою, то, раздѣляясь степенью знанія, тѣмъ не менѣе по однородности своей науки не прерываютъ общенія другъ съ другомъ. А когда такъ, то не гораздо ли справедливѣе вамъ, поставленнымъ на служеніе великому Богу, проходить это поприще со взаимнымъ единодушіемъ?“ Императоръ, какъ видно, не выразумѣлъ еще различія между началомъ *свободы*, которое свойственно философіи, и началомъ *авторитета*, на которомъ держится религія. Само собою разумѣется, что примирительныя усилія императора, поставленныя такъ шатко, не могли имѣть никакого успѣха. „Дѣло зашло такъ далеко“, говоритъ церковный историкъ Евсевій, „что его нельзя уже было остановить однимъ посланіемъ: ссора враждующихъ чрезвычайно усилилась, и потокъ зла разлился по всѣмъ областямъ востока. Таково было дѣйствіе зависти и демона, завидовавшаго благосостоянію церкви“!

Какъ бы то ни было, но императоръ долженъ былъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры для сохраненія чести и спокойствія христіанскаго общества, къ которому самъ примкнулъ и которое хотѣлъ высоко поставить въ глазахъ всего міра. Пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда христіане обратились къ языческому императору Авреліану за судомъ и расправою по дѣлу о еретикѣ Павлѣ Самосатскомъ, то императоръ предоставилъ рѣшеніе дѣла римскому епископу. Самъ Кон-

стантинъ лѣтъ 10 тому назадъ поступилъ подобнымъ образомъ, созвавъ въ 313 г. по дѣлу донатистовъ соборъ въ Латеранѣ подъ предсѣдательсвомъ папы Мильтіада. Но теперь центръ политической жизни передвинулся на востокъ и императоръ, рѣшившись воспользоваться уже бывшею въ употребленіи формою епископскихъ съѣздовъ, назначилъ въ Никеѣ соборъ епископовъ для сужденія относительно аріанства и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ вопросовъ, напр. о времени празднованія Пасхи. Обстоятельнаго извѣстія о никейскомъ соборѣ можно было бы ожидать отъ церковнаго историка Евсевія, который самъ былъ на соборѣ, открылъ соборное совѣщаніе благодарственною рѣчью императору и по окончаніи собора произнесъ похвальное слово императору по случаю праздпованія 20-тилѣтія его царствованія. Но Евсевій былъ аріанинъ въ душѣ. Никейскій символъ не совпадалъ съ его догматическими взглядами. Поэтому подробно описавъ внѣшнюю исторію собора, Евсевій совершенно умалчиваетъ о его догматической дѣятельности. Впрочемъ и изъ повѣствованія Евсевія мы можемъ составить ясное понятіе о примирительной дѣятельности императора. Общее соглашеніе императоръ во вступительной рѣчи сразу же поставилъ непремѣнною цѣлію собора. „Не медлите,—о други, служители Божіи и рабы общаго нашего владыки Спасителя!—не медлите разсмотрѣть причины вашего раздора въ самомъ ихъ началѣ и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Чрезъ это вы совершите угодное Богу и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю“. Къ этой цѣли царь стремился всѣми способами. „Кротко бесѣдуя съ каждымъ на еллинскомъ языкѣ, царь былъ какъ-то усладителенъ и пріятенъ. Однихъ убѣждая, другихъ усовѣщивая, иныхъ, говорящихъ хорошо, хваля, и каждаго склоняя къ единомыслію, царь наконецъ согласилъ понятія и мнѣнія всѣхъ касательно спорныхъ предметовъ“.

Евсевій знакомитъ насъ только съ формою, но ничего не говоритъ о содержаніи примирительной дѣятельности императора. Но оно становится для насъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на составъ членовъ собора. На соборѣ самую сильную группу составляли исповѣдники, страдавшіе за Христа въ предшествовавшія гоненія и носившіе на тѣлѣ слѣды своихъ страданій. Это были люди съ простою, крѣпкою, безхитростною вѣрою, всѣмъ сердцемъ признававшіе Бога—Спасителя и отвергавшіе Арія съ его діалектикою. Царь чтилъ ихъ, цѣловалъ ихъ раны;—но главное—онъ скоро замѣтилъ, что исповѣдники вмѣстѣ

съ ихъ послѣдователями составляютъ громадное большинство, оперевшись на которое можно привести соборъ къ единомыслію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Простая и крѣпкая вѣра Александра александрійскаго, Осіи кордовскаго, Евстафія антіохійскаго, Макарія іерусалимскаго, Іакова низивійскаго, Спиридона тримиѳунтскаго, Пафнутія ѳиваидскаго легла въ основу никейскаго символа,—причемъ самъ императоръ, конечно по внушенію вышеупомянутыхъ отцевъ, предложилъ внести въ символъ столь характерное для православія и столь неудобопріемлемое для аріанства выраженіе ομοουσιος.—Императоръ не могъ не замѣтить, что на сторонѣ исповѣдниковъ не только большинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несокрушимая твердость убѣжденія, устоявшая въ свое время даже среди мученій отъ язычниковъ, тогда какъ болѣе подвижные въ мысляхъ и болѣе гибкіе въ діалектикѣ аріане и полуаріане легче могутъ податься на различныя уступки и компромиссы. Этимъ также опредѣлилась программа дѣйствій Константина на соборѣ. Утвердившись на исповѣданіи вѣры православныхъ отцевъ, императоръ разными способами склонялъ аріанствующихъ къ уступкамъ и наконецъ довелъ ихъ до того, что согласились подписать никейскій символъ, даже такіе приверженцы аріанства какъ Евсевій никомидійскій, Евсевій кесарійскій, Ѳеогній никейскій,—однимъ словомъ всѣ кромѣ самаго Арія и двухъ ливійскихъ епископовъ Секунда и Ѳеопы, которые и были сосланы въ заточеніе. Церковный миръ былъ возстановленъ, но соглашеніе оказалось не прочнымъ. Скоро императоръ нашелъ себя вынужденнымъ сослать въ ссылку еще двухъ епископовъ—приверженцевъ Арія: Евсевія никомидійскаго и Ѳеогнія никейскаго, а аріанскіе споры снова поднялись во всѣхъ концахъ имперіи.

Чтобы не прерывать начатой исторіи, слѣдуетъ докончить расказъ объ отношеніяхъ Константина къ аріанамъ. Императоръ Константинъ не остался до конца жизни вѣренъ строгому приговору, изреченному противъ аріанъ на никейскомъ соборѣ. Аріанскіе епископы съ теченіемъ времени были снова возвращены изъ ссылки и заняли свои прежнія каѳедры, а Евсевій никомидійскій даже получилъ каѳедру въ столицѣ и пользовался особенною близостію къ императору. Возвращенъ и самъ Арій и принятъ въ церковное общеніе, хотя и погибъ вскорѣ внезапною смертію. Ревнители же православія Евстаѳій антіохійскій и Аѳанасій александрійскій были лишены каѳедръ и сосланы въ заточеніе.

Чѣмъ объяснить такую перемѣну въ императорѣ? Конечно не измѣною православію, потому что догматическія вѣрованія Константина остались безъ перемѣны. Обыкновенно въ церковныхъ исторіяхъ принято объяснять снисхожденіе Константина къ аріанамъ тѣмъ обстоятельствомъ, будто бы сестра Константина, вдова Ликинія, Констанція на смертномъ одрѣ поручила царской благосклонности своего духовника, аріанскаго пресвитера, и будто-бы этотъ неизвѣстный по имени хитрецъ склонилъ государя въ пользу аріанъ. Въ этомъ объясненіи слышится для насъ близорукій отзывъ современника, объяснявшаго мелкими и случайными причинами крупныя послѣдствія. Вдова Ликинія, Констанція, не могшая испросить у брата пощады своему мужу и сыну, очевидно не пользовалась вліяніемъ на императора. Характеръ императора, жившаго на свѣтѣ больше 50 лѣтъ и царствовавшаго болѣе 20 лѣтъ, уже на столько сложился, что на него едвали могли подѣйствовать внушенія хитраго пресвитера, имени котораго не знаетъ исторія.—Намъ кажется, что Константинъ оставался неизмѣненъ и вѣренъ себѣ какъ во время никейскаго собора, такъ и послѣ него. Склонять всѣми мѣрами весь христіанскій міръ къ единомыслію,—было постоянною задачею императора. Во время собора императоръ употреблялъ самыя настойчивыя усилія чтобы склонить аріанствующихъ епископовъ принять никейскій символъ,—и достигъ этой цѣли. Аріанствующіе приняли символъ, хотя принужденно и неискренно, съ подразумѣваніями и перетолкованіями. Тогда императоръ разсудилъ, что аріанствующіе сдѣлали довольно уступокъ, и потребовалъ, чтобы православные съ своей стороны показали кротость и снисходительность и, удовольствовавшись формальнымъ признаніемъ символа, приняли аріанствующихъ въ общеніе, не заглядывая въ глубину ихъ убѣжденій. Но тутъ-то и обозначился пунктъ разногласія между императоромъ и ревнителями православія. Девизомъ императора было: *кто не противъ насъ, тотъ съ нами*; девизомъ ревнителей православія: *кто не за насъ, тотъ противъ насъ.* Уже на самомъ соборѣ императоръ высказалъ (правда по другому поводу) нѣкоторое раздраженіе противъ нетерпимости одного епископа, отказывавшагося принять въ общеніе падшихъ: *возьми, Акесій, лѣстницу,* — сказалъ императоръ, — *и взойди одинъ на небо!* Послѣ собора аріане продолжали дѣлать уступки; самые горячіе приверженцы аріанства и даже самъ Арій соглашались принять никейскій символъ или близкій къ никейскому. Естествен-

нымъ слѣдствіемъ этого должно было послѣдовать принятіе Арія и его друзей въ церковное общеніе. Но ревнители православія воспротивлялись. Аѳанасій александрійскій отвѣчалъ, что не можетъ принять въ общеніе еретиковъ, осужденныхъ вселенскимъ соборомъ. Въ томъ же родѣ отвѣчали и другіе ревнители православія. И послѣ этого — на взглядъ императора,—уже они, а не аріане являлись врагами излюбленнаго имъ единенія. Затѣмъ естественно слѣдовали репрессивныя противъ ревнителей никейскаго православія мѣры, имѣвшія цѣлію *научить, что опредѣленіямъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно.* Правъ ли былъ императоръ, всѣми способами стараясь достигнуть общаго единомыслія, и достижима ли была его цѣль,—это уже другой вопросъ.

О послѣднихъ годахъ жизни Константина остается сказать сравнительно немного. И на первомъ планѣ въ ряду этого немногаго стоитъ трагическая семейная исторія Константина. У Константина былъ старшій сынъ отъ первой жены Минервины по имени Криспъ, „человѣколюбивѣйшій, боголюбезнѣйшій и во всемъ на отца походящій“,—какъ аттестуетъ его Евсевій въ концѣ своей исторіи, доведенной до 324 г. Судя по этому отзыву, Криспъ былъ христіанинъ: инымъ впрочемъ и не могъ быть ученикъ христіанскаго Цицерона—Лактанція. Криспъ былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и помогалъ отцу своему въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ, напр. въ борьбѣ съ Ликиніемъ. Причиною несчастія Криспа была мачиха, которая конечно завидовала, что Криспъ стоитъ выше ея сыновей и по возрасту и по своимъ достоинствамъ. Есть извѣстіе, что мачиха оклеветала Криспа въ преступной любви къ себѣ, и раздраженный отецъ безъ разслѣдованія, которое притомъ едвали и было возможно въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, предалъ сына смерти, по одному извѣстію, ядомъ, по другому — главоотсѣченіемъ, что впрочемъ не составляетъ большой разницы. Мать императора Елена была очень огорчена смертію внука и не переставала упрекать сына въ его поспѣшномъ и несправедливомъ приговорѣ. Императоръ скоро раскаялся въ казни сына, и, если вѣрить позднѣйшему свидѣтельству Кодина (origin. Cpl.), поставилъ впослѣдствіи серебряную вызолоченную статую Криспа съ подписью ἠδικημένος. Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ поспѣшилъ загладить старую ошибку новою. Разгнѣвавшись на виновницу несчастій Криспа, жену свою Фаусту, императоръ приказалъ уморить ее въ жарко натопленной банѣ. Но все-таки дѣти отъ Фаусты—Кон-

стантинъ, Констанцъ и Констанцій,—оставались прямыми наслѣдниками имперіи, и быть можетъ недобрая память императора объ ихъ матери была причиною того, что въ своемъ завѣщаніи онъ призвалъ къ наслѣдованію частей имперіи не только сыновей, но и племянниковъ. (Завѣщаніе это впрочемъ не было исполнено и не повело ни къ чему, кромѣ рѣзни въ императорскомъ семействѣ, по смерти Константина). Мы не будемъ разсуждать о моральномъ качествѣ вышеуказанныхъ поступковъ Константина, о которыхъ панегиристъ его Евсевій хранитъ глубокое молчаніе, краснорѣчиво показывающее, что ихъ нельзя было изобразить въ благопріятномъ для императора свѣтѣ. Мы ограничимся размышленіемъ св. Іоанна Златоустаго, который,—не рѣшая вопроса, виноватъ ли былъ Константинъ или нѣтъ,—показываетъ только, какъ много горестнаго волненія долженъ былъ пережить императоръ, чтобы дойти до подобныхъ крайностей. Этимъ примѣромъ св. отецъ научаетъ, что такъ называемые счастливцы міра сего нерѣдко бываютъ подвержены величайшимъ бѣдствіямъ, и что мы не должны стремиться къ богатствамъ, почестямъ и власти, и завидовать людямъ, ихъ имѣющимъ, но должны искать своего счастія въ добродѣтели и исполненіи воли Божіей. (Бес. 15 на посл. къ Филип.)

Печальныя семейныя исторіи Константина происходили въ 326 г., когда императоръ находился въ Римѣ. Съ тѣхъ поръ опротивѣла ему древняя столица и онъ выѣхалъ изъ нея съ тѣмъ, чтобы никогда въ нее не возвращаться[1]). Новая столица имѣла основаться на востокѣ. Сначала императоръ вознамѣрился основать столицу на азіатскомъ берегу близъ древней Трои. Стѣны и ворота предполагаемой столицы, построенныя Константиномъ и уцѣлѣвшія въ теченіе двухъ вѣковъ, служили памятникомъ этого намѣренія. Но скоро Константинъ передумалъ и, по откровенію Божію, какъ свидѣтельствуетъ самъ, избралъ мѣстомъ для столицы Византію, старинный греческій городъ на европейскомъ берегу Мраморнаго

---

1) По свидѣтельству языческаго историка Зосимы съ тѣхъ поръ будто бы опротивѣла Константину и древняя религія, устами своихъ представителей неоплатоника Сопатра и жрецовъ языческихъ объявившая, что у ней нѣтъ средствъ для искупленія столь ужасныхъ преступленій; послѣ чего будто бы императоръ и обратился къ новой всепрощающей религіи. Но мы знаемъ, что Константинъ давно уже былъ приверженцемъ христіанства.

моря близъ превосходнѣйшей въ мірѣ гавани, извѣстной подъ названіемъ Золотаго Рога. Мѣстность была знакома императору, такъ какъ онъ самъ осаждалъ Византію во время борьбы съ Ликиніемъ въ 323 г. Константинъ быстро началъ украшать новую столицу великолѣпными зданіями, чтобы имѣть удовольствіе при жизни видѣть ихъ оконченными. Эти сооруженія соотвѣтствовали характеру императора—христіанина. Построено было нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ: таковы напр. храмы во имя Ирины, (ειρηνης) Софіи (σωφιας) (т. е. Божіяго мира и Божіей премудрости) и 12 апостоловъ. Послѣдній храмъ, великолѣпно украшенный, царь назначилъ мѣстомъ своего погребенія. „Соорудивъ тамъ 12 ковчеговъ",—говоритъ Евсевій (de vita C. IV. 60.), „какъ бы 12 священныхъ памятниковъ въ честь и славу лика апостоловъ, посреди ихъ царь поставилъ гробъ для самаго себя, такъ что съ обѣихъ сторонъ этого гроба стояло по 6 апостольскихъ. Царь предъусмотрѣлъ мудрымъ умомъ, что для успокоенія его тѣла здѣсь самое приличное мѣсто". Поспѣшность въ построеніи храма была вѣроятно причиною того, что онъ распался спустя 20 лѣтъ послѣ построенія [1]). Другія сооруженія также напоминали о христіанскомъ строителѣ. Въ главной залѣ дворца посреди свода было изображеніе креста по-

---

1) Кромѣ того изъ К-польскихъ церквей ко временамъ Константина могутъ быть отнесены храмы во имя мученика Акакія, мученика Мокія и подгородный храмъ во имя арх. Михаила въ Анаплѣ. Вообще число столичныхъ церквей при жизни Константина не превышало 50, какъ это можемъ заключить изъ письма императора къ Евсевію съ просьбою приготовить 50 экз. церковныхъ книгъ. Приводимъ и самое письмо, такъ какъ оно кратко и можетъ служить образчикомъ литературныхъ пріемовъ императора (De vita C. III, 36).

„Въ соименномъ намъ городѣ, по промышленію Спасителя Бога, святѣйшая церковь пріобрѣла вновь очень много людей. Съ быстрымъ же умноженіемъ вѣрующихъ оказывается весьма нужнымъ и умноженіе церквей. Итакъ прими со всею готовностію наше рѣшеніе. Мы заблагоразсудили объявить твоему благоразумію, чтобы ты приказалъ своимъ опытнымъ, отлично знающимъ свое искусство писцамъ написать на выдѣланномъ пергаментѣ пятдесятъ томовъ, удобныхъ для чтенія и легко переносимыхъ для употребленія. Въ этихъ томахъ должно содержаться божественное писаніе, какое, по твоему разумѣнію, особенно нужно имѣть и употреб-

злащенное и украшенное дорогими камнями. На главной площади стояли статуи Константина и Елены и посреди крестъ съ подписью: *единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца.* Городскіе фонтаны были украшены бронзовыми изображеніями добраго пастыря и Даніила среди львовъ. Не было недостатка и въ произведеніяхъ языческаго искусства;—Константинъ тщательно обобралъ другіе города имперіи, чтобы украсить свою новую столицу;—но изображенія старыхъ боговъ были разставлены по улицамъ и площадямъ города, не какъ предметъ для поклоненія,—но какъ памятники прошлаго, которыя должны украсить собою тріумфъ новой религіи. „По всѣмъ площадямъ столицы", повѣствуетъ Евсевій (III, 54), „зрители встрѣчали, какъ позорное зрѣлище: въ одномъ мѣстѣ Пиѳія, въ другомъ—Сминтія, въ самомъ циркѣ—Дельфійскій треножникъ, а въ дворцѣ—Геликонскихъ музъ. Вообще весь соименный царю городъ былъ наполненъ искуснѣйшими мѣдными изваяніями, которыя почитались священными у всѣхъ народовъ. Одержимые недугомъ заблужденія люди поздно уразумѣли, что въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ они тщетно приносили всесожженія и многочисленныя жертвы своимъ идоламъ,—уразумѣли уже тогда, когда эти самыя изображенія царь обратилъ для забавы зрителей".

Въ среду 26 ноября 329 г. заложены были стѣны, ограждавшія новую столицу со стороны материка, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, лишь только стѣны были готовы,—именно въ понедѣльникъ 11 мая 330 г. на 25 году арствованія Константинова совершено было освященіе новаго города. Позднѣйшіе греческіе писатели сообщаютъ, что городъ былъ врученъ покровительству Богоматери, что торжество продолжалось 40 дней и что императоръ, чтобы усугубить народную радость, роздалъ множество съѣстныхъ припасовъ и разрѣшилъ игры

лять въ церкви. Для сего отъ нашей кротости послана грамота къ правителю округа, чтобы онъ озаботился доставкою тебѣ всего нужнаго для ихъ приготовленія. Наискорѣйшая же переписка ихъ будетъ зависѣть отъ твоихъ хлопотъ. Для перевозки написанныхъ томовъ это письмо наше дастъ тебѣ право взять двѣ общественныя подводы, на которыхъ—особенно хорошо написанные свитки легко будетъ тебѣ доставить ко мнѣ. Такое дѣло исполнитъ одинъ изъ діаконовъ твоей церкви и, по прибытіи къ намъ, испытаетъ наше человѣколюбіе. Богъ да сохранитъ тебя, возлюбленный братъ"!

на гипподромѣ. Праздникъ 11 мая—τὰ γενέθλια ἤτοι τὰ ἐγκαίνια τῆς Κωνσταντινου πολεως—продолжался много вѣковъ въ столицѣ восточной имперіи, отмѣченный особымъ чиномъ церковнаго богослуженія. прекращеніемъ судебныхъ занятій и играми на ипподромѣ.

Константинополь былъ всецѣло созданіе императорской воли и императорской милости. Это всего болѣе обнаружилось при наборѣ населенія въ новую столицу, при чемъ нельзя не замѣтить, что мѣры Константина нѣсколько сходны съ мѣрами Петра великаго при основаніи Петербурга. Константинъ постановилъ, что землевладѣльцы въ провинціяхъ Асіи и Понтѣ только въ такомъ случаѣ могутъ распоряжаться своими имуществами и передавать ихъ по наслѣдству, если имѣютъ домъ въ Константинополѣ. Многочисленные придворные и военные чины, окружавшіе особу императора, также были столичными домовладѣльцами, и по позднѣйшему указу императора Θеодосія I лишались чиновъ, если не имѣли дома въ столицѣ. Бѣдное населеніе столицы было обезпечено даровою раздачею хлѣба, мяса, масла и другихъ припасовъ, которая началась при Константинѣ и продолжалась нѣсколько вѣковъ послѣ него. Ежедневно раздавалось до 80000 мѣрокъ пшеницы, привозимой изъ Александріи: (впослѣдствіи при Θеодосіѣ II раздача зерноваго хлѣба замѣнена раздачею хлѣба печенаго). Раздача хлѣба была пріурочена къ домамъ, при чемъ вѣроятно имѣлись въ виду только постоянные, а не случайные обитатели Константинополя. Для снабженія столицы хлѣбомъ императоръ узаконилъ, чтобы вся египетская пшеница чрезъ Александрію была доставляема не въ Римъ, какъ было прежде, а исключительно въ Константинополь. Но сѣверные вѣтры часто задерживали подвозъ пшеницы, и въ городѣ чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ 333 г. голодный народъ, собравшись на ипподромѣ, требовалъ казни философа Сопатра за то, что онъ будто бы своимъ волшебствомъ задерживалъ южный вѣтеръ, необходимый для судовъ, плывущихъ изъ Александріи въ столицу. Философъ былъ казненъ. Въ 335 г. враги св. Аѳанасія успѣли раздражить противъ него императора, увѣряя, будтобы александрійскій епископъ задерживаетъ подвозъ хлѣба въ столицу. Эта клевета была главною причиною ссылки св. Аѳанасія.—„Въ даровой раздачѣ хлѣба,—разсуждаетъ Финлей,—(I, 107—8), „выступаетъ наружу связь, соединявшая новую столицу съ интересами императоровъ, и намъ становится ясною терпимость, какую выказывали государи въ отношеніи раз-

ныхъ партій цирка и безпорядковъ, производимыхъ чернью. Императоръ и жители столицы чувствовали, что одинъ и тотъ же общій интересъ побуждаетъ ихъ поддерживать деспотическую власть, которая высасывала изъ провинцій деньги, необходимыя для пышной обстановки двора и для доставленія продовольствія и забавы народу. Вслѣдствіе этого никогда безпорядочное поведеніе черни не внушало императорамъ желанія ослабить вліяніе столицы; а тираннія императоровъ въ свою очередь никогда не побуждала гражданъ столицы требовать систематическаго ограниченія императорскаго произвола".—Это замѣчаніе Финлея имѣетъ силу для послѣдующей византійской исторіи; во времена же своего основателя Константинополь еще не былъ особенно многолюднымъ и вліятельнымъ городомъ. Желаніе Константина поднять *новый Римъ* выше *стараго* по богатству и населенію не исполнилось при жизни императора, и Юліанъ поставляетъ въ особую похвалу Константину, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ настолько же возвысилъ Константинополь надъ другими городами имперіи, насколько старый Римъ въ свою очередь возвышается надъ Константинополемъ. Впрочемъ спустя не болѣе ста лѣтъ послѣ своего основанія *новый Римъ* уже стоялъ значительно выше *стараго* во всѣхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ названіемъ *новаго Рима* въ Костантинополь были перенесены римскіе чины и учрежденія и латинскій языкъ употреблялся, какъ оффиціальный. Но сила вещей взяла свое и Константинополь, основанный среди греческаго населенія и постоянно пополняемый пришельцами изъ Греціи и еллинизованнаго востока, съ теченіемъ времени сталъ городомъ совершенно греческимъ, хотя византійцы продолжали считать себѣ за честь именоваться *римлянами* (ῥωμαίοι).

Смерть и. Константина. Отзывы и легенды о немъ.

Намъ остается сказать о Константинѣ то, что обыкновенно въ заключеніе о смертныхъ говорится, т. е. разсказать о его кончинѣ. Въ 337 г. Константинъ, собираясь въ походъ противъ персовъ, въ послѣдній разъ отпраздновалъ пасху въ своей новой столицѣ. „Проводимую въ бодрствованіи священную ночь", разсказываетъ Евсевій объ обычномъ у Константина празднованіи пасхи, „превращалъ царь въ дневный свѣтъ, ибо назначенные къ тому люди по всему городу зажигали высокіе восковые столбы, какъ бы огненныя лампады, озарявшія

всякое мѣсто, такъ что эта таинственная ночь становилась свѣтлѣе самаго свѣтлаго дня; когда же наступало утро, то, по подражанію благодѣяніямъ Спасителя, простиралъ царь ко всѣмъ гражданамъ и черни благодѣтельную десницу и раздавалъ имъ всякаго рода богатые подарки". Пасха въ 337 г. приходилась 3 апрѣля. Императору было около 63 лѣтъ отъ роду, но онъ сохранилъ еще крѣпость силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Но послѣ Пасхи,—повѣствуетъ Евсевій,—„сначала произошло разстройство въ его тѣлѣ, потомъ открылась въ немъ болѣзнь. Поэтому, оставилъ свой городъ, онъ отправился на теплыя воды, а оттуда переѣхалъ въ городъ, соименный своей матери (Еленополь)". Леченье не помогло и императоръ почувствовалъ приближеніе смерти. Переѣхавъ въ предмѣстіе Никомидіи, царь говорилъ окружавшимъ его епископамъ: „пришло то желанное время, котораго я давно жажду и о которомъ давно молюсь, какъ о времени спасенія въ Богѣ. Пора и намъ принять печать безсмертія, пріобщиться спасительной благодати. Я думалъ сдѣлать это въ водахъ рѣки Іордана, гдѣ, во образъ намъ, какъ повѣствуется, принялъ крещеніе самъ Спаситель; но Богъ, вѣдающій полезное, удостоиваетъ меня этого здѣсь. Итакъ не будемъ болѣе колебаться; ибо если Господу жизни и смерти угодно будетъ и продлить мое существованіе, то чрезъ это я подчиню себя правиламъ жизни, сообразнымъ съ волею Божіею". Принявъ за тѣмъ крещеніе отъ руки Евсевія никомидійскаго, Константинъ облекся въ бѣлую одежду, а багряницы не хотѣлъ уже касаться. Кончина императора послѣдовала въ день пятдесятницы около полудня 22 мая.—21 мая грековосточная церковь совершаетъ память государя, именуемаго не только святымъ, но и *равноапостольнымъ*. Въ столицѣ византійской имперіи конечно съ особеннымъ чувствомъ воспѣвался въ этотъ день слѣдующій тропарь: τοῦ σταυροῦ σου τὸν τύπον ἐν οὐρανοῖς θεασάμενος καὶ ὡς ὁ Παῦλος τὴν κλῆσιν οὐκ ἐξ ἀνθρώπων δεξάμενος, ὁ ἐν Βασιλεύσιν Ἀπόστολός σου, Κύριε, βασιλεύουσαν πόλιν τῇ χειρί σου παρέθετο. ἣν περίσωζε διαπαντὸς ἐν εἰρήνῃ, πρεσβείαις τῆς Θεοτόκου, μόνε φιλάνθρωπε.

Отзывы о личности и характерѣ Константина сохранились и у языческихъ писателей: Зосимы, Ливанія, Амміана Марцеллина, имп. Юліана; и у христіанскихъ: Евсевія Памфила, Лактанція, св. Аѳанасія и др. Отзывы разумѣется совершенно противуположные. Мы думаемъ помирить ихъ, указавъ тѣ добрыя черты Константина, въ которыхъ не могли отказать ему и язычники, и отмѣтивъ тѣ недостатки,

которыхъ не могли отрицать и христіане. Язычники признавали, что Константинъ былъ человѣкъ дѣятельный и искусный въ военномъ дѣлѣ. Такъ Ливаній свидѣтельствуетъ, что императоръ былъ всегда занятъ умственною или ручною работою, что онъ постоянно придумывалъ какіе-нибудь планы въ интересахъ общественной пользы и не зналъ покоя ни днемъ ни ночью. Юліанъ называетъ Константина не лишеннымъ опытности въ войнѣ—οὐκ ἀπολεμον. Языческіе панегиристы восхваляли цѣломудріе Константина и непорочность его жизни. Съ другой стороны и христіанскіе писатели находятъ въ Константинѣ нѣчто, достойное упрека. Они порицаютъ Константина за его излишнюю щедрость и довѣрчивость къ людямъ, недостойнымъ довѣрія. „Многіе" говоритъ Евсевій,—„порицали человѣколюбіе царя, называя это безпечностію въ отношеніи къ злодѣямъ, причиною своего злоправія почитавшимъ невзыскательность царя. И дѣйствительно въ описываемое время самъ я замѣчалъ владычество двухъ тяжкихъ пороковъ: 1) разрушительную силу ненасытныхъ и лукавыхъ людей, разхищавшихъ чужое имущество и 2) невыразимое притворство обманщиковъ, лицемѣрно присоединившихся къ церкви и ложно носившихъ имя христіанъ. Человѣколюбіе и добролюбіе, искренность вѣры и прямодушіе располагали царя довѣрять людямъ, бывшимъ повидимому христіанами и подъ маскою притворства старавшимся снискать истинное его расположеніе. Довѣряя же имъ, иногда совершалъ онъ и не должное. Это-то пятно зависть кладетъ на прекрасныя его дѣянія" [1]). (Devita C. IV, 54). Сопоставленіе этихъ двоякихъ отзывовъ даетъ намъ идею о Константинѣ, какъ о человѣкѣ, который обладалъ высокимъ строемъ души, и, по себѣ судя о другихъ, нерѣдко ошибался. Но конечно лучшее свидѣтельство

---

[1] Замѣчательно, что Юліанъ чрезмѣрную щедрость также ставитъ характерною чертою Константина. Въ своемъ сочиненіи Καισαρες Юліанъ выводитъ его вмѣстѣ съ другими властителями древняго міра на посмертный судъ предъ олимпійскихъ боговъ Каждый герой исповѣдуетъ задачу и цѣль своей жизни. Цѣль Александра македонскаго: „всѣхъ побѣдить". Цѣль Цезаря: „быть первымъ между согражданами". Цѣль Августа: „хорошо управлять государствомъ". Цѣль Марка Аврелія: „подражать богамъ".—А ты что считалъ за лучшее въ своей жизни?—спрашиваетъ Гермесъ Константина. „Много пріобрѣтать и много раздавать", отвѣчаетъ К., „чтобы удовлетворить собственному желанію и требованіямъ друзей".

о себѣ даетъ намъ самъ Константинъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и изреченіяхъ. Источникъ этотъ не бѣденъ. Константинъ принадлежалъ къ числу императоровъ—писателей въ родѣ Марка Аврелія. Такъ какъ наиболѣе употребительною формою литературной дѣятельности въ христ. церкви была проповѣдь, то и Константинъ сдѣлался проповѣдникомъ. Онъ составлялъ рѣчи на праздники и произносилъ ихъ предъ своими придворными, при чемъ конечно не имѣлъ недостатка въ слушателяхъ. Онъ бесѣдовалъ о единомъ Богѣ, о промыслѣ, о воплощеніи Сына Божія, о послѣднемъ судѣ. Проповѣди императора—сказать правду—полны многословнаго резоперства, но важно то уже, что умъ императора не былъ подавленъ обыденными заботами и представленіями, но постоянно былъ обращенъ къ высшему, духовному міру и занятъ міровыми вопросами. Таже возвышенность мыслей открывается и въ отдѣльныхъ изрѣченіяхъ. Корыстолюбиваго царедворца царь увѣщевалъ въ такихъ выраженіяхъ: „до какихъ предѣловъ мы будемъ простирать свою алчность“? и потомъ копьемъ, которое случайно держалъ въ своей рукѣ, очертавъ на землѣ пространство въ ростъ человѣческаго тѣла, примолвилъ: „если ты пріобрѣтешь всѣ богатства міра и овладѣешь всѣми стихіями земли, —и тогда не унесешь съ собою ничего болѣе этого описаннаго участка, да и то когда получишь его!“ Конечно корыстолюбивый царедворецъ выслушалъ царское нравоученіе, по греческому выраженію, *какъ лиру*, и императору не мѣшало бы словъ не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить. Тѣмъ не менѣе царское нравоученіе хорошо изображаетъ отрѣшенность самаго Константина отъ интересовъ минуты. Таже возвышенность мыслей Константина видна въ великодушномъ терпѣніи обидъ. *Я не чувствую боли*, сказалъ онъ, поднося руки къ лицу, когда ему доносили, что чернь разбила его статуи.

Какъ и всякій человѣкъ, Константинъ съ теченіемъ времени измѣнялся. Языческіе писатели утверждаютъ, что это измѣненіе было къ худшему. Викторъ младшій говоритъ что изъ 30 лѣтъ царствованія Константинова онъ 10 лѣтъ царствовалъ, какъ отличный государь, 10 лѣтъ, какъ грабитель, и 10 лѣтъ, какъ распущенный глупецъ (pupillus). Зосима утверждаетъ, что добившись единодержавія, Константинъ обнаружилъ свои природныя дурныя наклонности. Мы можемъ не вѣрить языческимъ писателямъ. Если послѣдніе годы жизни Константина и были омрачены казнію Криспа, то послѣдніе дни его,—по отзыву

Евсевія,—были проникнуты увѣренностію, что все, въ чемъ онъ согрѣшилъ, какъ смертный, будетъ снято съ души его силою таинственныхъ молитвъ и спасительнымъ словомъ крещенія.

Личность Константина, какъ и всякаго крупнаго историческаго дѣятеля, обставлена множествомъ легендъ. Большая часть легендъ сшиты—такъ сказать—бѣлыми нитками, такъ что не трудно угадать, въ чьихъ интересахъ каждая составлена.

Есть легенда, составленная въ похвалу монашества. Это—легенда о томъ, какъ царь Константинъ, сшедъ съ неба, бесѣдовалъ съ пустынникомъ Паисіемъ. „Приходилъ ко мнѣ — разсказывалъ Паисій, — „великій Константинъ, первый изъ царей, святой и христіанинъ,—приходилъ съ печалью, рыданіемъ и плачемъ, говоря: „я не зналъ и не воображалъ, что такая слава и честь ожидаетъ въ царствѣ небесномъ монаховъ, которые такъ много терпятъ въ семъ мірѣ. Если бы я зналъ это, то оставилъ бы корону и порфиру и скипетръ и маловременное суетное царство и послѣдовалъ бы житію монашескому“.—Я же,—продолжаетъ Паисій,—возразилъ ему: —развѣ небесный Владыка не даровалъ тебѣ на небѣ славу и честь за твое вѣрное и боголюбезное царствованіе?—„Далъ мнѣ Богъ славу—отвѣчалъ царь“, но не такую, какую монахамъ; имъ даются отъ Бога огненныя крылья, на которыхъ, по разлученіи отъ тѣла, они безпрепятственно возлетаютъ въ горній Іерусалимъ“.—Такъ и слѣдуетъ,—сказалъ отшельникъ.—Ты всю жизнь прожилъ пышно и весело съ женою, дѣтьми и боярами, а монахи, которыхъ недостоинъ весь міръ, оставили похоть тѣлесную и все имѣніе и терпятъ холодъ, жажду и наготу“.

Есть легенда, составленная въ интересахъ папства. Таково извѣстное сказаніе *о вѣнцѣ Константиновомъ*. Легенда разсказываетъ, что Константинъ въ Римѣ заболѣлъ проказою и хотѣлъ, по совѣту идольскихъ жрецовъ, омыться для исцѣленія въ теплой крови младенцевъ, но, сжалившись надъ плачущими матерями, отложилъ свое намѣреніе. Въ награду за это апостолы Петръ и Павелъ, явившись во снѣ, повелѣли царю принять крещеніе отъ руки римскаго епископа Сильвестра. По крещеніи царь получилъ исцѣленіе, даровалъ Сильвестру множество всевозможныхъ правъ и привилегій, и перенесъ столицу

изъ Рима въ Византію, разсуждая, что неприлично-де царю земному обитать тамъ, гдѣ пребываетъ намѣстникъ царя небеснаго. Легенда изложена въ формѣ граматы отъ имени Константина.

Есть легенды, измышленныя въ интересахъ византійскихъ государей. Таковы упоминаемые Контантиномъ порфиророднымъ (de imp. c. 13) завѣты Константина о царскихъ облаченіяхъ, о греческомъ огнѣ (περὶ ὑγροῦ πυρος), и запрещеніе греческимъ императоромъ родниться съ иноплеменниками.

Наконецъ есть легенды, бывшія плодомъ досужаго воображенія византійцевъ. Таково сказаніе о письменахъ на гробѣ царя Константина, предвѣщавшихъ будущую судьбу Царьграда.

Въ Константинополѣ долго сохранялись разные вещественные памятники, напоминавшіе объ основателѣ столицы. Русскій паломникъ XII в. видѣлъ во св. Софіи Константиновъ вѣнецъ, Константиновъ щитъ и телѣгу Константина и Елены. Уже во времена турецкаго владычества путешественникамъ показывали порфировый гробъ царя Константина, но пустой и открытый.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Императоры Констанцій (337—361), и Юліанъ (361—363).

Характеристика имп. Констанція и его участія въ дѣлахъ церковныхъ.

Послѣ имп. Константина была совершена кровавая тризна. „Войско, узнавъ о смерти государя,“ повѣствуетъ Евсевій, „какъ бы по вдохновенію свыше... единогласно рѣшило никого не признавать римскими самодержцами кромѣ дѣтей его“. (De vita C. IV, 68). Но историкъ скромно умалчиваетъ о томъ, что воины произвели избіеніе императорской фамиліи, умертвили брата Константинова, двухъ племянниковъ: Далмата кесаря и Аннибаліана, царя понтійскаго, и еще пятерыхъ племянниковъ Константина, неизвѣстныхъ по имени. Изъ всей многовѣтвистой фамиліи Константина, кромѣ трехъ сыновей его, уцѣлѣли только два мальчика: 12-лѣтній Галлъ и 6-лѣтній Юліанъ, о которомъ у насъ рѣчь впереди. Внутреннія пружины этой трагедіи сокрыты отъ историческаго наблюденія. Но такъ какъ естественно предполагать виновниками или подъустителями злодѣйства тѣхъ, для кого оно выгодно, то приходится остановить вниманіе на сыновьяхъ Константина, которые этою рѣзнею избавлялись отъ совмѣстниковъ. Никто не обвинялъ никогда ни Констанса, ни Константина младшаго въ соучастіи въ убійствахъ, уже потому, что они находились далеко на западѣ. Но Констанцій остается предъ судомъ исторіи въ сильномъ подозрѣніи. Зосима утверждаетъ, что онъ самъ возбуждалъ воиновъ къ избіенію родичей. Св. Аѳанасій также прямо упрекаетъ Констанція въ томъ,

что онъ избилъ своихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ. Юліанъ двоится въ своихъ показаніяхъ: въ своемъ панегирикѣ Констанцію восхваляя императора, Юліанъ слегка упоминаетъ о томъ, что бывали случаи, когда Констанцій вынужденъ былъ допускать проступки другихъ; въ укорительномъ же письмѣ къ Констанцію предъ его смертію, Юліанъ прямо обвиняетъ его въ своемъ сиротствѣ. Болѣе снисходительные къ Констанцію писатели слагаютъ всю вину на своевольное войско. Но вообще народная молва винила Констанція: говорили даже, будто бы самъ императоръ впослѣдствіи раскаялся въ своемъ проступкѣ и считалъ свое безчадіе и неудачи въ войнѣ съ персами наказаніемъ Божіимъ за свой грѣхъ. Если Констанцій дѣйствительно виновенъ въ избіеніи своихъ родичей, то это былъ почти единственный, хотя беззаконный, но рѣшительный и смѣлый поступокъ въ его жизни.

Три сына Константина великаго, принявъ титулъ августовъ, раздѣлили имперію: Константинъ II-й получилъ удѣлъ своего дѣда К. Хлора,—именно Британію, Галлію и Испанію,—Констансъ—Италію и Африку,—Констанцій-Малую Азію, Сирію и Константинополь съ Ѳракіею. Скоро Константинъ и Констансъ поссорились между собою за границы своихъ владѣній и между ними вспыхнула война; но Константинъ въ самомъ началѣ ея попалъ въ засаду и былъ убитъ при Аквилеѣ (340 г.) Констансъ остался обладателемъ всего запада, точно также какъ Констанцій властвовалъ на всемъ востокѣ. Такъ прошло 10 лѣтъ. Въ 350 г. Констансъ былъ умерщвленъ возмутившимся полководцемъ Магненціемъ, котораго войско провозгласило императоромъ. Констанцій выступилъ мстителемъ за смерть своего брата и, одолѣвъ Магненція въ 352 г., сдѣлался единовластителемъ римской имперіи до самой своей смерти въ 361 году.

Слѣдя исторію востока, мы остановимъ вниманіе исключительно на императорѣ Констанціѣ. Констанцію было 21 годъ, когда онъ по смерти отца своего воцарился на востокѣ. Это былъ государь малаго роста и весьма большаго высокомѣрія. Онъ никого не допускалъ съ собою in consessum vehiculi, т. е. сидѣть рядомъ въ экипажѣ: онъ титуловалъ себя *вѣчнымъ* и *владыкою всей земли*, тогда какъ, по замѣчанію современника, болѣе скромный государь не позволилъ бы, чтобы его такъ называли другіе. Несообщительный и недоступный для подданныхъ, Констанцій любилъ играть роль тріумфатора, являясь народу во всемъ царскомъ великолѣпіи, неподвижный какъ статуя; трі-

умфовалъ же и тогда, когда самъ находился въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ мѣста сраженія и даже когда его войска бывали разбиты; а равно и послѣ гражданскихъ войнъ, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ сражались и гибли воины римской имперіи. Умственныя и нравственныя силы императора далеко не соотвѣтствовали такому высокомѣрію. Правда онъ былъ довольно хорошо образованъ и любилъ говорить рѣчи, но его умъ былъ лишенъ силы и проницательности. Въ нравственномъ же отношеніи Констанцій былъ еще болѣе ничтоженъ. Трусливый, мнительный, подозрительный, и въ тоже время безсердечный и жестокій, Констанцій былъ игрушкою своихъ женъ [1]) и окружавшихъ его евнуховъ. Между этими евнухами,—людьми, которые какъ будто самою природою обречены для холодныхъ страстей и упорныхъ интригъ,—первенствовалъ нѣкто Евсевій, у котораго императоръ пользовался большимъ кредитомъ,—multum potuit, какъ иронически замѣчаетъ языческій историкъ Амміанъ Марцеллинъ. Царскіе шпіоны (curiosi, πευθῆνες) [2]), рыскали по областямъ имперіи и готовы были обвинить кого-угодно въ чемъ-угодно ради вымогательства денегъ. Евнухи составляли высшую инстанцію въ управленіи; они докладывали государю, что хотѣли, и направляли его мысли по своему усмотрѣнію. Личное участіе Констанція въ управленіи всего лучше характеризуется отзывомъ св. Аѳанасія. „Сличая между собою письма Констанція“, говоритъ александрійскій святитель, „я вижу, что государь не по существу дѣла судитъ, но движется только мыслями окружающихъ, а своего сужденія вовсе не имѣетъ. Отого онъ пишетъ,—и потомъ раскаевается въ томъ, что на-

---

[1]) Констанцій преемственно имѣлъ нѣсколько женъ. Для исторіи извѣстны слѣдующія: а) двоюродная сестра Констанція, родная по отцу сестра имп. Юліана, неизвѣстная по имени; бракъ съ нею былъ заключенъ въ 336 г.—до 350 г. б) Евсевія, ревностная аріанка, заступница Юліана, разумная и ученая, но неплодная женщина: бракъ съ нею заключенъ въ концѣ 352 или началѣ 353 г.—въ концѣ 359 или началѣ 360 г. в) **Maxima Faustina**, бракъ съ которою заключенъ въ концѣ 360 г. Такъ какъ первая жена Констанція была ему родственница, а Евсевія была неплодна, то быть можетъ поэтому Юліанъ характеризуетъ брачную жизнь Констанція словами: γάμος αγάμος.

[2]) **Curiosi** впрочемъ имѣли легальное существованіе. Это были чиновники, обязанные увѣдомлять императора о томъ, что дѣлается въ провинціяхъ, учрежденные гораздо ранѣе Констанція и уничтоженные при Юліанѣ

писалъ; раскаеваясь раздражается, и снова скорбитъ, и не знаетъ, что дѣлать. Все это показываетъ отсутствіе въ немъ разсудительности. Такой человѣкъ по справедливости достоинъ всякаго сожалѣнія; свободный по званію и по имени, онъ становится рабомъ нечестивцевъ, влекущихъ его по своему желанію". Впрочемъ Констанцій обладалъ нѣкоторыми качествами, которыя могли бы составить украшеніе частнаго человѣка. Онъ былъ трезвъ, цѣломудренъ, умѣренъ въ пищѣ и питьѣ, и иногда терпѣливо сносилъ обиды. Такъ онъ посмѣялся только надъ дерзостію жителей Едессы или Емессы, которые избили бичами его статую, приговаривая, что человѣкъ, потерпѣвшій позорное наказаніе, недостоинъ болѣе царствовать. Но вышеупомянутыя добрыя качества не вознаграждали въ Констанціѣ отсутствія свойствъ, необходимыхъ для правителя обширной имперіи.

Наше дѣло—указать собственно отношеніе Констанція къ религіи. Воспитанный съ малыхъ лѣтъ въ христіанствѣ, хотя, по примѣру отца, не принимавшій крещенія до самой смерти, Констанцій былъ ревностнымъ врагомъ идолопоклонства. При императорскомъ дворѣ стали раздаваться голоса фанатиковъ нетерпимости, въ родѣ христ. ритора Юлія Фирмика Матерна, который въ своемъ сочиненіи de errore profanarum religionum убѣждалъ Констанція и его брата западнаго императора Констанса преслѣдовать язычество. „На васъ"—говорилъ Юлій,—„лежитъ обязанность совершенно искоренить зло и потому законъ Всевышняго повелѣваетъ вамъ преслѣдовать порокъ идолослуженія всѣми средствами. Языческіе храмы должны быть уничтожены, чтобы такимъ образомъ ни одно заблужденіе не пятнало болѣе римскій міръ. Для того Всевышній и даровалъ вамъ власть, чтобы окончательно уврачевать этотъ недугъ... Бросьте храмовыя украшенія и изваянія идоловъ въ огонь и обратите все это въ монету, употребите приношенія, доставляемыя богамъ, въ свою пользу и даръ Господу! Какъ скоро совершенно разрушены будутъ храмы боговъ, и когда не останется болѣе никакихъ слѣдовъ нечестія, сила Божія возвыситъ васъ, всѣ враги ваши будутъ побѣждены и ваше царство далеко распространится". Памятникомъ нетерпимости Констанція по отношенію къ язычеству остались его указы: отъ 341 г., начинающійся такъ: Cesset superstitio, sacrificiorum abolcatur insania, и отъ 353 г., въ которомъ читаемъ слѣдующія строки: Placuit omnibus locis atque urbibus universis claudi protinus templa... Volumus etiam cunctos sacrificiis abstinere. Quod si quis aliquid forte huiusmodi

perpetraverit, gladio ultore sternatur. Послѣднимъ указомъ, какъ видимъ, совершенно воспрещается идолослуженіе подъ угрозою смертной казни. Конечно въ дѣйствительности эти указы далеко не были выполнены. Храмы языческіе продолжали существовать въ Римѣ и Александріи и самъ Констанцій принужденъ бывалъ уступать силѣ вещей... Будучи въ Римѣ въ 357 г., Констанцій, по свидѣтельству языческаго апологета Симхаха, оставилъ неприкосновенными языческіе памятники и обычаи. Nihil decerpsit sacrarum virginum privilegiis, decrevit nobilibus sacerdotia, Romanis caeremoniis non negauit impensas, et per omnes vias aeternae urbis laetum secutus senatum, vidit placido ore delubra, legit incripta fastigiis deum nomina, percontatus est templorum origines, miratus est conditores. Но гдѣ можно было,—въ частности на востокѣ,—Констанцій дѣйствовалъ противъ язычества смѣлѣе. Церковный историкъ Ѳеодоритъ повѣствуетъ, что въ 350 г., отправляясь въ походъ противъ персовъ, императоръ собралъ все войско и убѣждалъ воиновъ принять крещеніе и облечься въ ризу спасенія въ виду опасностей, неразлучныхъ съ войною: въ противномъ случаѣ,—говорилъ императоръ,—ему остается распустить войско, потому что онъ не можетъ рѣшиться идти на войну съ некрещенными солдатами. Это увѣщаніе представлялось нѣсколько страннымъ, потому что Констанцій въ то время еще и самъ былъ не крещенъ, хотя нельзя отрицать, что жизнь государя на войнѣ менѣе подвержена опасностямъ, чѣмъ жизнь солдата. Если сводить къ итогамъ слѣдствія религіозной политики Констанція, то нужно сказать, что она съ одной стороны произвела глубокое озлобленіе языческаго міра противъ христіанскаго общества, выразившееся въ послѣдующемъ царствованіи Юліана,—а съ другой стороны не возвысила духа и въ самомъ христіанскомъ обществѣ. „Если“, говоритъ Неандеръ, „уже царствованіе Константина великаго доказало отчасти, что иногда покровительство государственной власти бываетъ вреднѣе и опаснѣе для христіанства, чѣмъ прямое гоненіе,—то царствованіе Констанція утвердило эту истину еще болѣе“.

Духъ нетерпимости, обнаруженный Констанціемъ по отношенію къ язычеству, нашелъ себѣ мѣсто и въ приложеніи къ христіанскому обществу. Констанцій былъ аріанинъ. Это и не удивительно. Мы знаемъ уже, что аріанское вліяніе взяло перевѣсъ при дворѣ Константина великаго въ послѣдніе годы его жизни. Есть извѣстіе, что какой-то аріанскій пресвитеръ оказалъ значительныя услуги Констанцію непо-

средствено по смерти его отца. Наиболѣе же безграничное вліяніе аріанъ надъ душею Констанція относится ко времени его единодержавія. 350-й годъ былъ безъ сомнѣнія самый тяжелый въ жизни Констанція. Съ запада выступалъ противъ него убійца его брата Констанса, Магненцій, шедшій съ войскомъ, но несшій вмѣстѣ съ тѣмъ и мирныя предложенія. Выступили кромѣ того еще два претендента на императорскую корону Ветраніонъ въ Паннопіи и Непотіанъ (сынъ сестры Константина великаго Евтропіи) въ Италіи. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Констанцій обнаружилъ твердость, какой,—по мнѣнію Шлоссера,—„трудно было ожидать отъ него. Онъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ убійцею своего брата". Твердость эта основывалась на высокомѣріи Констанція, еще болѣе на его суевѣріи. Констанцій видѣлъ во снѣ отца своего, который, показывая убитаго брата Констанса, заклиналъ отмстить за смерть его и увѣрялъ въ побѣдѣ. —Рѣшительный день битвы наступилъ 28 сентября 352 г. при г. Мурсѣ въ Славоніи близь рѣкъ Дуная и Савы. Эта битва была для имперіи гибельнѣе, чѣмъ самыя страшныя войны съ внѣшними врагами. Здѣсь сразились между собою лучшія войска востока и запада имперіи; обѣ стороны дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ и потери ихъ были чрезвычайно велики. Во время битвы Констанцій находился въ близьлежащемъ храмѣ мучениковъ. Аріанствующій епископъ Валентъ, находившійся во храмѣ вмѣстѣ съ императоромъ, успѣлъ воспользоваться его неразсудительностію въ эти тревожныя минуты страха и неизвѣстности. Получивъ прежде другихъ извѣстіе о благополучномъ исходѣ сраженія, епископъ поздравилъ императора съ побѣдою. На вопросъ Констанція: какимъ путемъ пришла эта добрая вѣсть? епископъ отвѣтилъ, что она ему принесена ангеломъ. Съ тѣхъ поръ Констанцій получилъ очень высокое понятіе о святости Валента и часто повторялъ въ послѣдствіи, что онъ обязанъ побѣдою не столько мужеству войска, сколько молитвамъ Валента. Извѣстенъ еще одинъ аріанствующій епископъ, Леонтій изъ Триполи въ Лидіи, твердостію своего нрава имѣвшій вліяніе на императора. Однажды, когда императоръ среди епископовъ разсуждалъ о церковныхъ дѣлахъ, всѣ его хвалили и одобряли. Одинъ Леонтій молчалъ и наконецъ рѣзко заявилъ слѣдующее: *я удивляюсь, что ты, поставленный распоряжаться военными и гражданскими дѣлами, осмѣливаешься управлять епископами въ дѣлахъ, которыя только до нихъ касаются.* Государь съ бо-

лѣе твердымъ характеромъ такія слова только раздражили бы, но Констанцій увидѣлъ въ нихъ силу, которой призналъ необходимымъ подчиниться. Извѣстенъ еще Евзоій, ученикъ Арія, аріанствующій епископъ Антіохіи, отъ руки котораго Констанцій принялъ предсмертное крещеніе.

Но кто бы ни были аріанствующіе лица, окружавшіе Констанція, несомнѣнно то, что императоръ въ церковныхъ дѣлахъ находился подъ ихъ вліяніемъ. Страстные къ спорамъ аріанствующіе епископы, пользуясь покровительствомъ императора, постоянно разъѣзжали по имперіи, составляя свои соборы [1]), такъ что, по отзыву языческаго историка, причинили великій ущербъ содержанію почтъ въ имперіи. Раззореніе почтъ было наименьшимъ изъ золъ, причиненныхъ аріанскою суетливостію; важнѣе былъ духъ догматической неустойчивости и нравственнаго раздора, привнесенный господствомъ аріанъ. Вину всего этого языческій писатель Амміанъ Марцеллинъ слагаетъ на императора. Приведемъ его замѣчательный отзывъ о Констанціѣ. Christianam religionem absolutam et simplicem anili superstitione confundens: in qua scrutanda perplexius, quam componenda gravius excitavit discidia plurima, quae progressa fusius aluit concertatione verborum: ut catervis antistitum jumentis publicis ultro citroque discurrentibus per synodos, quos appellant, dum ritum omnem ad suum trahere conatur arbitrium, rei vehiculariae succideret nervos. Духъ нетерпимости, водворившійся между разными частями христіанскаго общества, былъ главнымъ плодомъ религіозной политики Констанція. О нетерпимости аріанъ нѣтъ нужды много распространяться. Припомнимъ нѣсколько выдающихся фактовъ. *Я самъ обвинитель Аѳанасія*, говорилъ Констанцій на миланскомъ соборѣ 355 г., добиваясь вопреки правиламъ церковнымъ осужденія отсутствующаго александрійскаго епископа. *Моя воля для васъ правило. Или повинуйтесь моему требованію, или я пошлю васъ въ ссылку.* Возведеніе на каѳедру аріанствующихъ епископовъ сопровождалось сценами насилія и даже убійства.

---

[1]) Изъ соборовъ бывшихъ при и. Констанціѣ особенно извѣстны: антіохійскій 341 г., сардикскій 337 г. и аріанскій контръ-соборъ въ Филипополѣ того-же года, карѳагенскій 346 г., два миланскихъ 347 и 355 г. два сирмійскихъ и анкирскій 349 и 351, ариминскій 359. г., селевкійскій 351 и константинопольскій 360 г. и многіе другіе епископскіе съѣзды, менѣе значительные.

Таково напримѣръ возведеніе на александрійскую каѳедру Григорія въ 341 г. и Георгія въ 357 г. Событія насильственнаго водворенія въ Александріи аріанскихъ соперниковъ св. Аѳанасія на столько извѣстны въ церковной исторіи, что намъ нѣтъ нужды ихъ пересказывать. Положимъ, что мы имѣемъ разсказъ объ этихъ событіяхъ отъ потерпѣвшаго лица, т. е. отъ самаго св. Аѳанасія, но многолѣтнее изгнаніе святителя и самое бѣгство его съ каѳедры служитъ подтвержденіемъ истины его словъ, ибо,—какъ выражается св. Аѳанасій,—*отъ добрыхъ и благочестивыхъ людей никто не бѣгаетъ.*—Но отбиваясь отъ непримиримыхъ враговъ православія, и православные естественно проникались чувствами гнѣва и раздраженія.

Таково было печальное положеніе церкви, когда 13 ноября 361 г. умеръ Констанцій на 45 году жизни и на 25 году царствованія. Конечно ни язычники, ни православные христіане не оплакивали этого императора. Язычники считали смерть Констанція особенною милостію боговъ, потому что она открыла безпрепятственный доступъ къ престолу Юліану—послѣднему представителю политеизма. Чувства же православныхъ по поводу смерти Констанція отражаются въ позднѣйшемъ, нѣсколько риторическомъ, возгласѣ блаж. Іеронима: „Господь пробуждается. Онъ повелѣваетъ бурѣ. Звѣрь умеръ, и спокойствіе возстановляется“.

И. Юліанъ. (+363 г. 27 іюня). Воспитаніе Юліана и его жизнь до воцаренія.

Царствованіе Юліана,—какъ это и часто бываетъ въ исторіи,—представляло собою реакцію по отношенію къ царствованію предшественника. „Можно сказать“, говоритъ франц. историкъ Ле-Бо, „что Юліанъ обязанъ Констанцію почти всѣми своими добродѣтелями, точно также какъ и всѣми своими несчастіями. Антипатія Юліана къ убійцѣ его семьи отдаляла его отъ всѣхъ пороковъ Констанція: конечно этого еще недостаточно для того, чтобы сдѣлаться великимъ государемъ“. Къ сожалѣнію Юліанъ свою антипатію къ Констанцію перенесъ и на религію, исповѣдуемую Констанціемъ: это было роковое заблужденіе, благодаря которому Юліанъ остался въ исторіи съ мрачнымъ именемъ *отступника.*

Юліанъ родился въ Константинополѣ во второй половинѣ 331

года. Отецъ его Юлій Констанцій былъ по отцу родной братъ Константина великаго: мать Василина, вторая жена Ю. Констанція, происходила также изъ знатнаго рода и была христіанка. Юліанъ былъ единственнымъ плодомъ этого брака, такъ какъ мать его умерла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его рожденія. Природа надѣлила Юліана очень живыми дарованіями и любознательностію, а судьба послала ему двухъ лучшихъ товарищей для самообразованія—несчастіе и уединеніе. Юліану было шесть лѣтъ, когда его отецъ и старшій братъ погибли во время извѣстнаго избіенія императорской фамиліи по смерти Константина В. Братъ Юліана по отцу Галлъ былъ пощаженъ, потому что былъ тяжко болѣнъ; а самъ Юліанъ спасся благодаря своему малолѣтству или потому что нашелъ убѣжище въ христ. храмѣ. До 345 г. т. е. до 15-лѣтняго возраста Юліанъ предоставленъ былъ самому себѣ. Главнымъ воспитателемъ его былъ наслѣдованный отъ матери евнухъ, родомъ скиѳъ, по имени Мардонъ, человѣкъ строгихъ и суровыхъ нравовъ. Кажется его вліянію Юліанъ обязанъ своими простыми привычками и воздержаніемъ отъ роскоши и чувственныхъ удовольствій. Страсть Юліана къ чтенію книгъ находила для себя теперь полный просторъ. Онъ перечиталъ всѣ произведенія классической литературы; но его греческая начитанность была сильнѣе латинской, потому что онъ жилъ среди греческаго населенія.

Отжившій античный міръ виднѣлся Юліану изъ старыхъ, вѣчно-юныхъ произведеній Гомера и Платона и казался ему только повтореніемъ того, что уже лежало въ его сознаніи. „Съ дѣтства",—разсказываетъ Юліанъ,—„свойственно мнѣ было страстное желаніе познать все величіе бога Геліоса. Блескъ небеснаго свѣта такъ поражалъ меня въ юные годы, что я не только днемъ пристально созерцалъ его, но и въ ясныя безоблачныя ночи выходилъ изъ дому и, ничѣмъ не тревожимый, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на звѣздное небо. Я забывалъ самъ себя, не слышалъ, что мнѣ говорили, такъ что меня считали лунатикомъ. Итакъ я смотрѣлъ на небо, когда былъ еще безъ бороды, когда у меня въ рукахъ не бывало еще ни одной книги о небожителяхъ, когда я ни отъ кого не слыхалъ о томъ, что дѣлается на небѣ. Не знаю, повѣрятъ ли мнѣ, если я скажу, что я и тогда думалъ о богахъ, смотря на небо". Идеальный міръ боговъ и героевъ казался такъ прекрасенъ по сравненію съ суровою и мрачною дѣйствительностію, которая не замедлила о себѣ напомнить.

Пощадивъ жизнь двухъ малолѣтнихъ отраслей императорской фамиліи, подозрительный Констанцій естественно долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы изъ нихъ не вышли будущіе для него мстители. Принялся за воспитаніе ихъ Констанцій впрочемъ уже довольно поздно, когда Галлу было 20 лѣтъ, а Юліану около 15. Въ 345 г. Констанцій водворилъ обоихъ братьевъ въ Каппадокіи въ замкѣ Макеллѣ, и справедливо разсуждая, что христіанская религія всего лучше можетъ примирить человѣка съ его участью, окружилъ ихъ христіанскими учителями и людьми, которые могли бы утвердить ихъ въ правилахъ церковной жизни. Оттого ли, что эти приставники были неудовлетворительны, или оттого что Юліанъ успѣлъ уже проникнуться сильною любовію къ классическому міру,—христіанское воспитаніе не принесло въ немъ желаемыхъ плодовъ. Юліана и Галла пріучали къ исполненію церковныхъ обрядовъ. „Мальчиковъ“ — говоритъ Неандеръ, — „легко было пріучить ко всему и привычка возъимѣла бы свою силу, если бы не воспослѣдовало внутреннее духовное противодѣйствіе. Такъ было съ Галломъ, но не такъ случилось съ Юліаномъ“.

Тѣмъ не менѣе окруженный приставниками Констанція, Юліанъ не только принялъ крещеніе, но и причисленъ былъ къ клиру, получивъ должность *чтеца* (ἀναγνώστης). Эта должность обязывала Юліана читать св. писаніе. И мы видимъ, что онъ хорошо зналъ библію, но относился къ ней съ предъубѣжденіемъ. Быть можетъ еще въ ранней юности въ его умѣ возникъ рядъ возраженій противъ св. писанія, которыя онъ изложилъ впослѣдствіи въ своемъ сочиненіи: *противъ христіанъ*. Приведемъ хотя два изъ этихъ возраженій. Вотъ возраженіе—по ветхозавѣтному писанію. „Христіане говорятъ, что Богъ послѣ перваго закона положилъ второй,—что первый будто бы данъ былъ на опредѣленное время, а въ заключеніе явился второй завѣтъ, предсказанный и предъизображенный во времена Моисея. Я ясно докажу, что это говорится ложно, и приведу не десять, а несчетное множество свидѣтельствъ изъ Моисея, гдѣ завѣтъ называется вѣчнымъ. Послушайте напр. изъ Исхода: *и будетъ вамъ день сей въ память... законно вѣчно празднуйте его*“. (Исх. 12, 14—15). Вотъ возраженіе по новозавѣтному писанію, напоминающее нѣсколько отрицательные выводы тюбингенской школы. „Ни Павелъ не дерзнулъ назвать Іисуса Богомъ, ни Матѳей, ни Лука, ни Маркъ, а только добрый Іоаннъ, и то уже узнавъ, что множество людей во многихъ городахъ Греціи и Италіи охвачены симъ

недугомъ". (т. е. христіанствомъ). Возраженіе это не вѣрно по существу своему, но весьма легко могло возникнуть при тогдашнихъ аріанскихъ спорахъ.—Еще болѣе возраженій возбуждалось въ душѣ Юліана относительно церковно-богослужебной практики. „Крещеніе — писалъ Юліанъ впослѣдствіи,—„не исцѣляетъ ни проказы, ни лишаевъ, ни подагры, ни диссентеріи, ни водяной, ни костоѣды и никакой тѣлесной немощи. Оно очищаетъ только отъ прелюбодѣяній, хищеній и вообще всякихъ душевныхъ прегрѣшеній". Послѣднія слова звучатъ ироническимъ отрицаніемъ, доказывающимъ впрочемъ только то, что на своей душѣ Юліанъ не испыталъ благодатной силы крещенія. Внутренно предъубѣжденный противъ христіанства, наружно добрый христіанинъ, Юліанъ въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ Каппадокіи долженъ былъ хорошо изучить только искусство притворяться.

Въ началѣ 351 г. старшій братъ Юліана Галлъ былъ возведенъ въ достоинство кесаря и поселился въ Антіохіи, а 20-лѣтній Юліанъ возвратился въ Константинополь, и тамъ продолжалъ свое образованіе, учась у Экиволія, довольно плохаго софиста и еще болѣе плохаго христіанина. Переселенный вскорѣ послѣ того въ Никомидію, Юліанъ завязалъ болѣе живыя и сердечныя сношенія съ тогдашними учеными представителями язычества: Ливаніемъ, Максимомъ и Ѳемистіемъ, при чемъ посвященъ былъ въ языческія мистеріи. „Азія", говоритъ св. Григорій Богословъ, „стала для Юліана училищемъ нечестія, всѣхъ бреней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а также и соединенной съ ними неразрывно магіи". Таинственность всегда привлекательна, и мы не будемъ удивляться, что Юліанъ вѣрилъ въ сны и предсказанія, если припомнимъ, что многіе весьма образованные люди прошлаго столѣтія находили интересъ въ бредняхъ и странныхъ ритуалахъ масонства. Около 4-хъ лѣтъ Юліанъ прожилъ на свободѣ, но въ концѣ 354 г., когда императоръ вызвалъ въ Италію и умертвилъ брата Юліанова Галла, вызванъ былъ ко двору императора и Юліанъ и повидимому долженъ былъ ожидать тойже участи. Его спасло заступничество жены Констанція, императрицы Евсевіи, которая выпросила ему позволеніе отправиться въ Аѳины для дальнѣйшаго образованія. Въ Аѳинахъ видѣлъ и узналъ Юліана св. Григорія Назіанзинъ, который впослѣдствіи, уже по смерти Юліана, такъ изображалъ своего школьнаго товарища. „Еще и тогда я не худо разгадалъ этого человѣка, хотя и не принадлежу къ числу людей искусныхъ

въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ не предвѣщало въ немъ ничего добраго: шея не твердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглые, наглые и свирѣпые, ноги, не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ, выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываваніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты, ничѣмъ не лучшіе, смѣшиваемые одни съ другими, нетвердые и неподчиненные правиламъ. Но для чего описывать подробно?... Такимъ же видалъ я его и прежде дѣлъ, какимъ узналъ по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова, они безъ труда засвидѣтельствовали бы это. Ибо и тогда уже какъ увидѣлъ его, сказалъ я имъ: *какое зло воспитываетъ себѣ римская имперія!* и, предрекши, желалъ быть ложнымъ пророкомъ"...—Этотъ отзывъ, хотя не отличается безпристрастіемъ, тѣмъ не менѣе даетъ ясное представленіе объ Юліанѣ, какъ о человѣкѣ живомъ, энергичномъ, впечатлительномъ и подвижномъ,—хотя эта подвижность и производила на различныхъ людей различное впечатлѣніе.

Только полгода Юліану пришлось жить въ Аѳинахъ. Бездѣтный Констанцій, по настоянію жены своей Евсевіи, вызвалъ Юліана ко двору, какъ послѣдняго принца угасающей династіи Константиновой, провозгласилъ его кесаремъ, обручилъ съ своею сестрою Еленою и назначилъ правителемъ запада. Это было въ концѣ 355 года.

Прибывъ въ Галлію, Юліанъ изъ уединеннаго любителя древности и наукъ вдругъ сдѣлался отличнымъ полководцемъ и администраторомъ. Онъ вообще велъ себя сдержанно, хотя втайнѣ и поклонялся языческимъ богамъ вмѣсто единаго христіанскаго Бога. Онъ дѣлилъ свое время между военными занятіями, правительственными заботами и наукою. Въ войнѣ съ варварами ему нужна была не столько тактическая опытность и искусство, сколько терпѣніе и умѣнье переносить лишенія. Счастіе ему благопріятствовало. Дружескимъ обращеніемъ, мужествомъ и участіемъ во всѣхъ трудностяхъ походовъ онъ расположилъ къ себѣ солдатъ, а благоразумною администраціею и политикою пріобрѣлъ уваженіе варваровъ. Такъ прошло пять лѣтъ (355—360).

Придворные Констанція, давно уже пытавшіеся вооружить его противъ Юліана, убѣдили императора потребовать на востокъ лучшую часть легіоновъ. Войска должны были проститься съ Юліа-

номъ въ Парижѣ, но здѣсь они возмутились и провозгласили его императоромъ. Юліанъ послалъ Констанцію собственноручное донесеніе о всемъ случившемся, выражая желаніе вступить въ переговоры. Но Констанцій потребовалъ безусловной покорности. Юліанъ не могъ согласиться на это, не опасаясь погубить себя и своихъ сторонниковъ, и потому выступилъ противъ Констанція, чтобы рѣшить споръ оружіемъ. Во время этого похода Юліанъ открыто заявилъ себя чтителемъ древнихъ боговъ, и даже употребилъ странный обрядъ (тавроболіумъ), для того, чтобы смыть съ себя св. крещеніе. „Мы получили многочисленные и ощутительные знаки покровительства боговъ и обожаемъ ихъ безъ страха, открыто"... писалъ Юліанъ къ своему учителю Максиму. „Армія раздѣляетъ наше благочестіе, и мы публично приносимъ жертвы. Мы принесли богамъ множество гекатомбъ за ихъ благодѣянія, и они обѣщаютъ намъ большіе успѣхи". Ожиданіе успѣховъ не было тщетнымъ. Констанцій скоро умеръ и Юліанъ безъ боя сдѣлался единодержавнымъ римскимъ императоромъ.

Царствованіе Юліана. Юліанъ въ Константинополѣ и Антіохіи.

Царствованіе Юліана было очень кратковременно: оно продолжалось всего 1 годъ, 7 мѣсяцевъ и 14 дней со дня смерти Констанція до дня смерти самаго Юліана. Но это короткое время наполнено событіями и перемѣнами, а еще болѣе планами, мѣропріятіями и всякими ожиданіями событій и перемѣнъ. Не смотря на краткость царствованія Юліанова, мы можемъ различать въ жизни императора два періода: періодъ увлеченія и періодъ разочарованія. Первый соотвѣтствуетъ пребыванію Юліана въ Константинополѣ (съ 11 дек. 361 г. по май 362 г.); второй—пребыванію его въ Антіохіи (съ іюля 362 г. по 5 марта 363 г.).

Воцареніе Юліана было встрѣчено общею радостію. Онъ имѣлъ неоцѣненное преимущество возсѣсть на престолъ послѣ предшественника, неспособнаго къ управленію имперіею и всѣмъ прискучившаго. Похоронивъ Констанція со всѣми царскими почестями, Юліанъ кажется поставилъ своею задачею жить и управлять совершенно иначе, чѣмъ его предшественникъ:—явленіе, которое нерѣдко повторяется въ исторіи и служитъ причиною славы иныхъ государей, ибо отрицательныя задачи выполняются легче положительныхъ.

Констанцій былъ окруженъ многочисленнымъ и дорого стоющимъ дво-

ромъ. Юліанъ уволилъ всѣхъ евнуховъ, говоря, что они совершенно ненужны для человѣка, имѣющаго одну жену, и также поступилъ съ прочими многочисленными придворными служителями. Реформируя придворную жизнь, Юліанъ,—по мнѣнію Шлоссера—дошелъ уже до неблагоразумныхъ крайностей. „Востокъ любитъ, чтобы правителя окружалъ блескъ, и кто хочетъ властвовать надъ чернью, долженъ подчиняться ея предразсудкамъ... [1]) Уничтоживъ блестящую свиту Констанція и разогнавъ цѣлыя толпы поваровъ, церемонимейстеровъ и прочихъ прислужниковъ императора, Юліанъ, конечно, поступилъ очень хорошо. Но ему не нужно было впадать въ крайности, повергая въ нищету цѣлыя семейства, и доводя до смѣшнаго свою простоту въ одеждѣ, пищѣ и образѣ жизни".

Констанцій былъ недоступенъ и невидимъ для подданныхъ: Юліанъ напротивъ того жилъ просто и доступно; не было ничего легче, какъ увидѣть императора на улицахъ столицы и обратиться къ нему съ какимъ угодно заявленіемъ. Юліанъ часто принималъ личное участіе въ судебныхъ разбирательствахъ, отличаясь быстрымъ и яснымъ пониманіемъ дѣла, хотя, какъ увидимъ, по отношенію къ христіанамъ и не былъ судьею безпристрастнымъ.

Констанцій былъ аріанинъ и жестокій гонитель какъ язычества, такъ и никейскаго православія: напротивъ того Юліанъ объявилъ себя абсолютно вѣротерпимымъ. „Клянусь всѣми богами", писалъ Юліанъ, —„я не хочу, чтобы христіанъ убивали безъ суда и справедливости и чтобы имъ дѣлали даже малѣйшее утѣсненіе". Само собою разумѣется, что Юліанъ обнаруживалъ совершенную терпимость по отношенію къ различнымъ христіанскимъ партіямъ. Онъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ изгнанныхъ Констанціемъ за вѣроисповѣдныя убѣжденія, начиная съ св. Аѳанасія, сосланнаго за твердость въ православіи, до Аэція, отличавшагося крайнимъ отрицаніемъ и злымъ аріанствомъ.

Отрицательная сторона дѣятельности Юліана, въ которой выражалась его противоположность съ покойнымъ императоромъ, была лучшею стороною его дѣятельности. Но когда Юліанъ сталъ проводить свои положитель-

---

[1]) Вопреки мнѣнію Шлоссера мы думаемъ, что жители византійской имперіи, почувствовавъ облегченіе налоговъ, не только примирились бы съ простотою жизни Юліана, но и благословили бы его за это. Простота жизни Магомета и Омара не препятствовала имъ пользоваться громаднымъ авторитетомъ на востокѣ.

ныя стремленія и убѣжденія, то въ концѣ концовъ разошелся съ своими не только христіанскими, но и языческими подданными. Возстановленіе древняго язычества и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе христіанства Юліанъ поставилъ задачею своего царствованія. Задача была трудная и безнадежная. „Юліанъ", говоритъ Шлоссеръ, „думалъ вдохнуть новую жизнь въ умиравшую греко-римскую религію, понимаемую имъ въ духѣ неоплатониковъ. Но только книжный ученый, незнакомый съ дѣйствительною жизнію, въ состояніи воображать, что призраки поэзіи, философіи и суевѣрія могутъ замѣнить религію".

Для возстановленія язычества Юліанъ дѣйствовалъ α) и личнымъ примѣромъ β) и подъемомъ уцѣлѣвшихъ въ язычествѣ общественныхъ силъ и γ) учрежденіями.

α) Столица Константинова, дотолѣ не видѣвшая въ себѣ идольскихъ храмовъ и жертвъ, скоро увидѣла много идольскихъ алтарей на своихъ улицахъ и площадяхъ, и самаго императора въ качествѣ жертвоприносителя. Не напрасно Ливаній называлъ его *лучшимъ изъ жрецовъ*. Юліанъ не носилъ только титулъ pontifex maximus, но на дѣлѣ исполнялъ всѣ жреческія обязанности языческаго ритуала,—самъ носилъ дрова, зажигалъ и тушилъ огонь, убивалъ священнымъ ножемъ жертвенныхъ животныхъ, вынималъ ихъ внутренности и старался узнать по нимъ волю боговъ. На монетахъ и медаляхъ Юліана онъ изображается всегда съ быкомъ и жертвеннымъ олтаремъ возлѣ него. Усердіе Юліана къ идолослуженію тѣмъ не менѣе было искусственное. Онъ не могъ, подобно простому язычнику, считать кумировъ богами. „Идолы—разсуждалъ Юліанъ,—не боги, но только образы боговъ. Кумирослуженіе не нужно для боговъ, но нужно для насъ самихъ, какъ существъ тѣлесныхъ. Но философъ можетъ обойтись и безъ внѣшняго культа. Діогенъ не посѣщалъ храмовъ, не поклонялся алтарямъ и изваяніямъ боговъ и не приносилъ ни одной жертвы, потому что не имѣлъ средствъ купить ее. Для него казалось совершенно достаточнымъ почитать боговъ въ своей душѣ, которую онъ и превратилъ въ ихъ святилище". Если такъ, то какой же смыслъ имѣло кумирослуженіе самаго Юліана? Не было ли это только благочестивое притворство для назиданія темной и невѣжественной толпы? Такое же точно было отношеніе Юліана и къ языческимъ миѳамъ. Миѳы, —помнѣнію Юліана, —были только образы, подъ которыми скрывается таинственный аллегорическій смыслъ. При помощи аллегорическаго толкованія изъ ми-

ѳовъ легко можно было устранить все грубое и соблазнительное, но за то въ миѳахъ и не оставалось ничего, кромѣ аллегоріи, допускающей произвольное толкованіе и потому лишенной опредѣленнаго содержанія. Свою собственную жизнь Юліанъ изложилъ подъ формою миѳа, чтобы наглядно показать процессъ миѳическаго творчества, и далъ этимъ очень худое доказательство божественнаго происхожденія миѳовъ.

β) *Одинъ въ полѣ не воинъ.* Юліанъ чувствовалъ свое личное безсиліе для поднятія политеизма и поэтому счелъ необходимымъ сосредочить около себя лучшихъ представителей язычества. Со всѣхъ концевъ имперіи онъ приглашалъ къ себѣ риторовъ, софистовъ и философовъ. Приглашаемые большею частію являлись, явились многіе и безъ приглашенія; но это были люди, желавшіе прежде всего весело пожить, жаждавшіе денегъ и почестей. Дворъ императора скоро наполнился множествомъ мистиковъ, обманщиковъ, остряковъ и болтуновъ. Юліанъ не нашелъ въ этихъ людяхъ того, чего искалъ, т. е. усердія къ возстановленію древней религіи. Съ своей стороны и они не нашли въ Юліанѣ того, чего ожидали; онъ показался имъ слишкомъ скупымъ и до неприличія простымъ въ своихъ привычкахъ.

γ) Если было мало надежды поднять язычество *людьми*, то отчего не попытаться поднять его *учрежденіями*? Кромѣ разныхъ льготъ и привилегіи въ пользу язычества, Юліанъ старался придать ему и внутреннее обновленіе. Но при этомъ обнаружилось, что у Юліана не было другаго образца для идеальныхъ порядковъ идеальнаго язычества, кромѣ ненавидимаго имъ христіанства. Онъ рекомендуетъ языческимъ жрецамъ завести страннопріимницы, питать нищихъ, заботиться о погребеніи умершихъ, говорить проповѣди, ввести въ употребленіе исповѣданіе грѣховъ и наложеніе епитимій и такъ называемыя общительныя и удостовѣрительныя граматы. „Такими граматами“,—по словамъ Созомена,—„христіанскіе епископы обыкновенно поручали другъ другу странниковъ,—такъ что откуда бы кто ни пришелъ и къ кому бы ни присталъ, по этому свидѣтельству былъ принимаемъ, какъ вѣрный и возлюбленный“. Мало того: Юліанъ думалъ даже ввести въ языческомъ мірѣ нѣчто въ родѣ христіанскаго монашества, учредивъ монастыри мужскіе и женскіе, гдѣ люди, посвятившіе себя на безбрачную жизнь и служеніе богамъ, могли предаваться созерцательной жизни и проводить время въ благочестивомъ уединеніи. Этотъ рядъ заимствованій пока-

зываетъ только то, что въ описываемое время организація христіанскаго общества сложилась прочно и стройно, а язычество было совершенно безнадежно къ самостоятельному развитію.

Нельзя было воскрешать язычества, не убивая въ тоже время христіанства. Юліанъ къ этому и стремился, но дѣйствовалъ медленно и осторожно. Сначала онъ отнялъ у христіанскаго общества тѣ льготы и привилегіи, которыя были дарованы ему христіанскими императорами. Но такъ какъ эти льготы большею частію только портили христіанское общество, привлекая въ него плохихъ христіанъ, то и отнятіе льготъ было скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Правда нѣсколько людей, мѣнявшихъ вѣру, какъ одежду, перешли въ язычество, но христіанство отъ этого ничего не потеряло, точно также, какъ и язычество ничего не пріобрѣло.—Болѣе повидимому опасно для христіанъ могло быть устраненіе ихъ отъ классической литературы. Воспрещая христіанамъ быть преподавателями древней словесности, Юліанъ писалъ: „такимъ людямъ я предлагаю на выборъ одно изъ двухъ: или не преподавать то, чего они не уважаютъ, или же соглашаться и не обличать предъ слушателями Гомера, Гезіода и другихъ въ нечестіи и заблужденіи. Кто думаетъ, что тѣ мужи заблуждались въ важнѣйшихъ предметахъ, тотъ можетъ идти въ храмы галилеянъ и объяснять тамъ Матѳея и Луку. Вотъ законъ, установленный мною относительно наставниковъ и воспитателей“. Вредныя послѣдствія этого закона для христіанскаго просвѣщенія не могли обозначиться въ короткое царствованіе Юліана. Но къ сожалѣнію нужно сказать, что впослѣдствіи православные византійцы сами стали къ классической литературѣ въ то отношеніе, которое иронически рекомендовалъ имъ языческій императоръ.—Далѣе: Юліанъ надѣялся на появленіе раздоровъ въ христіанскомъ обществѣ. По словамъ Амміана Марцеллина, онъ „думалъ, что свобода вѣроисповѣданій еще болѣе увеличитъ разногласіе между христіанами, и что онъ болѣе не будетъ страшиться единодушнаго населенія, извѣдавъ по опыту, что самые звѣри менѣе ненавидятъ людей, чѣмъ христіане одни другихъ“. Но надежда оказалась тщетною. Христіане разныхъ исповѣданій сплотились въ виду общаго сильнаго врага. Доказательство этого видимъ въ томъ, что христіане пострадавшіе при Юліанѣ, напр. Маркъ, е. Ареѳусійскій, Артемій, правитель Египта,—признаны во святыхъ всею христіанскою церковію, не смотря на свои прежнія аріанскія убѣжденія. Юліанъ не замедлилъ употребить противъ христі-

анъ и нѣкоторое косвенное давленіе. Такъ производя судъ, онъ освѣдомлялся о вѣроисповѣданіи лицъ, стоящихъ на судѣ, и иногда склонялъ вѣсы правосудія не въ пользу христіанъ, — пользуясь при этомъ противъ нихъ орудіемъ насмѣшки. „Христіане", говорилъ императоръ, „не имѣютъ права жаловаться на обиды, потому что ихъ законъ повелѣваетъ: „ударившему по одной щекѣ подставить и другую". Когда дѣло шло объ имущественныхъ правахъ христіанъ, то императоръ говорилъ: „христіане признаютъ, что богатому трудно спастись, поэтому мы сдѣлаемъ для нихъ большое одолженіе, облегчивъ имъ путь къ царству небесному".

Наконецъ Юліанъ хитростію заставилъ христіанъ, служащихъ въ войскѣ, участвовать въ языческихъ обрядахъ. Однажды войска, собранныя предъ дворцомъ для полученія денежной награды, увидали, что рядомъ съ императорскимъ сѣдалищемъ былъ поставленъ жертвенникъ, на которомъ пылалъ огонь, а рядомъ съ жертвенникомъ столикъ съ ладаномъ. Было дано повелѣніе, чтобы каждый воинъ предъ полученіемъ награды бросилъ нѣсколько зеренъ ладану на пылавшій жертвенникъ. Нѣкоторые христіане отказались получать деньги въ такой обстановкѣ; другіе, получивъ и раскаявшись, бросили золото къ ногамъ императора. Неудачу такой хитрости еще ранѣе обличилъ самъ Юліанъ, когда писалъ: „Что́ пользы въ томъ, что рука будетъ приносить жертву, между тѣмъ какъ душа будетъ осуждать руку? Душа только обвинитъ тѣло въ слабости, и по прежнему будетъ благоговѣть предъ тѣмъ тайно, что́ прежде почитала явно".

Проживъ въ столицѣ около полугода, Юліанъ въ началѣ іюня 362 г. отправился въ Антіохію. Онъ разсчитывалъ перезимовать тамъ, чтобы въ это время докончить приготовленіе къ войнѣ съ Персіею и двинуться въ походъ раннею весною 363 г. Въ Антіохіи Юліана ожидало окончательное разочарованіе относительно его религіозныхъ плановъ.

Вблизи Антіохіи, въ предмѣстьѣ Дафна, съ древнихъ временъ существенная кипарисовая роща Аполлона. Но служеніе этому богу было оставлено, и когда Юліанъ во время своего пребыванія въ Антіохіи пришелъ въ святилище Аполлона, то нашелъ храмъ пустымъ: никто изъ антіохійскихъ язычниковъ не пришелъ, никто не принесъ ничего въ жертву и только одинокій жрецъ принесъ на закланіе собственнаго

гуся. Раздраженный Юліанъ сдѣлалъ по этому случаю Антіохіи сильный выговоръ. Постыдно",—говорилъ онъ,—„что вашъ столь многолюдный и богатый городъ менѣе заботится о своихъ богахъ, нежели какая нибудь незначительная деревня въ отдаленныхъ странахъ Понта. Владѣя гораздо богатѣйшими общественными имуществами, вы не приносите въ жертву отечественному богу ни одной птицы па праздникѣ, совершаемомъ ежегодно, послѣ того уже когда боги разсѣяли тьму безбожія (такъ называлъ Юліанъ христіанство). Каждый изъ васъ не щадитъ никакихъ издержекъ на свои праздники и проводитъ ихъ въ необыкновенной радости и веселіи, между тѣмъ какъ не приноситъ ни одной жертвы за благоденствіе себя и цѣлаго города. Только одинъ жрецъ дѣлаетъ это, который, по моему мнѣнію, долженъ получать часть отъ вашихъ жертвъ и относить ее въ домъ свой. Каждый изъ васъ дозволяетъ женѣ своей все тащить къ галилеянамъ, которые на ваши средства питаютъ множество бѣдныхъ и доставляютъ чрезъ это доказательство въ пользу своего безбожія".—Вблизи языческаго храма покоились теперь останки христіанскаго мученика Вавилы. Христіанскій цезарь Галлъ, братъ Юліана, въ честь этого мученика построилъ тамъ часовню. Не была ли близость этого мученика причиной того, что замолкъ языческій оракулъ?... Какъ бы то ни было, Юліанъ приказалъ удалить останки святаго Вавилы. Христіане, сильно оскорбленные этимъ приказомъ, совершили перенесеніе мощей св. Вавилы съ величайшею торжественностію при пѣніи псалма: *да посрамятся кланяющіеся истуканнымъ, хвалящіеся о идолѣхъ своихъ*. Императоръ, раздраженный этимъ, велѣлъ арестовать многихъ христіанъ и заключить въ тюрьму. Одинъ мальчикъ—пѣвецъ Ѳеодоръ былъ подвергнутъ пыткѣ. Онъ вытерпѣлъ ее, не перемѣнившись въ лицѣ, какъ будто бы страдалъ не онъ, а другой. Подобное же мужество показали и христіанскія діакониссы, которыя сами старались напрашиваться на мученія,—оскорбляя императора. Префектъ Саллюстій, чрезвычайно удивившись такому поведенію христіанъ, совѣтовалъ императору воздержаться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Вскорѣ послѣ того, храмъ Аполлона сгорѣлъ; подозрѣніе пало на христіанъ, но Юліанъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ запереть главную церковь Антіохіи, и въ возмездіе за сожженіе Аполлонова храма, велѣлъ разрушить христіанскую церковь въ Милетѣ, которая также находилась вблизи храма Аполлонова. Около тогоже времени попытка императора возстановить при

помощи іудеевъ ветхозавѣтный храмъ, чтобы фактически опровергнуть предрѣченіе Спасителя о запустѣніи Іерусалима,—окончилась полною неудачею. Кто знаетъ, какъ далеко по пути жестокости завела бы императора ревность о возстановленіи древней религіи,—потому что дѣятели реакціи, подобно дѣятелямъ революціи, въ своихъ стремленіямъ не знаютъ никакихъ границъ,—если бы воля Провидѣнія, часто неожиданно полагающая предѣлъ человѣческимъ начинаніямъ, не вызвала совершенно иной ходъ событій?

Смерть Юліана. Легенды и сужденія о немъ.

Юліанъ отправился въ походъ противъ персовъ. Сперва казалось счастіе благопріятствовало его оружію. Онъ овладѣлъ многими городами и достигъ до Ктезифона, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и приближеніе непріятельскаго войска подъ предводительствомъ Сапора принудили его возвращаться назадъ по берегу рѣки Тигра. Въ это время, въ одной незначительной стычкѣ при деревнѣ Фригія, Юліанъ былъ смертельно раненъ стрѣлой. Сначала онъ велѣлъ перевязать себѣ рану и, не смотря на ужасную боль, старался снова принять участіе въ сраженіи; но силы измѣнили ему. Онъ велѣлъ отнести себя въ палатку и въ трогательной рѣчи, напоминавшей предсмертную бесѣду Сократа, старался утѣшить окружающихъ его друзей, которые объ немъ плакали. Бесѣдуя затѣмъ съ философами Максимомъ и Прискомъ о возвышенной природѣ души, Юліанъ, по разсказу язычниковъ, умеръ какъ философъ, безъ страха и упрека, 27 іюня 363 года, на 32 году отъ рожденія. Съ такимъ разсказомъ о смерти Юліана совершенно несогласенъ разсказъ христіанскихъ писателей, которые утверждаютъ, что императоръ, получивъ смертельную рану, воскликнулъ: *галилеянинъ! ты побѣдилъ меня!* Вообще въ христіанской литературѣ нѣтъ недостатка въ различнаго рода сказаніяхъ, имѣющихъ цѣлію изобразить смерть императора, какъ судъ Божіей. Такъ Ѳеодоритъ сообщаетъ, будто другъ и учитель императора риторъ Ливапій, взошедши въ Антіохіи въ христіанскую школу, съ насмѣшкой спросилъ учителя: что подѣлываетъ теперь сынъ плотника? Учитель отвѣтилъ ему: „Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешь сыномъ плотника, на самомъ дѣлѣ есть Господь и Творецъ неба и земли. Онъ строитъ теперь погребальныя дроги. „Чрезъ нѣсколько дней послѣ того дѣйствительно пришло извѣстіе о смерти императора. Въ

средѣ язычниковъ носился слухъ, будто императоръ погибъ не отъ персидскаго оружія, а измѣнически былъ убитъ рукою христіанина. Христіане видоизмѣняли этотъ слухъ, повѣствуя, что Юліанъ пораженъ посланнымъ отъ Бога ангеломъ или мученикомъ Меркуріемъ.

Пристрастное отношеніе къ памяти Юліана проходитъ чрезъ всю исторію литературы. Мы не должны удивляться тому, что такой просвѣщенный учитель церкви, какимъ былъ Григорій Назіанзинъ, называетъ императора, отступившаго отъ Бога живаго, Ахааномъ и Іероваамомъ, Фараономъ и Навуходоносоромъ, и съ торжествомъ говорилъ о его смерти, какъ о гибели великаго дракона. Это ничто иное какъ контрастъ похвальной рѣчи, написанной въ честь Юліана языческимъ риторомъ Ливаніемъ, который называетъ незабвеннаго императора любимцемъ и питомцемъ боговъ и изображаетъ его, какъ существо неземное. Мы не должны удивляться этимъ пристрастнымъ сужденіямъ, рѣзко высказаннымъ той и другой стороной въ то время, когда впечатлѣніе отъ правленія Юліана было еще очень живо и страсти еще не улеглись. Но сужденіе о Юліанѣ, высказанное отцами церкви, легло въ основу всѣхъ послѣдующихъ отзывовъ о немъ у церковныхъ писателей. Сужденіе объ Юліанѣ въ сущности не перемѣнилось даже во время реформаціи, хотя древніе протестантскіе историки, какъ напр. магдебургскіе центуріаторы, говорили о Юліанѣ весьма снисходительно и, насколько для нихъ было возможно, исторически объективно. Совершенно противоположное унаслѣдованному церковію сужденію о Юліанѣ высказалъ впервые въ XVII вѣкѣ мистикъ Готфридъ Арнольдъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *исторія церкви и ересей*. Главная тенденція этого сочиненія состояла въ томъ, чтобы хвалить или по крайней мѣрѣ извинять тѣхъ—людей, которые подверглись осужденію со стороны господствующей церкви. Готфридъ не хотѣлъ защищать, еще менѣе восхвалять императора отступника; но онъ съ полнымъ правомъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что тогдашнее поведеніе христіанъ и въ особенности споры ихъ между собою никоимъ образомъ не могли возбудить въ душѣ императора расположенности къ ихъ религіи: онъ указываетъ на то, что христіане въ то время преслѣдовали другъ друга съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде преслѣдовали ихъ язычники,—и если припомнить занос-

чивые поступки по отношенію къ Юліану нѣкоторыхъ епископовъ и діакониссъ, то будто бы можно даже поставить вопросъ: Юліанъ ли преслѣдовалъ христіанъ, или христіане преслѣдовали Юліана?

XVIII вѣкъ былъ новою эпохою для сужденія о Юліанѣ. Чѣмъ болѣе падало уваженіе къ Константину, тѣмъ болѣе возвышалось сочувствіе къ Юліану. Замѣчательно впрочемъ, что Гиббонъ, вовсе не бывшій приверженцемъ христіанства, тѣмъ не менѣе не былъ поклонникомъ Юліана. Гиббонъ не ставитъ Юліану въ вину его отступничество отъ христіанства, но фанатическую любовь къ падавшему язычеству хладнокровно разсуждающій историкъ считаетъ глупымъ суевѣріемъ. Юліанъ представляется Гиббону такимъ-же фанатикомъ, какъ христіане, только въ другомъ направленіи. Еще неблагосклоннѣе разсуждаетъ о Юліанѣ Шлоссеръ, всѣ поступки Юліана объясняя его безграничной суетностію и не признавая въ немъ силы искренняго убѣжденія. Напротивъ большая часть историковъ раціоналистовъ питаетъ великое сочувствіе къ Юліану. По мнѣнію Роттека напримѣръ, Юліанъ былъ гордостью римской имперіи, образцомъ знаменитаго и добродѣтельнаго правителя, благороднѣйшимъ и великимъ императоромъ. Называя переходъ его къ язычеству шагомъ въ политическомъ отношеніи неблагоразумнымъ, Роттекъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ возвышать Юліана на счетъ Константина, и восхваляя благородный образъ мыслей Юліана, ставитъ ему въ контрастъ порочность христіанина императора. Первый, обсудившій жизнь и образъ мыслей Юліана спокойно и совершено съ христіанской точки зрѣнія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ фанатической односторонности, былъ Неандеръ, издавшій въ 1812 году сочиненіе подъ заглавіемъ „императоръ Юліанъ и его эпоха“. Подобно Арнольду, но съ бо́льшею историческою проницательностію Неандеръ обсуждалъ переходъ Юліана къ язычеству, принимая во вниманіе обстоятельства времени, и объяснялъ его наиболѣе недостатками тогдашней христіанской церкви, а также характеромъ образованія, полученнаго Юліаномъ, тѣми притѣсненіями отъ христіанъ, какія онъ терпѣлъ въ юности, и особенными свойствами его ума и характера. Неандеръ не былъ на столько ослѣпленъ, чтобы не видѣть ошибки Юліана, но по своему сочувствію ко всему благородному и великому, онъ съумѣлъ оцѣнить достоинства этого человѣка, который при другихъ обстоятельствахъ въ средѣ христіанъ не былъ бы худшимъ. Неандеръ ставитъ въ вину Юліану главным образомъ то, что у него не доставало

смиренія и той простоты духа, которая не соблазняется внѣшнимъ видомъ христіанства, но умѣетъ постигать его внутреннее величіе. Эта точка зрѣнія со времени Неандера съ незначительными видоизмѣненіями осталась основною въ новѣйшей протестантской исторіографіи,—у Ульмана и другихъ. Штраусъ, извѣстный критикъ евангельской исторіи, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1847 году, подъ заглавіемъ: „*Романтикъ на тронѣ кесарей или Юліанъ отступникъ*“ пытался дать новое направленіе историческому сужденію объ Юліанѣ. Въ сущности Штраусъ примыкаетъ къ Гиббону, который въ начинаніяхъ Юліана видитъ глупое сумасбродство. Штраусъ называетъ Юліана романтикомъ и этимъ названіемъ надѣется всего лучше охарактеризовать отличительныя свойства этого человѣка. Романтикъ, по представленію Штрауса,—тоже, что и фантазеръ,—человѣкъ который беретъ на себя противную историческому ходу задачу—сдѣлать заманчивымъ то, что отжило вѣкъ, который безразсудно, безъ всякаго практическаго соображенія, гонятся за пустыми тѣнями и образами и безсильно старается вызвать ихъ изъ прошедшаго. „Изъ недавняго прошлаго“, говоритъ Штраусъ, „мы хорошо знаемъ этихъ людей, которые преимущественно въ области религіи, а иногда и въ другихъ областяхъ, стараются возстановить старое или по крайней мѣрѣ сохранить его и перемѣшиваютъ старое съ новымъ. Такихъ людей мы привыкли называть *романтиками*. Такъ напримѣръ романтиками называемъ тѣхъ поэтовъ, которые стремятся въ поэтическихъ образахъ возстановить поблекшія саги о древнихъ воинскихъ подвигахъ. Называемъ романтиками тѣхъ философовъ, которые пытаются пополнить содержаніе философіи, опустѣвшее благодаря критическому анализу, подбавкою религіозныхъ доктринъ. Романтики въ области богословія пытаются подлить философскаго и эстетическаго елея, чтобы поддержать меркнущій свѣтъ богословія; романтики въ области политики утверждаютъ, что для улучшенія современнаго государственнаго устройства необходимо возстановить средневѣковую феодальную и городскую систему; наконецъ государемъ романтикомъ былъ бы тотъ, который,—подобно Юліану,—попытался бы въ теченіе своего управленія осуществить романтическія стремленія посредствомъ своихъ указовъ“. Устанавливая такой взглядъ на Юліана, Штраусъ совершенно подрываетъ значеніе его, трактуя его религіозное воодушевленіе, какъ такую черту характера, благодаря которой онъ дѣлался смѣшнымъ въ глазахъ мыслящихъ людей. Нужно прибавить, что, характеризуя Юліана, какъ ро-

мантика, Штраусъ имѣлъ въ виду не столько выяснить личность давняго дѣятеля, сколько выразить протестъ противъ современнаго положенія дѣлъ въ Германіи, и въ частности въ Пруссіи.

Въ русской литературѣ есть два сочиненія о Юліанѣ: 1) свящ. Д. Флоринскаго: *И. Юліанъ или послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ въ римской имперіи* (Духъ христіанина 1861—2) и б) магистерская диссертація Я. И. Алфіонова. *Имп. Юліанъ.* Казань 1877. Болѣе характерное и самостоятельное сужденіе о Юліанѣ, встрѣчающее въ русской литературѣ, принадлежитъ А. С. Хомякову (Записки о всемірной исторіи ч. II, М. 1873 стр. 44), которое здѣсь и приводимъ, какъ попытку русскаго мыслителя сказать свое слово по общеисторическому вопросу.

„Возстановитель язычества, Юліанъ, остроумный софистъ, риторъ не безъ краснорѣчія, достойный ученикъ философскихъ школъ умирающей Еллады, отличался умомъ быстрымъ и предпріимчивымъ, блистательными воинскими дарованіями и неутомимымъ славолюбіемъ. Идолопоклонство, имъ возобновляемое, не было тѣмъ случайнымъ, нестройнымъ и безсмысленнымъ синкретизмомъ, который составлялъ религію еллино-римскаго міра, но—символизацією новыхъ философскихъ ученій, въ которыхъ произвольный мистицизмъ являлся съ притязаніями на логическую послѣдовательность. Имена древнихъ боговъ сохранялись; смыслъ имъ приписывался новый, далекій отъ народнаго повѣрья и неясный для самихъ нововводителей. Въ Юліанѣ выражалась вражда къ христіанству, общая всѣмъ философскимъ школамъ того времени, и желаніе основать вѣру новую—давнишняя надежда неоплатониковъ,—а не безусловная любовь къ языческой древности и не притязаніе государства быть единственною религіею всѣхъ гражданъ. Въ средствахъ, употребленныхъ для возстановленія язычества и для угнетенія христіанъ, грубое насиліе прежнихъ императоровъ, уже едвали возможное, замѣнялось по большей части ядовитою насмѣшкою, полу-ученою критикою христіанскаго ученія и еврейскаго преданія, лестью гордости народной, великолѣпіемъ обрядовъ идолослуженія, хитрымъ устраненіемъ христіанъ отъ источниковъ просвѣщенія, наконецъ соблазнами и обманами, недостойными ни государя, ни человѣка. За всѣмъ тѣмъ успѣхъ былъ ничтоженъ и это ничтожество зависѣло отчасти отъ характера императора, отчасти отъ его ученія. Явное безвѣріе философа, созидающаго себѣ произвольные, слѣдовательно услов-

ные предметы поклоненія и безпрестанно просящаго помощи отъ аналитической науки, рѣзко разногласило съ старушьимъ суевѣріемъ, трепещущимъ предъ нелѣпыми заклинаніями кушитскаго міра. Въ личномъ характерѣ Юліана мужество болѣе блестящее, чѣмъ благоразумное, умъ болѣе острый, чѣмъ послѣдовательный, доброта неоспоримая, но не всегда соединенная съ правосудіемъ, простота нравовъ, напоминающая не древній Римъ, а Діогенову школу,—и цѣломудріе, зависящее можетъ быть отъ физическаго организма, но странное въ язычникѣ, были недостаточными вознагражденіями за отсутствіе разумной цѣли, величавой откровенности, политической мудрости и той цѣлости душевной, безъ которой люди могутъ быть знаменитыми, но никогда не бываютъ великими.—Часто сравниваютъ Юліана съ его предшественникомъ Константиномъ великимъ. Такое сравненіе показываетъ или великое пристрастіе или крайнее тупоуміе. Константинъ понялъ вѣкъ и его потребности. Юліанъ былъ къ нимъ совершенно слѣпъ. Сверхъ того ясно, что основатель Византіи и христіанской имперіи былъ созданъ въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ мелкіе размѣры софиста, взявшагося за возстановленіе язычества".

Смертію Юліана закончился царствующій домъ Константиновъ. Для справокъ мы считаемъ неизлишнимъ представить родословіе династіи Константиновой въ слѣдующей таблицѣ.

Констанцій Хлоръ † 25 іюля 306.

1-я жена его Елена † 328. — 2-я жена его Θеодора.

Потомство К. Хлора отъ Елены.

Константинъ великій † 337.

1-я жена его Минервина — 2-я жена его Фаустa уб. 326

От Минервины. Криспъ уб. 326.	От Фаусты: Константинъ уб. 340.	Констанцій † 361.	Констансъ уб. 350.	Константина, жена Аннибаліана, царя понтійскаго, потомъ жена Галла † 353.	Елена, жена Юліана отступника † 360.

Потомство К. Хлора отъ Θеодоры.

Констанцій уб. 337. 1-я жена его Галла.	2-я жена его Василина.	Далматъ † до 355.	Аннибаліанъ уб. 337.	Констанція жена Ликинія † 330.	Евтропія уб. 350.

От Галлы: Дочь, неизвѣстная по имени,—жена имп. Констанція † до 350 г. Галлъ уб. 354.	От Василины: Юліанъ отступникъ уб. 363.	Дѣти Далмата: Далмацій кесарь уб. 337.	Аннибаліанъ царь понтійскій уб. 337.	сынъ Констанціи Валерій Ликиніанъ уб. 326.	Сынъ Евтропіи Непотіанъ Августъ уб. 350.

Изъ 26 лицъ, отмѣченныхъ на прилагаемой таблицѣ, 13 погибли насильственною смертію, не считая пятерыхъ племянниковъ имп. Константина, неизвѣстныхъ по имени, погибшихъ во время избіенія императорской фамиліи по смерти Константина въ 337 г.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Внутренняя исторія церкви въ царствованіе династіи Константиновой (312—363).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи церковныхъ дѣлъ въ царствованіе преемниковъ Юліановыхъ, мы должны изобразить внутреннее состояніе церкви въ теченіе 50 лѣтъ, протекшихъ съ того дня, когда Константинъ въ первый разъ поднялъ знаменіе креста предъ своими легіонами, идущими къ Риму,—до того дня, когда послѣдній членъ царственнаго дома Константинова умиралъ среди раскаленныхъ пустынь Персіи, какъ закоренѣлый и нераскаянный язычникъ. Изобразить *внутреннее состояніе церкви*—дѣло не легкое. Обыкновенно въ главу подъ заглавіемъ: *внутреннее состояніе* складывается все то, что почему-либо не вошло въ составъ предъидущаго повѣствованія,—всѣ отрывочныя и случайныя извѣстія о мелочахъ, изъ которыхъ слагается жизнь, но которыя по своей мелочности недостаточны для того, чтобы охарактеризовать протекшую жизнь для читателя. Группируя массу мелкихъ извѣстій о мелкихъ фактахъ, историкъ обыкновенно руководствуется общепринятыми, ходячими рубриками: *литература*, *право*, *искусство*, *бытъ* и т. д. Бываютъ рубрики и худшаго достоинства. Но даже въ лучшемъ случаѣ историкъ во 1-хъ дѣлаетъ чужое дѣло, собирая матеріалы для спеціальныхъ наукъ: исторіи литературы, исторіи права, археологіи и т. д.; во 2-хъ—не дѣлаетъ своего дѣла, потому что въ результатѣ работы получаются разсѣченные группы фактовъ, относящихся къ разнымъ областямъ вѣдѣнія, а не дается общаго представленія о протекшей жизни извѣстнаго времени.—Общій выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что слѣдуетъ, предоставивъ историку цер-

ковной литературы, канонисту и археологу подборъ и анализъ фактовъ, относящихся къ спеціальности каждаго,—остановиться только на тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ сильнѣе чувствуется біеніе пульса общецерковной жизни. Такими явленіями служатъ—по нашему крайнему разумѣнію—съ одной стороны святые, канонизованные и прославленные, съ другой стороны—враги церкви, отлученные и проклятые. Въ оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ лицъ церковное сознаніе эпохи выразило свои положительные и отрицательные идеалы, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалось и само съ своими отличительными особенностями. Если мы представимъ за тѣмъ нѣсколько данныхъ для характеристики массы вѣрующихъ, стоящихъ на срединѣ между высокою святостію и крайнимъ недостоинствомъ, и въ заключеніе укажемъ на новыя пріобрѣтенія христіанства среди языческихъ народовъ востока,—то мы будемъ считать задачу настоящей главы исполненною.

Начало христіанскаго монашества. Святые подвижники въ Египтѣ. Общая характеристика иноческаго міросозерцанія и житія.

Въ первые три вѣка христіанства путь спасенія для христіанъ былъ очень простъ и ясенъ. Гоненія на христіанъ были часты и продолжительны. Стоило только жаждущему спасенія выдти на площадь и объявить себя христіаниномъ, чтобы попаться въ руки язычниковъ и подвергнуться разнообразнѣйшимъ мученіямъ. Разумѣется въ этомъ не было ничего пріятнаго съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія, но за то подвигъ спасенія былъ очевиденъ и вѣнецъ царства небеснаго достигался скоро. Нѣсколько дней, иногда даже нѣсколько часовъ ужасныхъ физическихъ мученій, которыя нужно было вытерпѣть съ молитвою на устахъ,—и затѣмъ разсчетъ съ жизнію кончался, являлись новый мученикъ или новая мученица, новые наслѣдники царства небеснаго.—Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею, христіане торжествовали. Но скоро обнаружилось, что въ новую эпоху путь ко спасенію сдѣлался много труднѣе и сбивчивѣе, чѣмъ въ прежнюю. Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло; напротивъ того оно вошло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому что это было выгодно, нрав-

ственные идеалы христіанства помутились. Не было мучителей, не было костровъ и лютыхъ звѣрей, къ которымъ можно было бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученическій,—но за то не было и вѣнца. Задача спасенія стала труднѣе. Нельзя было сразу кончить жизнь святымъ подвигомъ самопожертвованія: нужно было доживать ее до конца среди страстей, соблазновъ и искушеній.

Въ такихъ обстоятельствахъ люди, заботившіеся о своемъ вѣчномъ спасеніи, захотѣли по крайней мѣрѣ упростить свою задачу. Такъ какъ общественная жизнь распадавшейся римской имперіи представляла собою очень грустную картину въ нравственномъ отношеніи, то люди, проникнутые христіанскими убѣжденіями, не надѣясь пересоздать все общество, рѣшались по крайней мѣрѣ ради собственнаго спасенія удалиться изъ грѣшнаго міра въ пустыню. Вотъ почему образъ жизни Антонія великаго и другихъ египетскихъ пустынножителей скоро нашелъ себѣ много подражателей и даже подражательницъ.

Но для развитія монашества была еще иная подготовка. Народы востока съ древнихъ временъ выдѣляли изъ себя любителей пустыннаго безмолвія и подвижничества. Таковы были индійскіе брамины, еврейскіе ессеи и терапевты. Индійскій подвижникъ, оставляя міръ, удалялся въ уединеніе, ничего не имѣя съ собою, кромѣ посоха, покрывала на голову и пояса,—жилъ подаяніями и употреблялъ пищу лишь настолько, насколько это нужно было для продолженія жизни. Забывая о холодѣ и жарѣ, о чести и безчестіи, забывая о людяхъ, которыхъ ни хвалилъ, ни порицалъ, ни любилъ, ни ненавидѣлъ, *онъ былъ ни я, ни ты.* Неподвижно сидѣлъ онъ на одномъ мѣстѣ, повторяя священное „aum“, задерживалъ свое дыханіе, для сосредоточенія своей мысли смотрѣлъ на одинъ предметъ до тѣхъ поръ, пока не исчезало желаніе изъ его сердца, т. е. пока не погружался въ состояніе полной атараксіи и апатіи. Внѣшняя сторона жизни индійскихъ браминовъ въ нѣкоторой степени была извѣстна и классическимъ писателямъ греко-римскаго міра. Страбонъ повѣствуетъ, что брамины обнаженные ходили на солнцѣ и подъ дождемъ, держали цѣлый день въ рукахъ дерево, стояли на одной ногѣ. Плиній говоритъ объ индійскихъ гимнософистахъ, смотрѣвшихъ неподвижно на солнце.—О сектѣ ессеевъ мы упоминали прежде (Вып. I, стр. 29). Жизнь еврейскихъ терапевтовъ такъ описываетъ Филонъ въ своемъ сочиненіи:

περὶ βίου θεωρικοῦ. Основнымъ стремленіемъ терапевтовъ было господство надъ страстями и тѣломъ, а средствами для этого признавались уединеніе и жизнь созерцательная. Терапевты удалялись отъ шумныхъ городовъ и жили въ мѣстахъ уединенныхъ; предъ поступленіемъ въ общину оставляли они имѣніе своимъ родственникамъ и друзьямъ, покидали женъ и прерывали всѣ родственныя связи. Терапевты распространены были во многихъ странахъ тогдашняго свѣта, но по преимуществу въ самомъ Египтѣ, особенно около Александріи. Составляя общину, терапевты тѣмъ не менѣе жили самозаключенно. У каждаго было свое отдѣльное помѣщеніе и своя священная уединенная келья; тамъ хранились писанія пророковъ и другіе священные предметы, но туда ничто не вносилось служащее для нуждъ тѣлесныхъ. Молились терапевты при восходѣ и заходѣ солнца: въ продолженіе времени отъ утра до вечера занимались изученіемъ писаній и философскимъ созерцаніемъ или составленіемъ священныхъ гимновъ. Всѣ они вели жизнь воздержную, постническую. Никто не употреблялъ пищи прежде заката солнца, а нѣкоторые постились еще болѣе—совсѣмъ не употребляли пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней (до 6 дней). Пища ихъ состояла только изъ хлѣба и соли, приправляемыхъ иссопомъ; а питьемъ была простая вода. Одежда ихъ была также простая, и назначалась только для того, чтобы защищать тѣло отъ холода и зноя. Уединеніе терапевтовъ прерывалось обоимъ собраніемъ для богослуженія въ каждый 7 день, и особенно по истеченіи седми седмицъ, въ 50 день. Въ этотъ день терапевты, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ съ торжественно-радостнымъ выраженіемъ въ лицѣ, молились Богу и за тѣмъ возлегали за трапезу,—мужчины на правой сторонѣ, женщины—на лѣвой. И въ этотъ торжественный день, какъ и въ дни седмичные, не подавалось ни вино, ни мясо. Терапевты сидѣли за трапезою въ глубокомъ молчаніи, а послѣ вечери совершали *священную панихиду*. Составлялись два хора изъ мужчинъ и женщинъ и пѣли священные гимны, то вмѣстѣ оба хора, то порознь. Пѣніе сопровождалось своеобразною пляскою. Проведя цѣлую ночь въ этомъ,—по выраженію Филона, — *прекрасномъ опьяненіи*, терапевты съ восходомъ солнца, обратившись къ востоку, молились о дарованіи имъ добраго дня и просвѣтленіи очей ихъ разума и за тѣмъ расходились.

Любовь къ уединенной подвижнической жизни коренилась въ религіозныхъ воззрѣніяхъ индусовъ и египтянъ. Мысль, что человѣче-

ская жизнь есть страданіе и зло, проникаетъ всю религію браминовъ, еще болѣе религію Будды. „Что́ за удовольствіе“—говорится въ одномъ изъ гимновъ Веды,—„можно находить въ этомъ бренномъ тѣлѣ, полномъ нечистотъ, сложенномъ изъ костей, кожи, жилъ, мускуловъ, крови?... Что́ за удовольствіе въ жизни, гдѣ голодъ и жажда, болѣзнь и страданіе, возрастаніе и умаленіе, и смерть? Что такое великіе люди, бывшіе на землѣ,—цари, вожди?—гдѣ они? Не изчезли ли съ своимъ безграничнымъ счастіемъ? Я,—какъ жаба на изсохшемъ потокѣ. Ты одинъ, Исвара, (Господи)! мое прибѣжище!“ Еще съ бо́льшею рѣзкостію таже идея о ничтожествѣ земнаго бытія развивается въ ученіи Будды или Шакья—Муни. „Бытіе міра“, говоритъ Будда, „это одинъ видъ, призракъ, лакъ,—нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ самостоятельности“. Жизнь во вселенной,—по ученію Будды—есть постоянная мѣна формъ жизни, постоянное скитальчество живыхъ существъ, надъ которыми царитъ законъ перерожденій. „Длинна ночь для того, кто не спитъ, длиненъ путь для утомленнаго странника, длиненъ рядъ перерожденій, ожидающихъ неразумнаго. Что за радость постоянно влачиться по перерожденіямъ?“ Послѣдняя цѣль жизни и освобожденіе отъ утомительнаго странствованія по перерожденіямъ—это *нирвана* т. е. бытіе угасшее. Достигнувъ нирваны, человѣкъ переходитъ на другой берегъ бытія, гдѣ находитъ наконецъ покой и блаженство. Блаженство въ нирванѣ—есть блаженство небытія, въ противоположность бытію съ его неизбѣжными скорбями. Тамъ нѣтъ ни пространства, ни времени, ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго,—тамъ нѣтъ ни желаній, ни дѣятельности, ни старости, ни процвѣтанія. Понятно безъ объясненій, въ какой связи стоитъ уединенное подвижничество индусовъ съ ученіемъ о мучительномъ бытіи и о блаженной нирванѣ.—Нѣсколько иныя основанія для такогоже образа жизни представляетъ религія египтянъ. Ни у одного изъ народовъ, исторически извѣстныхъ, вопросъ о смерти и загробной жизни не имѣетъ такого значенія, какъ у египтянъ. Съ удивленіемъ замѣчалъ о египтянахъ Діодоръ сицилійскій, что они ни мало не цѣнятъ настоящую жизнь, называя домы живыхъ гостинницами, гдѣ человѣкъ останавливается на время, какъ путникъ, и признавая истинными и вѣчными жилищами гробы мертвыхъ. Тщательно набальзамированныя муміи и громадныя пирамиды—домы мертвыхъ—служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ вѣрованія египтянъ, что только по смерти начинается для человѣка настоящая жизнь.

Такимъ образомъ въ до-христіанскомъ мірѣ заложены были нѣкоторыя теоретическія основанія и практическіе образцы для уединеннаго подвижничества, вызываемыя конечно общечеловѣческими свойствами и потребностями. Христіанство придало ему истинный смыслъ, новую силу и жизненность.

Хотя Божественный Основатель христіанства и его апостолы вели образъ жизни, далекій отъ жизни ессеевъ и терапевтовъ, и постоянно вращались среди человѣческаго общества, тѣмъ не менѣе возвышенный спиритуализмъ христіанства не могъ не уносить всякаго искренняго послѣдователя Христова далеко за предѣлы земныхъ стремленій и привязанностей,—далеко изъ той области близорукихъ заботъ и мелкихъ страстей, въ какой привыкъ жить родъ людской, лукавый и прилюбодѣйный. *Царство мое—не отъ міра сего*, (Іо. 18, 36) говоритъ Христосъ Спаситель. *Наше жительство на небесахъ*, говорили апостолы,—*откуда и Спасителя ждемъ* (Филип. 3, 20). На землѣ христіанинъ путникъ, а для путника всего важнѣе—цѣль путешествія; остальное—дѣло второстепенное. *Я вамъ сказываю братіе*: говорилъ апостолъ, *время уже коротко; такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и радующіеся какъ не радующіеся, и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся, ибо проходитъ образъ міра сего. А я хочу, чтобы вы были безъ заботъ.* (I Кор. 8, 29—31). Чѣмъ меньше на пути хлопотъ и задержекъ, чѣмъ легче багажъ,—тѣмъ лучше для путника. Для каждаго извѣстны евангельскіе совѣты объ отреченіи отъ семьи, отъ собственности,—завѣты Спасителя отъ отверженіи собственной эгоистической воли, о перенесеніи обидъ, о терпѣливомъ несеніи креста страданій и бѣдствій. Для каждаго извѣстно также постоянно-проводимое въ евангеліи и писаніяхъ апостольскихъ противоположеніе между обществомъ послѣдователей Христовыхъ и *міромъ*,—обществомъ людей, живущихъ чувственною и полною страстей жизнію. (Іо. 15, 18—20). *Не любите міра, ни того, что въ мірѣ*, говоритъ апостолъ (I Іо. 2, 15—17) *кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отцей. Ибо все, что въ мірѣ,—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская не есть отъ Отца, но отъ міра сего. И міръ проходитъ и похоть его; а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣки.*

Взаимодѣйствіе евангельскихъ идеаловъ съ духомъ времени и міросозерцаніемъ народовъ востока и было причиною возникновенія и

развитія христіанскаго монашества. Религіознѣйшій народъ древняго міра—египтяне—далъ изъ себя первыхъ иноковъ и отцевъ монашества. Таковы были: св. Антоній великій 357 г., св. Павелъ Ѳивейскій † 341 г. св. Пахомій великій, основатель монашескихъ общежитій † ок. 348 г. и Ѳеодоръ освященный, ученикъ его † к. 366 г.; Макарій египетскій, инокъ съ 330 г. 391 г. и Макарій александрійскій, современникъ его.

Не входя въ частности, мы постараемся изобразить общій кругъ идей, изъ которыхъ слагалось иноческое міросозерцаніе, и общій типъ иноческой жизни съ ея аскетическими подвигами.

Идеализація пустыннаго безмолвія, чудеса и видѣнія, постоянное размышленіе о смерти и загробной жизни, общеніе съ ангелами и борьба съ злыми духами,—вотъ тѣ представленія, которыя образовали собою атмосферу духовной жизни инока. Для уясненія иноческаго міросозерцанія, мы должны остановиться нѣсколько на каждомъ изъ этихъ представленій.

Для людей настоящаго времени, привыкшихъ жить среди многолюднаго общества, уединенное пребываніе въ пустынѣ кажется несноснымъ и невозможнымъ. Не такимъ представлялось оно въ точки зрѣнія иноковъ. Св. Антоній говоритъ: „кто живетъ въ пустынѣ и въ безмолвіи, тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній; отъ искушенія слуха, языка и взора; одно только у него искушеніе—въ сердцѣ“.—Были,—читаемъ въ Патерикѣ—три достолюбезные монаха. Одинъ избралъ для себя дѣло примирять ссорящихся людей. Другой—посѣщать больныхъ. Третій удалился безмолвствовать въ пустыню. Первые двое скоро ослабѣли въ своемъ подвигѣ и пошли къ пустыннику спросить, что добраго сдѣлалъ онъ въ пустынѣ. Немного помолчавъ, пустынникъ вливаетъ воду въ чашу и говоритъ имъ: „смотрите на воду“. А она была мутная, такъ что ничего не видно было въ ней. Спустя немного онъ опять говоритъ: „Смотрите—теперь устоялась вода“ Какъ скоро они посмотрѣли въ воду, то увидѣли свои лица, какъ въ зеркалѣ. Тогда онъ сказалъ имъ: „такъ бываетъ и съ человѣкомъ, живущимъ среди людей,—отъ возмущенія онъ не видитъ грѣховъ своихъ; а когда онъ безмолствуетъ и особенно въ пустынѣ, тогда видитъ свои недостатки“. Для отшельника пустыня была открытою книгою, въ которой онъ читалъ неизмѣримое величіе Божіе; она была вмѣстѣ съ тѣмъ и училищемъ самопознанія, потому что человѣкъ, оста-

ваясь одинъ самъ съ собою, могъ внимательно и безъ развлеченія слѣдить за помыслами, возникавшими изъ глубины его души; пустыня была для отшельника и средствомъ къ самоусовершенствованію, потому что даже страстные помыслы, не находя себѣ удовлетворенія, въ концѣ концовъ утихали и успокоивались. „Братъ, — читаемъ въ патерикѣ, — просилъ совѣта у старца: мысли мои блуждаютъ и я сокрушаюсь объ этомъ. „Сиди въ кельѣ своей", сказалъ старецъ,"—и онѣ опять соберутся. Когда ослица бываетъ привязана, то осленокъ ея скачетъ туда и сюда, и куда бы ни уходилъ, опять приходитъ къ матери. Такъ и мысли монаха, постоянно пребывающаго въ кельѣ ради Бога, хотя на нѣсколько времени разсѣеваются, но потомъ возвращаются къ нему".

Идеализація пустыни очень ярко рисуется въ сказаніи о Павлѣ Ѳивейскомъ, которое поэтому и приводимъ въ краткомъ видѣ. Св. Антонію пришелъ однажды помыслъ, что нѣтъ человѣка, который бы ранѣе его поселился въ пустынѣ. И вотъ былъ ему голосъ: „Антоній! есть рабъ Божій, пустынножительствующій дольше, чѣмъ ты; найдешь его во внутренней пустынѣ". Антоній отправился въ путь. Зной палилъ его; дорога была неизвѣстна, но Антоній надѣялся на водительство Божіе. На пути встрѣтилъ онъ иппокентавра (человѣка, подобнаго коню) и сатира (человѣка съ козьими ногами и рогами на головѣ). Иппокентавръ молча указалъ св. Антонію путь въ ту сторону, гдѣ живетъ рабъ Божій, а сатиръ принесъ святому финиковъ и отъ имени всѣхъ сатировъ просилъ помолиться за нихъ общему Владыкѣ, о пришествіи котораго въ міръ они слышали, ибо во всю землю изыде вѣщаніе Его.—Двое сутокъ шелъ святой по безлюдной пустынѣ, видя только слѣды звѣрей, и на разсвѣтѣ третьяго дня пришелъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ невѣдомый рабъ Божій, оказавшійся Павломъ Ѳивейскимъ. Онъ жилъ въ пустынѣ болѣе 90 лѣтъ,—со времени гоненія Декіева,— не видя лица человѣческаго. Сначала онъ не хотѣлъ принимать гостя, но потомъ принялъ св. Антонія (имя котораго узналъ по откровенію) и сталъ его распрашивать: „скажи мнѣ, какъ живетъ нынѣ родъ человѣческій? какъ идутъ дѣла въ мірѣ? есть ли еще идолопоклонники? продолжаются ли гоненія на вѣрныхъ"? Антоній отвѣчалъ: „молитвами твоими стоитъ міръ, гоненія прекратились и церковь воспѣваетъ истиннаго Бога". И затѣмъ просилъ Павла разсказать свою жизнь. Пока они бесѣдовали, прилетѣлъ воронъ и положилъ предъ старцемъ хлѣбъ.

„Вотъ“, сказалъ св. Павелъ, „Господь послалъ обѣдъ рабамъ своимъ. 60 лѣтъ я получаю ежедневно полхлѣба, а сегодня усугубилъ Господь выдачу Своимъ воинамъ“. 113-лѣтнему Павлу оставалось жить только нѣсколько дней. По его просьбѣ св. Антоній отправился въ свою келью за мантіею, что бы обвить тѣло Павла при его погребеніи, но возвратившись уже не засталъ Павла въ живыхъ. Оплакавъ и отпѣвъ св. отшельника, св. Антоній недоумѣвалъ, какъ похоронить Павла, ибо нечѣмъ было ископать ему могилу. И вотъ изъ внутренней пустыни прибѣжали два льва, съ жалостнымъ рыканіемъ припали къ тѣлу усопшаго, своими когтями вырыли могилу довольную, опять припали къ тѣлу святаго, какъ бы давая ему послѣднее цѣлованіе, и удалились. Похоронивъ св. Павла, св. Антоній еще ночь молился надъ его могилою и возвратился во свояси, неся съ собою одежду святаго, сплетенную изъ финиковыхъ листьевъ [1]).

Уже изъ этого, идеализирующаго пустынную жизнь, разсказа о св. Павлѣ Ѳивейскомъ, видно, до какой степени міросозерцаніе пустынника было проникнуто вѣрою въ чудеса и знаменія. *Богу все возможно. Богъ все видитъ и знаетъ. Богъ все готовъ сдѣлать для вѣрныхъ рабовъ Своихъ.* Таково было ежеминутное представленіе человѣка, удалившагося въ пустыню, чтобы работать Господу. Съ другой стороны нигдѣ такъ сильно не охватывало человѣка сознаніе своей без-

---

[1]) Идеализація пустыни имѣла мѣсто и въ русской народной литературѣ. Припомнимъ напр. слѣдующіе духовные стихіи:

А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню,
Во темныхъ лѣсахъ
Во горахъ бы, во вертепахъ,
Во пропастяхъ земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу...
О прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню похваляетъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангелы отцемъ помогаютъ,
Апостолы отцевъ ублажаютъ...
А всѣ святіи отцевъ восхваляютъ...
Охъ ты гой еси, батюшка
Христосъ царь небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы пташки пролетали,
Меня бы старца, потѣшали,
Отъ сна бы пробуждали.
Отъ сна бъ я пробудился
На правило становился.

помощности, какъ въ пустынѣ. Ни отъ себя, ни отъ людей пустынникъ ничего не могъ ожидать; все его существованіе зависѣло исключительно отъ Бога. Плоды финика, ручей съ чистою водою—принимались, какъ непосредственные дары благости Божіей. Львы и геенны были мирными сосѣдями пустынника, потому что его хранила десница Божія. Подобнаго рода представленія дѣлали пустынника и счастливѣе и нравственно лучше; они же были основою многихъ исторій о чудесахъ, повѣствуемыхъ во славу Божію. Изъ этихъ разсказовъ далеко не всѣ имѣютъ одинаковую достовѣрность, но всѣ они были въ духѣ того времени, когда вѣра въ чудеса была одинаково распространена и между христіанами и между язычниками. Приведемъ для примѣра одно сказаніе о чудѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется въ нѣкоторой степени и законъ чудотворенія. „Разсказываетъ нѣкто изъ отцевъ объ аввѣ Павлѣ, жившемъ въ нижнихъ странахъ Египта въ Ѳиваидѣ, что онъ держалъ въ рукахъ змѣй и скорпіоновъ и разрывалъ ихъ пополамъ, какъ бы нѣкую ткань паука. Сотворили ему братія поклонъ, говоря: „скажи намъ какое дѣланіе совершалъ ты, что получилъ такую благодать?“ Онъ же сказалъ: простите мнѣ, отцы. Если пріобрѣтетъ кто чистоту, все покорится ему, какъ Адаму, когда онъ былъ въ раю, прежде чѣмъ преступилъ заповѣдь“ [1]).

Постоянною думою инока была дума о загробной жизни. Еще ап. Павелъ, имѣя въ виду многоскорбность христіанской жизни, сказалъ: *если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа: то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ*. (I Кор. 15, 19). Тоже самое съ особеннымъ правомъ могли сказать иноки, потому что ихъ жизнь была постояннымъ подвигомъ отреченія отъ всѣхъ земныхъ удовольствій и привя-

---

[1]) Постоянное ожиданіе чуда придавало иногда характеръ чудесности явленіямъ естественнымъ. Ученикъ св. Макарія александрійскаго Пафнутій разсказывалъ о святомъ, что однажды, когда онъ сидѣлъ на дворѣ, гіена принесла и бросила къ ногамъ его своего слѣпаго дѣтеныша. Святой помолился и дѣтенышъ гіены тотчасъ прозрѣлъ. Чрезъ нѣсколько дней гіена принесла святому овчую кожу, какъ бы въ благодарность за прозрѣніе дѣтеныша. Эта кожа въ послѣдствіи была подарена св. Макаріемъ Меланіи Римлянинѣ и называлась: даръ гіены. Дѣло возможное, что прозрѣніе дѣтеныша гіены совершилось помимо чуда. Но скептикъ нашего времени только очень немногимъ изъ подвижниковъ чудесъ можетъ придать естественное объясненіе. Изъ видѣній нѣкоторыя объяснимы миражами пустыни.

занностей. Но оцѣнка трудностей иноческой жизни сразу же измѣнялась при сопоставленіи ея съ блаженною вѣчностію. „Въ настоящей жизни“, говорилъ св. Антоній, „всякой вещи бываетъ соразмѣрная цѣна; продавецъ получаетъ отъ покупателя только то, чего стоитъ продаваемая вещь. А вѣчная жизнь продается за несоразмѣрно-малую цѣну, за нашу короткую жизнь, о которой написано: *дніе лѣтъ нашихъ семдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ лѣтъ.* Если мы проживемъ здѣсь, трудясь ради Бога 80 или 100 лѣтъ, то будемъ блаженствовать въ грядущей жизни не 80 или 100 лѣтъ, но цѣлую вѣчность. Все, отъ чего мы отрекаемся въ этомъ мірѣ, есть какъ бы одна мѣдная монета, которую мы бросаемъ для того, чтобы получить сто золотыхъ“. Понятно, что дума о загробной жизни должна была сдѣлаться началомъ и концемъ всѣхъ размышленій инока, утѣшеніемъ его среди подвиговъ и лишеній, укрѣпленіемъ среди соблазновъ и унынія. У иныхъ дума—эта была радостнаго, у другихъ—и это бывало чаще—мрачнаго характера, быть можетъ потому что печальная дѣйствительность давала больше красокъ для изображенія адскаго мученія, чѣмъ для изображенія райскаго блаженства. Въ древнемъ патерикѣ приведена бесѣда 12 иноковъ о постоянномъ предметѣ ихъ размышленій. Размышленія ихъ большею частію вращаются около загробной жизни. Послѣдній изъ собесѣдниковъ говоритъ слѣдующее: „вижу грѣхи мои предо мною, куда ни пойду и куда ни обращусь, вижу, что они встрѣчаютъ меня, вижу ихъ по правую и по лѣвую сторону. Осуждая себя на преисподнюю, говорю я: *будь съ тѣми, которыхъ ты достоинъ, ибо немного спустя съ ними причтенъ будешь.* Созерцаю тамъ вопли и непрестанныя слезы, о которыхъ никто и пересказать не можетъ. Созерцаю, что иные скрежещутъ зубами и дрожатъ всѣмъ тѣломъ, и трясутся отъ головы до ногъ. И повергшись на землю и посыпавшись пепломъ, умоляю Бога, чтобы не испытать сихъ бѣдствій. Вижу и море огненное, безмѣрно волнующееся и воздымающееся, такъ что можно подумать, что до небесъ достигнутъ волны огненныя. И въ страшное оное море страшными и суровыми ангелами ввергается великое множество людей, и всѣ они вопіютъ въ одинъ голосъ и стенаютъ вмѣстѣ... и милосердіе Божіе отвратилось отъ нихъ по причинѣ беззаконій ихъ. И тогда оплакиваю родъ человѣческій, какъ осмѣливается онъ и слово сказать и обращать вниманіе на что-либо, когда столько золъ предназначено міру“.

Старецъ (читаемъ въ патерикѣ) сказалъ: „еслибы возможно было въ пришествіе Божіе, по воскресеніи отъ страха умереть душамъ человѣческимъ, то весь міръ умеръ бы отъ ужаса и изумленія. Какъ можно видѣть небеса раздирающіяся, Бога, являющагося съ гнѣвомъ и яростію, несчетное воинство ангеловъ, и все вмѣстѣ человѣчество? Посему, такъ мы должны жить, какъ имѣющіе каждый часъ отдать Богу отчетъ въ своей жизни". Увидѣвъ одного смѣющагося, старецъ сказалъ ему: „предъ небомъ и землею мы должны отдать отчетъ во всей своей жизни,—и ты смѣешься!"

Иногда представленія о загробной жизи принимали нѣсколько фантастическій характеръ. „Разсказывали объ аввѣ Макаріѣ великомъ: однажды проходя пустынею, увидѣлъ онъ черепъ, валявшійся на землѣ. Старецъ, ударивъ черепъ пальмовою палкою, сказалъ ему: *кто ты такой? отвѣчай мнѣ.* Черепъ отвѣчалъ: я былъ главнымъ жрецомъ язычниковъ, жившихъ на этомъ мѣстѣ; и когда ты, авва—Макарій духоносецъ, милосердуя къ страждущимъ въ мученіи, помолишься о нихъ, тогда они чувствуютъ нѣкоторую отраду". Авва Макарій спросилъ его: *какая это отрада и какое мученіе?* Черепъ говоритъ ему: сколько небо отстоитъ отъ земли, столь великъ огонь внизу подъ ногами нашими и до самой головы; когда мы стоимъ среди этого огня, не можемъ видѣть лице другъ друга, потому что у насъ спина связана со спиною. Когда же ты помолишься о насъ, то одинъ частію видитъ лице другаго". Старецъ заплакалъ и сказалъ: *несчастный день, въ который родился человѣкъ тотъ! Ужели только это и есть утѣшеніе у него въ наказаніи?* Старецъ спросилъ еще: *нѣтъ ли другаго болѣе тяжкаго мученія?* Черепъ отвѣчалъ: подъ нами мученіе еще ужаснѣе. Старецъ спросилъ: *а кто тамъ находится?* Черепъ отвѣчалъ: „мы, не знавшіе Бога, еще нѣсколько помилованы; но познавшіе Бога и отвергшіеся его и не творившіе воли его, тѣ находятся подъ нами". Послѣ сего старецъ взялъ черепъ, зарылъ его въ землю и пошелъ своимъ путемъ.

Размышленія о загробной жизни, хотя и опредѣляли собою всю дѣятельность подвижниковъ, но не могли наполнить собою всего ихъ времени. Мысль,—эта, по выраженію подвижниковъ—*быстро парящая и безстыдная птица*,—носилась туда и сюда, наполняя душу подвижниковъ то воспоминаніями о покинутомъ мірѣ, то помыслами хульными, страстными, гнѣвливыми и гордыми. Нѣкоторыя изъ этихъ

помысловъ, особенно хульные, бывали иногда такъ чудовищны, что подвижники не могли представить себѣ естественнаго ихъ возникновенія въ собственной душѣ и прямо приписывали ихъ врагу нашего спасенія—діаволу. Но подвижники не могли думать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Богъ оставилъ ихъ на жертву врагу безъ защиты и обороны и вопреки кознямъ діавольскимъ предполагали храненіе ангельское. Душа человѣка представлялась такимъ образомъ какъ бы ареною, на которой боролись темныя и свѣтлыя силы, и побѣда зависѣла отъ того, на какую сторону склонялся самъ человѣкъ. Уединенная жизнь подвижниковъ, отсутствіе внѣшнихъ впечатлѣній, напряженное вниманіе ко внутренней борьбѣ были причиною того, что эта борьба выступала съ конкретною живостію и изъ подвижниковъ *прозорливцы* видѣли ангеловъ и демоновъ въ тѣлесномъ образѣ и имѣли тѣхъ и другихъ своими собесѣдниками.

Павелъ простой, ученикъ аввы Антонія,—читаемъ въ *патерикѣ*, —однажды, смотря на входящихъ въ церковь, наблюдалъ, съ какою душею входятъ: ибо имѣлъ такую благодать, данную ему отъ Бога, что видѣлъ каждаго такимъ, какимъ онъ въ душѣ,—какъ мы видимъ лице другъ у друга. Когда всѣ входили съ свѣтлымъ взоромъ и блистающимъ лицомъ, и съ каждымъ ангелъ, радующійся о немъ, увидѣлъ Павелъ одного чернаго и мрачнаго всѣмъ тѣломъ и демоны съ обѣихъ сторонъ держали его и влекли къ себѣ и накладывали на ноздри его узду, а святый ангелъ его слѣдовалъ издали, плача и печалясь... Немного времени спустя въ церкви окончилось все, и стали выходить. Опять смотрѣлъ на всѣхъ Павелъ, и зная, каковы вошли, хотѣтъ узнать, каковыми выдутъ. И видитъ, что оный мужъ, прежде черный и мрачный всѣмъ тѣломъ, выходитъ изъ церкви свѣтелъ лицемъ и бѣлъ тѣломъ, а демоны слѣдуютъ за нимъ далеко позади, а святый ангелъ пребываетъ близъ него веселый и радостный, торжествуя и радуясь о немъ. Павелъ вскочивъ съ радостію восклицалъ, благословляя Бога... Всѣ же сошлись со тщаніемъ, желая слышать, что онъ говоритъ. И когда сошлись всѣ, Павелъ разсказалъ имъ видѣнное имъ при входѣ въ церковь, и послѣ. Человѣкъ же оный, изобличенный Павломъ, при всѣхъ не утаевая разсказалъ о себѣ, говоря: „я человѣкъ грѣшный и много времени жилъ въ блудѣ даже донынѣ. Вошедши же нынѣ въ святую Божію церковь, я услышалъ слова Исаіи пророка, лучше же самаго Бога...; *измыйтеся и чисти будете* и пр.

(Ис. I, 16—19). Я блудникъ, будучи весьма тронутъ сими словами, возстеналъ въ помыслѣ моемъ и сказалъ Богу:.., „Господи, отъ сего часа пріими меня кающагося и припадающаго къ Тебѣ и отрекающаго отъ всякаго грѣха!“ Съ сими обѣтами вышелъ я изъ церкви, разсудивъ въ душѣ моей не дѣлать впредь ничего худаго предъ очами Господа“.

Таже мысль о постоянномъ участіи ангеловъ и демоновъ въ словахъ и поступкахъ человѣческихъ выражается и въ слѣдующемъ разсказѣ патерика. „Говорилъ нѣкто изъ отцевъ: сидѣли нѣкогда старцы и говорили о полезномъ. Былъ между ними одинъ прозорливый, и видѣлъ онъ ангеловъ, которые обмахивали ихъ ваіями и восхваляли ихъ. Когда же зашла иная бесѣда, ангелы отошли, и стала кружиться между ними свинья зловонная и марала ихъ: когда же опять стали говорить о полезномъ, опять пришли ангелы и прославляли ихъ“.

По убѣжденію иноковъ демоны, которые вообще стараются дѣлать всякое зло роду человѣческому, всего болѣе нападаютъ на монаховъ и соблазнъ монаха въ демонскомъ мірѣ цѣнится гораздо выше, чѣмъ величайшее зло, произведенное въ обществѣ мірскихъ людей. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующая легенда. „Сказывалъ одинъ изъ Ѳивейскихъ старцевъ: я былъ сынъ идольскаго жреца и когда былъ еще малъ, сидѣлъ въ капищѣ и неоднократно видалъ отца моего входящимъ въ капище и приносящимъ жертвы идолу. Однажды я тайно дошелъ сзади его и увидѣлъ сатану сидящаго и все воинство, предстоящее ему. И вотъ одинъ князь демонскій подошедши кланяется ему. Сатана говоритъ ему: откуда пришелъ ты? „Я былъ“,— отвѣчалъ онъ,—„въ такомъ-то селѣ, возбудилъ тамъ драки и большой мятежъ, и произведши кровопролитіе, пришелъ возвѣстить тебѣ“. Сатана спросилъ его: во сколько времени ты сдѣлалъ это? „Въ 30 дней“, отвѣчалъ онъ. Сатана велѣлъ наказать его, сказавъ: „въ столько времени ты сдѣлалъ только это“! ..—Затѣмъ приходили еще два демона, сравнительно въ короткое время натворившіе также довольно много бѣдъ въ мірѣ, но сатана былъ недоволенъ ихъ медлительностію.—„Подошелъ еще одинъ демонъ и поклонился сатанѣ. Сатана спрашиваетъ: откуда ты пришелъ? „Я былъ,—отвѣчалъ онъ“—въ пустынѣ; вотъ уже 40 лѣтъ имѣлъ я войну противъ одного монаха, и въ сію ночь низложилъ его въ любодѣяніе“. Выслушавъ это, сатана всталъ и облобызалъ его, взялъ вѣнецъ, который носилъ самъ, возложилъ на главу его, посадилъ его на тронѣ вмѣстѣ съ собою и сказалъ ему: *великое дѣло совершилъ ты*“!

Искушенія демонскія велики и многообразны, начиная отъ устрашенія и грубаго насилія до возбужденія самообольщенія и духовной гордости. Съ разныхъ сторонъ ведутъ демоны борьбу противъ подвижника, надѣясь уловить его, если не на одномъ, то на другомъ. „Сатана не знаетъ“,—разсуждали подвижники,—„какою страстію побѣждается душа. Онъ сѣетъ, но не знаетъ, пожнетъ ли; сѣетъ онъ помыслы блуда, злословія, также и другія страсти,—и смотря по тому, къ какой страсти покажетъ себя душа склонною, ту и влагаетъ“. Въ житіи св. Антонія читаемъ, что бѣсы устрашали святаго, являясь ему во образѣ разныхъ звѣрей и чудовищъ, и налагали на него тяжелыя раны. Самый обычный способъ діавольскаго искушенія состоялъ въ возбужденіи борьбы помысловъ, въ воспламененіи старыхъ мірскихъ привязанностей, при чемъ конечно подвижникъ и самъ ясно не различалъ, что́ принадлежитъ естественной концепціи его мыслей, и что́ внушенію діавольскому,—и только по тяжести внутренней борьбы проразумѣвалъ въ ней присутствіе силы демоновъ. Общій постулятъ всѣхъ разнообразныхъ страстныхъ помысловъ былъ тотъ, что нужно оставить пустыню и келью и возвратиться въ міръ. Одно спасеніе для инока въ такой борьбѣ—сидѣть безъисходно въ своемъ уединеніи, пока не пройдетъ душевная буря. „Одного брата“, читаемъ въ *патерикѣ*, „возмущали помыслы, чтобы вышелъ онъ изъ монастыря... Братъ открылъ это аввѣ. Тотъ говоритъ ему: „поди, сиди въ кельѣ своей, отдай въ залогъ тѣло твое стѣнамъ кельи и не выходи оттуда; оставь свой помыслъ, —пусть разсуждаетъ, что хочетъ,—только тѣла своего не выпускай изъ кельи“. Въ житіи св. Макарія александрійскаго читаемъ, что этотъ отшельникъ, будучи возбуждаемъ тщеславными помыслами оставить пустыню и идти въ Римъ, легъ на порогѣ своей кельи, положивъ ноги наружу и сказалъ: „тяните и тащите, бѣсы, если можете, а самъ своими ногами не пойду“. Какъ все проходитъ на свѣтѣ, такъ разумѣется должно было пройти и бѣсовское искушеніе, и въ сердцѣ подвижника водворялась вожделѣнная тишина.—Но особенно опасны были искушенія гордости духовной, потому что этими сѣтями бѣсы обыкновенно уловляли подвижниковъ, уже долго и много трудившихся для своего спасенія. Бѣсы внушали имъ высокое имѣніе о своихъ добродѣтеляхъ, являлись имъ въ образѣ Христа и ангеловъ, надѣляли дарами пророчества и чудотворенія. Но конецъ такого самообольщенія былъ весьма печаленъ: *прельщенный* инокъ или совершалъ тяжкій грѣхъ,

или впадалъ въ помѣшательство и даже кончалъ самоубійствомъ, если не приходила къ нему братская помощь. Цѣлыя группы такихъ прельщенныхъ иноковъ извѣстны въ исторіи подъ именами *евхитовъ*, *мессаліанъ*, *хоревтовъ*, *энтузіастовъ*. „Отцы наши", — читаемъ въ *патерикѣ*,— „имѣли обыкновеніе ходить по келіямъ новоначальныхъ братьевъ и посѣщали ихъ, чтобы кто изъ нихъ, искушаемый демонами, не повредился умомъ. И если кого находили поврежденнымъ, приносили въ церковь и приносима была лохань съ водою, и была молитва за страждущаго, и умывалась вся братія, и поливали водою тою на него, и тотчасъ исцѣлялся братъ". Но конечно лучшимъ оплотомъ иноку противъ искушенія высокоумія было смиреніе. Въ этомъ признался св. Макарію египетскому самъ діаволъ. „Велика въ тебѣ сила, Макарій!" сказалъ діаволъ. „Что́ ты дѣлаешь, то́ дѣлаю и я. Ты постишься, а я совсѣмъ не ѣмъ. Ты бодрствуешь, а я совсѣмъ не сплю. Однимъ ты меня побѣждаешь—*смиреніемъ*". Проникнутый смиреніемъ, инокъ безъ труда отражалъ отъ себя искушеніе высокоумія. „Нѣкоему изъ братьевъ",—читаемъ въ патерикѣ;—„явился діаволъ, преобразившись въ ангела свѣта, и говоритъ ему: *я архангелъ Гавріилъ и посланъ къ тебѣ*. Братъ же сказалъ ему: „смотри, не къ другому ли ты посланъ; ибо я недостоинъ видѣть ангела". И діаволъ тотчасъ сталъ невидимъ.

Мы очертили слегка кругъ идей, опредѣлявшихъ собою міросозерцаніе древнихъ иноковъ: намъ слѣдуетъ указать практику монашеской жизни. Она состояла главнымъ образомъ въ исполненіи трехъ иноческихъ обѣтовъ: дѣвства, нищеты и отреченія отъ своей воли, выражавшагося главнымъ образомъ въ безпрекословномъ послушаніи избранному аввѣ—руководителю.

Самымъ труднымъ для выполненія былъ разумѣется обѣтъ дѣвства. По мнѣнію мудрецовъ вѣка сего, напр. Вольтера, онъ даже вовсе невыполнимъ, и потому необязателенъ. „Если бы я", говоритъ Вольтеръ, „далъ обѣтъ, что у меня не будутъ расти волосы и кровь не будетъ обращаться въ жилахъ, могъ ли бы я выполнить такой обѣтъ"?. Отцы пустынники разсуждали иначе. Трудное для чувственности оказывалось у нихъ выполнимымъ при помощи свыше. Самая обстановка иноческой жизни благопріятствовала соблюденію обѣта дѣвства. Иноки жили въ пустынѣ, гдѣ не было женщинъ. Но

отъ страстныхъ помысловъ нельзя было уйти даже въ пустынѣ, и они —къ удивленію—прорывались даже тамъ, гдѣ для нихъ повидимому преграждены были всѣ пути. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій разсказъ Патерика. „Нѣкій инокъ пришелъ въ скитъ съ маленькимъ сыномъ, который еще питался молокомъ и не зналъ, что такое женщина. Когда сынъ сей пришелъ въ мужескій возрастъ, то демоны представляли ему ночью женскіе образы. Онъ открылъ это отцу своему. Старецъ подивился. Случилось однажды сыну быть съ отцомъ своимъ въ Египтѣ; увидѣвъ тамъ женщинъ, онъ говорилъ отцу своему: „вотъ тѣ самые, которые ночью приходили ко мнѣ въ скитъ". Старецъ отвѣчалъ ему: „это иноки населенныхъ мѣстъ (μοναχοὶ τῶν κωμῶν), сынъ мой; иной видъ имѣютъ они, и иной—пустынники". При этомъ удивился старецъ: какимъ образомъ демоны въ скиту могли показать ему женскіе образы?"—Но конечно большая часть иноковъ приходили въ пустыню уже въ зрѣломъ возрастѣ: нѣкоторые изъ нихъ были прежде женаты, у другихъ были въ мірѣ свои сердечныя привязанности,—у тѣхъ и другихъ оставались свои воспоминанія, которыя могли дать пищу для страстныхъ помысловъ. И вотъ для отшельника въ пустынѣ начиналась тяжкая душевная борьба, *какъ огонь, горящій днемъ и ночью въ сердцѣ*,—борьба о которой не имѣютъ понятія люди, живущіе въ мірѣ, ибо—по выраженію подвижниковъ,—*кто не имѣетъ помысловъ, имѣетъ дѣло*, и наоборотъ. Въ борьбѣ съ страстными помыслами подвижники употребляли героическія средства; изнуряли тѣло свое постомъ и безсонницею,—постоянно воспоминали о смерти и адскихъ мученіяхъ, а иногда пользовались и другими способами, чтобы сдѣлать предметъ любви предметомъ отвращенія. „Былъ,—читаемъ въ *патерикѣ*,—одинъ подвижникъ въ скиту. Врагъ приводилъ ему на память одну женщину, весьма красивую собой, и сильно возмущалъ его. По смотрѣнію же Божію пришелъ въ скитъ другой братъ изъ Египта: онъ между разговоромъ сказалъ, что умерла жена такого-то. А это была та самая женщина, которою возмущался братъ. Услышавъ объ этомъ, братъ взялъ ночью свой хитонъ и пошелъ въ Египетъ; открылъ гробъ умершей, отеръ хитономъ гніющій трупъ ея и возвратился съ нимъ въ свою келью; положилъ этотъ смрадъ возлѣ себя, и, сражаясь съ помысломъ, говорилъ: *вотъ предметъ, къ которому ты имѣешь похоть,—онъ предъ тобою, насыщайся!* Такимъ образомъ онъ мучилъ себя симъ смрадомъ, доколѣ не кончилась его борьба."—На бѣду от-

шельниковъ,—и конечно не безъ содѣйствія діавола—приходилось имъ встрѣчаться съ женщинами, не только въ помыслахъ, но и въ дѣйствительности. Эти встрѣчи дорого обходились подвижникамъ, даже въ случаѣ побѣды надъ искушеніемъ. Былъ одинъ отшельникъ въ нижнихъ странахъ Египта, и былъ именитъ, ибо пребывалъ въ уединенной кельѣ, въ пустынномъ мѣстѣ. И вотъ, по дѣйствію сатаны, одна безчестная женщина, услышавъ объ немъ, говорила юношамъ: „что́ дадите мнѣ? я низложу вашего подвижника". Они назначили ей извѣстное вознагражденіе, и она, вечеромъ, подошла къ кельѣ его, какъ будто заблудившись. Когда постучалась въ дверь, старецъ вышелъ и, увидя ее, смутился и сказалъ: *какимъ образомъ ты явилась здѣсь?*" Я заблудившись пришла сюда",—сказала она со слезами. Сжалившись надъ нею, старецъ ввелъ ее въ дворикъ свой, и, вошедши самъ въ келью-свою, заперъ ее. И вотъ окаянная закричала, говоря: „авва, меня здѣсь поѣдаютъ звѣри!" Онъ же, опять возмутившись, но вмѣстѣ и убоявшись суда Божія, сказалъ: *откуда пришелъ на меня гнѣвъ сей?* И отворивъ дверь, впустилъ ее внутрь. Тогда діаволъ началъ пускать въ него стрѣлы, разжигающія похоть къ ней. Но онъ, видя нападеніе врага, сказалъ самъ себѣ: *„козни врага суть мракъ, а Сынъ Божій есть свѣтъ"*. И вставши онъ зажегъ свѣчу. Но опять разжигаемый похотію, сказалъ: *таковая творящіи идутъ въ муку. Итакъ испытай себя здѣсь: можешь ли перенести вѣчный огонь?* И положивъ палецъ свой на свѣчу, жегъ его,—и не чувствовалъ боли по причинѣ сильнаго разженія плоти. Продолжая это дѣлать до утра, онъ сожегъ всѣ пальцы свои. Блудница, видя что́ онъ дѣлалъ, окаменѣла отъ страха. Утромъ юноши, пришедши къ подвижнику, спрашивали: пришла сюда вчера женщина?... Тогда онъ, открывъ свои руки, показалъ имъ, говоря: *вотъ что сдѣлала со мною эта дочь діавола! Она погубила пальцы мои.*

Сравнительно легче было исполненіе обѣта нестяжательности, подъ которою впрочемъ разумѣлось отреченіе не только отъ денегъ, но и отъ всякихъ предметовъ житейскаго удобства и даже необходимости. Авва Памва говорилъ, что монахъ долженъ носить такую одежду, которую никто не взялъ бы, если выбросить ее изъ кельи. Даже такая повидимому полезная собственность, какъ книга, считалась не совсѣмъ согласною съ обѣтомъ нестяжательности. Авва Ѳеодоръ Фермейскій пріобрѣлъ себѣ три хорошія книги. Пришелъ онъ

къ аввѣ Макарію и говоритъ ему: „у меня есть три хорошія книги, —я получаю и самъ отъ нихъ пользу, и братія употребляютъ ихъ и получаютъ назиданіе;—скажи мнѣ, что́ я долженъ съ ними сдѣлать“? Старецъ сказалъ въ отвѣтъ: *хороши такія дѣла, но нестяжательность лучше.*—Услышавъ это слово, Ѳеодоръ пошелъ и продалъ книги, а вырученныя деньги роздалъ нищимъ.—Въ своемъ отреченіи отъ собственности иноки доходили до крайней степени. „Пришли,—читаемъ въ патерикѣ,—нѣкогда разбойники въ монастырь нѣкоего старца и сказали ему: „мы пришли взять все, что есть въ кельѣ твоей“. Онъ же сказалъ: *что вамъ угодно, чада, то и берите.* Итакъ они взяли все, что́ нашли въ келліи и отошли. Но забыли только денежный кошелекъ. Взявъ его, старецъ погнался за ними, крича: *чада, возьмите, что́ вы забыли въ келліи.*—„Но соблюденіе нестяжательности также не обходилось безъ искушеній. Скупость—страсть, свойственная старости,—и воздержаться отъ любостяжанія было нелегко, особенно, когда деньги давались безъ труда христолюбивыми благотворителями. „Былъ,—читаемъ въ патерикѣ,—великій старецъ, удостоившійся дарованій отъ Бога и сдѣлавшійся славнымъ по своей добродѣтели. Имя его достигло даже до царя. Чтобы удостоиться молитвъ его, царь позвалъ его къ себѣ. Видѣвшись съ нимъ и много получивъ пользы, царь далъ ему злата. Старецъ принялъ и, возвратившись къ себѣ, возлюбилъ поле и иное стяжаніе. Пришелъ къ нему по обычаю одинъ изъ демоновъ и старецъ говоритъ демону: отойди отъ творенія Божія. Демонъ отвѣчаетъ: не слушаю тебя. Старецъ говоритъ: почему? Демонъ отвѣчалъ: потому что ты сталъ, какъ одинъ изъ насъ;—оставивъ заботу о Богѣ, сталъ заниматься заботою земною“.—На первыхъ порахъ любостяжаніе строго преслѣдовалось общественнымъ мнѣніемъ иноковъ. По смерти одного монаха, нашли у него нѣсколько монетъ. Иноки недоумѣвали, что съ ними дѣлать. Одни совѣтовали отослать ихъ роднымъ покойнаго, другіе—раздать нищимъ. Но авва Памва на страхъ другимъ предложилъ закопать монеты съ покойникомъ въ землю, сказавъ: *сребро его да будетъ съ нимъ въ погибель.*

Послѣдній и самый высшій иноческій обѣтъ, совмѣщавшій въ себѣ всѣ иноческія добродѣтели, это отреченіе отъ своего *я*, выражавшееся въ формѣ *послушанія* отцу духовному. Послушаніе это бывало удивительно, но и плоды его бывали чудесны. „Говорили объ аввѣ Іоаннѣ, ученикѣ аввы Павла, что онъ имѣлъ великое послушаніе. Въ

одномъ мѣстѣ была гробница и тамъ жила злая гіена. Старецъ увидѣлъ около этого мѣста навозъ и говоритъ Іоанну: „поди и убери его". Іоаннъ говоритъ ему: *что же я сдѣлаю, авва, съ гіеною?* Старецъ съ улыбкою говоритъ ему: „если она нападетъ на тебя, свяжи ее и приведи сюда". Братъ пошелъ туда вечеромъ, и вотъ напала на него гіена. По повелѣнію старца, онъ бросился схватить ее, но гіена побѣжала отъ него. Іоаннъ погнался за нею, говоря: *авва мой сказалъ, чтобы связать тебя,*—и, поймавъ ее, связалъ. Авва же безпокоился о немъ и сидѣлъ, дожидаясь его. И вотъ онъ пришелъ, имѣя гіену связанною. Старецъ, увидѣвъ это, удивился; но желая смирить Іоанна, ударилъ его, говоря: „глупый! какую ты притащилъ ко мнѣ глупую собаку?" Послѣ этого старецъ развязалъ гіену и отпустилъ ее на волю.

Мы обозначили доступныя для историческаго наблюденія черты иноческаго житія, но конечно не могли обозначить внутреннихъ опытовъ духовной жизни, состоявшей въ постоянномъ молитвенномъ настроеніи, въ постоянномъ возношеніи души къ Богу.

Достойно замѣчанія, что на первыхъ порахъ монашество не противополагало себя міряпамъ, какъ высшее сословіе людей, особо облагодатствованныхъ. Напротивъ у лучшихъ представителей иночества было убѣжденіе, что Господь имѣетъ и среди міра много сокровенныхъ рабовъ своихъ, добродѣтель которыхъ тѣмъ выше, чѣмъ сокровеннѣе. Въ житіи св. Макарія египетскаго читаемъ такой разсказъ. Однажды во время молитвы святаго былъ ему голосъ: *Макарій! ты еще не достигъ въ мѣру двухъ женщинъ, живущихъ въ сосѣднемъ городѣ.* Святой тотчасъ же взялъ жезлъ и отправился искать женщинъ, указанныхъ въ откровеніи. Отыскавъ ихъ, старецъ говорилъ: „ради васъ я подъялъ великій трудъ, пришелъ изъ дальней пустыни: скажите откровенно, какія ваши добрыя дѣла?"—Святый отче!—отвѣчали ему женщины,—мы и въ прошлую ночь не были свободны отъ ложа мужей своихъ; какихъ дѣлъ ты ищешь у насъ?—Но когда старецъ настойчиво просилъ женщинъ разсказать ему чинъ житія ихъ, онѣ объяснили слѣдующее:—„мы въ замужествѣ за двумя братьями, 15 лѣтъ живемъ въ одномъ домѣ: за все это время ни разу не ссорились и не говорили одна другой худаго слова. Мы хотѣли бы войти въ ликъ

святыхъ дѣвъ, Богу работающихъ, но не можемъ склонить на это мужьевъ своихъ. Вотъ и все".—Тогда св. Макарій сказалъ: „поистинѣ Богъ не полагаетъ различія между дѣвою и замужнею, между инокомъ и міряниномъ. Онъ ищетъ только произволенія, и по мѣрѣ произволенія подаетъ св. Духа желающимъ спастись".

На первыхъ порахъ монахи не принадлежали къ клиру или духовному сословію; они были въ полномъ смыслѣ слова *добровольцы* христіански-совершеннаго житія, ничѣмъ не связанные, кромѣ опредѣленій собственной совѣсти. — Основнымъ прототипомъ монашества было уединенное подвижничество. Монахами въ истинномъ смыслѣ слова были пустынные *анахореты*, ибо и самое слово *монахъ* означаетъ человѣка *уединеннаго*. Но не напрасно древній мудрецъ израильскій говорилъ: *горе единому!* (Еккл. 4, 10). Человѣкъ въ такой степени созданъ для общества, такъ часто имѣетъ нужду въ братскомъ участіи и помощи, такъ страдаетъ въ одиночествѣ,—что уединенное подвижничество, для того чтобы имѣть многихъ прозелитовъ, по необходимости должно было явиться въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Это и сдѣлалось само собою. Сначала около опытнаго подвижника (напр. около св. Антонія) собирались группы учениковъ, желавшихъ пользоваться его примѣромъ и наставленіями; а вскорѣ потомъ св. Пахоміемъ былъ выработанъ и примѣненъ къ дѣлу уставъ монашескихъ киновій или общежитій. Особенный авторитетъ уставу придавало то обстоятельство, что онъ былъ данъ св. Пахомію въ откровеніи отъ ангела. Киновіаты по міросозерцанію и образу жизни были въ сущности тѣже анахореты,—только жившіе въ отдѣльныхъ кельяхъ недалеко другъ отъ друга и собиравшіеся вмѣстѣ для богослуженія и трапезы. Уединенное отшельничество продолжало считаться высшимъ, хотя и болѣе опаснымъ, путемъ монашества, но это былъ путь для немногихъ; большинство жило въ общежитіяхъ. Трудно впрочемъ рѣшить, гдѣ было болѣе подвиговъ и искушеній, въ общежитіи или въ совершенной пустынѣ,—трудно рѣшить потому, что обязанность безпрекословнаго послушанія строгому аввѣ и досады отъ братіи дѣлали и киновіатскую жизнь въ достаточной степени несносною. Въ патерикѣ читаемъ слѣдующій поучительный разсказъ: „одинъ братъ былъ безмолвникомъ въ киновіи, но постоянно приходилъ въ гнѣвъ. Посему говоритъ самъ въ себѣ:" уйду отсюда въ уединенное мѣсто, и такъ какъ тамъ ни къ кому я не буду имѣть отношеній и

буду безмолвствовать, то оставитъ меня страсть гнѣва". Итакъ вышедши изъ киновіи онъ поселился одинъ въ пещерѣ. Въ одинъ день, почерпнувъ сосудъ воды, поставилъ его на землѣ,— и сосудъ тотчасъ повернулся внизъ. Взявъ его, почерпнулъ воды въ другой разъ: сосудъ опять опрокинулся. Потомъ наполненный водой и въ третій разъ повернулся внизъ. Братъ разсердившись схватилъ сосудъ и разбилъ. Пришедъ же въ себя, онъ понялъ, что надъ нимъ издѣвается діаволъ, и сказалъ: „вотъ я удалился и въ уединеніе,—и побѣжденъ *имъ!* Пойду опять въ киновію; ибо вездѣ необходимы подвигъ и терпѣніе и Божія помощь"!

Современно съ иночествомъ мужскимъ стало понемногу развиваться и женское иночество, но развивалось какъ-то робко и несамостоятельно, держась болѣе населенныхъ мѣстностей. Это и понятно: не только женское отшельничество, но даже женское общежитіе въ пустынѣ сопряжено съ особыми неудобствами и опасностями [1]).

Разсматриваемый нами періодъ (312—363 г.) можетъ быть названъ *золотымъ вѣкомъ* монашества. Уже и въ то время иноки привлекали къ себѣ почтительное вниманіе сильныхъ міра сего. Императоръ Константинъ великій и дѣти его переписывались къ св. Антоніемъ и тщетно приглашали его къ себѣ для личной бесѣды. „Не удивляйтесь", говорилъ Антоній своимъ ученикамъ, „что намъ пишетъ царь; онъ такой же человѣкъ. Удивительнѣе то, что Богъ далъ писанія людямъ и говорилъ съ ними чрезъ своего Сына". Впослѣдствіи иноки пріобрѣли еще болѣе вліянія и значенія. Сильные міра сего слушались ихъ совѣтовъ, просили ихъ молитвъ, уцедряли ихъ богатыми приношеніями. Число иноковъ чрезвычайно возрасло; изъ Египта иночество распространилось по всѣмъ краямъ христіанскаго міра. Иноки вошли въ составъ клира и заняли первенствующее положеніе въ церковной іерар-

---

1) Бывали отдѣльные случаи женскаго отшельничества, но они слишкомъ исключительны. »Два нѣкоторые великіе старца«—разсказываетъ *патерикъ*: »ходили въ пустынѣ скита и услышавъ, что кто-то шепчетъ изъ-подъ земли, сыскали входъ въ пещеру и нашли старицу, дѣву святую, лежащую и говорятъ ей: »откуда ты пришла сюда, старица, и кто служитъ тебѣ?« Ибо никого не нашли они въ пещерѣ, кромѣ ея одной, и она лежала и была больна. Она же сказала имъ: »38-й годъ я въ этой пещерѣ, питаюсь растеніями и работаю Христу, и не видала человѣка до сего дня. Ибо послалъ васъ Богъ, чтобы погребли вы останки мои«. И сказавъ сіе, почила.

хіи со всѣми правами и преимуществами, соединенными съ этимъ положеніемъ. Но никогда впослѣдствіи монашество не достигало до той духовной высоты, на какой стояли простые и самоотверженные египетскіе отцы монашества. Напротивъ взятое вообще монашество пошло назадъ въ духовно-нравственномъ отношеніи. Такъ и должно было быть по естественному ходу вещей,—и это предвидѣли древніе подвижники. „Святые отцы скита,—читаемъ въ патерикѣ,—пророчествовали о послѣднемъ поколѣніи, говоря: что сдѣлали мы? И отвѣчая одинъ изъ нихъ великій по жизни, по имени Исхиріонъ, сказалъ: *мы сотворили заповѣди Божіи.* Еще спросили: „слѣдующіе за нами сдѣлаютъ ли что нибудь"? Сказалъ же: *они достигнутъ половины нашего дѣла.* „А послѣ нихъ что? И сказалъ: *не будутъ имѣть дѣлъ совсѣмъ люди рода онаго; придетъ же на нихъ искушеніе и оказавшіеся достойными въ ономъ искушеніи окажутся выше насъ и отцевъ нашихъ*".

Святые епископы. Общая характеристика тогдашняго положенія епископовъ. Св. епископы Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Враги церкви.

Послѣ святыхъ иноковъ наибольшее право на вниманіе исторіи въ разсматриваемомъ нами періодѣ имѣютъ святые епископы. Таковы: св. Сильвестръ папа римскій (314—335), св. Митрофанъ византійскій, Николай чудотворецъ, епископъ мурликійскій, Спиридоній, е. тримиѳунтскій (+ок. 350 г.) и другіе, о которыхъ рѣчь впереди.

Не было—быть можетъ—въ исторіи болѣе рѣзкаго примѣра перемѣны въ положеніи цѣлаго сословія, чѣмъ та, которая произошла въ положеніи христіанскаго клира и въ особенности епископства съ признаніемъ христіанства государственною религіею. Послѣдніе гонители, систематически преслѣдовавшіе христіанство, направляли свои удары главнымъ образомъ на епископовъ, основательно разсуждая, что нужно прежде всего поразить пастырей, чтобы разсѣять стадо. Неудивительно поэтому, что въ то время не особенно много было желателей епископства; это была честь, за которую нужно было платить собственною безопасностію, иногда даже собственною жизнію. Но за то

принимавшіе на себя санъ епископскій были люди мужественные и твердые,—можно сказать самоотверженно исключившіе себя изъ числа живыхъ при самомъ принятіи епископства. Конечно епископъ былъ весьма вліятельнымъ лицомъ среди своей христіанской общины, но это вліяніе основывалось исключительно на его моральныхъ достоинствахъ и не имѣло никакого принудительнаго или даже юридически-обезпеченнаго характера. Со времени воцаренія Константина великаго, особенно же со времени его единодержавія, положеніе епископовъ рѣзко измѣнилось. Епископы сдѣлались людьми наиболѣе привиллегированными въ имперіи. Императоръ любилъ бесѣдовать съ ними, приглашалъ ихъ къ своему столу, называлъ ихъ своими друзьями, братьями и сослужителями. Епископамъ предоставлены были большія имущественныя права; они получали щедрое царское жалованье, наслѣдовали богатства упраздняемыхъ языческихъ капищъ, имѣли по закону право получать и дѣйствительно получали по предсмертному завѣщанію имущества богатыхъ людей, трепетавшихъ за свою загробную судьбу и думавшихъ облегчить ее пожертвованіемъ для церкви имущества, которое для нихъ самихъ было болѣе не нужно. Епископы получили и обширныя административно-судныя права: они наблюдали за правильностію торговыхъ вѣсовъ и мѣръ, наблюдали также и за вѣсами Ѳемиды, заботясь, чтобы судья не склонялъ ихъ вопреки справедливости: *право убѣжища*, усвоенное храму и епископскому дому, давало епископамъ возможность быть друзьями всѣхъ гонимыхъ и обиженныхъ: право *церковнаго отлученія* было въ рукахъ ихъ страшнымъ оружіемъ противъ притѣснителей народа и церкви. Но такое безопасное, почетное и выгодное положеніе епископовъ не содѣйствовало нравственному возвышенію епископства. Прежде кандидатами на епископство были лучшіе люди христіанскаго міра; теперь полученіе епископскаго сана сдѣлалось любимою мечтою всевозможныхъ честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и интригановъ. Выборы на епископство бывали иногда также шумны и сопровождались такою же борьбою партій, какъ выборы польскаго короля въ XVI—XVIII вѣкахъ. Обвиненіе въ ереси было любимымъ оружіемъ, которое направляли конкуррепты на епископство другъ противъ друга,—и мы едвали ошибемся, если скажемъ, что аріанскіе споры обязаны своимъ развитіемъ и популярностію главнымъ образомъ той агитаціи, которая велась изъ-за захвата епископскихъ каѳедръ. Но и помимо ереси, не было такого грязнаго обвиненія, ко-

торымъ не готовы были бы воспользоваться искатели епископской каѳедры противъ опаснаго соперника. Довольно припомнить, что св. Аѳанасій александрійскій былъ обвиняемъ ни болѣе, ни менѣе какъ 1) въ прелюбодѣяніи 2) убійствѣ 3) волхвованіи и 4) попраніи св. даровъ; св. Кирилъ іерусалимскій былъ обвиняемъ въ расточеніи церковнаго имущества.—Справедливость впрочемъ требуетъ прибавить, что борьба шла только около важнѣйшихъ епископскихъ каѳедръ. По исчисленію Гиббона, въ восточной римской имперіи было до 1000 епископскихъ каѳедръ, бо́льшая часть которыхъ ограничивалась предѣлами одного города, нерѣдко даже одного села. Въ этихъ бѣдныхъ и непривлекательныхъ для честолюбія епархіяхъ имѣли мѣсто еще епископы стараго закала, —люди простые, бѣдные и независимые, вѣра которыхъ была крѣпче ихъ разума. Таковъ былъ св. Спиридонъ тримиѳунтскій, самъ продававшій своихъ козъ и явившійся къ императору Констанцію въ одеждѣ бѣднаго пилигрима съ глинянымъ сосудомъ на груди. Таковъ былъ св. Николай мурликійскій. Самая незначительность ихъ каѳедръ спасала ихъ отъ завистливыхъ совмѣстниковъ.

Труднѣе, но за то и славнѣе былъ подвигъ епископскій на главнѣйшихъ каѳедрахъ востока—въ Константинополѣ, Антіохіи, Александріи, Іерусалимѣ. Архіереямъ этихъ городовъ нужно было совмѣщать крѣпкую вѣру съ широкою образованностію и житейскою опытностію,—мудрость змѣи съ невинностію голубя. *Подобаетъ и ересемъ быти, да искуснѣйшіе явленіи будутъ*, говорилъ нѣкогда ап. Павелъ. (1 Кор. 11, 19). *Искуснѣйшіе* (δοκιμοι) явились,—и церковь съ признательностію чтитъ во святыхъ за разсматриваемый періодъ: Александра и Павла констатинопольскихъ, Александра и Аѳанасія александрійскихъ, Филогонія и Евстафія антіохійскихъ, Макарія, Максима и Кирилла іерусалимскихъ. Короткій очеркъ ихъ житія и бѣдствій не будетъ излишнимъ. Св. Александръ былъ архіепископомъ константинопольскимъ 15 лѣтъ (325—340). Его молитвамъ православные приписывали внезапную и поносную смерть Арія. Предъ своею кончиною на вопросъ о преемникѣ 98-лѣтній Александръ, указавъ на Павла пресвитера и Македонія діакона, сказалъ окружающимъ: „если желаете пастыря учительнаго и добродѣтельнаго, изберите Павла; если же предпочитаете благообразнаго по внѣшности и искуснаго въ житейскихъ дѣлахъ, то изберите Македонія“. Рекомендація престарѣлаго святителя была уважена вполнѣ; православные обитатели столицы избрали Павла, аріане—Ма-

кедонія. Св. Павелъ архіепископствовалъ въ столицѣ (344—350) въ то время, когда православные чтители никейскаго символа находились въ угнетеніи, а аріане имѣли на своей сторонѣ императора Констанція. Поэтому вся архіерейская жизнь св. Павла была цѣпью разныхъ оскорбленій. По волѣ императора Павелъ долженъ былъ уступить свою каѳедру сначала въ пользу Евсевія, бывшаго никомидійскаго (въ 340 г.), а потомъ въ пользу Македонія (въ 341 г.). При этомъ низведеніи Павла произошли кровавыя сцены. Православные вступились за своего пастыря, убили воеводу Гермогена, который при помощи солдатъ хотѣлъ изгнать изъ церкви св. Павла, и сожгли домъ Гермогена. Раздраженный этимъ мятежемъ, императоръ наложилъ опалу на всю столицу и отнялъ половину хлѣбнаго жалованья, ассигнованнаго его отцемъ для жителей столицы, т. е. опредѣлилъ выдавать ежедневно вмѣсто 8000 только 4000 модіевъ пшеницы. Спасаясь отъ царскаго гнѣва, св. Павелъ удалился на западъ, и тамъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ западнаго императора Констанса. При поддержкѣ западнаго императора св. Павелъ не разъ снова восходилъ на престолъ константинопольскій. Будучи снова изгоняемъ, св. Павелъ окончательно лишенъ каѳедры по смерти своего покровителя Констанса (350 г.) Послѣдніе дни жизни св. Павла были поистинѣ мученическіе. Влачимый своими немилосердыми врагами аріанами по разнымъ мѣстамъ ссылки, св. Павелъ былъ моренъ голодомъ и наконецъ задушенъ въ армянскомъ городѣ Кукузахъ, позднѣйшемъ мѣстѣ ссылки І. Златоустаго. Позднѣйшіе греческіе писатели сообщаютъ, что аріане удушили св. Павла его собственнымъ омофоромъ во время служенія литургіи,—обстоятельство, которое плохо согласуется съ обстановкою жизни изгнанника. Мощи св. Павла были перенесены въ Константинополь при и. Ѳеодосіѣ великомъ во время 2-го всел. собора въ 381 году.

Изъ двухъ канонизованныхъ александрійскихъ святителей старшій Александръ свѣтитъ свѣтомъ, заимствованнымъ отъ своего младшаго спутника Аѳанасія. Открывая борьбу противъ Арія и имѣя утѣшеніе видѣть побѣду православія на никейскомъ соборѣ, престарѣлый Александръ былъ поддерживаемъ юною смертію Аѳанасія. „Хотя“, говоритъ св. Кириллъ, позднѣйшій святитель александрійскій,— „хотя не занималъ Аѳанасій епископскаго престола и оставался въ клирѣ, однако по остротѣ ума своего, по своей кротости и весьма тон-

кому и безпримѣрному благоразумію, былъ принятъ блаженной памяти епископомъ Александромъ, какъ свой, и жилъ со старцемъ, какъ сынъ съ отцемъ, руководя его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ указывая ему лучшій путь". Обстоятельное изображеніе дѣятельности св. Аѳанасія во время его 46-лѣтняго епископства (326—373) потребовало бы у насъ болѣе мѣста и времени, чѣмъ сколько опредѣляется задачею нашего труда. Мы ограничимся приведеніемъ характеристики св. Аѳанасія, сдѣланной Гиббономъ, который сверхъ обыкновенія относится къ православному святителю довольно благосклонно и справедливо. „Рѣдко,"—говоритъ Гиббонъ,—„намъ случается наблюдать, какія дѣйствія можетъ производить и какія препятствія можетъ преодолѣвать сила единичнаго духа, если она направлена къ достиженію единой и единственной цѣли. Безсмертное имя Аѳанасія неотдѣлимо отъ православнаго ученія о Троицѣ, защитѣ котораго онъ посвятилъ всѣ дни и силы своей жизни. Находясь въ клирѣ св. Александра, юный Аѳанасій сильно противоборствовалъ первымъ движеніямъ аріанской ереси, исполняя обязанности секретаря у престарѣлаго святителя, и отцы никейскаго собора съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрѣли на развитіе доблестей молодаго діакона. Въ тяжелое время борьбы нужные люди обыкновенно выдвигаются впередъ, помимо обычныхъ привилегій сана и возраста; чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ возвращенія изъ Никеи діаконъ Аѳанасій является уже на архіепископской каѳедрѣ Египта. Онъ пробылъ въ этомъ высокомъ положеніи 46 лѣтъ, и его долгое архіепископство все было занято постоянною борьбою противъ аріанства. Пять разъ Аѳанасій былъ низводимъ съ своей каѳедры; 20 лѣтъ провелъ, какъ бѣглецъ и изгнанникъ, и почти каждая провинція римской имперіи была свидѣтельницею его подвиговъ и страданій за догматъ единосущія, которыя онъ считалъ долгомъ и славою своей жизни. Среди бурь преслѣдованія Аѳанасій оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію, берегъ свое доброе имя и не заботился о своей безопасности, и хотя душа его не совсѣмъ была свободна отъ примѣси фанатизма, но по высотѣ ума и силѣ характера Аѳанасій оказывался гораздо способнѣе къ управленію великою монархіею, чѣмъ выродившіеся дѣти в. Константина. Ученость Аѳанасія не была такъ глубока и объемиста, какъ ученость Евсевія кесарійскаго: его дѣловое краснорѣчіе не можетъ выдержать сравненія съ изящнымъ ораторскимъ искусствомъ Василія или Григорія; но когда египетскому

святителю нужно было оправдать свои воззрѣнія или свое поведеніе, то его стиль, даже експромптный, былъ ясенъ, силенъ и убѣдителенъ. Въ православной школѣ Аѳанасій всегда считался однимъ изъ самыхъ точныхъ учителей христіанскаго богословія: этого мало;—ему приписывали еще талантъ юриста и даръ прозорливца. Удачныя догадки на счетъ будущаго, которыя могли быть слѣдствіемъ опытности и проницательности св. Аѳанасія, выдавались его друзьями, какъ вдохновеніе свыше, а его врагами, какъ плодъ занятій магіею.—Но такъ какъ Аѳанасій постоянно боролся съ предразсудками и страстями людей всякаго состоянія отъ монаха до императора, то знаніе человѣческой природы было его первою и важнѣйшею наукою. Архіепископъ александрійскій былъ въ состояніи точно опредѣлить, когда можно было смѣло требовать и когда нужно было просить съ покорностію,—когда можно было бороться противъ силы и когда нужно было избѣгать опасности; поражая ударами церковнаго отлученія еретиковъ и церковныхъ мятежниковъ, Аѳанасій среди преданной ему паствы умѣлъ выдерживать кроткій и снисходительный характеръ мудраго руководителя. Избраніе Аѳанасія не избѣгло упрековъ въ неканоничности и поспѣшности; но его превосходныя качества скоро пріобрѣли ему любовь и духовенства и народа. Жители Александріи горѣли отъ нетерпѣнія защищать оружіемъ своего краснорѣчиваго и снисходительнаго пастыря. Во время бѣдствій Аѳанасія вѣрная привязанность его клира доставляла ему помощь или по крайней мѣрѣ утѣшеніе, и сто египетскихъ епископовъ съ непоколебимымъ усердіемъ поддерживали дѣло Аѳанасія. Со скромною свитою Аѳанасій часто предпринималъ епископскіе объѣзды своей епархіи отъ устьевъ Нила до предѣловъ Еѳіопіи, сердечно бесѣдовалъ съ простымъ народомъ и смиренно привѣтствовалъ благочестивыхъ пустынниковъ. Но не только въ собраніяхъ духовенства,—среди людей, сходныхъ съ нимъ по нравамъ и образу мыслей,—Аѳанасій обнаруживалъ превосходныя качества своего духа. Онъ являлся съ безстрашною и несокрушимою твердостію при царскомъ дворѣ и среди разнообразныхъ перемѣнъ своего счастія и несчастія никогда не терялъ довѣренности своихъ друзей и уваженія своихъ враговъ".

Канонизованные святители Антіохіи не въ такой степени замѣчательны. Приведемъ извѣстія о нихъ изъ *списка антіохійскихъ па-*

тріарховъ, переведеннаго и изданнаго преосв. Порфиріемъ Успенскимъ въ *Трудахъ к. д. ак. 1874*.

„Св. Филогоній до архіерейства былъ судьею и судилъ народъ справедливо,—по другому извѣстію—былъ адвокатомъ и защищалъ бѣдныхъ; посему избрали его патріархомъ въ началѣ 319 г. Онъ управлялъ сирійскою церковію лѣтъ пять; искоренилъ худые обычаи, укоренившіеся между христіанами во время гоненія ихъ; ненавидѣлъ ересь Арія и препятствовалъ появленію ея въ Антіохіи. Смерть постигла его въ 324 году. Св. Евстафій до епископства былъ исповѣдникомъ въ царствованіе Діоклитіана и Ликинія; во дни же патріаршества противился аріанамъ. Евстафій предсѣдательствовалъ на никейскомъ соборѣ и разглагольствовалъ съ самодержавнымъ Константиномъ, хваля его и утверждая въ вѣрѣ и опровергая богохульство Арія. Онъ препирался съ этимъ еретикомъ и его послѣдователями. Его отмѣнно уважалъ царь. По окончаніи никейскаго собора Евстафій отправился въ Антіохію къ своему престолу и былъ тамъ принятъ съ великою честію... Сюда же прибылъ проклятый аріанинъ, никомидійскій епископъ Евсевій съ проклятыми сообщниками своими, ненавидѣвшій Евстафія за то, что онъ отлучилъ Арія и послѣдователей его... Эти еретики рѣшились низложить Евстафія, и для того подкупили одну непотребную женщину и уговорили ее объявить имъ, что она сожительствовала съ Евстафіемъ. Клятвою ея они удовольствовались и соборно опредѣлили низложить сего патріарха. Но православные епископы воспротивились имъ, говоря, что потребно свидѣтельство по крайней мѣрѣ двухъ лицъ. Тогда антіохійцы раздѣлились на двѣ партіи: аріанскую и православную. Аріане клеветали императору Константину великому, что Евстафій поносилъ мать его Елену и былъ причиною смутъ. Императоръ отправилъ гонца въ Антіохію съ письмомъ о любви и мирѣ, и позвалъ къ себѣ Евстафія. Въ Константинополѣ аріане опять оклеветали сего патріарха такъ, что Константинъ повѣрилъ имъ и сослалъ его въ Иллирію... Евстафій терпѣлъ и благодушествовалъ тамъ, а жена клятвопреступница, заболѣвъ тяжко и долго, обнаружила злобу аріанъ, сказавъ, что дѣйствительно она прижила дитя не отъ патр. Евстафія, а отъ нѣкоего кузнеца“ (по имени также Евстафія).—Дальнѣйшія извѣстія о судьбѣ св. Евстафія сбивчивы и разнорѣчивы. Мощи его принесены въ Антіохію въ 482 г.

Изъ трехъ канонизованныхъ іерусалимскихъ святителей болѣе зна-

менитъ св. Кириллъ (350—387). Въ началѣ его святительства 7 мая 351 года около 3-го часа дня явился надъ Голгоѳою большой сіяющій крестъ, простиравшійся до горы Елеонской. Весь народъ былъ свидѣтелемъ этого знаменія и св. Кириллъ описалъ оное въ посланіи къ императору Констанцію. Въ церковной литературѣ св. Кириллъ извѣстенъ своими 25-ю огласительными поученіями, которыя представляютъ собою древнѣйшее методическое изложеніе христіанскаго вѣроученія. Въ жизни св. Кириллъ извѣстенъ бѣдствіями, которыя онъ терпѣлъ отъ Акакія, аріанствующаго митрополита Кесаріи палестинской. Акакій гнѣвался на св. Кирилла по двумъ причинамъ: α) потому что былъ обличаемъ имъ въ ереси, β) потому что св. Кириллъ не желалъ признавать іерархической зависимости іерусалимской каѳедры отъ каѳедры Кесаріи палестинской. Исходъ своему негодованію на св. Кирилла Акакій нашелъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: во время бывшаго въ Іерусалимѣ голода св. Кириллъ щедрою рукою раздавалъ пособія голодающимъ и для этой цѣли продавалъ церковныя вещи и облаченія. Прошелъ слухъ, будто бы видѣли на городской площади безчестную женщину, плящущую въ купленномъ ею священномъ облаченіи. Акакій такъ искусно успѣлъ воспользоваться этимъ слухомъ, что св. Кириллъ былъ не только лишенъ епархіи, но и посланъ императоромъ Конттанціемъ въ заточеніе, а возвращенъ уже при Юліанѣ. Дальнѣйшая жизнь св. Кирилла выходитъ изъ предѣловъ разбираемаго нами періода.

Тогда какъ православные и канонизованные архіереи изображаются предъ нами какъ люди, не только правовѣрующіе, но и доблестно терпящіе гоненіе за правду, враги церкви рисуются не только какъ отступники отъ истины, но и какъ жестокіе и лукавые гонители правды. Въ этомъ изображеніи конечно нѣтъ полнаго безпристрастія, какъ не было безпристрастія и въ самой жизни. Борьба естественно вызывала раздраженіе. Главными врагами церкви были Арій и Юліанъ. Оставляя въ сторонѣ ихъ характеристику, уже извѣстную намъ, замѣтимъ только, что православные писатели старались представить смерть ихъ, какъ дѣйствіе непосредственнаго суда Божія, подражая быть можетъ Лактанцію, который въ своемъ сочиненіи de mortibus persecutorum изобразилъ съ этой точки зрѣнія конецъ языческихъ гонителей христі-

анства. О смерти Арія церковные писатели сообщаютъ слѣдующее: „спустя нѣсколько лѣтъ послѣ никейскаго собора, Арій, будучи призванъ въ Царьградъ, коварно обманулъ благочестиваго царя Константина, объявивъ свое согласіе съ никейскимъ исповѣданіемъ. Царь приказалъ принять Арія въ церковное общеніе. Въ воскресное утро предъ началомъ литургіи Арій шелъ изъ царскихъ палатъ къ церкви со многою гордостію, окруженный вельможами, придерживавшимися его ереси, и множествомъ оруженосцевъ. Когда же онъ дошелъ до торжища Константинова, гдѣ стоитъ мраморный столпъ съ царскою статуею,—то напалъ на него страхъ и угрызеніе совѣсти, и тѣлесная нужда заставила его искать сокровеннаго мѣста. Есть же тамъ вблизи народное отхожее мѣсто. Туда взошелъ Арій и былъ пораженъ внезапною внутреннею болѣзнію, и разсѣлся посреди какъ Іуда, и всѣ внутренности его извергнуты были. И такъ окаянный горестно извергъ душу свою. Провожавшіе Арія, видя, что онъ долго не выходитъ, вошли внутрь, и нашли его мертвымъ, лежащимъ въ крови и гноѣ. И тотчасъ по всему городу разнеслась вѣсть о внезапной лютой смерти еретика Арія, и еретики весьма были посрамлены, а православные возрадовались, говоря, что Христосъ, истинный Богъ, отмстилъ своему врагу и хулителю“.—По мнѣнію Гиббона, если буквально принимать повѣствованіе о смерти Арія, то остается выбирать между ядомъ и чудомъ. Какъ раціоналистъ, Гиббонъ разумѣется склоняется къ первому объясненію. „Необычайныя и ужасныя обстоятельства смерти Арія“,—говоритъ Гиббонъ,—„могутъ возбуждать подозрѣніе, что каѳолики употребили болѣе сильное орудіе, чѣмъ свои молитвы, чтобы избавить церковь отъ ея страшнаго врага“. Но нужно припомнить, что и сами аріане—современники и свидѣтели смерти Арія—не возбуждали противъ православныхъ подозрѣнія, высказываемаго Гиббономъ, хотя, при тогдашней расположенности къ нимъ правительства, ничто не препятствовало произвести по этому дѣлу самое строгое слѣдствіе.

Второстепенные гонители церкви—аріанствующіе епископы представляются у церковныхъ писателей, какъ люди жестокіе, лукавые и склонные къ интригѣ. Приведемъ въ подтвержденіе этого нѣсколько отдѣльныхъ извѣстій. О Македоніѣ, аріанствующемъ епископѣ Константинополя, сообщается, что онъ мучилъ разными муками православныхъ, не желавшихъ имѣть съ нимъ общенія:—повелѣвалъ отрѣзать ножиками сосцы у благовѣрныхъ женъ; повелѣвалъ насильно влагать людямъ аріанское причастіе въ

уста, открытыя при помощи желѣзныхъ орудій; повелѣвалъ у иныхъ отрѣзывать носы и уши, иныхъ печатлѣть огнемъ и т. д.—О Леонтіѣ, аріанскомъ епископѣ Антіохіи, сообщается, что онъ былъ пронырливъ и подобенъ подводнымъ камнямъ. Онъ ласкалъ православныхъ и звалъ ихъ къ себѣ въ церковь. Они послушались и пошли къ нему въ церковь, поя псалмы: и *слава Отцу и Сыну и св. Духу*; а аріане пѣли по своему: *слава Отцу чрезъ Сына во св. Духѣ.* Патріархъ же, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, подпѣвалъ только: *во вѣки вѣковъ*, а по выходѣ изъ церкви сказалъ своимъ аріанамъ, указывая на сѣдую голову свою: *когда растаетъ этотъ снѣгъ, тогда вы увидите, какая грязь будетъ* т. е. когда онъ умретъ, тогда каѳолики восторжествуютъ надъ аріанами.—О Стефанѣ, аріанскомъ епископѣ Антіохіи, сообщается, что онъ былъ весьма склоненъ къ интригѣ. Въ 348 г. прибыли въ Антіохію два западныхъ епископа—Викентій капуанскій и Евфратъ агриппинскій—для разслѣдованія беззаконій Стефана. Желая опорочить своихъ судей, Стефанъ поручилъ своему служителю Опагру ввести къ епископамъ блудницу и приготовить 15 свидѣтелей. Опагръ въ точности исполнилъ порученіе. Когда епископы уснули, онъ ввелъ къ нимъ блудницу, которая и подошла къ Евфрату, весьма старому. Епископъ этотъ, заслышавъ шаги ея, крикнулъ: *кто тутъ?* и слыша голосъ женщины, подумалъ, что стоитъ діаволъ, и взмолился: *Іисусе спаси меня!* Тогда оные 15 негодяевъ (т. е. подставныхъ свидѣтелей) начали кричать, что епископы развратные люди. Однако и блудница, видя старца и узнавъ, что онъ епископъ, начала вопіять, что ее обманули. Пробудился и другой епископъ, пробудились и слуги дома и побѣжали хватать бездѣльниковъ, но схватили только 7 человѣкъ—съ блудницею. Сбѣжались сосѣди. Соблазнъ сталъ общій, ибо случился въ дни Пасхи. Епископы пошли къ императору Констанцію, бывшему тогда въ Антіохіи, и просили его судить виновниковъ соблазна. Императоръ приказалъ допросить блудницу. Она призналась, что ее привелъ къ епископамъ Опагръ. Отыскали Опагра, и онъ объявилъ, что сдѣлалъ это по приказанію патр. Стефана. Разгнѣвался императоръ и велѣлъ епископамъ судить Стефана, который и былъ низложенъ".

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о епископѣ, который былъ знаменитъ своею ученостію и литературною дѣятельностію, но

далеко не безукоризненъ по своимъ догматическимъ и нравственнымъ убѣжденіямъ. Мы разумѣемъ Евсевія Памфила, епископа Кесаріи палестинской. Изъ его многочисленныхъ сочиненій особенно важны: а) 10 книгъ церковной исторіи б) 4 книги о жизни Константина великаго и в) 15 книгъ *евангельскаго приготовленія*. Не напрасно послѣдующіе церковные историки называли Евсевія историкомъ многоученѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ. Благородная страсть къ знанію перевѣшивала въ немъ всѣ житейскіе разсчеты, которымъ историкъ былъ также не совсѣмъ чуждъ. „Однажды когда имп. Константинъ прибылъ въ Кесарію и сказалъ Евсевію, чтобы просилъ у него какихъ-либо благодѣяній для кесарійской церкви,—Евсевій, говорятъ, отвѣтилъ: „церковь моя богата своими доходами и не имѣетъ нужды испрашивать пособій, но самъ я имѣю непреодолимое желаніе, чтобы все, что только дѣлалось въ римскомъ государствѣ относительно святыхъ Божіихъ разными судьями, тщательно было разыскано въ общественныхъ архивахъ, по царскому приказу, и препровождено ко мнѣ, съ означеніемъ, какой мученикъ предъ какимъ судьей, въ какой области или городѣ, въ какой день и съ какимъ мужествомъ восхитилъ пальму своего страданія“. (Hieronim. Catalog. scriptor. eccles.) Кромѣ того Евсевій самъ говоритъ, что для него открыты были всѣ находившіеся тогда на востокѣ христіанскія библіотеки. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для литературнаго труда, Евсевій наполнилъ свою исторію множествомъ документальныхъ свидѣтельствъ и выдержекъ изъ писателей, нынѣ утраченныхъ. Эпоха, въ которую писалъ Евсевій, благопріятствовала внѣшней стройности и законченности его историческаго труда. Исторія Евсевія есть по преимуществу исторія христіанскаго мучениченства. Но она писана уже тогда, когда христіанство въ лицѣ Константина взошло на тронъ римскихъ цезарей и видѣло поверженнымъ у своихъ ногъ весь языческій міръ. Въ такую эпоху легко было обнять однимъ цѣльнымъ взглядомъ все протекшее трехъ-вѣковое время борьбы и страданій за вѣру и видѣть въ немъ послѣдовательное подготовленіе побѣды христіанства надъ міромъ, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ въ глазахъ автора. „Послѣ прежнихъ мрачныхъ зрѣлищъ и страшныхъ повѣствованій“, говоритъ Евсевій въ 10-й и послѣдней книгѣ своей исторіи, „мы удостоились теперь созерцать и славословить тó, что желали видѣть на землѣ и не видѣли, хотѣли слышать и не слышали многіе, жившіе до насъ, истинные праведники и мученики Бо-

жіи".—За правдивость Евсевія ручается документальный характеръ его исторіи; при описаніи современныхъ событій правда онъ нерѣдко стѣсняется говорить историческую истину, но и тогда ограничивается умолчаніемъ, не позволяя себѣ искажать факта.—Обширная ученость Евсевія не была соединена съ твердымъ и мужественнымъ характеромъ. Въ отношеніяхъ къ императору Евсевій представляетъ собою панегириста; догматическія убѣжденія его были также шатки и склонялись болѣе къ аріанству. Мягкость и уклончивость права Евсевія не позволяла ему нажить сильныхъ враговъ, но и не позволяла ему стать за гонимую правду. Впрочемъ потомство, которое ничего не терпитъ отъ нравственныхъ недостатковъ Евсевія и пользуется его незамѣнимыми трудами, должно быть къ нему благосклоннѣе, чѣмъ современники.

Религіозное состояніе народа. Вліяніе христіанства на народную жизнь. Двоевѣріе. Язычество. Новыя пріобрѣтенія христіанства внѣ предѣловъ римской имперіи.

Общее религіозное состояніе народа менѣе выходитъ на свѣтъ исторіи, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ лицъ, знаменитыхъ своимъ благочестіемъ или нечестіемъ. Въ тихомъ и неуловимомъ для сознанія вліяніи христіанства на народную жизнь буквально сбываются слова евангельской притчи: *царствіе Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю; и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ.* (Марк. 4, 26 — 28). Но если сравнить α) политическую и личную, β) общественную и семейную жизнь обитателей римской имперіи до временъ Константина великаго и во времена Константина, и его ближайшихъ преемниковъ,—то мы замѣтимъ громадную разницу и едва ли ошибемся, если скажемъ, что христіанство весьма много значило при этихъ коренныхъ перемѣнахъ въ міросозерцаніи и жизни человѣчества.

α) Такъ какъ *политическое* устройство римской имперіи по сравненію съ предшествующими временами признавалось чѣмъ то ненормальнымъ и переходнымъ, то мы должны обратиться въ глубину сѣдой древности, чтобы найти идеальную форму государственнаго устрой-

ства древняго міра. Такою формою была республика. Какъ свободные республиканцы, греки и римляне повиновались законамъ, которые сами себѣ дали, слушались начальниковъ, которыхъ сами себѣ выбрали, вели войны, которыя сами предприняли, давали свое имущество, жертвовали жизнію въ пользу дѣла, которое было ихъ дѣломъ. Идея своего отечества, своего государства, была высшимъ краемъ желаній древняго грека и римлянина,—высшимъ предметомъ, для котораго онъ трудился. Этою идеею поглощалась его личность; для нея только онъ и жилъ. „Греку или римлянину"—говоритъ Гегель—„не приходило въ голову желать продолженія своей личности по смерти; только въ тяжелыя минуты разочарованія онъ могъ почувствовать это желаніе. Катонъ только тогда принялся за чтеніе Платонова *Федона*,—когда былъ разрушенъ его высшій дотолѣ порядокъ вещей, его міръ, его республика; только тогда онъ почувствовалъ нужду въ иномъ міросозерцаніи". Боги Греціи и Рима соотвѣтствовали характеру свободныхъ республиканцевъ. Олимпійскіе небожители представляли собою также нѣчто въ родѣ республики подъ предсѣдательствомъ Зевеса, воля котораго вовсе не пользовалась безусловнымъ авторитетомъ. Отношенія смертныхъ къ безсмертнымъ также были вполнѣ свободныя. Язычникъ съ благодарностію принималъ—или воображалъ, что принимаетъ,—отъ боговъ даръ мудрости, краснорѣчія и благія внушенія, но въ случаѣ какой-либо коллизіи съ богами, онъ считалъ себя вправѣ противопоставлять этимъ владыкамъ природы и ея силъ—себя самаго, свою свободу. Воля язычника была свободна. Онъ не зналъ Божіихъ заповѣдей и, если употреблялъ это слово, то разумѣлъ подъ этимъ правящій міромъ законъ, а не какую-либо богооткровенную обязательную для себя мораль.

Рядъ множества сложныхъ причинъ произвелъ то, что ко времени воцаренія Константина великаго отъ республиканскаго устройства древняго міра уцѣлѣли только титулы консуловъ и сенаторовъ и нѣсколько устарѣлыхъ формъ жизни, потерявшихъ прежнее значеніе. Великая римская имперія превратилась въ абсолютную монархію. Самъ Константинъ великій еще болѣе упрочилъ монархическіе порядки. Онъ перенесъ столицу на востокъ въ среду населенія, болѣе привыкшаго къ правительственному абсолютизму. Онъ старался поражать взоры народа внѣшнею пышностію, чтобы подданные, видя государя стоящаго на недосягаемой высотѣ, не считали себя

вправѣ судить о его дѣйствіяхъ, которыя предписывались царю условіями его положенія. Константинъ раздѣлилъ наконецъ всѣхъ своихъ подданныхъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна была привязана къ государю личными интересами, а вторая была лишена возможности выразить свое неудовольствіе. Если позволительно употребить термины, взятые изъ русской исторіи, то можно сказать, что Константинъ великій создалъ въ своемъ государствѣ *опричнину* и *земщину*. Первую составляли придворные чины, населеніе столицы, духовенство, особенно высшее, войско и чиновники; послѣднюю—все остальное населеніе римской имперіи. „Константинъ",—говоритъ Финлей,—„организовалъ правительство римской имперіи, какъ будто бы оно составляло домашнее хозяйство императора и сдѣлалъ изъ императорскихъ чиновниковъ касту, совершенно отдѣльную отъ народа,—вслѣдствіе чего поставилъ ихъ въ силу самой человѣческой природы въ прямую оппозицію съ массой своихъ подданныхъ". Идея о государствѣ, какъ о продуктѣ совокупной дѣятельности всѣхъ гражданъ, изчезла теперь изъ сознанія обитателей римской имперіи. Забота о цѣломъ государствѣ лежала на душѣ одного императора. Сравнительно немногіе подданные были допущены къ управленію государственнымъ механизмомъ, да и тѣ служили, какъ отдѣльные колеса, имѣющіе значеніе только въ соединеніи съ другими; ввѣренная каждому отдѣльная часть государственнаго механизма была такъ незначительна и безотносительна къ цѣлому, что каждый могъ дѣйствовать въ своей сферѣ, не справляясь съ ходомъ дѣлъ въ цѣломъ государствѣ. Не было болѣе дѣятельности въ пользу цѣлаго, въ пользу идеи: каждый трудился для себя, а для другихъ только по принужденію. Нельзя было теперь свободно подчиняться собственнымъ законамъ, слѣдовать выборнымъ вождямъ, приводить въ исполненіе собственные планы. Всякая политическая свобода пала. Право гражданина давало только обезпеченіе собственности,—и не болѣе. „При такихъ обстоятельствахъ,—„говоритъ Гегель",—явленіе обрывавшее всю ткань человѣческихъ цѣлей,—*смерть*,—стало казаться человѣку страшнымъ, потому что человѣкъ умирая ничего уже не оставлялъ послѣ себя въ семъ мірѣ. Республиканца переживала по крайней мѣрѣ его республика. Онъ вѣрилъ, что эта республика, въ которую онъ положилъ часть своей души, есть нѣчто вѣчное": римскій же гражданинъ послѣднихъ временъ имперіи не имѣлъ уже этого утѣшенія.

Мы не будемъ утверждать, что эта перемѣна въ политическомъ положенія древняго міра создана христіанствомъ, но мы должны сказать, что христіанство дало гражданину послѣднихъ временъ римской имперіи кругъ идей, которыя вознаградили его за потерю политической свободы и наполнили пустоту, образовавшуюся въ его душѣ вслѣдствіе прекращенія политической дѣятельности. Христіанство переносило мысль вѣрующаго къ обителямъ Отца небеснаго, гдѣ не женятся, ни выходятъ замужъ, ни умираютъ, но живутъ, какъ ангелы,—гдѣ нѣтъ ни разрушительнаго дѣйствія стихій, ни обиды отъ злыхъ людей, ни болѣзни, ни печали, ни воздыханіи, но жизнь безконечная. Вмѣсто всякихъ политическихъ идеаловъ христіанство указывало своимъ послѣдователямъ на великую всемірную катастрофу, когда *небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и вся дѣла на ней, сгорятъ.* (2 Петр. 3, 10). Важно ли было для христіанина прекращеніе политической дѣятельности, когда онъ ежеминутно ожидалъ, что эта бѣдная земля со всѣмъ, что́ есть на ней, распадется и уничтожится! *Еще немного, очень немного,* читали христіане у ап. Павла (Евр. 10, 31) *и Грядущій пріидетъ и не умедлитъ.* Важно ли было для христіанина, что его притѣснялъ корыстолюбивый правитель,—когда онъ, по заповѣди Спасителя, готовъ былъ ударившему по ланитѣ подставить и другую, не боялся убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ сдѣлать ничего болѣе, и ожидалъ, по обѣщанію Господа, новаго неба и новой земли, на которыхъ правда живетъ? Важно ли было для христіанина разсматриваемой эпохи лишеніе права носить оружіе и принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, когда самая война въ христіанской точки зрѣнія представлялась явленіемъ ненормальнымъ? Вообще христіанинъ разсматриваемаго нами времени не только охотно, но даже радостно мирился съ утратою политической дѣятельности. Центръ помысловъ и заботъ былъ всецѣло перенесенъ изъ сферы политической въ сферу личную. Высшимъ идеаломъ и образцемъ для тогдашняго христіанина былъ отшельникъ, который исключительно трудится для своего вѣчнаго душевнаго спасенія. Въ христіанской литературѣ довольно употребительно сравненіе царя,—единственнаго человѣка, которому открыта была тогда широкая политическая дѣятельность,—съ монахомъ,—при чемъ преимущество отдается въ пользу послѣдняго. Мы уже довольно долго оставливались на изображеніи идеальнаго инока, и можемъ считать этотъ образъ для себя

знакомымъ. Другаго идеала тогда не было,—и всякій христіански-настроенный міряпинъ пытался тогда по мѣрѣ возможности усвоять себѣ иноческія добродѣтели и въ особенности равнодушіе къ этому суетному и скоропреходящему міру. Выигрывало ли отъ этого государство,—это другой вопросъ, на который кажется придется отвѣчать отрицательно. Мірскія дѣла все-таки должны были идти своимъ чередомъ; и если лучшіе люди того времени выдѣлялись изъ міра и уходили въ монастырь, или, живя въ мірѣ, старались держаться отъ мірскихъ дѣлъ по возможности подальше, то естественно выдвигались на первый планъ люди, у которыхъ не было ни республиканскихъ, ни монашескихъ добродѣтелей, люди,—которыхъ ничто не привязывало къ предмету ихъ занятій, кромѣ ненасытнаго своекорыстія. При такихъ дѣятеляхъ государство разумѣется должно было идти къ упадку, и язычники не безъ основанія говорили, что христіанство содѣйствуетъ варварамъ, которые шли съ сѣвера, чтобы разрушить древнюю цивилизацію. „Съ провиденціальной точки зрѣнія", говоритъ Лоранъ, „такъ и должно было быть. Призваніе христіанства состояло не въ томъ, чтобы возродить древній міръ, но—чтобы воспитать варваровъ". Мы не примемъ на себя, подобно Лорану, указывать пути Провидѣнія, но повторимъ еще разъ, что христіанствомъ открывался для гражданина римской имперіи единственный возможный тогда modus vivendi, состоявшій въ томъ, чтобы, отложивъ заботу о политическихъ дѣлахъ, искать во глубинѣ собственнаго духа той свободы, которой не можетъ отнять никакое насиліе.

β) Если въ политической жизни христіанство давало возможность человѣку мириться съ сложившимся строемъ государственныхъ отношеній, увлекая его въ міръ иныхъ, далекихъ отъ мірской суеты, представленій, то общественная и семейная жизнь обязаны христіанству положительно благотворнымъ вліяніемъ. Общественная жизнь въ античномъ мірѣ отличалась крайнимъ неравенствомъ правъ. Сильный господствовалъ надъ слабымъ и угнеталъ его; мужчина надъ женщиною, господинъ надъ рабомъ, отецъ надъ сыномъ, богачъ надъ бѣднякомъ, еллинъ надъ варваромъ. Сознанія общаго человѣческаго достоинства, общаго равенства человѣческой природы вовсе не было,—и законъ не только не ослаблялъ, но закрѣплялъ своими постановленіями право сильнаго. Нищій, увѣчный, больной, сирота, плѣнникъ—считался существомъ, отверженнымъ богами и людьми: ему не было мѣста

на жизненномъ пиру,—и стереть его съ лица земли можно было безъ угрызенія совѣсти. Христіанство принесло идею о томъ, что всѣ люди братья, ибо всѣ дѣти одного Отца небеснаго. Въ царствѣ Христовомъ —говоритъ апостолъ, (Галат. 3, 28)—*нѣсть еллинъ, ни іудей, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь, мужескій полъ и женскій, но всяческая и во всѣхъ Христосъ*... Мало того: подъ вліяніемъ христіанскихъ идей совершенно измѣнилась оцѣнка составныхъ частей общества. Что было вверху, стало внизу,—и наоборотъ. Евангеліе говоритъ, что во время земной жизни Своей Спаситель нашелъ себѣ признаніе среди мытарей, самарянъ, бѣдныхъ рыбаковъ, грѣшныхъ женщинъ,—а архіереи, книжники и старѣйшины народные отвергли и предали Его на распятіе. Евангеліе говоритъ, что Христосъ, возвѣщая *горе* богатымъ и пресыщеннымъ, призывалъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, называлъ ихъ Своими братьями и обѣщалъ, что все, сдѣланное для нихъ, Онъ вмѣнитъ Себѣ на Своемъ второмъ пришествіи.—Сообразно своему началу христіанство и въ послѣдствіи стало распространяться снизу (*немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* I Кор. 1, 27). И распространялось до тѣхъ поръ, пока вовлекло въ свой кругъ людей богатыхъ, могучихъ, знатныхъ и наконецъ царей.—Что же потомъ? Нельзя же было всѣмъ богатымъ и владѣющимъ превратиться въ нищихъ и рабовъ, а еще невозможнѣе было всѣмъ нищимъ и рабамъ сдѣлаться владѣющими и богатыми,—да наконецъ, еслибы и возможенъ былъ такой переворотъ, то бѣдствующіе, переставъ бѣдствовать, потеряли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и то качество, ради котораго они высоко цѣнимы были въ христіанствѣ. Конечно должны были послѣдовать компромиссы, которыми жизнь обыкновенно сглаживаетъ крайности идеи. Нѣкоторые самоотверженные богачи приняли добровольную нищету; такихъ конечно было немного. Другіе стали пользоваться умѣреннѣе своими случайными преимуществами богатства и власти, и искупать—такъ сказать—право пользованія этими преимуществами щедростію и снисходительностію къ бѣднымъ. Что касается до людей, обиженныхъ судьбою, то они чрезвычайно поднялись въ общественномъ мнѣніи христіанскаго міра. Несчастіе стало считаться уже не гнѣвомъ, а милостивымъ посѣщеніемъ Божіимъ,—залогомъ блаженства въ будущей жизни. Люди бѣдствующіе,—больные, нищіе, странники, вдовы, сироты—были поставлены подъ особое храненіе и попеченіе церкви; для нихъ устрояемы были епископами ξενοδοχεῖα, πτωχοτροφεῖα, γηροκομεῖα, νοσοκο-

μεία, ὀρφανοτροφεία,—и императоръ Юліанъ не безъ основанія указывалъ на благотворительныя учрежденія церкви, какъ на примѣръ, достойный подражанія язычниковъ. Гражданская власть также оказывала возможное пособіе страждущимъ. Имп. Константинъ „нищихъ и отверженныхъ, собирающихъ милостыню на площадяхъ, приказалъ снабжать не только деньгами и необходимою пищею, но и приличною одеждою, а тѣмъ, которые, прежде живъ хорошо, испытали неблагопріятную перемѣну обстоятельствъ, помогалъ еще съ бо́льшею щедростію“ и т. д. (De vita Const. II, 43). Но — что́ всего важнѣе — люди бѣдствующіе и униженные поднялись въ собственномъ своемъ сознаніи; они знали, что, какъ христіане, они равны всякому другому, а на страшномъ судѣ станутъ—можетъ быть—и выше. Такимъ образомъ христіанствомъ значительно смягчено было соціальное неравенство общества.

Еще болѣе смягчающаго вліянія оказало христіанство на семейный бытъ. Въ Римѣ и Греціи власть отца надъ дѣтьми была сурова и безгранична. „Въ домѣ своего отца,—говоритъ Гиббонъ,—римлянинъ былъ не болѣе, какъ *вещь*, принадлежавшая къ томуже разряду движимостей, какъ скотъ и рабы,—*вещь*, которую господинъ могъ изувѣчить или уничтожить, не подвергаясь за это предъ земнымъ судомъ никакой отвѣтственности“. Во всей образованной Греціи—кромѣ Ѳивъ—выбрасываніе новорожденныхъ дѣтей было дѣломъ обыкновеннымъ; а въ Спартѣ умерщвленіе болѣзненныхъ дѣтей было даже закономъ. Конечно внушаемая самою природою нѣжность родителей къ дѣтямъ часто умѣряла крайности родительскаго деспотизма, но она не находила себѣ поддержки ни у законодателей, ни даже у философовъ. „Иногда слѣдуетъ“, говоритъ Аристотель въ своей *политикѣ*, „вытравлять плодъ, убивать слабыхъ и уродливыхъ дѣтей, чтобы число гражданъ не сдѣлалось слишкомъ велико“. Евангеліе дало идею объ отношеніи къ дѣтямъ, которая освящала и регулировала чувства природной родительской нѣжности. „Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ“, говорилъ Спаситель“, и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе“. Дѣти—существа слабыя и безпомощныя, но они чада великаго Отца и ближе къ Его небеснымъ обителямъ, чѣмъ многіе взрослые. „Человѣкъ“, говоритъ св. Григорій Богословъ,“ бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, но только плоти и крови,—того, что́ есть въ человѣкѣ гибнущаго; душа же—дыханіе Вседержителя Бога“. Конечно подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній первый христіанскій им-

ператоръ, хотя и былъ виновникомъ смерти собственнаго сына, однако положилъ въ законѣ за убійство сына такое же наказаніе, какъ и за отцеубійство.—Не менѣе содѣйствовало христіанство возвышенію положенія женщины. Благоговѣйное почитаніе Пречистой Матери и Дѣвы, которая представлялась идеаломъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, не могло не отразиться въ томъ, что и въ каждой женщинѣ христіанинъ сталъ цѣнить не чувственную прелесть, но духовную красоту женской природы. Высокій идеалъ благотворно дѣйствовалъ на христіанскихъ женщинъ. Нонна, мать Григорія Богослова, Макрина, сестра Василія великаго, Анноуса, мать Іоанна Златоустаго, представляются такими женщинами, которыя возбуждали невольныя чувства восторга и удивленія даже въ язычникахъ. „Какихъ женщинъ имѣютъ у себя христіане!“ говорили язычники. Для устройства христіанской семьи чрезвычайно важно то, что христіанствомъ рѣшительно воспрещалось многоженство, стѣснялся разводъ, не одобрялся второй,—порицался третій бракъ. Это регулированіе христіанской семьи было подтверждено и гражданскими законами. Но семейная жизнь, даже очищенная отъ недостатковъ и неправильностей, казалась для христіанъ того времени все-таки жизнію несовершенною. Жизнь дѣвственная представлялась наиболѣе угодною Богу, и по ней воздыхали нѣкоторые благочестивые супруги.

Несмотря на вліяніе христіанскихъ идей, коренным образомъ измѣнявшихъ міросозерцаніе и бытъ человѣчества, большинство христіанъ разсматриваемаго нами періода страдало—такъ сказать—двоевѣріемъ: христіане въ теоріи—оставались язычниками въ житейской практикѣ. Роскошь, суетность, алчность и жестокость отмѣчали ихъ обычную дѣятельность. Св. Григорій Богословъ, описывая свою юность, отрицательнымъ образомъ дастъ намъ понять, каково было то общество, отъ котораго онъ считалъ нужнымъ сторониться. „Меня не связало супружество“.., говоритъ онъ. „Меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ; не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не любилъ пресыщать прожорливое чрево;—не любилъ я жить въ роскошныхъ и великолѣпныхъ домахъ; не разслаблялъ я сердца музыкальными звуками, нѣжно потрясающими слухъ: меня не упоевало нѣгою роскошное испареніе благовонныхъ мазей. Для меня не имѣли пріятности роскошныя кудри, ни прелесть срамныхъ рѣчей, ни смѣхъ не-

воздержный. Другимъ уступилъ я стремнины и горы, и ржущихъ коней или своры гончихъ псовъ. И серебро, и золото предоставилъ я другимъ, которые, сидя надъ несмѣтнымъ богатствомъ, любятъ предаваться заботамъ... Мое лучшее богатство—Христосъ, а не поля, засѣянныя пшеницею, не прекрасныя рощи, не стада воловъ или тучныхъ овецъ, не дорогіе рабы,—одинъ со мною родъ, но отдѣленный отъ меня древнимъ мучительствомъ, которое на рожденныхъ одною землею (землею или Богомъ) наложило двоякое именованіе—*благородства и рабства*,—что подтвердилъ и недобрый законъ. Никогда не обольщало меня желаніе судейскаго мѣста, на которомъ, засѣдая величаво, могъ бы я высоко поднять вверхъ брови; не важно для меня имѣть могущество въ городахъ или между гражданами,—увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которыя, какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ... Одна слава была для меня пріятна—отличаться познаніями, какія собрали востокъ и западъ и краса Еллады—Аѳины; надъ симъ трудился я много и долго. Но всѣ сіи познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ.".—Знакомая намъ исторія фамиліи Константина великаго показываетъ, что языческіе пороки и страсти еще жили и дѣйствовали даже въ лицахъ, стоявшихъ во главѣ христіанскаго міра.

Къ сожалѣнію христіанскій міръ заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ,—хотя бы даже насильственномъ,—подавленіи сего послѣдняго. Но это было не легко. „Политеизмъ",—по словамъ одного ученаго,—„былъ въ то время какъ бы необозримымъ деревомъ, которое еще покрывало міръ своею величественною тѣнью. Сокъ не производилъ уже вѣтвей на стволѣ; дерево, уже давно пораженное въ сердце, мертво и сухо; но оно все еще стоитъ, глубоко вкоренившись въ почву, и противостоитъ неподвижностію своей массы ударамъ времени и нападеніямъ скептицизма". Христіане, во время гоненій устами апологетовъ провозглашавшіе религіозную свободу совѣсти, не могли тотчасъ же послѣ своего торжества сойти съ этой точки зрѣнія. Во времена Константина великаго Лактанцій, вслѣдъ за Іустиномъ и Тертулліаномъ, выражался такъ: religio cogi non potest. Nihil est tam voluntarium, quam religio. Res enim est praeter caeteras voluntaria, nec imponi cuiquam necessitas potest, ut colat, quod non vult. Potest aliquis forsitan simu-

lare, non potest velle. Но съ теченіемъ времени этотъ образъ мыслей измѣнился. Увѣренность христіанъ въ обладаніи единою богооткровенною истиною, благочестивая забота о спасеніи души ближняго, политическія соображенія, корыстные разсчеты—все соединилось для того, чтобы *понудить* язычниковъ *внити* въ царство Христово. Представлялось кромѣ того непослѣдовательнымъ карать еретиковъ, которые все-таки были христіане, и оставлять въ покоѣ язычниковъ. И вотъ—какъ мы уже видѣли—противъ язычниковъ вооружились и указы правительства и частная инициатива ревнителей христіанства. Впослѣдствіи при имп. Юліанѣ язычники отмстили кое-кому изъ этихъ ревнителей, напр. Кириллу, діакону иліопольскому [1]) и Марку, епископу ареѳусійскому. Быть можетъ насильственныя дѣйствія противъ язычниковъ могли бы придать новыя силы язычеству, если бы оно способно было къ обновленію. Но язычество уже отжило свой вѣкъ и христіанство, какъ дѣло Божіе, должно было торжествовать въ мірѣ, не смотря на частныя ошибки своихъ послѣдователей.

Въ разсматриваемый нами періодъ христіанство распространялось и внѣ предѣловъ римской имперіи.

Въ Персіи, начало христіанства восходитъ быть можетъ ко временамъ апостольскимъ. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ римской имперіи многочисленные христіане въ Персіи, стали подозрительны мѣстному правительству. Ходатайство за персидскихъ христіанъ имп. Константина не могло понравиться персидскому царю Сапору. Во время возникшихъ войнъ между Персіею и римскою имперіею, Сапоръ, считая Симеона епископа селевкійскаго римскимъ сторонникомъ, воздвигъ противъ христіанъ продолжительное и кровавое гоненіе, во время котораго пострадало множество христіанъ, какъ оставшихся неизвѣстными по имени, такъ и включенныхъ въ календарь. Между послѣдними наиболѣе замѣчательны: Симеонъ и Садоѳъ епископы и Іаковъ

1) О первомъ въ *церковной исторіи Ѳеодорита* (III, 7) сообщается слѣдующее: „Въ Иліополисѣ, близъ Ливана, жилъ одинъ діаконъ, Кириллъ. Пламенѣя божественною ревностію, онъ въ царствованіе Константина разрушилъ множество идоловъ, которымъ тамъ поклонялись. Вспомнивъ его дѣянія, ненавистники не только умертвили его, но еще, разрѣзавъ ему чрево, съѣли его печень“.

персянинъ, замученный самымъ звѣрскимъ образомъ. Впрочемъ и вообще мученія персидскихъ христіанъ были самыя тяжкія и ужасныя.

Въ Армяніи христіанство началось еще со II вѣка. Въ началѣ IV в. Григорій, просвѣтитель Армяніи, обратилъ ко Христу самаго царя Тиридата и въ 302 г. былъ посвященъ отъ Леонтія епископа Кесаріи Каппадокійской въ первые митрополиты армянскіе. Послѣдовавшая за тѣмъ долгая борьба христіанъ съ приверженцами старой религіи имѣла въ значительной степени политическій характеръ, потому что армяне язычники находили себѣ поддержку въ персахъ, а армяне христіане въ римскихъ императорахъ. Послѣ того какъ бо́льшая часть Армяніи подпала персидскому владычеству (428 г.), персидскіе цари старались вытѣснить христіанство, но встрѣтили такое сопротивленіе, что послѣ продолжительной борьбы должны были уступить христіанамъ свободу исповѣданія.

Въ *Грузіи* или *Иверіи* христіанство распространилось при Константинѣ благодаря просвѣтительной дѣятельности св. Нины, обратившей ко Христу грузинскаго царя Миріана.—Во время 1-го вс. собора имп. Константинъ получилъ извѣстіе объ обращеніи ко Христу епископомъ Капитономъ жителей *Херсонеса Таврическаго*. Жители восточной части таврическаго полуострова должно быть обратились ко Христу еще ранѣе, потому что на 1 вс. соборѣ присутствовалъ Домнъ, епископъ *Воспора Киммерійскаго* (нынѣ Керчи).—Около тогоже времени (т. е. 325 г.) христіанство было насаждено въ *Эѳіопіи* или *Абиссиніи* св. Фрументіемъ сначала при царскомъ дворѣ, а потомъ скоро распространилось по всей странѣ.

Въ *южной Аравіи* имп. Констанцій пытался насадить христіанство около 350 г. чрезъ посредство миссіонера Ѳеофила. Но кажется эта миссія не имѣла бо́льшихъ успѣховъ,—и такъ какъ она имѣла аріанскій характеръ, то и извѣстіе о ней сохранено только у аріанскаго историка Филосторгія.

На сѣверныхъ границахъ восточной имперіи между *готѳами* христіанство было распространено римскими плѣнниками еще съ половины III вѣка, и на никейскомъ соборѣ 325 г. присутствовалъ уже Θεόφιλος τῶν Γότθων ἐπίσκοπος Скоро готѳы склонились къ аріанству, благодаря вліянію своего, посвященнаго въ Константинополѣ въ 341 г., епископа Улфилы, который утверждалъ, что весь споръ между аріанами и православными возникъ изъ честолюбія,—въ догматахъ же

нѣтъ никакого различія. Когда готѳы—христіане стали терпѣть притѣсненія отъ готѳовъ—язычниковъ, то Улфила перевелъ свою паству на южный берегъ Дуная въ округъ никопольскій въ Мизіи, предоставленный ему имп. Констанціемъ въ 355 г.,—получилъ за это прозвище готѳскаго Моисея, изобрѣлъ готѳскій алфавитъ и перевелъ библію на готѳскій языкъ. Намъ придется болѣе говорить о готѳахъ въ слѣдующій періодъ, когда они чуть-было не раззорили византійскую имперію своими войнами и тяжелы были для нея, даже вошедши въ составъ ея въ качествѣ мирныхъ подданныхъ.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Императоры Іовіанъ, Валентиніанъ, Валентъ и Ѳеодосій великій (363—395).

Положеніе церкви въ короткое царствованіе Іовіана (отъ 27 іюня 363 г. по 16 февраля 364 г.)

Умирающій Юліанъ отказался указать себѣ преемника. „Я не буду предрѣшать вашъ выборъ“, сказалъ онъ окружающимъ, до конца стараясь выдержать характеръ философа. „Можетъ быть я не съумѣю выбрать самаго достойнаго. Можетъ быть я навлеку только гибель на своего избранника, если вы предпочтете другаго. Полный любви къ отчизнѣ, я надѣюсь, что вы выберете себѣ государя, который, подобно мнѣ, будетъ постоянно помнить, что онъ сынъ своего отечества“. Критическія обстоятельства голодающаго и окруженнаго врагами войска не позволяли медлить избраніемъ императора. Въ самый день смерти Юліана избранъ былъ новый императоръ. Это былъ Іовіанъ, начальникъ *доместиковъ*, (т. е. царскихъ тѣлохранителей), урожденецъ верхней Мизіи, сынъ комита Варроніана, человѣкъ еще молодой (32 лѣтъ), красивый по наружности, ласковый и общительный, и добрый христіанинъ. Когда войско привѣтствовало новоизбраннаго императора громкими криками, то Іовіанъ, рукою давъ знакъ къ молчанію, сказалъ: „подождите; я христіанинъ! я не рѣшусь принять начальство надъ идолослужителями, которые, не надѣясь на Бога, обречены на жертву врагамъ“. Въ отвѣтъ на это воины единодушно воскликнули: „государь, не бойся! ты будешь начальствовать надъ христіанами. Старшіе

изъ насъ служили при Константинѣ; младшіе—при Констанціѣ. Царствованіе Юліана не успѣло изгладить наши прежніе уроки".

Первою заботою новаго императора было вывести войско изъ того отчаяннаго положенія, въ какое оно было вовлечено неблагоразумною отвагою Юліана. Персидскій царь Сапоръ предложилъ миръ подъ условіемъ уступки пяти областей на восточномъ берегу Тигра,—и кромѣ того месопотамскаго города Низибіи, прославленнаго мужественною обороною противъ персовъ въ 338 г., и т. д. Условія были тяжелы. Юліанъ проигралъ бы десять сраженій, погибъ бы въ Персіи со всею арміею, прежде чѣмъ согласился бы на одно изъ этихъ условій. Іовіану было не такъ больно и стыдно расплачиваться за чужія погрѣшности. Онъ принялъ условія Сапора, и римское войско, голодное, измученное, задерживаемое на пути дипломатическими переговорами персовъ, добралось кое-какъ до предѣловъ римской имперіи. Здѣсь ожидали Іовіана тяжелыя сцены сдачи Низибіи. Низибія долго была крѣпкимъ оплотомъ имперіи противъ персовъ, и Іовіану приходилось теперь своими руками отдать персамъ крѣпость, которую они пытались, но не могли взять силою. Уполномоченный царя Сапора, съ дозволенія императора, вошелъ въ Низибію, водрузилъ на крѣпости персидское знамя, и объявилъ жителямъ, что они могутъ удалиться изъ города. Эта печальная новость поразила низибійцевъ отчаяніемъ. Они бросились къ Іовіану, расположившемуся станомъ внѣ города, и умоляли императора не отдавать ихъ христіанскаго города варварамъ. „Государь"!—говорилъ Іоавіану одинъ изъ почетнѣйшихъ низибійцевъ,—„выслушай послѣднія слова Низибіи... Три раза Низибія была осаждаема и почти взята Сапоромъ, и три раза она спасалась. Неужели непобѣдимый Іовіанъ ознаменуетъ первые дни своего царствованія тѣмъ, что отдастъ персамъ твердѣйшій оплотъ своей имперіи? Неужели народъ, привыкшій жить подъ римскими законами также, какъ и обитатели столицы, долженъ будетъ принимать нравы и обычаи варваровъ? Печальный день, какого Римъ никогда не видалъ во все время своего существованія! Правда иные императоры сокращали границы своихъ владѣній,—но добровольно и по соображеніямъ политическимъ, и никогда по принужденію враговъ. Если ты боишься, что защита Низибіи будетъ стоитъ тебѣ много крови и денегъ, то предоставь насъ нашимъ собственнымъ силамъ; одни, при помощи Божіей, мы съумѣемъ отстоять себя, какъ это бывало уже не одинъ разъ!"

Императоръ отвѣчалъ, что онъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій мира, и не можетъ ее нарушить.—Жители городовъ римской имперіи имѣли обыкновеніе подносить корону новому императору. Низибійцы не захотѣли отступить отъ этого обыкновенія, не смотря на свои печальныя обстоятельства. Когда Іовіанъ, хотя съ нѣкоторымъ смущеніемъ, принялъ корону, подносимую ему *отъ сената и народа низибійскаго*, то адвокатъ, по имени Сильванъ, воскликнулъ: *Государь! дай Богъ, чтобы и другіе города твоей имперіи подносили тебѣ столь же почетные вѣнцы!* Іовіанъ объявилъ низибійцамъ, что онъ даетъ имъ три дня сроку на сборы, если они пожелаютъ выселиться въ предѣлы имперіи. Большая часть низибійцевъ переселились въ городъ Амиду. Они уносили съ собою немного имущества, но взяли мощи св. Іакова Низибійскаго, который считался хранителемъ ихъ города. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и. Юліанъ приказалъ вынести мощи св. Іакова изъ города, и этому обстоятельству низибійцы приписывали свое несчастіе. Провинціи, уступленныя персамъ, никогда болѣе не возвращались въ составъ римской имперіи. Оторвался первый камень отъ большаго зданія и предвозвѣстилъ его паденіе, хотя оно было еще далеко.

Первою заботою Іовіана по возвращеніи въ предѣлы имперіи было —успокоить религіозную вражду, возбужденную при его предшественникѣ между подданными римской имперіи. Іовіанъ не скрывалъ своихъ христіанскихъ убѣжденій. На пути изъ Низибіи въ Антіохію, императоръ снова поднялъ предъ войсками знаменіе креста—Константиново labarum. Въ циркулярномъ посланіи къ правителямъ всѣхъ провинцій императоръ признавалъ божественность христіанства и обезпечивалъ всѣ его права,—возвращая церкви, по выраженію одного историка,—*прежнее благолѣпіе* — τὸν ἀρχαῖον κόσμον. При тогдашнемъ разномысліи и раздѣленіи христіанъ, весьма важно было то, какого исповѣданія будетъ держаться новый императоръ. Воспитанный въ православіи, Іовіанъ сталъ на сторону никейскаго исповѣданія, и обрадованный Аѳанасій александрійскій обѣщалъ императору долгое и счастливое царствованіе. „Сердце твое по истинѣ въ рукѣ Божіей,“ писалъ св. Аѳанасій, „и царствовать будешь ты мирно въ продолженіе многихъ лѣтъ“. Предсказаніе это къ несчастію слишкомъ скоро было опровергнуто событіемъ. 16 февраля 364 г., на пути къ столицѣ, въ маленькомъ галатійскомъ городкѣ Дадастанѣ, Іовіанъ былъ найденъ

мертвымъ въ своей постели. Отъ роду ему было 33 года, а царствовалъ онъ 7 мѣсяцовъ и 20 дней. Отъ угару, отравленія, апоплексіи или иной болѣзни послѣдовала скоропостижная смерть императора,—это осталось для всѣхъ тайною. „Я думаю“, размышляетъ церковный историкъ Θеодоритъ по поводу этой внезапной смерти,—„что общій Распорядитель всего, для обличенія нашего злонравія, хотя и показываетъ намъ блага, но потомъ снова отнимаетъ ихъ, поучая насъ чрезъ то, какъ легко для Него подавать намъ все, чтó Ему угодно; и такимъ образомъ обличаетъ насъ, что мы недостойны благъ и располагаетъ къ лучшей жизни“.

Императоръ Валентиніанъ. (364—375) Братъ и соправитель его Валентъ — императоръ востока. (364—378) Аріанство Валента и его погибель отъ готθовъ.

По смерти Іовіана римскій міръ 10 дней оставался безъ самодержца. Наконецъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній сановниками былъ избранъ и войскомъ провозглашенъ въ императоры полководецъ Валентиніанъ. Онъ былъ родомъ изъ Панноніи, 42 лѣтъ отъ роду, высокаго роста, величественной наружности, человѣкъ мужественный, энергичный, внушавшій уваженіе друзьямъ и страхъ врагамъ. Онъ не имѣлъ школьнаго образованія, но не лишенъ былъ природнаго дара краснорѣчія; говорилъ мало, но рѣзко и сильно. Въ правленіе Юліана Валентиніанъ смѣлымъ исповѣданіемъ христіанства и отрицаніемъ язычества заслужилъ гнѣвъ Юліана и былъ сосланъ въ заточеніе. По мнѣнію церк. историка Θеодорита, Валентиніанъ и царское достоинство получилъ отъ Бога „въ награду за свое исповѣдничество, ибо праведный Судія иногда благіе труды награждаетъ не въ будущей только жизни, а тот-часъ же“. Но послѣдующая жизнь Валентиніана —по замѣчанію Гиббона—свидѣтельствуетъ, что его смѣлое препирательство съ Юліаномъ происходило болѣе отъ независимости его характера, чѣмъ отъ ревности къ христіанской вѣрѣ. Тотчасъ же послѣ воцаренія Валентиніанъ обнаружилъ твердость своего характера. Когда войско подняло новаго императора на щитъ, и—конечно наученное опытами частой смѣны императоровъ и не желая въ будущемъ подвергать судьбу имперіи случайностямъ новаго избранія, стало просить, чтобы онъ взялъ себѣ сотоварища въ царствованіи,—то Вален-

тиніанъ далъ рукою знакъ къ молчанію и потомъ безтрепетно, съ царской твердостію, сказалъ: „отъ вашего выбора и опредѣленія зависѣло сдѣлать меня изъ простаго человѣка царемъ. Но послѣ этого судъ объ управленіи и распоряженіи дѣлами зависитъ уже не отъ подданныхъ, а отъ царя". Впрочемъ прибывъ въ Константинополь, Валентиніанъ 28 марта 364 г. дѣйствительно избралъ въ соучастники правленія брата своего Валента. Уступивъ Валенту правленіе востокомъ, Валентиніанъ удалился на западъ и царствовалъ надъ западною римскою имперіею болѣе 10 лѣтъ со славою суроваго и раздражительнаго, но энергичнаго правителя. Умеръ Валентиніанъ 17 ноября 375 г. Смерть его весьма характеристична и соотвѣтствовала его жизни. Принимая пословъ отъ варварскаго народа квадовъ, императоръ осыпалъ ихъ страшными ругательствами и такъ разсердился, что у него лопнулъ въ груди одинъ изъ кровеносныхъ сосудовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Валентиніана уже не было въ живыхъ.

Намъ слѣдуетъ болѣе сказать о восточномъ императорѣ Валентѣ. Валентъ былъ лѣтъ на 6 моложе Валентиніана; во время воцаренія ему было 36 лѣтъ. Онъ не имѣлъ ни энергіи, ни опытности своего брата, и никакихъ правительственныхъ дарованій. У него было только одно качество, особенно цѣнное въ глазахъ Валентиніана,—это послушливая преданность своему царственному брату и благодѣтелю, превосходство котораго надъ собою онъ искренно сознавалъ. Въ самомъ началѣ своего правленія Валентъ былъ напуганъ возмущеніемъ нѣкоего Прокопія, родственника покойнаго имп. Юліана, которое было такъ успѣшно, что узурпаторъ владѣлъ Константинополемъ и носилъ титулъ *Августа* около 8 мѣсяцовъ, а Валентъ, находясь въ Малой Азіи, подумывалъ—было уже о добровольномъ отреченіи отъ престола. Возмущеніе было подавлено, Прокопій потерялъ голову (+ 27 мая 367); но эта исторія сдѣлала глубокое впечатлѣніе на Валента, который былъ столько же трусливъ и мнителенъ, сколько его старшій братъ былъ рѣшителенъ и отваженъ. „Приближенные Валента, — говоритъ Гиббонъ,—грабежемъ народа добывавшіе себѣ богатство, въ которомъ отказывала имъ скупость ихъ властелина, старались внушить своему мнительному самодержцу слѣдующее: α) что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся измѣны царю, подозрѣніе равносильно уликѣ; β) что возможность сдѣлать зло граничитъ со злымъ умысломъ; γ) что умыселъ также преступенъ, какъ и дѣло; и δ) что подданный имѣетъ право существовать

только до тѣхъ поръ, пока его жизнь не нарушаетъ безопасности и спокойствія самодержца". Подъ вліяніемъ такихъ внушеній Валентъ наказывалъ большею частію фиктивныя преступленія. „Нѣкоторые языческіе философы", разсказываетъ церковный историкъ Созоменъ", вздумали предузнавать, кто послѣ Валента будетъ царствовать надъ римлянами, и обращались къ разнымъ оракуламъ, и наконецъ, сдѣлавъ изъ лавроваго дерева треножникъ, произносили заклинанія..., такъ чтобы изъ сложенія буквъ... выходило имя будущаго царя". (Должно быть это было что-нибудь въ родѣ современнаго стологаданія). Начальныя буквы имени будущаго царя обозначились такъ: ΘЕОД,—и это дошло до свѣденія царя". Царь, принявъ намѣреніе умертвить своего преемника, не пощадилъ ни прорицателей, ни того, о комъ они провѣщавали [1]), не пощадилъ даже лицъ, соименныхъ ему. Въ числѣ же людей, носившихъ названіе, тождезвучное съ ΘЕОД, были люди знаменитые". Думаемъ, что дѣйствительно въ Византіи и въ частности при царскомъ дворѣ было немало Θеодоровъ, Θеодосіевъ, Θеодоритовъ и Θеодуловъ.—Чувство самосохраненія заставляло Валента сильно преслѣдовать магію и волшебныя книги; должно быть онъ боялся *порчи* не менѣе Ивана Грознаго или Бориса Годунова. Философъ Максимъ, другъ имп. Юліана, былъ по подозрѣнію въ волшебствѣ казненъ отсѣченіемъ головы. Волшебныя книги были тщательно разыскиваемы и сожигаемы. Мы знаемъ, что всѣ окрестности Антіохіи были наполнены солдатами для этихъ розысковъ. Іоаннъ Златоустый, который былъ тогда еще очень молодъ,—разсказываетъ, что, вышедши изъ Антіохіи, чтобы идти въ загородную церковь, онъ увидалъ у берега рѣки книгу, выброшенную водою. Товарищъ его поднялъ книгу. Развернувъ ее, они со страхомъ увидали, что книга эта была причислявшаяся къ разряду волшебныхъ. Къ довершенію ихъ ужаса подошелъ солдатъ, и они не смѣли ни разорвать книгу, ни выбросить ее,—изъ опасенія быть арестованными. Имъ оставалось скрыть книгу подъ одеждою, и уже спустя нѣсколько времени они успѣли выбросить ее и избавиться отъ большой опасности.

Въ церковной исторіи Валентъ оставилъ по себѣ печальную память своимъ аріанствомъ и преслѣдованіемъ православія. Въ этомъ

---

[1]) Разумѣется нѣкій вельможа Θеодоръ.

отношеніи онъ былъ непохожъ на своего брата Валентиніана, который самъ строго держался никейскаго православія, но соблюдалъ терпимость по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ и имѣлъ право выражаться такъ: testes sunt leges, a me in exordio imperii mei datae; quibus unicuique quod animo imbibisset colendi libera facultas tributa est. Причиною увлеченія Валента аріанствомъ считается вліяніе жены его Альбы Доминики и аріанскаго епископа Евдоксія, отъ руки котораго Валентъ принялъ крещеніе въ 367 г.[1]) Нетерпимость Валента выразилась прежде всего въ томъ, что онъ изгонялъ православныхъ епископовъ и замѣщалъ ихъ аріанами. „Изъ Антіохіи",—говоритъ Созоменъ,—„онъ изгналъ великаго Мелетія, изъ Самосата—божественнаго Евсевія, Лаодикію лишилъ ея дивнаго пастыря Пелагія". Само собою разумѣется, что православные обитатели помянутыхъ епархій, лишаясь своихъ законныхъ пастырей, выражали свой протестъ противъ императорскаго деспотизма тѣмъ, что не хотѣли вступать въ общеніе съ присланными имъ епископами—аріанами. Въ этомъ отношеніи любопытны выдержки изъ житія св. Евсевія самосатскаго, которыми характеризуется бытъ и нравы тѣхъ временъ.—Послѣ изгнанія св. Евсевія присланъ былъ на его мѣсто аріанскій епископъ Евномій. Когда онъ пришелъ въ городъ, то никто не воздалъ ему подобающей епископу чести, никто не вышелъ ему на встрѣчу, никто не хотѣлъ ни видѣть его, ни принять отъ него благословенія. Евномій взошелъ во епископію и принялъ соборную церковь по царскому повелѣнію, а горожане перестали ходить въ церковь; и никто не являлся къ епископу ни въ церковь, ни въ домъ архіерейскій. И сидѣлъ Евномій на епископіи одинъ только съ тѣми аріанами, которые съ нимъ пришли. Разсказываютъ однако о немъ, что хотя онъ былъ злочестивъ вѣрою, но нравомъ добръ, кротокъ, тихъ и смиренъ и ко всѣмъ любезенъ. Вотъ что разсказывается объ его добронравіи: однажды по обычаю страны онъ пришелъ въ общую баню мыться и слуги затворили двери, чтобы посторонніе не входили, пока моется епископъ. А Евномій узнавъ, что за дверьми многіе дожидаются, приказалъ слугамъ отво-

---

[1]) Такое объясненіе представляется впрочемъ стереотипнымъ въ церковныхъ исторіяхъ. Имъ объясняется также и аріанство Констанція и—mutatis mutandis—православіе и. Ѳеодосія великаго.

рить двери и пригласить всѣхъ желающихъ войти невозбранно и мыться съ нимъ вмѣстѣ. Взошли многіе горожане и видя епископа, сидящаго въ теплой ваннѣ, стояли предъ нимъ, какъ бы ради почести, и не склонялись на его приглашеніе сойти въ туже ванну. Тогда Евномій опечалился, и, чтобы не стѣснять другихъ, поскорѣе ушелъ изъ бани. А оставшіяся въ банѣ поспѣшили выпустить воду, оскверненную еретическимъ омовеніемъ, тщательно вымыли ванну и согрѣли себѣ новой воды. Наконецъ Евномій, видя, что никакъ не можетъ привлечь къ себѣ гражданъ самосатскихъ, оставилъ епископію.—На мѣсто Евномія прибылъ Лукій, *явный волкъ и врагъ овецъ Христовыхъ*. Горожане приняли его также худо, какъ и Евномія. До какой степени гнушались имъ даже дѣти, видно изъ слѣдующаго случая: однажды пришлось епископу ѣхать по улицѣ, гдѣ дѣти играли въ мячь. Мячикъ упалъ подъ колесницу епископскую, и дѣти громко закричали: *мячикъ еретичествомъ осквернился*! Лукій оставилъ своего слугу посмотрѣть, что дѣти будутъ дѣлать далѣе, и слуга увидалъ, что дѣти, разложивъ огонь, бросали мячикъ взадъ и впередъ, чтобы очистить его отъ еретичества.

Такое неблагопріятное отношеніе православныхъ къ аріанамъ, а слѣдовательно и къ самому императору, конечно, хотя въ общихъ чертахъ, было извѣстно Валенту, и въ этомъ находитъ себѣ не оправданіе, но по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе варварскій поступокъ Валента съ константинопольскими клириками. Въ 370 г. православные обитатели Константинополя, будучи притѣсняемы аріанами и надѣясь найти болѣе безпристрастія въ императорѣ, отправили къ Валенту до 80 клириковъ съ жалобою на аріанъ и съ просьбою о защитѣ. Императоръ разгнѣвался, но скрылъ свой гнѣвъ, и поручилъ префекту Модесту казнить жалобщиковъ. Клириковъ посадили на корабль, какъ бы для того, чтобы везти ихъ въ заточеніе. Среди моря корабельники, согласно распоряженію префекта, высадившись въ лодку, подожгли корабль, который загорѣлся, какъ свѣча, и плылъ по морю, гонимый сильнымъ вѣтромъ. Клирики, надъ которыми исполнилось слово Псалмопѣвца: *проидохомъ сквозѣ огнь и воду и извелъ еси насъ въ покой*, частію сгорѣли, частію потонули,—и впослѣдствіи причтены ко святымъ. Память ихъ совершается церковію 5 сентября.

Болѣе терпимости и снисходительности обнаружилъ Валентъ по отношенію къ св. Василію Великому, архіепископу Кессаріи каппадо-

кійской, котораго безуспѣшно склонялъ къ общенію съ аріанами. Объ этомъ такъ повѣствуетъ св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ св. Василію. „Одну часть церквей аріане уже имѣли въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись пріобрѣсть полномочіемъ и рукою царя... Но когда царь устремился на церковь кесарійскую, тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла... Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля церкви! Кто не знаетъ тогдашняго начальника области (Модеста)?. Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на церковь, вводится, или, лучше сказать, самъ входитъ и доблественный Василій. *Для чего тебѣ*, сказалъ Модестъ, (назвавъ Василія по имени; ибо не удостоилъ наименовать епископомъ) *хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ?* Доблественный мужъ возразилъ. „въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего.“ *Въ томъ*,—говоритъ Модестъ, *что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили... Или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ и быть съ нами въ общеніи?* „Вы правители,“—отвѣчалъ Василій,— „и не отрицаю, что правители знаменитые, однакоже не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою“. [1]) Тогда правитель воскипѣлъ гнѣвомъ и началъ говорить съ Василіемъ суровѣе прежняго. *Чтоже? развѣ ты не боишься власти?* „Нѣтъ,— что ни будетъ : что бы я ни потерпѣлъ“. *Дажое хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ.*—„Чтоже такое? Объясни мнѣ это.—*Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть.*—Если можешь угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ“.—*Какъ же это и почему?*—спросилъ правитель.—„Потому,—отвѣчаетъ Василій,—что не подлежитъ описанію имуществъ, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и

---

[1]) По разсказу Ѳеодорита (IV, 19) св. Василій сказалъ такъ; „что касается до дружбы царя, то я высоко цѣню ее въ соединеніи съ благочестіемъ, а безъ благочестія считаю гибелью“. Вообще должно замѣтить, что у историковъ удержанъ только общій смыслъ бесѣды св. Василія, а не буквальныя его выраженія.

этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ: и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня —ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я пресельникомъ и пришлецомъ. А истязанія что возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе пошлетъ меня къ Богу, для Котораго живу и тружусь, и къ Которому давно поспѣшаю". Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: *такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ предо мною.* „Можетъ быть", отвѣчалъ Василій, „ты не встрѣчался съ епископомъ [1]): иначе безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиреѣе всякаго—это повелѣваетъ намъ заповѣдь;—и не только предъ такимъ могуществомъ, но и предъ кѣмъ бы то ни было не поднимаемъ брови: а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога... Пусть слышитъ о семъ царь, что ты не покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать". Правитель, выслушавъ, узналъ, до какой степени неодолима твердость Василія и, представъ царю, говоритъ: *побѣждены мы, царь, настоятелемъ сей церкви. Это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій.*— Послѣ того самъ императоръ въ день Богоявленія (6 генв. 371 г.) пришелъ во храмъ, гдѣ священнодѣйствовалъ Василій и былъ пораженъ многочисленностію молящагося народа и благоговѣйнымъ служеніемъ самого св. Василія. Это не помѣшало впрочемъ Валенту вскорѣ послѣ сего подписать приговоръ, осуждавшій св. Василія на изгнаніе. Но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что императоръ былъ испуганъ внезапною болѣзнію, а потомъ скорою смертію своего единственнаго сына. Весь ущербъ св. Василія состоялъ въ томъ, что Каппадокія была раздѣлена и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи на двѣ половины, и одна половина обширной митрополіи св. Василія (которому подчинено было болѣе 50 хорепископовъ) была

1) Конечно св. Василій разумѣетъ въ этомъ случаѣ строго православныхъ епископовъ.

отдана въ управленіе митрополиту тіанскому [1]).—Гиббонъ, анализируя отношеніе имп. Валента къ Василію великому, удивляется кротости аріанскаго тирана, который или почувствовалъ уваженіе къ твердому характеру святителя или боялся возбудить возмущеніе въ Каппадокіи, если употребитъ насиліе. Какъ бы то ни было, но архіепископъ, который съ непоколебимою суровостію отстаивалъ истину сво-

---

[1]) Раздѣленіе каппадокійской митрополіи на двѣ части было причиною установленія новой каѳедры въ Сасимахъ, епископомъ которой св. Василій сдѣлалъ своего друга Григорія, а это обстоятельство послужило въ свою очередь причиною нѣкотораго охлажденія дружбы между обоими святыми мужами. Но послушаемъ лучше объ этомъ разсказъ самаго св. Григорія Богослова—въ его автобіографической пѣсни. „По большой дорогѣ, пролегающей чрезъ Каппадокію, есть мѣсто обычной остановки проѣзжихъ, съ котораго одна дорога дѣлится на три, мѣсто безводное, не произращающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ, селеніе ужасно скучное и тѣсное. Тамъ всегда пыль, стукъ отъ повозокъ, слезы, рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи; а жители—чужеземцы и бродяги. Такова была церковь въ моихъ Сасимахъ! Вотъ какому городу (подлинно это великодушіе!) отдалъ меня тотъ, кому мало было 50 хорепископовъ. И чтобы удержать за собою, когда другой отнималъ насильно, установилъ новую каѳедру... Городокъ Сасимы служилъ предметомъ спора для двоихъ, состязующихся епископовъ; между ними открылась страшная брань, а причиною тому служило раздѣленіе нашего отечества, по которому два города дѣлались начальственными надъ другими меньшими. Въ предлогъ представлялось попеченіе о душахъ, а истиннымъ побужденіемъ было любоначаліе... Что справедливо было бы сдѣлать мнѣ? Скажите предъ Богомъ. Идти не взирая ни на что?. Идти туда, гдѣ я нищій принялъ бы въ управленіе народъ также нищенствующій, не видя никакого средства оказать ему услугу?. Требуй отъ меня великодушія въ другомъ чемъ, если хочешь, а это предложи тѣмъ, которые меня премудрѣе! Вотъ что принесли мнѣ Аѳины, общія упражненія въ наукахъ, жизнь подъ одною кровлею, питаніе съ одного стола, одинъ умъ, а не два въ обоихъ, удивленіе Эллады и взаимныя обѣщанія жить общею жизнію для Бога! Все разсыпалось! Все брошено на земь!... Да погибнетъ въ мірѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей!“ Впрочемъ св. Григорій, „хотя не подклонился духомъ, подклонилъ однакоже выю,“ т. е. принялъ посвященіе во епископы, продолжая и послѣ того жить частнымъ человѣкомъ.

ихъ мнѣній и достоинство своего сана, былъ оставленъ въ спокойномъ обладаніи своею каѳедрою. Вмѣсто указа объ изгнаніи св. Василія, императоръ подписалъ указъ о щедромъ надѣлѣ земельными имуществами больницы, незадолго предъ тѣмъ основанной св. Василіемъ близь Кесаріи.

Гоненіе противъ православныхъ при имп. Валентѣ съ особенною силою свирѣпствовало въ Египтѣ, гдѣ по смерти св. Аѳанасія (373 г.) боролись изъ-за александрійской каѳедры православный епископъ Петръ и аріанскій Лукій. При этомъ мы въ первый разъ видимъ, что преслѣдованіе коснулось и монаховъ, спокойно обитавшихъ въ нитрійской пустынѣ. Лукій направилъ противъ нихъ 3000-тый отрядъ войска. Воины были руководимы аріанскими пресвитерами, и, —принуждая иноковъ подчиниться аріанскому архипастырю,—вмѣстѣ съ тѣмъ забирали молодыхъ и здоровыхъ монаховъ въ военную службу.

„Возбудивъ готѳскій народъ къ войнѣ",—говоритъ церковный историкъ Ѳеодоритъ,—„Богъ отвлекъ къ востоку того, кто умѣлъ сражаться только съ благочестивыми". Готѳскія племена, обитавшія на обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и Дономъ, дѣлились на двѣ главныя группы, ост-готѳовъ и вест-готѳовъ. Наружность готѳовъ была благообразна. Это были люди великорослые, бѣлокурые, съ пріятнымъ лицомъ и громкимъ голосомъ... [1]) Нравы ихъ были простые и цѣломудренные. При императорахъ Константинѣ и Констанціѣ готѳы были спокойными сосѣдями римской имперіи. Валентъ три года (367—370) велъ противъ вест-готѳовъ удачную, но безполезную для имперіи войну. Съ 375 года готѳовъ началъ тѣснить новый, до сихъ поръ неизвѣстный, азіатскій народъ, произведшій въ Европѣ такъ называемое *переселеніе народовъ*. Этотъ народъ носилъ имя гунновъ и принадлежалъ къ монгольскому племени. Гунны вели кочевую жизнь, жили въ палаткахъ, двигались отдѣльными ордами, и распространяли повсюду ужасъ своимъ внѣшнимъ видомъ, дикостію, быстротою движеній и своими ужасными опустошеніями. Гунны разрушали все изъ одной

---

1) *Несмысленне!* обличалъ преп. Досиѳея строгій авва, *велегласно бесѣдуеши якоже и готѳы, ибо они, егда упіются, вопіютъ велегласно.* Четіи Минеи подъ 19 февр.

страсти къ разрушенію и, обращая плѣнниковъ въ рабство, заставляли ихъ терпѣть голодъ и другія мученія. Безстыдные, какъ обезьяны, на которыхъ походили и своимъ видомъ, Гунны въ особенности дурно обращались съ женщинами. Движенія гунновъ не имѣли опредѣленной цѣли; они то прекращались на время, то снова начинались, вѣроятно смотря по силѣ сопротивленія, какое оказывали имъ встрѣчавшіеся на пути народы. При Валентѣ гунны покорили алановъ и другіе кавказскіе народы и двинулись на готѳовъ. Готѳы пришли въ смятеніе и ужасъ и стали переселяться. Часть вест-готѳовъ подъ начальствомъ Алавифа и Фритигерна обратилась къ Валенту съ просьбою о позволеніи перейти Дунай,—эту пограничную рѣку римской имперіи,—и поселиться въ необитаемой полосѣ Болгаріи. Валентъ согласился на ихъ просьбу, потому что, какъ аріанинъ, покровительствовалъ вест-готѳамъ, имѣвшимъ аріанскаго епископа Улфилу, и кромѣ того надѣялся усилить храбрымъ народомъ свое ослабѣвшее войско. Къ несчастію Валентъ далъ свое согласіе подъ слишкомъ тяжелыми условіями. Готѳы должны были выдать все свое оружіе, выдать большую часть своихъ дѣтей для пребыванія въ малоазіатскихъ городахъ въ качествѣ заложниковъ и покупать у римлянъ за дорогую цѣну съѣстные припасы. Въ особенности пагубно было послѣднее условіе, потому что римскіе чиновники воспользовались имъ для своего обогащенія. Число перешедшихъ римскія границы готѳовъ простиралось до милліона, между которыми считалось 200,000 способныхъ къ войнѣ. Многіе изъ нихъ сохранили при себѣ оружіе, подкупивъ корыстолюбивыхъ римскихъ чиновниковъ. Едва готѳы успѣли поселиться въ римской провинціи, какъ чиновники своими притѣсненіями довели ихъ до отчаянія. Готѳы, обязанные покупать дурные съѣстные припасы за дорогую цѣну, были вынуждены продавать своихъ рабовъ и даже дѣтей, чтобы не умереть съ голоду. Не въ силахъ будучи переносить притѣсненій римскаго правительства, вест-готѳы возмутились. Число ихъ умножилось толпами ост-готѳовъ, перешедшихъ Дунай уже безъ всякаго императорскаго позволенія. Они наводнили всю Ѳракію и Македонію, разрушая селенія, грабя и плѣняя жителей. Уцѣлѣли только укрѣпленные города, потому что варвары были незнакомы съ осаднымъ искусствомъ. Болѣе года готѳы хозяйничали такимъ образомъ во Ѳракіи и Македоніи, пока наконецъ императоръ Валентъ лично выступилъ противъ нихъ съ войскомъ изъ Константинополя. Когда царь выступалъ въ походъ,

къ нему подошелъ монахъ Исаакій, имѣвшій келью вблизи столицы. *Куда идешь, царь, воюющій противъ Бога и не пользующійся Его помощію?* восклицалъ Исаакій. *Вѣдь Онъ-то и воздвигъ противъ тебя варваровъ... Перестань воевать противъ Него и Онъ остановитъ эту войну. Возврати церквамъ превосходныхъ пастырей—и ты легко получишь побѣду. Если же предпримешь войну не сдѣлавъ этого, то... и самъ не воротишься, и потеряешь войско.* Но раздраженный царь отвѣчалъ: „возвращусь и убью тебя: будешь отвѣчать за ложныя предсказанія“.

Предсказаніе св. Исаакія исполнилось[1]). 9 августа 378 г. при Адріанополѣ произошла рѣшительная битва, въ которой погибъ самъ Валентъ и двѣ трети его арміи. О смерти императора разсказываютъ различно. Болѣе распространенная молва была та, что Валентъ, спасаясь отъ преслѣдованія, скрылся съ своею свитою въ сельской хижинѣ и готы сожгли ее, не зная, что въ ней находится императоръ.

Воцареніе Ѳеодосія великаго. Св. Григорій Богословъ въ Константинополѣ. II-й вселенскій соборъ. Религіозный характеръ и. Ѳеодосія. (379—395 г.)

Политическое положеніе восточной имперіи въ моментъ смерти имп. Валента было поистинѣ ужасное. Историки не напрасно сравниваютъ исходъ адріанопольской битвы съ пораженіемъ римлянъ при Каннахъ. Не только европейская, но даже почти вся азіатская половина восточной имперіи была затоплена варварами и только какъ отдѣльныя острова среди моря виднѣлись кое-гдѣ не захваченныя готами укрѣпленныя мѣстности. Церковное положеніе дѣлъ было немного лучше политическаго. Св. Василій великій, скончавшійся почти чрезъ 5 мѣсяцовъ послѣ Валента (1 генв. 379), сравниваетъ тогдашнее состояніе церкви съ морскимъ сраженіемъ среди ночной бури, въ которое вступили люди, желающіе мстить другъ другу за давнія обиды. „Вообрази, что все море оглашено какими-то смѣшанными и неразличимыми звуками, отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго уда-

---

[1] Память св. Исаакія празднуется 30 мая. Въ честь св. Исаакія воздвигнутъ въ Петербургѣ великолѣпный соборъ, потому что въ день, посвященный памяти св. Исаакія, родился Петръ великій. (1672 г.)

ренія кораблей, отъ шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражаютъ свои страсти всякими голосами,—отчего не слышно голоса ни капитана, ни кормчаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе,—и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производитъ то, что грѣшатъ съ совершеннымъ безстрашіемъ. Прибавь какое-то неисцѣльное бѣснованіе честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ, такъ что они продолжаютъ спорить о первенствѣ, когда корабль уже погружается въ глубину". Смыслъ этой аллегоріи понятенъ безъ объясненій.

Западный императоръ Граціанъ, сынъ Валентиніана, шелъ на помощь къ Валенту, когда услыхалъ, что его дядя разбитъ и убитъ. Восточная имперія, захваченная готѳами, была въ то время res nullius, и Граціану, озабоченному защитою западной имперіи, не нужно было имѣть большаго великодушія, чтобы отдать восточную имперію одному изъ своихъ полководцевъ, который долженъ былъ сначала освободить ее отъ варваровъ, а потомъ уже царствовать въ ней. Избранникомъ Граціана былъ испанецъ Ѳеодосій, сынъ знаменитаго полководца, по имени также Ѳеодосія, за два года предъ тѣмъ казненнаго въ Карѳагенѣ по навѣтамъ враговъ. Новый императоръ былъ человѣкъ 33 лѣтъ, величавою наружностію походившій на Траяна и пріобрѣтшій уже себѣ военную славу удачными походами на варваровъ. Граціанъ провозгласилъ Ѳеодосія августомъ и повелителемъ восточной имперіи въ Сирміумѣ 19 января 379 года. Войско и народъ съ сочувствіемъ встрѣтили этотъ выборъ, но самъ Ѳеодосій отрекался,—быть можетъ искренно, въ виду трудностей своего новаго положенія.

Послѣдствія показали, что Ѳеодосій съумѣлъ справиться съ трудностями своего положенія. Правда, онъ не одержалъ надъ готѳами ни одной блистательной побѣды, которая могла бы загладить стыдъ адріанопольскаго пораженія, но дѣйствуя, подобно древнему Фабію, медленно и осторожно, Ѳеодосій то оружіемъ, то мирными переговорами успѣлъ во время своего 2-хъ-лѣтняго пребыванія въ Солунѣ (379—380) подчинить готѳовъ римскому владычеству. Конечно въ этомъ случаѣ обусловливало успѣхъ Ѳеодосія превосходство надъ варварами греко-римской цивилизаціи и ея нажитый вѣками политическій смыслъ. Люди слѣдующаго поколѣнія упрекали Ѳеодосія за то, что онъ совсѣмъ не выгналъ готѳовъ изъ предѣловъ имперіи. „Имп. Ѳеодосій", гово-

рилъ Синезій въ слѣдующее царствованіе, „ополчался противъ варваровъ; наказанные, они тотчасъ повергались къ его стопамъ вмѣстѣ съ своими женами, прося о помилованіи. Онъ же, побѣдитель въ сраженіяхъ, былъ побѣжденъ состраданіемъ; онъ принялъ ихъ покорившихся, повелѣлъ включить въ общество военное и гражданское, сдѣлалъ ихъ участниками въ магистратѣ и назначилъ римскія поля этимъ смертельнымъ врагамъ государства, онъ, человѣкъ, одаренный мужествомъ и великодушіемъ и обладавшій тихою кротостію. Но варвары не имѣютъ никакого понятія о добродѣтели: съ того времени и до сихъ поръ они не перестаютъ смѣяться надъ нами, вспоминая о наказаніи, которое они заслужили, и о благодарности, которую они получили отъ насъ". Конечно мнѣніе Синезія неосновательно. Ѳеодосій не отличался излишнимъ мягкосердечіемъ: не изъ великодушія, а по необходимости онъ вступалъ въ переговоры съ готѳами и отвелъ имъ мѣста для поселенія во Ѳракіи и Малой Азіи. Пока онъ былъ живъ, онъ умѣлъ держать въ рукахъ эту дикую силу, и не его вина, если его слабые преемники допустили готѳовъ хозяйничать въ имперіи.

Намъ слѣдуетъ теперь обозначить религіозный характеръ имп. Ѳеодосія. Ѳеодосій былъ православный поборникъ никейскаго сумвола. Объясняютъ это его воспитаніемъ въ православномъ семействѣ, вліяніемъ его жены благочестивой Флацилы и солунскаго епископа Асколія, отъ руки котораго Ѳеодосій въ 380 г. принялъ крещеніе. Мы находимъ возможнымъ допустить и другое объясненіе. Въ то время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, распространено было убѣжденіе, что судьба царства зависитъ отъ религіозныхъ убѣжденій царя. Предшественникъ Ѳеодосія Валентъ былъ аріанинъ. Послѣдняя судьба этого императора, пропавшаго безъ вѣсти послѣ несчастной битвы и не удостоившагося чести погребенія, была такъ печальна, что для всѣхъ представлялась тогда наказаніемъ Божіимъ,—а извѣстное всѣмъ пророчество св. Исаакія объясняло, что эта казнь постигла Валента за аріанство. Призванный исправлять ошибки своего предшественника, Ѳеодосій не могъ повторить его религіознаго заблужденія. Чрезъ годъ по воцареніи (въ февралѣ 380 г.) Ѳеодосій обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ его подданныхъ въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма. „Мы желаемъ—читалось въ указѣ,—чтобы всѣ подвластные намъ народы содержали вѣру, преподанную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ, какъ она содержится и въ настоящее время, кото-

рой слѣдуетъ первосвященникъ Дамасъ и епископъ александрійскій Петръ, человѣкъ апостольской святости. На основаніи ея, мы, по ученію апостоловъ и евангелія, признаемъ одно Божество Отца и Сына и св. Духа, равное ихъ величіе и одну св. Троицу. Мы желаемъ, чтобы слѣдующіе сему закону именовались *христіанами каѳолическими*, а иномыслящіе носили безславное имя *еретиковъ*, и чтобы сборища послѣднихъ не назывались церквами. Предоставляемъ нарушителей сего во первыхъ мщенію Божію, а потомъ небеснымъ внушеніямъ, какія будутъ въ насъ самихъ.“ Для того, чтобы къ авторитету царской власти присоединить авторитетъ власти іерархической, имп. Ѳеодосій въ слѣдующемъ 381 году созвалъ въ Константинополѣ II вселенскій соборъ *для утвержденія никейскаго ученія.*

Но прежде чѣмъ мы будемъ излагать исторію II всел. собора, мы должны перенестись въ Константинополь и посмотрѣть, что́ дѣлалось тамъ въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Валента. Такъ какъ главнымъ дѣятелемъ въ столицѣ за это время былъ св. Григорій Богословъ, то и разсказъ объ этомъ времени мы поведемъ бо́льшею частію словами самаго св. Григорія. Послѣ гибели имп. Валента, малочисленное общество православныхъ, жившихъ въ столицѣ, приниженное до послѣдней степени, не имѣвшее ни храма, ни епископа, стало оживать надеждами на лучшую будущность. Паства, не имѣвшая пастыря, пригласила къ себѣ епископа, не имѣвшаго паствы. Это былъ св. Григорій, номинальный епископъ незначительной епархіи сасимской, безъ нужды—по мнѣнію самаго Григорія—открытой св. Василіемъ. Первыя впечатлѣнія св. Григорія по прибытіи въ столицу были неблагопріятны. За неимѣніемъ православнаго храма онъ сталъ проповѣдывать и совершать богослуженіе въ домѣ своихъ родственниковъ. Наружный видъ св. Григорія, человѣка стараго, лысаго, согбеннаго, плохо одѣтаго, любившаго уединеніе, не понравился обитателямъ столицы. Но сила благочестія, краснорѣчія и таланта скоро воздѣйствовала неотразимымъ образомъ. Едва св. Григорій произнесъ нѣсколько проповѣдей, какъ домъ, превращенный въ церковь и названный *Анастасіею*,—быть можетъ потому что въ немъ воскресло православіе,—уже не вмѣщалъ всѣхъ, желавшихъ слышать вдохновеннаго оратора. Обстановку своего проповѣдничества св. Григорій такъ изображаетъ въ разсказѣ о своемъ сновидѣніи, которое конечно основывалось на впечатлѣніяхъ дѣйствительности.“ Мнѣ представлялось, что сижу на вы-

сокой каѳедрѣ, однакоже не съ поднятыми высоко бровями; нѣтъ! и во снѣ не служилъ я никогда гордости. По обѣ стороны меня сидѣли пресвитеры, вожди стада, отличающіеся возрастомъ. Въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли діаконы, какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же, одни, какъ пчелы, толпились къ рѣшеткѣ и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, равно поспѣшая и слухомъ, и ногами; а иныхъ еще препровождали къ слышанію словъ моихъ пестрыя торжища и звучащія подъ ногами улицы. Непорочныя дѣвы вмѣстѣ съ благонравными женами съ высокихъ хоръ приклоняли благоговѣйный слухъ. И то еще присоединялось къ обаяніямъ почти. Народъ, желающій слышать слово мое, стоялъ, раздѣлившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію; потому что не хотѣли и не привыкли простирать мысль горѣ. Другіе желали рѣчи возвышенной и витіеватой; и таковы были старавшіеся изслѣдовать и ту и другую мудрость,—и нашу и чуждую намъ. Съ обѣихъ сторонъ слышны были восклицанія, которыми выражались противоположныя желанія слушателей. Но изъ устъ моихъ изливалась единочтимая Троица, сіяющая тремя явленными намъ красотами. Я низлагалъ противниковъ звучнымъ голосомъ, потоками пламенѣющаго духа, порывами рѣчи. Одни приходили въ восторгъ и хвалили; другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи; иные издавали еще какіе-то голоса, а нѣкоторые возражали только мысленно, потому что прекословіе, прежде чѣмъ разрѣшалось словомъ, замирало въ самыхъ болѣзняхъ рожденія; а иные, какъ волны, воздвигаемыя вѣтрами, вступали въ открытую борьбу. Но доброрѣчіе услаждало всѣхъ, и краснорѣчивыхъ, и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и нашихъ, и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими чтителями безсильныхъ идоловъ". Главною темою проповѣдей св. Григорія была разнообразная полемика противъ софистической діалектики, которая прилагалась къ предметамъ христіанской вѣры и плодила безконечныя словопренія и ереси. „Не было бы, братіе", говоритъ св. Григорій, „ничего несправедливѣе нашей вѣры, если бы она была удѣломъ однихъ мудрыхъ и избыточествующихъ въ словѣ и умственныхъ доводахъ, а простому народу надлежало бы также оставаться безъ пріобрѣтенія вѣры, какъ безъ золота, безъ серебра и безъ всего иного, что дорого цѣнится на землѣ и чего многіе сильно домогаются.. Не презирай обыкновеннаго, не гоняйся за новымъ... Скуд-

ный въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой лодкѣ, выше борзаго на языкъ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ доводу ума, а крестъ Христовъ, который выше всякаго слова, упраздняетъ силою въ словѣ". Проповѣдь св. Григорія была тѣмъ внушительнѣе, что проповѣдникъ, ублажавшій простоту вѣры, лично самъ стоялъ на возможно-высокомъ для человѣка уровнѣ богословскаго знанія. Пока такимъ образомъ св. Григорій одерживалъ словесныя побѣды надъ столичными еретиками, имп. Θеодосій управлялся съ готθами и наконецъ вступилъ въ столицу 24 ноября 380 года, заранѣе заявивъ о себѣ, какъ о поборникѣ никейскаго православія. Аріанскій епископъ Константинополя Демофилъ, отказавшійся принять никейскій символъ, принужденъ былъ сдать храмы православнымъ. Впрочемъ ревность Θеодосія къ никейскому исповѣданію все-таки казалась еще не вполнѣ достаточною для православныхъ, которые хотѣли воспользоваться своимъ торжествомъ въ полной мѣрѣ. „Внезапно", говоритъ св. Григорій, „прибываетъ изъ Македоніи самодержецъ, послѣ того какъ онъ остановилъ тучу варваровъ. Государь, что̀ касалось до вѣры въ Бога, не былъ зломысленъ, могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ души болѣе простыя, самъ усердно чтилъ Троицу; но у него не было такой горячности духа, чтобы настоящее уравнять съ прошедшимъ... [1]) Или можетъ быть имѣлъ онъ и горячность духа, но ей не равнялась (какъ это назвать? научите сами) отважность или дерзость. А можетъ быть лучше назвать царя благоразумнымъ; потому что и самъ я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать; и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою,... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви. Съ такою мыслію и царь, какъ полагаю, не давалъ пока мѣста страху, всѣхъ привлекалъ кротостію, желая лучше, чтобы дѣйствовали свободно, а не изъ повиновенія только писанному закону".

---

[1]) Что значитъ это выраженіе? кажется яснѣе оно можетъ быть передано такъ: *чтобы въ настоящее время воздать аріанамъ равною мѣрою за ихъ прежнія притѣсненія.*

Благородный образъ мыслей св. Григорія далеко не всѣми православными былъ раздѣляемъ. Его упрекали за то, что онъ не побуждаетъ самодержца къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ аріанъ въ возмездіе за ихъ прежнія насилія. „Разсмотрите мои вины“, говоритъ св. Григорій въ прощальномъ словѣ. „Говорятъ: *сколько времени управляешь ты церковію, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и самодержецъ ревностенъ (что весьма важно)*; *въ чемъ же для насъ видна перемѣна? Сколько предъ нами нашихъ оскорбителей? какихъ бѣдствій не претерпѣли мы?... Чѣмъ же мы воздали причинившимъ намъ оныя?.. Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?.*

Отношенія имп. Ѳеодосія къ св. Григорію Богослову представляются странными и загадочными. Св. Григорій троекратно былъ возведенъ на архіепископскую каѳедру столицы: народомъ, императоромъ и вселенскимъ соборомъ. Еще до прибытія Ѳеодосія въ столицу православные обитатели Константинополя признали св. Григорія своимъ духовнымъ вождемъ и владыкою. По прибытіи въ столицу императоръ самъ ввелъ св. Григорія въ главную церковь столицы (въ концѣ ноября 380 г.) и предоставилъ ему пользоваться домомъ и имуществами, принадлежавшими столичной архіерейской каѳедрѣ. Наконецъ въ слѣдующемъ 381 году отцы созваннаго императоромъ Ѳеодосіемъ II всел. собора окончательно утвердили св. Григорія на столичной каѳедрѣ. Казалось,—какое избраніе могло быть прочнѣе и нерушимѣе? Православная паства Григорія была создана его трудами; достоинства его ума и характера были очевидны для всякаго. Самъ св. Григорій проникался свѣтлыми надеждами. „Въ мечтаніяхъ суетнаго сердца“, говоритъ св. Григорій, „предполагалъ я, что, какъ скоро пріобрѣту могущество столичнаго престола,—поелику видимость придаетъ много вѣса,—тотчасъ приведу въ согласіе несчастно отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, ставъ среди двухъ ликовъ, и одному законополагая одною, другому—другою рукою, составляетъ изъ нихъ одинъ хоръ“. Ожиданіямъ св. Григорія не суждено было исполниться. „Моя побѣда“, говоритъ онъ, „дѣлается для меня началомъ бѣдствій.“ Главною причиною бѣдствій св. Григорій полагаетъ зависть и недружелюбіе собратій—епископовъ, которые ни въ чемъ не хотѣли согласиться съ нимъ и даже—быть можетъ—намѣренно держались особыхъ мнѣній. Таково было разногласіе по вопросу о замѣщеніи анті-

охійской каѳедры и по другимъ вопросамъ. А некоторые изъ членовъ собора стали даже сомнѣваться относительно правильности занятія св. Григоріемъ константинопольской каѳедры, когда онъ имѣлъ уже каѳедру въ Сасимахъ. Проникнутый сознаніемъ своихъ заслугъ и своей правоты, св. Григорій на эти завистливые намеки отвѣчалъ отреченіемъ отъ каѳедры въ своей знаменитой рѣчи, въ которой сравнивалъ себя съ пророкомъ Іоною. „Я не радовался, когда восходилъ на престолъ“, говорилъ между прочимъ св. Григорій, „и теперь схожу съ него добровольно“. Но эту рѣчь св. Григорія со стороны епископовъ не послѣдовало возраженій, какія могло бы подсказать имъ простое чувство приличія. „Такъ было у меня съ ними“,—повѣствуетъ далѣе св. Григорій,—„а что́ съ государемъ? кланялся ли я, изгибался ли, припадалъ ли къ его десницѣ? вымолвилъ ли предъ нимъ какое просительное слово? засылалъ ли ходатаемъ кого другаго изъ друзей, наиболѣе сильныхъ при дворѣ и особенно ко мнѣ расположенныхъ? сыпалъ ли золото, прибѣгалъ ли къ помощи этого сильнаго властелина, домогаясь того, чтобы не пасть съ престола? Такія мѣры предоставляю другимъ людямъ, слишкомъ гибкимъ. А я, какъ только могъ, пришелъ къ порфироносцу, и въ присутствіи многихъ, наблюдавшихъ, что́ буду говорить, сказалъ: „И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемощія нѣкоторой милости; прошу у тебя не золота, не разноцвѣтныхъ мраморовъ, не покрововъ для таинственной трапезы; прошу не о томъ, чтобы родные мои получили высокіе чины или удостоились служить при твоей особѣ. Просить объ этомъ свойственно тѣмъ, которые домогаются немногаго; а я почитаю себя стоющимъ и болѣе важнаго. Даруй мнѣ одно: дозволь уступить нѣсколько зависти... Тебѣ извѣстно, что ты возвелъ меня на престолъ противъ моей воли“. Самодержецъ рукоплескалъ, когда я говорилъ сіе; рукоплескали и другіе. И я получаю просимое, правда, какъ говорятъ, съ трудомъ, однакоже получаю“. Однимъ словомъ—имп. Ѳеодосій не оказалъ поддержки св. Григорію,—и св. Григорій долженъ былъ удалиться изъ столицы,—нельзя сказать, чтобы безъ сознанія того, что съ нимъ поступили несправедливо. „Цари, украшающіеся благочестіемъ!“ говоритъ онъ въ прощальномъ стихотвореніи. „Знаменитый градъ великаго Константина, младшій Римъ, столько преимуществующій предъ другими городами, сколько звѣздное небо предъ землею! Взываю къ вашему благочестію. Каково поступила со мною зависть? За что разлу-

чила съ священными чадами меня, который подвизался долгое время? Какое въ этомъ правосудіе? Мой былъ трудъ; я подвергался опасности, въ первый разъ напечатлѣвая въ городѣ благочестіе; а теперь другой веселитъ сердце свое моими трудами, неожиданно вступивъ на чужой престолъ, на который я былъ возведенъ Богомъ и Его добрыми служителями".

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе Ѳеодосія къ св. Григорію. — такую плохую оцѣнку, какую далъ православный императоръ православнѣйшему святителю? „Безъ сомнѣнія", говоритъ Тиллемонъ, „Ѳеодосій не уволилъ бы св. Григорія, если бы имѣлъ довольно времени узнать такого рѣдкаго человѣка". Намъ кажется,—не было недостатка во времени, ибо Ѳеодосій съ перваго же свиданія высоко оцѣнилъ Григорія,—не было недостатка и въ желаніи императора подчиниться вліянію православнаго епископа. Причина въ томъ, что св. Григорій самъ былъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ неподвиженъ, слишкомъ аскетиченъ, слишкомъ—можно сказать—непрактиченъ для того, чтобы быть столичнымъ епископомъ. „Нѣтъ у меня", говорилъ св. Григорій, „ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ нужно соперничать съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими начальниками, что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества". Въ другомъ мѣстѣ, иронически возбуждая враждебныхъ епископовъ не скупиться удары, св. Григорій представляетъ и свою характеристику. „Если ты силенъ, гони другаго, не смотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотію, небошественъ, презритель міра, живетъ въ Богѣ, мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя". Конечно все это очень хорошо въ нравственномъ отношеніи, и св. Григорій могъ быть наилучшимъ епископомъ православныхъ, пока они были въ нищетѣ и униженіи, но когда во главѣ православія сталъ самъ императоръ, то оказалось, что нравы и привычки св. Григорія нисколько не согласовались съ придворною обстановкою. Этого не могъ не видѣть имп. Ѳеодосій, и даже самъ св. Григорій,—и въ этомъ находилъ себѣ утѣшеніе. „Григорій уже не сотрапезникъ земнаго царя, какъ прежде, не станетъ дѣлать и малыхъ угожденій своему мѣшку (тѣлу), не будетъ потупленный и безмолвный возлежать среди пирующихъ, съ трудомъ переводя дыха-

ніе и пресыщаясь, какъ рабъ. Судья не посадитъ меня или съ собою, чтобы почтить, или ниже себя, чтобы положить мѣру моему духу. Не буду цѣловать окровавленныхъ рукъ или ласкать подбородокъ, чтобы добиться небольшой милости. Не побѣгу съ многолюдной свитой на священный, или имянинный, или похоронный или свадебный обѣдъ... Не буду засѣдать въ собраніяхъ гусей или журавлей, которые дерутся между собою безъ всякой причины".

Премникомъ Григорія былъ константинопольскій преторъ Нектарій, человѣкъ престарѣлый, но еще некрещеный. Будучи избранъ императоромъ, Нектарій принялъ крещеніе и быстро прошелъ всѣ іерархическіе степени до епископства. „Кому не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ,"—говоритъ св. Григорій,—„тотъ предпочтенъ моимъ тайнодѣйствіямъ. Кто изъ мудрыхъ похвалитъ сіе?" Дѣйствительно Нектарій не обладалъ ни мудростію, ни краснорѣчіемъ, ни высокимъ моральнымъ строемъ св. Григорія,—но за то отличался общительностію. Онъ прижился на столичной каѳедрѣ и епископствовалъ до самой кончины своей (397 г.).

Послѣ отреченія св. Григорія константинопольскій соборъ продолжалъ свою дѣятельность. На немъ законченъ никейскій символъ вѣры составленіемъ послѣднихъ пяти (8—12) членовъ, и кромѣ того составлено нѣсколько церковныхъ правилъ, изъ которыхъ для послѣдующей церковной исторіи болѣе важно третье, открывающее собою развитіе вопроса о совмѣстничествѣ константинопольскаго и римскаго патріарховъ. Вотъ оно: *константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ.* Впослѣдствіи соборъ 381 года признанъ былъ въ достоянствѣ *вселенскаго*; на востокѣ на IV вселенскомъ соборѣ 451 г., а на западѣ—еще позднѣе.

Какъ дополненіе къ собору 381 года, могутъ быть разсматриваемы два собора, бывшіе также въ Константинополѣ въ 382 и 383 годахъ. На первый изъ этихъ соборовъ имп. Ѳеодосій чрезъ вельможу Прокопія приглашалъ и св. Григорія Богослова. Но св. Григорій, конечно подъ вліяніемъ воспоминаній объ огорченіяхъ, претерпѣнныхъ имъ на соборѣ 381 г., отвѣчалъ Прокопію такъ: „Если должно писать правду; то моя мысль—уклониться отъ всякаго собранія епископовъ; потому что не видалъ я еще ни одного собранія, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ... Посему да извинитъ меня

твой высокій умъ, а чрезъ тебя да убѣдится и благочестивѣйшій царь не осуждать моей лѣности, но извинить немощь, по которой и дозволитъ онъ мнѣ удалиться, чего я просилъ себѣ, какъ благодѣянія". Памятникомъ дѣятельности этого собора осталось синодальное посланіе, адресованное къ собору западныхъ епископовъ, происходившему въ Римѣ въ томъ же году.

Продолжающіяся усилія аріанъ и духоборцевъ распространять свое ученіе вопреки соборному и царскому опредѣленію побудили Ѳеодосія созвать соборъ въ Константинополѣ и въ слѣдующемъ 383 году. На этомъ соборѣ императоръ сдѣлалъ усиліе разъ навсегда положить конецъ религіознымъ спорамъ,—одно изъ тѣхъ рѣшительныхъ, но въ сущности безполезныхъ усилій, къ какимъ иногда прибѣгаютъ самодержцы, не ясно сознающіе предѣлы своей власти. Собравъ представителей православія и разныхъ ересей, императоръ сначала хотѣлъ покончить споры, перенесши вопросъ изъ области свободнаго обсужденія на почву уваженія къ авторитету преданія. Императоръ спросилъ представителей разныхъ вѣроученій:—уважаютъ ли они церковныхъ учителей, жившихъ прежде Арія? Всѣ отвѣчали утвердительно. Но на второй вопросъ: согласны ли они подчиниться авторитету уважаемыхъ ими учителей?—общаго согласія уже не послѣдовало. Тогда императоръ рѣшился разрубить гордіевъ узелъ другимъ способомъ. Онъ пригласилъ во дворецъ епископовъ Нектарія и Агелія, какъ представителей православія, Демофила, какъ представителя аріанъ, Елевсія, какъ представителя македоніанъ, и Евномія, какъ представителя аномеевъ, принялъ у нихъ заранѣе приготовленные ими символы вѣроученія, затѣмъ удалился для уединенной молитвы, и вышедши опять, —въ присутствіи самихъ ересеначальниковъ,—изорвалъ поданныя ими хартіи и сказалъ, что онъ не будетъ терпѣть въ своей имперіи другой религіи, кромѣ той, которая исповѣдуетъ Сына единосущнаго и равночестнаго Отцу. *Я на враговъ Іисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ*,—таково было послѣднее слово императора. Еретики конечно не прекратили своего существованія послѣ царскаго слова, и логика жизни скоро побудила императора нѣсколько умѣрить свою настойчивость. „Къ законамъ противъ еретиковъ"—говоритъ церковный историкъ Созоменъ,—„Ѳеодосій присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакожь въ исполненіе, потому что хотѣлъ не

наказывать подданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ".

Политическія обстоятельства скоро отвлекли вниманіе Θеодосія на западъ. Западный императоръ Граціанъ въ 380 г. былъ свергнутъ съ престола и убитъ полководцемъ Максимомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Θеодосій согласился признать Максима императоромъ, съ тѣмъ чтобы онъ властвовалъ только по ту сторону Альповъ, (т. е. въ Галліи, Испаніи и Британіи), и уступилъ Италію, Африку и Иллирію малолѣтнему Валентиніану II, брату покойнаго имп. Граціана, находившемуся подъ опекою матери Юстины и имѣвшему пребываніе въ Миланѣ. Такъ было до 387 г., когда Максимъ, не довольствуясь своимъ удѣломъ, совершенно неожиданно перешелъ чрезъ Альпы, и вторгся въ Италію. Валентиніанъ II и мать его Юстина искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ къ Θеодосію, который находился тогда въ Солунѣ. Θеодосій конечно не могъ оставить безъ поддержки царственныхъ изгнанниковъ. Все располагало его къ этому: и наглое узурпаторство Максима, и благодарная память о покойномъ императорѣ Граціанѣ,—и наконецъ родство,—потому что послѣ смерти первой жены своей благочестивой Флациллы (14 сент. 385 г.) Θеодосій женился въ 386 году на дочери императрицы Юстины Галлѣ, не смотря на то, что и мать и дочь были аріанки. Впрочемъ Θеодосій воспользовался униженнымъ положеніемъ западнаго императора, чтобы сдѣлать ему внушеніе въ пользу православія. „Побѣда всегда слѣдовала за Валентиніаномъ, отцемъ твоимъ", говорилъ Θеодосій Валентиніану II-му, „потому что онъ исповѣдывалъ истинную вѣру, и Богъ ему покровительствовалъ. Напротивъ, поелику дядя твой Валентъ держался ереси, изгонялъ епископовъ, умерщвлялъ православныхъ, то и былъ побѣжденъ, не столько непріятелями, сколько собственнымъ нечестіемъ." Въ 388 году Θеодосій выступилъ противъ Максима, разбилъ и казнилъ его лѣтомъ тогоже года. Остальные шесть съ половиною лѣтъ своей жизни Θеодосій провелъ большею частію на западѣ, то управляя имперіею вмѣсто своего несовершеннолѣтняго шурина Валентиніана, то, послѣ его преждевременной смерти (15 мая 392 г.,) снова исхищая западную имперію изъ рукъ узурпаторовъ франка Арбогаста и ритора Евгенія.

Во время своего продолжительнаго пребыванія на западѣ, Θеодосій узналъ епископа, котораго оцѣнилъ гораздо выше, чѣмъ св. Григорія Богослова, и нравственному авторитету котораго почти безу-

словно подчинился. Это былъ св. Амвросій Медіоланскій. „Св. Амвросій“, говоритъ Шлоссеръ,—„принадлежалъ къ числу немногихъ западныхъ епископовъ, которые не искали для себя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, а напротивъ—жертвовалъ многимъ, чтобы только имѣть возможность бороться за свои убѣжденія. Получивъ классическое образованіе, Амвросій отличался свѣтлымъ умомъ, краснорѣчіемъ, практическою опытностію и неутомимою дѣятельностію. Впрочемъ онъ былъ клерикаломъ въ полномъ значеніи этого слова, и искренно вѣрилъ въ истину того, что проповѣдывалъ... Какъ могущественный духовный владыка, онъ иногда составлялъ оппозицію противъ свѣтскаго главы государства и умѣлъ пользоваться массами для достиженія своихъ церковно-политическихъ цѣлей. Предъ Ѳеодосіемъ великимъ, императрицею Юстиною и узурпаторомъ Евгеніемъ онъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ были нѣкогда пророки предъ царями іудейскими“. Вообще у св. Амвросія было слишкомъ много того, чего недоставало у св. Григорія Богослова, т. е. интереса къ текущимъ дѣламъ и стремленія проводить въ жизнь свое вліяніе; этимъ и объясняется, почему имп. Ѳеодосій, человѣкъ жаждавшій религіознаго вліянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ дѣятельный, а не созерцательный, охотно подчинялся настойчивымъ практическимъ указаніямъ св. Амвросію. Въ послѣдніе годы жизни имп. Ѳеодосій обнаружилъ весьма суровое отношеніе къ язычеству: [1]) въ этомъ конечно нельзя не видѣть вліянія св. Амвросія. Но наиболѣе очевиднымъ образомъ вліяніе императора св. Амвросія выразилось а) по поводу разрушенія іудейской синагоги и б) по поводу солунскаго избіенія.

а) Въ концѣ 388 года, находясь въ Италіи, Ѳеодосій получилъ съ востока донесеніе о томъ, что христіане городка Каллиника въ Месопотаміи разрушили іудейскую синагогу. Взглянувъ на это самоуправство съ государственной точки зрѣнія, Ѳеодосій предписалъ

---

1) Въ 389 г. Ѳеодосій усердно сокрушалъ язычество въ Римѣ; въ томъ же или слѣдующемъ году съ разрѣшенія Ѳеодосія разрушенъ знаменитый храмъ Сераписа въ Александріи и другія языческія капища. Наконецъ къ этому же времени относится разрушеніе нѣсколькихъ языческихъ храмовъ въ Сиріи Маркелломъ, епископомъ апамейскимъ, который и самъ былъ убитъ язычниками на мѣстѣ своихъ подвиговъ.

возобновить синагогу на счетъ мѣстнаго епископа и подвергнуть разрушителей наказанію. Амвросій, который считалъ себя отвѣтственнымъ за все, что дѣлаетъ Ѳеодосій, находясь въ предѣлахъ его епархіи, рѣшился убѣдить императора отмѣнить свое распоряженіе. Когда переписка по этому дѣлу не имѣла желаннаго успѣха, Амвросій лично обратился къ императору, говоря ему въ проповѣди отъ лица Божія: „Я возложилъ на тебя царскую діадиму; Я поставилъ тебя императоромъ, когда ты находился въ незавидной и незнатной долѣ; Я сдѣлалъ тебя отцемъ сыновей, которые будутъ царствовать послѣ тебя. Я далъ тебѣ силы безъ труда торжествовать надъ непріятелями. А ты чрезъ повелѣніе, сдѣланное тобою, даешь торжествовать надо Мною Моимъ врагамъ!“ Когда Амвросій сходилъ съ каѳедры, императоръ сказалъ ему: *все это, отецъ, ты говорилъ противъ меня*! и затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отмѣнилъ свое распоряженіе.

б) Еще болѣе послушанія оказалъ императоръ св. Амвросію, принесши публичное покаяніе послѣ солунскаго избіенія. Въ началѣ 390 года солуняне по поводу арестованія одного наѣздника, нужнаго для игръ на ипподромѣ, возмутились и убили воинскаго начальника Боѳерика и нѣсколькихъ офицеровъ. Ѳеодосій прежде подолгу живалъ въ Солунѣ и хорошо зналъ солунянъ. Весьма вѣроятно, что какія нибудь личныя воспоминанія увеличили его гнѣвъ, когда онъ получилъ донесеніе о солунскомъ мятежѣ; какъ бы то ни было, но императоръ рѣшился примѣрно наказать солунянъ. Не желая производить обстоятельнаго судебнаго разслѣдованія, императоръ остановился на рѣшеніи, какое внушилъ ему военный деспотизмъ [1]). Онъ далъ тайное приказаніе, во время игръ на ипподромѣ, оцѣпить циркъ солдатами и затѣмъ перебить опредѣленное количество посѣтителей цирка. Можетъ быть царь

---

1) Въ царствованіе Ѳеодосія былъ еще случай, когда царь наложилъ опалу на цѣлый городъ. Въ 387 г. антіохійцы, раздраженные новыми налогами, ниспровергли статуи императора, его отца, жены и дѣтей. Ѳеодосій въ своемъ гнѣвѣ хотѣлъ—было строго покарать антіохійцевъ и сравнить Антіохію съ деревнями, но,—благодаря настойчивымъ мольбамъ Флавіана, епископа антіохійскаго,—далъ антіохійцамъ амнистію. Теперь, изрекая поспѣшный и тайный приговоръ противъ солунянъ, Ѳеодосій,—по мнѣнію Тиллемона—хотѣлъ избѣгнуть епископскаго нечалованія, котораго ожидалъ особенно со стороны св. Амвросія.

предполагалъ, что мечь солдата найдетъ виноватаго, или разсчитывалъ, что погибнутъ постоянные посѣтители цирка, по его мнѣнію болѣе виновные. Приказаніе императора было исполнено; число убитыхъ солунянъ считалось тысячами (отъ 7000 до 15000). Узнавъ объ этомъ печальномъ происшествіи, св. Амвросій отлучилъ императора отъ церкви и воспретилъ ему входъ во храмъ. „Ты подражалъ Давиду въ преступленіи,“ сказалъ св. Амвросій царю, „подражай ему и въ раскаяніи“. Около 8 мѣсяцовъ продолжалось отлученіе Ѳеодосія. Въ праздникъ Рождества Христова императоръ пришелъ ко храму, то непреклонный епископъ не пустилъ его во храмъ и заставилъ совершить еще публичное покаяніе въ одеждѣ кающагося; послѣ чего наконецъ св. Амвросій допустилъ императора ко св. пріобщенію, но не по константинопольскому обычаю, т. е. не въ олтарѣ, а какъ простаго мірянина. *Великою доблестію*, говоритъ церковный историкъ Ѳеодоритъ, *сіяли и архіерей и царь! Я удивляюсь обоимъ,— и дерзновенію одного, и благопокорности другаго, удивляюсь и теплотѣ ревности въ первомъ, и чистотѣ вѣры въ послѣднемъ.* „На нашъ взглядъ“, говоритъ Шлоссеръ,“и епископъ, и императоръ играли здѣсь заранѣе придуманныя роли: Амвросій роль Наѳана, а Ѳеодосій роль Давида. Впрочемъ, древніе историки смотрѣли на это совершенно иначе, на что́ они конечно имѣли полное право“.

Благоговѣйное уваженіе къ Амвросію не оставляло императора до самой его смерти, которая послѣдовала въ Миланѣ 17 января 395 года, послѣ 16-лѣтняго царствованія. Поручая Амвросію двухъ сыновей своихъ Аркадія и Гонорія, умирающій императоръ просилъ епископа быть имъ вмѣсто отца. Св. Амвросій почтилъ императора надгробною рѣчью, въ которой выражалъ свою увѣренность, что почившій государь за свои добрыя дѣла наслѣдуетъ царство небесное. Самъ св. Амвросій пережилъ Ѳеодосія двумя годами († апр. 397 г.)

И. Ѳеодосій принадлежитъ безспорно къ самымъ крупнымъ историческимъ дѣятелямъ. Но отзывы о характерѣ его дѣятельности различны до противоположности. И въ этомъ отношеніи съ нимъ случилось тоже что съ Константиномъ великимъ. Православные христіане хвалили его, язычники—порицали. По отзыву блаж. Ѳеодорита, Ѳеодосій— царь *всехвальный, оставившій по себѣ приснопамятную славу*, который

и во время мира и во время войны непрестанно искалъ помощи у Бога, и всегда получалъ ее. Уваженіе церкви къ и. Θеодосію выразилось въ томъ, что онъ включенъ въ мѣсяцословъ святыхъ подъ 17 генваря.—Но языческій историкъ Евнапій отзывается объ имп. Θеодосіѣ довольно худо. „Царь Θеодосій, получивъ такую власть и такую пространную державу, доказалъ справедливость мнѣнія древнихъ, что власть великое зло и что человѣкъ во всемъ можетъ быть твердъ и постояненъ, но не можетъ вынести своего счастія. Едва онъ достигъ верховной власти, какъ поступилъ подобно молодому человѣку, который,—получивъ въ наслѣдство отъ отца большое богатство, накопленное бережливостію и порядочною жизнію,—всѣми средствами неистово губитъ то, что ему досталось... Царь Θеодосій былъ нерадивъ и совершенно безпеченъ.“ Несправедливость отзыва Евнапія очевидна. Мы уже знаемъ, въ какой мѣрѣ восточная имперія въ моментъ воцаренія Θеодосія была похожа на *большое наслѣдованное богатство.* Отзывъ Евнапія кромѣ того подрывается совершенно противоположнымъ отзывомъ Виктора младшаго, также язычника,—который говоритъ, что, вопреки обыкновенному порядку вещей, Θеодосій, доблестный въ качествѣ частнаго человѣка, сталъ еще доблестнѣе, сдѣлавшись государемъ, — что послѣ побѣдъ онъ становился лучше, чѣмъ до побѣдъ.

Въ религіозномъ характерѣ имп. Θеодосія есть много чертъ, сходныхъ съ извѣстнымъ уже намъ образомъ имп. Константина великаго. Подобно Константину, Θеодосій также ставилъ въ связь съ исповѣданіемъ правой вѣры свои побѣды и успѣхи своего царствованія; также въ рѣшительныхъ случаяхъ ожидалъ особыхъ предвѣстій и знаменій воли Божіей [1]); также наконецъ стремился къ общему религіозному объединенію своихъ подданныхъ. Но при сходствѣ есть и различіе. На-

---

[1]) Предъ воцареніемъ Θеодосій видѣлъ сонъ, будто его коронуетъ Мелетій, епископъ антіохійскій,—котораго царь вслѣдствіе этого сна и почтилъ болѣе другихъ на 2-мъ всел. соборѣ. Предъ борьбою съ узурпаторомъ Максимомъ въ 388 г. царь посылалъ къ египетскому отшельнику Іоанну, прося молитвъ и предвѣщанія объ исходѣ борьбы; предъ сраженіемъ съ узурпаторомъ Евгеніемъ въ 394 г. видѣлъ во снѣ апостоловъ Филиппа и Іоанна Богослова, посланныхъ къ нему на помощь,—и во время самой битвы признавалъ особую помощь Божію въ поднявшемся противъ непріятелей сильномъ вихрѣ.

тура Θеодосія была болѣе прямая, суровая и горячая, чѣмъ натура Константина великаго: гдѣ Константинъ прибѣгалъ къ переговорамъ и компромиссамъ, тамъ Θеодосій прямо дѣйствовалъ военнымъ деспотизмомъ. Но за то Константинъ неспособенъ былъ такъ искренно и рѣшительно подчиниться чужому руководству, какъ и. Θеодосій;—и между іерархами временъ Константина мы не находимъ ни одного, который стоялъ бы къ императору въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ къ Θеодосію св. Амвросій. Если епископское вліяніе употреблялось иногда въ видахъ религіозной нетерпимости и исключительности и не всегда согласовалось съ требованіями здравой политики,—то вина этого конечно лежитъ не на Θеодосіѣ.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Императоры Аркадій, Ѳеодосій младшій, Пульхерія и Маркіанъ (395—457).

Имп. Аркадій (395—408). Характеристика Аркадія и его жены Евдоксіи. Отношенія Евдоксіи къ св. Порфирію газскому и св. Іоанну Златоусту.

По смерти Ѳеодосія великаго римская имперія окончательно раздѣлилась на двѣ половины: восточную и западную. Первая досталась старшему сыну Ѳеодосія Аркадію (18 лѣтъ),—вторая младшему Гонорію (10 лѣтъ). Въ свое время языческій философъ и префектъ Константинополя Ѳемистій искалъ чести быть воспитателемъ царскихъ дѣтей; но Ѳеодосій, какъ человѣкъ набожный, предпочелъ римскаго діакона Арсенія, впослѣдствіи бывшаго отшельникомъ въ пустынѣ египетской и причтеннаго къ лику святыхъ. Греческіе хронографы наполнены похвалами Ѳеодосію за выборъ наставника, болѣе украшавшагося добродѣтелію, чѣмъ ученостію, и за ту суровую власть, какою царь облекъ воспитателя—вмѣстѣ и крестнаго отца—по отношенію къ царственнымъ воспитанникамъ. [1]) Шлоссеръ разсуждаетъ нѣсколько

---

[1]) Позднѣйшіе писатели (напр. Метафрастъ,) сообщаютъ, что св. Арсеній однажды тѣлеснымъ наказаніемъ до такой степени вооружилъ противъ себя Аркадія, что сей послѣдній рѣшился такъ или иначе уморить учителя, и что это обстоятельство побудило будто бы Арсенія бѣжать отъ царскаго двора и скрыться въ нитрійской пустынѣ. Но такая энергическая жажда мщенія кажется намъ несообразною съ вялымъ характеромъ Арка-

иначе. „Оба сына Ѳеодосія„ говоритъ онъ, „имѣли самыя ограниченныя природныя способности. Ктому же самъ Ѳедосій испортилъ ихъ тогдашнею строго-аскетическою системою воспитанія, сдѣлавшею ихъ благочестивыми и набожными, но не давшею имъ ни осмотрительности, ни силы и энергіи". Едвали, впрочемъ, какая бы то ни была система воспитанія могла бы дать Аркадію и Гонорію тѣ качества, въ какихъ отказала имъ природа.

Мы поведемъ рѣчь только объ Аркадіѣ. „Аркадій", говоритъ Филосторгій, „ростъ имѣлъ малый, тѣло сухощавое, силы слабыя, лице смуглое. Вялость его души обличалась рѣчью и свойствомъ глазъ, которые у него сонливо и болѣзненно закрывались". Только искусство каллиграфіи было плодомъ полученнаго имъ образованія. Такой человѣкъ естественно могъ быть царемъ только по имени. Первые 10 мѣсяцовъ именемъ императора управлялъ префектъ востока Руфи́нъ, любимецъ покойнаго императора Ѳеодосія, человѣкъ высокій и мужественный, взглядъ котораго и находчивость въ словѣ высказывали умъ. Обманувшись въ надеждѣ сдѣлаться царскимъ тестемъ, Руфинъ возмечталъ сдѣлаться царемъ. Слабодушный Аркадій не могъ конечно оказать Руфину серьезнаго сопротивленія, но за Аркадія дѣйствовалъ духъ завистливаго соперничества, вооружившій противъ Руфина западнаго префекта Стиликона и константинопольскаго придворнаго евнуха Евтропія. 27 ноября 395 г., когда Аркадій вмѣстѣ съ Руфиномъ дѣлалъ смотръ войскамъ, присланнымъ съ запада подъ начальствомъ готоа Гайны, воины, внезапно окруживъ Руфина, умертвили его въ присутствіи самаго императора. „Отрубивъ Руфину голову,"—повѣствуетъ Филосторгій, „воины вложили ей въ ротъ камень и вездѣ съ ней бѣгали. Подобнымъ образомъ отрубивъ у него руку носили ее по всѣмъ мастерскимъ въ городѣ, говоря: *дайте ненасытному*! [1]) И такою просьбою собрали они много денегъ, потому что видѣвшіе охотно платили

дія. Мы знаемъ напротивъ того, что Аркадій, сдѣлавшись царемъ, подарилъ своему бывшему учителю доходы одной египетской области, но что отшельникъ не принялъ царскаго подарка.

1) Руфинъ былъ очень жаденъ и очень богатъ. Громадный дворецъ его съ великолѣпною церковію находился по ту сторону Босфора, въ имѣніи, называемомъ *Дубъ* (Δρῦς), гдѣ чрезъ семь лѣтъ (403 г.) соборъ епископовъ заочно осудилъ Іоанна Златоустаго.

деньги, какъ бы за пріятное зрѣлище. Такъ-то кончилась любовь Руфина къ царской власти."

Послѣ Руфина временщикомъ сдѣлался Евтропій, родомъ армянинъ, евнухъ изъ рабовъ. „Такъ какъ скопечество лишало его багряницы," говоритъ Филосторгій, „то онъ убѣдилъ царя наименовать себя патриціемъ и консуломъ. И вотъ наконецъ царскій евнухъ—*отецъ*, между тѣмъ какъ онъ не могъ родить и обыкновеннаго сына." Евтропій, еще прежде паденія Руфина, обнаружившій свое вліяніе на Аркадія тѣмъ, что склонилъ его жениться на Евдоксіи, палъ, какъ скоро вмѣсто сторонника императрицы сдѣлался ея врагомъ. Слабодушный императоръ,—когда ему предстояло пожертвовать или евнухомъ или императрицею,—разумѣется не могъ колебаться въ выборѣ, и паденіе Евтропія, увѣковѣченное знаменитою проповѣдію Златоустаго, (399 г.) было также быстро и неожиданно, какъ велика прежде была его власть и дерзость.

Послѣ Евтропія главнымъ рѣшителемъ судебъ восточной имперіи былъ готоъ Гайна (возмутился и былъ разбитъ и убитъ въ 400 г.);—послѣ Гайны готоъ Фравита (убитъ въ томъ же году); послѣ Фравиты комитъ Іоаннъ и т. д. Но постоянною силою, сосредоточивавшею въ себѣ власть надъ восточною имперіею почти во все время царствованія Аркадія, была жена его императрица Евдоксія, къ характеристикѣ которой мы теперь и переходимъ.

Евдоксія была ни греческаго и не римскаго происхожденія. Она была дочь франка Бото, извѣстнаго полководца, бывшаго консуломъ въ 385 году, и умершаго до воцаренія Аркадія. Она отличалась красотою и—должно думать—образованіемъ, ибо наставникомъ ея былъ философъ Пансофій. Своимъ царственнымъ женихомъ она была обязана евнуху Евтропію, который въ этомъ случаѣ заботился прежде всего о томъ, чтобы царь не женился на дочери Руфина. Бракъ Аркадія и Евдоксіи совершился въ Константинополѣ 27 апрѣля 395 г., т. е. чрезъ три мѣсяца и 10 дней послѣ смерти Ѳеодосія. Послѣ брака обнаружились нѣкоторыя непривлекательныя черты въ характерѣ Евдоксіи. Въ ея крови,—по выраженію современника,—жила варварская безпощадность; рядомъ съ пороками самовластія въ ея душѣ господствовало недовольство своимъ супругомъ, а также и ненасытное корыстолюбіе. Но религіозное настроеніе вѣка было такъ велико, что даже эта гордая и страстная императрица не могла не быть набожною, хотя набож-

ность ея и носила нѣсколько суевѣрный и фанатическій характеръ. Чтобы охарактеризовать религіозность имп. Евдоксіи, мы представимъ отношенія ея къ двумъ современнымъ епископамъ,—св. Порфирію газскому и св. Іоанну Златоустому,—точно также какъ мы старались изобразить религіозный характеръ и. Ѳеодосія по его отношеніямъ къ св. Григорію Богослову и св. Амвросію медіоланскому.

Св. Порфирій былъ съ 395 г. епископомъ въ Газѣ палестинской, городѣ, наполненномъ идолопоклонниками и идольскими капищами, между которыми особенно славилось капище въ честь идола Марнаса. Св. Порфирій былъ ревнителемъ христіанства въ родѣ Маркелла апамейскаго, т. е. поставилъ задачею своей жизни истребленіе языческихъ капищъ. Много онъ дѣйствовалъ для этой цѣли своими чудесами и молитвами,—но наиболѣе надежнымъ средствомъ признавалъ все-таки содѣйствіе гражданской власти. Пославъ одного изъ своихъ клириковъ въ Константинополь, св. Порфирій успѣлъ исходатайствовать указъ императора о заключеніи капищъ въ Газѣ, которыя и были затворены всѣ, кромѣ храма Марнаса. Желая добиться болѣе рѣшительныхъ результатовъ, св. Порфирій разсудилъ лично отправиться въ столицу. Дорогой онъ заѣхалъ на островъ Родосъ къ нѣкоему отшельнику Прокопію, который, хотя былъ отшельникомъ, но, какъ видно, очень хорошо зналъ придворныя отношенія. Прокопій совѣтывалъ св. Порфирію прежде всего исполнить долгъ приличія, обратившись къ столичному архіепископу Іоанну Златоустому, но не слишкомъ полагаться на его содѣйствіе, такъ какъ онъ не ходитъ въ царскія палаты, ибо гнѣвается на него царица;—главнымъ же образомъ отшельникъ совѣтывалъ св. Порфирію заручиться благосклонностію царицы Евдоксіи, испросить чрезъ посредство евнуха Аманція личную у ней аудіенцію, и предсказать ей скорое рожденіе сына, такъ какъ царица въ то время была беременна. Совѣтъ оказался очень мудрымъ и полезнымъ. Св. Порфирій три раза имѣлъ аудіенцію у императрицы, и между прочимъ говорилъ ей слѣдующее: „Потрудись объ нашемъ дѣлѣ, владычица, ради Христа, а Онъ за трудъ твой дастъ тебѣ сына, который и воцарится предъ твоими очами, [1]) и поживетъ много лѣтъ во всякомъ благополучіи царскомъ“. Императрица съ своей стороны объясняла св. Порфи-

---

[1]) Эта часть пророчества не исполнилась, такъ какъ Евдоксія не дожила до воцаренія Ѳеодосія младшаго.

рію, что она докладывала императору о его просьбѣ, но что императоръ не находитъ удобнымъ раздражать газскихъ идолопоклонниковъ: „впрочемъ, при помощи Божіей,“ прибавляла императрица, „я не перестану докучать царю, пока онъ не исполнитъ вашей просьбы.“ Зная безхарактерность Аркадія и сильное вліяніе Евдоксіи, можно думать, что императрица нарочно медлила удовлетвореніемъ просьбы св. Порфирія, ожидая исполненія его пророчества. Наконецъ ожидаемое событіе совершилось.—10 апрѣля 401 г. родился у Евдоксіи сынъ и наслѣдникъ византійскаго престола, нареченный въ честь великаго дѣда Θеодосіемъ. На седьмой день послѣ рожденія сына, императрица пригласила къ себѣ св. Порфирія и предложила ему изложить свои желанія въ формѣ прошенія на имя новорожденнаго *августа*, и подать это прошеніе, когда младенца будутъ нести изъ храма во дворецъ послѣ крещенія. Св. Порфирій разумѣется съ радостію воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ получить все, что желаетъ, и просилъ въ своей хартіи не только о сокрушеніи идоловъ, но и объ облегченіи городскихъ податей и о царскомъ жалованьѣ въ пользу газской церкви, которая была весьма убога и т. д. Въ назначенный день совершено было крещеніе царственнаго младенца съ такимъ пышнымъ церемоніаломъ, что св. Порфирій не могъ не сказать: „если такова слава царя земнаго, временнаго,—то какова же слава Царя небеснаго, вѣчнаго!“ Когда новокрещеннаго Θеодосія несли вонъ изъ храма, то св. Порфирій, стоявшій у церковныхъ дверей, подалъ свое прошеніе,—и вельможа, несшій младенца, по предварительному распоряженію императрицы, принялъ прошеніе и сказалъ, что новый государь начинаетъ свою царственную жизнь дѣломъ милости и потому первая просьба, поданная ему, должна быть удовлетворена. Когда младенецъ былъ принесенъ во дворецъ, то императрица, поздравляя Аркадія съ новокрещеннымъ сыномъ, просила императора не оставить безъ исполненія первой просьбы, поданной маленькому августу, и не презрѣть моленія святыхъ мужей, предрекшихъ ей рожденіе сына. Аркадій разумѣется согласился на ходатайство жены, такъ искусно обставленное, и св. Порфирій возвратился во свояси, неся съ собою много золота, даннаго царицею на построеніе храма въ Газѣ и на другія церковныя потребности, и сопутствуемый царедворцемъ Кинегіемъ, которому поручено было разрушить всѣ капища и истребить всѣхъ идоловъ въ Газѣ,—что и было имъ исполнено съ достаточною суровостію. На мѣстѣ Марнасова капища былъ

построенъ храмъ на деньги, данныя царицею Евдоксіею, и по присланному отъ нея плану.

Совсѣмъ иныя были отношенія имп. Евдоксіи ко св. Іоанну Златоустому, моральныя требованія котораго были несравненно выше, а слѣдовательно и труднѣе, чѣмъ простое ходатайство св. Порфирія о деньгахъ и репрессивныхъ мѣрахъ. Въ 397 году, 27 сентября, скончался Нектарій, патріархъ к—польскій, преемникъ св. Григорія Богослова. Мягкость нрава, общительность, уживчивость были отличительными качествами св. Нектарія и дали ему возможность не только благополучно досидѣть до конца жизни на столичной каѳедрѣ, но даже сподобиться включенія въ календарь. Но—быть можетъ—въ его правленіе слишкомъ ощутительно было бездѣйствіе власти,—потому что въ преемники ему постарались выбрать человѣка съ болѣе выдающимся умомъ и характеромъ. Всесильный въ то время при царскомъ дворѣ евнухъ Евтропій обратилъ вниманіе императора на антіохійскаго пресвитера Іоанна, славившагося краснорѣчіемъ и прозваннаго *Златоустымъ* (Χρυσοστόμος.) Іоанну было тогда около 50 лѣтъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ учился краснорѣчію у извѣстнаго языческаго оратора Ливанія; 22 лѣтъ принялъ крещеніе, затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ пустынномъ уединеніи, наконецъ вступилъ въ составъ антіохійскаго клира и уже около 10 лѣтъ священствовалъ, проповѣдуя очень часто и очень успѣшно. Таково было curriculum vitae св. Іоанна. Можно думать, что Евтропій зналъ только внѣшнюю сторону жизни св. Іоанна, но не былъ знакомъ съ его твердыми и неподкупными убѣжденіями, съ его презрѣніемъ къ мірскимъ благамъ, съ его предубѣжденіемъ противъ сильныхъ міра сего и горячею любовью къ меньшей братіи. Евтропій хотѣлъ только въ лицѣ столичнаго архіепископа,—обязаннаго ему своимъ возвышеніемъ, — найти себѣ благодарнаго и усерднаго сторонника и въ этомъ случаѣ еще разъ доказалъ старую истину о тщетѣ надеждъ и разсчетовъ человѣческихъ. Что́ касается до императрицы Евдоксіи, то она кажется совершенно не причастна была дѣлу о возведеніи Іоанна Златоустаго на к—скую каѳедру. Только впослѣдствіи, когда краснорѣчіе и энергія Златоустаго сдѣлали его главною духовною силою столицы,—должны были установиться какія-нибудь опредѣленныя отношенія между нимъ и императрицею, въ рукахъ которой была власть политическая. Кажется бывали обстоятельства, когда Евдоксія сочувствовала дѣятельности Зла-

тоустаго напр. при паденіи евнуха Евтропія, одинаково непріятнаго и святителю и императрицѣ, при печалованіи Златоустаго предъ готѳомъ Гайною за комита Іоанна, при протестѣ І. Златоустаго противъ требованій Гайны имѣть аріанскій храмъ внутри столицы и т. д. Бывали случаи, когда проповѣди Златоустаго, даже суровыя и обличительныя не раздражали самолюбія императрицы; таковы напр. всѣ обличенія Златоустаго противъ распущенности нравовъ низшаго к—польскаго клира. Бывали случаи, когда самъ І. Златоустый въ своихъ проповѣдяхъ относился къ императрицѣ въ панегирическомъ духѣ. Такъ онъ восхвалялъ благочестіе императрицы, которая пѣшкомъ сопровождала церковную процессію при перенесеніи мощей мучениковъ во храмъ св. Ѳомы. „Хотя природа“, говорилъ ораторъ, „произвела тебя женщиною, но ты можешь сравняться съ ангелами“. Но все это было до поры до времени. Двѣ силы, столь противоположныя между собою, не могли не столкнуться непріязненно! Ясно было также, что внѣшняя тогда останется за императрицею, — но что́ пораженіе Златоустаго предъ судомъ истины и потомства будетъ цѣннѣе всякой побѣды. Мы знаемъ уже характеръ Евдоксіи; скажемъ нѣсколько словъ для характеристики І. Златоустаго, воспользовавшись для этого сравненіемъ его съ извѣстнымъ уже намъ его предшественникомъ на к—ской каѳедрѣ св. Григоріемъ Богословомъ. Между двумя великими святителями было много общаго: тоже краснорѣчіе, таже нравственная высота, тоже презрѣніе къ земнымъ благамъ и таже готовность всѣмъ жертвовать за истину. Но было и существенное различіе. Св. Григорій Богословъ былъ теоретикъ, созерцатель и человѣкъ, отрѣшенный отъ жизни; онъ имѣлъ множество почитателей своего таланта, но всегда былъ одинокъ среди столичнаго многолюдства и всегда стремился духомъ въ свою любезную пустыню, гдѣ онъ могъ по цѣлымъ недѣлямъ налагать на себя обѣтъ молчанія или писать свои элегическія стихотворенія. Св. Іоаннъ Златоустый не имѣлъ той силы и глубины ума, какими обладалъ св. Григорій Богословъ,—но за то онъ былъ ораторъ въ лучшемъ и истинномъ значеніи этого слова,—человѣкъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ того, въ чемъ хотѣлъ убѣдить другихъ,—человѣкъ, рѣчь котораго всегда стояла на порогѣ между размышленіемъ и практическою дѣятельностію,—человѣкъ, для полноты существованія котораго необходимы были и каѳедра и слушатели. Вотъ почему для св. Іоанна также невозможно было по доброй волѣ оставить каѳедру, какъ

для св. Григорія легко и естественно было самому отказаться отъ нея! Обладая необыкновенными ораторскими дарованіями, Іоаннъ Златоустый скоро сдѣлался любимцемъ столичнаго населенія, которое толпами стекалось слушать его вдохновенныя поученія. Необыкновенный успѣхъ всегда возбуждаетъ зависть, и св. Іоаннъ не избѣжалъ этой участи. Ему завидовали не только его собратія—епископы, но и сама императрица, стоявшая во главѣ свѣтскаго правительства, считала его вліяніе на народъ чрезмѣрнымъ и опаснымъ. Содержаніе проповѣдей І. Златоустаго также не могло нравиться Евдоксіи. Любимою темою бесѣдъ І. Златоустаго было обличеніе алчныхъ и жестокосердыхъ богачей,—а также женской суетности и страсти къ нарядамъ. Очень вѣроятно, что при своихъ обличеніяхъ св. Іоаннъ не имѣлъ въ виду непосредственно императрицы, но Евдоксія сознавала себя не безгрѣшною въ обличаемыхъ порокахъ, а при дворѣ не было недостатка въ людяхъ, которые готовы были поддерживать раздраженіе императрицы, передавая ей проповѣди архіепископа въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Послѣдствіемъ была рѣшимость Евдоксіи удалить св. Іоанна со столичной каѳедры. Но побѣда не легко досталась императрицѣ. Два раза она отступала, и только въ третій разъ одержала окончательную побѣду, которая была несчастнѣе всякаго пораженія.

Первое столкновеніе императрицы съ архіепископомъ имѣло мѣсто въ 401 г., въ годъ рожденія Ѳеодосія младшаго. Желая противопоставить Златоустому епископа, сколько нибудь равнаго ему въ краснорѣчіи, императрица вызвала ко двору Северіана, е. габальскаго, считавшагося искуснымъ ораторомъ. Соперникъ для Златоустаго онъ былъ плохой, но за отсутствіемъ лучшаго нельзя было и имъ пренебрегать. Когда родился наслѣдникъ престола, Златоустый по церковнымъ дѣламъ находился въ Малой Азіи. Не смотря на то, что въ тотъ вѣкъ крещеніе часто отлагалось до преклоннаго возраста и даже до смертнаго часа, императрица поспѣшила совершить крещеніе сына до возвращенія Златоустаго въ столицу, и таинство крещенія совершилъ Северіанъ, е. габальскій. При дворѣ уже стали говорить о Северіанѣ, какъ о будущемъ архіепископѣ столицы,—и, вѣроятно, въ этомъ случаѣ угадывали тайную мысль Евдоксіи. Возвратившись въ столицу, Златоустый остался очень недоволенъ тѣмъ, что дѣлалось безъ него. Восхваливъ гражданъ столицы, за то, что они остались вѣрны ему подобно цѣломудренной супругѣ, закрывающей, въ отсутствіе супруга, свой слухъ

отъ любодѣйныхъ внушеній, Златоустый вслѣдъ за тѣмъ строго укорилъ Северіана и прекратилъ общеніе съ нимъ. Северіанъ поспѣшилъ немедленно изчезнуть изъ столицы. Пораженіе Северіана было пораженіемъ не столько для него, сколько для императрицы и она, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, рѣшилась изгладить его съ помощію такого пріема, къ какому способны только женщины. Въ праздничный день до начала литургіи, она явилась въ церковь съ маленькимъ Θеодосіемъ, быстрыми шагами подошла къ архіерейской каѳедрѣ, положила царственнаго младенца на колѣна Златоусту и умоляла его ради этого младенца, отрасли великаго Θеодосія, простить Севиріана. Изумленный Златоустъ былъ въ нерѣшимости, но по чувству простой вѣжливости рѣшился исполнить волю императрицы. Севиріанъ возвратился въ столицу, и оба архіерея скрѣпили и засвидѣтельствовали свое примиреніе всенародными проповѣдями.

Второе столкновеніе императрицы съ Златоустымъ относится къ 403 году. Противъ ненавистнаго архіепископа былъ поднятъ походъ сначала подъ предводительствомъ св. Епифанія кипрскаго, а потомъ,— когда этотъ ветхій старецъ отправился умирать во свояси,—подъ предводительствомъ Θеофила, патріарха александрійскаго. Собранный Θеофиломъ изъ враговъ Златоуста соборъ—въ виду столицы въ Дрисѣ близь Халкидона, осудилъ св. Іоанна на низложеніе съ каѳедры между прочимъ и *за оскорбленіе величества* въ лицѣ имп. Евдоксіи. Въ то время, когда враги Златоуста творили надъ нимъ заочный судъ, св. Іоаннъ не стѣсняясь высказывалъ свои мысли и чувства среди вѣрнаго и преданнаго ему столичнаго населенія. „Вы знаете, возлюбленные мои", говорилъ Іоаннъ, „какой истинный предметъ, за который хотятъ погубить меня? Это то, что я не заставлялъ разстилать предъ собою богатые и драгоцѣнные ковры, что я не хотѣлъ одѣваться въ одежды, шитыя золотомъ и шелкомъ, что я не очень любилъ удовлетворять чувственности этихъ людей. Меня преслѣдуютъ не изъ за богатства и не потому, что я совершилъ какое нибудь преступленіе. Если бы было такъ, то я долженъ бы приходить отъ этого въ смущеніе. Меня преслѣдуютъ потому, что я люблю васъ. Еще живо потомство Іезавели. Еще Иродіада бѣснуется. Она пляшетъ, она требуетъ головы Іоанна. Все стремится къ *нечестію*". Πάντα εἰς ἀδοξίαν ἐκτρέχει. [1]) „Эта плотская

---

[1]) Въ этомъ выраженіи видѣнъ ясный намекъ на имя Евдоксіи.

женщина нападаетъ на духъ. Она предается наслажденіямъ бань и благовоній; она обнимается съ своимъ мужемъ, она ведетъ войну съ церковью чистою и непорочною. Но вскорѣ она останется одинокою, вдовою, безъ мужа [1]): потому что ты, женщина, хочешь церковь сдѣлать вдовою. Вчера ты называла меня тринадцатымъ апостоломъ; нынѣ величаешь Іудою. Вчера не боялась сидѣть со мною; а нынѣ, какъ дикій звѣрь, бросаешься на меня... Но чего хочетъ эта жена несправедливая, ненавистная, эта новая Іезавель? Она отправляетъ за мною консуловъ, трибуновъ: она угрожаетъ: паукъ плететъ паутину."

Сознавая свою правоту, св. Іоаннъ не думалъ однако противиться силѣ, хотя и могъ бы опереться на народную къ нему привязанность. „Церковь Іисуса Христа," говорилъ онъ епископамъ и клирикамъ, которые остались ему вѣрными, „не мною началась, не мною и кончится. Не умеръ ли Моисей и не занялъ ли тотчасъ его мѣста Іисусъ Навинъ? Когда отсѣкли голову св. Павлу, не оставилъ ли онъ по себѣ Тита, Тимоѳея, Аполлоса и множество другихъ учениковъ"? Повинуясь царскому указу, осуждавшему его на изгнаніе, св. Іоаннъ удалился изъ столицы. Но онъ пробылъ въ изгнаніи всего одни сутки. Сильное землетрясеніе, поколебавшее дворецъ въ ночь послѣ изгнанія св. Іоанна, напугало императрицу, какъ знаменіе гнѣва Божія за изгнаніе праведника. Златоустый немедленно былъ возвращенъ на свою каѳедру, и императрица въ почтительномъ письмѣ увѣряла св. Іоанна, что она не принимала никакого участія въ козняхъ противъ него Златоустый желалъ торжественнаго оправданія на соборѣ епископовъ, который былъ бы многочисленнѣе, чѣмъ соборъ, осуждавшій его,—но нетерпѣніе народа и самой императрицы побудили его не настаивать на этой формальности. Да и могъ ли Златоустый искренно уважать епископскій судъ, когда въ большинствѣ современныхъ епископовъ видѣлъ честолюбивыхъ и коварныхъ интригановъ? *Никого я такъ не боюсь, какъ епископовъ*, писалъ Златоустый впослѣдствіи. Его возвращала таже императорская власть, которая из-

---

[1]) Эти слова имѣли бы характеръ пророчества, если бы были подтверждены событіемъ. Но Евдоксія, какъ извѣстно, умерла прежде своего мужа.

гнала его;—этого казалось довольно. Златоустый снова вступилъ на свою каѳедру, благословилъ вѣрный ему народъ и не забылъ похвалить и императрицу, какъ питательницу пустынниковъ, опору нищихъ и т. д. Онъ прочелъ ея пригласительное письмо и передалъ народу слова, которыми императрица привѣтствовала возвратившагося святителя, заявляя, что она, возвративъ пастыря овцамъ, главу тѣлу, кормчаго кораблю, болѣе красуется этимъ дѣломъ, чѣмъ своею діадемою. Такъ кончилось второе покушеніе противъ І. Златоустаго и миръ между святителемъ и императрицею былъ повидиму упроченъ на твердыхъ основаніяхъ.

Но чувства человѣческія измѣнчивы. Подъ вліяніемъ религіознаго ужаса Евдоксія возвратила святителя, но съ теченіемъ времени этотъ страхъ прошелъ. Землетрясенія въ то время часто бывали въ восточной имперіи, и конечно враги Златоустаго постарались увѣрить императрицу, что между изгнаніемъ Златоустаго и землетрясеніемъ не было никакой причинной связи, а было только случайное совпаденіе во времени. Съ своей стороны и св. Іоаннъ Златоустый не сдѣлался сдержаннѣе послѣ своего возвращенія: напротивъ сознаніе торжествующей правоты сдѣлало его еще смѣлѣе и рѣшительнѣе. Чрезъ два мѣсяца послѣ своего возвращенія св. Іоаннъ уже выступаетъ съ обличеніями императрицы по поводу шумныхъ праздниковъ при открытіи поставленной въ честь Евдоксіи серебряной статуи. Бесѣда эта не сохранилась до настоящаго времени, но есть извѣстіе, что она начиналась словами: *опять Иродіада бѣснуется, опять пляшетъ, опять проситъ главы Іоанновой,*—и что никогда рѣчь Златоустаго не была такъ горька и наполнена примѣрами изъ исторіи злыхъ женъ ветхаго и новаго завѣта, какъ въ этотъ разъ. Императрица, раздраженная такимъ публичнымъ посрамленіемъ, требовала мщенія; самъ императоръ, вышедши изъ своей обычной апатіи, сказалъ, что пора уже покончить съ этимъ обличителемъ. По закону [1]) епископъ долженъ быть судимъ себѣ равными; съ этой стороны конечно не представлялось затрудненія къ осужденію Златоустаго, такъ какъ между тогдашними епископами было много придворныхъ угодниковъ и личныхъ враговъ Златоустаго. Вопросъ

[1]) *Lex Constantii 355 г.* Mansuetudinis nostrae lege prohibemus, in judiciis episcopos accusari. Si quid est igitur querelarum, quod quispiam defert, apud alios potissimum episcopos convenit explorari.

былъ только въ томъ, какъ оформить осужденіе. Личное вліяніе Златоустаго и сила его краснорѣчія казались такъ опасны, что и на этотъ разъ враждебные Златоустому епископы, собравшіеся въ императорскомъ дворцѣ, предпочли осудить его заочно. Уклоняясь отъ всякаго разсужденія о виновности Златоустаго, они порѣшили осудить его на основаніи 5 правила антіохійскаго собора 341 г., которое читается такъ: *если епископъ или священникъ, бывъ справедливо или несправедливо низведенъ, самъ возвратится къ церкви прежде возстановленія его соборомъ, то онъ лишается всякаго права быть допущенъ когда либо къ какому-то-ни было оправданію.* Враждебные Златоустому епископы разсуждали такъ: „Іоаннъ низложенъ на соборѣ, собиравшемся въ Дрисѣ,—справедливо или несправедливо,—это до насъ не касается. Но дѣло въ томъ, что онъ самъ разъ навсегда заградилъ себѣ путь къ оправданію, возвратившись на свою каѳедру, прежде чѣмъ былъ оправданъ и возстановленъ новымъ соборомъ епископовъ, который бы отмѣнилъ рѣшеніе собора предшествующаго". Такимъ образомъ судьи—епископы отказывались разбирать дѣло о св. Іоаннѣ *по существу*, а просто не хотѣли принимать его къ разсмотрѣнію въ силу *чисто-формальныхъ* каноническихъ основаній;—судили не по совѣсти, а по буквѣ закона. Но и самый законъ, предъявляемый противъ Златоустаго, въ свою очередь подлежалъ критикѣ. Друзья Златоустаго основательно утверждали, что антіохійскій соборъ 341 г. былъ составленъ изъ аріанъ, что 5-й канонъ этого собора былъ сочиненъ нарочито противъ защитника православія, св. Аѳанасія александрійскаго, что этимъ канономъ освящается насиліе и что онъ вовсе не употреблялся въ послѣдующей церковной практикѣ и былъ преданъ забвенію. Самъ Златоустый отказался повиноваться рѣшенію епископскаго суда, хотя оно и было объявлено ему отъ царскаго имени. Онъ продолжалъ священнодѣйствовать, проповѣдывать и исполнять другія обязанности епископскаго служенія, окруженный вѣрнымъ и преданнымъ ему столичнымъ населеніемъ. Между тѣмъ императоръ и императрица прервали сношенія съ святителемъ и не являлись въ главный храмъ столицы даже въ такіе великіе праздники какъ въ Рождество и Пасху,—но не рѣшались еще дѣйствовать противъ Златоустаго открытою силою, быть можетъ опасаясь народнаго возстанія, или боясь особыхъ проявленій гнѣва небеснаго, въ родѣ недавняго землетрясенія. Такое натянутое положеніе продолжалось около полугода (отъ декабря 403 г. до іюня 404 г.),

но оно не могло продолжаться вѣчно. Вооруженныя схватки между царскими войсками и *іоаннитами* (такъ назывались приверженцы св. Іоанна) около Пасхи 404 г. показывали, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ или иначе. Въ такихъ обстоятельствахъ четыре епископа, наиболѣе враждебные Іоанну Златоустому (Акакій веррійскій, Антіохъ птолемаидскій, Квиринъ халкидонскій и Северіанъ габальскій), рѣшились успокоить слабую душу Аркадія, принявъ на себя нравственную отвѣтственность за изгнаніе Златоустаго и повторили такимъ образомъ евангельскую исторію объ іудеяхъ, вопіявшихъ Пилату: *кровь Его на насъ и чадѣхъ нашихъ*! „Государь!“ говорили епископы Аркадію; „ты поставленъ царемъ отъ Бога, чтобы всѣ тебя слушались и ты творилъ то, что тебѣ благоугодно. Не будь милостивѣе пресвитеровъ и святѣе епископовъ! Мы говоримъ тебѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ: мы беремъ на свои головы низложеніе Іоанного. Размысли объ этомъ, августѣйшій царь, и не губи всѣхъ, чтобы пощадить одного“. Этого было довольно. Аркадій рѣшился низложить св. Іоанна, и 20 іюня 404 г. Златоустый былъ отправленъ въ ссылку. Тотчасъ же послѣ удаленія св. Іоанна изъ столицы, вспыхнулъ пожаръ, испепелившій главную церковь столицы и громадное зданіе сената. Такъ какъ правительство причину пожара приписывало *іоаннитамъ*, то противъ нихъ было воздвигнуто жестокое преслѣдованіе, при чемъ санъ пресвитера и даже епископа не спасалъ отъ тѣлесныхъ истязаній. Положеніе самого св. Іоанна было также очень тяжело. Онъ былъ отправленъ на заточеніе въ армянскій городъ Кукузъ, гдѣ много страдалъ отъ суроваго климата и отъ горнаго народа исавровъ, которые своими набѣгами держали жителей Кукуза въ постоянномъ страхѣ. За то іоанниты, съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, отмѣчали тѣ событія, въ которыхъ видѣли руку Божію, карающую враговъ святаго. Враждебные Златоустому епископы умирали скорою и тяжелою смертію. Сама императрица Евдоксія, цвѣтущая молодостію и здоровьемъ, прожила только 3½ мѣсяца послѣ изгнанія Златоустаго. Она умерла 6 октября 404 г. въ тяжкихъ мученіяхъ, родивъ мертваго ребенка. Позднѣйшая суевѣрная легенда прибавляетъ, что императрица „живая червями ядома была, по смерти же ея 30 лѣтъ гробница ея тряслася“. Но предъ судомъ исторіи ранняя смерть Евдоксіи служитъ для нея нѣкоторымъ оправданіемъ, потому что положеніе Златоустаго послѣ ея смерти не только не

улучшилось, но даже ухудшилось: слѣдовательно не она была единственною виновницею бѣдствій святителя.

Преемникомъ Златоустаго на столичной каѳедрѣ былъ 80-лѣтній Арсакій, братъ прежняго архіепископа Нектарія, человѣкъ *краснорѣчивый какъ рыба.* Правительство очевидно съ намѣреніемъ избрало слабаго духомъ архіепископа, потому что сильный духомъ пришелся уже очень тяжелъ. Крайняя древность и незначительность Арсакія не мѣшала ему сурово преслѣдовать іоаннитовъ. Впрочемъ онъ прожилъ въ санѣ архіепископа только полгода. Преемникомъ Арсакія былъ Аттикъ человѣкъ болѣе способный, но не болѣе расположенный къ Златоустому. Напротивъ при Аттикѣ гоненія противъ іоаннитовъ усилились, и самому св. Іоанну присуждено было отправиться въ болѣе дальнюю ссылку, гдѣ бы его авторитетъ не могъ тревожить враждебныхъ ему іерарховъ, сидѣвшихъ на главныхъ каѳедрахъ востока. Новымъ мѣстомъ заточенія Златоустаго былъ назначенъ городокъ Питіунтъ (нынѣшній Пицундъ) на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря. Суровые воины повели Златоустаго изъ Кукуза въ Пицундъ пѣшкомъ, подвергая его всѣмъ трудностямъ гористаго пути и перемѣнной погоды, обходя по возможности города и многолюдныя селенія. Но Златоустый не дошелъ до мѣста своего новаго заточенія. На пути онъ скончался въ г. Комапахъ 14 сентября 407 г. Послѣднія слова Златоустаго были: *слава Богу за все*!

Къ чести христіанскаго міра нужно сказать, что знаменитый изгнанникъ не остался безъ друзей и покровителей. Кромѣ вѣрныхъ ему до конца діакониссъ,—каковы были Олимпіада, Пентадія, Емпруктія, Пикарета,—кромѣ страдавшихъ за него до крови епископа Серапіона, пресвитера Тигрія и другихъ *іоаннитовъ,*—кромѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, любезно относившихся къ изгнаннику, за него заступались предъ императоромъ и люди, болѣе независимые и вліятельные. Бывшій при Ѳеодосіѣ великомъ префектъ Константинополя, а потомъ подвижникъ синайскій Нилъ писалъ къ имп. Аркадію слѣдующее: „несправедливо послалъ ты въ изгнаніе предстоятеля Византіи Іоанна, это великое свѣтило вселенной, по крайнему легкомыслію внявъ убѣжденіямъ не здраво мудрствующихъ епископовъ. Поэтому, лишивъ вселенскую церковь сего неповрежденнаго и чистаго ученія, не проживешь безъ скорбей“. Болѣе горячо заступался за св. Іоанна римскій папа Иннокентій, который вмѣстѣ съ западнымъ им-

ператоромъ Гоноріемъ предлагалъ созвать новый соборъ епископовъ для пересмотра дѣла о Златоустомъ. Аркадій оставилъ это предложеніе безъ отвѣта, а вскорѣ потомъ смерть Златоустаго положила конецъ всякимъ заботамъ о его возстановленіи. Аркадій и самъ не долго пережилъ Златоустаго; онъ умеръ 1 мая 408 года на 32 году отъ роду.

Мы можемъ закончить нашъ разсказъ объ Аркадіѣ двумя, въ сущности сходными, отзывами о немъ—новѣйшаго историка Финлея и современнаго Аркадію оратора Синезія,—впослѣдствіи епископа пентапольскаго. „Всѣ римскіе императоры", говоритъ Финлей,—„до временъ Аркадія были военачальниками. Вождь, командующій арміею, долженъ въ нѣкоторой степени быть товарищемъ своихъ солдатъ, часто раздѣлять ихъ чувства и соображать ихъ взгляды и интересы съ своими собственными... Но со временъ Аркадія личная связь императора съ войскомъ прекратилась, и онъ сталъ одинаково относиться къ своимъ наемнымъ солдатамъ и къ облагаемымъ имъ податями подданнымъ. Глава имперіи утратилъ отнынѣ всякое понятіе объ общественномъ мнѣніи, за исключеніемъ проявленія его въ церкви, въ придворныхъ партіяхъ или въ амфитеатрѣ."—Туже изолированность императора изображаетъ—хотя конечно по своему—и философъ Синезій въ рѣчи, произнесенной предъ имп. Аркадіемъ въ 399 г.,—вѣроятно съ значительными пропусками. Мы думаемъ даже, что при произношеніи пропущены были наиболѣе характерныя мѣста, которыя мы и приведемъ. „Ваше достоинство", — говорилъ или по крайней мѣрѣ думалъ сказать Синезій Аркадію, „за которое вы опасаетесь, если бы вы давали возможность чаще себя видѣть, не менѣе бы было дорого для вашихъ подданныхъ. Держа себя въ заперти въ вашемъ дворцѣ, вы дѣлаетесь своими собственными плѣнниками; лишая себя возможности видѣть и слышать, вы теряете мудрые уроки опыта... Ваше существованіе подобно существованію полипа. Вы отвергаете обыкновенное человѣческое состояніе, не достигая однако совершенства, свойственнаго человѣку. Ибо тѣ, съ которыми вы имѣете общеніе въ ежедневной жизни и въ другихъ дѣлахъ [1]) суть люди съ малою головою и малымъ умомъ, настоящіе недоноски, несовершенныя произведенія природы, подобныя

---

[1]) Разумѣются конечно придворные евнухи.

фальшивой монетѣ. Не зная радости и печали, они въ одно и тоже время радуются и плачутъ: ихъ жесты, крики, всякаго рода шутки помогаютъ вамъ тратить время... Глупыя рѣчи и смѣшныя слова лучше достигаютъ до вашихъ ушей, чѣмъ мысли мудрыя, исходящія изъ краснорѣчивыхъ устъ философа". Не менѣе рѣзки заявленія Синезія и противъ царской пышности. „Во имя божества, которое управляетъ царями, выслушай меня терпѣливо, (ибо язвительна рѣчь моя!) Въ какое время, думаешь ты, римскія дѣла находились въ лучшемъ видѣ? Послѣ того ли какъ вы стали носить золотыя и пурпурныя одежды и проч.?... Разнообразіемъ и пестротою цвѣтовъ вы сдѣлались, подобно павлину, предметомъ любопытнымъ для созерцанія.. Вы гордитесь своею ношею: вы походите на плѣнника, которыя, будучи закованъ въ золотыя цѣпи, не сознаетъ своего несчастія; прельщенный блескомъ своихъ цѣпей, онъ не замѣчаетъ, какъ плачевна его плѣнническая жизнь... Мостовая и голая земля слишкомъ грубы для вашихъ нѣжныхъ ногъ; вы можете ходить только по золотому песку. Караваны и корабли съ большими издержками привозятъ вамъ изъ отдаленныхъ странъ этотъ драгоцѣнный песокъ: многочисленное войско занимается его разбрасываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно, чтобы императоръ находилъ удовольствіе вездѣ, даже подъ своими ногами". Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы представить себѣ образъ жизни императора, къ которому они прилагались.

Ѳеодосій младшій (408—450). Его сестра Пулхерія и жена Евдоксія. Ересь Несторія. III вс. соборъ. Состояніе имперіи при и. Ѳеодосіѣ. Ересь Евтихія.

По смерти Аркадія сдѣлался императоромъ семилѣтній сынъ его Ѳеодосій. Первое время онъ разумѣется могъ царствовать только по имени. Дѣлами государства завѣдывалъ добрый и разумный вельможа Анѳемій (408—413), а самъ Ѳеодосій получалъ весьма тщательное воспитаніе подъ руководствомъ сестры своей Пулхеріи, которая впрочемъ только двумя годами была старше его. Но и пришедши въ возрастъ Ѳеодосій не много обнаружилъ самодѣятельности. Онъ обладалъ многими качествами хорошаго епископа, но былъ лишенъ качествъ великаго государя. Онъ зналъ наизусть многія мѣста св. писанія, прилежно читалъ библейскихъ толкователей и любилъ богослов-

ствовать. Онъ строго соблюдалъ посты, особенно по средамъ и пятницамъ,—рано вставалъ и слушалъ богослуженіе съ своими сестрами,—такъ что дворецъ его походилъ на монастырь. Разъ, когда императоръ присутствовалъ на ипподромѣ,—поднялась сильная буря, одна изъ тѣхъ бурь, какія уже бывали въ этомъ году и угрожали произвести неурожай. Императоръ приказалъ удалить колесницы и пригласилъ подданныхъ къ молитвѣ; онъ первый началъ псалмопѣніе, бывшіе на ипподромѣ послѣдовали его примѣру, и ристалище уподобилось храму. Современники разсказывали, что эта буря была послѣдняя въ то лѣто, что за тѣмъ погода улучшилась и вмѣсто ожидаемаго неурожая было обиліе плодовъ земныхъ. Во время войны Ѳеодосій горячо молилъ Бога о побѣдѣ подобно Давиду, но не имѣлъ храбрости этого святого царя. Уваженіе императора къ духовному чину было такъ велико, что можетъ быть названо почти слабодушіемъ. Какой-то дерзкій монахъ, получивъ отъ Ѳеодосія отказъ въ своей просьбѣ, отлучилъ императора отъ церкви. Императоръ былъ такъ огорченъ этимъ, что отказался отъ принятія пищи, доколѣ отлученіе не будетъ снято. Тщетно увѣрялъ епископъ императора, что монахъ не имѣлъ никакого права налагать отлученія; императоръ оставался безъ пищи, до тѣхъ поръ, пока не получилъ прощенія отъ монаха, который самъ заслуживалъ наказанія. [1])

Ѳеодосій имѣлъ довольно свѣдѣній въ литературѣ и наукахъ,—особенно въ астрономіи,—покровительствовалъ ученымъ, и самъ любилъ заниматься перепискою рукописей и рисованіемъ миніатюръ, такъ что подданные полу-насмѣшливо, полу-снисходительно прозвали его *каллиграфомъ*. Тихій, воздержный, неутомимый Ѳеодосій былъ образцомъ кротости и терпѣнія, но онъ умѣлъ лучше властвовать надъ своими страстями, чѣмъ надъ своими подданными. Мщеніе было ему незнакомо. „Не трудно,“ говорилъ онъ, „отнять жизнь у человѣка, но какъ скоро она отнята, уже поздно раскаяваться“. Ни одинъ смертный приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе въ резиденціи императора: помилованіе всегда предваряло казнь.—Трудолюбіе императора было такъ велико, что онъ не только работалъ днемъ, но посвящалъ труду и часть ночи! Но при столькихъ добродѣтеляхъ частнаго человѣка Ѳеодосій

---

[1]) Ѳеодорита церк. ист. V, 37.

былъ слабый государь. Онъ боялся войны и покупалъ миръ у варваровъ, нападавшихъ на имперію. Онъ не любилъ заниматься государственными дѣлами и часто подписывалъ указы не читая, вѣроятно не по лѣности, а просто по сознанію своей некомпетентности. Онъ не умѣлъ выбирать людей для государственныхъ должностей и придворные евнухи позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія въ его царствованіе. Греческій хроникеръ XVI в. Дороѳей монемвасійскій, бывшій въ Москвѣ въ 1591 г., сравниваетъ съ Ѳеодосіемъ младшимъ тогдашняго московскаго царя Ѳеодора Ивановича. *Царь Ѳеодоръ былъ человѣкъ смирный, по всему подобный Ѳеодосію младшему, простой, тихій.* Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодосій младшій былъ даровитѣе московскаго царя Ѳеодора, но онъ не имѣлъ при себѣ такого искуснаго правителя, какимъ былъ Борисъ Годуновъ.

Нѣкоторое время впрочемъ подобное руководящее значеніе имѣла при дворѣ Ѳеодосія сестра его Пулхерія. Изъ всѣхъ дѣтей и. Аркадія одна Пулхерія наслѣдовала сильныя дарованія своего великаго дѣда. Достигши 15-лѣтняго возраста, Пулхерія не побоялась принять на себя то государственное бремя, котораго не могъ нести ни ея отецъ, ни впослѣдствіи ея братъ. 4 іюля 414 г. она приняла на себя титулъ *Августы*, тогда какъ другія двѣ сестры Аркадія и Марина довольствовались титуломъ nobilissimae. Пулхерія была тогда молода, красива, и хорошо образована: она свободно говорила и писала по-латыни и по-гречески. Чтобы застраховать себя отъ искушеній молодости, Пулхерія, вмѣстѣ съ обѣими сестрами, торжественно въ столичномъ храмѣ дала обѣтъ дѣвства, и увѣковѣчила его монументальною записью внутри храма. Отказавшись отъ всѣхъ утѣхъ молодости, Пулхерія дѣлила свое время между богомольемъ, благотворительностію и дѣлами государственными. Въ положенные часы она молилась вмѣстѣ съ своими сестрами, обѣдала съ ними и давала аудіенціи въ ихъ присутствіи. Она построила много церквей, монастырей, больницъ и страннопріимницъ и была весьма почтительна къ епископамъ. Собственно объ управленіи Пулхеріи языческій историкъ Евнапій отзывается довольно худо. Впрочемъ отъ него, какъ отъ язычника, другаго отзыва и ожидать нельзя. „При царицѣ Пулхеріи“, говоритъ Евнапій, „выставлялись на публичную продажу народы, (т. е. отдѣльныя провинціи), для желающихъ купить управленіе ими. Кто хотѣлъ грабить Геллеспонтъ, покупалъ Геллеспонтъ и т. д. Получившій въ управленіе народъ (т. е. ту или другую провин-

цію) чрезъ безгласныхъ глашатаевъ говорилъ каждому (т. е. обывателю провинціи)—на ухо, что онъ купилъ подчиненныхъ за столько-то; что было необходимо заплатить эту сумму или терпѣть непріятности, что имѣніе могло быть описано, жизнь отнята Люди зажиточные и подлежащіе повинностямъ со вздохомъ вносили деньги; недостаточныхъ публично били бичами... Одержавшій такую кадмійскую побѣду (т. е. самъ правитель области) былъ гораздо несчастнѣе. Онъ купилъ должность всѣмъ своимъ достаткомъ, а для защищенія себя отъ козней и доносовъ приплачивалъ еще доходы, получаемые по должности. Всѣ домы пустѣли отъ такой уловки. Легко можно видѣть, какъ достатокъ начальниковъ описывался въ казну. *Деньги человѣка, получившаго начальство, принадлежатъ казнѣ.*" Нужно замѣтить впрочемъ, что такой способъ взиманія доходовъ въ казну довольно обыченъ на востокѣ.

Въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ царствованія Ѳеодосія, вліяніе Пулхеріи на брата было безгранично. Она завѣдывала воспитаніемъ молодаго императора. „Люди свѣдущіе", говоритъ церк. историкъ Созоменъ, „учили его сидѣть на конѣ, владѣть оружіемъ и сообщали ему познанія въ наукахъ. Сама же сестра давала наставленія, какъ держать себя прилично и по—царски на выходахъ, показывала, какое слѣдуетъ надѣвать платье, какъ надобно сидѣть и ходить, воздерживаться отъ смѣха, быть то кроткимъ, то строгимъ, смотря по обстоятельствамъ, и прилично распрашивать просителей. Пулхерія не менѣе руководила его и къ благочестію, пріучая постоянно молиться, посѣщать церкви, почитать іереевъ" и т. д. Пулхерія выбрала брату супругу. Въ числѣ придворныхъ дѣвицъ, состоявшихъ при Пулхеріи въ томъ полуслужебномъ положеніи, какое нынѣ зовутъ должностію фрейлины, была дочь аѳинскаго философа Леонтія, Аѳинаида, отличавшаяся красотою и образованіемъ, и вскорѣ принявшая крещеніе съ именемъ Евдокіи. Она была лѣтъ на 5 старше Пулхеріи и состояла при ней около семи лѣтъ, доколѣ наконецъ Ѳеодосій достигъ совершеннолѣтія и Пулхерія убѣдила своего послушнаго брата жениться на Евдокіи. Бракъ былъ совершенъ 7 іюня 421 года; Ѳеодосію было тогда 20 лѣтъ, а Евдокіи около 27. Но и послѣ этого брака Пулхерія не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ братомъ и невѣсткою, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый почти всѣми греческими хронографами.—„Царь Ѳеодосій имѣлъ обычай не читая подписывать подаваемыя ему хартіи. Узнавъ объ этомъ, мудрѣйшая се-

стра премудро схитрила надъ нимъ, подложивъ ему для подписи дарственную грамоту, по которой закрѣпощалась въ рабство Пулхеріи жена Ѳеодосіева Евдокія. Царь подписалъ, не читая, и впослѣдствіи терпѣлъ горькую обиду отъ своей сестры Пулхеріи.“ Эта исторія пріурочивается къ году свадьбы Ѳеодосія (къ сентябрю 421 г.) и сама въ себѣ служитъ доказательствомъ упадающаго вліянія Пулхеріи и ея не совсѣмъ одобрительныхъ усилій удержать за собою это вліяніе. Вліяніе Пулхеріи съ теченіемъ времени слабѣло все болѣе и болѣе и въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Ѳеодосія дошло до нуля; но она должна была уступить не императрицѣ Евдокіи, которой опасалась, а презрѣнному евнуху Хрисаѳію, который въ послѣдніе 10 лѣтъ жизни императора пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Что же касается до Евдокіи, то она, послѣ 17-лѣтняго супружества выдавъ (29 окт. 437 г.) единственную дочь свою за римскаго императора Валентиніана, отправилась по обѣту на богомолье въ Іерусалимъ, и за тѣмъ бо́льшую часть своей жизни (съ 440 г. до самой кончины въ 460 г.) проводила въ благочестивыхъ подвигахъ на святыхъ мѣстахъ Палестины. Политическое же вліяніе Евдокіи никогда не могло равняться съ вліяніемъ Пулхеріи. [1])

Царствованіе Ѳеодосія младшаго не обошлось безъ новыхъ ересей. И на этотъ разъ предметомъ ересей было не ученіе о божествѣ Сына Божія и о св. Троицѣ, а вопросъ христологическій: относительно соединенія во Христѣ двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. Современный изслѣдователь исторіи вселенскихъ соборовъ—А. П. Лебедевъ говоритъ: „Мы думаемъ, что не будь Несторія на свѣтѣ, споровъ христологическихъ не было бы. Въ самомъ дѣлѣ по этому вопросу много уже было написано прекраснаго отцами церкви IV вѣка, но вопросъ отъ этого не приблизился къ уразумѣнію. Онъ превышалъ мысль человѣческую... Можно было довольствоваться тѣмъ, что уже сдѣлано по вопросу о лицѣ Богочеловѣка“. Вѣрность этого взгляда подтверждается свидѣтельствами современниковъ и участниковъ христологическаго спора.

---

[1]) Позднѣйшая исторія, болѣе похожая на сказку, объясняя удаленіе императрицы отъ двора, повѣствуетъ о переходившемъ изъ рукъ въ руки яблокѣ, благодаря которому и. Ѳеодосій приревновалъ Евдокію къ нѣкоему вельможѣ Паулину; но весь этотъ разсказъ, по справедливому замѣчанію Гиббона, годится только для *тысячи одной ночи*, гдѣ дѣйствительно можно найти нѣчто подобное.

Такъ римскій папа Целестинъ писалъ къ Несторію въ такихъ выраженіяхъ: „откуда пришло тебѣ желаніе направить свои рѣчи на такіе предметы, рѣшеніе которыхъ по началамъ разума есть нечестіе? зачѣмъ епископу проповѣдывать народу такое, чѣмъ ослабляется въ немъ благоговѣніе къ рожденію Дѣвы? Нечестивыми словами о Богѣ не должно возмущать чистоту древней вѣры... Ибо вѣра, полно и ясно преданная намъ апостолами, не допускаетъ ни прибавленія, ни уменьшенія.“—Точно также и Акакій, епископъ верійскій, въ письмѣ къ Кириллу александрійскому выражается о ереси Несторія такъ: „въ твоемъ писаніи содержатся сіи слова: *еще въ самомъ началѣ не было надобности предлагать это ученіе.* Въ самомъ дѣлѣ, какую принесъ пользу Аполлинарій лаодикійскій, который думалъ быть великимъ борцомъ среди другихъ въ защиту правой вѣры?.. Надѣясь на свою мудрость и желая проложить какіе-то пути къ чистой и простой вѣрѣ Христовой по мѣстамъ непроходимымъ, не заставилъ ли онъ каѳолическую церковь поставить его въ числѣ отступниковъ? Не видна ли крѣпкая разсудительность... въ словахъ, которыя сказаны однимъ изъ прежнихъ епископовъ (Василіемъ великимъ), желавшимъ остановить людей умныхъ отъ изслѣдованія того, что́ выше силъ человѣка? Его слова таковы: *тайну, какъ Отецъ родилъ Единороднаго, надобно чтить благоговѣйнымъ молчаніемъ о ней.* И продолжая свою бесѣду, онъ присоединилъ слова: *изслѣдованіе этого недоступно всѣмъ силамъ небеснымъ, а не только человѣкамъ и уму человѣческому.* Не сюда ли прямо относятся предостереженіе св. писанія, которое учитъ: *высшихъ себе не ищи*“ и проч. Безплодность христологическихъ споровъ съ непрерѣкаемою очевидностію доказывается еще и тѣмъ, что послѣ 30-лѣтнихъ преній халкидонскій соборъ рѣшилъ споръ формулою, что два естества въ Христѣ соединены *неразлучно, несліянно, нераздѣльно и неизмѣнно,*—формулою, которая говоритъ только вѣрѣ и памяти, но не разумѣнію человѣческому. Судя по этому, всю эпоху христологическихъ споровъ можно бы признать напрасною тратою труда и времени, историческимъ эпизодомъ, не заслуживающимъ исторіи. Но что́ достойно было существованія, то́ достойно и изученія,—и вычеркнуть изъ исторіи V вѣка то́, что́ относится къ догматическимъ спорамъ,—значило-бы—по выраженію Амедея Тьерри—отнять у нея жизнь и душу.

Виновникъ христологическихъ споровъ Несторій былъ родомъ сиріянинъ. Внѣшній ходъ его жизни напоминаетъ жизнь Златоустаго.

Также Несторій учился въ ораторской школѣ, основанной Ливаніемъ, также провелъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ монашества, также сдѣлался потомъ пресвитеромъ въ Антіохіи и славился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ; и также совершенно нечаянно взятъ былъ съ антіохійскаго пресвитерства на столичную каѳедру. Но этимъ и ограничивается сходство Несторія съ Златоустымъ; во всемъ остальномъ они различны до противоположности. Краснорѣчіе Несторія отличалось совершенно внѣшнимъ характеромъ. Несторій обладалъ величавой осанкой, полнымъ и звучнымъ голосомъ; отъ природы блѣдное и сухое лицо его, свѣтлый и глубокій взглядъ придавали всей его фигурѣ нѣчто такое, что во всѣ времена считалось принадлежностію оратора. Но у него не было дара сердечнаго убѣжденія и любви къ слушателямъ, чѣмъ былъ такъ богатъ св. Іоаннъ Златоустый; напротивъ Несторій былъ сухой и холодный фанатикъ, и, чуждаясь моральныхъ предметовъ проповѣди, любилъ останавливаться на вопросахъ догматическихъ, о которыхъ разсуждалъ притомъ безъ достаточной подготовки и осмотрительности, болѣе на основаніи собственнаго соображенія. „При изъясненіи св. писанія,“ говаривалъ Несторій, „я не справляюсь ни съ живыми, ни съ мертвыми.“

Мрачныя свойства Несторія обнаружились впослѣдствіи. Въ 428 г., когда имп. Ѳеодосій младшій и сестра его Пулхерія назначали Несторія на столичную каѳедру, они думали видѣть въ немъ втораго Златоустаго. Несторій не замедлилъ показать себя. Въ день своего рукоположенія (10 апр. 428 г.) новопоставленный архіепископъ въ рѣчи къ императору съ свойственнымъ ему театральнымъ паѳосомъ воскликнулъ: *императоръ! дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ.* Этотъ тонъ фанатика и самозваннаго распорядителя судьбами Промысла разумѣется не позволялъ ожидать ничего добраго. Первыя дѣйствія Несторія были также безразсудны, какъ и его слова. Дней чрезъ пять послѣ своего прибытія Несторій приказалъ разорить аріанскую молельню. Это насиліе такъ раздражило аріанъ, что они сами подожгли ее и распространившійся пожаръ истребилъ и сосѣднія строенія. Это обстоятельство доставило Несторію въ столичномъ населеніи прозвище *поджигателя* (πυρκαϊάς.) Вліянію Несторія нужно приписать и послѣдовавшій чрезъ полтора мѣсяца (отъ 30 мая) указъ императора противъ еретиковъ. Еретики раздѣлены были въ указѣ на

разныя категоріи:—инымъ не дозволено только строить новыхъ храмовъ, инымъ позволено было имѣть храмы только въ селахъ, но не въ городахъ; наконецъ существованіе нѣкоторыхъ ересей (напр. манихейства) было совершенно воспрещено. Но не было такой безвредной ереси, которая была бы оставлена въ покоѣ; подверглись преслѣдованію даже *четыренадесятники*, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они, подобно іудеямъ, праздновали пасху въ 14 день писана. „Несторій",—иронически говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ писателей,—„заблаговременно принялъ мѣры, чтобы не существовало на свѣтѣ другихъ ересей, кромѣ его собственной". Скоро этотъ бичь еретиковъ и самъ сдѣлался еретикомъ, и какъ бы ни сурово казалось намъ преслѣдованіе, какому подвергся Несторій, нельзя не видѣть въ немъ праведнаго возмездія за его прежній фанатизмъ.

Хотя содержаніе христологической ереси Несторія относилось къ вопросу, далекому отъ человѣческаго сознанія, тѣмъ не менѣе есть въ этомъ вопросѣ одна сторона, съ которой ересь Несторія была не только до очевидности понятна каждому простому византійцу, но и возбуждала противъ еретика народныя страсти. Мы разумѣемъ почитаніе Богоматери. Религіозно-эстетическое чувство христіанскаго міра всего болѣе находило себѣ удовлетвореніе въ поклоненіи Пречистой Дѣвѣ и Матери, и это поклоненіе Богоматери вслѣдствіе какихъ-то психологическихъ законовъ усиливалось все болѣе и болѣе по мѣрѣ развитія иночества. Въ частности Константинополь считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Богоматери. Неудивительно поэтому, что жители столицы вообще, и монахи въ особенности, чутко прислушивались ко всему, что́ касалось до почитанія Богоматери, и считали за непосредственную обиду себѣ всякое умаленіе чести своей небесной заступницы. Предъ такимъ-то обществомъ Несторій не стѣснялся проповѣдывать, что святую Дѣву не слѣдуетъ называть Богородицею, а только *Христородицею*, что нельзя признавать Богомъ 2-мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами и т. под. А одинъ изъ приближенныхъ Несторія е. Дороѳей дошелъ даже до такой смѣлости, что воскликнулъ въ храмѣ: „кто скажетъ, что Марія матерь Бога,—анаѳема!" Понятно какое раздраженіе противъ Несторія должно было возникнуть въ столицѣ послѣ такихъ заявленій. Лица духовныя еще сдерживались фанатическою суровостію патріарха, который не стѣснялся подвергать бичеванію или извергать изъ клира людей, подсудныхъ ему, но не со-

гласныхъ съ нимъ. Какъ на безнаказанный, хотя и косвенный протестъ противъ догматствованія Несторіева можно указать на панегирическую проповѣдь епископа Прокла на одинъ изъ Богородичныхъ праздниковъ (вѣроятно на 25 марта 429 г.), наполненную похвалами Богоматери. Міряне, почитатели св. Приснодѣвы, были смѣлѣе. Особенно отважно выступалъ противъ Несторія одинъ адвокатъ, по имени Евсевій (впослѣдствіи епископъ дорилейскій), который даже опубликовалъ тезисы, въ коихъ сравнивалъ ученіе Несторія съ осужденнымъ церковію ученіемъ еретика III вѣка Павла самосатскаго. Впрочемъ подобные противники не были страшны Несторію, доколѣ на его сторонѣ стоялъ императоръ, императрица и важнѣйшіе сановники дворца. Противъ Несторія была только сестра императора Пулхерія, впрочемъ почти потерявшая къ тому времени вліяніе и на своего брата и на дѣла имперіи. Позднѣйшее извѣстіе сообщаетъ, что Несторій вооружилъ противъ себя Пулхерію, укоривъ дѣвственную царевну за ея платоническія чувства къ одному вельможѣ.

Не изъ Константинополя, а изъ Александріи поразилъ Несторія первый ударъ. На александрійской патріаршей каѳедрѣ сидѣлъ тогда св. Кириллъ, племянникъ предшествующаго патріарха Ѳеофила,—человѣкъ, умѣвшій очень мягко говорить и очень круто дѣйствовать. Кириллъ уже заявилъ твердость и рѣзкость своего характера изгнаніемъ іудеевъ изъ Александріи и борьбою съ префектомъ Александріи Орестомъ. Значительное число подчиненныхъ епископовъ, множество послушныхъ Кириллу монаховъ и находившихся въ его распоряженіи *параболанъ* (санитаровъ), а равно и богатства александрійской каѳедры, наслѣдованныя послѣ разрушенныхъ языческихъ капищъ, дѣлали св. Кирилла лицомъ весьма сильнымъ и вліятельнымъ не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Предъубѣжденіе противъ столичной каѳедры, внушаемое отчасти духомъ соперничества, было наслѣдовано Кирилломъ отъ дяди и предшественника. Если съ трудомъ согласился св. Кириллъ на посмертное оправданіе св. Іоанна Златоустаго, то само собою разумѣется, что александрійскій первосвященникъ не могъ покрывать снисхожденіемъ дѣйствительныя вины патріарха столичнаго. Получивъ извѣстіе о еретическихъ обнаруженіяхъ Несторія, св. Кириллъ не сталъ безмолвствовать. Онъ немедленно отправилъ по этому вопросу письма къ императору Ѳеодосію съ супругою, къ самому Несторію, къ сестрѣ императора августѣ Пулхеріи, къ рим-

скому папѣ Целестину, къ антіохійскому патріарху Іоанну, и къ старѣйшему изъ тогдашнихъ восточныхъ іерарховъ Акакію берійскому. Самая обширность этой переписки говоритъ о томъ, какъ горячо св. Кирилъ отнесся къ еретичеству Несторія. Но не всѣ письма были приняты одинаково. Несторій во внушительныхъ письмахъ св. Кирилла увидѣлъ ничто иное, какъ выраженіе личной вражды къ себѣ и имѣлъ нѣкоторое основаніе думать такъ, потому что спорныя мнѣнія, отъ которыхъ св. Кириллъ предлагалъ отречься Несторію, были изложены первымъ въ формѣ 12 анаѳематизмовъ. Императоръ также отнесся къ перепискѣ св. Кирилла съ предъубѣжденіемъ, обративъ особенное вниманіе на то, что Кириллъ писалъ особо ему съ императрицею и—особо его сестрѣ, августѣ Пулхеріи. „Ты знай,“ писалъ императоръ, „что ты все смутилъ, какъ не слѣдовало бы. И нисколько не дивно, что преступившій мѣру не остановился въ нападеніи на церкви и священниковъ, но и относительно насъ повѣрилъ кое-чему, недостойному нашего благочестія. Ибо, какая была причина—иное писать къ намъ и къ супругѣ моей благочестивѣйшей августѣ Евдокіи, и—иное къ сестрѣ моей, благочестивѣйшей августѣ Пулхеріи, если ты не думалъ, что мы находимся въ разногласіи или надѣялся произвести разномысліе между нами—письмами своими? Если бы такое разномысліе и было на самомъ дѣлѣ, то изъ любопытства узнавать о немъ человѣку, столько отъ насъ отдаленному, совершенно предосудительно. А если не было разногласія, то желать произвесть его свойственнѣе всякому другому, чѣмъ лицу священному“.

Напротивъ того, другой соперникъ константинопольской каѳедры, римскій папа Целестинъ сочувственно отнесся къ борьбѣ св. Кирилла противъ Несторія, и уполномочилъ александрійскаго патріарха быть въ этой борьбѣ своимъ представителемъ. Антіохійскій патріархъ Іоаннъ держался направленія примирительнаго и склонялъ Несторія уступить, особенно въ употребленіи слова Θεοτοκος. Таково было настроеніе вліятельнѣйшихъ лицъ христіанскаго міра, когда появилась императорская грамота, созывавшая епископовъ на соборъ въ Ефесѣ ко дню пятидесятницы (7 іюня) 431 года. Особенно усердно былъ приглашаемъ на соборъ блаж. Августинъ, е. иппонійскій, но пригласительная царская грамота уже не застала въ живыхъ великаго западнаго учителя (+28 августа 430 г.), голосъ котораго на соборѣ—быть можетъ—имѣлъ бы очень важное значеніе.

Два главныхъ противника св. Кириллъ и Несторій еще до собора

размѣнялись анаѳематизмами и анти-анаѳематизмами, въ которыхъ высказали открыто и рѣшительно свое разногласіе. Оба они надѣялись одержать побѣду и потому явились на соборъ заблаговременно. Несторій надѣялся на поддержку императора и придворныхъ вельможъ, Кириллъ — на общее сочувствіе христіанскаго народа и большинства іерархіи. Несторія сопровождало 16 епископовъ и другъ его вельможа Ириней; Кириллъ прибылъ въ сопровожденіи 50 епископовъ и множества египетскихъ монаховъ, параболанъ и александрійцевъ. Такъ какъ Ефесъ считался мѣстопребываніемъ Богоматери въ послѣдніе годы ея жизни и городомъ, состоящимъ подъ ея особеннымъ покровительствомъ, то мѣстный епископъ Мемнонъ рѣшительно сталъ на сторону св. Кирилла, какъ защитника Пресвятой Дѣвы. Антіохійскій патріархъ Іоаннъ не спѣшилъ на соборъ. Прибылъ уже императорскій коммиссаръ комитъ Кандидіанъ, который, не вмѣшиваясь въ споры, долженъ быть представлять собою на соборѣ особу императора; прошелъ назначенный для открытія собора день пятидесятницы (7 іюня), прошло еще около двухъ недѣль, а Іоаннъ съ своими епископами, хотя и приближался къ Ефесу малыми переходами, хотя и прислалъ на соборъ нѣсколькихъ передовыхъ епископовъ (въ томъ числѣ Ѳеодорита кирскаго), но самъ еще не являлся. Вмѣстѣ съ Гефеле можемъ думать, что замедленіе Іоанна было намѣренное. „Вѣроятно“, разсуждаетъ Гефеле, „патріарху Іоанну не хотѣлось лично присутствовать при осужденіи своего прежняго клирика и друга Несторія“. Но послѣдующая исторія показала, что Іоаннъ вовсе не былъ такъ безучастенъ къ Несторію и не считалъ его дѣла въ такой степени безнадежнымъ; поэтому мы считаемъ нужнымъ предположить другую причину замедленія патріарха антіохійскаго. Іоаннъ вѣроятно разсчитывалъ, что на первыхъ соборныхъ засѣданіяхъ Кириллъ и Несторій вступятъ между собою въ борьбу съ равными силами и убѣдятся только въ невозможности одолѣть другъ друга; и желалъ явиться на соборѣ съ своими епископами въ то время, когда противныя стороны, утомленныя безполезными преніями, охотнѣе поддадутся его примирительнымъ усиліямъ, согласнымъ конечно и съ волею императора, созвавшаго соборъ. Но если Іоаннъ разсчитывалъ такимъ образомъ, то онъ вдвойнѣ ошибался. Во 1-хъ разногласіе между Кирилломъ и Несторіемъ было не таково, чтобы подлежало примиренію. Споръ шелъ не о словахъ только. Дѣло шло о цѣлой системѣ христіанскаго вѣроученія, которая не мирилась съ

словомъ Θεότοκος. Это слово,—по выраженію одного западнаго ученаго, —было какъ бы *шибболетъ* (Суд. 12, 6), отличительная примѣта праваго вѣроученія,—и имѣло въ догматическихъ спорахъ V вѣка туже силу, какую въ аріанскихъ спорахъ имѣло слово ὁμοούσιος. Какъ св. Аѳанасій твердою защитою слова ὁμοούσιος отстоялъ христіанское ученіе о божествѣ Слова, такъ св. Кириллъ твердою защитою слова Θεότοκος отстаивалъ православное ученіе о вочеловѣченіи Слова. Современники понимали это, когда называли св. Кирилла *вторымъ Аѳанасіемъ*. Если бы даже Несторій согласился на уступки, то Кириллъ также заподозрилъ бы его искренность, какъ въ свое время св. Аѳанасій не вѣрилъ искренности аріанъ, формальнымъ образомъ принимавшихъ никейскій символъ съ своими подразумѣваніями. Во 2-хъ Іоаннъ не принялъ во вниманіе рѣшительнаго характера св. Кирилла, и никакъ не ожидалъ, что св. Кириллъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сразу кончитъ борьбу съ Несторіемъ однимъ сильнымъ ударомъ. Но случилось именно то, чего не ожидалъ патріархъ антіохійскій, если дѣйствительно предлагалъ Кириллу начать соборныя засѣданія до его прибытія.

Въ понедѣльникъ 22 іюня 431 г. утромъ св. Кириллъ, Мемнонъ епископъ ефесскій и другіе православные епископы, числомъ не менѣе 160, собрались въ ефесскомъ соборномъ храмѣ Богоматери съ цѣлію открыть соборныя засѣданія. Тщетно 68 епископовъ иного образа мыслей протестовали противъ открытія собора до прибытія Іоанна антіохійскаго съ восточными епископами. Тщетно императорскій комитъ Кандидіанъ являлся въ храмъ Богоматери, именемъ императора убѣждая собравшихся епископовъ разойтись. Появленіе Кандидіана послужило только къ тому, что епископы просили его прочесть *священную грамату*, т. е. царскій указъ, излагавшій права и обязанности коммиссара на соборѣ, и за тѣмъ предложили свѣтлѣйшему комиту удалиться, заявивъ, что будутъ имѣть разсужденіе о вѣрѣ. Прочтеніе царской грамоты было признано какъ достаточная формальность, обозначившая собою легальное начало собора. Такъ какъ соборъ состоялъ изъ лицъ, совершенно единомышленныхъ, то на немъ не могло быть не борьбы, ни недоумѣній, ни задержекъ. Когда Несторій послѣ троекратнаго приглашенія отказался придти на соборъ, гдѣ онъ съ своими сторонниками составлялъ бы только ничтожное меньшинство, то рѣшено было судить еретика заочно. Прочтенъ былъ никейскій сим-

вомъ, переписка св. Кирилла съ Несторіемъ и по дѣлу Несторія, выслушаны словесныя заявленія нѣкоторыхъ епископовъ относительно еретичества Несторія, и въ концѣ концовъ епископы произнесли противъ Несторія „хотя не безъ горькихъ слезъ слѣдующее горестное опредѣленіе“: *Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго.*

Все это было дѣломъ одного соборнаго засѣданія, продолжавшагося цѣлый день до глубокой ночи. Толпы народа восторженно привѣтствовали расходившихся съ собора защитниковъ пресвятой Дѣвы и озаряли путь ихъ свѣтильниками. На другой день (23 іюня) опубликованъ былъ соборный приговоръ *Несторію новому Іудѣ*, низлагавшій его и лишавшій всякой церковной степени.

Вышеизложенное первое засѣданіе и представляетъ собою то, что̀ извѣстно въ исторіи подъ именемъ *третьяго вселенскаго собора*. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было еще шесть засѣданій въ присутствіи прибывшихъ вскорѣ легатовъ римскихъ, но эти засѣданія не имѣютъ такого значенія, какъ первое, и главнымъ образомъ посвящены оправданію и защитѣ того, что̀ сдѣлано на первомъ засѣданіи. Скоро оказалось, что отстоять *дѣяніе* соборнаго засѣданія 22 іюня—было гораздо труднѣе, чѣмъ составить оное. Несторій тотчасъ же послалъ императору жалобу на Кирилла и Мемнона, какъ открывшихъ соборъ самовольно, вопреки настояніямъ императорскаго коммиссара Кандидіана. Іоаннъ антіохійскій, прибывъ въ Ефесъ уже послѣ приговора надъ Несторіемъ и обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ выступить въ качествѣ посредника и примирителя, естественно былъ крайне огорченъ. Ему оставалось или присоединиться къ рѣшенію собора, состоявшемуся безъ его участія,—или попытаться передѣлать все съизнова совмѣстно съ своими восточными епископами. Сомнѣнія въ выборѣ быть не могло. Чувства старой пріязни къ Несторію и досады на Кирилла, совѣты раздраженныхъ противниковъ Кирилла, надежда на поддержку со стороны свѣтской власти побудили Іоанна рѣшиться составить отдѣльный соборъ, который естественно долженъ былъ стать въ оппозицію къ собору, состоявшему подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла. Такимъ образомъ одновременно въ одномъ городѣ образовалось два собора епископовъ, враждебные другъ къ другу,—изъ которыхъ каждый считалъ себя святымъ, православнымъ, вселенскимъ и собравшимся

на основаніи одной и той-же пригласительной царской грамоты. Численность обоихъ соборовъ была не одинакова. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было болѣе 200 епископовъ; соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна едва насчитывалъ 43 членовъ. Желая ослабить это неблагопріятное для себя обстоятельство, Іоаннъ и его сторонники въ посланіи къ императору такъ отзываются о членахъ собора Кириллова: „Пришло 50 изъ Египта, 40 подъ предводительствомъ Мемнона-тирана (т. е. епископа ефесскаго) изъ Азіи, 12 еретиковъ изъ Памфиліи, называемыхъ мессаліанами, и т. д.; всѣ они составляютъ толпу, не знающую божественныхъ догматовъ и способную только производить шумъ и возмущеніе". И еще: „вышеупомянутые (т. е. Кириллъ и Мемнонъ) пришли со множествомъ, уповая на него только, а не на истину и правоту догматовъ, и множествомъ хотятъ достигнуть исполненія своихъ намѣреній, выиграть дѣло множествомъ подписей. Но мы, повинуясь вашему велѣнію и убѣжденные, что и немногихъ людей достаточно для изслѣдованія догматовъ, пришли сюда только трое отъ каждой провинціи".—Мѣсто для засѣданій того и другого собора тоже было не одинаково. Соборъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла засѣдалъ въ великолѣпномъ храмѣ Богоматери: для Іоанна же и восточныхъ епископовъ негостепріимнымъ хозяиномъ Мемнономъ епископомъ ефесскимъ были закрыты всѣ храмы и священныя зданія. Наконецъ и содержаніе опредѣленій того и другого собора служитъ прежде всего выраженіемъ личной непріязни членовъ. Іоаннъ съ восточными епископами низложилъ Кирилла и Мемнона, съ лишеніемъ епископства и отлученіемъ отъ всякаго церковнаго священнаго дѣйствія, *какъ зачинщиковъ и вождей всякаго безпорядка и беззаконія*, и отлучалъ прочихъ участниковъ собора, пока не раскаются. Соборъ Кирилла съ своей стороны отлучилъ Іоанна и восточныхъ епископовъ.

Императоръ Ѳеодосій, получивъ вмѣсто одного собора два, и притомъ взаимно противоположные, естественно оказался въ крайнемъ затрудненіи. Борьба, которую вели Кириллъ и Іоаннъ и ихъ сторонники въ Ефесѣ, была перенесена ко двору и депутаты отъ обоихъ соборовъ были вызваны въ Халкидонъ для личныхъ объясненій предъ императоромъ. На сторонѣ Кирилла стояли сестра императора Пулхерія и множество столичныхъ иноковъ и клириковъ; на сторонѣ Іоанна—многіе знатнѣйшіе сановники двора. Слабодушный императоръ склонялся то на ту, то на другую сторону. Сначала онъ былъ предубѣжденъ противъ Кирилла

и, предполагая возможнымъ изъ двухъ соборовъ составить одинъ, приказалъ взять подъ стражу вождей противоположныхъ сторонъ, съ одной стороны Кирилла и Мемнона, а съ другой—Несторія. Но потомъ мало по малу мысли императора склонились въ пользу опредѣленія, состоявшагося на первомъ засѣданіи ефесскаго собора. Подъ какими вліяніями совершилась эта перемѣна,—опредѣлить трудно. Несомнѣнно, что много помогли въ этомъ случаѣ константинопольскіе иноки, которые, имѣя во главѣ престарѣлаго архимандрита Далмата, до этого случая 48 лѣтъ не выходившаго изъ монастыря, отправлялись при пѣніи антифоновъ и въ сопровожденіи толпы народа къ царскому дворцу, чтобы склонить самодержца на защиту Приснодѣвы. Но употреблялись и иныя средства. „Приверженцы Кирилла,“ писали восточные епископы, отправившіеся депутатами къ императору отъ собора Іоаннова, „всѣхъ увлекли насиліемъ, обманомъ, ласкательствомъ, *дарами*.“ Останавливаясь на послѣднемъ пунктѣ обвиненія, который подтверждается достовѣрными свидѣтельствами, мы можемъ повторить слѣдующее замѣчаніе Гефеле: „о дарахъ Кирилла нужно судить не по нашимъ, а по восточнымъ правамъ и понятіямъ. Тамъ никто безъ подарка не смѣетъ обратиться къ высокопоставленному лицу, какъ бы ни была справедлива просьба. Подарки на востокѣ неизбѣжны, но не всѣ подарки суть подкупы: нужно дарить и для того, чтобы провести правое дѣло.“ Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ императоръ распустилъ ефесскій соборъ. То, что было сдѣлано подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, осталось непарушимымъ. Освобожденный изъ-подъ стражи, св. Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября 431 г. и городъ принялъ его съ величайшимъ восторгомъ и честію.

Не такова была судьба Несторія. Императоръ, который такъ горячо защищалъ его прежде, совершенно охладѣлъ къ нему, когда увидалъ, что эта защита безполезна и возбуждаетъ противодѣйствіе въ народѣ и большинствѣ іерархіи. Участь Несторія становилась все хуже и хуже. Сначала онъ былъ отправленъ на жительство въ монастырь св. Евпренія близъ Антіохіи, откуда вышелъ на патріаршество,—потомъ по указу императора присужденъ ко всегдашнему изгнанію въ Петру (въ Аравіи); сочиненія его обречены на сожженіе, а послѣдователи наименованы *симоніанами* въ память Симона волхва, съ которымъ впрочемъ Несторій не имѣлъ ничего общаго. Злоключенія Несторія этимъ не кончились. Скоро онъ былъ переведенъ въ такъ на-

называемый *большой оазисъ*, находившійся на краю пустыни, въ патріархатѣ его недруга св. Кирилла, былъ захваченъ въ плѣнъ пустынными кочевниками *блеммiями*, отпущенъ ими на произволъ судьбы, какъ человѣкъ старый и ни къ чему негодный, самъ прибрелъ на границы имперіи и сдался пограничному чиновнику, который, не имѣя никакихъ инструкцій о Несторіѣ, переводилъ его съ мѣста на мѣсто, доколѣ наконецъ Несторій не умеръ отъ старости и изнуренія, испытавъ на себѣ всю тягость религіозныхъ преслѣдованій, къ которымъ онъ во время своего благополучія такъ настойчиво приглашалъ свѣтское правительство.

Распуская ефесскій соборъ, и. Ѳеодосій не могъ не сознать, что успокоеніе церкви рѣшительно не достигнуто. Сторонники и противники св. Кирилла оставили Ефесъ во взаимномъ другъ противъ друга раздраженіи. Восточные епископы на возвратномъ пути составили между собою въ Тарсѣ одинъ, а достигши Антіохіи—другой соборъ, гдѣ постановили снова низложить Кирилла и протестовали противъ низложенія Несторія. Въ такомъ положеніи дѣло оставаться не могло и императоръ долженъ былъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать образованію великаго раскола. Разъ ставши на сторону Кирилла, императоръ естественно долженъ былъ оказать давленіе на восточныхъ епископовъ, чтобы побудить ихъ къ миру и единенію съ Кирилломъ. Посланный отъ императора трибунъ Аристолай объявилъ и Кириллу, и Іоанну непремѣнную волю самодержца, *чтобы всякая распря была прекращена и вездѣ водворился миръ церквей Божіихъ.* Такъ какъ обѣ стороны основнымъ базисомъ для своего догматствованія полагали никейскій символъ, то соглашеніе между ними на почвѣ догматической было возможно и дѣйствительно состоялось,—при чемъ восточные епископы пожертвовали своимъ сочувствіемъ къ Несторію и—скрѣпя сердце—вступили въ общеніе съ св. Кирилломъ. Соединеніе въ догматствованіи было засвидѣтельствовано перепискою между Іоанномъ и св. Кирилломъ,—но чувство личнаго раздраженія осталось и впослѣдствіи чрезъ 12 лѣтъ, когда скончался св. Кириллъ († 444 г.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ восточныхъ епископовъ блаженный Ѳеодоритъ кирскій напутствовалъ александрійскаго святителя слѣдующимъ некрологомъ. „Наконецъ поздно и насилу умеръ злой человѣкъ. Ибо добрые и благодѣтельные переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго Правитель душъ нашихъ не оставилъ

подобно другимъ долѣе наслаждаться тѣмъ, что́ правится,—но, зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую тѣлу церкви, отрѣзалъ какъ бы какую-нибудь язву и отъялъ поношеніе отъ сыновъ Израиля. Отшествіе его обрадовало живыхъ, но опечалило—быть можетъ—умершихъ, и можно опасаться, какъ бы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ, или какъ бы онъ не убѣжалъ отъ провожатыхъ, подобно тирану циника Лукіана. Итакъ нужно позаботиться и какъ можно поскорѣе приказать общинѣ могильщиковъ—положить какой-нибудь величайшій и тажелѣйшій камень на могилу Кирилла, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и пусть тамъ разглагольствуетъ днемъ и ночью, какъ хочетъ. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такой заразы; но печалюсь и рыдаю, помышляя, что онъ, жалкій, не успокоился отъ золъ, но умеръ, покушаясь на большія и худшія. Но Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы, и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ". Спустя слишкомъ сто лѣтъ, когда канонизація св. Кирилла и значеніе ефескаго собора, какъ III-го вселенскаго, достаточно утвердились въ церковномъ сознаніи, императоръ Юстиніанъ подвергъ церковному суду Ѳеодорита и другихъ давно умершихъ уже противниковъ св. Кирилла, позволявшихъ себѣ противъ него рѣзкія литературныя выходки,—которыя и осуждены были на V вселенскомъ соборѣ.

Гражданскія дѣла восточной имперіи и благосостояніе ея жителей въ 42-лѣтнее царствованіе Ѳеодосія были довольно удовлетворительны. Правда бывалъ и голодъ, (422, 423, 431 г.) и моръ, (446 г.) и землетрясенія, (422, 423, 437, 447, и 450 г.) и пожары (433, 446 г.); была и война съ персами, начатая въ защиту персидскихъ христіанъ и окончившаяся довольно удачно (422 г.). Появился на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи *бичь Божій*, предводитель гунновъ Аттила.—Гунны находились тогда въ такомъ же отношеніи къ восточной римской имперіи, въ какомъ нынѣ русскіе—къ Турціи; то есть могли вторгнуться въ имперію и съ европейской и съ азіатской стороны. При отцѣ Ѳеодосія Аркадіи гунны дѣйствительно произвели опустошительный набѣгъ на азіатскія области восточной имперіи, а при Ѳеодосіѣ напали

на нее съ европейской стороны (443 и слѣд. г.) и нанесли войскамъ Θеодосія сильное пораженіе при Херсонесѣ оракійскомъ (447 г.) Отбиваться отъ гунновъ можно было только при помощи своихъ домашнихъ варваровъ готовъ,—что представляло также своего рода неудобства. Θеодосій предпочиталъ откупаться отъ Аттилы золотомъ, и однажды пытался даже избавиться отъ гуннскаго вождя съ помощію наемнаго убійцы,—(448 г.) но неудачно. Но всѣ бѣдствія и опасности восточной имперіи были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ какомъ находилась тогда западная римская имперія.

Неспособный дядя Θеодосія младшаго, западный императоръ Гонорій, умертвивъ (408) своего опекуна Стилихона, единственнаго человѣка, могшаго спасти имперію, принужденъ былъ изъ укрѣпленной Равенны сложа руки смотрѣть, какъ готы подъ начальствомъ Алариха въ 410 г. взяли и разграбили Римъ. Преемникъ Алариха Атаульфъ заставилъ Гонорія выдать за него сестру свою Плацидію. По смерти Атаульфа (410) Плацидія вышла замужъ за военачальника Констанція, который принялъ титулъ *августа* (421 г.) Овдовѣвъ во второй разъ, Плацидія разсорилась съ своимъ братомъ Гоноріемъ и принуждена была удалиться съ своими дѣтьми въ Константинополь. Θеодосій младшій принялъ тетку любезно, помогъ ей послѣ скорой смерти Гонорія (423 г.) возвратиться въ Италію и воцариться въ западной римской имперіи вмѣстѣ съ 6-тилѣтнимъ сыномъ Валентиніаномъ III-мъ, который былъ обрученъ съ единственною дочерью Θеодосія. Царствованіе Плацидіи наполнено кровавою исторіей борьбы двухъ полководцевъ Аэція и Бонифація. Оба они были люди съ достоинствами, но взаимная вражда заставляла ихъ совершенно забывать объ интересахъ государства, которому оба они должны были служить. Бонифацій, приводимый Аэціемъ въ немилость у императрицы, пригласилъ вандаловъ въ Африку, и они опустошили Карѳагенъ и другіе африканскіе города съ такою звѣрскою жестокостію, что совсѣмъ почти исключили изъ предѣловъ христіанства и цивилизаціи эти нѣкогда цвѣтущія мѣста, гдѣ жили и учили Тертулліанъ, Кипріанъ и Августинъ. Примирившись за тѣмъ съ императрицею, Бонифацій не могъ уже изгнать вандаловъ изъ Африки, но вмѣсто того имѣлъ битву съ Аэціемъ, въ которой былъ смертельно раненъ (432). Потерявъ Бонифація, Плацидія должна была снова довѣриться Аэцію, помощь котораго была существенно необходима, потому что имперіи грозилъ страшный Аттила. Здѣсь исторія усложняется

однимъ обстоятельствомъ романическаго свойства. Дочь Плацидіи Гонорія отличалась страстною натурою, и потому мать поступала съ нею необыкновенно строго. Наконецъ Гонорія получила титулъ *августы*, но подъ условіемъ оставаться безбрачною всю жизнь. Чтобы избавиться отъ тяжкаго надзора, Гонорія предложила царю гунновъ свою руку, пославъ ему кольцо. Аттила потребовалъ отъ западнаго императора Валентиніана не только согласія на бракъ, но и часть имперіи въ приданное за Гоноріею и, получивъ отказъ, двинулся на западъ. Въ Галліи на поляхъ Каталаунскихъ въ 451 г. произошла кровопролитная битва, вончившаяся тѣмъ, что гунны и ихъ союзники были отбиты. Въ слѣдующемъ 452 году Аттила двинулся въ Италію, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и болѣзни, постигшія гунновъ въ нездоровыхъ мѣстностяхъ на берегахъ рѣки По, были причиною того, что Аттила послушался увѣщаній посланнаго къ нему для переговоровъ римскаго папы Льва и рѣшился возвратиться въ Паннонію. Преданіе объясняетъ это чудомъ и говоритъ, что, по молитвамъ папы Льва, Аттилѣ явились апостолы Петръ и Павелъ, и угрожали ему судьбою Алариха, умершаго вскорѣ послѣ разграбленія Рима, если онъ пойдетъ къ Риму. Къ счастію для имперіи, Аттила умеръ на слѣдующій (453) годъ.

Въ 454 г. имп. Валентиніанъ собственноручно убилъ знаменитаго полководца Аэція, а въ слѣдующемъ году и самъ погибъ отъ руки одного изъ придворныхъ Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и насильно взялъ за себя Евдоксію, вдову Валентиніана и дочь Ѳеодосія. Евдоксія обратилась съ просьбою о помощи къ королю вандаловъ Гейзериху, который не замедлилъ явиться въ устьяхъ Тибра, разсчитывая на богатую добычу. Посольство папы Льва, нѣкогда убѣдившаго Аттилу возвратиться во-свояси, не могло остановить царя вандаловъ. 14 дней вандалы грабили Римъ, захватили съ собою множество сокровищъ и произведеній искусства, (бо́льшая часть которыхъ погибла во время морскаго пути въ Африку) и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ была и императрица Евдоксія съ своими дочерьми. Имп. Ѳеодосій II не дожилъ до несчастія видѣть свою единственную дочь плѣнницею вандаловъ, но дожила до этого ея мать Аѳинаида—Евдокія.

Изъ внутреннихъ дѣлъ правленія Ѳеодосія наиболѣе замѣчательны: устройство высшаго училища въ Константинополѣ и изданіе кодекса законовъ. Намъ нужно бы разсказать здѣсь еще о ереси Евти-

хія, обнаружившейся въ концѣ царствованія Θеодосія, но, чтобы не нарушать цѣльности разсказа, мы относимъ повѣствованіе о монофизитскихъ спорахъ къ слѣдующему царствованію, когда они получили завереніе на соборѣ халкидонскомъ.

Императоръ Маркіанъ—супругъ Пулхеріи (450—457). IV вселенскій соборъ въ Халкидонѣ.

Въ 450 г. Θеодосію младшему минулъ 51 годъ. Благодаря умѣренной жизни Θеодосій былъ бодръ и крѣпокъ и могъ надѣяться на долголѣтіе: но нечаянное приключеніе было причиною его смерти. Возвращаясь 20 іюня съ богомолья, императоръ упалъ съ лошади, переломилъ себѣ спинной хребетъ и умеръ на слѣдующую же ночь. Не смотря на кротость императора, нельзя думать, чтобы подданные много жалѣли о его смерти. Люди, слабые умомъ и характеромъ, никогда не бываютъ такъ жалки и вмѣстѣ вредны, какъ въ то время, когда мечтаютъ дѣйствовать самостоятельно. Это случилось и съ Θеодосіемъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ удалилъ отъ себя двухъ талантливыхъ женщинъ, составлявшихъ силу и украшеніе его царственнаго дома, жену Евдокію и сестру Пулхерію, и довѣрился евнухамъ, изъ коихъ особенно извѣстны Антіохъ и Хрисаоій, отличавшіеся духомъ грабительства. Во внѣшней политикѣ Θеодосія обнаружилась робость и низость (къ этому времени относится попытка убить Аттилу чрезъ подкупнаго убійцу); въ церковныхъ дѣлахъ—склоненіе къ ереси. Даже въ сферѣ столичныхъ развлеченій, доставляемыхъ ипподромомъ, Θеодосій обнаружилъ одностороннее пристрастіе къ *зеленымъ* и несправедливое притѣсненіе *голубыхъ*.

Θеодосій не оставилъ послѣ себя наслѣдника. Изъ двухъ царственныхъ женщинъ, имѣвшихъ права на престолъ, Евдокія давно уже жила въ почетной ссылкѣ, предаваясь подвигамъ благочестія на святыхъ мѣстахъ Палестины; Пулхерія также находилась въ сторонѣ отъ дѣлъ, будучи заключена Хрисафіемъ въ монастырь, но она по крайней мѣрѣ жила въ столицѣ и имѣла въ свою пользу народную память о ея прежнемъ благополучномъ управленіи. Какъ бы то ни было, но Пулхерія воцарилась и однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея была казнь евнуха Хрисафія. Другимъ дѣломъ немедленно по воцареніи было избраніе народу царя и себѣ супруга. Обѣтъ дѣвства и преклонныя

лѣта Пулхеріи (52 года) не позволяли ей избрать супруга дѣйствительнаго. Нуженъ былъ супругъ номинальный. Удобнымъ для этой цѣли оказался вдовый, благочестивый и очень не молодой военачальникъ Маркіанъ, которому Пулхерія отдала корону и свою руку съ условіемъ быть ея мужемъ только по имени. Необыкновенное и неожиданное возвышеніе Маркіана дало поводъ къ составленію разныхъ, наполняющихъ греческіе хронографы, легендъ о чудесныхъ приключеніяхъ, якобы предзнаменовавшихъ его будущее величіе. Но послѣдующая исторія показала, что тайна возвышенія Маркіанова заключалась не въ чудесныхъ предзнаменованіяхъ, а въ его благородномъ и мужественномъ характерѣ, который былъ вѣрно оцѣненъ Пулхеріею.

Для характеристики Маркіана достаточно привести два его изреченія, опредѣлявшія его внѣшнюю политику. *Государь*, говорилъ Маркіанъ, *долженъ воевать только тогда, когда нѣтъ возможности сохранить миръ*. Но тотъ же Маркіанъ на высокомѣрное требованіе Аттилы относительно уплаты дани отвѣчалъ, что у него *есть золото для друзей, и мечь для враговъ*, и гордый варваръ не рѣшился напасть на византійскую имперію.

Въ церковной исторіи Маркіанъ съ Пулхеріею особенно знаменитъ созваніемъ IV вселенскаго собора, для осужденія ереси монофизитской. Чтобы выяснить исторію этой ереси, нужно начать разсказъ съ послѣднихъ годовъ царствованія Ѳеодосія II. Основатель монофизитской ереси Евтихій представляетъ собою любопытный образчикъ еретика по неволѣ. Евтихій былъ старый монахъ, носившій званіе архимандрита, заключившійся въ стѣнахъ одного столичнаго монастыря, оказавшій ревность по православію во время ереси Несторіевой и вѣроятно и во снѣ не мечтавшій самъ сдѣлаться когда-либо ересеначальникомъ. Но обстоятельства, которыя бываютъ сильнѣе человѣка, выдвинули Евтихія противъ его воли на историческую сцену и доставили ему громкую и печальную извѣстность. Въ исторіи Несторія намъ памятенъ адвокатъ Евсевій, бывшій по своей охотѣ горячимъ оппонентомъ Несторія. Впослѣдствіи этотъ Евсевій сдѣлался епископомъ дорилейскимъ, но не утратилъ своихъ адвокатскихъ наклонностей, т. е. охоты къ возбужденію судебныхъ преслѣдованій. Этотъ-то Евсевій и поднялъ дѣло о ереси Евтихія. Въ 448 г. въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ столичнаго патріарха Флавіана имѣлъ свои засѣданія небольшой соборъ, состоявшій изъ 32 епископовъ и изъ нѣсколькихъ

архимандритовъ. Соборъ этотъ принадлежалъ къ числу обычныхъ епископскихъ собраній для совѣщанія о текущихъ церковныхъ дѣлахъ. На этомъ соборѣ Евсевій епископъ дорилейскій выступилъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „прикажите Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго.“ Евсевій объяснялъ при этомъ, что онъ былъ другомъ Евтихія и какъ другъ хорошо знаетъ образъ его мыслей, что по дружбѣ увѣщевалъ его не разъ и не два отстать отъ заблужденія, но безъ успѣха. На предложеніе членовъ собора еще разъ попытаться вразумить Евтихія частнымъ образомъ, Евсевій отвѣчалъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію это значитъ еще разъ заставить себя услышать хульныя рѣчи этого еретика (какъ будто, вызывая Евтихія на соборный судъ, Евсевій не долженъ былъ ожидать тогоже самаго).

Въ наше время не обратили бы вниманія на доносъ Евсевія, какъ на голословный и бездоказательный: много-много, если опредѣлили бы принять его на всякій случай къ свѣдѣнію. Но въ тотъ вѣкъ обвиненіе въ ереси было слишкомъ важно,—да и самъ Евсевій, какъ старый адвокатъ, былъ не такой человѣкъ, чтобы позволить не дать хода своему заявленію. „Мнѣ извѣстна ревность обличителя“, говорилъ предсѣдатель собора патріархъ Флавіанъ; „самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“. Какъ бы то ни было, но Евтихій былъ вызванъ на судъ собора. Сначала онъ отрекался идти, отзываясь, что онъ и старъ, и хилъ, и далъ обѣтъ жить въ монастырѣ, какъ въ гробѣ, и уполномочивая дружественнаго себѣ архимандрита Авраамія согласиться съ опредѣленіями никейскаго и ефесскаго соборовъ и съ изложеніемъ вѣры св. Кирилла;—наконецъ и самъ явился на соборъ. Во все время судопроизводства надъ Евтихіемъ, Евсевій находился въ крайнемъ волненіи, опасаясь, какъ бы не оказаться ложнымъ доносчикомъ. „Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедшее“, говорилъ Евсевій. „Теперь, еслибы кто-нибудь поднесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: *подпишись и согласись по необходимости*, то неужели поэтому долженъ я считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ темницѣ—*отнынѣ не разбойничайте*,—и всѣ они обѣщаются.“ „Если я окажусь клеветникомъ, то потеряю санъ,“ говорилъ Евсевій въ другой разъ. „Я боюсь гоненія отъ Евтихія: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ гро-

зить мнѣ ссылкою; онъ уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки (оазисъ въ Египтѣ)". Къ счастію для Евсевія и къ несчастію для церкви, Евтихій не выразилъ на соборѣ ни полнаго отрицанія приписываемой ему ереси, ни полнаго раскаянія въ ней; правда онъ соглашался съ догматствованіемъ отцовъ собора, но соглашался какъ то вяло и принужденно, выражаясь напримѣръ такъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это; потому что ваша святость такъ говоритъ:" Но соборъ не удовлетворился такимъ вынужденнымъ признаніемъ православія, и разсудивъ, что *по принужденію нѣтъ вѣры*, отлучилъ Евтихія отъ церкви, лишивъ его архимандритства и пресвитерства.

На доносы по дѣламъ церковнымъ, точно также какъ на доносы политическіе, можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Неудивительно, что нашлись люди, сожалѣвшіе о Евтихіѣ и считавшіе его жертвою неумѣстной ревности Евтихія. Да и самъ Евтихій, послѣ своего осужденія, быть можетъ разсудивъ, что ему уже терять болѣе нечего, рѣшился протестовать и искалъ себѣ опоры, гдѣ только могъ, у папы, у александрійскаго патріарха, у имп. Ѳеодосія. Надежда не обманула Евтихія. Императоръ Ѳеодосій созвалъ въ 449 г. для пересмотра дѣла Евтихіева большой соборъ въ Ефесѣ подъ предсѣдательствомъ Діоскора, патріарха александрійскаго [1]). Судьи Евтихія, Флавіанъ и Евсевій, явились на этомъ соборѣ-какъ подсудимые и были лишены епископства и священства, а Евтихію возвращено пресвитерство и архимандритство. Соборъ по причинѣ господствовавшаго на немъ пристрастія и насилія, носитъ въ церковной исторіи прозваніе *разбойничьяго*. Патріархъ константинопольскій Флавіанъ умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего осужденія,—какъ гласитъ преданіе, вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ему буйными монахами, бывшими на соборѣ. Если такъ, то удивительно, почему уцѣлѣлъ главный обвинитель Евтихія, Евсевій дорилейскій, противъ котораго на ефесскомъ соборѣ было сильное раздраженіе, выражавшееся въ возгласахъ: *возми*,

---

[1]) Во избѣжаніе жалобъ на неправильное и случайное составленіе большинства епископовъ, императоръ вызывалъ по 10 митрополитовъ и по 10 епископовъ изъ 6 провинцій имперіи: такимъ образомъ всѣхъ отцовъ собора имѣло быть 120. На дѣлѣ ихъ было 135.

сожги Евсевія! живой да сожжется, да разсѣченъ будетъ по поламъ и т. д.

Разбойничій соборъ не былъ признанъ римскою каѳедрою. Легаты римскіе не подписались подъ соборными опредѣленіями и скрылись съ собора бѣгствомъ. Римскій папа Левъ протестовалъ противъ собора разбойничьяго и требовалъ пересмотра его опредѣленій. Онъ самъ писалъ объ этомъ имп. Ѳеодосію младшему и убѣдилъ ходатайствовать о томъ же западнаго императора Валентиніана III, его мать Плацидію и жену его Евдоксію. Всѣ ходатайства были тщетны. Императоръ Ѳеодосій отвѣчалъ, что рѣшеніе собора Діоскорова правильно и неизмѣнно. Скорая и неожиданная смерть Ѳеодосія дала церковнымъ дѣламъ новый оборотъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на догматическую сторону церковныхъ споровъ, изложить которую съ надлежащею опредѣленностію довольно трудно, потому что догматическіе борцы, избѣгая обвиненія въ ереси, не имѣли мужества прямо высказывать всѣ логически вытекающіе изъ ихъ положеній выводы, и старались скрыть свои мысли въ туманѣ недомолвокъ и подразумѣваній. Основное положеніе, служившее исходнымъ пунктомъ для христологическихъ споровъ, должно быть обозначено такъ: „Христосъ Спаситель міра, Посредникъ между Богомъ и человѣками, есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ; ибо, только будучи Богомъ, онъ могъ понести на себѣ всю тяжесть грѣховъ человѣчества и, только будучи человѣкомъ, могъ усвоить людямъ искупительные плоды своихъ страданій.“ Таково было общее вѣрованіе и убѣжденіе всего христіанскаго міра. Но разногласіе возникало при обсужденіи болѣе частныхъ вопросовъ объ отношеніи во Христѣ двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго. Образъ соединенія ихъ во Христѣ всѣ признавали непостижимымъ. Но относительно мѣры и времени этого соединенія возможны были и давались въ дѣйствительности три отвѣта,—два крайнихъ и одинъ средній. Одни утверждали, что Христосъ былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ Богъ и прежде сталъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ. Таковъ былъ Несторій, утверждавшій, что онъ не можетъ признать Богомъ 2-хъ мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами. О времени, когда божество присоединилось въ Христѣ къ человѣчеству, Несторій умалчиваетъ, хотя съ своей точки зрѣнія онъ совершенно логически могъ утверждать вмѣстѣ съ древними ноостиками, что божество соединилось во Христѣ съ человѣчествомъ, напр.

въ моментъ крещенія. Другіе—такъ называемые *монофизиты*, исходя изъ идеи о несоизмѣримости человѣчества съ божествомъ, утверждали, что человѣчество по необходимости должно изчезнуть въ божествѣ, какъ изчезаетъ капля въ безмѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ осталось только одно естество божеское. Когда совершилось это,—монофизиты умалчиваютъ, но противники ихъ во имя идеи о вѣчности и творческой силѣ божества, не безъ основанія навязываютъ имъ мысль, якобы *Богъ Слово принесъ* съ собою *плоть съ неба*. — Между этими двумя крайностями средину занимало православное большинство, которое крѣпко держалось термина Θεότοκος, какъ своего знамени, и благоговѣйнымъ почитаніемъ Богоматери опредѣляло свое положеніе и свое догматизированіе во все время христологическихъ споровъ. Съ почитаніемъ Богоматери одинаково не мирилось какъ несторіанство, такъ и монофизитство. Достоинство пресвятой Дѣвы одинаково умалялось, а) если признавалось, что отъ нея родился Христосъ-человѣкъ, и б)—если признавалось, что Богъ-Слово, принесши плоть съ неба, имѣлъ ее—такъ сказать—фиктивною матерію. Благоговѣйное почитаніе Богоматери требовало признавать, что Христосъ былъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, и что оба естества совмѣщались въ немъ съ самаго момента непорочнаго зачатія. Если будемъ опредѣлять мѣстности, гдѣ господствовала несторіанская, монофизитская и православная догматика, то должны будемъ сказать, что въ антіохійскомъ патріархатѣ была наклонность къ несторіанству, въ александрійскомъ—къ монофизитству, а Римъ и Константинополь твердо держались православія и почитанія Богоматери. Если взглянемъ на отношеніе лицъ царствующаго дома къ христологическимъ спорамъ, то найдемъ, что Θеодосій младшій и его жена Евдоксія разновременно ударялись изъ одной крайности въ другую, изъ несторіанства—въ монофизитство, Пулхерія же постоянно, твердо и стойко держалась православія и почитанія Богометери. Понятно, какой оборотъ должно было принять дѣло монофизитовъ послѣ воцаренія Пулхеріи.

Римскій папа Левъ всегда былъ проповѣдникомъ средняго царскаго пути между несторіанствомъ и монофизитствомъ. Еще до собора Діоскорова въ іюнѣ 449 года папа Левъ такъ писалъ къ августѣ Пулхеріи: „сколько Несторій отпалъ отъ истины, когда утверждалъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи только человѣкомъ, столько же и

Евтихій удалился отъ каѳолическаго пути, когда не вѣритъ, чтобы отъ той же Дѣвы Маріи произошло наше существо, желая такимъ образомъ понимать, что оно было существо одного божескаго естества, такъ что... имѣло лишь нѣкоторое подобіе съ нашею природою, а самой дѣйствительности ея вовсе не содержало". Пулхерія и сама была совершенно однихъ мыслей съ папою Львомъ, но во время написанія вышеприведеннаго письма не имѣла никакой силы. Иное дѣло, когда она воцарилась вмѣстѣ съ Маркіаномъ. Образъ мыслей новыхъ властителей выразился прежде всего въ канонизаціи бывшаго патріарха к-скаго Флавіона, пострадавшаго на соборѣ Діоскоровомъ. Тѣло Флавіана было перенесено въ столицу и положено во храмѣ св. апостоловъ. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ въ маѣ 451 г. назначилъ собраніе епископовъ—къ 1 сентября того же года, но не въ Италіи, какъ желалъ этого папа Левъ, а въ Никеѣ. Изъ Никеи впрочемъ собраніе епископовъ было скоро переведено въ Халкидонъ поближе къ столицѣ, такъ какъ императоръ желалъ имѣть постоянныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ соборныхъ засѣданій. Неурядицы, бывшія на предшествующихъ соборахъ, особенно на Діоскоровомъ, оправдывали правительство въ его желаніи имѣть ближайшій надзоръ за ходомъ дѣлъ на соборѣ, и этотъ правительственный контроль сталъ обычнымъ на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ. Засѣданія собора начались 8 окт. 451 г. и продолжались по 1 ноября. Число епископовъ на халкидонскомъ соборѣ было весьма велико; и достигало вмѣстѣ съ епископскими уполномоченными до 630.—Но какъ замѣчательное нововведеніе можетъ быть отмѣчено то, что наряду съ епископами засѣдали съ правомъ голоса 17 императорскихъ вельможъ, имѣвшихъ весьма существенное вліяніе на ходъ соборныхъ засѣданій. Задача собора была тройная: судебная, догматическая и каноническая,—и во всѣхъ трехъ отношеніяхъ соборъ халкидонскій сдѣлалъ много важнаго.

а) Къ величайшему удивленію мы не видимъ на соборѣ Евтихія; онъ не вызванъ въ числѣ подсудимыхъ и даже имя его почти не

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ отцевъ халкидонскаго собора было 520; но соборнымъ дѣяніямъ можно насчитать только 360. Всѣ отцы собора были изъ восточной имперіи, кромѣ 4 папскихъ легатовъ и 2 случайныхъ пришельцевъ изъ Африки.

упоминается,—новое доказательство того, что Евтихій не былъ горячимъ ересіархомъ и пропагандистомъ ереси, а только еретикомъ по неволѣ, лицомъ второстепеннымъ, случайно попавшимъ въ исторію. Но неугомонный Евсевій, епископъ дорилейскій, первый поднявшій дѣло о Евтихіѣ, и теперь выступаетъ какъ обличитель противъ Діоскора, заявляя, что Діоскоръ оскорбилъ и *убилъ* его, равно какъ убилъ Флавіана, патр. к—скаго. Императорскіе сановники, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ дѣлопроизводства на соборѣ, предложили прочесть *дѣянія* собора константинопольскаго (448 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана, и собора ефесскаго (449 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Діоскора. При чтеніи этихъ *дѣяній* многіе епископы, бывшіе сами участниками ефесскаго собора, выяснили неправильный и насильственный образъ дѣйствій Діоскора, какъ предсѣдателя. „Сдѣлано было насиліе",—свидѣтельствовали епископы—„насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе Флавіана и Евсевія. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами, и мы были приведены въ страхъ ими. Гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ!" „Всѣ мы согрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія!" восклицали отцы бывшаго ефесскаго собора. Конечно, выясняя такимъ образомъ исторію ефесскаго собора, вышеупомянутые отцы и сами не обнаруживали въ себѣ присутствія высокихъ доблестей, и Діоскоръ съ приверженцами имѣлъ основаніе возразить имъ: „христіанинъ никого не боится!" и еще: „такъ какъ они говорятъ, что, не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться". Но для Діоскора отпаденіе его прежнихъ сообщниковъ имѣло роковое значеніе. Цѣлыми толпами оставляли его единомысленные прежде съ нимъ епископы и переходили съ правой стороны собора на лѣвую: съ Діоскоромъ осталось только нѣсколько египетскихъ епископовъ. Тщетно Діоскоръ сталъ бы искать для себя гдѣ-либо защиту и поддержку. Правительство было противъ него, такъ какъ имѣло свѣдѣнія, что Діоскоръ въ своемъ патріархатѣ старался противодѣйствовать воцаренію Маркіана; римская каѳедра, дотолѣ всегда поддерживавшая александрійскую, была также противъ Діоскора, ибо онъ на ефесскомъ соборѣ пренебрежительно отнесся къ папскимъ легатамъ, не допустилъ чтенія догматическаго посланія папы Льва и даже предалъ папу отлученію. Этого грѣха не могъ простить

и забыть папа Левъ. Къ довершенію несчастія Діоскорова, люди недовольные имъ въ его патріархатѣ нашли совершенно благовременнымъ и удобнымъ подать собору свои обвиненія и жалобы на Діоскора. Его обвиняли въ корыстолюбіи, жестокости и въ несообразной съ саномъ епископскимъ жизни. [1]) И Діоскоръ палъ подъ бременемъ общаго нерасположенія, конечно заслуженнаго. Онъ былъ осужденъ на лишеніе сана и сосланъ въ пафлагонскій городъ Гангры.

б) Установленіе правильнаго догматическаго опредѣленія по христологическому вопросу было второю задачею халкидонскаго собора. Догматическое посланіе папы Льва, которое было вовсе не читано на соборѣ Діоскоровомъ, теперь не только было прочитано, но легло въ основу соборнаго опредѣленія. Когда между членами собора возникли догматическія недоразумѣнія, въ настоящее время неизвѣстныя, а можетъ быть и въ свое время не выясненныя,—то императорскіе сановники предложили отцамъ собора категорическій вопросъ: „кому слѣдуете святѣйшему Льву или Діоскору?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ объединилъ членовъ собора. *Какъ Левъ, такъ и мы вѣруемъ*, воскликнули отцы собора; *противорѣчащіе евтихіанисты, Левъ изложилъ православно.* Согласно съ догматическимъ посланіемъ папы Льва было составлено соборное вѣроопредѣленіе, существенную часть котораго приводимъ въ подлинникѣ. Ἑπόμενοι τοίνυν τοῖς ἁγίοις πατράσιν ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν υἱὸν τὸν κυριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνος ἅπαντες ἐκδιδάσκομεν, τέλειον τόν αὐτόν ἐν θεότητι καὶ τελειων τὸν αὐτὸν ἐν ἀνθρωπότητῖ, θεὸν ἀληθως καί ἀνθρῶπον ἀληθῶς, τὸν ἀυτον ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος, ὁμόουσιον τῷ πατρὶ κατα τὴν θεότητα καὶ ὁμοούσιον τὸν αὐτόν ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, κατά πάντα ομοίον ἡμῖν, χωρὶς ἁμαρτίας, πρὸ αἰώνων μεν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ᾽ ἐσχατῶν δέ τῶν ἡμερων τὸν αὐτὸν δὶ ἡμᾶς καὶ διά τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωποτητα, ἕνα καὶ τὸν ἀυτον Χριστὸν, υἱόν, μονογενῆ, ἐκ δύο φυσεων ασυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαιρέτως, ἀχορίστως γνοριζομενον.

---

[1]) Въ доносѣ діакона Исхаріона упоминается, будто бы образъ жизни епископа въ Александріи вошелъ въ притчу. Μαλιστα ἡ περιβόητος Πανσόφια ἡ καλουμένη Ὀρείνη (быть можетъ Εἰρήνη), περὶ ἧς καὶ πολυάνθρωπος τῆς Αλεξάνδρεῶν δημος ἀφῆκε φώνην, αὐτῆς τε κὰι τοῦ ἐραστοῦ μεμνήμενος. Что же это за притча (φωνὴ δήμου)? Гиббонъ догадывается, не къ Діоскору ли относится слѣдующій каламбуръ:

Εἰρήνη πάντεσσιν ἐπισκοπος εἶπεν ἐπελθὼν,
Πῶς δύναται πᾶσιν, ἣν μονος ἔνδον ἔχει;

Въ засѣданіи 25 октября послѣдовало торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія. Явился императоръ Маркіанъ съ императрицею Пулхеріею и съ многочисленною свитою, произнесъ собору рѣчь на оффиціальномъ латинскомъ языкѣ, тотчасъ же пересказанную по-гречески, и по прочтеніи вѣроопредѣленія спросилъ: „пусть скажетъ св. соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе? „Отцы собора единогласно воскликнули: *вси такъ вѣруемъ, вси такъ мудрствуемъ. Маркіану новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая лѣта; вы—миръ вселенной; вы—свѣтила православія. Господи, сохрани свѣтилы вселенной! Пулхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены! Несторію, Евтихію и Діоскору—анаѳема! Троица извергла троихъ!*

в) Но составленіемъ догматическаго вѣроопредѣленія дѣятельность собора еще не кончилась. Въ заключеніе составлено нѣсколько каноническихъ правилъ, между которыми наиболѣе знаменито послѣднее 28-е, косвеннымъ образомъ направленное противъ римскаго папы. Постараемся объяснить, почему такъ вышло. Положеніе римскаго папы Льва на IV вселенскомъ соборѣ было руководящее и господствующее. По его настояніямъ былъ созванъ соборъ. Его догматическое посланіе служило какъ бы краеугольнымъ камнемъ для соборныхъ обсужденій и рѣшеній. Самъ папа не былъ на соборѣ, но его легаты занимали первое мѣсто. Для многочисленныхъ отцевъ восточной церкви, составлявшихъ IV всел. соборъ, а всего болѣе для столичнаго патріарха константинопольскаго, такой подавляющій авторитетъ папы не могъ казаться пріятнымъ, удобнымъ и желательнымъ. Послѣ того какъ на догматическомъ полѣ пришлось безусловно согласиться съ папою,—естественно у восточныхъ іерарховъ явилось желаніе ограничить папу по крайней мѣрѣ *канонически*, чтобы предупредить дальнѣйшее расширеніе его власти на будущее время. Этимъ и объясняется составленіе на халкидонскомъ соборѣ знаменитаго 28 правила, по которому каѳедра Константинополя, новаго Рима, уравнивалась съ каѳедрою стараго Рима, такъ что во вселенской іерархіи константинопольскій патріархъ слѣдовалъ непосредственно за папою римскимъ. Правда константинопольскому патріарху усвоялось второе мѣсто, но только потому что не могло быть—два первыхъ. [1])

---

[1]) Это же 28 правило халкидонскаго собора имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ русской исторіи. Юрисдикціи к-скаго патріарха подчинялись по-

Римскіе легаты протестовали противъ этого правила. Папа выражалъ сильное неудовольствіе на это правило и объявилъ, что уничтожаетъ его властію св. Петра; громко жаловался на патріарха Анатонія, котораго обвинялъ въ неблагодарности и гордости, и грозилъ ему отлученіемъ. Твердость имп. Маркіана, не обращавшаго вниманія на неудовольствіе и угрозы папы, заставила наконецъ папу Льва понизить тонъ и успокоиться.

Халкидонскимъ соборомъ не былъ положенъ конецъ христологическимъ спорамъ. Разложеніе византійской имперіи уже начиналось, и сепаративныя стремленія, наиболѣе сильныя на окраинахъ имперіи и имѣвшія себѣ основу въ національностяхъ, тѣмъ не менѣе сообразно духу времени силились найти себѣ выраженіе и оправданіе въ догматическомъ разногласіи.

Въ Палестинѣ явился бывшій на халкидонскомъ соборѣ александрійскій монахъ Ѳеодосій и сталъ утверждать, что соборъ исказилъ вѣру и впалъ въ несторіанство. Ѳеодосій нашелъ себѣ поддержку у проживавшей на святыхъ мѣстахъ вдовствующей императрицы Евдокіи, на догматическія убѣжденія которой—быть можетъ—вліяло скрытое нерасположеніе къ царствующей императрицѣ Пулхеріи. Привлекши на свою сторону до 10000 палестинскихъ монаховъ, Ѳеодосій при помощи ихъ овладѣлъ Іерусалимомъ, возсѣлъ на іерусалимскую каѳедру, и властвовалъ

---

28 правилу діоцезы понтійскій, асійскій и оракійскій, гдѣ патріарху предоставлялось поставлять митрополитовъ, а равно и епископовъ варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ (разумѣются епископы автокефальные, т. е. независимые отъ ближайшаго митрополита.) Позднѣйшіе греческіе канонисты такъ толкуютъ это правило, будто бы соборъ халкидонскій предопредѣлилъ во власть патріарха к-скаго всѣ настоящія и будущія пріобрѣтенія христіанства въ странахъ варварскихъ (слѣд. и насъ русскихъ). Но, по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго, это толкованіе произвольно. Соборъ, опредѣленія котораго были утверждаемы и приводимы въ исполненіе восточнымъ императоромъ, разумѣется могъ законополагать только въ тѣхъ предѣлахъ, до коихъ простиралась власть императора, т. е. относительно христіанъ — инородцевъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи,— и не далѣе.

около 2 лѣтъ бурно и насильственно, пока имп. Маркіанъ не успѣлъ изгнать его вооруженною рукою. Императрица Евдокія, пораженная печальною судьбою своей дочери, плѣненной вандалами, не стала болѣе поддерживать Ѳеодосія и обратилась къ православію, благодаря увѣщаніямъ Симеона столпника и св. Евфимія.

Еще большее противодѣйствіе рѣшеніямъ халкидонскаго собора послѣдовало въ Александріи. Преемникъ Діоскора, Протерій встрѣтилъ противъ себя открытое возмущеніе, которое на первый разъ было подавлено оружіемъ, но ждало удобнаго времени, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Дальнѣйшее развитіе монофизитскихъ волненій выходитъ изъ предѣловъ царствованія Маркіана, который умеръ 6 февр. 457 г., переживъ четырьмя годами свою царственную подругу Пулхерію († 453 г.), послѣднюю отрасль династіи великаго Ѳеодосія.

Считаемъ не излишнимъ для справокъ представить генеалогію династій Валентиніана и Ѳеодосія великаго.

Династія Валентиніана и его брата Валента.

Валентиніанъ императоръ запада † 17 ноября 375 г.

Сынъ Валентиніана *Грацiанъ*, женатый на аріанкѣ Юстинѣ. † 383.

Дѣти Грацiана:

Валентиніанъ II имп. † 393.

Галла, 2-я жена Ѳеодосія великаго.

Валентъ имп. востока, женатый на Альбѣ Доминикѣ— убитъ готѳами подъ Адріанополемъ † 9 августа 378 г.

Сынъ Валента *Валентиніанъ Галатъ* † въ Кесаріи капп. 371 г., въ малолѣтствѣ.

Династія Θеодосія великаго.

Θеодосій великій † 17 генв. 395 г.

Первая жена его *Флацилла* † 385.

Дѣти Θеодосія отъ Флациллы:

Аркадій имп. востока, женатый на Евдоксіи (умершей 6 окт. 404.) † 1 мая 408 г.

Гонорій имп. запада † 423 авг. 15.

Дѣти Аркадія:

Пулхерія, род. 19 генв. 399 г. въ фиктивномъ бракѣ съ имп. Маркіаномъ (ум. 6 февр. 457 г.) † 453

Аркадія, † 444.

Марина, † 449.

Θеодосій младшій имп. востока род. 10 апр. 401 г. женатъ на Аθинаидѣ-Евдокіи (ум. 455 г.) † 20 іюн. 450.

Дочь Θеодосія

Евдокія въ первомъ бракѣ за имп. Валентиніаномъ III (уб. 455 г.) во второмъ бракѣ за узурпаторомъ Максимомъ (уб. 455 г.), отведена въ плѣнъ вандалами.

Вторая жена его *Галла*.

Дочь Θеодосія отъ Галлы:

Плацидія въ первомъ бракѣ за готθомъ Атаульфомъ (уб. 415 г.); во второмъ бракѣ за полководцемъ Констанціемъ (ум. 421). † 450 въ ноябрѣ.

Дѣти Плацидіи отъ Констанція:

Гонорія невѣста Аттилы †

Валентиніанъ III императоръ запада, женатъ на дочери Θеодосія младшаго Евдокіи. † 16 марта 455.

Дочери его: *Евдокія* и *Плацидія*, были въ плѣну у вандаловъ, въ 457 г. привезены въ Константинополь.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Внутреннее состояніе церкви въ царствованіе Валента и династіи Ѳеодосія великаго (363—457).

Золотой вѣкъ церковной литературы.

Намъ слѣдуетъ изобразить внутреннее состояніе церкви въ періодъ почти столѣтній отъ смерти и. Юліана отступника до смерти благочестиваго и канонизованнаго имп. Маркіана. Этотъ періодъ обыкновенно считается *золотымъ вѣкомъ церковной литературы*,—и совершенно справедливо. Никогда, ни прежде, ни послѣ не являлось на полѣ церковной литературы такъ много трудолюбивыхъ, талантливыхъ и вліятельныхъ дѣятелей. Ефремъ Сиринъ († 372 г.), Василій великій († 379 г.), Григорій Богословъ († 389 г.), Григорій Нисскій († послѣ 394 г.), Епифаній Кипрскій, († 402 г.), Іоаннъ Златоустый († 407 г.), Исидоръ Пелусіотъ († ок. 436 г.), Кириллъ александрійскій († 447 г.), Нилъ Синайскій († ок. 450 г.), Ѳеодоритъ Кирскій († 457); изъ западныхъ Амвросій медіоланскій († 397 г.) бл. Іеронимъ († 419) и бл. Августинъ († 430 г.),—это писатели, изъ которыхъ каждый въ послѣдующее время славою своего имени могъ бы наполнить цѣлое столѣтіе. Не говоримъ уже о писателяхъ, большая часть дѣятельности которыхъ принадлежитъ предъидущему періоду, каковы Аѳанасій александрійскій († 373 г.), Кириллъ іерусалимскій († 386) и Макарій египетскій († 390 г.), ни о писателяхъ еретикахъ, каковы Евномій и Несторій,—ни о писателяхъ, сравнительно менѣе замѣчательныхъ, которые впрочемъ въ другое время были бы знаменитостями первой величины, каковъ напр. Астерій амасійскій († ок. 404 г.)

Чѣмъ объяснить такое обиліе великихъ церковныхъ учителей въ разсматриваемый нами періодъ? Конечно причины этого нельзя видѣть ни въ случайности, ни даже въ дарованіяхъ отдѣльныхъ лицъ: причины должны быть болѣе глубокія и общія. Разсматриваемый нами періодъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ и двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго. Всѣ почти исчисленные выше церковные учители прошли хорошую классическую школу и были обладателями богатаго умственнаго наслѣдія, завѣщаннаго классическою древностію; всѣ почти они приняли крещеніе уже въ совершенномъ возрастѣ, пользуясь до того времени тою широкою умственною и нравственною свободою, которая, хотя и приводила иногда къ заблужденіямъ, но за то обогащала сердцевѣденіемъ и мудрымъ познаніемъ жизни; наконецъ всѣ они проповѣдывали христіанство съ горячимъ энтузіазмомъ прозелитовъ и вмѣстѣ съ тою относительною свободою, которая еще возможна была при неустановившемся вполнѣ кодексѣ христіанскаго вѣроученія и правоученія. Задача, предлежавшая церковнымъ писателямъ разсматриваемаго періода, была двоякая: они должны были а) пересмотрѣть и оцѣнить съ христіанской точки зрѣнія все, оставшееся отъ древняго міра, наслѣдіе античной образованности, б) истолковать источники христіанскаго ученія (т. е. библейскія книги) при помощи научныхъ пріемовъ и средствъ, даваемыхъ тою образованностію, на уровнѣ которой они стояли. Отцы и учители церкви нашего періода приняли на себя и выполнили по возможности эти задачи, не смотря на ихъ громадность и трудность, и тѣмъ пріобрѣли себѣ право на удивленіе современниковъ и потомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ – они, подавляя въ себѣ духъ свободнаго изслѣдованія и отрицательно относясь къ до-христіанской жизни человѣчества, были—быть можетъ непроизвольными—виновниками послѣдующаго безплодія христіанской литературы.

Философія, исторія и естествознаніе—вотъ три отрасли античной науки, еще не раздробившейся, какъ въ настоящее время, на множество отдѣльныхъ спеціальностей. Отцы церкви завладѣли этими отраслями древняго знанія и оцѣнили и переработали ихъ сообразно началамъ христіанской вѣры.

Отцы церкви знали древнюю философію, но высокой цѣны ей не придавали. Взятая въ общемъ, она, по ихъ мнѣнію, могла служить только предметомъ опроверженія и матеріаломъ для исторіи человѣческихъ заблужденій. Убѣждая своихъ константинопольскихъ слу-

шателей отстать отъ страсти къ богословскимъ спорамъ, св. Григорій Богословъ говоритъ: „ты не можешь остановить болѣзней рожденія и не разродиться словомъ? Но много есть у тебя другихъ обильныхъ предметовъ. На нихъ обрати съ пользою недугъ сей. Рази Пиѳагорово молчаніе, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, преселенія и круговращенія нашихъ душъ, припамятованіе и вовсе не прекрасную любовь къ душѣ ради прекраснаго тѣла; рази Епикурово безбожіе, его атомы и чуждое любомудрія удовольствіе; рази Аристотелевъ немногообъемлющій промыслъ, въ одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертныя сужденія о душѣ, человѣческій взглядъ на высшія ученія; рази надменность стоиковъ, прожорство и шутовство циниковъ“. Нельзя сказать, чтобы отцы церкви сами лишены были философскихъ стремленій; напротивъ нѣкоторые изъ изъ нихъ, напр. св. Григорій Богословъ и бл. Августинъ, были по природѣ философы и голова ихъ была постоянно занята міровыми вопросами. Возмемъ напримѣръ стихотвореніе св. Григорій Богослова *къ душѣ своей.* „Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Изслѣдуй сама себя, что́ ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла и гдѣ должна остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея? Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что́ было прежде вселенной, и что́ для тебя значитъ эта вселенная; откуда она произошла и до чего дойдетъ?... Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде и въ какомъ поруганіи теперь? Что́ это за сопряженіе во мнѣ и какой конецъ моей жизни?“ Никто не будетъ отрицать, что это вопросы міровые, искони составлявшіе достояніе философіи. Но при разработкѣ этихъ вопросовъ отцы церкви стояли на другомъ штадт-пунктѣ, чѣмъ настоящіе философы. Убѣжденіе въ слабости и поврежденности ума человѣческаго и подчиненіе авторитету богооткровенной религіи,—такова была предзанятая идея, не допускаемая философами и твердо принимаемая отцами церкви. Чтобы выяснить это различіе, послушаемъ, что́ св. Василій великій говоритъ о непостижимости существа Божія. „Не ищи того, кто не можетъ быть найденъ; ибо ты не найдешь его. И откуда бы ты могъ почерпнуть познаніе о немъ? Отъ земли? но она не существовала. Отъ моря? но и воды не было. Отъ

солнца и луны? но и они не были созданы. Отъ вѣковъ? но прежде вѣковъ существовалъ Единородный. Вмѣсто вѣчнаго не думай о томъ, что не вѣчно. Если же ты не слушаешься меня, но хочешь спорить, то я смѣюсь надъ твоимъ невѣжествомъ или, лучше, осуждаю твою дерзость. Вѣрь написанному и не изыскивай ненаписанного. Мы должны знать, о чемъ нужно говорить и о чемъ нужно молчать. Что Богъ самъ въ себѣ, какова Его сущность? и т. д. вопрошать о семъ опасно, а вопрошающему отвѣчать трудно. Молчаніе въ семъ дѣлѣ есть самое лучшее средство. Легче малымъ сосудомъ исчерпать все море, нежели человѣческимъ умомъ постигнуть неизреченное величіе Божіе". —Этою точкою зрѣнія опредѣлялся и взглядъ отцевъ церкви на древнихъ философовъ, и понятно, что съ этой точки зрѣнія они только и могли дѣлать, что *разить идеи Платона* и т. д.

Въ воззрѣніяхъ языческихъ философовъ отцы церкви различали двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первой—не придавали рѣшительно никакого достоинства и смотрѣли на нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ зрячій человѣкъ смотритъ на безпорядочное блужданіе слѣпыхъ. „И у еллиновъ есть мудрецы"—говоритъ св. Григорій Богословъ, [1])—„впрочемъ не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой причины всѣхъ благъ?...—которые или вовсе изгнали изъ мысли божество, или отринули промыслъ, или положили ему мѣру, чтобы Богъ не утрудился, творя благодѣянія"?.. Но относясь отрицательно къ умозрѣніямъ философовъ, отцы церкви относятся благосклоннѣе къ ихъ морали, насколько она совпадала съ христіанскимъ нравоученіемъ. „Впрочемъ", продолжаетъ св. Григорій о философахъ, „если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ иныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умосозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ сего-то произошли стоики, эти надутыя лица,—академіи, хитросплетенія пирронистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но несогласные въ этомъ, всѣ они равно и единодушно хвалятъ доброе и ничего не ста-

[1]) Стихотвореніе къ нѣкоему юношѣ о смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи. (Твор. Гр. Богослова въ русск. пер. V 121—154).

вятъ выше добродѣтели, хотя пріобрѣтается она множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ... Кто не слыхалъ о синопскомъ псѣ (т. е. Діогенѣ)! Онъ велъ такую дешевую и умѣренную жизнь, (и въ этомъ самъ себѣ былъ законодателемъ, а не Божій хранилъ законъ, и не какими-нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность—палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то́ что безъ труда можно было взять и не готовя... Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ" и пр. „Каковъ и этотъ обычай почтенныхъ стоиковъ, какъ бы къ кому-то постороннему обращаться къ своему тѣлу съ такими рѣчами: *чего требуешь отъ меня ты, жалкій мѣшокъ? Дать ли тебѣ ѣсть? много съ тебя, если дамъ и хлѣба въ скудость. Дать ли пить? дадимъ тебѣ воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ снѣдей, дорогихъ напитковъ изъ кристальныхъ сосудовъ. А не хочетъ ли веревки и петли?* Есть, дѣйствительно есть и у еллиновъ любители цѣломудрія; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ; не отказываюсь вѣрить тому, что́ разглашаютъ о нихъ: у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. Епикуръ, хотя усиливался доказать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели и что наслажденіе есть конецъ всѣхъ благъ для человѣка,—однакоже, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалитъ удовольствіе, велъ себя благопристойно и цѣломудренно, чтобы подкрѣпить ученіе свое добрыми нравами... Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однакоже хвалю. А почему? потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лице между эѳіопами, или сладкую струю среди моря а равно весьма удивительно при худыхъ и зловредныхъ правилахъ найти нѣчто цѣломудренное." Туже самую мысль о достоинствѣ нѣкоторыхъ проявленій философской морали и о близости ея къ евангельской раскрываетъ и св. Василій въ своей извѣстной *бесѣдѣ къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.* Тамъ между прочимъ читаемъ: „нѣкто, нещадно нападая на Софронискова сына Сократа, билъ его въ самое лицо, а онъ не противился, но дозволилъ этому пьяному человѣку насытить свой гнѣвъ, такъ что лицо у Сократа отъ ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ,

сказываютъ. ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на своемъ лбу: *работа такого-то*,— и тѣмъ отмстилъ. Поелику это почти совпадаетъ съ нашими правилами, то утверждаю, что хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдью, по который ударяющему по ланитѣ долженъ ты подставить другую; въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя!... О поступкѣ же Клинія, одного изъ близкихъ Пиѳагору, трудно повѣрить, чтобы сходство его съ нашими правилами было дѣломъ случая... Что же сдѣлалъ Клиній? Давъ клятву, могъ онъ избѣжать потери трехъ талантовъ; но лучше заплатилъ ихъ, чѣмъ сталъ клясться, хотя клятва его была бы въ дѣлѣ справедливомъ. Онъ какъ будто, представляю я, слышалъ ту заповѣдь, которая запрещаетъ намъ клясться". Такимъ образомъ, по суду отцевъ церкви, отрицалось въ философіи самое важное и существенное,—именно свобода и самостоятельность теоретическаго міросозерцанія: а одобрялись только отдѣльные нравственные выводы, взятые внѣ связи съ цѣлою системою и представлявшіе въ себѣ сходство, часто случайное, съ евангельскимъ нравоученіемъ. Этого было достаточно не только для того, чтобы пресѣчь свободное развитіе философскаго мышленія въ христіанскомъ мірѣ, но и для того, чтобы чрезъ малое время утратилась охота и способность къ пониманію древнихъ философовъ. Осталось только во всеобщемъ употребленіи, составлявшее гордость еллинской націи, имя *философъ*, которымъ обозначались люди, изъ ряду вонъ выходящіе, и которымъ любили украшать себя иноки.—Но творенія отцевъ церкви нашего періода, которые—по прекрасному выраженію греческаго историка—*переплыли все море эллинской мудрости прежде, чѣмъ вступили въ спасительную пристань Христову*,—творенія эти древняя философія озарила послѣднимъ прощальнымъ блескомъ. Блескъ этотъ отразился въ тѣхъ довольно тѣсныхъ границахъ, гдѣ философская мысль отцевъ не была стѣсняема опредѣленіями христіанской догматики. Таковы напр. размышленія св. Григорія Богослова о *природѣ человѣческой* и *о суетѣ жизни*, напоминающія собою философовъ пессимистовъ, Гераклита, Руссо и Шопенгауера. „Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду по прошествіи недолгаго времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, Безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнѣнію мы ничего незначащія однодневныя твари и напрасно поднимаемъ высоко брови, ежели въ насъ то одно и

есть, что видятъ люди и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гибнущей жизни. Телецъ, едва оставилъ нѣдра раждающей, уже и скачетъ и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы... Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжитъ отъ кровожадныхъ псовъ и скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Птенецъ едва оперился и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху... У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смиритъ болѣзнь, безпечально испускаютъ послѣднее дыханіе, не сопровождаютъ другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряютъ жизнь; и звѣрь, умирая, не боится никакого зла.—Посмотри же на жалкій человѣческій родъ, тогда и самъ скажешь съ поэтомъ: *нѣтъ ничего нѣмощнѣе человѣка* (Одиссея XVIII, 130)... Если вѣрно уставишь вѣсы и взвѣсишь, что въ жизни есть пріятнаго и что прискорбнаго; то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ... Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у жившихъ до насъ? Впрочемъ не знаю, будешь ли ты при этомъ плакать или смѣяться. Мудрецы древности находили для себя приличнымъ и то и другое; и у одного изъ нихъ извлекало слезы, а въ другомъ возбуждало смѣхъ, то что трояне и ахеи, другъ на друга бросались, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодѣйную жену: что брань была у куретовъ и брани любивыхъ этолянъ за свиную голову и за щетину молодаго кабана и т. д. Не избѣжали злой участи и Киры и Крезы, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари... Какое преимущество между согнившими? Тотъ же прахъ, тѣже кости,—и герой Атридъ, и нищій Иръ, царь Константинъ, и мой служитель: и кто страдалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего, кромѣ гроба.—Такова здѣшняя участь; но что же въ другой жизни? Кто скажетъ, что приноситъ неправеднымъ послѣдній день?..."

„Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду? Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростію... *Я существую.* Скажи: что это значитъ? Иная часть меня самаго уже прошла, иное я теперь, а инымъ буду, если только буду. Я не что-либо непремѣнное, но токъ мутной рѣки, который непрестанно протекаетъ и на минуту не стоитъ на мѣстѣ? Что наиболѣе, по твоему, составляетъ мое *я*? Объ-

ясни мнѣ это; и смотри, чтобы теперь тотъ самый я, который стою предъ тобою, не ушелъ отъ тебя. Никогда не перейдешь въ другой разъ по томуже току рѣки, по которому переходилъ ты прежде. Никогда не увидишь человѣка такимъже, какимъ видѣлъ ты его прежде. —Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня матерь, но какъ нѣчто общее обоимъ; а потомъ сталъ я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее, на человѣка, срамное, не имѣющее вида не обладающее ни словомъ, ни разумомъ; и матерняя утроба служила мнѣ гробомъ. И вотъ мы отъ гроба до гроба живемъ для тлѣнія... Душа моя! кто ты, откуда и что такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты—духъ смѣсилась съ дебелостію, ты—умъ сопряглась съ плотію, ты—легкая сложилась съ тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствуетъ одно другому. Если ты вступила въ жизнь, будучи посѣяна вмѣстѣ съ плотію, то сколь пагубно для меня такое сопряженіе! Я образъ Божій и родился сыномъ срама, со стыдомъ долженъ матерью моего достоинства наименовать похотѣніе; потому что началомъ моего прозябенія было истекшее сѣмя, и оно сотлѣло, потомъ стало человѣкомъ, и вскорѣ не будетъ человѣкомъ, но прахомъ,—таковы мои послѣднія надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное; то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты божіе дыханіе, божій жребій,—какъ сама думаешь,—то отложи неправду, и тогда повѣрю тебѣ... Какъ же ты возмущаешься отъ прираженій губительнаго веліара, хотя и сопряжена съ небеснымъ духомъ?... А если ты во мнѣ не отъ Бога, то какова твоя природа?"

Но св. Григорій не доводитъ до конца своихъ философскихъ размышленій, и спѣшитъ обратиться къ чаяніямъ религіи... „Къ чему приведешь меня, зломудренный языкъ!... Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно сотворилъ меня Богъ... Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога или горѣть въ огнѣ." Таково послѣднее слово отеческой философіи.

Исторія древняго міра въ христіанской литературѣ подверглась такой же переработкѣ, какъ и философія; большая часть историческаго матеріала была выброшена за бортъ: уцѣлѣвшее представлено совер-

шенно въ иной системѣ и съ иныхъ точекъ зрѣнія. Древняя классическая исторіографія, имѣвшая своими представителями Геродота, Ѳукидида, Тита Ливія, Тацита и другихъ великихъ историковъ, имѣла свои достоинства и свои недостатки. Достоинства—это изящество изложенія и сознаніе историкомъ нравственнаго долга писать честно и добросовѣстно, sine ira et studio; недостатки—это отсутствіе философіи исторіи, отрывочность и эпизодичность повѣствованій. „Лучшія произведенія древнихъ историковъ", говоритъ Грановскій, „суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства... За то простота и опредѣленность содержанія ставила древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету.. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо относящіяся къ ней, явленія... Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники." Въ томъ же духѣ высказывается и Лоранъ. „Древніе",—говоритъ онъ,—„не знали философіи исторіи. Философское пониманіе судебъ человѣчества основывается на предположеніи, что различные народы образуютъ цѣльный организмъ, развивающійся по извѣстнымъ законамъ. Но древность не имѣла идеи о единствѣ человѣчества: народы жили совмѣстно, не зная другъ друга. Даже въ эпоху всемірнаго владычества римской имперіи, міръ греко-римскій, востокъ и варвары оставались глубоко чужды другъ другу, и люди мысли не видѣли ничего общаго въ судьбахъ племенъ варварскихъ и враждебныхъ. Было еще препятствіе къ философскому пониманію исторіи. Въ мірѣ дѣйствительномъ царила сила,.. но одна сила не даетъ объясненія возвышенія и упадка царствъ; она ведетъ къ фатализму, а фатализмъ отрицаетъ законосообразное развитіе человѣчества.—Только христіанство открыло возможность для философіи исторіи. Идея о единствѣ человѣчества выдвинута впередъ догматомъ о твореніи человѣка. Если родъ человѣческій происходитъ отъ одного человѣка, то различные народы —не чужіе другъ другу; они составляютъ какъ-бы одно семейство. Съ другой стороны, если Богъ христіанскій, создавъ человѣка, не покинулъ его на произволъ случая, но постоянно промышляетъ о каждомъ

отдѣльномъ лицѣ,—то могъ ли Онъ оставить безъ своего промышленія цѣлые народы! Такимъ образомъ въ пониманіи исторіи человѣчества явилась руководящая идея о путяхъ промысла Божія, ведущаго родъ человѣческій".

Послѣ этого понятно, что въ христіанской литературѣ не только могло, но по необходимости должно было образоваться цѣльное представленіе о всеобщей исторіи человѣчества. Мысль *о домостроительствѣ нашего спасенія, насколько она раскрывается въ св. писаніи*, была руководящею идеею этой исторіи; священныя книги ветхаго завѣта опредѣляли собою и начало, и хронологическую послѣдовательность, и почти все содержаніе этой исторіи; извѣстія изъ языческихъ историковъ допускались въ незначительной степени, на сколько они комментировали или дополняли разсказъ Библіи,—при чемъ разсказъ книги Бытія *о разсѣяніи языковъ* и Даніилово толкованіе *видѣнія о четырехъ монархіяхъ* служили главными пунктами, связующими исторію библейскую съ исторіею языческою. Съ теченіемъ времени выработалась излюбленная византійцами стереотипная форма писанія исторіи, заключающаяся въ хронографахъ. Всякій почти византійскій историкъ VI—XII вѣковъ считалъ долгомъ начинать отъ Адама, и путемъ бѣглаго пересказа библейской исторіи и исторіи четырехъ монархій добираться до ближайшаго времени. Но это было уже впослѣдствіи. Въ разсматриваемый нами періодъ мы находимъ у восточныхъ отцевъ церкви отдѣльные элементы указаннаго нами историческаго міросозерцанія; болѣе же обстоятельное раскрытіе его въ приложеніи къ фактамъ находимъ у западнаго учителя блаж. Августина въ его сочиненіи о *градѣ Божіемъ*.

Августинъ сравниваетъ жизнь человѣчества отъ Адама до кончины міра съ жизнію отдѣльнаго человѣка и различаетъ въ исторіи человѣчества три возраста: молодость, совершеннолѣтіе и старость,—подраздѣляя пополамъ первыя два возраста. Молодость человѣчества характеризуется тѣмъ, что оно еще свободно отъ закона и погружено въ область матеріи. Первая младенческая половина этого возраста объемлетъ время отъ Адама до Ноя; люди были подавлены заботою о своей физической жизни и существованіе ихъ прошло почти безслѣдно. Въ теченіе второй половины этого возраста отъ Ноя до Авраама, вырабатывается языкъ, возникаетъ память о прошломъ, но человѣчество все еще погружено въ міръ матеріи. Возрастъ мужества объемлетъ собою время

подзаконное отъ Авраама до Христа. Разумъ развивается, получаетъ понятіе о грѣхѣ; человѣкъ борется съ матеріею, но падаетъ, потому что благодать еще не избавила его отъ рабства похоти. Во второй половинѣ этого возраста пророки предвозвѣщаютъ царство Божіе, пришествіе Мессіи; современно этимъ пророчествамъ возникаетъ римская монархія, пролагавшая путь христіанству. Третій возрастъ открывается съ пришествіемъ Христовымъ; это возрастъ благодати; при помощи Божіей люди могутъ бороться съ похотію и наслѣдовать жизнь вѣчную. Нельзя опредѣлить продолжительности этого возраста; онъ закончится днемъ послѣдняго суда.

Если благодаря идеѣ *о домостроительствѣ нашего спасенія* исторія человѣчества пріобрѣла въ христіанской литературѣ цѣльный видъ и систематическое построеніе,—за то христіанская исторіографія утратила много прекрасныхъ качествъ, какими обладала исторіографія языческая. Утраченъ былъ здравый прагматизмъ древнихъ историковъ; вмѣсто изслѣдованія о причинахъ событій христіанскіе историки довольствовались указаніемъ на волю Божію или на коварство діавола. [1]) Утрачено было благородное стремленіе изслѣдовать историческую истину безпристрастно, sine ira et studio: подъ вліяніемъ предзанятыхъ взглядовъ и правоучительныхъ соображеній исторія превращалась или въ панегирикъ или въ памфлетъ: язычники, еретики и вообще люди другихъ убѣжденій, чѣмъ историкъ, являлись орудіями и слугами демона: христіане православные и единомышленные съ историкомъ представлялись образцами благочестія и добродѣтели. И не удивительно. Убѣжденіе въ исключительномъ обладаніи истиною и антипатія христіанскихъ писателей къ еретикамъ и язычникамъ были такъ велики, что не допускали историческаго безпристрастія. За исключеніемъ панегирика и памфлета оставалось только молчаніе, болѣе честное, но для исторіи совсѣмъ уже безполезное. Такъ

---

[1]) Но въ заслугу христіанской литературѣ нужно поставить то, что въ ней отвергнуты—по крайней мѣрѣ въ теоріи—древнія анти-историческія представленія о вліяніи планетъ на жизнь человѣка и о неотразимой силѣ рока. Противъ убѣжденія *о вліяніи планетъ* удачно полемизируетъ св. Василій въ 6-й бесѣдѣ *Шестоднева*; а противъ неотразимой силы рока кратко, но сильно говоритъ Исидоръ Пилусіотъ: „если есть судьба, то нѣтъ закона; а ежели есть законъ, то нѣтъ судьбы. Если есть судьба, то нѣтъ мѣста увѣщанію; а если есть мѣсто увѣщанію, то нѣтъ судьбы“ и т. д.

бл. Θеодоритъ кирскій (V, 37), приступая къ исторіи изгнанія св. Іоанна Златоустаго, выражается такъ: „Дошедши до этой части повѣствованія, я и самъ не знаю, что́ чувствую; ибо, намѣреваясь разсказывать о причиненной Іоанну обидѣ, стыжусь съ другой стороны доблести обидчиковъ, и потому попытаюсь скрыть имена ихъ... Притомъ событія печальныя, по моему мнѣнію, надобно описывать короче, и прикрывать погрѣшности единовѣрныхъ дѣятелей". Въ этомъ столь мягкомъ и гуманномъ правилѣ заключался тѣмъ не менѣе смертный приговоръ безпристрастной исторіи.

Если исторія человѣчества въ христіанской литературѣ была пріурочена къ библейскому повѣствованію и освѣщена съ точки зрѣнія библейской идеи *о домостроительствѣ нашего спасенія*,—то свѣдѣнія древняго міра по части естествознанія были пріурочены къ библейскимъ днямъ мірозданія и нашли систематизацію въ формѣ *шестоднева*. Многіе св. отцы пробовали свои силы надъ составленіемъ *шестоднева*; (св. Василій великій, св. Григорій нисскій, св. Амвросій медіоланскій) но наиболѣе удачный и богатый свѣдѣніями опытъ принадлежитъ безспорно св. Василію великому. Для IV вѣка *шестодневъ* св. Василія былъ такимъ же сводомъ свѣдѣній по естествознанію, какъ для нашего времени *Космосъ* Гумбольдта. Нѣкоторыя космологическія объясненія, встрѣчающіяся въ *шестодневѣ*, если не основательны, то по крайней мѣрѣ остроумны. Таково напр. размышленіе о томъ, почему земля не падаетъ. „Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною вотъ почему: поелику она занимаетъ среднее мѣсто въ мірѣ и во всѣ стороны одинаково отстоитъ отъ краевъ; то, при недостаткѣ причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается въ своемъ положеніи... Среднее же мѣсто досталось землѣ не по жребію и не по случаю, но естественно и необходимо. Ибо, если всѣ легкіе небесные элементы помѣщаются въ верхнихъ окраинахъ, то всѣ тяжести должны отвсюду устремиться къ срединѣ. А куда стремятся части, туда очевидно соберется и цѣлое... Итакъ не дивись, что земля ни куда ни падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто—средину". Нѣкоторыя космологическія разсужденія св. отца и въ научномъ отношеніи совершенно вѣрны, хотя и не имѣютъ научной точности и основываются только на указаніяхъ здраваго

смысла. Таково напр. размышленіе о громадности солнца. „Ты не обманывайся видимостію, и изъ того, что солнце для смотрящихъ представляется величиною въ локоть, не заключай, что такова дѣйствительная его величина. Ибо на большихъ разстояніяхъ величина видимыхъ предметовъ обыкновенно сокращается... Если ты смотрѣлъ когда-нибудь съ вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какими представлялись тебѣ пары запряженныхъ воловъ? каковы были сами земледѣльцы? не казались ли они тебѣ въ видѣ муравьевъ? И если съ башни, обращенной къ великому морю, простиралъ ты взоры вдоль морской поверхности, велики ли казались тебѣ самые большіе острова? и грузный корабль, на бѣлыхъ парусахъ плывущій по лазоревому морю, не казался ли тебѣ менѣе всякаго голубя?.. Слѣдовательно небесное свѣтило *велико* и до безконечности большее, нежели какимъ представляется. Но яснымъ признакомъ величины солнца можетъ служить слѣдующее. Хотя звѣздъ на небѣ безчисленное множество, однако совокупнаго ихъ свѣта недостаточно, чтобы разсѣять мракъ ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонтѣ или даже только еще ожидаемое, не успѣетъ стать совершенно надъ землею, какъ уже и тьма изчезла, и звѣзды имъ помрачены и воздухъ, дотолѣ сгущенный около земли, разжижается и дѣлается текучимъ... Но, при такой величинѣ земли, какъ могло бы солнце въ одно мгновеніе освѣтить ее всю, если бы не изъ великаго круга посылало лучи свои?... Въ разсужденіи солнца никто ни ближе, ни дальше... и инды, и британцы видятъ его равнымъ,—ясное доказательство чрезмѣрной величины, предъ которою широта земли ничего не значитъ.“

Идея о цѣлесообразности природы и о премудрости Творца проникаетъ всѣ размышленія *шестоднева*. Такую цѣлесообразность и разумность усматриваетъ св. Василій и въ мірѣ неодушевленномъ. „Море прекрасно предъ Богомъ, (говоритъ св. отецъ, толкуя слова писанія: *и видѣ Богъ яко добро)*, потому что морская вода служитъ источникомъ всякой земной влаги, расходясь по подземнымъ глубинамъ; прекрасно и потому, что принимаетъ въ себя отвсюда рѣки и потоки; —прекрасно и потому, что служитъ началомъ и хранилищемъ воздушныхъ водъ, ибо, нагрѣваясь лучами солнечными, отлагаетъ отъ себя посредствомъ испаренія тонкія частицы воды, которыя, поднявшись вверхъ и потомъ охлаждаясь, дѣлаются дождемъ и орошаютъ землю. Но море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи,—потому,

что ограничиваетъ собою острова, и служитъ для нихъ и красою, и оплотомъ; еще и потому, что облегчаетъ сношенія между отдаленнѣйшими странами материка, открываетъ путь для мореплавателей, удовлетворяетъ нашей любознательности, обогащаетъ купцовъ, даетъ возможность сбывать излишнее и пріобрѣтать необходимое". Встрѣчая возраженія противъ цѣлесообразности природы, св. Василій принимаетъ тонъ апологета. „Вмѣстѣ съ питательнымъ произошло и вредное; вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями—чемерица, борецъ, мандрагора и маковый сокъ. Итакъ чтоже? Ужели откажемся благодарить за полезное, и станемъ обвинять Творца за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева?.. Но и изъ ядовитыхъ растеній ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо иное служитъ на пищу какому-нибудь животному, а иное съ помощію врачебной науки оказывается годнымъ и для насъ, служа къ облегченію какихъ-либо недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда... Чемерица служитъ пищею перепеламъ, и они остаются невредимыми. Но этиже растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ и опіумомъ успокоиваютъ жестокія боли въ тѣлѣ".

Но еще болѣе не только цѣлесообразности, но даже нѣкоторой индивидуальной разумности находитъ св. отецъ въ природѣ одушевленной. Правда онъ никакъ не согласенъ признать однородность животныхъ съ человѣкомъ и смѣется надъ философами, учившими о переселеніи душъ. „Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ (читаемъ въ 8-й бесѣдѣ), которые не стыдятся свою душу и душу пса почитать однородными между собою и говорятъ о себѣ, что были нѣкогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, но всячески готовъ утверждать, что, разсуждая такъ, они были безсмысленнѣе рыбъ". Но за проявленіями инстинкта въ животныхъ св. отецъ слѣдитъ съ особеннымъ удовольствіемъ, видя въ этомъ доказательство творческой премудрости. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ зоологіи св. Василія. „Есть перехожія рыбы, (читаемъ въ 7-й бесѣдѣ). Онѣ, какъ бы по общему совѣщанію собравшись па переселеніе, всѣ отправляются подъ однимъ знаменемъ. Ибо какъ скоро наступитъ опредѣленное для нихъ время чадородія, поднявшись изъ разныхъ заливовъ, поспѣшаютъ въ сѣверное

море. Въ это время ты увидишь рыбъ, текущихъ какъ бы однимъ потокомъ изъ Пропонтиды въ Евксинскій Понтъ. Кто же ихъ движетъ? Какое царское повелѣніе? какіе указы, прибитые на площади, возвѣщаютъ о наступившемъ срокѣ? Кто у нихъ проводники? Видимо, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей... Выслушай, что́ едва не говорятъ тебѣ рыбы своими дѣйствіями: *мы для продолженія рода собираемся въ это дальнее странствованіе.* У нихъ нѣтъ своего разума, но есть естественный законъ, крѣпко въ нихъ основанный и показывающій, что́ имъ дѣлать. *Пойдемъ*,—говорятъ онѣ,—*въ сѣверное море. Въ немъ вода слаще, нежели въ прочихъ моряхъ, потому что солнце стоитъ надъ нимъ не долго и не извлекаетъ изъ него лучами всего годнаго къ питью.* А вкусную воду любятъ и обитатели морей, почему часто уплываютъ въ рѣки и стремятся вдаль отъ моря. Поэтому Понтъ предпочитается ими прочимъ заливамъ, какъ благопріятный къ рожденію и воспитанію дѣтей. Но какъ скоро выполнено желаніе, опять всею толпою возвращаются во свояси. И какая тому причина? выслушаемъ у безмолвныхъ. *Сѣверное море*,—говорятъ они,—*будучи открыто для сильныхъ вѣтровъ, мало имѣетъ береговыхъ убѣжищъ: вѣтры легко взволновываютъ его до самаго дна и песокъ мѣшаютъ съ волнами. Ктомуже оно зимою холодно.* Посему рыбы, насладившись имъ во время лѣта, къ зимѣ опять поспѣшаютъ въ моря южныя и тихія. Видѣлъ я это и дивился во всемъ Божіей премудрости.—Слышалъ я отъ одного приморскаго жителя, что морской ежъ, животное, конечно, малое и презрѣнное, часто даетъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. Когда предчувствуетъ онъ волненіе отъ вѣтровъ, то взобравшись на какую-нибудь большую скалу, на ней, какъ на якорѣ, съ твердостію выноситъ бурю, потому что тяжесть скалы препятствуетъ волнамъ увлечь его. И какъ скоро мореходцы видятъ ежа на скалѣ, знаютъ, что нужно ожидать сильныхъ вѣтровъ. Никакой звѣздочетъ, никакой халдей, предсказывающій по звѣздамъ воздушныя перемѣны, не училъ ежа, но Господь моря и вѣтровъ и въ маломъ животномъ положилъ ясные слѣды великой своей премудрости.“

Переходимъ къ птицамъ и здѣсь изъ многихъ разсказовъ св. Василія отмѣтимъ разсказъ о галціонѣ или зимородкѣ. „Есть морская птица зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яица на пескѣ и сидитъ въ гнѣздѣ середи зимы, когда отъ

частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкаютъ вѣтры и морская волна не движется, пока въ теченіе семи дней зимородокъ сидитъ на яицахъ и выводитъ своихъ птенцовъ. Поелику же имъ нужно и кормленіе, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному и другіе семь дней на возращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи *зимородковыми*... Какія чудеса не совершатся для тебя, созданнаго по образу Божію; когда Богъ для такой малой птицы удерживаетъ великое и страшное море, повелѣвая ему быть тихимъ среди самой зимы?" Цѣлесообразность въ организмѣ птицъ св. отецъ находитъ, сравнивая птицъ плавающихъ съ хищными. „Разсматривая птицъ, любящихъ воду, найдешь у нихъ ступни не раздѣленныя, какъ у вороны, и не искривленныя, какъ у плотоядныхъ птицъ, но широкія и перепончатыя, чтобы удобно было плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами раздвигать влагу. Когда замѣтишь, какъ лебедь, опуская шею въ глубину, достаетъ себѣ со дна пищу: и здѣсь откроешь премудрость Создателя, который лебедю далъ шею длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, добывалъ себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ."

Инстинктивную разумность птицъ св. Василій видитъ особенно въ коршунахъ. „Кто предвѣщаетъ коршунамъ смерть людей, ополчающихся другъ противъ друга? Ибо увидишь, что безчисленныя стаи коршуновъ слѣдуютъ за войсками и по приготовленію оружій заключаютъ о слѣдствіяхъ. А сіе не далеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній".

Въ мірѣ животныхъ четвероногихъ св. отецъ находитъ также цѣлесообразность и разумность. „Къ чему хоботъ у слона? Великому этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ надлежало имѣть громадное тѣло. Если бы дана ему была большая и соразмѣрная съ ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она отъ чрезмѣрной тяжести клонилась бы всегда къ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ немногими шейными позвонками, но есть у него хоботъ, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у слона безъ составовъ и какъ цѣльные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми,.. то не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ 300 и болѣе лѣтъ... Однако и сіе столь огромное по величинѣ животное Богъ со-

творилъ покорнымъ человѣку; когда учимъ его, оно понимаетъ и когда бьемъ, терпитъ. А симъ Богъ ясно научаетъ насъ, что онъ все подчинилъ намъ, ибо мы сотворены по образу Создателя".

Инстинктивную разумность животныхъ св. Василій видитъ преимущественно въ собакѣ. „Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство, почти равносильное разуму. Что́ едва изобрѣли мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ симъ бо́льшую часть жизни—разумѣю хитросплетеніе силлогизмовъ,—тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, обѣгаетъ уклоненія, ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что́ дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: *или сюда поворотилъ звѣрь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ ни пошелъ онъ ни туда, ни сюда, то остается ему бѣжать въ эту сторону.* И такимъ образомъ чрезъ отрицаніе ложнаго находитъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые чинно сидя надъ доскою и пиша на пыли, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину?"

Приведенныхъ выдержекъ слишкомъ достаточно, чтобы показать, что св. Василій хорошо зналъ древнихъ натуралистовъ и пересмотрѣлъ сообщаемыя у нихъ свѣдѣнія съ христіанской точки зрѣнія, ища во всей природѣ назиданія. Но справедливость требуетъ прибавить, что наряду съ вѣрными свѣдѣніями о природѣ св. отецъ приводитъ и невѣрныя,—и что нравственныя и догматическія примѣненія его иногда натянуты. Мы видѣли примѣры удачныхъ примѣненій; посмотримъ и на менѣе удачныя. Вотъ примѣръ нравственнаго приложенія, которое основано на вымышленномъ примѣрѣ изъ естественной исторіи и само въ себѣ шатко и двоится. „Ехидна, самая лютая изъ пресмыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною и, свистомъ извѣщая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубинъ для супружескаго объятія. И мурена слушается и вступаетъ въ союзъ съ ядовитою ехидною. Къ чему клонится эта рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дикъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашать я на расторженіе союза. Онъ буенъ? Но мужъ. Онъ пьяница? Но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? Но твой уже членъ и даже драгоцѣннѣйшій изъ членовъ.—Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе! Ехидна, уважая бракъ, предварительно извергаетъ свой ядъ: ужели ты изъ уваженія къ со-

юзу не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія. Но примѣръ ехидны, можетъ быть, и иначе послужитъ намъ въ пользу; потому что соединеніе ехидны съ мурeною есть нѣкоторое прелюбодѣяніе въ природѣ. Да вразумятся же тѣ, которые посягаютъ на чужое брачное ложе; какому премыкающемуся уподобляются они? *У меня одна цѣль—все обращать въ назиданіе церкви*". При такомъ исключительномъ стремленіи все обращать въ назиданіе, научныя требованія отодвигались на самый задній планъ и давалась вѣра самымъ невѣроятнымъ извѣстіямъ, если онѣ казались подкрѣпляющими христіанскую истину. Конечно отъ этого страдала наука и ничего не пріобрѣтала религія. Приведемъ въ подтвержденіе этого еще одну и послѣднюю выдержку. „О коршунахъ (египетскихъ) сказываютъ, что они бо́льшею частію рождаютъ дѣтей безъ взаимнаго сообщенія, и при всемъ томъ бываютъ весьма долговѣчны; ибо жизнь ихъ часто продолжается даже до ста лѣтъ. И сей случай изъ исторіи птицъ возьми себѣ на замѣчаніе вопреки посмѣвающимся нашему таинству, будто бы невозможно родить Дѣвѣ, сохранивъ свое дѣвство."

Мы видѣли, въ какой степени успѣшно совершенъ былъ св. отцами и учителями нашего періода пересмотръ интеллектуальнаго наслѣдія древняго міра съ христіанской точки зрѣнія. Посмотримъ что́ сдѣлали они для выполненія второй и болѣе существенной задачи—истолкованія и примѣненія къ жизни источниковъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія.

Всѣ святые отцы нашего періода занимались истолкованіемъ библіи, такъ что библія была истолкована нѣсколько разъ. Иные оставили изъясненіе всей или почти всей библіи (Ефремъ Сиринъ, бл. Іеронимъ); другіе истолковали отдѣльныя книги (Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый), третьи ограничились истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ библіи (Исидоръ Пилусіотъ) или частныхъ библіологическихъ вопросовъ (Епифаній Кипрскій). Сама въ себѣ библія по большей части проста и ясна и не нуждается въ истолкованіи. „Благодать Духа святаго", говоритъ Іоаннъ Златоустый, „потому устроила такъ, чтобы свящ. книги были написаны мытарями, рыбарями, скинотворцами, пастухами, людьми простыми и неучеными,—дабы для всѣхъ понятно было читаемое, дабы и ремесленникъ, и слуга, и вдова, и самый малосмыслен-

ный человѣкъ пріобрѣтали какую-нибудь пользу отъ слушанія. Ибо не для суетной славы, но для спасенія слушающихъ писали тѣ, которыхъ Богъ удостоилъ благодати св. Духа... Въ самомъ дѣлѣ, кому не понятно все, что написано въ евангеліи? Кто, слыша: *блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ* и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, дабы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣствованія не каждому ли ясны и понятны?.“ И однако, не смотря на такую простоту и ясность, св. писаніе было разъясняемо, толкуемо и раскрываемо и при Златоустѣ, и до Златоуста, и вѣроятно будетъ разъясняемо до скончанія вѣка. Проблемма всегда состояла въ томъ, чтобы установить отношеніе между библіею, какъ основнымъ и вѣчнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія,—и духомъ извѣстнаго времени съ его міросозерцаніемъ, правами и обычаями. Такимъ образомъ исторія толкованія св. писанія въ сущности есть ничто иное, какъ исторія постоянныхъ компромиссовъ между простымъ и буквальнымъ смысломъ библіи и тѣмъ, что́ хотѣли найти въ ней люди извѣстной эпохи [1]). Въ сущности это—таже Сизифова работа, которая имѣетъ мѣсто при постоянной ломкѣ философскихъ системъ, но работа, которая совершается въ другихъ, болѣе ограничительныхъ для дѣятельности, условіяхъ. Разсматриваемое нами время не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Разница только въ томъ, что св. отцы нашей эпохи имѣли болѣе талантовъ, болѣе работы и болѣе свободы въ истолкованіи источниковъ христіанскаго вѣроученія и правоученія, чѣмъ всѣ послѣдующіе церковные писатели.

Собственно герменевтическое значеніе имѣетъ едвали десятая доля всѣхъ толкованій библіи, написанныхъ отцами нашего періода. Таковы нѣкоторыя объясненія Ефрема Сирина, заимствованныя изъ восточныхъ обычаевъ. Такъ,—объясняя то обстоятельство изъ исторіи завѣта Авраама съ Іеговою, что Авраамъ, по повелѣнію Божію, взялъ трехлѣтнихъ телицу, козу и овна, разсѣкъ ихъ по поламъ и положилъ одну часть противъ другой,—(Бытія XV, 9—10) св. отецъ говоритъ: „изъясненія на сіе мѣсто надобно искать въ обычаяхъ халдеевъ. У нихъ былъ обычай, чтобы клянущіеся проходили среди разсѣченныхъ тру-

---

[1]) Мы не имѣемъ въ виду въ этомъ случаѣ комментаріевъ археологическаго свойства, имѣющихъ чисто-научный характеръ.

повъ животныхъ и каждый притомъ произносилъ установленныя слова: *не дай Богъ, чтобы со мною тоже случилось*! Поелику же Авраамъ по происхожденію былъ халдей, то Богъ и благоволилъ заключить съ нимъ завѣтъ, сообразно съ его отечественнымъ обычаемъ". Таковы нѣкоторые филологическіе и топографическіе комментаріи въ толкованіяхъ блаж. Іеронима. Таковы объясненія трудныхъ мѣстъ писанія въ письмахъ Исидора Пилусіота, поражающія своею прямотою и здравомысліемъ. Вотъ напримѣръ отвѣтъ на вопросъ: какъ должно разумѣть слова: *аще око твое и рука твоя соблажняетъ тя, отсѣцы ю* (Мо. 5, 29—30)? „Окомъ и рукою десною Христосъ назвалъ близкихъ намъ друзей, готовыхъ помогать намъ, какъ глазъ и рука. Если кто-либо изъ такихъ друзей дѣлается виновникомъ соблазна и погрязаетъ во грѣхѣ, который и насъ тревожитъ и его безчеститъ, то нужно отсѣчь такого друга". (Письм. 83). Или вотъ еще напр. объясненіе весьма труднаго мѣста въ посланіи Павла (1 Кор. 15, 29): *аще отнюдь мертвіи не возстаютъ, что́ и крещаются мертвыхъ ради?* „Мертвыми апостолъ называлъ тѣла, сравнивая ихъ природу съ природою души; ибо душа нескончаема и безсмертна, а тѣла тлѣнны и подвержены измѣненію. Когда мы крещаемся ради мертвыхъ по своей природѣ тѣлъ, то вѣруемъ, что приведемъ ихъ въ нетлѣніе. Таково объясненіе словъ апостола.—*Аще* же,—говоритъ онъ,—*отнюдь* тѣла наши не воскреснутъ, то для чего и вѣруемъ, что крещеніе бываетъ для нихъ залогомъ нетлѣнія?" (Пис. 221.) За исключеніемъ подобнаго рода толкованій, которыя по своей основательности или по крайней мѣрѣ по остроумію остаются вѣчнымъ пріобрѣтеніемъ библейской екзегетики,—остальныя толкованія отцевъ нашего періода заключаютъ въ себѣ бо́льшею частію амплификацію библейскаго текста и примѣненіе его къ моральнымъ потребностямъ времени. По простотѣ, ясности, непринужденности и изяществу изложенія предпочтительнѣе другихъ толкованія и примѣненія св. Іоанна Златоустаго. Этотъ св. отецъ обладалъ поистинѣ евангельскимъ духомъ,—и въ его примѣненіяхъ также рисуется бытъ обитателей византійской имперіи IV—V вв., какъ въ притчахъ Христа Спасителя—бытъ обитателей Галилеи,—съ тѣмъ существеннымъ сходствомъ, что и тамъ, и тутъ мысль слушателя отъ обыденныхъ житейскихъ образовъ переносится въ міръ духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Вотъ напр. толкованіе псаломскаго изреченія: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый?* (Пс. 38 67). „Посмотри, возлюбленный, не морю ли подобны

дѣла человѣческія? Не такъ ли, какъ во время бури морской, носимся мы во всѣ стороны?... Этотъ у того отнялъ помѣстье; такой-то у такого-то сманилъ слугу; одинъ судится съ сосѣдомъ за воду; другой тягается за воздухъ. Одни ссорятся за межи: другіе жалуются другъ на друга изъ-за постройки домовъ. Одинъ старается получить то, чего не далъ: другой оправдывается въ неотдачѣ того, что получилъ. Одинъ сокрушается отъ бѣдности, другой тревожится отъ богатства. Бѣдняка презираютъ, богачу завидуютъ. Начальника подозрѣваютъ, властелина ненавидятъ; лихоимство царствуетъ, ложь въ почетѣ, взаимная любовь другъ ко другу исчезла, правда оставила землю, дружба простирается не дальше трапезы. Изъ-за денегъ жизнь стала безжизненна; за деньги мы продали стихіи; мосты по дорогамъ содержатъ мытари; земля раздѣлена на участки; вода также нашла себѣ владѣльцевъ. Богачи таютъ отъ заботъ; ростовщики сохнутъ отъ многой думы; сребролюбцы ниспровергаютъ законы въ судилищахъ; купцы борятся съ затрудненіями; клеветники торгуютъ обманомъ. *Обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый.*“ Приведемъ еще толкованіе одного псаломскаго стиха (Пс. 4. 5), замѣчательное и потому, что здѣсь между прочимъ высказывается любимая мысль Златоустаго, что человѣку стоитъ только—такъ сказать—протянуть руку, чтобы взять даруемое ему Богомъ спасеніе... „Есть у тебя свитокъ, въ которомъ ежедневно вносишь расходы свои; равнымъ образомъ, пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ которомъ записывай ежедневно грѣхи свои. Когда ты ляжешь на постель свою и никто уже не мѣшаетъ тебѣ, то, прежде нежели придетъ къ тебѣ сонъ, положи предъ собою свитокъ—совѣсть свою, и вспомни грѣхи свои, совершенные словомъ или дѣломъ или помышленіемъ, ибо это внушаетъ намъ пророкъ, говоря: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте, яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. 4. 5). Днемъ ты не имѣлъ времени, ты занятъ былъ или тяжбою или исполненіемъ порученнаго тебѣ дѣла; тебя развлекали бесѣда съ друзьями, домашнія нужды, попеченіе о дѣтяхъ, забота о женѣ и множество другихъ дѣлъ. Но когда придешь къ ложу твоему, чтобы дать покой членамъ твоимъ, и никто уже тебя не безпокоитъ, никто не докучаетъ тебѣ, тогда скажи душѣ своей: *разсмотримъ, душа моя, что̀ мы сдѣлали добраго или худаго въ этотъ день!* И если что-нибудь доброе ты сдѣлалъ, то возблагодари Бога; если же—худое, то удержись отъ сего

впредь, и, воспоминая грѣхи свои, пролей слезы; ты можешь, не поднимаясь съ ложа, отирать ихъ.“

Но наряду съ толкованіями трогательными и назидательными, встрѣчаются въ церковной литературѣ нашего періода толкованія натянутыя и произвольныя, болѣе затемнявшія, нежели разъяснявшія св. писаніе. Эта натянутость толкованій зависѣла прежде всего отъ стремленія искать назиданія вездѣ,— даже тамъ, гдѣ прямой смыслъ писанія не давалъ для этого никакого права. Какое—по видимому—назиданіе можно сдѣлать изъ надписанія псалма: *о точилѣхъ*? (По переводу LXX ὑπὲρ τῶν ληνῶν, точнѣе съ еврейскаго: *на геѳскомъ орудіи.* Пс. 80). Но св. Григорій нисскій находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее назидательное толкованіе. „Точило есть орудіе винодѣлія; изъ выжимаемыхъ въ немъ гроздовъ выходитъ вино. Но если вино вытекаетъ изъ гроздовъ гнилыхъ или незрѣлыхъ, то оно скоро портится и дѣлается негоднымъ къ питью, прелагаясь въ нѣчто, подобное уксусу... Если же въ точило вложенъ гроздъ добраго качества и зрѣлый; то изъ грозда потечетъ вино сладкое и благовонное... Посему, о чемъ же внушаетъ намъ наипаче заботиться эта загадка о гроздѣ? О томъ, чтобы обогащалась наша сокровищница человѣческаго ума, а эта сокровищница есть надежда; въ ней хранится разный запасъ для нашей жизни... Въ точилѣ каждой души, (а точиломъ служитъ совѣсть), гроздъ дѣлъ даетъ намъ вино на послѣдующую жизнь, и каждому по необходимости придется вкушать отъ собственныхъ трудовъ, какіе бы они ни были“ и т. д. Стремленіе къ нравственному назиданію побуждало даже толкователей св. писанія отстранять дѣйствительные библейскіе факты, не мирившіеся съ аскетическими идеалами вѣка, и превращать ихъ въ символы. Такъ какъ простое житье ветхо-завѣтныхъ патріарховъ, въ особенности же ихъ многоженство, казалось съ точки зрѣнія IV вѣка страннымъ и непоучительнымъ, то св. Амвросій медіоланскій въ своемъ толкованіи придаетъ патріархальнымъ временамъ символическое значеніе. Авраамъ представляется, какъ олицетвореніе вѣры; Исаакъ—какъ образъ чистой души, соединившейся съ Богомъ; Іаковъ какъ идеалъ терпѣнія и постоянства въ трудѣ. Изъ женъ Іакова Рахиль служитъ символомъ созерцательной, а Лія—дѣятельной вѣры. Впрочемъ въ аллегорическомъ толкованіи библіи писатели нашего періода шли по слѣдамъ древнихъ александрійцевъ (Ср. 1 вып. стр. 25, 189—190).

Еще болѣе неблагопріятна была для правильнаго пониманія библіи привычка брать довольно неразборчиво пояснительные примѣры и подобія изъ современнаго византійскаго быта, часто ненормальнаго, во всякомъ случаѣ имѣвшаго только условную значимость. Для людей, пережившихъ и осудившихъ эпоху пытокъ, нѣсколько странно звучитъ приглашеніе Іоанна Златоустаго къ самоиспытанію, сдѣланное въ терминахъ, напоминающихъ пыточный процессъ. „Когда начнешь разсуждать самъ съ собою, то всѣ свои помыслы растяни какъ бы посредствомъ мучительнаго орудія и когтями страха Божія оскребай ихъ". Отношенія подданныхъ къ царю, рабовъ къ господину, и возникающія при этомъ чувства страха и подобострастія постоянно выставляются церковными писателями, какъ образецъ для объясненія духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Отъ этого съ одной стороны затемнялось правильное пониманіе нравственныхъ обязанностей, съ другой стороны придавалась религіозная санкція общественнымъ учрежденіямъ, временнымъ и несовершеннымъ.

Не ограничиваясь истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ св. писанія въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они стоятъ въ библіи, церковные писатели нашего періода дѣлали опытъ группированія и систематизированія текстовъ св. Писанія для оправданія извѣстныхъ догматовъ, представлявшихъ собою отвѣтъ на вопросы современной религіозной мысли. Вопросы религіозной мысли были совершенно различны на востокѣ и на западѣ. Западъ разсуждалъ о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Божеству,—о свободѣ, о благодати, о предопредѣленіи, о первородномъ грѣхѣ, о степени немощи и испорченности человѣческой природы; единственная крупная ересь, возникшая на западѣ и волновавшая западъ, было пелагіанство. Востокъ напротивъ того былъ занятъ размышленіями о Божествѣ самомъ въ себѣ, о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы, объ отношеніи во Христѣ двухъ природъ божеской и человѣческой. Движеніе религіозной мысли на востокѣ было многозначительнѣе, чѣмъ на западѣ, какъ по содержанію догматовъ, такъ и по силѣ умственнаго напряженія, и потому наконецъ, что окончательное опредѣленіе догмата совершалось на *вселенскихъ соборахъ*, которые имѣли мѣсто только на востокѣ. Догматическому опредѣленію предшествовала долгая литературная борьба, которая большею частію не заканчивалась и послѣ соборнаго рѣшенія. Въ эпоху борьбы борящіяся стороны не могли, подобно древнимъ философамъ, утверждать свое мнѣніе только

субъективными соображеніями, но должны были основываться на авторитетѣ св. Писанія и древнихъ его истолкователей. Интересъ борьбы побуждалъ къ внимательному изученію св. Писанія, сосредоточивавшемуся особенно около тѣхъ текстовъ, которые давали собою ключь къ извѣстному рѣшенію догматическаго вопроса. (Таковы напр. тексты: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя.* Притч. 8, 22. Или: *о дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели Божіи, ни Сынъ, токмо Отецъ* Мр. 13, 32.) Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе умножались церковные авторитеты, тѣмъ болѣе съужался кругъ свободнаго размышленія даже подъ руководствомъ библіи, и церковная литература обрекалась на молчаніе и безплодіе. Но въ эту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, возможно было еще разнообразіе догматическихъ мнѣній у писателей, одинаково православныхъ и одинаково канонизованныхъ. Существовали даже современно два богословскихъ направленія, изъ которыхъ каждое имѣло на своей сторонѣ православныхъ и уважаемыхъ писателей. Эти направленія не совсѣмъ точно называются *антіохійскимъ* и *александрійскимъ* и съ большею точностію могутъ быть названы *умѣренно-раціоналистическимъ* и *супра-натуралистическимъ.* Къ второму направленію принадлежатъ изъ отцевъ церкви разсматриваемаго періода св. Аѳанасій великій, св. Василій великій, св. Григорій Богословъ, св. Кириллъ александрійскій; къ первому—св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Ѳеодоритъ кирскій, Іоаннъ антіохійскій, св. Флавіанъ константинопольскій. Изъ вселенскихъ соборовъ на I и III преобладало направленіе супра-натуралистическое, на II и IV—умѣренно-раціоналистическое. Говоря это, мы сообщаемъ только результаты докторской диссертаціи А. П. Лебедева, *вселенскіе соборы IV и V вѣка,* (М. 1879) къ которой и отсылаемъ нашихъ читателей.

Въ заключеніе изложенія литературныхъ трудовъ по изученію библіи нельзя не упомянуть о попыткѣ дать содержанію библіи одежду изящныхъ образцовъ древней эллинской поэзіи. Такъ св. Григорій Богословъ въ звучныхъ ямбахъ исчислялъ каноническія св. книги, евангельскія чудеса и притчи; Аполлинарій е. лаодикійскій, изъясняя евангелія и дѣянія апостольскія, излагалъ содержаніе ихъ въ формѣ разговоровъ, подражая Платоновымъ діалогамъ; императрица Аѳинаида-Евдокія изображала содержаніе библейской исторіи въ стихотворной формѣ героической поэмы.

Монашество. Иноческая литература. Распространеніе иночества. Новые виды иноческихъ подвиговъ.

Монашество въ настоящемъ періодѣ усилилось болѣе прежняго и стало считаться желанною пристанью послѣ житейскихъ буръ и прямымъ путемъ къ царству небесному. Въ золотой вѣкъ христіанской литературы, когда большинство церковныхъ писателей было проникнуто иноческимъ міросозерцаніемъ, естественно должна была возникнуть спеціально-иноческая литература, въ которой иночество находило бы для себя и оправданіе, и возбужденіе къ подвигамъ, и руководство. Такимъ образомъ спеціально-иноческая литература можетъ быть разсматриваема какъ α., *апологетическая* β., *умилительная* γ., *руководственная* (старческая).

Иночество, не смотря на свою распространенность и сообразность съ духомъ времени, все-таки нуждалось въ апологіи. Упорные язычники относились къ инокамъ съ ненавистію и презрѣніемъ. Такъ языческій историкъ Зосима называетъ иноковъ—людьми негодными ни къ войнѣ, ни къ чему либо иному въ гражданской жизни. Христіане, воспитанные на классической литературѣ, также находили въ иночествѣ много страннаго и особенно порицали иноковъ за пренебреженіе къ наукѣ и стремленіе достигнуть совершенства однимъ усиліемъ воли, такъ сказать, однимъ скачкомъ. Такъ Синезій, впослѣдствіи епископъ пентапольскій, называя монаховъ *варварами* въ противоположность образованнымъ еллинамъ, говоритъ слѣдующее: „я тщательно наблюдалъ варваровъ, которые, рѣшившись вести жизнь созерцательную, удаляются отъ гражданской службы и людскаго сообщества, какъ бы желая всѣми мѣрами отрѣшиться отъ узъ природы. У нихъ есть благочестивые гимны, священные символы и другія моленія и доступъ къ божественному: все это подлинно отдѣляетъ ихъ отъ обращенія съ матеріею: они проводятъ жизнь въ уединеніи и не позволяютъ себѣ ничего пріятнаго для зрѣнія и слуха. *Ибо они не ѣдятъ хлѣба и не пьютъ искристаго вина*; кто скажетъ это объ нихъ, не погрѣшитъ противъ истины. Но и они, такъ блистательно возставая противъ природы и, можно сказать, будучи весьма достойны блаженной жизни, не могутъ не утомляться, не могутъ имѣть свой умъ постоянно горѣ.“ Синезій порицаетъ иноковъ за то, что они наполняютъ свои досуги рукодѣльемъ, а не наукою. „Я знаю“, говоритъ Синезій, „что я человѣкъ, а не богъ, чтобы быть равно-

душнымъ ко всякому удовольствію; также и не животное, чтобы предаваться удовольствіямъ тѣлеснымъ. Остается, чтобы мы поискали чего-нибудь средняго. Но чтоже это среднее, какъ не тотъ досугъ, который употребляется на науки? Какое удовольствіе чище? Или какая страсть безстрастнѣе? Въ этомъ я предпочитаю еллина варвару (т. е. человѣка классически образованнаго—безграмотному пустынножителю). Если же кто идетъ инымъ путемъ, то мнѣ кажется вовсе не идетъ. Ибо что́ это за путь, на которомъ не видно никакой постепенности, нѣтъ ничего ни прежде, ни послѣ,—однимъ словомъ нѣтъ опредѣленнаго порядка?" Наконецъ много было порицателей монашества, которымъ казались невыносимы для природы человѣческой его строгіе обѣти. Таковы были на западѣ пресвитеръ Вигиляпцій и два монаха Сармаціонъ и Барбаціонъ, о которыхъ св. Амвросій медіоланскій говоритъ слѣдующее: vaniloqui homines, qui dicunt nullum esse abstinentiae meritum, nullam frugalitatis, nullam virginitatis gratiam, pari omnes aestimari pretio, delirare eos, qui jejuniis castigent carnem suam et menti subditam faciant etc. Такъ какъ подобные возгласы о невыносимости и безполезности монашества основывались на инстинктахъ, общихъ всему человѣчеству, то не удивительно, что они слышались какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Но монашество имѣло на своей сторонѣ сильныхъ апологетовъ. Таковъ былъ прежде всего св. Григорій Богословъ. Свою апологію монашества св. Григорій изложилъ въ стихотвореніи: *похвала дѣвству*. Здѣсь, олицетворяя *дѣвство* и *супружество*, св. Григорій заставляетъ ихъ диспутировать между собою о преимуществѣ. *Супружество* указываетъ на тягость *дѣвства*; дѣвство—на скорби *супружества*. *Супружество* говоритъ: „жизнь безъ любви не полна, сурова, мрачна, бездомовна и любитъ скитаться по горамъ: она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не даетъ родителямъ оживать въ своихъ дѣтяхъ, не скрѣпляетъ жизни пріятными связами. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ удовольствія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ; но угрюмы и чужды для міра... и въ сердцѣ ихъ нѣтъ единодушія съ людьми." *Дѣвство* съ съ своей стороны заявляетъ, что и супружество представляетъ собою далеко не непрерывную цѣпь радостей. „Жена покупаетъ себѣ мужа, а что́ всего хуже, часто и не добраго. И у мужа жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это такое зло,—которое самъ онъ на себя на-

ложилъ и котораго сложить не можетъ... Положимъ, что супруги не худы и единодушны, но тяжкая доля постигала не рѣдко и новобрачныхъ. Нынѣ женихъ; а завтра мертвецъ... Сперва дѣва, потомъ супруга, потомъ вдова; и все это иногда въ одну ночь и въ одинъ день... Умолчу о болѣзняхъ дѣторожденія, о пошеніи въ чревѣ мертваго бремени, о жалкомъ и неимѣющемъ матери плодѣ, когда рождающая дѣлается для него сперва гробомъ, а потомъ рождаетъ; о смерти младенцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи безплодномъ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоношенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ искаженіи человѣческаго рода, объ игрѣ плоти. Если кто взвѣситъ это и посмотритъ, куда потянутъ вѣсы; то всякому благоразумному откроется, что дѣвственная жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ царствующему въ вышнихъ Богу".

Разсматривая вопросъ со стороны пользы для человѣчества, *супружество* указываетъ на рядъ превосходныхъ людей, которые—разумѣется—обязаны ему своимъ существованіемъ. „Добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ они—и порожденіе, и слава супружества... Представлю сильнѣйшее доказательство, въ пользу супружеской любви," говоритъ *супружество*. „И Христосъ воплотился, хотя въ чистой, однако въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ соединеніе съ божествомъ... Да и дѣвственники, какъ и всѣ, мой родъ." Возраженія *дѣвства* таковы: „если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и пороки негодныхъ, для которыхъ ты составляешь корень... Всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ праха болѣе нежели золота, въ такой же—и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ... Притомъ смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что́ изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иной, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христоубійцу—беззаконнаго Анну или Каіафу, или даже какого-нибудь Іуду. А иной, самъ весь во грѣхѣ, какъ Іуда, но наименуется родителемъ божественнаго Павла или Петра, несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родитъ ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти угашаетъ на супружескомъ ложѣ. Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ и добродѣтельный Авель, приносящій богоугодную жертву.

И злонравный Исавъ, и благонравный Іаковъ—Исааковы дѣти; и,—что всего замѣчательнѣе,—близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другаго... Что же изъ всего этого припишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не припишу ничего: потому что у сопрягающихся не тотъ удается образъ, который былъ имъ пріятенъ. Кто забавляется игрою въ зернь, отъ того зависитъ только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или не четъ,—это дѣлаютъ не руки играющаго, а случайныя превращенія костей; такъ и супружество, посѣвая чадъ, не дѣлаетъ ихъ благоразумными или худыми". Впрочемъ, уступая *супружеству* всѣхъ земнородныхъ, какъ добрыхъ, такъ и худыхъ, *дѣвство* имѣло на своей сторонѣ Бога и ангеловъ. „Первая дѣва есть чистая Троица... Послѣ же Троицы—свѣтозарные, невидимые ангелы... Одинокую жизнь приводятъ сіи чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало, и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, какими созданы".

Но самая существенная для христіанина сторона вопроса—разумѣется въ томъ, что благопріятнѣе для душевнаго спасенія: дѣвство или супружество? *Супружество* пыталось доказать свое превосходство и на этомъ поприщѣ, но—разумѣется неудачно. „Правда", говоритъ *супружество*—„не знаютъ брака, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, въ удѣлъ которымъ дано широкое небо; но намъ, однодневнымъ тварямъ, полезно супружество и узы;—это корень милыхъ вѣтвей и любезныхъ плодовъ, это добрая опора сладостной жизни... Супружество не удаляетъ отъ Бога, напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій... Безбрачные, не обремененные заботами, менѣе имѣютъ нужду въ помощи великаго Бога; но кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и дѣтей,—кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна бо́льшая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога." Но *дѣвству*, опираясь на слова писанія, не трудно было доказать свое превосходство. „Слаба любовь", говоритъ *дѣвство*, „если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому... Долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминогому раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣѣ, которая пресмыкается на чревѣ,—долго ли вамъ влачить жизнь, обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ наконецъ Христовыхъ совѣтовъ, отринемъ красоту, богатство, славу, родъ, счастіе,.. взойдемъ въ легкую

жизнь, очистимся, будемъ единодушны съ небесными чистыми силами, дабы съ веселіемъ воспѣть торжественную пѣснь Царю! Какъ изгнанные изъ свѣтлаго рая, получили мы въ удѣлъ супружество и многотрудную землю,—такъ чрезъ жизнь, незнающую житейскихъ узъ, взойдемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому древу, котораго лишились за безразсудство."—Еще болѣе жаркимъ апологетомъ дѣвства и монашества былъ блаж. Іеронимъ,—особенно въ письмѣ къ Евстохіи о *храненіи дѣвства*. Тамъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Евва въ раю была дѣвою: послѣ кожаныхъ ризъ началось ея брачное состояніе. Твоя страна—рай. Сохрани то, съ чѣмъ ты родилась и скажи: *возвратися, душе моя, въ покой твой*. Вотъ тебѣ доказательство, что дѣвство свойственно природѣ, а бракъ имѣетъ мѣсто послѣ грѣхопаденія: вслѣдствіе брака рождается дѣвственное тѣло, въ плодѣ вновь пріобрѣтается то, что потеряно въ корнѣ. *Изыдетъ* отрасль *изъ корене Іессева и цвѣтъ отъ корене ея взыдетъ* (Ис. II, 1). Отрасль есть Матерь Господня простая, чистая, непорочная, чуждая всякаго сѣмени отвнѣ и, подобно Богу, плодоносная въ уединеніи. Цвѣтъ этой отрасли—Христосъ, говорящій: *азъ цвѣтъ польный и кринъ удольный* (пѣсн. п. 2 1). Онъ же въ другомъ мѣстѣ называется камнемъ, отторгшимся отъ горы безъ содѣйствія рукъ (Дан. 2, 45), чѣмъ обозначаетъ пророкъ дѣвственное рожденіе Его отъ дѣвы... Дерзновенно говорю: Богъ все можетъ, но не можетъ воздвигнуть дѣвицу послѣ ея паденія... Вся сила діавола противъ мужчинъ заключается въ чреслахъ; вся крѣпость его противъ женщинъ—въ пупѣ... Я хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому что отъ брака рождаются дѣвственные люди; я отдѣляю розу отъ шиповъ, золото отъ земли, жемчужину отъ раковины... За чѣмъ ты, мать, завидуешь дочери? Она воспитана твоимъ молокомъ, она рождена твоимъ чревомъ, она выросла у твоего лона. Ты сохранила ее въ дѣвствѣ своимъ благочестивымъ тщаніемъ. Неужели ты негодуешь, что она захотѣла быть супругою не воина, а царя? Она сдѣлала тебѣ великое благодѣяніе. Ты стала тещею Божіею." Письмо заканчивается изображеніемъ того тріумфа, который ожидаетъ на томъ свѣтѣ дѣвственницъ и дѣвственниковъ.

Печальныя обстоятельства времени—войны, землетрясенія, нашествія варваровъ, тяжелая и разорительная администрація имперіи—придавали много силы и убѣдительности аргументамъ въ пользу дѣв-

ства и отреченія отъ земныхъ суетъ. Міръ въ глазахъ христіанина того времени не имѣлъ уже права на дальнѣйшее существованіе и никакой предъ собой цѣли. Все ожидаемое исполнилось. Христіанская вѣра побѣдила язычество: евангеліе проповѣдывалось всѣмъ извѣстнымъ тогда народамъ. Государственный бытъ римской имперіи разрушался. Всѣ знаменія, какими обозначалось въ евангеліи приближеніе кончины міра, были на виду. Чего оставалось ожидать иного, кромѣ послѣдняго суда? Легко было удаляться отъ человѣческаго общества, когда въ средѣ его жилось такъ тяжело и дурно, и впереди не ожидалось ничего лучшаго. Но и удалившись въ пустыню, нельзя было уйти отъ себя самого; человѣкъ всюду несъ съ собою свои помыслы и страсти. Языческая литература для монаха—по выраженію Исидора Пилусіота—(п. 63) „страшно раздражала раны, начинавшія подживать:“ тоже самое дѣйствіе производили воспоминанія и представленія о лицахъ и предметахъ, покинутыхъ въ мірѣ. Чтобы дать духовной жизни отшельника новое идеальное настроеніе, должна была послужить и дѣйствительно послужила свято-отеческая литература, особенно та часть ея, которая вращалась около представленій о смерти и послѣднемъ судѣ и которую мы обозначаемъ эпитетомъ: *умилительная.* Главнымъ представителемъ умилительной литературы, возбуждавшей человѣка отъ сна грѣховнаго, былъ св. Ефремъ Сиринъ. Горячее чувство, проникающее эсхатологическія размышленія св. отца, дѣйствуетъ на читателя неотразимымъ образомъ; это—страницы изъ душевной исторіи, писанныя не чернилами, а жгучими слезами. „Я грѣшный Ефремъ“, пишетъ св. отецъ, „слабъ и лѣнивъ къ духовной борьбѣ; по крайней мѣрѣ разскажу вамъ, возлюбленные, о великомъ страхѣ и трепетѣ души моей, въ какомъ я, бѣдный и разсѣянный, находился въ одинъ день. Сидѣлъ я наединѣ въ одномъ шумномъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, размышлялъ самъ съ собою, и перебиралъ жизнь сію, ея заботы, смятенія, молву и, заплакавъ, сталъ говорить самъ себѣ: „почему эта жизнь проходитъ, какъ тѣнь, пробѣгаетъ, какъ самый быстрый скороходъ, и увядаетъ, какъ утренній цвѣтокъ?“ И опечаленный воздыхая сказалъ я: „какъ проходитъ сей вѣкъ, мы не знаемъ. Для чего же по слабости своей связаны дѣлами и помыслами непристойными?“ Размышляя объ этомъ самъ съ собою, вдругъ возвелъ я очи къ небу и пришелъ какъ бы въ изступленіе. Напалъ на меня великій страхъ и очами сердца своего узрѣлъ я Господа, сѣдя-

щаго на престолѣ въ великой славѣ; и Онъ сказалъ душѣ моей такъ: „для чего ты, душа, невѣста моя, ненавидишь пречистаго и безсмертнаго жениха? Для чего не заботишься предстать мнѣ въ пришествіе мое?... для тебя душа я потерпѣлъ смерть... Въ наслѣдіе тебѣ, беззавистно отдалъ я царство. Для тебя, душа, и человѣкомъ сталъ, желая искупить жизнь твою отъ тлѣнія. „Великимъ страхомъ, братіе, убоялся я въ часъ тотъ, очами ума своего вникая въ страшныя слова Господни и видя великій стыдъ души своей. Въ ужасъ и трепетъ пришелъ я, лишился силъ отъ страха и великаго смятенія; подумалъ: „гдѣ мнѣ укрыться, не терпя позора этого стыда?“ и сказалъ: „вы, горы, покройте грѣшнаго и нечестивца!“ И возвысивъ голосъ, заплакалъ, со стыдомъ приклонивъ внизъ голову свою, и проливая о себѣ слезы, говорилъ: „за чѣмъ вышелъ я изъ матерней утробы раздражать святаго, благаго и милосердаго Господа? Не воспользовался я зачатіемъ моимъ во чревѣ и возрастаніемъ тѣлеснымъ, не воспользовался небесными дарованіями и святыми врачевствами Твоей благодати!“ Какъ скоро вспоминаю я о томъ днѣ и часѣ, когда постигъ меня сей внезапный страхъ, прихожу въ боязнь и съ воздыханіями проливаю слезы. И вскорѣ опять забываю обо всемъ, и о молитвѣ, и о слезахъ, и о страхѣ, и о времени покаянія, данномъ мнѣ по благодати Божіей. Отчего же бываетъ это со мною? отчего эта сухость сердца, это нерадѣніе, эта забывчивость? Отчего вдругъ дѣлаюсь безстыднымъ и безстрашнымъ, разсѣяннымъ и гнѣвливымъ, человѣкомъ, у котораго вовсе нѣтъ предъ глазами ни грѣха, ни будущаго суда?... Умоляю всѣхъ васъ, боголюбивые друзья мои, помолитесь о мнѣ грѣшномъ и ничтожному щедрому и человѣколюбивому Богу... Вотъ опять припадаю при дверяхъ Владыки моего, прося, умоляя, покланяясь и непрестанно говоря: „прости мнѣ прегрѣшенія мои, Долготерпѣливый!“

Приведемъ еще сокрушенное размышленіе св. Ефрема о страшномъ судѣ. „Въ одинъ день, вставъ весьма рано, ходилъ я съ двумя братіями внѣ благословеннаго города Едессы, возвелъ очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славою осіявало звѣздами землю, и въ удивленіи сказалъ: „если звѣзды сіяютъ съ такою славою, то кольми паче праведные и святые, сотворившіе волю святаго Бога въ тотъ часъ, когда придетъ Господь, возсіяютъ неизглаголаннымъ свѣтомъ Спасителевой славы.“ Но вдругъ при воспоминаніи о страшномъ ономъ Христовомъ пришествіи, содрогнулись кости мои и, ощутивъ

смущеніе въ тѣлѣ и душѣ, заплакалъ я съ сердечною болію и сказалъ воздыхая: „какимъ я—грѣшный окажусь въ этотъ страшный часъ? Какъ предстану престолу страшнаго Судіи?—Какъ мнѣ, козлищу, стать съ овцами одесную Христа?“ Оба брата со слезами говорили: „для чего такъ жалобно плачешь, отецъ?“ И я сказалъ имъ: „Чада мои возлюбленные! за нерадѣніе свое плачу я о себѣ. Благій Богъ даровалъ намъ просвѣщеніе и вѣденіе; а я день за днемъ отвергаю оное. Если бы я исполнялъ волю Господню, то блаженъ былъ бы въ часъ тотъ, и не я одинъ, но блаженны были бы всѣ творившіе волю Господню. Посему-то, братія, вовсе не будетъ тамъ у насъ оправданія, потому что всѣ мы грѣшимъ сознательно... Что́ воздадимъ милосердому Богу за всѣ блага и дары, за то, что снишелъ Онъ съ небесъ отъ Отца, или что ради насъ воплотился во чревѣ, или что за насъ былъ заушенъ? Чтобы воздать за одно заушеніе, то если бы мы тысячи лѣтъ жили на землѣ, ничѣмъ не могли бы вознаградить за сію Божію милость. Того боюсь я, чада мои возлюбленные, (ибо въ точности знаю нерадѣніе свое), чтобы всѣ видящіе меня и ублажающіе лживое мое благоговѣніе, не оплевали меня тамъ, когда увидятъ меня горящимъ въ огнѣ...“ Пощади милосердый Господи! Здѣсь, Спаситель мой, накажи меня, какъ чадолюбивый сердобольный Отецъ, а тамъ прости, какъ единый безгрѣшный небесный Богъ!“

Представленія о смерти и судѣ были любимыми мотивами умилительной лиры сирскаго поэта—инока. Есть у него и слово объ *антихристѣ*, гдѣ антихристъ рисуется чертами, взятыми съ образа Юліана отступника. Есть и ужасающее изображеніе разлученія души съ тѣломъ и вѣчности адскихъ мученій, нашедшее себѣ отголосокъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Сквозь рядъ вѣковъ *сирскій пророкъ* умиляетъ и трогаетъ насъ искренностію своего сердечнаго сокрушенія. [1]) Можно представить себѣ, какъ велико было вліяніе его твореній въ вѣкъ набожности, когда люди цѣлыми тысячами уходили въ монастыри съ единственною заботою остальное время жизни въ мирѣ и покаяніи скончать.

---

[1]) Вліяніе Ефрема Сирина отразилось и на отзывчивой натурѣ русскаго поэта Пушкина, какъ это видно изъ одного очень извѣстнаго стихотворенія, заключающаго въ себѣ переложеніе великопостной молитвы св. Ефрема: *Господи и Владыко живота моего....*

Совершенно особый видъ иноческой литературы составляетъ литература руководительная, *старческая*, епистолярная, главными представителями которой въ нашемъ періодѣ были Исидоръ Пилусіотъ и и Нилъ Синайскій. Аввы руководители, старцы, опытные въ духовной жизни, имѣли большое значеніе и для монаховъ и для мірянъ. Переплывъ въ свое время море искушеній и достигши блаженнаго безстрастія, аввы могли подавать руку помощи и искушаемымъ. Монахамъ естественно было просить совѣта у опытныхъ старцевъ, которые находились при концѣ того пути, на который только что вступали новоначальные. Но и для мірянъ въ трудныхъ душевныхъ обстоятельствахъ, важно было услышать какъ бы *съ того берега* голосъ людей, для которыхъ уже миновали земныя волненія и которые могли судить прямо и безпристрастно, единственно съ точки зрѣнія душевнаго спасенія. Личная бесѣда со старцами не всегда была удобна по отдаленности разстоянія и по любви старцевъ къ уединенію: оставалась бесѣда письменная, въ которую нѣкоторые изъ старцевъ вступали очень охотно. Такъ св. Исидоръ Пилусіотъ оставилъ до 10000 писемъ, изъ которыхъ пятая доля уцѣлѣла до настоящаго времени. Св. Нилъ Синайскій оставилъ до 1000 писемъ. Не мало писемъ осталось также послѣ св. Григорія Богослова, Василія великаго, блаж. Іеронима и др. Бывали часто случаи, что св. старцы по своей охотѣ безъ чьего-либо вызова подавали свой обличительный голосъ съ смѣлостію и откровенностію людей *не отъ міра сего*. Въ какой мѣрѣ старческая переписка была естественнымъ плодомъ прочно сложившихся историческихъ условій и отношеній, видно изъ того, что, начавшись въ IV вѣка, она не прекращалась и до настоящаго времени, и недавно изданныя во многихъ томахъ письма Макарія старца оптинскаго принадлежатъ къ той же епистолярной духовнической литературѣ, начало которой видимъ въ письмахъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

Если апологетическо-иноческая литература рисуетъ намъ идеальную сторону монашества, то литература старческая знакомитъ насъ съ далекою отъ идеала дѣйствительностію. Иноческая праздность, бродячая жизнь, скупость рисуются въ этихъ письмахъ съ безпощадною откровенностію „Для чего“, пишетъ Исидоръ Пилусіотъ одному архимандриту (П. 298) „уготовляешь полки и дружины, не монаховъ, а вѣрнѣе сказать бойцовъ? Слѣдовало бы знать тебѣ, что утомительная праздность впа-

даетъ въ безчиніе помысловъ. Посему или учи заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, или уменьши многолюдство, чтобы не потребовалось труда упрашивать и даже прибѣгнуть къ помощи оружія, когда невоздержность вмѣстѣ съ праздностію возбудятъ ихъ къ нововведеніямъ". —Бродячую жизнь иноковъ обличаетъ Исидоръ въ письмѣ (314) къ престарѣлому монаху Пелагію. „Тебѣ уже много лѣтъ, однако все еще неугомонную имѣешь мысль, изъ одной обители переходя въ другую и во всякой пробуя, какова трапеза. Поэтому, если занимаютъ тебя запахъ жирныхъ яствъ и вкусное приготовленіе лакомыхъ снѣдей; то лучше уже ласкайся къ людямъ чиновнымъ и обнюхивай въ городахъ кухонные очаги, потому что пустынники не въ состояніи угощать тебя такъ роскошно". Монашескую скупость и грубость обличаетъ св. Исидоръ въ слѣдующемъ письмѣ (150) къ пилусіотскимъ монахамъ. „Случилось мнѣ встрѣтить сказывавшихъ о себѣ, будто бы въ полдень подъ открытымъ небомъ одолѣваемые зноемъ и жаждою прибѣгли они у васъ подъ тѣнь преддверія и нашли тутъ, если говорить правду, пса или человѣконенавистника волка; тотъ самый, кому ввѣрено у васъ страннопріимство, прогналъ ихъ, избивъ немилосердо. Но если *не вѣдяще нѣцыи страннопріяша ангелы*;—то вы не по невѣдѣнію, а вполнѣ сознательно гоните отъ себя ангеловъ."

Въ церковно-историческомъ отношеніи особенно важны письма Исидора Пилусіота къ Кириллу александрійскому, изъ которыхъ видно, что св. отшельникъ не особенно одобрялъ крутой образъ дѣйствій александрійскаго святителя въ борьбѣ съ Несторіемъ. „Пристрастіе недальновидно", писалъ Исидоръ къ Кириллу во время ефесскаго собора, (П. 310), „а ненависть вовсе ничего не видитъ. Посему, если желательно тебѣ быть чистымъ отъ того и другаго недостатка, не произноси необдуманныхъ приговоровъ, но подвергай преступленіе справедливому суду; потому что и Богъ, который знаетъ все прежде событія, человѣколюбиво благоволилъ снизойти и видѣть *вопль содомскій* (Быт. 18, 20), научая насъ дѣлать все по точномъ изслѣдованіи. Ибо многіе изъ собравшихся въ Ефесѣ въ укоризну тебѣ говорятъ, будто бы удовлетворяешь собственной своей враждѣ, а не того православно ищешь, что́ нужно для Іисуса Христа. *Ѳеофиловъ онъ племянникъ*,—говорятъ о тебѣ,—*и его держится духа*. Какъ Ѳеофилъ ясно излилъ неистовство свое на богоноснаго и боголюбиваго Іоанна, такъ и Кириллу желательно показать себя, хотя и есть большая разность между подсу-

димыми.“ Слѣдующее письмо къ Кириллу (370) написано спокойнѣе, но также въ поучительномъ тонѣ и съ приглашеніемъ исправиться. „Устрашаютъ меня примѣры изъ божественнаго писанія и вынуждаюсь написать, о чемъ должно. Ибо если я отецъ, какъ говоришь самъ ты,—то боюсь осужденія, какому подпалъ Илій за то, что не уцѣломудрилъ согрѣшавшихъ сыновей; а если, какъ вѣрнѣе знаю, я сынъ предъ тобою, носящимъ на себѣ образъ великаго Марка,—то страшитъ меня наказаніе, какому подвергся Іонаѳанъ, за то, что не остановилъ отца, искавшаго волшебницы. Посему, чтобы и мнѣ не быть осужденнымъ и тебя не осудилъ Богъ,—прекрати распри, и мщеніе за свою обиду не переноси въ живую церковь, не возбуждай въ ней подъ предлогомъ благочестія вѣчнаго раздора.“

Если такъ смѣло писалъ Исидоръ Пилусіотъ къ сильному своимъ положеніемъ и характеромъ патріарху александрійскому, то понятно, что св. авва еще менѣе стѣснялся со всѣми другими корреспондентами. Вотъ напр. письмо (119) св. Исидора къ мѣстному (пилусіотскому) епископу Евсевію съ обличеніемъ за хиротонію двухъ недостойныхъ людей—Зосимы и Марона. „Прекрасно изучилъ ты псаломское слово и собралъ *единомысленные въ домъ* Господень (Пс. 67, 7), къ Зосимѣ присовокупивъ и Марона, приложивъ, какъ думаю, все стараніе, чтобы внѣ алтаря не оставалось ничего негоднаго. Посему знай, что, умножая число Симоновъ, думающихъ за деньги пріобрѣсти Божія Духа, пріобрѣлъ ты общій съ предателемъ кошелекъ, погрязая *въ желчи горести и союзѣ неправды*, дерзко предавая на поруганіе то, къ чему желаютъ имѣть доступъ сами ангелы.“ Еще менѣе щадилъ въ своихъ письмахъ св. Исидоръ самихъ недостойныхъ пресвитеровъ. „Если и восхитилъ ты себѣ“, писалъ св. Исидоръ Марону (пис. 145) „священство происками и кучею денегъ, укрывшись отъ людей неспособныхъ видѣть истину; то не думай, что укроешься также и отъ будущаго воздаянія.“—„Велики какъ говорятъ, грѣхи юности твоей“, писалъ св. авва Зосимѣ.“ Грѣховъ же старости твоей не возможно и превзойти. Ибо въ старости затмить собою юношей, сдѣлавшихся извѣстными по распутству,—превышаетъ всякую мѣру непристойности. И явно, что болѣешь ты Епикуровою болѣзнію, и не можешь владѣть собою; но Епикурово ученіе подтверждаешь своими дѣлами. Посему отлучи, отлучи себя отъ божественнаго жертвенника, чтобы на главу твою не пала молнія“. Но—къ удивленію—писемъ св. Исидора къ Зо-

симѣ было весьма много. Должно думать, что Зосима, если и не исправлялся, то по крайней мѣрѣ не сердился на суровыя обличенія Исидора, и св. отецъ все-таки питалъ слабую надежду, что Зосима можетъ быть когда-нибудь исправится. Такое отношеніе къ Зосимѣ видно изъ слѣдующаго (II, 157) письма. „Извѣстившись, что ты предаешься тѣмъ же скверпамъ, непрестанно усиливаясь прежнее помрачать новымъ, я заплакалъ, потомъ сказалъ самъ себѣ: *для чего ты, Исидоръ, трудишь себя напрасно, сѣя на камняхъ? Для чего стараешься оказать пользу тому, кто не хочетъ этой пользы?... Перестань трудиться попусту, мыть Еѳіопа, бороздить огонь, варить камни!* Но какъ скоро насытился я этими упреками себѣ самому, снова возникла добрая надежда, которая побудила, даже невольно, начертать опять и сіи письмена. Посему разсмотрѣвъ самъ, какъ далеко простерся ты во злѣ, постарайся прибѣгнуть къ покаянію“.

Много писалъ св. Исидоръ писемъ и къ свѣтскимъ лицамъ,—даже высокопоставленнымъ, начиная съ имп. Ѳеодосія младшаго,—и эти письма также проникнуты духомъ безтрепетнаго обличенія. Вотъ напр. (27) письмо къ придворному евнуху Фарисманію: „Слышу, что занимаешься ты божественными книгами, и всякому приводишь изъ нихъ приличныя свидѣтельства, а между тѣмъ ты любостяжателенъ, съ неистовствомъ кидаешься на чужое добро. И весьма для меня удивительно, что при непрестанномъ чтеніи не уязвила тебя божественная любовь, которая не только возбраняетъ любить чужое, но научаетъ расточать даже и собственное.“ Для написанія иныхъ писемъ потребна была не малая доля гражданскаго мужества. Таково напр. (174) письмо военачальнику Кириніо, прибывшему управлять Пилусіею. „Граждане прислали намъ листъ,—прибитый, какъ говорятъ, у церкви прежде, нежели вошелъ ты въ городъ,—листъ, лишающій всѣхъ права оправдываться и искать убѣжища въ церкви. Это не только признакъ жестокости, но даже заставляетъ подозрѣвать въ нечестіи. Ибо если не дозволяешь оправдываться, не даешь возможности находить прибѣжище у Бога, то ты отверзъ уста клеветникамъ и умножилъ обиды. Посему какъ доискаться правды? какъ спасешь обиженнаго, который чтобы не сдѣлаться игрушкою сильнаго, по неимѣнію защищающаго судіи, прибѣгалъ въ неприкосновенный храмъ? Всѣ говорятъ о продажности суда. Присоедини теперь жестокость, и лихоимству откроется полный просторъ.“ Военачальникъ вѣроятно отвѣчалъ св. Исидору, что онъ мѣ-

шается не въ свое дѣло, какъ, можемъ заключать изъ отвѣтнаго письма (175) Исидора, которое начинается словами: „И мѣру мы себѣ знаемъ, и на то поставлены, чтобы обличать порочныхъ.“ Но св. Исидоръ не ограничился перепискою съ Кириніемъ, отъ которой, какъ видно, не ожидалъ добраго плода, но обратился съ жалобою на Кирипія ко всемогущему тогда префекту востока Руфину (в 395 г.) „Грѣхи ли пилусіотовъ,“—писалъ св. Исидоръ,—„или важныя дѣла римскія, которыми ты снисходительно правишь, стали причиною того, что укрылось отъ тебя, великаго нашего благодѣтеля, какимъ образомъ захватилъ у насъ здѣсь власть Кириній, и дѣла здѣшнія опять стали худы? Лихоимство у насъ сильное, нищета великая, обиды частыя, церковь доведена до невозможности помочь; справедливость бѣжала, законъ неизвѣстенъ; страхъ неплательщиковъ и отдаленность служатъ Кирипію защитою во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ. Или отними у него власть, или знай, что и ты вмѣстѣ съ нимъ получишь одну награду у Бога на судѣ.“ Письмо это имѣло полный успѣхъ. Кириній былъ немедленно смѣненъ и на его мѣсто назначенъ былъ Симпликій. И св. Исидоръ съ радостію сообщалъ объ этомъ городскому совѣту пилусіотскому, въ такихъ выраженіяхъ. „Печется еще Богъ о Пилусѣ; есть еще въ немъ сѣмя благочестія: промышляютъ еще о немъ попечители злосчастнаго города—мученики. Приходитъ дивный Симпликій и беретъ въ свои руки бразды правленія. Благовѣствую вамъ иную жизнь; съ пріязнію примите сего мужа“ и пр. (II. 226).

Письма пр. Пила Синайскаго—совершенно въ томъ же родѣ, какъ и письма св. Исидора Пилусіота,—также свидѣтельствуютъ о духовной разсудительности автора, также наполнены обличеніями монаховъ и мірянъ, тѣмъ болѣе авторитетными, что св. Пилъ во время мірской своей жизни занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи (онъ былъ префектомъ Константинополя). Приведемъ болѣе характерныя выдержки изъ писемъ св. Пила. Монашеское праздношатаніе св. Пилъ обличаетъ въ слѣдующемъ письмѣ (III, 106) къ архим. Никону: „жизнь монашествующихъ, прежде вожделѣнная и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе. Всѣ города и селенія наполнены лжемонахами, которые по напрасну и безъ цѣли бродятъ, встрѣчая вездѣ неуваженіе и холодность. Всѣ домовладѣльцы смущаются и досадуютъ, видя, что монахи безстыднѣе нищихъ толкутся у нихъ при дверяхъ. Изъ-за этихъ попрошаекъ образъ мыслей и жизни монаховъ

праведныхъ и добродѣтельныхъ почитается нынѣ обманомъ и подвергается посмѣянію. И найдется ли теперь какой новый Іеремія, который могъ бы вполнѣ и какъ должно оплакать наше положеніе?"

Въ обличеніяхъ св. Нила выступаютъ передъ нами между прочимъ типическіе образы α., гнѣвливаго затворника, β., монаха, углубленнаго въ книги и γ., монаха чревоугодливаго.

α., *Гнѣвливый затворникъ.* (II, 94). „Хвала вашимъ доблестямъ въ затворничествѣ! хвала вашимъ тріумфамъ на поприщѣ добродѣтели! Но паче хвала вашей суетной, лицедѣйной и притворной жизни въ затворѣ! Ибо отъ рыночныхъ торгашей и судебныхъ адвокатовъ ничѣмъ, кажется, не отличаешься ты, выдумываешь разныя хлопоты, кричишь гнѣвно, скрежещешь зубами, изъ своей западни ругаешь всякаго встрѣчнаго, протягиваешь руки и бьешь братію, и шумомъ и смятеніемъ, безпорядкомъ и разстройствомъ наполняешь бѣдную келлію, которая, хотя и безчувственна, и неодушевленна, но воздыхаетъ, можетъ быть, о жестокости и лютости, какъ въ клѣткѣ какой, заключеннаго въ ней звѣря или, лучше сказать, и звѣрей превзошедшаго свирѣпостію монаха. Скажи мнѣ, прошу тебя,... какую пользу снискалъ ты душѣ своей, укрывъ тѣло за этими стѣнами?... откуда ты заимствовалъ этотъ простонародный, подлый нравъ?... куда изгналъ ты псалмы и пѣснопѣнія?... гдѣ оставилъ священныя наставленія отцевъ?.. какое дерзновеніе будешь имѣть въ день воздаянія?" β., *монахъ погруженный въ книги.* (IV, 57). „Какимъ-то неповоротнемъ и связнемъ лѣни ухватившись только за книгу, какъ слышу, съ ранняго утра до захожденія солнца сидишь ты неподвижно, какъ будто свинцомъ приваренный къ скамьѣ и какъ будто тѣло твое совсѣмъ одеревянѣло. Но не такъ поступалъ первоначальникъ нашъ Антоній; напротивъ того, по указанію ангела, то садился за рукодѣлье, то опять вставалъ на молитву.. Посему если знаешь, что изъ одного камня никакъ не выстроится домъ, то не думай, что надлежитъ владѣть только одной добродѣтелью, т. е. чтеніемъ, но должно заняться наконецъ и молитвою и псалмопѣніемъ и т. под." γ., *монахъ чревоугодливый* (II, 100) „Тщательно стараешься угобжать грузный мѣшокъ и усердно заботиться объ утучненіи плоти, откармливая себя, какъ птицу, въ потьмахъ невѣденія. Какое же оправданіе найдешь себѣ, когда придетъ Судящій все?"

Изъ писемъ св. Нила къ мірянамъ приведемъ только одно (I, 195), съ наставленіемъ какъ защищаться отъ язычниковъ. „Слышалъ

ты, какъ сказываешь, что грѣшный язычникъ сказалъ тебѣ: *ничѣмъ отъ меня не отличаешься, хотя ты и христіанинъ, потому что и ты грѣшникъ.* Скажи же ему слѣдующую притчу: у одного хозяина было два пса. Одного изъ нихъ, бѣшенаго, который осмѣлился рвать платье у самаго хозяина, велѣлъ онъ гнать палками; а другаго, который съ ласкою всегда лижетъ ноги у хозяина, держитъ онъ у себя, кормитъ и бережетъ."

Къ старческой литературѣ могутъ быть причислены также подвижническія *правила* св. Василія великаго, которыя отвѣчали на созрѣвшую потребность дать опредѣленную организацію умножившемуся сословію иноковъ, и потому скоро вошли въ составъ церковныхъ законоположеній.

Отъ иноческой литературы обратимся къ жизни иноковъ. Изъ своей родины Египта монашество въ разсматриваемый нами періодъ широко распространилось по всему христіанскому міру. Въ Египтѣ иноки по прежнему считались десятками тысячь, имѣя въ рядахъ своихъ двухъ Макаріевъ, Арсенія великаго, Исидора Пилусіота и т. д. Но десятками же тысячь считались они и въ Палестинѣ, гдѣ естественно было собираться благочестивымъ людямъ на мѣстахъ священныхъ библейскихъ воспоминаній и гдѣ начальниками иноческаго житія были св. Иларіонъ, бл. Іеронимъ, Евфимій великій † 473, Герасимъ, иже на Іорданѣ, † 474 и т. д. Поселились иноки и на богошественной горѣ Синайской и въ ея окрестностяхъ, не смотря на опасность отъ нападенія варварскихъ кочевниковъ. Поселились иноки и въ окрестностяхъ Константинополя и въ самой столицѣ, живя и въ отдѣльныхъ кельяхъ и въ большихъ монастыряхъ. Имп. Валентъ встрѣтилъ обличителя инока (Исаакія Далматскаго) при самомъ выѣздѣ изъ столицы. Имп. Ѳеодосію младшему стоило только отъѣхать на охоту за нѣсколько верстъ отъ столицы, чтобы набрести на келію пустыннаго старца и принять отъ него скромное иноческое угощеніе. Толпы столичныхъ иноковъ подъ предводительствомъ Далмата представили собою предъ лицемъ императора въ 431 г. очень внушительную демонстрацію противъ Несторія. Множество иноковъ было въ Сиріи и въ малоазіатскихъ областяхъ имперіи. Монашество проникло и на западъ, гдѣ большое вліяніе на развитіе его оказалъ Іоаннъ Кассіанъ. Вообще

не было такого отдаленнаго уголка ни въ восточной ни въ западной имперіи, гдѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ не было бы и монашества. Поэтъ—язычникъ Клавдій Рутилій Нуманціанскій, будучи занесенъ бурею на островъ Капрарію, нашелъ и тамъ много монаховъ. „Весь этотъ островъ", говоритъ онъ, „заселенъ странными людьми, скрывающимися отъ свѣта. Они были грязны, неопрятны, называли себя монахами или пустынниками, скрывшимися для того, чтобы избѣжать людскихъ глазъ. Эти люди боятся житейскаго счастія и удачи, и боятся потому, что счастіе всегда можно потерять; такъ лучше, чтобы не быть насильно бѣдными, они избираютъ добровольную бѣдность. Странный выборъ!" Монашество распространилось даже между варварами, подвластными римской имперіи. Такъ языческій историкъ Евнапій свидѣтельствуетъ, что и у готѳовъ были монахи, впрочемъ, по его мнѣнію, притворные. „Былъ у готѳовъ и родъ такъ называемыхъ монаховъ, установленныхъ на подобіе тѣхъ, которые учреждены и у римлянъ. Въ этомъ подражаніи нѣтъ ничего труднаго; стоило имъ только надѣть черныя верхнія и нижнія одежды, влачащіяся по землѣ, и лукавствомъ пріобрѣсти римскую довѣренность. Варвары скоро узнали, до какой степени чинъ монаховъ уважается римлянами, и воспользовались этимъ къ ихъ обольщенію. Между тѣмъ варвары хранили твердо и неизмѣнно тайны отечественной вѣры въ ихъ непроницаемости." Конечно Евнапій ошибается, приписывая готоамъ небывалое лукавство, но важно для насъ его извѣстіе, что монахи были и между варварами.—Распространенію монашества быть можетъ содѣйствовали также иноки странствующіе, появившіеся въ этотъ періодъ. Иные бѣгали земной славы. Такъ св. Иларіонъ, (память 22 окт.) отецъ палестинскаго монашества, избѣгая людской молвы и почитанія человѣческаго, удалился изъ Палестины и жилъ сначала въ разныхъ мѣстахъ Египта, потомъ въ Сициліи, потомъ въ Епидаврѣ Далматскомъ, и наконецъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ и скончался 373 г. Другіе поставляли странничество подвигомъ душевнаго спасенія. Такъ преп. Мартиніанъ (память февр. 13) сначала, избѣгая женщинъ, удалился на необитаемый островокъ, а потомъ, когда и туда послѣ кораблекрушенія была выброшена женщина, рѣшился искать спасенія въ постоянномъ бѣгствѣ. *Бѣгай, Мартиніанъ, да не постигнетъ тебя напасть*, говорилъ себѣ святой и, переходя изъ мѣста въ мѣсто, въ два года пробѣжалъ 164 города и скончалъ свое земное теченіе въ Аонахъ.

Параллельно съ широкимъ распространеніемъ иночества измѣнился и его характеръ. Вмѣсто добровольцевъ христіански-совершеннаго житія, подобно птицѣ небесной не знавшихъ ни собственности и никакой надъ собою земной власти,—иноки вошли въ составъ клира, вмѣстѣ съ своими монастырями стали пользоваться—бо́льшею частію очень достаточнымъ—обезпеченіемъ отъ щедротъ христолюбцевъ, подчинились мѣстному епископу и сами получили доступъ къ высшимъ іерархическимъ должностямъ.

Каноническое положеніе иноковъ на соборѣ халкидонскомъ обозначено слѣдующимъ (4-мъ) правиломъ: „Истинно и искренно проходящіе монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но поелику нѣкоторые, пользуясь монашескою одеждою, разстроиваютъ церкви и гражданскія дѣла, безразсудно ходя по городамъ, и даже стараются составлять сами для себя монастыри; то разсуждено, чтобы никто нигдѣ не составлялъ и не созидалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ позволенія епископа города; *а монашествующіе въ каждомъ городѣ и странѣ да подчиняются епископу*“ и пр. Въ этомъ правилѣ законоположено то, что давно уже осуществилось на практикѣ, и притомъ осуществилось не безъ борьбы. Экзальтированные иноки, извѣстные подъ именемъ *евхитовъ* или *мессаліанъ* или *энтузіастовъ*, считая себя внѣ всякаго земнаго закона, разумѣется не думали подчиняться и епископамъ. Египетскіе отшельники любили выражаться такъ: *„монахъ долженъ избѣгать епископовъ и женщинъ; потому что ни тѣ, ни другія не дадутъ ему ни спокойно оставаться въ кельѣ, ни посвятить себя созерцательной жизни.*“ Епископы оскорблялись непослушаніемъ этихъ заблуждшихъ овецъ и старались волею-неволею привлечь ихъ на свою нажить. Эта глухая борьба, о которой исторія сохранила только случайныя и анекдотическія свѣдѣнія (таково напр. извѣстіе объ изобличеніи главы мессаліанъ Аделфія Флавіаномъ е. антіохійскимъ 381—404 г. или о борбѣ Ѳеофила алекс. съ долгими братьями), кончилась полною побѣдою епископовъ. Иначе впрочемъ и быть не могло. Монашество нуждалось въ дисциплинѣ и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе умножалось число иноковъ и улеталъ животворный духъ древняго подвижничества. Но утративъ часть своей свободы, иноки получили за то опредѣленное и довольно привиллегированное положеніе въ государствѣ, могшее помимо всего прочаго привлекать къ себѣ уже одною свободою отъ податей и повинностей, столь тяжелыхъ въ ви-

зантійской имперіи. Подчинившись епископамъ и составивъ ихъ—такъ сказать—черную гвардію, иноки не остались безучастными въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ нужна сила и многолюдство. Разрушеніе синагогъ и языческихъ капищъ, преслѣдованіе иномыслящихъ—безъ иноковъ не обходилось. Въ борьбѣ александрійскаго патріарха съ іудеями и префектомъ Орестомъ (413—415) иноки принимали очень бурное участіе, при чемъ одинъ изъ нихъ поплатился жизнію. Во время разбойничьяго собора 449 г. сирскіе иноки съ архимандритомъ Варсумою, поддерживая Діоскора, наносили угрозы и побои его противникамъ. Іерусалимскій самозванный епископъ Θеодосій, отвергая халкидонскій соборъ, при помощи палестинскихъ монаховъ, около двухъ лѣтъ (452—3) могъ противиться высшему духовному и свѣтскому правительству имперіи.

Обращаясь къ канонизованнымъ инокамъ нашего періода,—къ тѣмъ героямъ аскетической добродѣтели, въ которыхъ вѣкъ видѣлъ осуществленіе своихъ лучшихъ идеаловъ,—мы должны сказать, что и въ нихъ отразилась общая перемѣна въ положеніи монашества. Аскетическіе подвиги—тѣже; но къ нимъ примѣшалась извѣстная доля эксцентричности. Появились св. подвижники *странствующіе*, изъ коихъ канонизованы св. Иларіонъ и св. Мартиніанъ, о которыхъ мы говорили выше. Какъ особый видъ странствующихъ подвижниковъ являются такъ называемые *пасущіеся* (βοσκοι), скитавшіеся въ горахъ и пустыняхъ Месопотаміи и Палестины безъ покрова и безъ вареной пищи. Появились такъ называемые *столпники* (στυλῖται). Основатель этого рода подвижничества св. Симеонъ+431 г. (память 1 сент.) подвизался въ 60 верстахъ отъ Антіохіи на столпѣ или на малой башнѣ, верхняя площадка которой была въ два лактя (т. е. немного болѣе квадратнаго аршина). Тамъ пребывалъ святой почти безъисходно 27 лѣтъ, стоя на молитвѣ съ желѣзными веригами на шеѣ. Сходить со столпа святому приходилось только раза три, когда столпъ ветшалъ и нужно было замѣнить его новымъ. Каждый разъ благочестивые почитатели Симеона устрояли ему все болѣе и болѣе высокій столпъ. Первый столпъ, устроенный самимъ Симеономъ, былъ въ 6 лактей; второй уже въ 12, третій въ 22, и четвертый въ 36. Жизнь на столпѣ была почти невозможна для человѣка, такъ что одинъ священникъ, пришедшій изъ Аравіи посмотрѣть на подвиги Симеона, не безъ основанія заклиналъ его сказать по правдѣ, человѣкъ ли онъ или существо безтѣлесное. Въ отвѣтъ на это Симеонъ пригласилъ посѣтителя взойти на верхъ столпа и показалъ свои

ноги, гнившія и точимыя червями вслѣдствіе всегдашняго стоянія. Необычные подвиги привлекали ко столпу св. Симеона множество любопытныхъ и набожныхъ поклонниковъ. Быть можетъ это обстоятельство не понравилось другимъ инокамъ и сирскіе пустынники послали сказать св. столпнику слѣдующее: *отчего не идешь отеческимъ путемъ, а изобрѣлъ какой-то новый? Сойди со столпа и живи, какъ древніе отцы пустынные.* Но когда св. Симеонъ хотѣлъ оказать послушаніе, то старцы, довольные этимъ, оставили его жить по прежнему. Примѣръ св. Симеона нашелъ себѣ подражателей, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Даніилъ столпникъ († 490), подвизавшійся близь Константинополя.

Эксцентричность и своеобразность подвижничества, поражающая насъ въ разсматриваемый нами періодъ, имѣетъ мѣсто особенно по отношенію къ женскому подвижничеству. Многія преподобныя жены этого времени надѣвали на себя одежду монаховъ и подвизались въ мужскихъ монастыряхъ, прикрывая себя именемъ столь многочисленныхъ тогда въ византійской имперіи евнуховъ. Желаніе укрыться отъ родныхъ и близкихъ, иногда даже отъ мужьевъ, не допускавшихъ до иночества,—а также, быть можетъ, желаніе смѣло идти въ самый разгаръ искушеній—были побужденіями къ принятію на себя такого страннаго подвига... Обратимъ прежде всего вниманіе на житіе преп. Матроны (память ея 9 ноября), которое представляетъ въ себѣ еще простой и недоконченный типъ указаннаго выше подвига. Скрываясь отъ ревниваго и строптиваго мужа, 25-тилѣтняя Матрона, остригши волосы, въ евнушеской одеждѣ и подъ именемъ евнуха Вавилы, пришла (ок. 415 г.) въ одинъ цареградскій монастырь и была включена въ составъ братства. Спустя немало времени одинъ изъ братій обратилъ вниманіе на провернутыя для серегъ уши мнимаго евнуха, а игумену (преп. Вассіану) было открыто въ сонномъ видѣніи, что евнухъ Вавила есть женщина. Смущенный сновидѣніемъ, игуменъ раскрылъ евангеліе и прочелъ мѣсто (Лук. 13, 20—21), гдѣ говорится о *женѣ,* заквасившей тѣсто. Недоумѣніе игумена было рѣшено. Призвавъ Матрону, игуменъ грозно спросилъ ее, какъ она, будучи женщиною, осмѣлилась поступить въ мужской монастырь, пріобщаться св. таинъ съ непокровенною главою и давать лобзаніе братіи. Слезы Матроны, откровенно разсказавшей игумену исторію своей жизни, тронули старца. Онъ съ миромъ отпустилъ ее въ женскій монастырь и впослѣдствіи заботился о томъ, чтобы укрыть ее отъ поисковъ раздраженнаго мужа.

—Болѣе выдержанный до конца типъ тогоже подвига представляетъ житіе пр. Пелагіи (память ея 8 окт.) Пелагія была язычница и блудница, которую антіохійскіе граждане за изящество ея наружности прозвали *маргаритою* т. е. жемчужиною. Почувствовавъ раскаяніе въ своей безобразной жизни, Пелагія приняла крещеніе, раздала свое имущество на благотворенія и скрылась изъ Антіохіи. Спустя нѣсколько лѣтъ въ Іерусалимѣ оказался жившій въ затворѣ на Елеонской горѣ евнухъ Пелагій. Онъ проводилъ время въ постѣ, молитвѣ и трудахъ, и многимъ житіе его было на пользу. Наконецъ ок. 457 г. авва Пелагій умеръ. Разнеслась объ этомъ вѣсть въ Іерусалимѣ; стеклось къ келліи Пелагія много духовныхъ и мірянъ, и когда раззорили затворъ и, вынесши тѣло, стали готовить его къ погребенію, то оказалось, что авва Пелагій былъ женщина. Тотъ же діаконъ Іаковъ, который присутствовалъ при крещеніи Пелагіи, случайно былъ и при ея погребеніи и оставилъ намъ ея житіе.—Въ томъже родѣ житіе пр. Ефросиніи, (память ея сент. 25). Она была дочь богатаго александрійца Пафнутія и отецъ сговорилъ уже выдать ее замужъ. Но бесѣды съ иноками дали ея мыслямъ другое направленіе. Надѣвъ мужскую одежду и взявъ 50 златницъ, 18-лѣтняя Евфросинія скрылась изъ дому и, пришедши въ одинъ изъ монастырей, назвала себя царскимъ евнухомъ, дала 50 златницъ вкладу и приняла ипочество съ именемъ Измарагда. Но красота Евфросиніи, даже подъ одеждою инока, была такъ велика, что возбуждала въ братіи помыслы неполезные; поэтому игуменъ присудилъ ей жить въ уединеніи. 38 лѣтъ Евфросинія прожила въ монастырѣ, много разъ видѣла и утѣшала своего отца, посѣщавшаго монастырь, и только предъ самою смертію (ок. половины V в.) открыла ему свою тайну.

Таже исторія получаетъ еще новое усложненіе въ житіи Маріи, проименованной Мариномъ (память февр. 12). Одинъ обитатель Виѳиніи, по имени Евгеній, овдовѣвъ, разсудилъ идти въ монастырь и взялъ съ собою малолѣтнюю дочь Марію, одѣвъ ее въ мужское платье и переименовавъ Мариномъ. Отецъ скоро умеръ, а дочь продолжала жить въ монастырѣ въ образѣ молодаго инока. Чрезъ нѣсколько времени мнимый Маринъ подвергся тяжкой и совершенно незаслуженной клеветѣ. Дочь гостинника,—у котораго иногда останавливался Маринъ, исполняя монастырскія порученія,—забеременѣла и вину своего паденія сложила на инока Марина. Гостинникъ пожаловался игумену и мни-

мый Маринъ съ безчестіемъ былъ изгнанъ за монастырскую ограду. Этого мало. Гостинникъ принесъ новорожденнаго младенца на воспитаніе мнимому отцу, и три года Маринъ, будучи въ самомъ бѣдственномъ положеніи, воспитываетъ младенца, быть можетъ удовлетворяя врожденному женскому стремленію къ материнской заботливости. Спустя три года, иноки сжалились надъ Мариномъ и опять приняли его въ монастырь вмѣстѣ съ ребенкомъ, который впрочемъ скоро умеръ. Недолго послѣ того прожилъ и Маринъ. Когда стали приготовлять умершее тѣло къ погребенію, то открылось, что мнимый Маринъ былъ женщина, открылось—къ общему удивленію братіи и ужасу гостинника и его дочери. [1]) Еще новое видоизмѣненіе тойже исторіи о женскомъ иночествѣ въ мужскомъ образѣ находимъ въ житіи Андроника и жены его Аѳанасіи (память ихъ окт. 9.) Потерявъ дѣтей, супруги разошлись по разнымъ монастырямъ; но спустя 12 лѣтъ Аѳанасія, надѣвъ одежду монаха и переименовавшись Аѳанасіемъ, нашла своего мужа и паломничала съ нимъ по святымъ мѣстамъ Палестины, потомъ 12 лѣтъ жила съ нимъ въ одной кельѣ. Андроникъ не узналъ своей жены, частію по причинѣ ея евнушескаго образа, частію потому, что лице ея увяло отъ воздержанія, частію наконецъ потому что она наложила на себя обѣтъ молчанія. Тайна открылась уже послѣ смерти Аѳанасіи изъ оставленнаго ею письма.—Иноческое incognito до самой смерти среди близкихъ родныхъ составляетъ также характерный подвигъ V вѣка. Такимъ подвигомъ подвизались Алексій человѣкъ Божій въ Римѣ (+411) и Іоаннъ Кущникъ въ Цареградѣ (во 2-й половинѣ V в.) Оба житія довольно сходны. И въ томъ и въ другомъ—любимый сынъ богатыхъ родителей, возгорѣвшись стремленіемъ къ аскетизму, убѣгаетъ изъ родительскаго дома и потомъ спустя много лѣтъ возвращается, живетъ при родительскомъ домѣ никѣмъ неузнанный въ видѣ странника и нищаго, и узнается уже при смерти.—Мы старались охарактеризовать канонизованныхъ подвижниковъ и подвижницъ иночества, но должны сказать, что общій уровень иноческой добродѣтели

---

[1]) Подобная же исторія о неправедномъ оклеветаніи разсказывается и въ житіи Ѳеодоры александрійской, (пам. сент. 11), которая также жила въ мужскомъ монастырѣ подъ видомъ инока, но немного позже нашего періода, именно къ концу V вѣка.

въ разсматриваемомъ періодѣ понизил я противъ прежняго. Для этого намъ достаточно сослаться на приведенныя выше выдержки изъ писемъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

Епископы и міряне разсматриваемаго періода. Подавленіе язычества на востокѣ.

Если вѣрить Папарригопуло (II, 542.), первоначальная организація восточной церкви представляла собою точное подобіе республиканскаго устройства древней Греціи. „Церковь христіанская была ничто иное, какъ собраніе древнихъ еллинскихъ вѣчь (εκκλησία τῶν ἀρχαίων δήμων); собраніе пресвитеровъ — это совѣтъ или *дума* (βουλή); епископы—это архонты; а епархіальные синоды—это древніе международные конгрессы (τὰ πάλαι ποτε κατὰ ἔθνη συνέδρια). Всѣ эти старые типы общественнаго устройства еще сохранялись въ эллинскомъ мірѣ во время появленія христіанства... И мы—такъ сказать—во очію видимъ, какъ древній эллинизмъ пресуществляется въ новый. Съ теченіемъ времени древній демократическій христіанскій эллинизмъ все болѣе и болѣе принималъ аристократическій характеръ, особенно послѣ утвержденія въ Константинополѣ христіанской монархіи.“ Конечно, время шло и привносило свои перемѣны. И продолжая мысль Папаригопуло, можемъ сказать, что какъ измѣнялся древній эллинизмъ, вырождаясь въ византинизмъ, въ такой же мѣрѣ параллельно съ этимъ измѣнялся и типъ церковнаго устройства. Самая капитальная изъ этихъ перемѣнъ состояла въ томъ, что центръ тяжести въ церковно-общественныхъ дѣлахъ былъ перенесенъ изъ области полномочія отдѣльныхъ общинъ въ сферу власти абсолютнаго монарха и окружавшихъ его придворныхъ. Это отразилось: 1, *на избраніи епископовъ*. Прежде избраніе епископа зависѣло главнымъ образомъ отъ его будущей паствы; теперь оно рѣшалось волею императора въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ хотѣлъ проявлять свою волю. Такъ Нектарій, св. Іоаннъ Златоустъ, Несторій и другіе столичные патріархи были назначены государемъ; такъ имп. Валентъ во многіе города назначалъ аріанскихъ епископовъ въ замѣнъ изгнанныхъ православныхъ,—совершенно противъ желанія паствы. Правда въ большинствѣ случаевъ гос-

подствовалъ еще смѣшанный способъ избранія епископовъ, въ которомъ принимали участіе и будущіе пасомые, и сосѣдніе іерархи, и правительственные агенты; при избраніи бывало много безпорядковъ; но общій ходъ исторіи очевидно направлялся къ тому, чтобы послѣднее слово осталось за самодержцемъ. 2) *во взаимномъ отношеніи іерарховъ.* Прежде всѣ епископы христіанскаго міра считались равны между собою. Теперь административное дѣленіе имперіи и субординація городовъ малыхъ большимъ были перенесены и въ церковную область. Мы имѣли случай видѣть, что, какъ скоро имп. Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на 1-ю и 2-ю,—тотчасъ Анѳимъ, митрополитъ Тіаны, главнаго города 2-й Каппадокіи, вступилъ въ борьбу изъ-за подчиненныхъ епархій со св. Василіемъ, архіепископомъ Кесаріи, главнаго города 1-й Каппадокіи; мы знаемъ, что св. Іоаннъ Златоустый объѣзжалъ Асію и Понтъ, судя и низлагая епископовъ, какъ ихъ начальникъ; что на III вс. соборѣ египетскіе епископы составляли послушную свиту патріарха александрійскаго, а такъ называемые *восточные* епископы—группировались около патріарха антіохійскаго. Всѣ эти явленія находятъ себѣ объясненіе въ аналогіи церковнаго дѣленія имперіи съ политическимъ. Политическое дѣленіе византійской имперіи было слѣдующее: 1) *Префектура востока*, подраздѣлявшая на 5 діоцезовъ: α) собственно восточный (столица Антіохія) β) Египетъ (ст. Александрія) γ) Асія (ст. Ефесъ) δ) Понтъ (ст. Кесарія капп.) ε) Ѳракія (ст. Ираклія, вскорѣ потомъ Константинополь) II) *Префектура восточно-иллирійская*, состоявшая изъ Македоніи и Дакіи со столицею Солунемъ. Примѣнительно къ этому административному дѣленію пріурочены были и центры церковной власти,—съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что патріархъ Константинополя, новаго Рима и резиденціи государя,—завѣдывалъ не только всею европейскою частію византійской имперіи, но и діоцезами асійскимъ и понтскимъ, имѣя при себѣ постоянный соборъ (σύνοδος ἐνδημοῦσα) изъ пріѣзжавшихъ въ столицу архіереевъ: а антіохійскій патріархъ долженъ былъ уступить значительную часть своего округа патріарху священнаго града Іерусалима. Так. обр. къ концу нашего періода въ восточной имперіи образовалось четыре неравныхъ по своему пространству патріархата, изъ коихъ два (антіохійскій и іерусалимскій) вмѣщались въ предѣлахъ одного діоцеза *восточнаго*; александрійскій—завѣдывалъ цѣлымъ діоцезомъ египетскимъ; а константинопольскій—всѣми остальными 5-ю діоцезами восточной импе-

ріи. На долю же папы римскаго досталась вся западная римская имперія, подраздѣлявшаяся на двѣ префектуры и семь діоцезовъ. Патріархи и архіереи другихъ центральныхъ городовъ (митрополиты) въ силу политическаго значенія своихъ каѳедръ выдѣлились изъ ряда своихъ собратій епископовъ, и считались настолько важнѣе ихъ, насколько напр. генералъ-губернаторъ выше городничаго. 3) Наконецъ вліяніе императоровъ отразилось *на соборахъ епископскихъ*. Съ древнихъ временъ епископы, по примѣру апостольскому, имѣли обычай съѣзжаться на соборы, на которыхъ безъ всякаго сторонняго вмѣшательства занимались рѣшеніемъ вопросовъ относительно текущей церковной жизни: теперь императоры усвоили себѣ право созывать соборы, предсѣдательствовать на нихъ лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ, руководить соборными засѣданіями и утверждать соборныя рѣшенія своею властію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи императоры преклонялись предъ рѣшеніями соборовъ, считая ихъ органомъ Св. Духа;—но не могли не сознавать, что на практикѣ отъ императорской власти зависѣло дать соборнымъ постановленіямъ силу обязательнаго закона. Да и кромѣ того—сами члены соборовъ своими пререканіями очень часто настойчиво вызывали вмѣшательство императорской власти.

Какъ судить объ этой перемѣнѣ въ положеніи епископовъ нашего періода? Если основаться на мнѣніи св. Григорія Богослова и другихъ современныхъ писателей, то перемѣна была къ худшему. Вотъ мысли св. Григорія относительно *избранія* епископовъ. „Теперь есть опасность, чтобы священный чинъ не сдѣлался у насъ наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелью, но происками, и каѳедры занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими.... Не бываетъ ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки. А предсѣдатель въ церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, уже и выросъ, какъ исполины въ баснѣ. Достойный высокой степени стоитъ смиренно; а надмѣнный предсѣдательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета входитъ на каѳедру...“ Палладій въ *жизни Златоустаго* такъ описываетъ избирательную борьбу, когда, по смерти Несторія, сдѣлалась праздною столичная каѳедра. „Можно было видѣть въ то время цѣлую толпу претендентовъ на это достоинство, которыхъ даже никто и не предполагалъ,—людей, недостойныхъ названія людей, священниковъ, недостойныхъ священства;

одни осаждали переднія двора, другіе сорили золотомъ, третьи готовы были просить на колѣнахъ благосклонности народа."—Въ одномъ письмѣ Григорія Богослова къ Василію къ великому, можемъ видѣть, какъ неблагопріятно смотрѣлъ св. отецъ на разницу которая установилась между *архіереями большихъ и малыхъ городовъ*. „Если въ тебѣ есть большое желаніе показать себя и честолюбіе,—пишетъ св. Григорій св. Василію—„и простираешь къ намъ рѣчь съ высоты, какъ гражданинъ митрополіи къ гражданамъ малаго города или даже не имѣющимъ у себя города; то и у насъ есть гордость, которую можемъ противопоставить твоей. Это всякому не трудно, а можетъ быть и болѣе прилично." Наконецъ о *епископскихъ соборахъ* того времени отзывъ св. отца также далеко не лестный. „Не видалъ я", пишетъ св. Григорій, „ни одного собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ, и не увеличивало бы бѣдствій вмѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ. Любовь къ спорамъ и любоначаліе выше всякаго описанія."—

Но мы не должны забывать, что св. Григорій Богословъ и другіе отцы церкви (напр. Василій великій, Іоаннъ Златоустъ) также худо отзывавшіеся о современномъ епископствѣ и клирѣ, относились къ жизни слишкомъ съ идеальными требованіями, которымъ никакъ не могла удовлетворить дѣйствительность. Рѣшающее вліяніе византійскаго императора въ дѣлахъ церковно-общественныхъ, вызывалось всѣмъ ходомъ исторіи и требованіями самаго духовенства,—а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны были послѣдовать и тѣ перемѣны въ положеніи и нравственномъ характерѣ епископовъ и клира, которыя такъ не нравились христіанскимъ идеалистамъ. Правда были въ тотъ періодъ еще очень многіе святители, какъ напр. Василій великій, Григорій Богословъ, Амвросій медіоланскій, Синезій пентапольскій, которые обнаруживали мужественную независимость по отношенію къ гражданской власти, но всѣ эти люди очевидно плыли противъ теченія и нельзя было ожидать, что большинство за ними послѣдуетъ. Св. Амвросій медіоланскій могъ выражаться такъ: „величіе и достоинство епископскаго званія ни съ чѣмъ на землѣ несравнимо. Если мы будемъ сравнивать его съ царскою діадимою, то это все равно, что сравнивать золото съ оловомъ." Но такъ какъ полновластный императоръ былъ одинъ, а епископовъ,—и притомъ соперничествующихъ,—много; то

естественно, что большинство епископовъ были льстецами и угодниками царской власти. И за всѣмъ тѣмъ епископство въ разсматриваемомъ періодѣ все-таки стояло очень высоко,—и какъ учрежденіе, и по личному составу. *Какъ учрежденіе*, епископство открывало для предстоятеля церкви всѣ возможные способы дѣлать всякое добро для своей паствы. Обязанности епископа были многочислены и разнообразны: проповѣдывать слово Божіе, бороться съ ересями, покровительствовать слабымъ, обуздывать сильныхъ, вникать во всѣ дѣла гражданской и политической жизни, чтобы повсюду водворять духъ справедливости, милосердія и благочестія—вотъ какой дѣятельности ждалъ отъ епископа народъ. Для выполненія этихъ задачъ епископу нужны были большія и легальныя и матеріальныя средства. Чтобы располагать достаточными легальными средствами для своей общественной дѣятельности, епископы крѣпко держались за предоставленное церкви право *убѣжища* (борьба Златоустаго съ Евтропіемъ) [1]) и пользовались иногда правомъ *отлученія* (отлученіе Синезіемъ правителя пентапольской области Андроника). Чтобы располагать достаточными матеріальными средстами, епископы часто тратили свое личное достояніе. Такъ Ѳеодоритъ Кирскій издержалъ свое богатое наслѣдіе на общественныя нужды своего города. Даже такой нестяжатель, какъ св. Григорій Богословъ отказался принять сасимскую каѳедру, главнымъ образомъ потому, что не хотѣлъ *идти нищій къ нищему народу*. Церковные доходы и имущества, находившіяся въ распоряженіи епископа, были во многихъ каѳедрахъ весьма значительны, но и нужды, удовлетворять которымъ считалъ себя обязаннымъ тогдашній епископъ, были также весьма велики и разнообразны. Такъ исторія съ уваженіемъ упоминаетъ объ Акакіѣ, епископѣ амидскомъ, который въ 421 г., во время войны римлянъ съ персами, съ согласія клира продалъ золотые и серебряные сосуды церковные, чтобы выкупить и прокормить плѣнныхъ персовъ, которые розданы были солдатамъ по праву войны и въ надеждѣ выкупа. Царь персидскій Варанъ, тронутый великодушіемъ христ. епископа, прекратилъ гоненіе на христіанъ въ Персіи.—Для удовлетво-

---

[1]) Право *убѣжища* въ церкви было ограничено для рабовъ указомъ Ѳеодосія II отъ 432 г.; да и вообще свѣтская власть столько же старалась отмѣнить право убѣжища, сколько духовная—сохранить его.

ренія многообразныхъ нуждъ епархіи, епископы естественно заботились объ умноженіи своихъ доходовъ, и въ этомъ находитъ себѣ если не оправданіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе, укоренившаяся съ сего времени *симонія*, т. е. обычай возводить въ священныя степени за деньги.—Что касается до *личнаго состава* епископовъ, то едвали какое-нибудь другое время въ исторіи церкви можетъ представить такъ много просвѣщенныхъ, добродѣтельныхъ и даже канонизованныхъ святителей, какъ разсматриваемый періодъ. Конечно и въ этомъ періодѣ на одного знаменитаго епископа можно насчитать десятки ничѣмъ себя не ознаменовавшихъ,—но доблестные люди всегда рѣже встрѣчаются, чѣмъ обыкновенные.

Жизнь большинства вѣрующихъ,—*мірянъ*, все болѣе и болѣе оттѣсняемыхъ на задній планъ исторіи *иноками* и *клиромъ*,—въ настоящемъ періодѣ не представляетъ чего-либо особенно выдающагося. Христіанство, все болѣе и болѣе проникало въ общественное сознаніе, изглаждая остатки языческаго міровоззрѣнія. Обычай отлагать крещеніе до смерти былъ оставленъ, быть можетъ отчасти въ надеждѣ на очищающую силу предсмертнаго иночества. Въ иноческомъ аскетизмѣ міряне по прежнему видѣли высшій идеалъ христіанской добродѣтели, недостижимый для нихъ по условіямъ ихъ быта. Увлеченіе богословскими спорами, въ началѣ разсматриваемаго періода охватившее почти всѣхъ христіанъ, съ теченіемъ времени стало мало по малу ослабѣвать. Въ замѣнъ того выступило усердное почитаніе мощей и другихъ священныхъ реликвій, въ послѣдствіи сдѣлавшееся характерною чертою византійской жизни,—о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ 9 чтеніи.

Для язычества разсматриваемый періодъ былъ тяжелымъ и роковымъ. Кратковременное торжество язычниковъ при Юліанѣ повело только къ тому, что послѣдующіе императоры, ревнители христіанства, —начиная съ Ѳеодосія великаго—возъимѣли рѣшительное намѣреніе стереть съ лица земли язычество. Языческіе храмы были разрушаемы, жрецы и философы изгоняемы, церемоніи языческаго культа воспрещаемы и т. д. Однимъ словомъ язычество очутилось въ такомъ же, если не худшемъ, положеніи, въ какомъ находились христіане въ первые три вѣка. Подобно древнимъ христіанскимъ апологетамъ, языческіе фи-

лософы возопили о свободѣ совѣсти. „Творецъ людей“, говорилъ Ѳемистій, „требуетъ отъ всѣхъ подобающаго ему поклоненія, но не налагаетъ на всѣхъ одного и того же культа, а предоставляетъ въ этомъ совершенную свободу. Каждый почерпаетъ въ своемъ геніѣ средства общенія съ божествомъ. Пусть египтянинъ, грекъ, сиріянинъ обожатель Творца съ церемоніями, отличающими одинъ народъ отъ другаго; слава Верховнаго Существа не умалится отъ этого, точно также какъ не увеличится, если во всѣхъ концахъ земли будуть возноситься Ему однообразныя моленія.“ Ливаній, жалуясь на разрушеніе христіанами языческихъ святынь, упрекаетъ ихъ во внутреннемъ противорѣчіи. „Христіане приступаютъ къ разрушенію нашихъ храмовъ, подкапываютъ стѣны, похищаютъ статуи, ниспровергаютъ жертвенники, отъ одной работы спѣшатъ къ другой и третьей?... Они думаютъ, что своими жестокостями доведутъ насъ до принятія ихъ религіи; они ошибаются... Въ дѣлѣ религіи все нужно предоставлять убѣжденію и ничего силѣ. Сами христіане не имѣютъ ли у себя прекраснаго закона, который внушаетъ имъ употреблять кротость и избѣгать принужденія? Зачѣмъ же они устремляются на наши храмы съ такою яростію?“ Не ограничиваясь жалобами, язычники иногда пытались защищать свои святыни вооруженною рукою. Такъ въ 391 г. въ Александріи язычники подъ предводительствомъ философа Олимпія выдерживали правильную осаду въ великолѣпномъ храмѣ Сераписа; побѣда досталась христіанамъ, но цѣною крови. Это были отчаянныя и безнадежныя усилія язычниковъ въ пользу стараго культа: христіане настойчиво и послѣдовательно вытѣсняли старую религію,—и къ концу разсматриваемаго періода язычество уцѣлѣло развѣ гдѣ-нибудь случайно въ глухихъ захолустьяхъ имперіи.—Изъ святыхъ канонизованныхъ, прославившихъ себя въ это время истребленіемъ памятниковъ язычества, извѣстны: Маркеллъ е. апамейскій, (авг. 14), Порфирій е. газскій (февр. 26), и братья Іулій пресвитеръ и Іуліанъ діаконъ (іюн. 21)—Духъ нетерпимости, проявившійся по отношенію къ язычникамъ, распространился и на иномыслящихъ христіанъ—*еретиковъ*, которые также подвергались всякимъ стѣсненіямъ отъ правительственной власти и лишены были легальнаго права на существованіе. Это была обратная сторона—или лучше сказать неудачное примѣненіе—той высокой идеи о *единствѣ человѣчества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ.

Въ сосѣднихъ византійской имперіи странахъ востока христіанство продолжало существовать и укрѣпляться. Персидская церковь,—благодаря гоненію,—украсилась множествомъ мучениковъ. Въ Арменіи изобрѣтенъ алфавитъ и переведены священныя книги Мезробомъ. Но тѣже страны, въ политическомъ отношеніи независимыя отъ Византіи, стали служить пріютомъ еретиковъ, преслѣдуемыхъ въ византійской имперіи.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Состояніе церкви при имп. Львѣ Ѳракіянинѣ и его преемникахъ до Анастасія I. (457—518).

Левъ Ѳракіянинъ (457—474). Его благочестіе и православіе.

Въ 457 г., когда умеръ Маркіанъ, послѣдній императоръ, связанный хотя фиктивнымъ образомъ съ династіею Ѳеодосія великаго, династія эта совершенно пресѣклась. Вопросъ о новой династіи оставался открытымъ и даже непредрѣшеннымъ. Самою могущественною въ Константинополѣ фамиліею была тогда фамилія Аспара, варвара по происхожденію. Цѣлыя три поколѣнія этой фамиліи,—отецъ Аспара, Ардабуръ, самъ Аспаръ и сынъ его, Ардабуръ—начальствовали войсками востока. Опираясь на войско, состоявшее бо́льшею частію изъ варваровъ, Аспаръ господствовалъ при дворѣ и въ столицѣ; щедрою раздачею казны онъ покупалъ себѣ популярность у столичной черни. Только духовенство было противъ Аспара, потому что онъ былъ аріанинъ. Быть можетъ, не желая ставить себя въ ложное положеніе въ качествѣ главы православнаго государства или по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, Аспаръ предпочелъ властвовать подъ чужимъ именемъ, хотя,—какъ увидимъ—горько ошибся въ своихъ разсчетахъ и ожиданіяхъ. Избранникомъ Аспара былъ прежній домоправитель его Левъ, родомъ ѳракіянинъ, носившій уже въ то время не особенно крупный чинъ *χιλιάρχα* (тысячника). Прежде бывало, что новоизбраннаго императора воины поднимали на щитъ; Левъ принялъ царское вѣнчаніе и помазаніе отъ руки константинопольскаго патріарха Анатолія (30 апр. 457 г.), и съ тѣхъ поръ эта церковная церемонія стала

обычною и обязательною для послѣдующихъ византійскихъ монарховъ. Родъ человѣческій неблагодаренъ вообще, и въ частности политика не знаетъ благодарности. Поэтому неудивительно, что Левъ,—человѣкъ, какъ видно, способный и энергичный,—утвердившись на престолѣ не пожелалъ быть слѣпымъ орудіемъ Аспара, и такимъ образомъ оказался неблагодаренъ къ своему прежнему начальнику и благодѣтелю. Всѣ гарантіи, которыя заблаговременно принялъ Аспаръ въ свою пользу, —удержаніе за собою и за старшимъ сыномъ Ардабуромъ главнаго начальства надъ войскомъ и предоставленіе другому сыну Патрикію титула кесаря—оказывались ненадежными. Въ Константинополѣ разсказывали такой анекдотъ. Аспаръ взялъ съ царя обѣщаніе назначить городскимъ епархомъ одного изъ друзей своихъ; царь назначилъ другаго. Тогда Аспаръ сталъ упрекать царя, какъ обманщика, и схвативъ его за одежду, сказалъ: „государь! носящему багряницу не прилично лгать.“ Левъ отвѣчалъ: „не прилично также царю слушаться кого бы то ни было, особенно, если это противно общей пользѣ.“ На сколько этотъ анекдотъ согласенъ съ дѣйствительностію, неизвѣстно; но современники находили, что онъ вѣрно характеризуетъ отношенія между царемъ и Аспаромъ. Натянутыя отношенія между имп. Львомъ и Аспаромъ продолжалось очень долго,—лѣтъ 14, (до 471 г.) пока Левъ покончилъ ихъ однимъ сильнымъ ударомъ, приказавъ умертвить Аспара и двухъ его сыновей. Правда, послѣ этой катастрофы въ войскѣ, состоявшемъ большею частію изъ готоовъ, произошло возмущеніе, причемъ одинъ изъ друзей Аспара Острисъ мстилъ за его смерть съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ что заслужилъ пословицу: νεκροῦ φίλος οὐδεῖς, εἰμὴ μόνος Ὠστρὺς,—правда что и самъ Левъ получилъ съ того времени прозваніе Μακέλλης т. е. „мясникъ, убійца,“ но за то онъ избавился отъ очень опаснаго и безпокойнаго товарища.

Многолѣтнею борьбою съ Аспаромъ опредѣлилось отчасти положеніе Льва по отношенію къ церкви. Вопреки Аспару, аріанину и другу солдатъ, Левъ ѳракіянинъ былъ царь строго православный и другъ духовенства. Поэтому неудивительно, что исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ. Относительно воцаренія Льва по обѣщанію Богоматери сложилось слѣдующее преданіе. Левъ, еще будучи частнымъ человѣкомъ, гулялъ однажды въ окрестностяхъ Константинополя и вблизи кипарисовой рощи увидалъ слѣпца, томимаго жаждою. Желая напоить слѣпаго,

Левъ напрасно искалъ воды, и вдругъ услышалъ голосъ,—предвѣщавшій ему царское достоинство: *императоръ Левъ! войди въ эту тѣнистую рощу и, почерпнувъ воды, напой слѣпца, а иломъ помажь ему глаза. Кто я здѣсь живущая, скоро узнаешь. Устрой мнѣ здѣсь храмъ; въ немъ я буду внимать молитвамъ вѣрующихъ.* Повинуясь голосу, Левъ скоро нашелъ источникъ воды, напоилъ слѣпаго и помазалъ ему глаза. Слѣпецъ прозрѣлъ. А Левъ, сдѣлавшись императоромъ, построилъ на семъ мѣстѣ великолѣпный храмъ въ честь Богоматери, извѣстный подъ именемъ *живоноснаго источника*, τῆς ζωοδόχου πηγῆς. (Праздникъ въ пятницу на пасхальной недѣлѣ.)—Относительно кровавой расправы съ Аспаромъ, въ житіи преп. Маркелла, начальника обители *неусыпаемыхъ* (память дек. 29) читаемъ слѣдующій разсказъ: „Аспаръ былъ первый послѣ царя, родомъ и могуществомъ силенъ, изъ племени готскаго; подъ рукой его было все войско греческое. И противился Аспаръ царю во многомъ и со всею своею фамиліею былъ тайно враждебенъ царскому дому, и всей церкви Христовой тяжекъ весьма, ибо много помогалъ аріанамъ и озлоблялъ православныхъ. Благочестивый же царь Левъ, будучи кротокъ и богобоязливъ, терпѣлъ Аспара до времени, частію по незлобію, частію потому, что все войско стояло на сторонѣ дома Аспарова... Но предъ тѣмъ какъ злочестивый домъ Аспаровъ долженъ былъ подвергнуться окончательному паденію, преподобный Маркеллъ видѣлъ такой сонъ: левъ боролся съ аспидомъ и аспидъ громадной величины билъ льва хвостомъ и одолѣвалъ; левъ отступалъ въ уныніи и обхаживалъ кругомъ аспида, не будучи въ состояніи сдѣлать ему какой-нибудь вредъ; затѣмъ оба противника отдыхали: немного спустя, левъ, собравшись съ силами, внезапно какъ бы пробудившись, съ яростію бросился на аспида и, ударивъ о землю, задушилъ его.—Послѣ этого сновидѣнія авва Маркеллъ пророчествовалъ, что Аспаръ со всѣмъ домомъ своимъ будетъ погубленъ отъ царя,—что́ и дѣйствительно исполнилось.“

Православіе и благочестіе имп. Льва выразилось α) въ его законодательствѣ β) въ его отношеніяхъ къ Даніилу столпнику и γ) въ отношеніяхъ къ еретикамъ.

α) О законодательствѣ и. Льва мы знаемъ, что оно проникнуто духомъ религіозной опеки. „Священнѣйшій императоръ Левъ,“ читаемъ у хроникера 1. Малалы, „приказалъ (467 г.) праздники проводить безъ работы, обнародовавъ о семъ свой божественный законъ, чтобы

въ праздничный день никто не игралъ ни на свирѣли, ни на гитарѣ, ни на другомъ музыкальномъ инструментѣ, но чтобы всѣ воздерживались отъ занятій.“ Такимъ образомъ, по закону Льва, Византія превратилась бы въ большой монастырь, еслибы царскаго указа было достаточно для того, чтобы регулировать бытъ и нравы народа. Благочестію императора Льва можетъ приписать и то обстоятельство, что два событія его царствованія были включены въ церковный календарь для вѣчнаго умиленнаго воспоминанія. Первое событіе—это великій пожаръ, продолжавшійся семь дней (въ первыхъ числахъ сентября 465 г.) и испепелившій бо́льшую часть Константинополя. Ежегодное воспоминаніе этого печальнаго событія поставлено въ календарь 1 сентября подъ заглавіемъ ἀνάμνησις τοῦ μεγάλου ἐμπρησμοῦ. Другое событіе, также тревожное, но не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, имѣло мѣсто въ началѣ ноября 469. „Въ Константинополѣ вмѣсто дождя падалъ съ неба пепелъ и нападало его на черепицы пальца на четыре. И всѣ трепетали, творя молитвы и говоря другъ другу: *былъ огонь и погасъ, и остался одинъ пепелъ по Божію человѣколюбію.*“ И это событіе, (которое Le Beau объясняетъ современнымъ изверженіемъ Везувія) включено въ календарь подъ 5 ноября.

β) Личное благочестіе императора Льва сказалось въ его отношеніяхъ къ пр. Даніилу, сирскому иноку, поселившемуся съ 465 года на столпѣ вблизи столицы. Жизнь столпника была тяжелая, особенно во время зимы и бурной погоды, и однажды св. Даніилъ едва не замерзъ. Узнавъ объ этомъ, имп. Левъ пришелъ къ столпнику и, упавъ ему въ ноги, просилъ позволенія устроить надъ столпомъ навѣсъ. *Пощади себя*, говорилъ императоръ столпнику, *если не ради себя, то ради нашей пользы; не умирай прежде времени, не оставляй насъ сиротами.* Уважая св. Даніила, царь повелѣлъ патріарху Геннадію (458—471) рукоположить столпника въ пресвитеры. Посвященіе совершилось необычнымъ образомъ. Даніилъ стоялъ на столпѣ; патріархъ внизу читалъ молитвы, многочисленный народъ восклицалъ: ἄξιος, и тогда уже столпникъ дозволилъ поставить лѣстницу и принялъ отъ руки патріарха, поднявшагося на верхъ, рукоположеніе и святое причастіе. Уваженіе царя къ столпнику видно и изъ слѣдующаго случая. Однажды, когда царь возвращался отъ столпа, онъ былъ сброшенъ конемъ, и въ письмѣ къ св. Даніилу такъ объяснялъ причину своей бѣды: *виновникъ моего паденія—я самъ, потому что я дерзнулъ предъ*

твоими очами сѣсть на коня, а не отошелъ подальше пѣшій отъ святаго столпа твоего. Царь показывалъ столпника знатнымъ посѣтителямъ Византіи, какъ великое чудо и сокровище въ своемъ царствѣ; такъ напр. представлялъ св. Даніила Губасію, царю лазовъ, который выразилъ свои чувства при видѣ столпника въ такихъ словахъ: *благодарю Тебя, Царь небесный, что Ты сподобилъ меня, пришедшаго къ царю земному, видѣть небеснаго человѣка и его образъ жизни!* Авторитетъ столпника въ глазахъ императора поддерживался удачными пророчествами: α) о рожденіи сына Льву (обстоятельство, неизвѣстное исторіи) β) о неудачномъ исходѣ нападенія Гензериха, царя вандальскаго на Александрію, и γ) о великомъ грядущемъ бѣдствіи, въ ожиданіи котораго столпникъ совѣтывалъ дважды въ недѣлю совершать соборныя молебствія. Предрѣченное св. Даніиломъ бѣдствіе былъ страшный пожаръ, (въ маѣ 469 г.), во время котораго царь съ царицею искали успокоенія и отрады у столпа преподобнаго. Пожаръ начался съ приморской стѣны, называвшейся корабельною, и охватилъ всю средину города до Константинова торга и даже до Юліанова берега. Погорѣло множество прекрасныхъ зданій, погорѣло много и людей, и не въ силахъ человѣческихъ было бороться съ разъяренною стихіею. Константинополь,—по словамъ очевидцовъ—погибалъ, какъ второй Содомъ. Это былъ уже третій великій пожаръ столицы въ царствованіе имп. Льва I.

γ) Отношенія имп. Льва къ еретикамъ опредѣлялись не столько его личными взглядами, сколько современными политическими обстоятельствами. Самъ строго православный единомысленный съ константинопольскимъ клиромъ и усердный почитатель собора халкидонскаго, императоръ былъ постоянно стѣсняемъ то Аспаромъ, то членами своего семейства, то нападеніями отъ внѣшнихъ враговъ—вандаловъ и готоовъ;—и потому вынужденъ былъ терпѣть существованіе и даже господство монофизитовъ на южныхъ окраинахъ имперіи—въ Египтѣ и Сиріи. Въ самомъ началѣ царствованія Льва египетскіе монофизиты, составлявшіе громадное большинство и—такъ сказать—туземную, національную партію въ Египтѣ, воспользовавшись извѣстіемъ о смерти имп. Маркіона и отсутствіемъ военачальника Діонисія, завладѣли главною церковію въ Александріи и поставили себѣ патріархомъ инока Тимоѳея Элура, прозваннаго такъ за свою хитрость и изворотливость. (Αἴλοῦρος—вертунъ хвостомъ, котъ). Тимоѳей Элуръ былъ посвященъ

двумя епископами, не признававшими собора халкидонскаго,—и когда возвратившійся въ Александрію военачальникъ Діонисій сталъ на сторонѣ законнаго и православнаго патріарха Протерія,—то произошелъ бунтъ, окончившійся убіеніемъ Протерія, терзаніемъ его трупа,—и полнымъ іерархическимъ господствомъ Элура во всемъ Египтѣ. Остававшіеся въ Египтѣ приверженцы халкидонскаго собора удалились въ Константинополь и подали императору горькую жалобу (за подписью 14 епископовъ и 6 клириковъ) на Тимоѳея Элура и на александрійскія безчинства. Положеніе имп. Льва было крайне затруднительно. Онъ еще не утвердился на престолѣ, и потому могъ отнестись къ такому важному событію, какъ церковное возмущеніе цѣлаго патріархата (или діоцеза) не иначе, какъ съ крайнею осмотрительностію.—Императоръ разослалъ египетскую жалобу безъ всякихъ предрѣшающихъ комментаріевъ по всѣмъ митрополіямъ имперіи [1]) и—какъ видно изъ отвѣтовъ—просилъ разсудить: признавать ли Тимоѳея законнымъ патріархомъ Александріи? и не нужно ли созвать новаго собора по поводу египетскихъ неустройствъ? Противъ Тимоѳея Элура почти всѣ епископы высказались отрицательно, нѣкоторые—съ сильнымъ паѳосомъ, нѣкоторые—условно, если все содержащееся въ жалобѣ справедливо; и только критскіе епископы, хотя съ нѣкоторыми оговорками, заявили: *о Тимоѳеѣ же... мы опредѣляемъ, что онъ твердъ на престолѣ.* На предложеніе собраться на всеобщій соборъ епископы или отмолча-

---

[1]) Благодаря этому обстоятельству для насъ выясняется составъ митрополій и автокефальныхъ епископій восточной имперіи. Именно имп. Льву прислали отвѣты слѣдующіе іерархи: константинопольскій, ираклійскій съ 3 епископами Европы, бизскій, филиппопольскій съ нѣсколькими, е. Севастіапъ (?), е. скиѳскій, епископы второй Мизіи 6, первой Сиріи 9, второй Сиріи 7, оздройской области 8, Месопотаміи 9, приморской Финикіи 12,—второй Финикіи 12, области исаврійской 18, первой Киликіи 8, Писидіи 15, Лидіи—20, Памфиліи 14, миръ-ликійскіе 22, родосскій, косскій, митрополіи кизической 16, первой Арменіи 5, второй Арменіи 5, первой Каппадокіи 2, второй Каппадокіи 8, области понтійской 4, области геллеспонтской 6,—Пафлагоніи 4, Дарданіи—4, коринѳской митрополіи 21, первой Галатіи—7; древняго Епира 9, новаго Епира 7, Крита 8=всего 277 епископовъ, поимянно обозначенныхъ. Очевидно, это далеко не всѣ епископы имперіи.

лись или высказались противъ. Особенно сильно выразились епископы геллеспонтскіе. *Если мы будемъ часто собираться, то можемъ мудрствовать что нибудь иное, кромѣ того, что́ предано намъ св. отцами и изъяснено св. соборами. Желающіе, чтобы былъ созванъ соборъ ни о чемъ иномъ хлопочутъ, какъ о томъ, чтобы большая часть епископовъ, продавъ свящ. сосуды, издержала всѣ драгоцѣнности на расходы, содержаніе себя и подводы,—и чтобы нѣкоторые изъ епископовъ, во время пути или на морѣ лишившіеся жизни, были признаны сочувствующими лицамъ, домогавшимся собора.* Заручившись общимъ голосомъ епископовъ, имп. Левъ приказалъ правителю Египта изгнать Тимоѳея съ патріаршей каѳедры. Но—должно быть—сторона, поддерживавшая Тимоѳея Элура, была очень сильна, потому что императоръ позволилъ Элуру явиться въ столицу, снова отпустилъ его на александрійскую каѳедру и уже чрезъ два года, по настоянію папы Льва, сослалъ Элура въ Херсонесъ таврическій.

Въ антіохійскомъ патріархатѣ господствовали подобныяже неустройства. Монахъ Петръ *Сукновалъ* (γναφεύς,) прозванный такъ отъ своего ремесла, усердный монофизитъ, прибавившій къ трисвятой пѣсни выраженіе: *распныйся за ны*,—явился въ 467 г. искателемъ антіохійской каѳедры при живомъ и православномъ патріархѣ Мартиріѣ. Мартирій, должно быть, опасаясь участи Протерія александрійскаго, добровольно оставилъ въ 471 г. каѳедру съ словами: *отъ клира непокорнаго и отъ народа непослушнаго и отъ церкви утратившей чистоту отступаюсь, оставляя за собою только достоинство священства.* Петръ Сукновалъ поспѣшилъ занять патріаршую каѳедру, но скоро принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ гнѣва императорскаго. Дѣло въ томъ, что въ это время императоръ раздѣлался съ Аспаромъ и могъ уже смѣло выразить свое усердіе къ православію и отвращеніе къ еретикамъ, противъ которыхъ издалъ въ концѣ царствованія строгіе указы.

Скончался Левъ въ генварѣ 474 г. на 73 году жизни, не оставивъ послѣ себя сыновей и назначивъ наслѣдникомъ престола своего несовершеннолѣтняго внука, также Льва, въ отличіе отъ дѣда прозваннаго *малымъ*. Самъ же Левъ I въ отличіе отъ внука извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *великаго*, хотя, помимо ревности о православіи, своими дѣлами и не заслужилъ такого почетнаго прозванія.

Левъ малый и Зенонъ. (474—491.) Энотиконъ Зенона и что изъ того вышло.

Переходя къ преемникамъ имп. Льва 1-го, мы прежде всего должны имѣть ясное представленіе о составѣ его семейства. Жена Льва 1 называлась Верина. Это была женщина даровитая, властолюбивая, склонная къ политическимъ волненіямъ и къ интригамъ. Ея безпокойный нравъ не былъ замѣтенъ при жизни мужа, но обнаружился впослѣдствіи. Братъ Верины, по имени Василискъ, также отличался властолюбіемъ, которое нисколько не соотвѣтствовало его дарованіямъ. Сыновей у Льва и Верины не было; по крайней мѣрѣ объ нихъ не знаетъ исторія. Изъ двухъ дочерей для исторіи восточной имперіи важна старшая—Аріадна. Ведя долгую и упорную борьбу съ фамиліей Аспара и поддерживавшими его воинами—готоами, Левъ 1 задумалъ однихъ варваровъ противопоставить другимъ. Онъ обратилъ вниманіе на исавровъ. Такъ назывался горный, разбойничій народъ, соотвѣтствующій нынѣшнимъ курдамъ, жившій въ горахъ между Ликаоніею, Фригіею, Писидіею и Киликіею. О нравахъ исавровъ современники даютъ невыгодный отзывъ. Такъ Исидоръ Пилусіотъ писалъ одному доброму исаврянину: „всѣ говорятъ о тебѣ, что ты лучше и рода и отечества своего, всѣ извѣщаютъ о твоемъ благонравіи—о томъ, что не удержалъ ты въ себѣ жестокости, свойственной жителямъ горъ“ (I п. 160); значитъ, добрый человѣкъ между исаврами считался исключеніемъ. Но во время борьбы не пренебрегаютъ никакимъ оружіемъ, лишь бы оно было пригодно. Поэтому и имп. Левъ I разсудилъ привлечь къ себѣ исавровъ, породнившись съ представителемъ ихъ племени Транскалиссеемъ, за котораго выдалъ свою дочь Аріадну. Транскалиссей, переименнованный Зенономъ, получилъ порученіе составить отрядъ войска изъ своихъ единоплеменниковъ исавровъ, былъ украшенъ саномъ патриція и въ 459 г. женился на Аріадпѣ. Плодомъ этого брака былъ *Левъ малый*, котораго дѣдъ за два года до смерти назначилъ своимъ преемникомъ. Малолѣтній императоръ, (относительно возраста котораго хронографы разногласятъ, но который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть старше 12 лѣтъ, а по извѣстію Малалы, былъ только 6 лѣтъ), естественно могъ прикрывать только своимъ именемъ проявленіе власти окружающихъ лицъ. Соискателями власти явились съ одной стороны мать императора Аріадна съ мужемъ Зенономъ, съ другой стороны—

бабушка Верина съ своимъ братомъ Василискомъ. Вѣроятно по совѣту матери маленькій императоръ увѣнчалъ короною своего отца и слѣд. призналъ его своимъ соправителемъ, въ то время, когда Зенонъ въ качествѣ начальника войска въ присутствіи народа воздавалъ сыну военныя почести. Левъ малый скоро умеръ, не процарствовавши и году. Злая молва обвиняла отца въ его смерти. Но мы отказываемся этому вѣрить. Какая была надобность Зенону совершать столь ужасное преступленіе?

Оставшись одинъ императоромъ, Зенонъ проявилъ вполнѣ неприглядныя свойства своего варварскаго нрава. Онъ былъ вялъ, лѣнивъ, нераспорядителенъ, жаденъ и развратенъ,—хотя и старался искупать свои грѣхи милостынями. Относительно послѣдней черты его характера сохранилась слѣдующая легенда. „Зенонъ царь отнялъ дочь у вдовы насиліемъ. И молилась вдова Богоматери, да сотворитъ отмщеніе царю за такую обиду. Но Богоматерь, явившись вдовѣ, отвѣчала: *ничего не могу я сдѣлать противъ Зенона царя, ибо онъ милостивъ къ убогимъ и рука его всегда отверста на благотворенія.*“ Дурное поведеніе Зенона открыло доступъ къ престолу его сопернику, которымъ былъ братъ его тещи Верины, Василискъ. Какъ совершился переворотъ, низвергшій Зенона и возведшій на престолъ Василиска, мы не знаемъ. Знаемъ только, что въ февралѣ 476 г. Зенонъ вмѣстѣ съ своею женою Аріадною бѣжалъ въ свое отечество Исаврію, а въ Константинополѣ воцарился Василискъ и царствовалъ 20 мѣсяцовъ, ничѣмъ не успѣвъ заслужить любви народной. Религіозная политика Василиска двоилась. Сначала онъ сталъ на сторонѣ монофизитовъ, предполагая, что они—сила; возстановилъ на александрійской патріархіи Тимоѳея Элура, много лѣтъ прожившаго въ ссылкѣ въ Херсонесѣ таврическомъ, а на антіохійской патріархіи—Петра Гнафея,—и окружною грамотою осудилъ халкидонскій соборъ, въ чемъ и нашелъ поддержку со стороны собравшихся въ Ефесѣ 500 епископовъ. Но въ столицѣ склонность Василиска къ монофизитамъ не встрѣтила сочувствія. Тогдашніе вожди столичнаго общественнаго мнѣнія патріархъ Акакій и въ особенности Даніилъ столпникъ жестоко обличали Василиска. Св. Даніилъ даже оставилъ свой столпъ и приказалъ нести себя къ Василиску, чтобы обличить его нечестіе и предсказать ему скорую гибель. Къ довершенію бѣды Василискъ жестоко разссорился съ своею сестрою Вериною, которая перешла на сторону своего зятя Зенона и стала помогать ему со всею энергіею своего страстнаго ха-

рактера. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Василискъ круто повернулъ на сторону православія; публично объявилъ себя православнымъ и подтвердилъ анаѳему на Несторія, Евтихія и другихъ еретиковъ. Но было уже поздно... Въ декабрѣ 477 г. Зенонъ безпрепятственно вступилъ въ столицу, а Василискъ, всѣми оставленный, искалъ убѣжища въ церкви. Зенонъ взялъ Василиска изъ храма, давъ клятву, что не обезглавитъ его, не изувѣчитъ и не прольетъ его крови, —и сдержалъ свое слово съ буквальною точностію. Несчастный Василискъ былъ сосланъ въ одну отдаленную крѣпость, гдѣ—по словамъ народной молвы—былъ опущенъ въ глубокую яму, и тамъ со всею семьею своею погибъ отъ голода. Послѣ своего возвращенія Зенонъ царствовалъ 12 слишкомъ лѣтъ до самой смерти,—но не безъ бурь, не безъ потрясеній. Таже императрица—теща Верина, которая сначала низвергла Зенона, потомъ снова посадила его на престолѣ, опять стала интриговать противъ него. Заключенная Зенономъ въ исаврійской крѣпости Папирѣ и снова освобожденная его врагами, Верина провозгласила императоромъ какого-то полководца Леонтія. Въ уцѣлѣвшемъ до настоящаго времени манифестѣ Верины, говорится, что „овдовѣвъ послѣ императора Льва, она увѣнчала исаврійца Трапскаллисся, переименованнаго Зенономъ, который сдѣлался недостоинъ этой чести вслѣдствіе своего тиранства и нерадѣнія о дѣлахъ общественныхъ. А посему августа Верина отнимаетъ корону у Зенона и передаетъ благочестивому императору Леонтію.“ Благочестивый Леонтій, немедленно послѣ провозглашенія своего императоромъ, опять заточилъ Верину въ замокъ Папиръ, гдѣ она скоро и умерла въ тоскѣ и отчаяніи (484 г.). Но и самъ Леонтій палъ жертвою военной неудачи, и голова его, равно какъ голова другаго знатнаго бунтовщика Илла, была выставлена на позорномъ столбѣ въ константинопольскомъ предмѣстіи Сикахъ (488 г.). Не мало также доставили Зенону хлопотъ готы, невѣрные друзья и опасные враги имперіи, состоявшіе подъ предводительствомъ двухъ враждебныхъ другъ другу Теодориковъ. Къ счастію Теодорикъ Косой скоро погибъ напрасною смертію (481 г.), а Теодорикъ Амалъ былъ направленъ Зенономъ въ Италію, (487 г.) гдѣ и воцарился на развалинахъ западной римской имперіи (489 г.).—Трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось изворачиваться Зенону, внушили историку Византіи Финлею довольно выгодное понятіе о способностяхъ этого государя. „Убѣжденія Зенона“, говоритъ Финлей,

„кажется страдали шаткостію, а поведеніе его было порочно; но если, не смотря на трудности своего положенія, на сильныя противъ него предъубѣжденія и на несчастныя событія своего царствованія, Зенонъ съумѣлъ поддержать цѣлость восточной имперіи, то этотъ фактъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ лишенъ мужества и дарованій.“

Обращаемся къ церковной политикѣ Зенона, которая характеризуется его знаменитымъ *энотикономъ* т. е. актомъ соединенія. Низвергнувъ Василиска, который попеременно былъ то монофизитомъ, то запоздалымъ приверженцемъ православія,—Зенонъ, обязанный своимъ торжествомъ православнымъ обитателямъ столицы, на первыхъ порахъ долженъ былъ явиться строго-православнымъ. Но скоро Зенонъ замѣтилъ, что при такомъ направленіи ему трудно будетъ сдержать въ единствѣ свою имперію. Въ Малой Азіи,—гдѣ епископы въ теченіе короткаго правленія Василискова торжественно то отвергли, то признали соборъ халкидонскій,—видно было, что умы колеблятся между православіемъ и ересью. Въ Сиріи же и Египтѣ монофизиты были гораздо многочисленнѣе православныхъ, и въ случаѣ притѣсненія со стороны правительства угрожали бунтомъ. И Зенонъ, по совѣту столичнаго патріарха Акакія, заблагоразсудилъ умирить монофизитовъ уступками на словахъ, не нарушая въ сущности опредѣленій халкидонскаго собора. Въ этомъ духѣ составленъ и обнародованъ въ 482 г. пресловутый ἑνωτικόν, адресованный къ церквамъ, подвѣдомственнымъ александрійскому патріарху. „Вѣдомо вамъ да будетъ, (читаемъ между прочимъ въ *энотиконѣ*), что мы и всюду сущія церкви не принимали, не пріемлемъ, и не будемъ принимать иного символа, или ученія, или вѣроопредѣленія, или вѣрованія, кромѣ св. символа, изреченнаго 318 отцами, подтвержденнаго 150 приснопамятными отцами, коему послѣдовали и св. отцы, собравшіеся въ Ефесѣ, ниспровергшіе нечестиваго Несторія и его единомышленниковъ. Онаго Несторія, а равно и Евтихія, мудрствующихъ противно вышесказанному, и мы анаѳематствуемъ, пріемля и 12 главъ, изреченныхъ блаженной памяти Кирилломъ александрійскимъ. Исповѣдуемъ же, что единородный Сынъ Божій и и Богъ, по истинѣ вочеловѣчившійся Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единосущный Отцу по божеству и единосущный намъ по человѣчеству, снисшедшій и воплотившійся отъ Маріи Дѣвы Богородицы,—есть единъ, а не два. Единому мы приписываемъ чудеса и страданія, которыя Онъ добровольно потерпѣлъ плотію. А раздѣляющихъ, или сливающихъ, или

вводящихъ призрачность вовсе не пріемлемъ; ибо безгрѣшное по истинѣ воплощеніе отъ Богородицы не произвело въ Сынѣ прибавленія. Всякаго же иначе мудрствующаго, теперь или когда бы то ни было, въ Халкидонѣ или на какомъ-либо иномъ соборѣ, анаѳематствуемъ."

Греческій историкъ Папарригопуло (II, 41—43), слѣдуя Неандеру и Гизелеру, не находитъ въ *энотиконѣ* Зеноновомъ еретическаго мудрованія, а только умолчаніе характерныхъ терминовъ православія и монофизитства, для того, чтобы можно было какъ-нибудь сблизить и согласить разногласящихъ. „Смотря на *энотиконъ* съ политической точки зрѣнія" говоритъ Папарригопуло, „мы осмѣливаемся сказать, что *энотиконъ*, взятый въ цѣломъ, не привноситъ ничего новаго къ основнымъ положеніямъ православія. Правда *энотиконъ* съ похвалою признаетъ только три первые вселенскіе собора, но тѣмъ не менѣе открыто анаѳематствуетъ и Евтихія, осужденнаго на четвертомъ халкидонскомъ соборѣ. О халкидонскомъ соборѣ упоминается только въ концѣ и—такъ сказать—мимоходомъ, но отсюда не слѣдуетъ, что *энотикономъ* отрицается халкидонскій соборъ, а развѣ только умаляется его важность. Анаѳематствуя Евтихія, *энотиконъ* неизбѣжно принималъ и соборъ, осудившій сего еретика. Намъ скажутъ, что *энотиконъ* не умирилъ умовъ, а вмѣсто того умножилъ раздѣленіе. Правда, крайніе ортодоксы и крайніе монофизиты [1]) не пошли на соглашеніе: вмѣсто двухъ враждебныхъ лагерей стало три,—два крайнихъ, и одинъ средній. Но этотъ средній лагерь совмѣщалъ въ себѣ громадное большинство восточныхъ христіанъ, если судить потому, что три первенствующіе архіерея охотно приняли *энотиконъ*: православный патріархъ Константинополя Акакій съ одной стороны,—и монофизитскіе патріархи александрійскій Петръ Заика (Μογγὸς) и антіохійскій Петръ Сукновалъ (γναφεὺς) съ другой стороны. Такимъ образомъ актъ Зенона не только не поколебалъ въ сущности ничего, что́ было постановлено четырьмя прежними вселенскими соборами, но и открывалъ собою великое дѣло примиренія трехъ взаимно враждовавшихъ высшихъ каѳедръ востока."

---

[1]) Первые назывались *акимитами*, потому что центромъ своимъ имѣли константинопольскую обитель *неусыпающихъ*; вторые назывались *акефалами*, потому что, отвергнувъ монофизитскаго патріарха Александріи Петра Монга, принявшаго энотиконъ, остались на нѣкоторое время совсѣмъ *безъ главы*. О тѣхъ и другихъ будетъ рѣчь впереди.

Оставляемъ на отвѣтственности греческаго историка этотъ благосклонный отзывъ о примирительной попыткѣ греческаго императора. Для исторіи важно то, что попытка Зенона не удалась и повела еще къ бо́льшему волненію умовъ и раздѣленію. Причины этой неудачи лежали, по нашему мнѣнію, внѣ религіозной области. Народности Египта и Сиріи (копты и сирійцы) давно тяготились византійскимъ правительствомъ, которое всегда было матерью для столицы и мачихою для провинцій. Сепаративныя стремленія этихъ провинцій, согласно духу времени, находили себѣ формулировку въ религіозныхъ разностяхъ. Сколько бы центральное правительство ни старалось сглаживать разнорѣчія и придумывать примирительныя формулы, провинціи упорно хотѣли оставаться при особомъ мнѣніи. [1]) Съ другой стороны и въ средѣ самихъ православныхъ византійцевъ существовало разногласіе относительно религіозной политики: одни готовы были идти на всякія формальныя уступки и хлопотать всѣми мѣрами, чтобы *домостроительствовать* цѣ-

---

[1]) Въ подтвержденіе высказаннаго сужденія можемъ сослаться на отзывъ извѣстнаго знатока исторіи христіанскаго востока, преосв. Порфирія (Успенскаго), который въ своей книгѣ *о египетскихъ христіанахъ—коптахъ* (Спб. 1856 г.) говоритъ между прочимъ: „Копты правы. Они, какъ и армяне, не еретики; и не должно называть ихъ монофизитами въ смыслѣ сліянія или преложенія двухъ естествъ Христа въ одно; ибо они не только не признаютъ, но и анаѳематствуютъ это сліяніе, и согласно съ каѳолическою церковію искренно исповѣдуютъ *соединеніе двухъ естествъ и составленіе изъ нихъ одной ѵпостаси безъ всякаго измѣненія свойствъ ихъ*... (стр. 25). Копты погрѣшили только тѣмъ, что внесли въ свой символъ изрѣченія не принятыя св. каѳолическою церковію—*едина воля и едино дѣйствованіе*—(стр. 43) и не приняли символическихъ изрѣченій православной церкви о лицѣ Богочеловѣка (стр. 2). Политическая и родовая нерасположенность разныхъ племенъ другъ къ другу увѣковѣчила раздѣленіе съ 451 года“ (стр. 27). Мысли преосв. Порфирія о возможномъ возсоединеніи коптовъ съ православною церковію въ сущности сходны съ тѣми взглядами и надеждами, какими руководились снисходительные греки, поддерживавшіе *энотиконъ* Зенона. „Любовь церкви такъ широка, что за разность словъ при одинаковомъ смыслѣ догмата, она никогда не отчуждится отъ меньшихъ братій своихъ о Господѣ, лишь бы они въ чувствахъ смиренія, послушанія и братолюбія, пали на грудь ея и облобызали священныя перси ея, отъ коихъ такъ долго отторгало ихъ недоразумѣніе.“ (Стр. 29).

лость имперіи;—другіе, сознавая безполезность этихъ обидныхъ хлопотъ и уступокъ, признавали за благо просто бросить анаѳемою въ лицо упрямымъ провинціаламъ и, если хватитъ силы, примучить ихъ къ единенію гражданскою властію. Зенонъ и его преемникъ Анастасій шли первымъ путемъ, но неудачно. Преемники этихъ императоровъ шли вторымъ путемъ и подготовили послѣдовавшее въ VII вѣкѣ легкое отпаденіе Египта и Сиріи отъ византійской имперіи.

Папарригопуло видитъ причину неудачи Зенонова *энотикона* въ противодѣйствіи римскаго папы. Мы этого не думаемъ; но такъ какъ по поводу *энотикона* произошелъ первый довольно продолжительный (35-лѣтній) разрывъ между восточною и западною церковію, то мы и должны остановиться на этомъ событіи нѣсколько подолѣе. Мы уже знаемъ, что ни на одномъ соборѣ голосъ папы не имѣлъ такого рѣшающаго значенія, какъ на соборѣ халкидонскомъ, гдѣ догматическое посланіе папы Льва легло въ основу соборнаго вѣроопредѣленія. Поэтому ни одинъ іерархъ въ мірѣ не могъ быть въ такой степени обиженъ униженіемъ собора халкидонскаго, какъ римскій папа. Папа дѣйствительно глубоко оскорбился *энотикономъ* Зенона, и могъ смѣло высказать свое неудовольствіе, потому что политическія обстоятельства Италіи дѣлали папу почти совершенно независимымъ отъ византійскаго монарха. Тогдашній властитель Италіи Одоакръ разумѣется могъ не иначе, какъ съ удовольствіемъ смотрѣть на церковный разладъ между Римомъ и Византіею. И вотъ мы видимъ, что папа Симпликій, получивъ *энотиконъ*, настойчиво спрашиваетъ имп. Зенона и патр. Акакія: по какой причинѣ умолчано о халкидонскомъ соборѣ, какъ о вселенскомъ? Тѣ отвѣчали: *если наша формула хороша сама по себѣ, то къ чему упоминать о соборѣ? Правильно ли ученіе наше? вотъ въ чемъ дѣло.* — „Нѣтъ“, — отвѣчалъ папа, „опредѣленіе вселенскаго собора есть голосъ всей церкви. А личное мнѣніе, чье бы оно ни было и какъ бы хорошо ни было высказано, не имѣетъ обязательной силы ни для кого. Первое полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ, а второе подаетъ къ нимъ поводъ. Не признавать халкидонскій соборъ, а его рѣшенія выдавать за свои собственныя, это значитъ лишать послѣднія всякой силы.“ Преемникъ Симпликія папа Феликсъ, упрекая Зинона за изданіе *энотикона*, довольно дерзко грозилъ ему наказаніемъ Божіимъ. „Та рука“, писалъ папа императору,—„которая, измѣнивъ ходъ событій, возвратила тебя изъ изгнанія, для того, чтобы ты водворилъ

миръ въ церкви,—можетъ опять дать другой оборотъ дѣлу, если ты, вмѣсто мира, будешь производить смуты.“ Отвергая александрійскаго патріарха Петра Монга, принадлежавшаго къ умѣреннымъ монофизитамъ и принявшаго *энотиконъ*, папа взялъ подъ свое покровительство, лишеннаго Зенономъ каѳедры, православнаго александрійскаго патріарха Іоанна Талаію, и, послѣ тщетныхъ усилій возвратить его на александрійскую каѳедру, далъ ему епархію въ Италіи. Неудовольствіе между Римомъ и Византіею разгоралось все болѣе и болѣе; взаимное оскорбительное молчаніе и еще болѣе оскорбительная переписка не могли помочь дѣлу. Легаты, отправленные папою въ 483 г. въ Константинополь и оказавшіеся податливѣе своего первосвященника, по возвращеніи въ Римъ были признаны нарушителями своего долга и низложены. Римскій соборъ 484 г. подъ предсѣдательствомъ папы Феликса анаѳематствовалъ константинопольскаго патріарха Акакія въ сильныхъ выраженіяхъ. „Да никогда не снимутся съ него узы проклятія!“ гласило римское отлученіе. Въ самомъ Константинополѣ папа имѣлъ себѣ единомышленниковъ въ лицѣ крайнихъ ортодоксовъ, какими были иноки изъ обители *неусыпаемыхъ* (ἀκοιμήτων). Одинъ фанатическій акимитъ во время соборнаго служенія патріарха Акакія прикололъ ему къ облаченію папскую анаѳему и былъ тотчасъ же убитъ во время произшедшаго въ храмѣ безпорядка. Акакій не очень испугался папской анаѳемы, которая, выходя изъ всякихъ границъ умѣренности, хотѣла—такъ сказать—связать милосердіе Божіе. На анаѳему папы патріархъ константинопольскій отвѣчалъ анаѳемою—и вычеркнулъ имя папы изъ диптиха. Мѣнялись лица, но раздоръ продолжался и въ царствованіе Зенона и въ послѣдующее за тѣмъ царствованіе Анастасія.

Анастасій Диррахитъ или Дикоръ. (491—518.) Его религіозная политика. Волненія въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ.

Зенонъ умеръ въ 491 г., не оставивъ дѣтей, и распоряженіе судьбами царства досталось вдовѣ его Аріаднѣ, которая, отстранивъ брата Зенонова Лонгина, не замедлила отдать корону и руку царедворцу Анастасію Дикору, предмету своей давней привязанности. Анастасій былъ родомъ изъ Диррахіума (древній Епидамнъ, нынѣшній Дураццо), происхож-

денія незнатнаго. Съ молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ на службу къ византійскому двору и достигъ спустя долгое время почетнаго, но далеко не первостепеннаго званія *силенціарія.* [1]) Конечно это не давало ему никакихъ правъ на корону. Но Анастасій былъ человѣкъ благообразный; красоту лица его скорѣе увеличивала, чѣмъ уменьшала странная игра природы, надѣлившей его однимъ чернымъ и другимъ голубымъ глазомъ, — почему онъ и прозванъ былъ δίκορος т. е. двоезрачный. Благообразіе Анастасія давно уже доставило ему нѣжную склонность Аріадны, и — что всего удивительнѣе — склонность эта не угасла и въ то время, когда Анастасію было около 60 лѣтъ, а царицѣ болѣе 40. При сильной поддержкѣ Аріадны Анастасій былъ провозглашенъ царемъ отъ синклита и народа. Въ народѣ Анастасій, должно полагать, и прежде былъ популяренъ, судя по тому, что толпы народа привѣтствовали новаго царя кликами: *царствуй, какъ жилъ*! Только патріархъ Евфимій сначала колебался вѣнчать Анастасія на царство, подозрѣвая въ немъ наклонность къ монофизитству, и согласился не иначе, какъ взявъ съ царя письменное исповѣданіе вѣры съ признаніемъ халкидонскаго собора. Спустя 40 дней вступивъ въ бракъ съ Аріадною, новый царь окончательно упрочилъ свое положеніе. Мы не будемъ разсказывать ни о подавленіи Анастасіемъ могущества сильныхъ при дворѣ и въ войскѣ исавровъ (492—494), ни о войнѣ царя съ персами (501—504), ни о построеніи имъ громадной такъ называемой *длинной* стѣны отъ Чернаго моря до Мраморнаго, защищавшей столицу съ окрестностями отъ набѣга сѣверныхъ варваровъ, [2])—ни о финансовыхъ весьма успѣшныхъ дѣлахъ Анастасія; мы остановимся только, сообразно съ своею задачею, на религіозной политикѣ этого государя.

Вопреки предостереженію патріарха Евфимія Анастасій Диррахитъ былъ продолжателемъ религіозной политики своего предшественника. Лично Анастасій кажется былъ равнодушенъ къ догматическимъ спорамъ, но, подобно Зенону, хотѣлъ держаться средняго пути между крайними ортодоксами и крайними монофизитами, на которомъ надѣ-

---

[1]) *Силенціарій*—соотвѣтствуетъ современному государственному секретарю.

[2]) Стѣна эта образовала дугу въ 63 версты, на разстояніи 56 верстъ отъ столицы. Слѣды долгой стѣны въ три сажени шириною остались до нынѣ.

ялся согласить большинство своихъ подданныхъ. „Царь Анастасій,“ говоритъ церк. историкъ Евагрій, „будучи миролюбивъ, вовсе не желалъ никакихъ нововведеній, особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Вся его забота была о томъ, чтобы удалить смуты и водворить глубокій миръ между своими народами; поэтому онъ былъ противъ всякихъ раздѣленій и пререканій, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ.“ Съ своей точки зрѣнія Анастасій былъ разумѣется правъ. Но кромѣ средняго такъ сказать нейтральнаго большинства, которое одобряло религіозную политику Анастасія, существовали еще двѣ крайнія стороны,—крайніе монофизиты и крайніе ортодоксы, *акеѳалы* и *акимиты*, не согласившіеся въ свое время на энотикопъ Зенона и не шедшіе ни на какія уступки.—*Акимиты*, имѣя на своей сторонѣ римскаго папу, горячо дѣйствовали въ Константинополѣ, защищая халкидонскій соборъ; *акефалы*, подъ предводительствомъ двухъ энергическихъ вождей Филоксена и Севира, горячо дѣйствовали въ Александріи и Антіохіи, анаѳематствуя халкидонскій соборъ. Не смотря на свою относительную малочисленность, акимиты и акефалы, сосредоточившись въ большихъ городахъ, производили много шуму своими протестами и заявленіями. Въ Константинополѣ акимиты совершенно привлекли на свою сторону патріарха Евфимія и вооружили его противъ царя, такъ что, во время борьбы Анастасія съ исаврами, патріархъ сочувствовалъ исаврамъ и сносился съ ихъ вождями. *Твои молитвы не помогли твоимъ друзьямъ*, послалъ царь сказать патріарху послѣ одной побѣды надъ исаврами и въ 496 г. лишилъ Евфимія каѳедры и возвелъ на его мѣсто Македонія. Новый патріархъ сначала дружелюбно относился къ царю, но съ теченіемъ времени сталъ негодовать на царя за его равнодушіе къ православію. Снова поднялись обвиненія, что царь покровительствуетъ еретикамъ и тайно злоумышляетъ противъ православія: умы возмутились въ столицѣ; народъ, возбуждаемый крайними ортодоксами и самимъ патріархомъ, сталъ бунтовать противъ царя, обзывая его тиранномъ и манихеемъ. Поэтому Анастасій въ 511 г. удалилъ съ каѳедры Македонія и назначилъ патріархомъ Тимоѳея, который и управлялъ церковію до самой смерти своей въ 517 г.—Приверженцы Македонія послѣ низложенія его подняли страшный бунтъ въ Константинополѣ, и потерпѣвъ неудачу въ столицѣ, стали бунтовать въ Ѳракіи подъ начальствомъ Виталіана, вождя готовъ и потомка Аспарова. Дальнѣйшія обстоятельства борьбы неизвѣстны, но несомнѣнно то, что Анастасій управился съ

своими противниками и не перемѣнилъ своей религіозной политики до самой смерти своей въ 518 г. Но до какой степени императору трудно было справляться съ горячими ревнителями православія, можемъ видѣть изъ подробнаго разсказа о двухъ волненіяхъ, въ Константинополѣ 6—8 ноября 512 г., и въ Іерусалимѣ въ 513 г.

Константинопольское замѣшательство можно назвать волненіемъ по поводу пѣнія трисвятой пѣсни. Для народной толпы догматическій вопросъ тогда только можетъ быть ясенъ и понятенъ, когда бываетъ заключенъ въ какомъ-нибудь краткомъ и удобозапоминаемомъ терминѣ. Такими терминами для православныхъ во время аріанскихъ и несторіанскихъ споровъ были слова: ὁμοούσιος, Θεότοκος. Монофизитскій патріархъ Антіохіи Петръ Гнафей пожелалъ дать такой же терминъ и для монофизитства и прибавилъ къ общеизвѣстной трисвятой пѣсни: *святый Боже*, выраженіе: *распныйся за ны*, имѣя въ виду показать, что Христосъ страдалъ божественною природою, которая только въ немъ и есть. Одинъ изъ преемниковъ Петра Гнафея, православный патріархъ Антіохіи Каландіонъ прибѣгъ къ полумѣрѣ и видоизмѣнилъ прибавку Гнафея, такъ что она утратила свой монофизитскій смыслъ; именно Каландіонъ уставилъ пѣть такъ: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный и ты, Христе Царю, распныйся за насъ, помилуй насъ.* Но православные обитатели Константинополя не имѣли надобности прибѣгать къ подобнымъ уступкамъ и соблюдали пѣніе трисвятой пѣсни, въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ, по преданію, она была слышана отъ ангеловъ. И вотъ, когда въ Константинополѣ разнесся слухъ, что имп. Анастасій, при содѣйствіи какихъ-то пришедшихъ съ востока монаховъ, намѣренъ ввести въ богослуженіе пѣніе трисвятой пѣсни съ прибавкою: *распныйся за ны*, то народъ возсталъ на защиту свящ. гимна и вспыхнуло возмущеніе, которое такъ описывается у хроникера Іоанна Малалы антіохійскаго. „При императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе изъ за христіанскаго догмата, по поводу того, что императоръ будто бы хотѣлъ согласно обычаю восточныхъ городовъ присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ.* И собравшись множество горожанъ сильно волновались, заявляя, что нѣчто чуждое привносится въ вѣру христіанскую. А во дворцѣ было такое смущеніе, что городской епархъ Платонъ обратился въ бѣгство и скрывался отъ народной ярости. Бунтовщики же кричали: *другаго царя римской имперіи*! И на-

правившись къ палатамъ Марина сиріянина екс-епарха, сожгли его домъ и разграбили его имущество, а самаго не нашли, ибо Маринъ, услыхавъ, что огромная толпа народу идетъ къ его дому,—спасся бѣгствомъ. Въ толпѣ говорили про Марина, что этотъ пришлецъ съ востока подъучилъ царя сдѣлать прибавку къ трисвятой пѣсни;—и разграбивши его казну, рубили серебро топорами и дѣлились. Бунтовщики въ домѣ Марина нашли восточнаго монаха, и схвативъ его убили, и носили голову его на копьѣ съ крикомъ: *вотъ навѣтникъ противъ св. Троицы!* Толпа дошла до дому знаменитѣйшей патриціанки Юліаніи [1]) и провозглашала ея мужа Ареовинда римскимъ императоромъ, но тотъ бѣжалъ и скрылся на пристани. Тогда самъ императоръ Анастасій явился на ипподромѣ и возсѣлъ на царское мѣсто—безъ діадимы. Узнавъ объ этомъ, народъ сбѣжался на ипподромъ и императоръ своими божественными рѣчами склонилъ на свою сторону большинство гражданъ, увѣщевая ихъ не бросаться на кого ни попало и не убивать безъ толку. И утихла вся толпа и просила императора носить діадиму. И съ тѣхъ поръ присмирѣли граждане и перестали собираться скопомъ, а императоръ приказалъ заарестовать виноватыхъ и изъ многихъ заарестованныхъ иныхъ казнилъ, а другихъ заточилъ чрезъ городскаго епарха. Долго продолжалось наказаніе бунтовщиковъ и неисчетное множество народу было перебито, а затѣмъ настало великое благочиніе и страхъ не малый въ Константинополѣ и въ каждомъ городѣ римской державы.“ Сухой разсказъ Малалы не разъясняетъ намъ, ни того, кто были виновниками возмущенія, охватившаго народъ подобно эпидемической болѣзни,—ни того, почему императору удалось склонить своими божественными рѣчами на свою сторону большинство гражданъ, —ни того, въ чемъ наконецъ состояли эти божественныя рѣчи. Но соображая современныя обстоятельства, мы можемъ заключить: а) что главными виновниками возстанія были друзья патріарха Македонія, низложеннаго въ прошломъ году за свою преданность халкидонскому собору, т. е. по тогдашней терминологіи *акимиты*,—б) что неудача воз-

---

[1]) Патриціанка Юліанія, основательница монастыря въ честь Богоматери, была усердная ревнительница православія и почитательница низложеннаго патріарха Македонія, и принадлежала къ сторонѣ такъ называемыхъ тогда *акимитовъ*.

станія зависѣла отъ того, что бунтовщики не имѣли ни опредѣленной политической программы, ни готоваго претендента на престолъ,—и в) что божественныя рѣчи императора состояли вѣроятно въ обѣщаніи не вводить обязательной перемѣны въ пѣніи трисвятой пѣсни.

Но конечно послѣ столичнаго возмущенія имп. Анастасій не могъ чувствовать никакой благодарности къ *акимитамъ* и его прежнее сочувствіе къ *акефаламъ* усилилось. Поэтому мы видимъ, что императоръ горячо поддерживаетъ *акефала* Севира, захватившаго въ 512 г. антіохійскую каѳедру, и преслѣдуетъ тѣхъ, кто не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Но здѣсь царю пришлось встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны палестинскихъ иноковъ, которое осталось не побѣжденнымъ. Разскажемъ объ этомъ событіи такъ, какъ оно излагается въ житіяхъ Саввы освященнаго (5 дек.) и преп. Ѳеодосія (11 генв.) „Въ Антіохіи еретики съ безчестіемъ изгнали православнаго патріарха Флавіана, а мѣсто его восхитилъ Севиръ безглавый (т. е. принадлежащій къ партіи *акефаловъ*) и много обижалъ православныхъ, которые не хотѣли имѣть съ нимъ общенія. Не хотѣлъ имѣть общенія съ Севиромъ и патріархъ іерусалимскій Илія, а преподобный Савва съ своими иноками, пришедши въ святой градъ, публично предалъ Севира анаѳемѣ. Услышавъ объ этомъ, царь Анастасій исполнился неизреченной ярости и послалъ въ Іерусалимъ Олимпія епарха палестинскаго со множествомъ войска и съ повелѣніемъ свергнуть съ каѳедры патріарха Илію, не по суду, а единственно царскою властію. Пришедши же Олимпій съ большимъ войскомъ, исполнилъ царское повелѣніе, низвергъ патріарха безъ суда и послалъ на заточеніе въ Аиль, а вмѣсто Иліи возвелъ въ патріархи пресвитера Іоанна, который обѣщался проклять халкидонскій соборъ и имѣть общеніе съ Севиромъ. Узнавъ объ этомъ, преп. Савва опять собралъ свое духовное войско и, какъ нѣкоторый воевода, пришелъ во святой градъ, но уже не засталъ епарха Олимпія, ибо тотъ, исполнивъ порученное ему злое дѣло, съ радостію возвратился къ царю. Очень скорбѣлъ блаженный Савва о неповинномъ изгнаніи патріарха Иліи и рыдалъ о немъ. А узнавъ, что новый патріархъ мудрствуетъ по еретически, Савва вопіялъ на него, требуя, чтобы онъ не имѣлъ общенія съ Севиромъ, а за халкидонскій соборъ стоялъ до крови; въ противномъ же случаѣ угрожалъ проклятіемъ отъ всѣхъ отцовъ пустынныхъ. Патріархъ Іоаннъ устыдился, а вмѣстѣ и испугался столь многихъ бо-

говдохновенныхъ отцовъ, пришедшихъ со св. Саввою, отвергся Севира и всякой ереси и принялъ православіе, утвержденное на халкидонскомъ соборѣ,—и успокоились отцы святые. Скоро узналъ царь, что новопоставленный патріархъ Іерусалима признаетъ соборъ халкидонскій, и разгнѣвался на Олимпія за избраніе такого патріарха, и—вмѣсто Олимпія—назначивъ епархомъ всей Палестины нѣкоего Анастасія, послалъ его въ Іерусалимъ, чтобы онъ патріарха Іоанна или склонилъ къ общенію съ Севиромъ или лишилъ каѳедры. Епархъ Анастасій, пришедши въ Іерусалимъ, тотчасъ же схватилъ патр. Іоанна и заключилъ его въ темницу. Патріархъ просилъ епарха дать ему отсрочку на нѣсколько дней, обѣщаясь въ ближайшій день воскресный предъ всѣмъ народомъ въ храмѣ проклясть соборъ халкидонскій и вступить въ общеніе съ Севиромъ; а между тѣмъ, будучи выпущенъ изъ темницы, тайно послалъ къ преподобнымъ Саввѣ и Ѳеодосію, чтобы они постарались со всѣми иноками придти во храмъ іерусалимскій въ ближайшее воскресенье. Случилось, что тогда былъ въ Іерусалимѣ и царскій племянникъ Ипатій, пришедшій на богомолье. И вотъ въ день воскресный пришли въ Іерусалимъ оба архимандрита, Савва и Ѳеодосій, имѣя съ собою множество черноризцевъ,—тысячь до десяти. Во время церковнаго собранія, когда пришли въ храмъ епархъ Анастасій и царскій племянникъ Ипатій съ своею свитою и множествомъ народа, —патріархъ восшелъ на амвонъ, имѣя съ собою Савву и Ѳеодосія; —и вотъ весь народъ съ черноризцами возопилъ патріарху: *прокляни еретиковъ, халкидонскій же соборъ утверди*! И взявъ на себя смѣлость, патріархъ воскликнулъ такъ: *если кто мудрствуетъ согласно съ Евтихіемъ, Несторіемъ, Севиромъ и Сотерихомъ* [1]),—*анаѳема да будетъ*! Также и блаженный Ѳеодосій съ преподобнымъ Саввою воззвали: *кто не пріемлетъ четырехъ соборовъ, какъ четырехъ евангелистовъ, да будетъ проклятъ*! Видѣвъ это, епархъ Анастасій, убоявшись множества черноризцевъ и народа и поспѣшно вышедши изъ церкви, бѣжалъ въ Кесарію. А царскій племянникъ клялся св. отцамъ, что пришелъ не утверждать Севирову вѣру, но поклониться святымъ мѣстамъ, и далъ Саввѣ и Ѳеодосію множество золота для раздачи черноризцамъ. Послѣ

---

[1]) Сотерихъ былъ монофизитствующій митрополитъ Кесаріи каппадокійской.

того преподобные отцы отъ всего собора писали царю увѣщательное посланіе, которое однако не имѣло успѣха.—Царь гнѣвался весьма и хотѣлъ изгнать изъ предѣловъ іерусалимскихъ патр. Іоанна съ двумя архимандритами Саввою и Ѳеодосіемъ, но промыслъ Божій не попустилъ исполниться царской злобѣ, ибо случилась въ то время лѣкая война съ варварами. Послѣ неправеднаго изгнанія патріарха Иліи, праведнымъ судомъ Божіимъ былъ голодъ, и засуха, и оскудѣніе во всей Палестинѣ,—какъ во дни пророка Иліи, и умножилась саранча и поядала всю растительность. И продолжалась тяжая казнь Божія до пяти лѣтъ, такъ что многіе умерли отъ голода и жажды. И говорили іерусалимляне, что за неповинное изгнаніе патріарха Иліи Богъ казнитъ Палестину... Послѣ того захотѣлъ преп. Савва посѣтить святѣйшаго Илію, находившагося въ изгнаніи; а было тогда Саввѣ 80 лѣтъ. И взявъ двухъ игуменовъ, Стефана и Евфала, пошелъ. Илія, увидавъ гостей, обрадовался и удержалъ ихъ у себя нѣсколько дней,—и ежедневно, въ 9 часу дня, выходя къ нимъ, обѣдалъ съ ними и утѣшался духовными бесѣдами, а послѣ вечерняго отпуска опять удалялся въ свою безмолвную келью. Но однажды—и именно 9 іюня—патріархъ не вышелъ къ гостямъ по обычаю, и они ждали его цѣлый день, не вкусивъ пищи,—а въ 6-мъ часу ночи вышелъ патріархъ съ заплаканными глазами и сказалъ: „вы вкусите, а у меня нѣтъ времени; я занятъ.“ Иноки прилежно спрашивали его, отчего онъ такъ поздно вышелъ и о чемъ плачетъ. Тогда патріархъ, тяжко вздохнувъ и зарыдавъ, сказалъ св. Саввѣ: „увы! блаженный отче!—сейчасъ скончался царь Анастасій, а нужно и мнѣ умереть чрезъ 10 дней и судиться съ нимъ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ.“ Такъ и случилось. Чрезъ 10 дней послѣ краткой болѣзни скончался патр. Илія и похоронилъ его честно блаж. Савва. О смерти же царя Анастасія повѣствуется, что въ ту ночь, когда было видѣніе патр. Иліи, была сильная гроза и молнія упала на царскій дворецъ и преслѣдовала царя, бѣгающаго изъ угла въ уголъ, и настигши его, поразила. И такъ злой злѣ погибъ.“

О смерти царя Анастасія существуетъ нѣсколько разсказовъ, составленныхъ очевидно его порицателями. Вотъ въ какомъ видѣ сводятся въ одно эти разсказы въ позднѣйшей хроникѣ Амартола. „Анастасій видѣлъ во снѣ нѣкоего страшнаго мужа, держащаго въ рукѣ книгу, который, разгнувъ ее, прочелъ имя царя и сказалъ: *вотъ за невѣріе твое изглаждаю 12 лѣтъ твоей жизни*,—и изгладилъ пер-

стомъ. Спустя два дня былъ громъ и молнія; царь, оставшись одинъ во дворцѣ, бѣгалъ съ мѣста на мѣсто, и въ одной спаленкѣ, называемой ушная, (ὠάτον) постигъ его судъ Божій, такъ что онъ внезапно оказался мертвымъ. Говорятъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ погребенія царь кричалъ: *помилуйте меня и отворите*! Могильщики отвѣчали, что уже другой царствуетъ. *Ничего мнѣ не нужно*, отзывался Анастасій, *отведите меня въ монастырь*. Но могильщики оставили его въ прежнемъ положеніи. Говорятъ, что спустя немного времени гробница была открыта, и оказалось, что царь изгрызъ свои руки и туфли.“ Должно замѣтить впрочемъ, что подобный же разсказъ о погребеніи заживо прилагался и къ предшественнику Анастасія, имп. Зенону, и—можетъ быть—и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣлъ основаніе въ воображеніи людей, не любившихъ религіознаго индифферентизма этихъ государей и ихъ равнодушія къ православію. Помимо своего религіознаго индифферентизма, объясняемаго быть можетъ желаніемъ обще-государственной пользы, Анастасій былъ очень хорошій государь. Приведемъ отзывъ о немъ Финлея.“ Анастасій посвятилъ всѣ свои заботы облегченію бѣдствій своихъ подданныхъ и уменьшенію податей, ихъ угнетавшихъ. Лучшимъ подвигомъ Анастасія было добровольное уменьшеніе государственныхъ доходовъ. Онъ отмѣнилъ *хрисаргиронъ*, выгодную, но тяжелую пошлину, падавшую едвали не на всѣ вѣтви промышленности. Подъемъ благосостоянія, послѣдовавшій за этою льготою, обнаружился немедленно, и блестящіе подвиги, ознаменовавшіе царствованіе Юстиніана, явились послѣдствіемъ новыхъ силъ, влитыхъ въ политическое тѣло римской имперіи Анастасіемъ. Онъ тратилъ большія суммы на исправленіе поврежденій, причиненныхъ войною и землетрясеніями..; но бережливость его была такъ велика, а доходы восточной имперіи составляли столь значительную сумму что онъ оставилъ послѣ себя 320000 литръ золота [1]) въ государственной казнѣ... Даже въ глазахъ грековъ Анастасій считался бы

---

[1]) По счету Финлея эта сумма равняется 13 милл. фунтовъ стерлинговъ (81,640,000 р. с.), по счету Изамберта—333 милл. франковъ (84,331,000 р. с.); по счету Папарригопуло—394 милл. драхмъ (98,500,000 р. с.). Но такъ какъ эта сумма состояла въ золотѣ, то въ настоящее время, по мнѣнію Изамберта, казна Анастасія могла бы быть оцѣнена въ три милліарда франковъ.

вѣроятно примѣрнымъ монархомъ, не выказывай онъ расположенія къ ереси. Введенный въ заблужденіе желаніемъ объединить всѣ секты въ одной господствующей церкви или исключительною привязанностію къ ученію евтихіанъ царь вооружилъ противъ себя православныхъ грековъ, властолюбивый духъ которыхъ затруднялъ его внутреннее правленіе нѣсколько разъ повторявшимися опасными возмущеніями и побуждалъ грековъ не цѣнить его гуманной и благой политики. Царствованіе Анастасія длилось болѣе 27 лѣтъ".—А всего жилъ Анастасій около 90 лѣтъ. Такимъ образомъ—и за исключеніемъ 12 лѣтъ, вычеркнутыхъ—по словамъ легенды—за невѣріе, жизнь царя превышала обычный срокъ жизни человѣческой.

Смертію Анастасія Диррахита окончилась династія, основанная Львомъ Ѳракіяниномъ и занимавшая византійскій престолъ 51 годъ (457—518). Анастасій не имѣлъ сыновей, но имѣлъ трехъ племянниковъ, изъ которыхъ ни одного не рѣшился назначить наслѣдникомъ, быть можетъ не желая обидѣть прочихъ. Легенда, составленная въ византійскомъ вкусѣ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: достигши глубокой старости, Анастасій сталъ думать о своемъ преемникѣ. Онъ желалъ оставить корону одному изъ своихъ племянниковъ, Помпею, Пробу или Ипатію, но затруднялся, котораго выбрать. Чтобы выдти изъ затрудненія, царь пригласилъ къ себѣ на ужинъ и оставилъ ночевать во дворцѣ всѣхъ трехъ племянниковъ; и приготовилъ для нихъ три постели, подложивъ подъ одно изголовье знакъ царскаго достоинства и рѣшившись отдать царство тому, кто ляжетъ на эту постель. Но случилось такъ, что два племянника легли на одну постель, и постель будущаго царя осталась не занятою. Тогда царь уразумѣлъ, что ни одинъ изъ его племянниковъ не будетъ ему наслѣдовать, и сталъ поститься и молиться, чтобы Богъ открылъ ему его преемника. Ночью царь слышитъ во снѣ, что первый. кто придетъ къ нему на слѣдующее утро, будетъ ему наслѣдовать. Первымъ пришелъ военачальникъ Юстинъ съ отчетомъ объ исполненіи какого-то порученія; и царь возблагодарилъ Бога за указаніе преемника, и намекнулъ Юстину о его будущей судьбѣ въ нѣкоторыхъ темныхъ выраженіяхъ.—Само собою разумѣется, что содержаніе этой легенды принадлежитъ къ числу пророчествъ, сочиняемыхъ послѣ событія.

Представляемъ короткую генеалогію короткой династіи Льва Ѳракіянина.

Левъ Ѳракіянинъ † 3 февр. 474.	Жена Льва Верина † 484 имѣвшая брата Василиска (ум. 479).

Дочери Льва и Верины:

Аріадна † 515 въ 1-мъ бракѣ за и. Зенономъ (ум. 9 апр. 491 г.) во 2-мъ за и. Анастасіемъ (ум. 8 іюн. 518.) Сынъ Аріадны отъ 1-го брака Левъ малый † 474.	Леонція въ замужествѣ за Маркіаномъ, сыномъ западнаго императора Анѳемія.

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Юстинъ 1 и его преемники до Маврикія. (518—602).

Юстинъ 1 (518—527). Его происхожденіе и религіозная политика.

Послѣ смерти Анастасія племянники его по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ остались бездѣйственными. Между тѣмъ придворное властолюбіе не дремало. Сильный при дворѣ евнухъ Аманцій, не имѣя возможности самъ быть основателемъ новой династіи, рѣшился воцарить одного изъ своихъ подручниковъ по имени Өеокрита, чтобы царствовать подъ его именемъ. Весьма значительную сумму денегъ для привлеченія столичныхъ жителей и войска въ пользу Өеокрита Аманцій поручилъ начальнику гвардіи Юстину. Но Юстинъ, не смотря на свою старость и безграмотность, заблагоразсудилъ употребить эти деньги въ свою пользу и былъ провозглашенъ императоромъ. Новый императоръ былъ родомъ славянинъ изъ Дарданіи, [1]) бѣднаго и незнатнаго происхожденія. Первоначальное имя его неизвѣстно; латинское имя Iustinus онъ принялъ конечно уже на царской службѣ, пролагая себѣ путь къ высшимъ почестямъ. Жена императора называлась *Любкиня*; сестра *Бѣгленица*, зять *Истокъ*, племянникъ *Управда*. Всѣ они приняли латинскія или латинизированныя имена (Бѣгленица=

---

[1]) Дарданія по Гильфердингу—это старая Сербія, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія. Родиной Юстина было село Ведряны. *Соч. Гильфердинга* I. 78.

Vigilantia; Истокъ=Sabbatius; Управда=Justinianus), за исключеніемъ жены императора Любкипи, которую народъ при коронаціи провозгласилъ Евфиміею (Εὐφημία,—благославная.) Принятіемъ латинскихъ именъ предъуказывалось отчасти направленіе новой династіи, которая хотѣла воскресить славу древняго Рима и возстановить имперію въ прежнихъ предѣлахъ римской территоріи. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ племянникъ и преемникъ Юстина Юстиніанъ, которому при воцареніи дяди было болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Самъ же Юстинъ былъ слишкомъ старъ и безграмотенъ, для того, чтобы начинать новую политическую эру. При воцареніи ему было 68 лѣтъ; а безграмотность его была такъ велика, что онъ не умѣлъ написать слова legi, обыкновенно выставляемаго византійскими государями на ихъ указахъ и пользовался для сего дощечкою съ прорѣзными литерами. Но благочестіе Юстина, его благоразуміе и нажитая годами опытность были причиною того, что, не смотря на свою безграмотность, онъ былъ далеко не худымъ государемъ. По своимъ догматическимъ убѣжденіямъ Юстинъ былъ строго православенъ: и это тотчасъ же отразилось на ходѣ церковныхъ дѣлъ. Привѣтствуя новаго императора шумными восклицаніями, православные византійцы выражали вмѣстѣ съ тѣмъ желанія и требованія, относящіяся до церковной жизни. Византійцы требовали, чтобы была произнесена анаѳема на *акеѳала* Севера, патріарха антіохійскаго,—чтобы учреждено было церковное празднество въ честь и память собора халкидонскаго, чтобы перенесены были въ столицу мощи патріарховъ Евфимія и Македонія, лишенныхъ каѳедры при царѣ Анастасіѣ за усердную защиту православія,—чтобы имена ихъ, равно какъ и папы Льва, были включены въ диптихи и т. д. Въ виду заявленій народныхъ, патріархомъ Іоанномъ чрезъ 10 дней по воцареніи Юстина былъ созванъ соборъ изъ 40 епископовъ, находившихся въ столицѣ, и игуменовъ столичныхъ и окрестныхъ. Требованія православныхъ византійцевъ были приняты во вниманіе и исполнены: соборъ осудилъ всѣхъ отвергающихъ халкидонскій соборъ и въ частности осудилъ Севера, патріарха антіохійскаго, оправдалъ память умершихъ поборниковъ православія и опредѣлилъ внести въ диптихи отцовъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. На этомъ соборѣ въ первый разъ патріархъ Константинополя титулуется *вселенскимъ*, какъ заботящійся о благѣ всѣхъ церквей, даже и тѣхъ, которыя находятся внѣ предѣловъ его патріархата. Императоръ подтвердилъ соборное опредѣ-

леніе и изъ столицы оно было разослано въ провинціи, гдѣ конечно встрѣтило различный пріемъ. Во Іерусалимѣ оно торжественно было прочтено въ праздникъ 6 августа (518 г.) и принято было съ восторгомъ палестинскими иноками, поборниками православія. Въ Антіохіи патріархъ Северъ, предъупреждая ссылку, самъ бѣжалъ въ Египетъ, и народъ не обнаружилъ по крайней мѣрѣ открытаго сопротивленія торжеству православія. Впрочемъ вниманіе антіохійцевъ скоро отвлечено было отъ догматическихъ споровъ сначала пожаромъ, потомъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое 29 мая 526 года разрушило городъ и погребло подъ его развалинами болѣе 250000 жителей. Царскія щедроты до—и послѣ бѣдствія не располагали антіохійцевъ оказывать Юстину сопротивленіе по дѣламъ церковнымъ. Что же касается до Александріи, то монофизитство было здѣсь такъ сильно, что императоръ не рѣшался употребить насилія противъ еретичествующаго патріарха Тимоѳея, чтобы не возбудить бунта въ населеніи.

Достойны замѣчанія отношенія имп. Юстина къ римскому папѣ. Быть можетъ широкіе планы объединенія всей римской имперіи подъ однимъ скипетромъ, обнаружившіеся въ позднѣйшей дѣятельности Юстиніана, руководили его дядю въ попыткахъ сближенія Византіи съ Римомъ: какъ бы то ни было, но Юстинъ усердно хлопоталъ о прекращеніи 34-лѣтняго церковнаго разрыва между папою и константинопольскимъ патріархомъ и немедленно по воцареніи велъ по этому вопросу живую переписку съ папою Ормиздою.—Хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Папа отправилъ въ Константинополь своихъ легатовъ, и тамъ 28 марта 519 г. торжественно было объявлено единеніе церквей; папа внесъ въ церковные помянники патр. Акакія, при коемъ начался разрывъ церквей,—а патріархъ константинопольскій—папъ римскихъ. Въ 525 г. въ первый разъ состоялось личное посѣщеніе папою Константинополя. Папа (Іоаннъ), по порученію Теодорика, прибылъ въ Византію и принятъ былъ съ величайшею честію; жители столицы встрѣтили его за 15 верстъ отъ города съ крестнымъ ходомъ и со свѣчами въ рукахъ; самъ императоръ поклонился папѣ до земли; въ день пасхи (30 марта 525 г.) папа совершилъ литургію на латинскомъ языкѣ въ столицѣ восточной имперіи, и престарѣлый императоръ вторично принялъ царское вѣнчаніе отъ руки римскаго первосвященника. [1])

---

[1]) Причина прибытія папы была слѣдующая: имп. Юстинъ из-

Чрезъ два года послѣ папскаго посѣщенія имп. Юстинъ приблизился къ смерти.

За четыре мѣсяца до своей смерти—1 апр. 527 г.—Юстинъ объявилъ *августомъ* племянника своего Юстиніана и вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ его и его супругу Θеодору, а 1 августа умеръ на 77 году жизни. Причиною послѣдней болѣзни Юстина была рана въ ногу, полученная когда-то въ бою и предъ смертію открывшаяся. Погребенъ Юстинъ не въ храмѣ св. апостоловъ, обычной царской усыпальницѣ, а въ храмѣ св. Евфиміи, который былъ построенъ его супругою и послужилъ для нея мѣстомъ погребенія.

Юстиніанъ I. (527—595.) Характеристика его и его супруги Θеодоры. Удачи и бѣдствія его царствованія.

Преемникомъ Юстина былъ племянникъ его Юстиніанъ, воцарившійся около 40 лѣтъ отъ роду и царствовавшій тоже около 40 лѣтъ. Трудно найти въ исторіи другаго государя, сужденія о которомъ были бы до такой степени разнообразны и противорѣчивы. „Юстиніанъ,“ говоритъ Папаррригопуло, „то возносился исторіею до небесъ, то низвергался въ мрачныя преисподнія.“ Начало такому противорѣчивому сужденію о Юстиніанѣ положилъ его современникъ и историкъ Прокопій,

---

далъ суровые законы противъ еретиковъ и иновѣрцевъ: язычники и іудеи лишлись права на занятіе какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, манихеи осуждались на смертную казнь; подверглись религіознымъ стѣсненіямъ и аріане. Властитель Италіи Теодорикъ, аріанинъ, сочувствуя своимъ единовѣрцамъ, послалъ папу съ четырьмя сенаторами предупредить Юстина, что, если аріане не будутъ оставлены въ покоѣ, то во всей Италіи съ православными будетъ поступлено также, какъ въ восточной имперіи съ аріанами. Папа достигъ цѣли своего посольства, ибо аріане были оставлены въ покоѣ, но по возвращеніи былъ заподозренъ въ измѣнѣ и заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ. „Чрезмѣрныя почести,“ говоритъ Гиббонъ, „какими привѣтствовали въ Константинополѣ перваго папу, посѣтившаго столицу восточной имперіи, были вмѣнены ему въ преступленіе властолюбивымъ его государемъ.“

секретарь полководца Велизарія,—оставившій въ своемъ сочиненіи *о сооруженіяхъ* пышный панегирикъ Юстиніану, а въ своихъ *анекдотахъ* самый злой памфлетъ на него. Но нужно сказать, что много также способствовали такому противорѣчивому сужденію и судьбы царствованія Юстиніанова, озареннаго блескомъ побѣдъ и знаменитыхъ внутреннихъ дѣлъ и въ концѣ концовъ приведшаго имперію къ полному разстройству во всѣхъ отношеніяхъ. И частная жизнь, и правительственная дѣятельность Юстиніана неотдѣлимы отъ жизни его жены Θеодоры, и потому только сравнительная характеристика царственныхъ супруговъ можетъ дать намъ ключь къ уразумѣнію длиннаго и сложнаго царствованія Юстиніанова.

Юстиніанъ и Θеодора оправдали на себѣ истину извѣстнаго наблюденія, что крайности сходятся и что въ супружествѣ соединяются часто натуры и характеры самые противоположные. Ничего не было сходнаго между Юстиніаномъ и Θеодорою ни въ исторіи ихъ жизни до сближенія, ни въ ихъ натурѣ, привычкахъ и склонностяхъ. Юстиніанъ (Управда) родился и первую молодость свою провелъ среди полудикаго славянскаго населенія въ сторонѣ отъ большихъ городовъ и отъ всякой цивилизаціи. Такъ какъ бытъ простаго народа, опредѣляемый общими и основными условіями природы, измѣняется весьма медленно, то можемъ представить себѣ, что дѣтство Юстиніана протекло подъ тѣми же впечатлѣніями, подъ какими и теперь проходитъ дѣтство славянскаго мальчика-поселянина, живущаго гдѣ-нибудь въ дальнемъ захолустьѣ. Будучи болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ отъ роду, Юстиніанъ, еще безграматный, прибылъ вмѣстѣ съ своими родителями, въ столицу восточной римской имперіи, гдѣ дядя его Юстинъ успѣлъ уже занять довольно видное въ войскѣ и при дворѣ положеніе. Дядя, во всю жизнь остававшійся безграматнымъ, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ образованіе для своего племянника, и Юстиніанъ принялся за ученіе съ отличавшимъ его трудолюбіемъ и вмѣстѣ съ живою воспріимчивостію молодаго варвара, душа котораго была какъ бы tabula rasa по отношенію къ новой высшей цивилизаціи. Мы не знаемъ подробно исторіи образованія Юстиніанова, но можемъ судить о ней по результатамъ. Къ военному дѣлу Юстиніанъ никогда не чувствовалъ призванія; поэтому военное образованіе должно быть вычеркнуто изъ числа его занятій, хотя онъ и числился нѣкоторое время на военной службѣ. Человѣкъ, по природѣ склонный къ тихому и усид-

чивому (говоря по нынѣшнему--къ кабинетному) труду, Юстиніанъ естественно долженъ былъ посвятить себя собственно книжному образованію. Но онъ не увлекался, подобно имп. Юліану, гомеровскими богами и героями и вообще не питалъ сочувствія къ классической литературѣ: духъ времени былъ тогда противъ языческой древности, а Юстиніанъ не имѣлъ въ себѣ столько силы и оригинальности, чтобы плыть противъ теченія. Обстоятельства жизни направили Юстиніана на другой путь. Юстиніану пришлось учиться въ зрѣломъ мужескомъ возрастѣ, т. е. въ одно время и учиться и состоять на царской службѣ. Нѣсколько лѣтъ этой службы онъ провелъ въ Италіи, въ Равеннѣ, въ качествѣ заложника (дипломатическаго агента?) при дворѣ знаменитаго властителя готовъ Теодорика. Вотъ почему образованіе Юстиніана было не столько греческое, сколько латинское, и притомъ именно юридическое, такъ какъ юриспруденція была наиболѣе яркимъ выраженіемъ римскаго генія. Но не остался Юстиніанъ совершенно чуждымъ и греческой современной образованности: нѣкій авва Θеофилъ училъ его *философіи*, подъ чѣмъ вѣроятно должно разумѣть богословную діалектику, необходимую для догматическихъ споровъ, къ какимъ Юстиніанъ такъ пристрастился впослѣдствіи. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что̀ извѣстно намъ о Юстиніанѣ до сближенія его съ Θеодорою.

Исторія жизни будущей царицы слагалась совсѣмъ иначе. Θеодора родилась въ Константинополѣ. Дочь бѣднаго кипріота Акакія, бывшаго сторожемъ звѣрей (ἀρκτοτρόφος) у партіи зеленыхъ (πρασίνων) на столичномъ ипподромѣ, Θеодора осиротѣла въ раннемъ дѣтствѣ и съ малыхъ лѣтъ принуждена была снискивать себѣ пропитаніе, являясь на театральныхъ подмосткахъ, и затѣмъ втянулась въ обычную жизнь актрисы и проститутки. Прокопій яркими чертами рисуетъ развратъ Θеодоры, но кажется въ этомъ случаѣ воспроизводитъ только общій типъ проститутки большихъ городовъ. Во время своей бурной и полной приключеніями молодости Θеодора перебывала во всѣхъ большихъ городахъ византійской имперіи въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, жила и въ роскоши и въ нищетѣ, была принимаема на содержаніе и бросаема своими невѣрными поклонниками, много пережила и испытала, видѣла свѣтъ, какъ онъ есть, и всю изнанку цивилизаціи. Наконецъ сильная и благородная натура Θеодоры вынесла ее изъ того омута, въ которомъ погрузили ее печальныя жизненныя обстоятельства. Возвратившись въ Константинополь, она покончила счеты съ прошлымъ и стала

вести жизнь трудовую, простую и бѣдную, скромную и независимую [1]). Въ это время узналъ ее Юстиніанъ. Обстоятельства сближенія ихъ неизвѣстны. По всей вѣроятности это было дѣломъ случая. 35-лѣтній полуцивилизованный варваръ съ холодною славянскою кровью былъ пораженъ красотою Ѳеодоры,—и думаемъ, не столько физическою красотою, быть можетъ нѣсколько поблекшею, сколько духовною красотою ея даровитой, многосторонней и энергической природы. Въ Ѳеодорѣ было то, чего недоставало Юстиніану: онъ былъ знакомъ съ варварскимъ міромъ, а съ цивилизованнымъ—только по книгамъ: она собственнымъ опытомъ извѣдала жизнь всѣхъ важнѣйшихъ центровъ византійской цивилизаціи: у него было терпѣніе, трудолюбіе, методичность, степенность и постоянство; у нея—страстность, энергія, иниціатива и широта замысловъ. Но обладаніе Ѳеодорою, прежде для всякаго доступною, не легко досталось Юстиніану. Разсчетъ Ѳеодоры съ одной стороны и набожность Юстиніана съ другой стороны обусловили дѣло такъ, что Ѳеодора могла сдѣлаться подругою Юстиніана не иначе, какъ въ качествѣ его законной супруги. Но противъ этого были и законы осуждающіе, и голосъ родныхъ Юстиніана, и отчасти общественное мнѣніе. Древній римскій законъ запрещалъ сенаторамъ жениться на *непотребныхъ сценическихъ женщинахъ*. Мать Юстиніана Бѣгленица и въ особенности тетка императрица Любкиня=Евфимія и слышать не хотѣли о бракѣ его съ Ѳеодорою. Знатные византійцы находили также, что вѣроятный наслѣдникъ престола могъ бы взять любую дѣвицу изъ благороднѣйшаго семейства. Любовь Юстиніана къ Ѳеодорѣ преодолѣла всѣ препятствія. Дождавшись смерти тетки имп. Евфиміи, Юстиніанъ убѣдилъ дядю имп. Юстина отмѣнить старый законъ противъ сценическихъ женщинъ и снять съ нихъ всякія ограниченія относительно вступленія въ законное супружество, если онѣ, *оставивъ дурной и безчестный образъ жизни, стали вести жизнь приличную и хранить свою честь*;—вслѣдъ за тѣмъ Юстиніанъ въ 524 г. женился на Ѳеодорѣ,—онъ, который могъ бы, какъ замѣчаетъ памфлетистъ его Прокопій, „легко найти себѣ невѣсту знатнаго рода, отмѣннаго воспитанія, неприкосновеннаго цѣломудрія, съ дѣвственно-

---

[1]) Сдѣлавшись царицею, Ѳеодора превратила бѣдный домъ,—гдѣ жила по возвращеніи въ Константинополь,—въ храмъ св. Пантелеймона.

упругими персями". Намъ кажется, что Юстиніанъ былъ правѣе своего порицателя, потому что въ Ѳеодорѣ было нѣчто лучшее и рѣже встрѣчающееся, чѣмъ дѣвственно-упругія Перси. Въ 527 г. (т. е. чрезъ три года послѣ брака) Юстиніанъ совмѣстно съ Ѳеодорою принялъ царское вѣнчаніе и сдѣлался преемникомъ дяди своего Юстина.

Скоро Ѳеодора имѣла случай блистательно оправдать выборъ своего супруга и доказать, что ея личныя средства стоятъ въ уровень съ высотою ея положенія. Въ генварѣ 532 г. вспыхнулъ въ Константинополѣ страшный бунтъ, начавшійся на ипподромѣ и извѣстный въ исторіи подъ именемъ νίκα = *побѣждай*. Таковъ былъ крикъ бунтовщиковъ, раздававшійся нѣсколько дней (генв. 13—18) на улицахъ Константинополя. Въ этомъ народномъ бунтѣ, какъ и въ большей части волненій многоглавой толпы, трудно понять, съ чего началось дѣло и чего именно хотѣли бунтовщики, не умѣвшіе ясно формулировать своихъ желаній. Кажется дѣло шло о перемѣнѣ династіи, ибо бунтовщики провозгласили императоромъ Ипатія, племянника бывшаго императора Анастасія. Городъ пылалъ, Юстиніанъ совершенно потерялъ присутствіе духа и послѣ безполезныхъ уступокъ бунтующему народу думалъ спасаться бѣгствомъ. Въ это время среди трепещущаго синклита сановниковъ, вѣрныхъ Юстиніану, выступила имп. Ѳеодора съ своимъ мнѣніемъ. „Лишнимъ было бы теперь, кажется,—„сказала царица," разсуждать о томъ, что женщинѣ неприлично быть отважною среди мущинъ, когда они находятся въ нерѣшимости, что́ имъ дѣлать, или чего не дѣлать. При столь опасномъ положеніи должно обращать вниманіе единственно на то, чтобы устроить предстоящія дѣла лучшимъ образомъ. По моему мнѣнію бѣгство теперь больше чѣмъ когда-нибудь для насъ гибельно, хотя бы оно вело и къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ,—невыносимо! Не дай Богъ мнѣ лишиться порфиры и дожить до того дня, когда встрѣчающіеся со мною не будутъ привѣтствовать меня царицею! Итакъ, государь, если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно! У насъ много денегъ; вотъ море, вотъ корабли! Но смотри, чтобы послѣ того какъ ты спасешься, не пришлось тебѣ когда-нибудь предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинная пословица, что царская порфира—хорошій саванъ." Такъ сказала царица; ея слова одушевили всѣхъ. (Прокоп. война съ персами кн. I, гл. 24). Послѣдствіемъ этого одушевленія было рѣшеніе

послать на ипподромъ двухъ полководцевъ Велизарія и Мунда съ небольшимъ количествомъ наличнаго войска. Перебито было на ипподромѣ до 30000 византійцевъ, виноватыхъ и правыхъ, мятежъ былъ подавленъ, претендентъ на корону Ипатій казненъ, и Юстиніанъ съ большею, чѣмъ прежде, прочностію остался царствовать на пепелищѣ Константинополя.

Бунтъ νίκα былъ наиболѣе выдающимся случаемъ, когда политическое значеніе императрицы выступило съ полною очевидностію;—но и во все остальное время своей жизни Ѳеодора была не столько женою Юстиніана, сколько главною движущею силою во всѣхъ дѣлахъ его политики. Разстроенное безпорядочною молодостію, здоровье Ѳеодоры всегда было плохо и она кое-какъ поддерживала его продолжительнымъ сномъ и теплыми ваннами; рано умершая дочь была единственнымъ плодомъ ея брака съ Юстиніаномъ и, не смотря на все желаніе, она не могла подарить ему сына и наслѣдника [1]). Но какъ товарищъ въ дѣлахъ правленія, она была незамѣнима для Юстиніана и императоръ въ оффиціальныхъ актахъ не напрасно ставилъ наравнѣ съ собою свою благочестивѣйшую и богодарованную супругу. Чиновники давали присягу sacratissimis et sapientissimis dominis nostris Justiniano et Theodorae, conjugi potentiae illius existenti (nov. 8 cap. 3). Степень правительственнаго трудолюбія обоихъ супруговъ была неодинакова. Ѳеодора правда посвящала политикѣ все свободное время, но этого свободнаго времени за исключеніемъ долгихъ часовъ, посвящаемыхъ сну, ваннамъ, туалету и трапезѣ, оставалось у ней очень немного. Юстиніанъ же тратилъ очень мало времени на трапезу и сонъ (ἦν ἀϋπνός καὶ ἄσιτος) и за тѣмъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи быть можетъ около 20 рабочихъ часовъ въ сутки. Такая же разница замѣ-

---

[1]) Въ житіи св. Саввы (5 декабря) повѣствуется, что „когда палестинскій отшельникъ въ 530 г. былъ въ Константинополѣ и былъ съ честію принятъ императоромъ, то Ѳеодора просила его помолиться Богу о дарованіи ей сына. Св. старецъ отвѣчалъ ей: „Господь славы да сохранитъ ваше царство въ благочестіи и побѣдѣ!“ Когда же другіе палестинскіе старцы, прибывшіе со св. Саввою, спросили его, почему онъ далъ такой уклончивый и печальный отвѣтъ, то св. Савва сказалъ: „повѣрьте мнѣ, братіе, не изыдетъ плодъ отъ чрева ея, чтобы не набрался догматовъ Севера и не возмутилъ церковь хуже, чѣмъ Анастасій“.

чалась между обоими супругами и по отношенію къ личному пріему. Юстиніанъ былъ для всѣхъ доступенъ, всякаго выслушивалъ привѣтливо, ласково и внимательно и щедро давалъ обѣщанія, очень рѣдко выполняемыя; враги императора называли это лицемѣріемъ, но кажется это было не болѣе, какъ слѣдствіе неувѣренности въ себѣ и слабохарактерности. Доступъ къ императрицѣ напротивъ того былъ до крайности труденъ: она рѣдко являлась въ столицѣ, гдѣ много еще было очевидцевъ ея печальной и позорной молодости, и большую часть времени проводила въ загородныхъ приморскихъ дворцахъ. [1]) Знатнѣйшіе сановники имперіи по нѣскольку часовъ ожидали у Ѳеодоры короткой аудіенціи, которая начиналась и заканчивалась паденіемъ ницъ предъ императрицею и цѣлованіемъ края ея платья.—Не смотря на такую разницу не въ пользу Ѳеодоры,—короткую и урывочную политическую дѣятельность императрицы можемъ сравнить съ часовою стрѣлкою, показывающею часы, а постоянную и хлопотливую дѣятельность Юстиніана со стрѣлкою, показывающею минуты и даже секунды. Императрицѣ принадлежала инициатива; императору—внѣшняя представительность и распоряженіе на счетъ подробностей. Такимъ образомъ и знаменитое умѣнье выбирать государственныхъ людей, и славу важнѣйшихъ дѣлъ Юстиніанова царствованія (corpus juris, завоеваніе Африки и Италіи, построеніе Софіи) мы должны приписать не столько Юстиніану, сколько Ѳеодорѣ. Повѣрка на лицо: Ѳеодора умерла 28 іюня 548 г.; послѣ нея Юстиніанъ царствовалъ еще 17 лѣтъ († 14 ноября 565 г.), и эта вторая половина его царствованія ознаменована рядомъ величайшихъ неудачъ и полнымъ разстройствомъ имперіи;—и виною этого было не только скопленіе физическихъ бѣдствій и неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но и бездѣйствіе центральной власти, прежде столь энергичной и предпріимчивой.

Представимъ короткій перечень важнѣйшихъ дѣлъ и приключеній Юстиніанова царствованія, чтобы потомъ на этомъ фонѣ картины съ бо́льшею отчетливостію начертать образъ Юстиніана, какъ церковно-историческаго дѣятеля.

---

[1]) Прокопій (anecd. c. 4) утверждаетъ, будто бы въ подземельѣ одного изъ дворцовъ императрицы находился подобный тартару лабиринтъ съ тюрьмою для политическихъ преступниковъ.

Юстиніанъ, вступивъ на престолъ въ зрѣломъ 40-лѣтнемъ возрастѣ, конечно имѣлъ уже предъ собою готовую программу царствованія. Программа эта состояла, какъ видно, ни больше, ни меньше, какъ въ возстановленіи древней римской имперіи, въ объединеніи всѣхъ странъ, облегавшихъ Средиземное море,—отъ Персіи до Атлантическаго океана,—подъ однимъ скипетромъ, подъ одними общими законами, и съ однимъ общимъ оффиціальнымъ языкомъ—латинскимъ. Латинскія симпатіи Юстиніана, сложившіяся въ немъ во время долгаго пребыванія въ Равеннѣ, послужили исходнымъ пунктомъ этой программы; смѣлый духъ Ѳеодоры установилъ широкіе размѣры этой программы и не убоялся препятствій, стоявшихъ на пути къ ея осуществленію. Смѣта будущей правительственной дѣятельности была составлена щедрою рукою и быть можетъ превышала дѣйствительные ресурсы имперіи. Но нужно замѣтить съ одной стороны, что денежныя и военныя средства имперіи находились въ хорошемъ положеніи послѣ двухъ бережливыхъ и благоразумныхъ царствованій — Анастасія и Юстина — а съ другой стороны страсть къ безразсчетнымъ тратамъ и къ рискованнымъ предпріятіямъ была слабостію Ѳеодоры, объясняемою всѣмъ ходомъ ея жизни, наполненной рѣзкими переходами отъ нищеты къ богатству, отъ униженія къ величію. Щедрость и рискованность Ѳеодоры увлекали и Юстиніана, который самъ по себѣ былъ склоненъ къ простотѣ въ частной жизни и къ мнительной осторожности въ политикѣ.

Первые годы царствованія Юстиніана и Ѳеодоры до бунта νίκα прошли въ приготовленіяхъ къ исполненію вышеуказанной программы. Первымъ дѣломъ Юстиніана было изданіе полнаго собранія всѣхъ римскихъ законовъ. Исполненіе этого труда было ввѣрено юристу Требоніану [1]), который окончилъ свою работу въ 528 году. Собраніе это было обнародовано подъ именемъ *кодекса Юстиніанова* и всѣмъ су-

[1]) Если позволительно допускать историческія аналогіи, то можно сравнить Требоніана съ англійскимъ лордомъ Бекономъ Веруламскимъ и нашимъ графомъ М. М. Сперанскимъ. Всѣ они отличались необыкновенными дарованіями, обширностію свѣдѣній, а также мягкостію и ласковостію въ обращеніи, которая обезоруживаетъ даже враговъ. Разница въ томъ, что нашъ Сперанскій не былъ доступенъ подкупу, какъ Требоніанъ и Беконъ.

дебнымъ мѣстамъ имперіи велѣно было руководствоваться имъ при рѣшеніи дѣлъ. Чрезъ три года къ нему присоединено было собраніе объясненій знаменитыхъ прежнихъ юристовъ, извѣстное подъ именемъ *пандектъ* или *дигестъ* и учебникъ дѣйствующаго права или такъ называемые *институты* (institutiones). Все это Юстиніанъ дополнилъ *новеллами*, т. е. собраніемъ новыхъ законовъ, изданныхъ въ его царствованіе. Впослѣдствіи все это собраніе получило названіе Corpus juris. Corpus juris Юстиніана послужилъ основою юридическаго образованія для всѣхъ европейскихъ народовъ. „Введеніе римскаго права," разсуждаетъ Шлоссеръ, „было чрезвычайно важно въ научномъ отношеніи, въ политическомъ же—имѣло самое гибельное вліяніе, потому что при составленіи этого свода юристы выпускали изъ него все, что напоминало собою принципы древней римской свободы и оставляли только то, что было сообразно съ новыми (т. е. византійскими) понятіями о правахъ самодержца." Сравнивая законодательныя работы Юстиніана I и русскаго императора Николая I, Изамбертъ говоритъ: „и. Николай сдѣлалъ больше и лучше, чѣмъ Юстиніанъ. Разница только въ достоинствѣ собранныхъ памятниковъ. Все, что касается до римской исторіи и древности, имѣетъ для новыхъ народовъ интересъ, какого никогда не будутъ имѣть русскіе указы." Личный вкладъ Юстиніана для развитія здраваго законодательства, Изамбертъ признаетъ не особенно значительнымъ. „Нѣсколько указовъ въ пользу рабовъ, въ пользу женщинъ, законъ противъ кастраціи и торговли евнухами и превосходное постановленіе, возстанавляющее естественный порядокъ наслѣдованія, —вотъ и все, что есть въ законахъ Юстиніана, ясное, отчетливое и свободное отъ деспотическаго произвола." Важный пробѣлъ въ законодательствѣ Юстиніана составляетъ отсутствіе положенія о наслѣдованіи престола. Редакторъ законовъ руководился старыми римскими понятіями, а тамъ такой вопросъ не могъ найти себѣ мѣста. Онъ былъ пропущенъ и въ новомъ или возобновленномъ правѣ и этотъ несчастный пробѣлъ остался до конца существованія имперіи къ великому для нея вреду. [1])

[1]) Обращаемъ вниманіе на этотъ пробѣлъ, какъ потому, что онъ имѣлъ роковое вліяніе на послѣдующую судьбу Византіи, такъ и потому что нашъ Петръ великій подвергся искушенію узаконить этотъ пробѣлъ для Россіи *правдою воли монаршей*.

Переходимъ ко внѣшней политикѣ Юстиніана. И здѣсь на первомъ планѣ стоитъ завоеваніе Африки. Мы знаемъ уже (стр. 168), что въ первой половинѣ V вѣка Кароагеномъ и окрестною страною завладѣли вандалы. Въ 468 г. императоръ Левъ ѳракіянинъ отправлялъ сильную экспедицію для изгнанія вандаловъ изъ Африки, но безъуспѣшно. Внутреннія междоусобія въ царствующемъ домѣ вандаловъ (528—533 г.) открыли Юстиніану возможность начать исполненіе своей политической программы съ Африки. Намѣреніе императора не пользовалось сочувствіемъ вельможъ, представитель которыхъ Іоаннъ каппадокійскій обстоятельно доложилъ императору, что захватить Африку трудно, а удержать безъ обладанія Сициліею и Италіею невозможно и т. д. На этотъ разъ не вмѣшательство Ѳеодоры, а другое, быть можетъ, неожиданное обстоятельство дало новый оборотъ мнѣнію царскаго совѣта. Одинъ изъ епископовъ, пришедшій съ востока, просилъ аудіенціи у императора и объяснилъ на ней, что Богъ повелѣлъ ему идти къ императору и обличить его за то, что онъ, сначала рѣшившись освободить православныхъ обитателей Африки отъ ига тирановъ, потомъ убоялся какого-то суетнаго страха. „Но—заключилъ вѣстникъ божіей воли,—такъ говоритъ Господь: *Я приду на помощь сражающемуся и покорю его власти Африку.*“ Императоръ съ своей стороны заявилъ, что ему было во снѣ ободрительное видѣніе одного африканскаго епископа, замученнаго вандалами. [1]) Трудно рѣшить, насколько къ этимъ заявленіямъ примѣшивалось вліяніе фантазіи или политическаго разсчета. Но послѣдствія блистательно оправдали рѣшимость Юстиніана. Велизарій, назначенный по настоянію и. Ѳеодоры начальникомъ экспедиціи, въ очень короткое время овладѣлъ Кароагеномъ и окрестною страною, разбилъ вандальскаго царя Гелимера и довелъ его до необходимости сдаться въ плѣнъ. Съ тріумфомъ возвратился Велизарій въ Константинополь, (535 г.) представляя Юстиніану плѣннаго царя Гелимера и священные сосуды, принадлежавшіе нѣкогда храму іерусалимскому.

[1]) Религіозный характеръ анти-вандальской экспедиціи виденъ изъ церемоній при ея отправленіи, которыя нѣсколько напоминаютъ намъ отправленіе московскаго войска противъ поляковъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1655 г.). Флотъ Велизарія былъ напутствованъ молебствіемъ и окропленъ святою водою. На главный корабль патріархъ отправилъ одного только что крещеннаго воина, какъ носителя новой благодати.

Для удержанія вновь пріобрѣтеннаго Кароагена необходимо было завоевать Сицилію, а за тѣмъ и всю Италію. Это входило въ планы Юстиніана, а исполнителемъ былъ тотъ же знаменитый Велизарій. Но съ готѳами, владѣвшими Италіею, нѣсколько труднѣе было управиться, чѣмъ съ вандалами. Правда и тутъ Юстиніану благопріятствовали обстоятельства. Италіею управляла дочь Теодорика Амалазунта за малолѣтствомъ сына своего Аталариха, который и умеръ въ 534 г., не достигнувъ совершеннолѣтія. Женское управленіе не нравилось готоамъ, тѣмъ болѣе, что Амалазунта, образованная и сдѣлавшаяся почти римлянкою, чувствовала болѣе расположенія къ римлянамъ, чѣмъ къ своимъ единоплеменникамъ, и вступила въ тѣсныя сношенія съ византійскимъ дворомъ, помышляя даже о бѣгствѣ въ восточную имперію. Второй бракъ Амалазунты съ племянникомъ Теодорика Теодатомъ не поднялъ ея репутаціи въ глазахъ готоовъ, которые наконецъ и умертвили ее въ 534 г. Это обстоятельство дало поводъ Юстиніану, уже начавшему переговоры объ уступкѣ Сициліи въ пользу восточной имперіи, объявить войну готоамъ подъ предлогомъ мщенія за смерть Амалазунты. Велизарій въ нѣсколько недѣль овладѣлъ Сициліею, а вслѣдъ затѣмъ и южною Италіею, гдѣ греческій языкъ еще сохранился въ устахъ жителей. Велизарій занялъ и самый Римъ и цѣлый годъ (537) удачно защищалъ его отъ готѳовъ, осаждавшихъ городъ подъ начальствомъ Витигеса. Въ 540 г. готѳы предложили корону самому Велизарію, но Велизарій отклонилъ предлагаемыя ему почести и сталъ управлять Италіею не въ качествѣ готоскаго короля или западнаго императора, а въ качествѣ византійскаго намѣстника. Тѣмъ не менѣе подозрительный Юстиніанъ вызвалъ его въ Константинополь, и Велизарій имѣлъ удовольствіе привести своему императору другаго плѣннаго варварскаго короля—Витигеса готоскаго, точно также, какъ привелъ Гелимера.—Между тѣмъ готѳы нашлина конецъ себѣ способнаго вождя въ лицѣ Тотилы, которому не могъ противустоять ни одинъ греческій полководецъ, кромѣ Велизарія,—и который скоро опять овладѣлъ почти всею Италіею. Юстиніанъ наконецъ рѣшился послать въ 544 г. въ Италію Велизарія, но далъ ему столь незначительное войско, что Велизарій, не смотря на всѣ усилія, не могъ спасти Рима, который послѣ продолжительной осады и былъ взятъ готѳами въ 546 г. Правда въ слѣдующемъ году готоы опять оставили Римъ, а Велизарій опять

занялъ (въ февр. 547 г.) разоренный вѣчный городъ, но съ своимъ слабымъ отрядомъ не могъ совершить ничего прочнаго и достойнаго своей славы. Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи, когда (28 іюня 548 г.) умерла имп. Ѳеодора, съ которою закончился блестящій періодъ Юстиніанова царствованія.

Для церковной исторіи завоеваніе Юстиніаномъ Италіи важно въ томъ отношеніи, что оно поставило римскаго папу почти въ такія же подчиненныя отношенія къ византійскому императору, въ какихъ были другіе восточные іерархи. Мы видимъ, что въ 536 г. папа Агапитъ является въ Константинополь, гдѣ и умираетъ (с 22 апр. 536 г.); мы видимъ, что имп. Ѳеодора вмѣшивается въ дѣло объ избраніи новаго папы и, отстраняя Сильверія, предоставляетъ римскую каѳедру Вигилію (537 г.); мы видимъ, что папа Вигилій прибываетъ въ Константинополь въ 547 г. и живетъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и т. д. Не было рѣчи о верховныхъ исключительныхъ правахъ римскаго первосвященника и о независимости его ни отъ какой мірской власти. Въ то самое время, когда императорское участіе въ дѣлахъ церкви достигло высшей степени своего развитія,—протесты римскаго первосвященника раздаются робко и нерѣшительно и остаются большею частію безъ послѣдствій. Но объ этомъ будетъ особая рѣчь впереди.

Менѣе блестящи и удачны были дѣла Юстиніана на востокѣ. Держась наступательной политики на западѣ, Юстиніанъ ограничивался на востокѣ только обороною. Въ этихъ видахъ для огражденія своей имперіи отъ набѣга сѣверныхъ варваровъ Юстиніанъ построилъ множество крѣпостей, большею частію маленькихъ (μονοπύργια), въ три ряда. Первый рядъ шелъ отъ Сингидона (нынѣшняго Бѣлграда) параллельно Дунаю и Черному морю; сюда между прочимъ можно отнести нѣкоторыя крѣпости, построенныя на нынѣшней *русской территоріи напр. Алустонъ*, (нынѣшняя Алушта въ Крыму). Второй рядъ шелъ по южному склону Балканскихъ горъ, заключая въ себѣ между прочимъ Улпіану и Сардику (нынѣшнія Кюстендиль и Софію). Наконецъ третій рядъ шелъ еще южнѣе, начинаясь отъ новаго Эпира и доходя до *длинныхъ стѣнъ* Анастасіевыхъ, ограждавшихъ столицу. Кромѣ того Юстиніанъ старался связать и обуздать варваровъ дипломатическими сношеніями и переговорами. Христіанство и высшая греческая цивилизація въ этомъ случаѣ много ему содѣйствовали. Такъ въ 528 г. вождь геруловъ Граитесъ и вождь жившихъ близь Босфора гунновъ

Гордасъ пришли въ Константинополь и приняли св. крещеніе. Цаны, жившіе близь Кавказа, а потомъ и абазги (абхазцы), тоже обратились въ христіанство и Юстиніанъ построилъ для нихъ церкви. Юстиніанъ не гнушался менѣе возвышенными средствами; онъ платилъ варварамъ деньги за то, чтобы они сидѣли смирно, и возбуждалъ между ними внутренніе раздоры. Съ сѣверными варварами Юстиніанъ въ первый періодъ своего царствованія еще кое-какъ управлялся, но персы и тогда уже нанесли византійской имперіи тяжкіе удары. Юстиніанъ при своемъ воцареніи засталъ войну съ персами, велъ ее удачно—благодаря Велизарію, но заблагоразсудилъ покончить ее, уплативъ персидскому царю Хоздрою 1100 литръ золота (болѣе 330,000 р.) Сумма казалась Юстиніану незначительною, а между тѣмъ ему хотѣлось сосредоточить военныя силы и вниманіе на предпріятіяхъ на западѣ. Миръ съ персами продолжался около 10 лѣтъ, но когда Хоздрой узналъ о завоеваніяхъ Юстиніана въ Африкѣ и Италіи, то зависть, прикрываемая также, какъ и въ настоящее время, заботами о политическомъ равновѣсіи, побудила персидскаго царя возобновить войну. Въ 540 г. Хоздрой быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ вторгся въ беззащитную Сирію, взялъ приступомъ и разграбилъ Антіохію, второй городъ имперіи по богатству и населенію, и большую часть антіохійцевъ перевелъ въ Персію, гдѣ основалъ для нихъ новый городъ—*Антіохію Хоздроеву*. Другіе города Сиріи—Іераполь, Берея, Халкида, Апамея принуждены были уплатить окупъ Хоздрою, чтобы избавиться отъ той участи, какую потерпѣла Антіохія. Хоздрой достигъ до приморской Селевкіи, искупался въ Средиземномъ морѣ и принесъ жертву солнцу, какъ бы желая наглядно засвидѣтельствовать, сколь далеко онъ проникъ въ глубь римской имперіи. Хоздрою Юстиніанъ могъ противупоставить только Велизарія. Успѣхи Велизарія были не блистательны, но все-таки своимъ походомъ 543 г. онъ спасъ Сирію отъ окончательнаго раззоренія. Театръ войны съ персами былъ перенесенъ въ Колхиду, гдѣ военныя дѣйствія затянулись еще на много лѣтъ.

Въ заключеніе можно упомянуть о союзѣ Юстиніана съ абиссинскимъ царемъ Элесбоемъ. Союзъ этотъ, заключенный въ видахъ торговли, свидѣтельствуетъ также о широкой внѣшней политикѣ Юстиніана. Для церковной исторіи абиссинскія отношенія Юстиніана освѣтили на малое время дальній уголокъ христіанскаго востока. Въ

четіяхъ—минеяхъ подъ 24 октября, а также подъ 19 декабря, можемъ читать повѣствованія о Элезбоѣ, царѣ эѳіопскомъ, о Григоріѣ, епископѣ омиритскомъ, объ Арсоѣ, воеводѣ Неграна града, и съ нимъ 2299, пострадавшихъ отъ омиритскаго царя Дунава.

Полагая смерть имп. Ѳеодоры на рубежѣ между блестящимъ и бѣдственнымъ періодами царствованія Юстиніана, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы до 548 г. царствованіе Юстиніана представляло рядъ сплошныхъ удачъ. Бывали и тогда бѣдствія, но они случались рѣже и при энергіи правительства представлялись зломъ поправимымъ. Во второй же половинѣ царствованія Юстиніана бѣдствія стали чаще и подданные его стали смотрѣть на жизнь безнадежнѣе. „Тщаніе, съ какимъ каждое несчастіе этого періода заносится въ исторію“, говоритъ Финлей, „служитъ сильнымъ доказательствомъ упадка греческаго народа. Въ развивающемся обществѣ опустошенія, производимыя болѣзнями, пожарами и землетрясеніями, какъ бы ни были значительны, считаются только личными и временными несчастіями: произведенная ими пустота въ населеніи быстро пополняется, а разрушенная собственность съ новою прочностію и красотою возстаетъ изъ подъ развалинъ. Когда же случается, что населеніе страны гибнетъ на нѣсколько поколеній отъ мора, или что пожаръ и землетрясеніе разрушаютъ города, которые никогда больше не застроиваются въ своемъ прежнемъ объемѣ, то народъ склоненъ видѣть въ этихъ несчастіяхъ капитальную причину общаго упадка и придаетъ имъ неподобающее историческое значеніе“.

При Юстиніанѣ насчитывается болѣе 20 землетрясеній, изъ коихъ болѣе значительныя случились къ концу царствованія. Въ 551 г. было землетрясеніе въ Беотіи и Ахаіи, разрушившее много селъ и 8 городовъ въ томъ числѣ Херонею, Коронею, Патры и Навпактъ. Лѣтомъ 554 г. было великое землетрясеніе въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Въ столицѣ оно продолжалось не менѣе 40 дней и разрушило до основанія много домовъ, церквей, бань и значительную часть стѣнъ. Изъ другихъ городовъ пострадали особенно Никомидія, Беритъ, Косъ. Въ 556 г. отъ землетрясенія произошло также много опустошеній въ столицѣ, а въ 558 г. упалъ куполъ св. Софіи.

Моровая язва была также страшною гостьею, ходившею по го-

родамъ и селамъ римской имперіи много лѣтъ и истребившею несчетное множество жителей. Прокопій такъ описываетъ ходъ ужасной болѣзни. „Началась она у египтянъ, обитателей Пилусія. Оттуда взяла два направленія: одно—къ Александріи и къ другимъ частямъ Египта, другое—къ смежной съ Египтомъ Палестинѣ: но потомъ охватила она всю землю. Подвигаясь все впередъ и въ опредѣленное пространство времени,—казалось,—она направляла ходъ свой по извѣстнымъ законамъ. Она оставалась въ каждомъ мѣстѣ срочное время; дѣйствовала не мимоходомъ или случайно, но проникала съ разныхъ сторонъ въ отдаленные края вселенной, какъ будто боялась, чтобы какой-нибудь уголокъ земли не укрылся отъ нея. Ни островъ, ни пещера, ни вершины горы не были ею забыты. Если она и пропускала какую-либо страну, не касаясь ея жителей или поражая ихъ слегка, то впослѣдствіи возвращаясь туда, она, хотя болѣе не трогала тѣхъ, которыхъ прежде поразила, однако выходила оттуда не прежде, какъ взявъ обреченныя себѣ жертвы. Начинаясь съ приморскихъ мѣстахъ, зараза проникала внутрь страны.... Она не щадила ни пола, ни возраста. Ни пребываніе въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, ни различіе въ образѣ жизни, ни разность свойствъ или занятій, ни другое что-либо, чѣмъ люди отличаются другъ отъ друга, ничто не могло спасти отъ болѣзни... Можно только сказать навѣрно (прибавляется Прокопій въ другомъ мѣстѣ), что эта болѣзнь, дѣйствіемъ-ли случая или Провидѣнія, тщательно выдѣлила и пощадила самыхъ дурныхъ людей“ [1]) (Персид. в. 22, 23). Собственно въ Константинополѣ чума свирѣпствовала въ 541—543 г., но вообще изъ предѣловъ имперіи она не выходила до конца царствованія Юстиніана и даже до конца VI столѣтія.

Сѣверные варвары также сильно тревожили восточную имперію, не смотря на рядъ устроенныхъ Юстиніаномъ укрѣпленій. Замѣтимъ кстати, что система укрѣпленій Юстиніановыхъ сильно напоминаетъ намъ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ, какими московское государство думало оградить себя отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. И византійскія и московскія укрѣпленія одинаково не достигали цѣли, потому что варвары, дробясь на мелкіе отряды, протекали сквозь рядъ укрѣпленій, какъ вода сквозь сито. До того дошла смѣлость варваровъ,

---

[1]) *Въ томъ числѣ и самого Прокопія*,—можетъ прибавить читатель, не уважающій этого историка памфлетиста.

что въ 559 г. вождь гунновъ Заберганъ проникъ за *длинныя стѣны* и угрожалъ самой столицѣ, и только военной опытности старика Велизарія Константинополь обязанъ своимъ спасеніемъ. [1])—Угрожаемый въ самой своей столицѣ, Юстиніанъ естественно не могъ быть силенъ въ новопріобрѣтенныхъ окраинахъ имперіи, — въ Африкѣ и Италіи. „Покореніе греками Африки,“ —говоритъ Шлоссеръ“, не улучшило жалкаго положенія ея жителей. Вскорѣ завязалась борьба между греками и дикими кочевыми маврами, которые вмѣстѣ съ остатками вандаловъ стали тревожить провинцію набѣгами. Изъ Константинополя явилась толпа чиновниковъ, которые только заботились о соблюденіи административныхъ формъ и хотѣли собирать налоги по прежнимъ росписаніямъ податей въ томъ же количествѣ, въ какомъ взимались они до вторженія вандаловъ, когда провинція находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи. Но списки эти были уничтожены во время нашествія вандаловъ, и потому при взиманіи податей господствовалъ самый возмутительный произволъ. Кромѣ того запрещеніе аріанскаго богослуженія оскорбляло значительную часть населенія Африки, а конфискація имущества вандальскаго была обидна для греческихъ воиновъ, которые женились на женахъ и дочеряхъ вандаловъ и считали эти имущества своею наслѣдственною собственностію. Эти правительственныя ошибки вызывали одно возмущеніе за другимъ, и спокойствіе возстановилось только по совершенномъ опустошеніи провинціи.“

[1]) Чрезъ три года послѣ спасенія столицы (562 г.) Велизарій попалъ въ опалу и былъ заключенъ подъ стражу. Неблагодарность Юстиніана—должно полагать—сильно поразила современниковъ, а еще болѣе потомковъ. Составилась фабула, будто Юстиніанъ ограбилъ и ослѣпилъ Велизарія, и рабъ, водя нищаго слѣпца по улицамъ столицы, испрашивалъ ему подаяніе.

„Εκπωμα ξύλινον κρατῶν ἔβόα· τῷ μιλίῳ
Βελισαρίῳ ὀβολον δότέ στρατηλάτῃ
Ὃν τυχη μὲν ἐδοξασε, ἀποτύφλοι δ'ὁ φθόνος.

(Т. е. держа деревянную чашку, кричалъ: „подайте оволъ несчастному Велизарію полководцу, котораго судьба прославила и ослѣпила зависть).“ Но эта фабула—плодъ позднѣйшаго измышленія. Достовѣрно извѣстно, что Велизарій не долго находился въ опалѣ, скоро получилъ свободу и прежнія почести, и вслѣдъ затѣмъ умеръ.

Не лучше шли дѣла и въ Италіи. Управлявшій Италіею послѣ Велизарія, старый евнухъ Нарсесъ дѣйствовалъ оружіемъ довольно удачно. Но ему стоило большихъ усилій прерывать сношенія варваровъ, поселившихся внутри Италіи, съ ихъ единоплеменниками, бродившими около границъ полуострова,—и улаживать какъ-нибудь религіозныя распри, возникавшія вслѣдствіе несогласія римскаго духовенства съ предписаніями византійскаго правительства. Эти задачи такъ и остались неразрѣшимыми.

Вообще 40-лѣтнее почти, громкое и блестящее царствованіе Юстиніана, привело къ тому, что имперія, богатая казною и обезпеченная войскомъ при воцареніи Юстиніана, осталась въ концѣ концовъ безъ войскъ и безъ денегъ, на краю совершеннаго банкротства. Это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на сужденія историковъ объ Юстиніанѣ, и здѣсь находятъ себѣ нѣкоторое объясненіе желчныя выходки Прокопія кесарійскаго, называвшаго Юстиніана и Ѳеодору воплощенными демонами.[1]) Ближайшіе къ нашему времени историки могли судить безпристрастнѣе и потому вѣрнѣе. Приведемъ отзывы о Юстиніанѣ Шлоссера и Панаррригопуло. „Не смотря на весь блескъ царствованія Юстиніана,“ говоритъ Шлоссеръ, „на его дѣятельность, трудолюбіе и относительную мягкость, имперія испытывала при немъ всѣ невыгоды, сопряженныя со всѣми слишкомъ блистательными царствованіями и излишнею дѣятельностію самихъ государей. Во многихъ отношеніяхъ про Юстиніана можно сказать тоже, что́ и про французскаго короля Людовика XIV, съ которымъ его часто сравниваютъ. Оба они выказали туже неутомимую дѣятельность и охоту къ труду; и тотъ и другой дѣйствовали одинаково подъ вліяніемъ ханжества и подчинялись господству женщинъ. Страсть къ военной славѣ и чрезмѣрной роскоши, поддерживаемой обременительными налогами, вызвала въ византійской имперіи тѣже явленія, какъ и во Франціи, и византійскій императоръ испыталъ туже участь, какъ и французскій король. При всѣхъ своихъ хорошихъ стремленіяхъ и неутомимой дѣятельности, Юстиніанъ встрѣчалъ непреодолимыя затрудненія. Собраніемъ законовъ и стараніемъ облегчить изученіе права онъ сдѣлалъ его

---

[1]) Обстоятельный пересмотръ литературы *о Прокопіѣ, какъ историкѣ Юстиніана*, сдѣланъ проф. Ѳ. А. Кургановымъ въ *Прав. Соб.* 1880 г. и въ отдѣльномъ изданіи. (Стр. 341—440).

гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ прежнія неясности и трудности законодательства. Желая прекратить религіозные споры и примирить духовенство, онъ только усилилъ вражду между партіями. Выслушивая совѣты государственныхъ людей своего времени, императоръ не только дѣлался ихъ игрушкою, но даже вдавался въ явныя противорѣчія. Завоевавъ провинцію Африку, онъ раззорилъ ее въ конецъ, и освободивъ Италію отъ чужеземныхъ властителей, не могъ защитить страну отъ новыхъ варваровъ, покорившихъ ее вскорѣ по его смерти."

Папарригопуло даетъ о Юстиніанѣ отзывъ, совершенно приличный филеллену и ревнителю славы греческаго имени. „Во многихъ отношеніяхъ достопамятно продолжительное царствованіе Юстиніана. Конечно государь этотъ сдѣлалъ ошибку, рѣшившись завоевать Африку, Италію и Испанію, потому что, истощивъ при этомъ средства своей восточной имперіи, онъ не могъ уже оборонить ее отъ набѣговъ сѣверныхъ варваровъ и отъ царя персидскаго; ктому же увеличило бѣду странное совпаденіе многихъ физическихъ бѣдствій. Но будемъ отрицать и того, что неумѣренная и неблагоразумная страсть царя къ постройкамъ еще болѣе содѣйствовала оскудѣнію восточныхъ провинцій. Исчерпывая важнѣйшія и серьезнѣйшія обвиненія противъ Юстиніана, признаемъ наконецъ, что, стремясь ко всецѣлому религіозному единству имперіи, онъ умножилъ нестроенія, и что къ концу его царствованія все его государство и въ особенности войско было какъ бы парализовано. Но, не скрывая слабыхъ сторонъ Юстиніана, можемъ ли мы остаться равнодушны къ той славѣ, какою озарили исторію средневѣковаго эллинизма подвиги Велизарія и Нарсеса? Можемъ ли мы не удивляться построенному Юстиніаномъ великому храму, который служитъ безспорно прекраснѣйшимъ образцемъ искусства средневѣковаго и 15 столѣтій остается символомъ политическаго и церковнаго единства греческой націи? Можемъ ли мы не принести дань признательности человѣку, составившему сводъ тѣхъ законоположеній, которыя столько вѣковъ служили образцемъ гражданскихъ отношеній для всего образованнаго міра и донынѣ составляютъ основу всякаго серьезнаго изученія юриспруденціи и основу дѣйствующаго у насъ положительнаго права?... Или—можемъ ли умолчать о его искусствѣ въ выборѣ людей, способныхъ къ разнымъ отраслямъ государственнаго управленія?... Это царское искусство имѣетъ двойную цѣну: во 1-хъ оно содѣйствуетъ успѣшному исполненію государственныхъ замысловъ

и предпріятій, во 2-хъ—открываетъ общественныя силы, которыя безъ царскаго вызова остались бы подъ спудомъ, особенно въ тѣ эпохи, когда самодѣятельность людей была въ зависимости отъ царской власти. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что вмѣсто Юстиніана на византійскомъ престолѣ сидѣла одна изъ тѣхъ посредственностей, какихъ бывало не мало. При такихъ государяхъ даровитые сотрудники Юстиніана конечно не выдвинулись бы впередъ и исторія, введенная этимъ въ заблужденіе, составила бы ложное понятіе о состояніи тогдашняго общества. Теперь же мы можемъ смѣло заявить, что народъ, выставившій такихъ полководцевъ, государственныхъ людей и художниковъ, какіе были при Юстиніанѣ,—стоитъ выше того пренебреженія, съ какимъ такъ часто говорятъ о немъ.“ Для ограниченія филелленскаго увлеченія Папарригопуло можемъ прибавить, что Велизарій былъ едва-ли не славянинъ, [1]) Нарсесъ—армянинъ, а Требоніанъ имѣлъ предками македонянъ.

Но пора уже намъ перейти къ изображенію Юстиніана, какъ церковно-историческаго дѣятеля. [2])

Имп. Юстиніанъ, какъ церковно-историческій дѣятель. Построеніе Св. Софіи. Церковное законодательство. V всел. соборъ.

Имп. Юстиніанъ былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ

---

[1]) *Гильфердинга* соч. I, 7. „Велизарій—родомъ изъ той же Дарданіи, откуда вышелъ императорскій домъ;... наконецъ имя великаго полководца не римское, не греческое, не германское, а какое другое, какъ не *Величаръ*?“

[2]) Для полноты очерка упомянемъ еще объ одномъ счастливомъ обстоятельствѣ изъ временъ Юстиніана, по видимому мелочномъ, но имѣвшемъ большое вліяніе на послѣдующее развитіе греческой промышленности. Въ 551 г. два монаха, изучившіе способъ размноженія шелковичныхъ червей и мотанія шелка въ Китаѣ, привезли яица этихъ червей въ Константинополь, сохранивъ ихъ въ трости. Императоръ въ восторгѣ отъ этого пріобрѣтенія пожаловалъ всѣ нужныя пособія и всячески поощрялъ шелководство. Шелковыя матеріи скоро стали спеціальностію византійской торговли и наша древняя Русь получала отъ грековъ за большую цѣну шелковыя ткани, фофудьи и наволоки.

именемъ *цезарео-папства.* Божественное происхожденіе царской власти, вѣра въ то, что Самъ Господь воздвигаетъ въ свое время *потребнаго* правителя земли, что *сердце царево въ рукѣ Божіей,* проистекающая отсюда для подданныхъ обязанность безусловнаго повиновенія самодержцу—вотъ исходные пункты идеи цезарео-папства. Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. Эти полномочія, по византійской теоріи и практикѣ, обыкновенно понимались въ трехъ отношеніяхъ.

1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей по слову пророка: *и будутъ царіе кормители твои.* (Ис. 49, 43).Онъ можетъ и долженъ созидать храмы, ущедрять монастыри, умножать льготы и привилегіи клира,—вообще *приносить нѣкій даръ ко олтарю.* Такого рода царская дѣятельность разумѣется всегда сопровождалась благословеніями духовенства. Но она была убыточна, и потому противъ нея было сознаніе общихъ государственныхъ нуждъ, присущее какъ самому государю, такъ и его свѣтскимъ сановникамъ.

2) Другая сторона царской дѣятельности была не въ такой степени пріятна для клира. Царю принадлежало право регулировать быть духовенства, опредѣлять его отношенія къ мірянамъ, замѣщать высшія іерархическія должности, быть посредникомъ и судьею въ случаѣ споровъ и разногласій между духовными лицами, обращать вниманіе духовнаго суда на проступки клириковъ и подвергать осужденныхъ наказанію. Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей. Ктомуже духовныя лица своими спорами и пререканіями постоянно вовлекали императора въ участіе въ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ и часто роняли значеніе духовнаго сана на столько, на сколько не могъ уронить его самый суровый императорскій деспотизмъ.

3) Наконецъ послѣдняя сторона цезарео-папской дѣятельности императора состояла въ установленіи вѣроисповѣднаго единства между всѣми подданными имперіи. Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечь на враговъ и противниковъ церкви и на

непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти *во дворъ овчій*: іерархія готова была бы пользоваться царскимъ мечемъ, какъ послушнымъ орудіемъ, не требуя царскаго нарочитаго вникания въ дѣла. Но такъ какъ царь, и по слову апостола и по здравому разсужденію, *не безъ ума мечь носитъ*, то понятно, что онъ долженъ былъ приложить свой умъ для того, чтобы опредѣлить законность притязаній іерархіи и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлекало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться—такъ сказать—третейскимъ судьею между іерархіею господствующей церкви и еретиками. Ему приходилось стоять подъ перекрестнымъ огнемъ взаимныхъ недоразумѣній, пререканій, страстей, интригъ и антипатій, какими обыкновенно отличалась религіозная борьба. Положеніе императора бывало при этомъ весьма трудно. Бывало иногда и такъ, что царь, увлеченный догматическими спорами, и самъ увеличивалъ трудность своего положенія, возбуждая новые догматическіе вопросы и направляя рѣшеніе ихъ по своему усмотрѣнію. Во всякомъ случаѣ за царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго вѣроученія и заключительное рѣшеніе по догматическому спорному вопросу. Этимъ конечно дѣло не оканчивалось, а, можно сказать, только что начиналось. Царскій указъ не можетъ заставить людей перемѣнить ихъ убѣжденія: между тѣмъ авторитетъ царской и вмѣстѣ іерархической власти требовалъ, чтобы царскіе указы выполнялись или по крайней мѣрѣ ослушники подвергались наказаніямъ. Отсюда вытекала для императора печальная обязанность налагать на ослушниковъ разные виды и степени религіозныхъ преслѣдованій, безполезныхъ для церкви, крайне вредныхъ для государства. Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе разсудительные византійскіе императоры тяготились положеніемъ преслѣдователей, но оно логически вытекало изъ идеи цезарео-папства и обусловливалось сознаніемъ обязанности съ одной стороны защищать и хранить церковь Божію въ благодарность за богодарованную царскую власть, съ другой стороны—заботиться о вѣчномъ спасеніи всѣхъ подданныхъ, которое возможно только въ нѣдрахъ истинной церкви. Вотъ образчикъ того, къ чему ведетъ иногда неудачное примѣненіе самыхъ повидимому чистыхъ намѣреній!

1) Покровительство Юстиніана церкви высказалось прежде всего въ томъ высокомъ юридическомъ положеніи, какое онъ предоставилъ епи-

скопамъ,—въ дарованіи имъ столь широкихъ правъ общественной дѣятельности, какихъ въ настоящее время не могъ бы потребовать самый усердный клерикалъ. Мы знаемъ уже, что по законамъ и. Константина великаго (стр. 84) епископъ былъ защитникомъ и покровителемъ вдовъ, сиротъ и всѣхъ людей бѣдныхъ и угнетенныхъ, и въ этихъ видахъ епископу былъ представленъ нѣкоторый контроль надъ властями государственными и общественными. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ сотъ лѣтъ и нравственный уровень большинства епископовъ замѣтно и значительно понизился. Тѣмъ не менѣе Юстиніанъ нашелъ возможнымъ въ своихъ законахъ не только подтвердить, но даже расширить прежнія епископскія привилегіи. По законамъ Юстиніана, епископъ въ своемъ каѳедральномъ городѣ управлялъ выборомъ важнѣйшихъ властей, каковы defensor и pater civitatis (quinquennalis); [1]) ему предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископа простиралось еще далѣе; отъ него же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые подъ именемъ судей, iudices, поставлялись надъ цѣлою областію. [2]) Наконецъ епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самое отправленіе служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто, [3]) и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору.—Вообще же по своему сану епископъ въ

---

[1]) Nov. 128. Примѣнительно къ нашимъ порядкамъ эти лица соотвѣтствуютъ нѣсколько предводителю дворянства и городскому головѣ. Соотвѣтствіе разумѣется далеко не полное.

[2]) Nov. 149. **Hortamur cujusque provinciae sanctissimos episcopos, eos etiam, qui inter possessores et incolas principatum tenent, ut per communem supplicationem ad potentiam nostram eos deferant, quos ad administrationem provinciae suae idoneos existiment.** Дата этой новеллы падаетъ на время преемника Юстиніанова Юстина II, но идея новеллы стоитъ въ связи съ общимъ духомъ Юстиніанова церковнаго законодательства. Припомнимъ, что Юстиніанъ поставилъ александрійскаго патріарха во главѣ гражданскихъ властей, управлявшихъ Египтомъ.

[3]) Nov. 86. **Quodsi contingat aliquem ex subditis nostris ab ipso clarissimo**

законахъ Юстиніана трактовался, какъ довѣренное лицо императора, которому государь вѣрилъ болѣе, чѣмъ подкупной бюрократіи или развореннымъ городскимъ общинамъ. Такое уваженіе къ епископамъ, понятное и естественное въ вѣкъ Константина великаго, представляется нѣсколько страннымъ въ вѣкъ Юстиніана, когда институтъ епископскій обѣднялъ доблестями. Но оно объясняется тѣмъ, что императоръ, въ силу идеи цезарео-папства, самъ ставилъ себя какъ бы во главѣ духовнаго сословія и предполагалъ между собою и духовенствомъ болѣе близкія моральныя отношенія, чѣмъ между собою и другими подданными. Нѣтъ нужды много распространяться о томъ, что суду епископскому, по законамъ Юстиніана, подчинены были клирики и монахи вполнѣ—и міряне въ дѣлахъ брачныхъ, бракоразводныхъ и въ преступленіяхъ, относящихся къ области религіи. Имущественное положеніе духовенства при Юстиніанѣ было обезпечено какъ щедрымъ царскимъ жалованіемъ, такъ еще болѣе неограниченнымъ правомъ принимать завѣщанія умирающихъ въ пользу церкви.

Но наиболѣе Юстиніанъ стяжалъ себѣ славу покровителя церкви усерднымъ храмозданіемъ, особенно построеніемъ храма св. Софіи.

Во время бунта νίκα сгорѣлъ столичный храмъ св. Софіи. Храмъ этотъ, посвященный Константиномъ великимъ Ѵпостасной премудрости Божіей, былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ церковныхъ событій, совершавшихся въ Константинополѣ. Здѣсь св. Григорій Богословъ праздновалъ торжество православія надъ аріанствомъ, будучи введенъ въ сей храмъ рукою имп. Ѳеодосія великаго; и здѣсь онъ-же отрекался отъ столичной каѳедры предъ лицемъ отцевъ II вселенскаго собора. (см. стр. 124—8.) Здѣсь раздавалась краснорѣчивая проповѣдь Златоуста; здѣсь онъ говорилъ народу о непрочности земнаго счастія, указывая на трепещущаго евнуха Евтропія, прибѣжавшаго въ храмъ искать убѣжища:— и этотъ же храмъ сдѣлался жертвой пламени, какъ скоро златословесный учитель долженъ былъ отправиться въ дальнюю ссылку (стр. 148).—Храмъ былъ возстановленъ въ 415 г. при Ѳеодосіѣ младшемъ, и опять въ теченіе столѣтія слишкомъ былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ церковныхъ и гражданскихъ событій Византіи. Здѣсь Несторій разсѣкалъ два есте-

---

provinciae praeside injuria affici, jubemus eum sanctissimum illius urbis episcopum adire, ut ille inter cl. praesidem, eumve, qui se ab injuria affectum putat, judicet.

ства во Христѣ и полагалъ начало несторіанской ереси. (стр. 158) Здѣсь Левъ I былъ помазанъ патріархомъ на царство и принялъ отъ церкви освященіе своего царскаго достоинства (стр. 263). Съ амвона софійскаго храма имп. Зенонъ провозгласилъ свой *энотиконъ*, которымъ надѣялся водворить въ своей имперіи политическое и церковное единеніе. (стр. 246.) Здѣсь совершился первый разрывъ между восточною и западною церковію, когда патр. Акакій изгладилъ имя папы изъ диптиховъ, и здѣсь же снова прекратился этотъ разрывъ вслѣдствіе соглашенія обѣихъ церквей при имп. Юстинѣ (стр. 250 и 263). Посему неудивительно, что имп. Юстиніанъ тотчасъ же послѣ подавленія мятежа νίκα, рѣшился возстановить въ возможно бо́льшемъ блескѣ и великолѣпіи храмъ Софіи, служившій священнымъ символомъ политической и церковной славы византійской имперіи, ковчегомъ великихъ воспоминаній прошедшаго и великихъ событій для будущаго. Начертаніе плана и построеніе храма императоръ поручилъ двумъ знаменитѣйшимъ архитекторамъ, какихъ только знаетъ исторія, —Анѳемію траллесскому и Исидору милетскому, и, какъ скоро чертежъ храма былъ готовъ, Юстиніанъ съ отличавшею его энергіею принялся за распоряженія относительно собиранія матеріала и расчищенія мѣста для зданія. Древніе языческіе храмы должны были послужить своими остапками для вѣковѣчнаго памятника христіанской святыни,—и теперь еще между колоннами Софіи виднѣются колонны, взятыя изъ храма иліопольскаго, Артемиды ефесской и т. д. Такъ какъ новый храмъ долженъ былъ своимъ пространствомъ значительно превосходить прежній храмъ, то императору пришлось употребить не мало хлопотъ и денегъ для того, чтобы въ центрѣ города пріобрѣсти земли и строенія у смежныхъ владѣльцевъ. Строеніе храма началось и продолжалось съ чрезвычайною быстротою: чрезъ 40 дней послѣ сожженія Софіи,—23 февр. 532 г. храмъ былъ заложенъ, а чрезъ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней колоссальное зданіе было готово и торжественно освящено 24 дек. 537 г. Эта быстрота построенія храма св. Софіи покажется особенно замѣчательною, если припомнимъ, что храмъ св. Петра въ Римѣ строился три съ половиною столѣтія, храмъ св. Павла въ Лондонѣ 34 года (1676—1710 г.), исакіевскій соборъ въ Петербургѣ 90 лѣтъ, (1768—1858) храмъ Спасителя въ Москвѣ около 50 лѣтъ, знаменитый кельнскій соборъ около 500 лѣтъ. Правда храмъ св. Софіи цареградской уступаетъ своими размѣрами храмамъ св. Петра и Павла, но при сравненіи храмовъ между собою мы должны прини-

мать въ разсчетъ не только ихъ обширность, но также и стоимость. Въ этомъ отношеніи Юстиніанова храмъ имѣетъ преимущество предъ всѣми вышеуказанными храмами, какъ ни трудно сравнивать стоимость зданій разныхъ эпохъ при различной цѣнности денегъ. Стоимость храма св. Павла опредѣляется въ 1½ мил. фунт. ст. или въ 10,500,000 руб. с.; стоимость храма св. Петра въ 50 милл. римскихъ скуди или въ 75 милл. руб.; стоимость же храма св. Софіи наименьше въ 3000 центинаріевъ золота т. е. около 90 милл. р. с., со включеніемъ въ этотъ счетъ не только самаго зданія, но и церковныхъ утварей. Но конечно и стоимость софійскаго храма не имѣетъ такого значенія, какъ его изящество. Планъ св. Софіи очень простъ. Громадный куполъ, (36 саженъ въ окружности), составляетъ главную и центральную часть храма, около которой группируются остальныя части храма, представляя въ цѣломъ форму четвероконечнаго равносторонняго креста. Свѣтъ, разливающійся изъ купола, такъ великъ, что кажется, стоишь подъ открытымъ небомъ. „Во храмѣ Софіи", говоритъ Прокопій, „такое обиліе свѣта, какъ будто свѣтовые лучи не приходятъ въ храмъ извнѣ, а рождаются въ немъ." — „Какая противуположность", говоритъ греческій историкъ Папарригопуло (III, 194—5)" съ таинственнымъ мракомъ, господствующимъ во храмахъ западной Европы! Съ перваго взгляда видно, что Анѳемій и Исидоръ, любезныя чада Іоніи, сохранили духъ древняго еллинскаго искусства. Древніе греки строили храмы свои вовсе безъ крова, такъ что кровомъ для нихъ служило безграничное небо: сотрудники Юстиніана, которые должны были покрыть зданіе, устроили куполъ, такъ сказать, подобный лучезарному небу. Но есть предѣлы даже геніальной смѣлости, дальше которыхъ она не можетъ идти безнаказанно. Громадный куполъ былъ утвержденъ только на четырехъ столбахъ, такъ что, по словамъ Прокопія, казался не имѣющимъ себѣ опоры внизу, а какъ бы свѣшеннымъ съ неба на золотой цѣпи. Но еще при жизни Юстиніана во время землетрясенія куполъ упалъ, и нужно было возстановить его на болѣе прочныхъ опорахъ. Это дѣло выполнилъ Исидоръ младшій, утвердивъ главный куполъ на 25 устояхъ, но притомъ такъ, что нисколько не уменьшилъ, а, можно сказать, еще увеличилъ изящество зданія."

Когда окончено было построеніе храма и наступилъ день освященія, Юстиніанъ учинилъ великое торжество и раздалъ щедрые дары вельможамъ и народу. Весь городъ собрался видѣть торжественную

процессію съ царемъ и патріархомъ во главѣ, шествующую отъ дворца ко храму. Юстиніанъ первый чрезъ главныя входныя (царскія) двери взошелъ во храмъ, дошелъ до амвона, возблагодарилъ Бога, сподобившаго его совершить столь славное дѣло, и, говорятъ, въ восторгѣ воскликнулъ: νενίκηκα σε Σολομών!" Не забыта была и Θеодора, участница всѣхъ славныхъ дѣлъ Юстиніановыхъ. На святомъ престолѣ, устроенномъ изъ матеріала, болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ золото,—(изъ сплава золота, серебра и дорогихъ камней),—виднѣлась слѣдующая надпись: *Твоя отъ Твоихъ приносимъ Тебѣ Твои, Христе, рабы Юстиніанъ и Θеодора; милостиво пріими сіе, Сыне и Слове Божій, за насъ воплотившійся и распятый, и сохрани насъ въ вѣрѣ Твоей православной, и государство, которое Ты намъ ввѣрилъ, умножи во Свою Славу и сохрани предстательствомъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи!* Посвятивъ ипостасной премудрости Божіей, второму лицу св. Троицы, великолѣпнѣйшій храмъ, Юстиніанъ составилъ во славу Сына Божія и ввелъ въ церковное употребленіе извѣстный догматическій гимнъ, и доселѣ воспѣваемый на литургіяхъ. Ὁ μονογενὴς υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ, ἀθάνατος ὑπάρχων, καὶ καταδεξάμενος διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν σαρκωθῆναι ἐκ τῆς ἁγίας Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, ἀτρέπτως ἐνανθρωπήσας, σταυρωθεῖς τε Χριστὲ ὁ Θεός, θανάτῳ θάνατον πατήσας, εἷς ὢν τῆς ἁγίας Τριάδος, συνδοξαζόμενος τῷ πατρὶ, καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι, σῶσον ἡμᾶς. Составъ софійскаго клира царь (nov. 3 cop. 1.) опредѣлилъ такъ: 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 40 діакониссъ, 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 110 придверниковъ и служителей; всего 535. Кромѣ Софіи к—польской Юстиніанъ построилъ много храмовъ въ столицѣ и въ другихъ городахъ: въ Іерусалимѣ, въ Сихемѣ, въ Лиддѣ, (во имя св. Георгія), въ Неаполѣ палестинскомъ, въ Кароагенѣ, въ Антіохіи, въ Пицундѣ и т. д. Не было почти ни одного города, ни даже сколько нибудь значительнаго мѣстечка, гдѣ бы царь не устроилъ церкви, или монастыря, или молитвеннаго дома, гдѣ бы не выкопалъ колодца и не устроилъ больницы и страннопріимницы. Особенно достоинъ упоминанія монастырь на богошественной горѣ Синайской, обезпеченный по приказанію императора въ 527 г. крѣпкими стѣнами и колоніею рабовъ — въ 200 семействъ съ береговъ Дуная и изъ Египта.

Благоволительныя отношенія Юстиніана къ духовенству, его религіозность, аскетичность и въ особенности заслуги храмозданія были конечно причиною, почему Юстиніанъ,—равно какъ и Θеодора,—кано-

низованы и включены въ православный календарь подъ 14 ноября (день смерти Юстиніана). Остальная церковная дѣятельность Юстиніана, къ изображенію которой мы сейчасъ переходимъ, повидимому, не обезпечиваетъ ему въ такой степени права на канонизацію.

---

2) *Приношеніемъ дара ко олтарю* не ограничивалась дѣятельность царственной четы по отношенію къ церкви. Напротивъ того своею великою щедростію въ пользу храмовъ и духовенства Юстиніанъ и Ѳеодора какъ бы покупали себѣ и обезпечивали за собою право на участіе въ дѣлахъ церкви въ такихъ размѣрахъ, какіе вовсе не желательны были для духовенства. Это участіе по своему предмету было морально-бытовое и догматическое.

Византійское морально-бытовое законодательство еще до временъ Юстиніана было проникнуто духомъ опеки. Припомнимъ напр. указы Льва I о строгомъ соблюденіи праздниковъ. (стр. 238—9). Юстиніанъ и Ѳеодора пошли еще дальше въ томъ же направленіи. Печальное прошлое Ѳеодоры побуждало ее позаботиться о своихъ прежнихъ подругахъ по несчастію, которыхъ нужда или увлеченіе бросили въ бездну разврата. На азіатскомъ берегу Босфора императрица устроила изъ дворца убѣжище для кающихся грѣшницъ, которыхъ набралось до 500. Злорѣчивый Прокопій прибавляетъ, что нѣкоторыя заточницы, не вынесши новыхъ условій своей спокойно-благочестивой, но скучной жизни, бросились въ море.—Были приняты и легальныя мѣры противъ публичнаго разврата. (nou. 14 и 51). Старинный порокъ востока—грѣхъ содомскій—также нашелъ себѣ гонителей въ императорской четѣ. Какъ видно, Юстиніанъ былъ далекъ отъ образа мыслей и. Константина великаго, который говорилъ: *если бы я увидѣлъ епископа согрѣшающаго, то прикрылъ бы его своею багряницею.* Два епископа, Исаія родосскій и Александръ—Діоспоря ѳракійскаго, были обвинены въ педерастіи. Ихъ изувѣчили, съ позоромъ провели по улицамъ Константинополя и наконецъ казнили смертію. (528 г.) Казнены были и другіе знаменитые византійцы духовнаго и свѣтскаго чина, обвиненные въ томъ же преступленіи: „и наведенный этимъ великій страхъ уцѣломудрилъ остальныхъ,“ прибавляетъ хроникеръ. Но должно быть не всѣхъ, потому что, спустя 15 лѣтъ, въ указѣ 544 г. Юстиніанъ приписываетъ язву, опустошавшую тогда царство, праведному гнѣву Божію за противуестественные грѣхи людей —Къ той же борьбѣ противъ

бытовыхъ аномалій принадлежатъ указы императора противъ евнушевства, которое было столь обычнымъ явленіемъ въ Византіи, что даже ангелы представлялись въ видѣ благообразныхъ скопцовъ. Значительное число евнуховъ въ Византіи были родомъ абазги (нынѣшніе абхазцы). Князья абазговъ, зная господствовавшую въ Византіи моду на евнуховъ, находили для себя выгоднымъ скопить подвластныхъ себѣ мальчиковъ и по дорогой цѣнѣ продавать ихъ въ рабство въ Константинополь. Юстиніанъ возсталъ противъ этого жестокаго превышенія власти. При его содѣйствіи абазги свергли съ себя иго своихъ жестокихъ властителей и сдѣлались христіанами. Юстиніанъ построилъ для нихъ храмъ въ Пицундѣ (впослѣдствіи каѳедральный храмъ абхазскаго каѳоликоса; возобновленъ въ 1869 г.) Спустя 12 лѣтъ Юстиніанъ запретилъ скопчество во всей имперіи подъ угрозою лишенія имуществъ и ссылки въ отдаленнѣйшіе предѣлы Египта,—на границу Эѳіопіи.—Всѣ эти законы свидѣтельствуютъ конечно о добрыхъ намѣреніяхъ Юстиніана, но они не имѣли прочнаго вліянія на жизнь. Не истребился развратъ, не изчезли евнухи. При самомъ Юстиніанѣ являются въ числѣ первостепенныхъ вельможъ евнухи—Соломонъ, правитель Африки, и Нарсесъ, правитель Италіи. Впослѣдствіи евнухи занимаютъ въ Византіи еще болѣе видное положеніе. Припомнимъ хоть напримѣръ патріарха Игнатія въ IX вѣкѣ и Василія евнуха аккубитора въ X вѣкѣ.—Болѣе прочное значеніе имѣютъ законы Юстиніана, регулировавшіе бытъ духовнаго сословія и вошедшіе въ составъ *Кормчей*. Но именно по причинѣ ихъ прочности и долговѣчности—мѣсто разсмотрѣнію ихъ не здѣсь, а въ обозрѣніи *внутренняго состоянія церкви*.—Въ заключеніе не можемъ не упомянуть объ одномъ указѣ, показывающемъ, какъ властительно вторгался царь въ бытовую жизнь народа. „Произошла“, говоритъ хроникеръ, „путаница относительно празднованія пасхи (546 г.): большинство народу заговѣлось прежде царя, а царь приказалъ еще недѣлю продавать мясо; и всѣ мясники ничего не продали изъ заколотаго, ибо люди не ѣли мяса, а пасха была, какъ приказалъ царь, и оказалось, что народъ постился недѣлю лишнюю.“

---

3) Если вторженіе царской власти въ морально-бытовую жизнь подданныхъ оправдывалось тѣмъ, что оно основывалось на общихъ и всѣми признаваемыхъ законахъ нравственности, то нельзя того же сказать объ императорской догматикѣ. Въ числѣ подданныхъ Юстини-

ана были іудеи, язычники, манихеи, несторіане, монофизиты и даже православные съ разнообразными мнѣніями по спорнымъ догматическимъ вопросамъ: могли ли они по указу императора сойтись на одной общей догматикѣ? Могли ли они шагъ за шагомъ слѣдовать за догматическими вѣроопредѣленіями императора, которыя съ теченіемъ времени подвергались измѣненію? Конечно не могли,—и поэтому попытка Юстиніана быть законодателемъ въ области вѣроученія представляется невозможною и безнадежною. Это ясно съ точки зрѣнія XIX вѣка: но должно быть иначе представлялось дѣло въ VI вѣкѣ, когда императоръ считалъ своимъ первымъ долгомъ приводить подданныхъ на путь единой спасительной вѣры. Долгъ, налагаемый званіемъ помазанника Божія, слѣдовало выполнить, что-бы изъ этого ни вышло. Но предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что ничего худаго для государства изъ этого не воспослѣдуетъ, а скорѣе воспослѣдуетъ хорошее. „Мы",—писалъ Юстиніанъ въ 6-й новеллѣ, „озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры и благоустроеніемъ священства, *чѣмъ надѣемся получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ*."—Съ перваго взгляда для Юстиніана было ясно, что не малая часть его подданныхъ, а именно іудеи, язычники, манихеи,—а также аріане и несторіане,—столь далеки отъ православной церкви, что не могутъ быть приведены къ религіозному единству. По отношенію къ нимъ для Юстиніана оставалась только система религіознаго принужденія и преслѣдованія. Этой системы и держался Юстиніанъ. „Какъ скоро воцарился Юстиніанъ", говоритъ позднѣйшій хроникеръ, „воздвигъ онъ великое гоненіе на еллиновъ и еретиковъ,... и постановилъ, что только вѣра православныхъ христіанъ признается государственною (πολιτεύεται), и всѣ церкви еретиковъ отдалъ православнымъ".

Іудеевъ Юстиніанъ старался привести ко крещенію, угрожая, въ случаѣ непослушанія, лишеніемъ имущества и даже смертною казнію. Но, какъ видно, мало разсчитывая на успѣхъ своихъ стараній, Юстиніанъ пытался установить нѣкоторую норму, внѣ предѣловъ которой не можетъ быть терпимо іудейство. Допуская—на худой конецъ—существованіе синагогъ и отправленіе въ нихъ богослуженія, Юстиніанъ позволялъ только чтеніе библіи и притомъ по переводу LXX (nov. 146, cap. 3); употребленіе же мишны и всякое новаторство въ области іудейства строго воспрещалъ подъ угрозою казни. Отвѣтомъ на эти мѣры

императора было два бунта іудеевъ и самарянъ въ Палестинѣ въ 529 г. и 556 г. Усмиреніе этихъ мятежей стоило много крови; по счету Прокопія, быть можетъ преувеличенному, бунтовщиковъ погибло до ста тысячь. [1])

Точно также и язычниковъ Юстиніанъ старался привлечь ко крещенію. „Тѣ которые еще не крещены,“ законополагалъ Юстиніанъ, —„да идутъ съ дѣтьми и женами и со всѣми домочадцами во св. церкви; они немедленно должны крестить малолѣтнихъ своихъ дѣтей; взрослые же должны напередъ поучаться писаніямъ согласно съ правилами (церковными). Если же они не будутъ креститься, отзываясь военною службою или должностію, или дѣлами по имуществу, и своихъ дѣтей или женъ или слугъ и всѣхъ, при нихъ находящихся, оставятъ въ заблужденіи и такимъ образомъ окажутся небрежными въ семъ дѣлѣ; то описывать ихъ имѣніе и изгонять изъ государства.“ Есть извѣстіе, что Юстиніанъ закрылъ философскую школу въ Аѳинахъ, послѣ чего аѳинскіе философы удалились въ Персію къ царю Хозрою, гдѣ впрочемъ имъ также не поправилось. Строгіе указы противъ язычества не помѣшали однако въ ряду первыхъ сановниковъ Юстиніана помѣститься потаеннымъ язычникамъ и религіознымъ индифферентистамъ. Таковы — Требоніанъ quaestor, Ѳома, magister officiorum, Іоаннъ, praefectus praetorio, Фока, patricius magister militum, Асклипіодотъ, praefectus praetorio, Македоній, referendarius, Пигасій, patricius, и наконецъ самъ Прокопій. (См. in notis Allemani in historiam arcanam Procopii).

Оцѣнивая религіозную политику Юстиніана, Панаррігопуло (III, 206) говоритъ слѣдующее: „признаемъ, что Юстиніанъ погрѣшилъ въ этомъ отношеніи, но погрѣшилъ не болѣе знаменитаго Людовика XIV, который, отмѣнивъ нантскій едиктъ, обагрилъ Францію кровью, чтобы доставить окончательное торжество католицизму. Да притомъ же Юстиніанъ не во всю жизнь былъ безусловнымъ гонителемъ всякой ереси и поборникомъ крайняго православія.“ Извѣстною долею терпимости отличаются

---

[1]) Панаррігопуло, желая оправдать Юстиніана, обращаетъ вниманіе на то, что возстанія палестинскихъ іудеевъ и самарянъ бывали и въ предшествующія царствованія; причины-де этого были не религіозныя, а экономическія.

отношенія Юстиніана собственно къ монофизитству, къ изложенію которыхъ сейчасъ и переходимъ.

Желаніе привлечь монофизитовъ къ религіозному единству съ православными было общею мечтою почти всѣхъ византійскихъ императоровъ, начиная отъ Анастасія до Ираклія и Констыи даже до Филиппика (491—713). Въ этомъ общемъ явленіи нельзя видѣть личнаго и случайнаго увлеченія или каприза. Во 1-хъ монофизитовъ было очень много. Они составляли почти сплошное населеніе въ южной половинѣ имперіи—въ Сиріи, Египтѣ, а также Арменіи, такъ что три патріархата, (антіохійскій, александрійскій, и частію іерусалимскій) были наполнены монофизитами. Во 2-хъ монофизиты были не столько еретики, сколько раскольники. Догматическая черта, отдѣлявшая ихъ отъ православія была не совсѣмъ ясна даже для записныхъ богослововъ той и другой стороны, такъ что здѣсь имѣли мѣсто весьма многія и различныя попытки къ соглашенію. Неудивительно поэтому, что каждый императоръ, заботившійся о цѣлости и могуществѣ имперіи, искренно желалъ сблизить своихъ сѣверныхъ и южныхъ подданныхъ въ одномъ вѣроисповѣданіи. Не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія и Юстиніанъ. Можно было преслѣдовать іудеевъ, манихеевъ и даже несторіанъ, составлявшихъ незначительное меньшинство въ имперіи, но нельзя было преслѣдовать монофизитовъ, не рискуя потерять южную—и истощить въ религіозной войнѣ сѣверную половину имперіи. Ѳеодора, обладавшая бо́льшимъ политическимъ тактомъ и лично бывавшая въ южной половинѣ имперіи, понимала это лучше Юстиніана, почему и слыветъ она у нѣкоторыхъ церковныхъ писателей тайною монофизиткою. — Исторіи извѣстенъ цѣлый рядъ попытокъ, сдѣланныхъ Юстиніаномъ и Ѳеодорою для объединенія монофизитовъ и православныхъ. Въ началѣ 534 г. императоръ устроилъ въ своемъ дворцѣ трехдневный диспутъ между епископами монофизитскими и православными. Монофизитскихъ епископовъ было шесть, а православныхъ—пять, въ томъ числѣ Ипатій ефесскій и Анѳимъ трапезундскій. Послѣ диспута императоръ самъ держалъ рѣчь къ монофизитскимъ епископамъ, по свидѣтельству очевидца, „съ Давидовою кротостію, Моисеевымъ терпѣніемъ и апостольскою снисходительностію.“ Диспутъ на первый разъ не имѣлъ значительныхъ послѣдствій, но императоръ могъ надѣяться, что личное сближеніе, начавшееся между православными и монофизитскими епископами, поведетъ со временемъ и къ ре-

лигіозному сближенію ихъ и ихъ паствъ. Въ этихъ конечно видахъ императоръ въ 535 году назначилъ на вакантную патріаршую каѳедру въ Константинополѣ Анонма, с. трапезундскаго, примирительное направленіе котораго было ему извѣстно. По сторона такъ называемыхъ *акимитовъ* т. е. непримиримыхъ съ монофизитами строго-православныхъ византійскихъ монаховъ не бездѣйствовала, тѣмъ болѣе что получила себѣ сильнаго союзника въ лицѣ прибывшаго въ Константинополь въ 536 г. римскаго папы Агапита. Папа и акимиты подняли въ Константинополѣ такой сильный шумъ противъ Анонма, что императоръ — хотя конечно со внутреннимъ неудовольствіемъ — долженъ былъ уступить и соизволилъ на поставленіе въ патріархи константинопольскіе пресвитера Мины, который и былъ посвященъ папою Агапитомъ въ апрѣлѣ 536 г. Но уступивъ въ личномъ вопросѣ, императоръ не думалъ отложить своей общей заботы о примиреніи монофизитовъ съ православными, — только рѣшился идти къ этой цѣли путемъ, который былъ еще менѣе пріятенъ для строгихъ ревнителей православія. Именно: становясь какъ бы на точку зрѣнія безпристрастнаго третейскаго судьи между монофизитами и православными, императоръ усмотрѣлъ, что и у православныхъ есть нѣчто погрѣшительное и требующее пересмотра и исправленія,—однимъ словомъ поднялъ пресловутый вопросъ *о трехъ главахъ*. Мы не будемъ подробно излагать этого вопроса, относительно котораго есть обстоятельныя изслѣдованія и въ русской литературѣ (гг. А. Доброклонскаго, А. И. Лебедева, О. А. Курганова). Скажемъ только, что дѣло шло о трехъ церковныхъ писателяхъ V вѣка, давно уже умершихъ,—Ѳеодорѣ с. мопсуетскомъ († 428 г.) Ивѣ, с. едесскомъ, и Ѳеодоритѣ, с. кирскомъ († 457 г.)—Монофизиты ставили въ упрекъ халкидонскому собору то обстоятельство, что вышеупомянутые писатели, не смотря на свой несторіанскій образъ мыслей, не только не были осуждены на халкидонскомъ соборѣ, но даже два послѣдніе изъ нихъ лично присутствовали на соборѣ и были возстановлены имъ въ своей прежней іерархической степени. Разумѣется это нареканіе было только однимъ изъ многочисленныхъ предлоговъ, которыми монофизиты оправдывали свое рѣшительное нежеланіе имѣть общеніе съ православною церковію, но Юстиніанъ, раздраженный противодѣйствіемъ акимитовъ и римскаго папы въ 536 г., призналъ, что въ данномъ пунктѣ монофизиты правы, и рѣшился заставить православныхъ сдѣлать имъ уступку. Въ 546 г.

императоръ разослалъ для подписи всѣмъ епископамъ *исповѣданіе вѣры*, гдѣ между прочимъ говорилось: *кто защищаетъ Θеодора мопсуетскаго и не анаθематствуетъ его сочиненій и послѣдователей, да будетъ анаθема. Кто защищаетъ сочиненія Θеодорита, написанныя въ оправданіе Несторія противъ св. Кирилла, кто одобряетъ ихъ и не анаθематствуетъ, да будетъ анаθема. Кто защищаетъ нечестивое письмо Ивы къ Марису, персидскому еретику, кто защищаетъ его все или частію, да будетъ анаθема.*—Эта попытка императорской власти сдѣлать шагъ къ сближенію православныхъ съ монофизитами произвела во всемъ христіанскомъ мірѣ такоеже тревожное впечатлѣніе, какъ и *энотиконъ* Зенона, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что авторитетъ Юстиніановъ былъ сильнѣе Зенонова. Монофизиты оставались спокойными зрителями царскихъ мѣропріятій, не обнаруживая съ своей стороны готовности идти на встрѣчу православнымъ. Въ средѣ же православныхъ *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора. Современники говорили, что императора подвигнулъ къ этому Θеодоръ Аскида, еретичествующій епископъ Кесаріи каппадокійской. Быть можетъ въ этой молвѣ высказалось только обычное въ народѣ стремленіе слагать причину неудовольствія съ царя на его совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, мысль объ осужденіи *трехъ главъ* была чужда и даже противна большинству православныхъ почитателей халкидонскаго собора,—особенно на западѣ, гдѣ съ воспоминаніемъ о халкидонскомъ соборѣ соединялось пріятное воспоминаніе о рѣшающемъ авторитетѣ папы Льва I-го. Если бы дѣло о *трехъ главахъ* возникло на пол-вѣка раньше или позже, то западъ отдѣлился бы отъ греческой церкви, какъ онъ и отдѣлялся уже по поводу *энотикона* Зенонова. Но теперь благодаря побѣдамъ Велизарія, западъ былъ въ рукахъ Юстиніана, и великаго раскола не произошло. Произошла только длинная и утомительная борьба императора съ папою и западнымъ духовенствомъ, причемъ восточные іерархи послушно, но довольно лѣниво, поддерживали императора, а монофизиты, ради которыхъ вышла вся эта исторія, остались совсѣмъ въ сторонѣ. Жгучій элементъ въ борьбѣ составляли не самыя *три главы*. Споръ объ нихъ былъ по существу дѣла архивно литературный, скучный и безобидный, какъ и всѣ споры подобнаго рода: пересмотръ твореній отеческихъ съ цѣлію найти въ нихъ нѣчто въ пользу или про-

тивъ *трехъ главъ* относилъ полемику въ область давно минувшаго. Жгучесть полемикѣ придавали два вопроса, пожалуй побочные, но въ тоже время общіе и принципіальные: именно: 1) имѣетъ ли право императоръ издавать указы по догматическимъ вопросамъ? и 2) имѣетъ ли право императоръ или кто бы то ни было осуждать и отлучать отъ церкви людей уже скончавшихся? Западные церковные писатели, принявшіе живое участіе въ полемикѣ (Феррандъ, діаконъ кароагенскій, Факундъ, епископъ герміанскій), давали на эти вопросы отвѣтъ отрицательный, и ихъ голосъ былъ отраженіемъ общаго мнѣнія западной церкви. На первый вопросъ западные богословы отвѣчали: „никто не можетъ навязывать своего мнѣнія другимъ иначе мыслящимъ. Конечно каждый можетъ въ видахъ утвержденія вѣры излагать письменно, что онъ думаетъ, но не съ тѣмъ, чтобы написанное имъ заставлять принимать другихъ. Сколь много святые и достославные учители трудились въ проповѣданіи слова Божія,—но они никогда не требовали подписи подъ своими книгами. Апостолъ говоритъ: *пророцы два или тріе да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ* (I Кор. 13, 29). Но онъ нигдѣ не говоритъ: пусть подписываются или пусть вынуждаются къ подписи... Уже по тому одному нѣтъ необходимости въ подпискѣ сказаннаго кѣмъ либо, что этимъ отнимается возможность мыслить иначе, хотя бы послѣ истина и открылась во всѣмъ свѣтѣ.“ Императоръ не назывался по имени, но осуждалась его дѣятельность, ибо онъ требовалъ у представителей церкви подписи подъ осужденіемъ *трехъ главъ*. Такое же нѣсколько прикровенное осужденіе Юстиніану высказывается подъ формою порицанія давно умершаго императора Зенона за его *энотиконъ*.“ Зенонъ говоритъ: *пусть не иначе вѣруютъ повсюду сущія каѳолическія церкви и начальствующіе надъ ними боголюбезные епископы*. Какъ будто вѣра всѣхъ церквей зависитъ отъ воли одного и никому не позволяется вѣровать иначе, чѣмъ какъ предписываетъ императоръ. Онъ, какъ думаю, видѣлъ, что нѣкоторые робкіе или жадные до временныхъ выгодъ всячески усердствовали ему, и по нимъ судилъ о прочихъ, у которыхъ хотя и подавилъ наружное противорѣчіе, однако навѣрное не могъ перемѣнить настроенія ума. Ибо и самая обширная власть въ мірѣ не имѣетъ силы надъ тѣми, которыхъ намѣревается отвлечь отъ свободнаго убѣжденія въ вѣрѣ... Лучше свѣтской власти держаться внутри своихъ предѣловъ... Если дѣла государственныя не переносятся въ церковь, то какимъ образомъ церковное дѣло Зенонъ перенесъ во дво-

рецъ? Неужели онъ уже укротилъ и смирилъ всѣ враждебные государству варварскіе народы? Ужели уничтожилъ возмущенія или поводы къ нимъ въ разныхъ провинціяхъ своей имперіи? Ужели удовлетворительно разсудилъ всѣ жалобы по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ?" и т. д. Порицается Зенонъ, но подразумѣвается Юстиніанъ. —По второму вопросу—относительно права осуждать умершихъ западные богословы высказались также съ рѣшительнымъ порицаніемъ. „Къ чему послужитъ осужденіе наше", говорили западные богословы, „если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ?.. Да и къ чему намъ вести войну съ умершими? Они предъ лицемъ истиннаго Судіи, выше котораго нѣтъ другаго судіи."—Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашелъ болѣе сочувствія—или по крайней мѣрѣ меньше противоборства—своимъ планамъ. Право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Что же касается до суда надъ умершими, то очень удачную въ этомъ случаѣ ссылку на св. писаніе подсказалъ императору нѣкій игуменъ Евтихій, возведенный вскорѣ послѣ того въ санъ столичнаго патріарха. Вотъ любопытный разсказъ объ этомъ церковнаго историка Евагрія (IV, 38). „Когда возникъ вопросъ, должно ли подвергать анаѳемѣ умершихъ,—Евтихій, повидимому въ совершенствѣ изучившій божественное писаніе, но при жизни патріарха Мины еще не принадлежавшій къ числу людей знаменитыхъ и проходившій только должность апокрисіарія при амасійскомъ епископѣ, —Евтихій, посмотрѣвъ на собравшихся не только съ гордостію, но и съ презрѣніемъ, сказалъ рѣшительно, что это не требуетъ и разсужденія; потому что и въ древности царь Іосія не только заклалъ живыхъ жрецовъ идольскихъ, но и раскопалъ гробы тѣхъ, которые за долго до того умерли. (4 царствъ 23. 16) Замѣчаніе Евтихія всѣмъ показалось умѣстнымъ,—и Юстиніанъ, узнавъ о томъ, возвелъ его, послѣ кончины Мины († 25 авг. 552 г.) на престолъ царствующаго града."

Видя противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ со стороны западнаго духовенства, императоръ естественно долженъ былъ придти къ мысли подѣйствовать главнымъ образомъ на римскаго папу, который считался и дѣйствительно былъ церковнымъ представителемъ запада. Папа Вигилій былъ вызванъ въ 546 г. въ Константинополь, гдѣ и прожилъ слишкомъ семь лѣтъ (съ 25 генв. 547 г. по конецъ 555 года.) Все

это семилѣтіе проведено было въ упорной, но неравной борьбѣ между папою и императоромъ. На сторонѣ императора были всѣ іерархи восточной имперіи и всѣ средства, какими можетъ располагать самодержавная власть;—на сторонѣ папы—общественное мнѣніе далекаго запада, болѣе впрочемъ стѣснительное, чѣмъ полезное для папы,—да еще положеніе его, какъ традиціонно-чтимаго іерарха aeternae urbis и какъ гостя въ Византіи,—положеніе, обезпечивавшее до нѣкоторой степени папу по крайней мѣрѣ отъ грубаго насилія. Мы не будемъ излагать подробно исторіи этой борьбы папы съ императоромъ, совершавшейся при столь неблагопріятныхъ для папы условіяхъ: отмѣтимъ только главныя ея перипетіи. Папа прибылъ въ Константинополь повидимому съ преувеличеннымъ понятіемъ о своемъ значеніи, тотчасъ же высказался противъ осужденія *трехъ главъ* и отлучилъ отъ церкви патріарха константинопольскаго Мину, который заплатилъ ему тѣмъ же. Но скоро папа долженъ былъ понизить тонъ. Подѣйствовали ли на него ласки, угрозы или обѣщанія императорскаго двора, или все это, взятое вмѣстѣ,—какъ бы то ни было папа пошелъ на соглашеніе, принялъ въ общеніе патр. Мину, и—послѣ совѣщанія съ 70 бывшими тогда въ Константинополѣ западными епископами, не увѣнчавшагося впрочемъ единогласіемъ,—издалъ 21 апр. 548 г. judicatum т. е. осужденіе трехъ главъ. Все улаживалось благополучно и—по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ—главною виновницею такого соглашенія была имп. Ѳеодора, склонявшая папу къ уступчивости способами, наиболѣе для него пріятными. Какъ бы въ награду за уступчивость папы имя его передвинуто на первое мѣсто въ диптихахъ столичной церкви, а имя константинопольскаго патріарха поставлено вторымъ. Но менѣе, чѣмъ чрезъ три мѣсяца послѣ изданія папскаго judicatum'а, умерла имп. Ѳеодора и соглашеніе опять стало разстроиваться. Папа Вигилій взялъ назадъ свой judicatum и заблагоразсудилъ укрыться въ халкидонскомъ храмѣ св. Евфиміи, какъ въ священномъ убѣжищѣ, отъ ожидаемыхъ насилій со стороны императора. Въ этой священной крѣпости папа болѣе мѣсяца отсиживался отъ императора и велъ съ нимъ переговоры, обѣщаясь сдаться на капитуляцію не прежде, какъ получивъ обезпеченіе въ безопасности. Обезпеченный поручителями (judices) и залогами (sacramenta), папа вышелъ изъ своего убѣжища, но не обнаруживалъ никакой склонности къ соглашенію. Оставалось прибѣгнуть къ одному уже испытанному средству для выхода изъ неразрѣ-

шимыхъ затрудненій—именно къ созванію вселенскаго собора. Папа предлагалъ открыть соборъ въ Италіи, но императоръ не согласился на это. V-й вселенскій соборъ былъ созванъ въ Константинополѣ въ 553 г. подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго уже намъ Евтихія, новаго патріарха константинопольскаго. Можно было ожидать, что это будетъ первый вселенскій соборъ при личномъ участіи римскаго первосвященника, ибо папа находился тамже, гдѣ имѣлъ быть соборъ. Этого личнаго участія однако не послѣдовало. Опасаясь остаться въ меньшинствѣ и быть безсильнымъ свидѣтелемъ торжества своихъ противниковъ, папа, не смотря на многократныя и настоятельныя приглашенія, отказывался придти на соборъ подъ разными предлогами. То онъ ссылался на свою болѣзнь, то на малочисленность западныхъ епископовъ, то предлагалъ устроить какъ бы особую коммиссію изъ равнаго числа восточныхъ и западныхъ епископовъ, то просилъ рѣшать безъ него, обѣщаясь—быть можетъ—присоединиться къ соборному приговору впослѣдствіи. Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои совѣщанія безъ разногласій и затрудненій по программѣ, обозначенной въ грамотѣ императора, чтеніемъ которой были открыты соборные засѣданія (5 мая). На соборѣ подвергнуты были осужденію *три главы*, а также ученіе Оригена и оригенистовъ, несообразныя съ православною догматикою. По окончаніи соборныхъ засѣданій (2 іюня) императоръ придавая обязательную силу соборнымъ опредѣленіямъ, сталъ подвергать ссылкѣ епископовъ, не согласившихся на осужденіе *трехъ главъ*. Самъ папа Вигилій былъ сосланъ на о. Проконнисъ, и въ концѣ концовъ согласился принять соборныя опредѣленія; послѣ чего и былъ отпущенъ во свояси съ дарами и подтвердительною грамотою на имѣнія римской церкви, но не доѣхалъ до Рима и умеръ на дорогѣ въ Сиракузахъ (с 10 генв. 555 г.) Раздраженіе западнаго духовенства противъ Юстиніана и опредѣленій V всел. собора было такъ велико, что едва нашлось нѣсколько епископовъ, чтобы посвятить (16 апр. 555 г.) новаго папу Пелагія, занявшаго римскую каѳедру съ соизволенія императора и подъ условіемъ принятія опредѣленій V всел. собора. Долго еще волновался западъ, и не ранѣе какъ при папѣ Григоріѣ великомъ (въ концѣ VI в.) соборъ 554 г. былъ признанъ повсемѣстно на западѣ въ достоинствѣ вселенскаго.

Ближайшей цѣли, для которой состоялось осужденіе *трехъ главъ*, императоръ не достигъ. Монофизиты не только остались равнодуш-

ными зрителями той упорной борьбы, какую велъ императоръ, чтобы отстранить преграды, лежавшія на пути соединенія ихъ съ православною церковію, но даже въ это самое время старались закрѣплять существующее разъединеніе. [1]) Мало того: къ концу своего царствованія императоръ—по самостоятельному ли ходу своего богословскаго мышленія или вслѣдствіе вліянія монофизитствующихъ придворныхъ, *дѣйствовавшихъ постоянствомъ своихъ внушеній, подобно каплѣ, продалбливающей камень непрестаннымъ паденіемъ*,—самъ присталъ къ монофизитамъ, и притомъ къ самымъ крайнимъ,—къ такъ называемымъ *афтортодокетамъ*. По своему обычаю императоръ не замедлилъ свое новое догматствованіе сдѣлать обязательнымъ для подданныхъ и „издалъ едиктъ, въ которомъ тѣло Господа назвалъ не подлежащимъ тлѣнію и непричастнымъ естественныхъ и невинныхъ страстей и говорилъ, что Господь также вкушалъ и до страданія, какъ вкушалъ по воскресеніи; будто бы то есть всесвятое тѣло Его ни въ произвольныхъ, ни въ естественныхъ страстяхъ не получало никакого превращенія или измѣненія со времени образованія его въ утробѣ, и даже послѣ воскресенія. Императоръ принуждалъ согласиться съ этимъ ученіемъ всѣхъ повсюду іереевъ". (Евагрій IV 39). Столичный патріархъ Евтихій, не соглашавшійся съ догматствованіемъ императора, долженъ былъ оставить каѳедру и отправиться въ ссылку. Таже участь угрожала и другимъ епископомъ, не желавшимъ присоединиться къ новоизмышленной догматикѣ императора. Неизвѣстно, каковъ былъ бы исходъ этой новой догматической борьбы, если Юстиніанъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и дѣйствовалъ съ своею обычною настойчивостію. „Но", какъ говоритъ церк. историкъ Евагрій, (IV, 41.)—„*Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу*, Юстиніанъ, въ то время какъ диктовалъ опредѣленіе о ссылкѣ антіохійскаго патріарха Анастасія и единомышленныхъ съ нимъ іереевъ, былъ пораженъ невидимо ударомъ и преставился изъ сей жизни, царствовалъ всего 38 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Такимъ-то обра-

[1]) Египетскіе монофизиты въ 536 году избрали себѣ особаго патріарха, и, изгнавши греч. языкъ изъ церковнаго употребленія, выдѣлились въ національную церковную общину подъ именемъ *копитовъ*; монофизиты сирскіе и месопотамскіе признали своимъ главою Іакова Барадѣя, именовавшагося патріархомъ антіохійскимъ, но жившаго въ Едессѣ, и отъ него заимствовали названіе *яковитовъ*.

зомъ, возбудивъ вездѣ смятеніе и тревоги и при концѣ жизни получивъ достойное этихъ дѣлъ возмездіе, Юстиніанъ перешелъ въ преисподнія судилища.“ Таково послѣднее слово Евагрія о Юстиніанѣ. Но это личное сужденіе Евагрія. Общее же мнѣніе таково, что Юстиніанъ, хотя въ послѣднее время по старческому своенравію и навелъ было нѣкоторое безпокойство церкви, но умеръ въ добромъ исповѣданіи, оставивъ по себѣ добрую память. Заслуги Юстиніана для церкви засвидѣтельствованы включеніемъ его въ календарь,—и памят. его, (а равно и имя. Ѳеодоры) совершается въ день его кончины 14 ноября.

Преемники Юстиніана: Юстинъ II (565—578). Тиверій (578—582), и Маврикій (582—602). Гибель Маврикія и его семьи.

II. Юстиніанъ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей, но тѣмъ не менѣе съ его смертію династія его не прекратилась. Вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола въ сороковыхъ годахъ VI вѣка могъ считаться родственникъ Юстиніана, полководецъ Германъ, о характерѣ и талантахъ котораго современники отзывались съ величайшею похвалою, но онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (550 г.) и гораздо ранѣе своего долговѣчнаго дяди. По смерти Юстиніана на престолъ восшелъ безъ народнаго вызова, но и безъ сопротивленія одинъ изъ племянниковъ его (сынъ сестры) Юстинъ, занимавшій должность *куропалаты* (т. е. начальника придворной стражи.) „Ни о смерти Юстиніана, ни о воцареніи Юстина—говоритъ современникъ (Евагрій V, 1)—никто кромѣ приближенныхъ не зналъ, пока самъ Юстинъ не явился на ипподромъ, чтобы совершить самолично и принять отъ другихъ то́, что́ подобаетъ царю. Такъ какъ это событіе ни въ комъ не возбудило возраженій, то онъ возвратился въ дворецъ“ т. е. въ качествѣ уже общепризнаннаго царя. Юстинъ былъ государь слабодушный и непостоянный, который не могъ справиться не только со внѣшними врагами, нападавшими на имперію, но даже и съ своею женою, честолюбивою Софьею, которая, кажется, хотѣла изображать изъ себя вторую Ѳеодору, не имѣя дарованій своей знаменитой предшественницы. Сѣверная Италія, благодаря нашествію лонгобардовъ, (568 г.) скоро была потеряна для имперіи. Сказочная исторія,—одна изъ тѣхъ, какими обильно наполняются греческіе хронографы,—винитъ въ этой потерѣ Софью. Императрица будто

бы въ знакъ насмѣшки послала правителю Италіи, старому евнуху Нарсесу прялку, давая знать, что приличнѣе-де евнуху сидѣть въ гинекеѣ, чѣмъ управлять обширною областію;—на что раздраженный евнухъ будто бы отвѣчалъ угрозою спрясть такую нитку, какая императрицѣ не полюбится,—и призвалъ въ Италію лонгобардовъ. Разсказъ этотъ конечно выдумка, хотя и характерная, но потеря Италіи—фактъ. Подъ конецъ своего царствованія Юстинъ II окончательно ослабѣлъ и тѣломъ и умственными способностями, и—помимо своихъ родственниковъ—передалъ престолъ молодому, красивому и способному военачальнику Тиверію, родомъ ѳракіянину. Въ этомъ также нужно видѣть вліяніе Софіи. Самолюбивая женщина вмѣстѣ съ короною отживающаго супруга хотѣла передать Тиверію и свою руку. Въ этомъ разсчетѣ Софія впрочемъ ошиблась. Тиверій былъ давно женатъ, хотя и имѣлъ благоразуміе скрывать до времени это обстоятельство. Но послѣ смерти Юстина и окончательнаго своего воцаренія, онъ предъявилъ народу на ипподромѣ свою жену Анастасію и дочерей, уже не маленькихъ, и Софія должна была удовольствоваться со стороны Тиверія сыновнимъ почтеніемъ, соотвѣтственнымъ ея возрасту и чину. Греческіе хроникеры очень хвалятъ Тиверія. По ихъ отзывамъ онъ былъ украшенъ всѣми приличными царю доблестями, и бѣда была въ томъ только, что царствовалъ очень недолго. „Тиверій (по словамъ Евагрія V, 13) тѣломъ былъ очень высокъ, и, при высотѣ роста, статенъ болѣе, чѣмъ кто другой—не только изъ царей, но и изъ всѣхъ людей, такъ что прежде всего по виду достоинъ былъ владычествовать. При этомъ и душа его была кроткая и человѣколюбивая... То золото, по его мнѣнію, было поддѣльное, которое приходило отъ слезъ. Поэтому и сборъ податей приказалъ сложить на цѣлый годъ“ и т. д. Относительно церковныхъ дѣлъ ни Юстинъ ни Тиверій не произвели никакихъ перемѣнъ и ни обнаружили ни малѣйшей охоты ко вмѣшательству въ нихъ: быть можетъ это лучшая похвала, какую только можно приписать обоимъ монархамъ. Юстинъ II по воцареніи тотчасъ же іерарховъ, собранныхъ въ столицу Юстиніаномъ для подтвержденія новаго догмата, отпустилъ на ихъ каѳедры, дабы они проходили обычное служеніе, не вводя ничего новаго въ вѣрѣ. „И такое дѣло его достойно похвалы“, прибавляетъ современный церковный историкъ Евагрій. (V 1.) Онъ же, перечисливъ іерарховъ на высшихъ каѳедрахъ при Тиверіѣ, замѣчаетъ: „новыхъ же постановленій въ порядкѣ

церковныхъ дѣлъ не было никакихъ." (V, 16). Преемникомъ Тиверія былъ зять его, полководецъ Маврикій, родомъ каппадокіянинъ, „мужъ", по отзыву Евагрія", благоразумный и предусмотрительный, всегда и во всемъ тщательный и постоянный, въ образѣ жизни и правахъ твердый и разборчивый." Маврикій худо разумѣлъ по латыни, по этому латинскій языкъ, дотолѣ оффиціальный въ имперіи, уступилъ мѣсто греческому, чѣмъ впрочемъ—можетъ быть—выразилось также и безнадежность на сохраненіе западной половины имперіи. Не смотря на незнакомство съ латинскимъ языкомъ, Маврикій все-таки былъ человѣкъ образованный, и даже писатель. Онъ оставилъ сочиненіе *о военномъ искусствѣ*, въ которомъ есть рѣчь и о славянахъ.[1]) Маврикій былъ набоженъ, но по обычаю вѣка набожность его была соединена съ суевѣріемъ, которое досталось ему по наслѣдству отъ родителей. Вотъ что повѣствуетъ о семъ церк. историкъ Евагрій (V, 21): „были и божественныя знаменія, предвѣщавшія Маврикію царствованіе. Такъ однажды, когда онъ въ глубокую ночь совершалъ куреніе ѳиміама во святилищѣ храма пречистой Богородицы Маріи, называемаго у осополисцевъ (т. е. въ Антіохіи) *храмомъ Юстиніана*, завѣса священной трапезы представилась объятою пламенемъ, такъ что Маврикій самъ пораженъ былъ ужасомъ и устрашился видѣнія. Стоявшій тутъ же антіохійскій архіерей Григорій сказалъ, что это дѣло Божіе и предвѣщавшее ему нѣчто весьма великое и высокое. Потомъ на востокѣ явился Маврикію и Христосъ Богъ и требовалъ отъ него защиты,—что прямо указывало на царствованіе; ибо отъ кого, если не отъ царя, и притомъ отъ царя богочтителя, требовать Ему этого?—Замѣчательныя также и достойныя исторіи вещи, вслѣдствіе моихъ распросовъ,

[1]) „У славянъ—говоритъ Маврикій—недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ: въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землей не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники." Что касается до войны съ славянами, то императоръ совѣтуетъ нападать на нихъ зимою, тогда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. О нравственно-общественномъ характерѣ славянъ Маврикій сообщаетъ: „они такъ дорожатъ свободою, что ихъ никакимъ способомъ нельзя уговорить служить или повиноваться."

сообщили мнѣ и тѣ, которые произвели Маврикія на свѣтъ. Отецъ говорилъ, что во время зачатія Маврикія видѣлъ онъ во снѣ, будто изъ его постели выросло величайшее виноградное дерево со множествомъ зрѣлыхъ кистей. А мать утверждала, что во время его рожденія земля издала дивное и необыкновенное благоуханіе, и что такъ называемая *эмпуза* (русалка?) часто уносила младенца, чтобы пожрать его и однако не могла сдѣлать ему никакого вреда".

Мы встрѣтимся еще съ подобными знаменіями при разсказѣ о послѣдней судьбѣ Маврикія.

Не смотря на свою набожность, Маврикій не могъ не замѣтить, что монашество отвлекаетъ отъ службы государству много крѣпкихъ людей, нужныхъ и для внутренняго благоустройства и для борьбы съ варварами, нападавшими на имперію. Поэтому Маврикій воспретилъ закономъ принимать въ составъ клира и монашества людей проходящихъ общественныя должности и воиновъ прежде, чѣмъ они отслужили свой срокъ. Законъ былъ разуменъ, ибо вызывался настоятельными нуждами имперіи. Тѣмъ не менѣе римскій папа Григорій великій, слѣдуя традиціонной политикѣ своихъ предшественниковъ, протестовалъ противъ царскаго закона, стѣснительнаго, по мнѣнію папы, для церкви. Папа утверждалъ, что законъ Маврикія не согласенъ съ Евангеліемъ и что царь не имѣетъ права удерживать Богомъ врученныхъ ему людей отъ служенія Богу. „Я вашъ недостойный слуга," писалъ папа императору, „знаю многихъ воиновъ, которые, обратившись на служеніе Богу, совершили много чудесъ." Папа не подумалъ, —замѣчаетъ историкъ Финлей,—что самымъ приличнымъ чудомъ для этихъ набожныхъ воиновъ было бы, если бы они отразили варваровъ и тѣмъ спасли своихъ согражданъ отъ разграбленія и плѣна. —Маврикій уступилъ папѣ, конечно потому что видѣлъ, что папскій протестъ совпадаетъ съ образомъ мыслей и желаній большинства набожныхъ византійцевъ. Царь ограничился только запрещеніемъ принимать въ составъ клира чиновниковъ, прежде чѣмъ они сдадутъ отчетъ по своей должности, а воиновъ прежде трехъ-лѣтняго испытанія. Около тогоже времени было и другое прерѣканіе между папою Григоріемъ и константинопольскими властями. Патріархъ Константинополя Іоаннъ *постникъ* (Νηστευτής) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ отъ 587 года наименовалъ себя *вселенскимъ* (οἰκουμενικός). Собственно въ этомъ титулѣ не было ничего ни новаго, ни существеннаго. При Юстиніанѣ

одновременно и римскій папа и константинопольскій патріархъ были именуемы *вселенскими*. Реальнаго значенія этотъ титулъ никогда не имѣлъ, какъ не имѣетъ такого значенія напр. титулъ *судіи вселенной*, какимъ и понынѣ украшаются александрійскіе патріархи. Словомъ *вселенскій* указывается только неопредѣленно на высокій и обширный авторитетъ. *Вселенскими учителями и святителями* называются Василій великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ: *вселенскимъ* же *учителемъ* назывался и старшій преподаватель въ константинопольскомъ придворномъ училищѣ. Но при томъ соперничествѣ, какое искони существовало между каѳедрами Рима и Константинополя, естественно, что папа былъ крайне встревоженъ и возмущенъ тѣмъ, что его соперникъ самъ титулуетъ себя *вселенскимъ*, и притомъ въ письмѣ къ нему, папѣ, относясь слѣдовательно къ нему, какъ высшій къ низшему. Въ нѣсколькихъ письмахъ, адресованныхъ императору, императрицѣ, константинопольскому и другимъ восточнымъ патріархамъ (Epist. V, 18—21), папа старается показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всѣми прочими. „Если тотъ, кого называютъ епископомъ вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то стало быть вся церковь ошибется вмѣстѣ съ нимъ.“ Чтобы рѣзче выставить неумѣстность патріаршаго произношенія, папѣ естественно было облечься въ полноту христіанскаго смиренія. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ противоположность громкому титулу к-скаго патріарха папа сталъ подписываться servus servorum Dei.—Александрійскій патріархъ Евлогій,—надѣясь угадать тайную мысль папы,—увѣдомлялъ, что, согласно папскому повелѣнію, (sicut jussistis), отказалъ преемнику Іоанна постника (+596 г.) Киріаку въ титулѣ *вселенскаго*; въ томъ же письмѣ Евлогій почтилъ этимъ титуломъ самаго папу. Григорій въ отвѣтномъ письмѣ выражался такъ: „Прошу тебя слова: *повелѣлъ* не употреблять болѣе; знаю, кто я и кто ты; ты мой братъ по сану, отецъ по жизни. Я ничего не повелѣвалъ: я только совѣтывалъ, и даже этотъ совѣтъ мой ты не строго выполнилъ... Я просилъ тебя не давать этого титла ни преемнику константинопольскому, ни кому-либо другому, а ты приложилъ его ко мнѣ... Прочь всѣ титла, питающія тщеславіе и нарушающія любовь!“ (Epist. VIII, 30). Смиреніе впрочемъ не мѣшало папѣ Григорію вести обширнѣйшую переписку со всѣми выдающимися лицами христіанскаго міра и полагать основанія политическому значенію папства. Вѣрно оцѣнивая слабость византійскаго императора по отноше-

нію къ Италіи, папа умѣлъ дать почувствовать это имп. Маврикію въ письмѣ, гдѣ читаемъ между прочимъ слѣдующія строки. „Я одно скажу моему высокому повелителю: пусть онъ будетъ обо мнѣ самого дурного мнѣнія, только бы въ дѣлѣ, касающемся спасенія Италіи, не на всякія рѣчи склонялъ онъ свой высокій слухъ... Hoc tamen breviter dico: quamvis indignus et peccator, plus de venientis Jesu misericordia, quam de vestrae pietatis justitia presumo. (Epist. IV, 31.)

У Маврикія впрочемъ итальянскія дѣла были на самомъ послѣднемъ планѣ. Все 20-лѣтнее царствованіе Маврикія прошло въ войнахъ съ персами и аварами. Съ персами Маврикій управился благополучно благодаря внутреннимъ замѣшательствамъ, которыя заставили персидскаго царя Хоздроя Парвиза прибѣгнуть къ великодушію Маврикія и просить его о помощи. Маврикій дѣйствительно помогъ Хоздрою возвратить отеческій престолъ и пріобрѣлъ въ немъ себѣ благодарнаго и вѣрнаго союзника (591 г.) Но рядъ походовъ противъ аваръ на сѣверный берегъ Дуная былъ неудаченъ, ибо Маврикію приходилось бороться не только съ аварами, но и съ своимъ непослушнымъ и распущеннымъ войскомъ. Теоретикъ въ военномъ искусствѣ, Маврикій не могъ или не хотѣлъ добиться того, что́ составляетъ главное условіе военнаго успѣха т. е. сочувствія и преданности солдатъ, напротивъ вооружалъ ихъ противъ себя строгостію и скупостію. Одно обстоятельство послужило началомъ конца печальной исторіи Маврикія. При заключеніи мирнаго договора въ 601 году каганъ аварскій вывелъ множество плѣнниковъ на выкупъ римлянамъ. Царь предлагалъ кагану отпустить всѣхъ плѣнниковъ даромъ. А тотъ отвѣчалъ: *отдамъ сихъ по номизмѣ за душу.* ($4^1/_2$ руб. с.) Царь не соглашался дать столько: варваръ уступалъ половину. Когда же царь и на это не соглашался, то варваръ разсердившись избилъ 12000 плѣнниковъ. По скупости ли или изъ желанія наказать своихъ воиновъ, Маврикій отказался уплатить ничтожную сумму, во всякомъ случаѣ это была политика гибельная. „Съ этого случая—говоритъ хроникеръ—всѣ возненавидѣли Маврикія и злословили его и проклинали.“ Маврикій, какъ видно, и самъ предчувствовалъ свою гибель. Вотъ что говоритъ объ этомъ благочестивая легенда. „Раскаявшись и помысливъ о будущемъ судѣ, Маврикій пожелалъ лучше здѣсь искупить свой грѣхъ, а не на страшномъ судѣ. И разослалъ молительныя посланія къ патріаршимъ престоламъ и въ скиты и въ монастыри, да помолятся о немъ, чтобы ему здѣсь искупить свой

грѣхъ... И видитъ царь такой сонъ: множество народа стоитъ предъ иконою, что́ на мѣдныхъ вратахъ дворца. И слышится голосъ отъ иконы: *приведите мнѣ Маврикія.* Царя привели. И опять говоритъ божественный голосъ: *гдѣ хочешь, Маврикій, воздамъ тебѣ, здѣсь, или въ будущемъ вѣкѣ?* Маврикій отвѣчалъ;—здѣсь, но не тамъ. И тотчасъ же послѣдовало повелѣніе выдать его, и жену, и дѣтей, и все родство его Фокѣ военачальнику. А на утро возвратился къ царю посланный имъ магистріанъ съ такимъ отвѣтомъ отъ святыхъ: „Богъ, принявъ твое покаяніе, спасаетъ душу твою, но настоящей жизни ты лишишься со многою скорбію и бѣдою.“

Жалостною судьбою плѣнныхъ воиновъ, избитыхъ аварами, конечно всего болѣе огорчены были ихъ товарищи по службѣ. Поэтому, будучи въ 602 году принуждаемы Маврикіемъ зимовать за Дунаемъ, воины, взбунтовались, провозгласили императоромъ одного изъ своихъ сотниковъ, по имени Фоку, и пошли къ столицѣ. Маврикій, не нашедши себѣ поддержки въ столичномъ населеніи, думалъ спастись бѣгствомъ, но былъ схваченъ и казненъ вмѣстѣ съ своими сыновьями. Предъ смертію Маврикій обнаружилъ твердость и благородство характера, свидѣтельствующія о глубинѣ и силѣ его христіанскихъ убѣжденій. Выслушаемъ разсказъ хроникера. „И приведенъ былъ Маврикій связанный къ гавани Евтропія. Убійца (т. е. Фока), желая увеличить мученія Маврикія печальнымъ зрѣлищемъ, приказываетъ казнить въ его присутствіи пять сыновей его. Маврикій же, философствуя въ несчастіи, постоянно повторялъ: *праведенъ Ты, Господи, правъ судъ Твой*! Няня, спрятавъ одного изъ царскихъ сыновей, отдавала на убіеніе своего собственнаго, но Маврикій не допустилъ этого, но сыскалъ и отдалъ на казнь своего сына. Такимъ образомъ ставъ выше законовъ природы, Маврикій и самъ прощается съ жизнію. А окаянный Фока приказалъ головы царя и сыновей его водрузить на полѣ трибунальскомъ. И граждане выходили и смотрѣли на нихъ, пока онѣ не загнили. И тогда злодѣй позволилъ отдать ихъ желающимъ (для погребенія). А жену Маврикія съ тремя дочерьми заточилъ въ монастырь; спустя же немного времени и ихъ умертвилъ.“

Вся семья была похоронена въ монастырѣ св. Мамапта; и на надгробномъ камнѣ много вѣковъ потомки могли читать трогательную элегію отъ лица несчастной царицы.

ἄ δ'ἐγὼ ἡ τρητάλαινα καὶ ἀμφοτέρων βασιλήων
Τιβερίου θυγατὴρ, Μαβρικίου τε δάμαρ
ἡ πολύπαιν βασίλεια, καὶ ἡ δεῖξασ' ἀλοχείην,
ὡς ἀγαθὸν τελέθει, καὶ πολυκοιρανίην,
κεῖμαι σύν τεκέεσσι καὶ ἡμετέρῳ παρακοίτῃ
δήμου ἀτασθαλίῃ καὶ μανίῃ στρατίης.
Τῆς Ἑκάβης ἔτλην πολυ χείρονα, τῆς Ἰοκάστης
ναὶ καὶ τῆς Νιόβης· ἔμπνυος εἰμὶ νέκυσι
Εἰ καὶ τὸν γενέταν, τὶ μάτην τὰ νεογνὰ δ'ἔκτειναν
ἀνθρώπων κακίης μηδὲν ἐπιστάμενα;
ἡμετέροις πεταλοισι κατάσκιος οὐκέτι Ῥώμη.
ῥίζα γὰρ ἐκλάσθη Θρηϊκίοις ἀνέμοις.

(Я, несчастнѣйшая сродница двухъ царей, дочь Тиверія и жена Маврикія, я многочадная царица, мать доблестныхъ и державныхъ дѣтей, я лежу здѣсь вмѣстѣ съ дѣтьми и отцомъ семьи, падши подъ ударами бѣшенаго и буйнаго войска. Я потерпѣла больше Гекубы, Іокасты и Ніобеи—и тяжело лежать костямъ моимъ! Пусть бы они убили мать, но за что они убили малыхъ дѣтей, не знающихъ людской злобы? Римъ уже не будетъ осѣняемъ нашими отраслями, ибо корень исторгнутъ ѳракійскими вѣтрами.)

Предлагаемъ въ заключеніе генеалогію царствовавшей династіи.

Императоръ Юстинъ I+527 авг. 1. Женатъ на Любкинѣ—Евфиміи (ум. 524). Безчаденъ.

Сестра Юстина Бѣгленица—Vigilantia+?

Сынъ ея Управда=императоръ Юстиніанъ+565 ноябр. 14. Женатъ на Ѳеодорѣ (ум. 548 іюн. 28). Безчаденъ.

Дочь Бѣгленицы неизвѣстная по имени.

Другая (тоже)

Третья (тоже)

Юстинъ II, сначала куропалатъ потомъ императоръ, женатый на Софіи, безчаденъ.+578 окт. 5.

Германъ+550.

Юстинъ уб. окт. 567 г.

Полководецъ Тиверій, усыновленный Юстиномъ, впослѣдствіи императоръ, женатый на Анастасіи+583 авг. 14.

Константина, дочь Тиверія, жена Маврикія, полководца, потомъ императора, убитаго 27 ноября 602.

Многочисленные дѣти этой четы, вмѣстѣ съ родителями, истреблены тираномъ Фокою.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Внутренняя исторія церкви во время династій Льва I и Юстина I (457—602).

Приступая къ изложенію внутренней исторіи церкви въ разсматриваемомъ періодѣ, мы должны прежде всего обратить свое вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, которыя въ прежніе періоды выдавались особеннымъ процвѣтаніемъ. Вѣкъ династіи Константина великаго (312—362 г.) былъ золотымъ вѣкомъ христіанскаго монашества; вѣкъ династіи Ѳеодосія великаго (363—457) былъ золотымъ вѣкомъ церковной литературы. Что сталось въ нашемъ періодѣ съ монашествомъ и церковною литературою?

Сравнительный упадокъ монашества въ VI вѣкѣ. Подвигъ юродства. Св. игумены.

Монашество въ нашемъ періодѣ по внѣшнему виду не ослабѣвало. Число монастырей и иноковъ умножалось,—особенно въ Палестинѣ, гдѣ монахи считались тысячами въ лаврѣ св. Саввы и св. Ѳеодосія и многихъ другихъ обителяхъ; открывались новыя территоріи для монашества напр. въ пустыняхъ синайской и раиѳской; монастырскія имущества увеличивались щедротами царей и другихъ благочестивыхъ и богатыхъ людей. Права и преимущества монашескаго сословія обезпечивались покровительствомъ законовъ. И дальнѣйшій приростъ монашества былъ такъ быстръ, что даже благочестивый императоръ Маврикій находилъ его опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Но внутреннія доблести монашества являются обратно пропорціональны съ его внѣшнимъ процвѣтаніемъ. Люди исключительныхъ

доблестей всегда рѣдки, и когда монашество сдѣлалось торною дорогою для большинства, то естественно въ составъ его вошли люди достоинства средняго и ниже-средняго,—и общій нравственный урокъ значительно понизился. Это сознавали лучшіе изъ тогдашнихъ иноковъ. „Авва Александръ,“ читаемъ въ синайскомъ патерикѣ или *Лугѣ духовномъ* (гл. 167)“ говорилъ братіямъ: отцы наши искали пустыни и скорбей, а мы ищемъ городовъ и спокойствія. При отцахъ нашихъ процвѣтали бѣдность и смиреніе, а нынѣ господствуютъ скупость и гордость. Отцы наши никогда не умывали лица, а для насъ открыты народныя бани. Горе мнѣ, дѣти; потеряли мы житіе ангельское!—Ученикъ старца говоритъ ему: мы немощны, отецъ. Старецъ сказалъ: что ты говоришь? мы немощны? Повѣрь мнѣ, сынъ мой; мы крѣпки тѣломъ, какъ олимпійскіе борцы, только душа наша слаба.“—И еще: „авва Аѳанасій говаривалъ: отцы наши до самой смерти воздержаніе и бѣдность сохраняли, а мы чрево и карманы расширяемъ. Отцы наши старались о томъ, чтобы ничѣмъ не развлекаться, а мы заботимся о горшкахъ и рукодѣльѣ.“ (Ibid. гл. 130). И еще: „въ одинъ день авва Орентъ пришелъ въ церковь, выворотивъ одежду свою и надѣвъ ее вверхъ шерстью! Когда онъ сталъ на клиросъ, то ему говорили: боголюбивый старецъ, для чего ты такъ пришелъ и насъ безчестишь предъ посторонними?—Старецъ отвѣчалъ: вы извратили Синай и никто ничего не говорилъ вамъ, за чѣмъ же обличаете меня, что я выворотилъ одежду свою? Исправьте прежде то, что̀ сами испортили, а я исправлю, что̀ извратилъ.“ (ibid. гл. 124). Вмѣсто духа древняго крѣпкаго подвижничества выступаетъ на видъ удобопреклонность иноковъ ко грѣху и легкая уступка искушеніямъ. Едвали простою случайностію можно объяснить то обстоятельство, что въ синайскомъ патерикѣ (VI—VII в.) мы читаемъ такіе разсказы, которыхъ не найдемъ въ патерикѣ египетскомъ (IV—V в.), и которые свидѣтельствуютъ объ инокахъ, уступавшихъ въ нравственномъ отношеніи міряпамъ и женщинамъ. Приведемъ рядъ такихъ разсказовъ.

Одинъ пустынникъ ужаленъ былъ змѣею, и зашелъ въ городъ, чтобы лечиться. Его приняла къ себѣ въ домъ благочестивая и богоязненная женщина и лечила. Какъ скоро онъ началъ выздоравливать, —діаволъ началъ влагать ему нечистые помыслы на нее, и онъ хотѣлъ схватить ее за руку.—Нѣтъ, отецъ! сказала ему женщина; побойся Христа; вспомни, какую скорбь и тяжесть раскаянія ты будешь тер-

нѣть въ своей кельѣ; представь вопли и слезы, которыя ты будешь проливать."—Когда это и подобное тому выслушалъ онъ отъ женщины, діавольское нападеніе оставило его, и онъ, будучи не въ состояніи взглянуть на нее отъ стыда, хотѣлъ бѣжать отъ нея. Изъ любви ко Христу, она сказала ему: „не ходи, отецъ; ты и теперь еще имѣешь нужду въ лекарѣ: тотъ помыслъ, смущавшій тебя, не былъ дѣломъ твоей чистой души; это—внушеніе душегубителя діавола". Такимъ образомъ исцѣливъ его, безъ соблазна отпустила его съ миромъ. (Ibid. л. 202).

Другой разсказъ. Въ одномъ селеніи былъ благочестивый міряниръ, къ которому нѣкій инокъ изъ киновіи заходилъ всегда, какъ только ему случалось быть въ этомъ селеніи. У сего хозяина была недавно овдовѣвшая, годъ или два жившая съ мужемъ, дочь. Братъ сей при входѣ и выходѣ изъ сего дома началъ обуреваться помыслами о ней. Она по своему благоразумію замѣтила это и стала стараться избѣгать встрѣчи съ нимъ. Однажды отецъ ея, по какой-то нуждѣ, отправился въ городъ, оставивъ ее одну въ домѣ. Братъ, какъ это обыкновенно бывало прежде, зашедши въ домъ, нашелъ ее одну и спросилъ: гдѣ же твой отецъ?—Пошелъ въ городъ,—отвѣчала она. Тутъ братъ возмутился помысломъ и сталъ нападать на нее.—„Не смущайся",—говорила она ему, сохраняя все благоразуміе.—„Отецъ мой долго не прійдетъ; мы здѣсь только двое съ тобой. А я знаю, что вы, монахи, ничего не начинаете дѣлать безъ молитвы. Итакъ встань и помолись Богу, и тогда мы сдѣлаемъ, что́ Онъ положитъ тебѣ на сердце". —Братъ не успокоился, а все болѣе и болѣе смущался. Она спросила его: „ужели ты никогда не зналъ женщины"? Никогда,—отвѣчалъ онъ;—а только хочется узнать, что́ такое.—„И ты тѣмъ только,—сказала она,—обуреваешься, что не знаешь смраду несчастныхъ женщинъ". —Желая же обуздать его страсть, сказала: „такъ какъ я теперь нездорова обыкновенною для женщинъ болѣзнію, то ко мнѣ никто не можетъ прикасаться"... Братъ, выслушавъ отъ нея это и многое другое, умилился сердцемъ, пришелъ въ себя и залился слезами. Вдовица, увидѣвъ его образумившимся, сказала ему: „что́ если бы я послушалась тебя и грѣхъ бы уже совершился? Съ какимъ бы лицемъ, какими глазами, могъ ты смотрѣть на моего отца? Или, какъ бы ты возвратился въ монастырь и сталъ слушать ликъ поющихъ святыхъ? Прошу тебя, трезвись и бодрствуй, да не погубишь для кратковременной по-

хоти столько подъятыхъ тобою трудовъ, да не лишишься вѣчныхъ благъ".—Выслушавъ эти слова ея, перенесшій искушеніе братъ благодарилъ Бога, что Онъ благоразуміемъ и цѣломудріемъ жены исхитилъ его отъ конечной погибели. Возвратясь въ монастырь, онъ принесъ покаяніе въ своемъ грѣхѣ. (Ibid. гл. 203).

Третій разсказъ въ томъ же родѣ. Одинъ монахъ монастыря аввы Северіана, будучи посланъ по послушанію въ страны елеверопольскія, зашелъ къ одному христолюбивому земледѣльцу, имѣвшему одну дочь, у коей мать уже скончалась, и остался въ домѣ его на нѣсколько дней. Діаволъ, всегдашній врагъ человѣка, внушилъ брату нечистые помыслы, и онъ вооружился противъ отроковицы, искалъ удобнаго случая напасть на нее. Когда отецъ отроковицы по домашнимъ дѣламъ отлучился въ Аскалонъ, братъ, видя, что никого нѣтъ болѣе въ домѣ, кромѣ его и отроковицы, приходитъ къ ней съ намѣреніемъ ее обезчестить. Дѣвица замѣтивъ, что онъ возмущенъ и горитъ къ ней нечистою похотію, сказала ему: „не смущайся и не дѣлай со мною ничего худаго. Отецъ мой и нынѣ и завтра не придетъ, но ты выслушай прежде, что́ я скажу тебѣ. Господь видитъ, и я, если ты желаешь, пожалуй, готова исполнить твое желаніе. Но скажи прежде, братъ: сколько ты живешь въ монастырѣ"? Онъ отвѣчалъ ей: 17 лѣтъ. Отроковица продолжала: „и ты, братъ, въ одинъ часъ соглашаешься погубить свой трудъ? Сколько ты пролилъ слезъ, чтобы чистую и непорочную представить плоть свою Христу! Неужели для минутнаго удовольствія хочешь лишиться плода всѣхъ трудовъ, подъятыхъ тобою? Но выслушай еще меня: ежели ты падешь со мною, можешь ли ты взять меня и пропитывать"? Братъ отвѣчалъ: нѣтъ. Тогда отроковица сказала: „не лгу тебѣ, что, если ты меня обезчестишь, много сдѣлаешь зла". Монахъ спросилъ: какъ? Отроковица отвѣчала: „во первыхъ, ты погубишь свою душу, а во вторыхъ, и моя погибшая душа отъ тебя взыщется. Чтобы убѣдить тебя въ томъ, клянусь тебѣ именемъ Того, Который сказалъ: *не лги*,—что, ежели ты меня обезчестишь, сама себя предамъ смерти, и ты будешь причиною моего самоубійства и отдашь отвѣтъ на судѣ. Не лучше ли, размысливъ о такой ужасной бѣдѣ, идти тебѣ въ свой монастырь и тамъ молиться обо мнѣ?"—Монахъ пришедши въ себя, раскаялся, оставилъ домъ земледѣльца, и, явясь въ монастырь свой, просилъ игумена, чтобы онъ болѣе не пускалъ его изъ монастыря. Проживъ три мѣсяца, монахъ переселился ко Господу. (ibid.

гл. 38). Положимъ, что всѣ эти исторіи имѣютъ назидательное окончаніе, но могло статься, что бывали подобные случаи, оканчивавшіеся не столь назидательно и по сей причинѣ не занесенные въ патерикъ.

Вообще состояніе большинства иноковъ въ VI вѣкѣ подтверждаетъ ту историческую истину, что „человѣкъ слабъ и въ нѣкоторомъ приближеніи къ чистымъ идеаламъ можетъ находиться весьма недолгія времена.“

Отъ иноковъ рядовыхъ обратимся къ лучшимъ представителямъ иночества,—ко святымъ и канонизованнымъ подвижникамъ. Уже въ прошломъ періодѣ мы замѣтили стремленіе подвижниковъ къ своеобразнымъ и нѣсколько страннымъ подвигамъ (стр. 224—227). Тоже стремленіе продолжалось и въ настоящемъ періодѣ. Продолжали подвизаться на столпахъ св. столпники (св. Даніилъ столпникъ † 490 г. св. Симеонъ дивногорецъ † 596 г.); были и св. жены, спасавшіяся въ мужскихъ монастыряхъ или въ глухой пустынѣ (св. Ѳеодора александрійская, св. Марія египетская † 9 апр. 521); было не мало и св. *молчальниковъ*, связавшихъ себя обѣтомъ безмолвія (св: Іоаннъ молчальникъ, св. Соломанъ молчальникъ). Но самый выдающійся—такъ сказать новоизобрѣтенный—подвигъ нашего періода былъ подвигъ *юродства*. Основателемъ или по крайней мѣрѣ наиболѣе виднымъ представителемъ этого подвига былъ св. Симеонъ юродивый († ок. 590 г.) Будучи 30 лѣтъ св. Симеонъ сдѣлался инокомъ, около 30 лѣтъ подвизался въ пустынѣ близъ Мертваго моря и уже въ 60-лѣтнемъ возрастѣ пошелъ изъ пустыни *ругаться міру*. Подвигъ юродства Симеонова былъ непродолжителенъ (около 5 лѣтъ), но произвелъ на современниковъ глубокое впечатлѣніе, какъ можемъ видѣть изъ слѣдующаго повѣствованія церк. историка Евагрія (IV, 34). „Жилъ въ городѣ Эмесѣ Симеонъ. Этотъ мужъ до того отвергся тщеславія, что людямъ, не знавшимъ его, казался помѣшаннымъ, хотя былъ исполненъ всякой мудрости и Божіей благодати. Онъ жилъ большею частію особнякомъ, вовсе никому не представляя случаевъ узнать, когда или какъ онъ молился Богу, когда вкушалъ у себя пищу и когда не прикасался къ ней. Иногда являлся онъ на большихъ дорогахъ и площадяхъ и казался изступленнымъ, вовсе лишеннымъ смысла и разсудка. Случалось и то, что, вошедши украдкой въ какую нибудь гостинницу, онъ, томимый голодомъ, принимался за первую, попадавшуюся на глаза пищу. Когда кто выражалъ ему свое уваженіе поклономъ, онъ съ досадою и поспѣшно

уходилъ, боясь, чтобъ его добродѣтель не открылась. Такъ велъ себя Симеонъ на площади. Но было у него нѣсколько человѣкъ близкихъ, съ которыми онъ обращался безъ всякаго притворства. У одного изъ этихъ знакомыхъ ему лицъ была служанка, которая съ кѣмъ-то имѣла постыдную связь и сдѣлалалась беременною. Когда господа принуждали ее назвать виновника преступленія, она сказала, что была въ тайной связи съ Симеономъ, отъ него понесла, и справедливость этого потверждала клятвою, изъявляя готовность, если нужно, изобличить (виновнаго). Услышавъ объ этомъ, Симеонъ, не сталъ противорѣчить и сказалъ, что онъ носитъ тѣло—сосудъ скудельный. Когда повсюду разнеслась объ этомъ молва и Симеона повидимому покрыла безчестіемъ,—онъ, будто бы отъ стыда, не сталъ показываться. Но вотъ женщинѣ пришло время родить и она, по обычаю рождающихъ, оставалась на своемъ ложѣ; муки рожденія стали дѣйствовать съ чрезмѣрною и невыносимою силою и довели до крайней опасности жизнь ея, а дитя не подвигалось. Тогда нарочно пришелъ туда Симеонъ и, когда стали упрашивать его помолиться,—онъ въ слухъ всѣхъ сказалъ, что эта женщина не прежде разрѣшится отъ бремени, какъ—назвавъ человѣка, отъ котораго оказалась беременною. Какъ скоро она сдѣлала это и назвала дѣйствительна отца, младенецъ немедленно явился на свѣтъ, какъ будто сама правда помогла родамъ.—Однажды замѣтили, что Симеонъ вошелъ въ домъ распутной женщины и, заперевъ за собою дверь, остался съ нею наединѣ. Потомъ онъ отворилъ дверь и поспѣшно вышелъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ, не смотритъ ли кто на него. Послѣ того подозрѣніе еще болѣе усилилось, такъ что видѣвшіе это позвали къ себѣ женщину и спросили ее, за чѣмъ у ней былъ Симеонъ и—такъ долго. Но женщина клятвенно увѣряла, что уже третій день по бѣдности не было у ней ничего во рту кромѣ воды; а Симеонъ принесъ ей мяса, хлѣба и вина и, заперевъ дверь, предложилъ трапезу съ приказаніемъ, чтобы она ѣла до-сыта, потому что довольно терпѣла отъ недостатка въ пищѣ, остатки же всего принесеннаго взялъ съ собой.—Онъ же предъ самымъ землетрясеніемъ, которое сильно поколебало приморскую Финикію и отъ котораго особенно потерпѣли города Беритъ, Библъ и Триполисъ, махая бичемъ, сталъ бить имъ по многимъ на площади колоннамъ и приговаривалъ: „стойте, вамъ придется плясать“. Такъ какъ этотъ человѣкъ ничего не дѣлалъ попапрасну, то присутствовавшіе при томъ замѣтили, которыхъ колоннъ

онъ не трогалъ. Эти-то колонны, спустя немного, подверглись землетрясенію и упали. Много и другихъ его дѣлъ, но описаніе ихъ требуетъ особаго сочиненія".

Само въ себѣ юродство служитъ отрицаніемъ монашества. Монашество требуетъ удаленія отъ міра и его соблазновъ, а юродство ведетъ человѣка въ міръ и заставляетъ творить соблазны. Но при расположеніи къ извѣстному роду жизни достаточно одного легкаго намека въ библіи, чтобы изъ него развить цѣлую систему жизни и дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ выраженіе апостола: *мы юроди Христа ради* (ἡμεῖς μωροὶ διὰ Χριστὸν I Кор. 4, 10) послужило основою и оправданіемъ подвига юродства. Служа повидимому отрицаніемъ монашества, какъ наглядное доказательство возможности спастить среди мірской суеты, подвигъ юродства тѣмъ не менѣе прикрѣпляется къ монашеству такою аргументаціею. Прежде всего юродство представлялось какъ бы нѣкоею воинскою хитростію противъ демоновъ. „Постараемся," говоритъ св. Іоаннъ въ *Лѣствицѣ* (XXVI; 139—140) „не только бороться съ демонами, но и нападать на нихъ... Кто побѣдилъ страсти, тотъ поражаетъ демоновъ, притворно показывая, что имѣетъ страсти и тѣмъ обманывая своихъ враговъ и оставаясь неуязвимымъ для нихъ. Нѣкто изъ братій потерпѣлъ однажды безчестіе, и ни мало не тронувшись этимъ, помолился умомъ, потомъ началъ роптать по поводу нанесеннаго ему безчестія. Другой изъ братій, вовсе не желавшій первенства, притворялся, что домогается этого. Какъ же изображу тебѣ непорочность того, кто вошелъ въ блудный домъ, повидимому ради грѣха, но блудницу привлекъ къ подвижнической жизни? Еще: одному изъ безмолвниковъ очень рано утромъ принесъ нѣкто виноградную кисть, а онъ, по выходѣ принесшаго, съ какою-то торопливостію, впрочемъ безъ всякаго вожделенія, съѣмъ ягоды, показывая демонамъ въ себѣ чревоугодника. Другой еще, потерявъ нѣсколько прутьевъ, цѣлый день представлялся скорбящимъ о томъ. Но таковымъ много нужно трезвенности, чтобы, вознамѣрившись насмѣяться надъ демонами, самимъ не сдѣлаться ихъ игралищемъ. О сихъ-то, безъ сомнѣнія, сказалъ нѣкто: *яко лестцы и истинни.*"—Само собою разумѣется, что юродствовать такимъ образомъ, для обмана демоновъ, можно было, и не выходя изъ кельи. Поэтому аргументація, связывающая юродство съ монашествомъ должна идти далѣе. Монаху всего нужнѣе смиреніе. Смиреніе всего удобнѣе достигается и сохраняется вслѣдствіе людскаго безчестія.

Для того, чтобы получить отъ людей безчестіе, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа, какъ путь юродства. Слѣдовательно, отчего же не идти этимъ путемъ, который для инока, утомленнаго пустыннымъ безмолвіемъ, представлялъ въ себѣ заманчивое совмѣщеніе разнообразія мірскихъ впечатлѣній съ идеальными требованіями духовнаго самоусовершенствованія? При своей заманчивости путь юродства былъ путемъ весьма скользкимъ и опаснымъ; св. Симеонъ, позволяя себѣ вольное обращеніе съ женщинами, могъ конечно сказать о себѣ, что онъ чувствуетъ себя, какъ дерево среди деревьевъ; но не всякій юродивый могъ сказать о себѣ тоже. Поэтому-то благоразумные старцы руководители удерживали иноковъ, стремившихся юродствовать. Св. Исаакъ Сиринъ сообщаетъ о себѣ слѣдующую автобіографическую замѣтку: „нѣкогда сказалъ я старцу: *пришелъ мнѣ, отче, помыслъ пойти въ воскресный день на церковную паперть, сѣсть тамъ и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижалъ.* На сіе старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ міряпамъ, не узритъ свѣта. А ты никому неизвѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, будутъ же говорить, что монахи съ утра ѣдятъ и. т. д. Древніе отцы дѣлали такъ по причинѣ многихъ совершенныхъ ими чудотвореній и по причинѣ оказываемой имъ чести и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестію, скрыть славу житія своего и удалить отъ себя поводъ къ гордынѣ. А тебя что заставляетъ поступать подобнымъ сему образомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія, и такого имени, а живешь какъ и прочіе братія. Ты себѣ не принесешь пользы, а другому повредишь.“ (сл. 11.) На своемъ скользкомъ и опасномъ пути, подвижники юродства рѣдко достигали обѣихъ предположенныхъ цѣлей. Достигавшіе людскаго безчестія бо́льшею частію и заслуживали его по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, ибо, прикидываясь юродивыми, разыгрывали—такъ сказать—свою собственную роль; истинные же подвижники, подъ личиною юродства стремившіеся къ осуществленію христіанскихъ идеаловъ, не укрывались отъ людскаго вниманія и благоговѣнія: ихъ страннымъ рѣчамъ и поступкамъ люди охотно придавали таинственный и пророческій смыслъ. Общественное мнѣніе того вѣка было скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ юродства. Подвигъ юродства скоро пріобрѣлъ право гражданства въ христіанскомъ мірѣ, сдѣлался впослѣдствіи особенно любимъ славянами и удержался даже до настоящаго времени.

До настоящаго времени удержался и другой типъ, созданный монашествомъ нашего періода. Изъ канонизованныхъ иноковъ этого времени большая часть были начальники и устроители монастырей. Въ этомъ также можно видѣть одно изъ знаменій времени. Монашество, взятое въ цѣломъ, уже пережило свой—такъ сказать—героическій періодъ личнаго почина и самоопредѣленія въ духовной жизни и превратилось въ многочисленное словесное стадо, требующее искусныхъ вождей, которые могли бы думать и заботиться за всѣхъ. Таковы и были: Евфимій великій, († 20 дек. 472), Маркеллъ, игуменъ обители акимитовъ въ Константинополѣ († около тогоже времени), Ѳеодосій, общихъ житій начальникъ († 529), Савва освященный († 533), Іоаннъ игуменъ синайскій, списатель *лѣствицы* (563 г.); на западѣ—Венедиктъ нурсійскій († 543 г.) Обязанности, налагаемыя положеніемъ строителя обители и начальника монашествующей братіи, были очень обширны и разносторонни. Онъ долженъ былъ обуздывать своевольныхъ иноковъ и быть духовнымъ руководителемъ братіи; онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о матеріальныхъ нуждахъ обители, объ ея управленіи и расширеніи, о содержаніи братіи, объ угощеніи странниковъ и богомольцевъ: наконецъ онъ же долженъ былъ отъ лица монашествующей братіи выступать съ ходатайствами, а иногда и съ протестами предъ сильными міра сего и властію предержащею. При исполненіи этихъ обязанностей часто встрѣчались значительныя затрудненія, или—выражаясь по монашески—*искушенія*. То своевольная братія волновалась до такой степени, что изгоняла самаго авву изъ обители; то хлѣбные запасы въ обители оскудѣвали до такой степени, что нужно было ожидать чуда для ихъ восполненія; то сильные міра сего относились къ заявленіямъ аввы съ суровостію, быть можетъ весьма объяснимою, но въ тоже время непріятною. Всѣ эти случаи встрѣчаются напр. въ *житіяхъ* Саввы освященнаго и Ѳеодосія, общихъ житій начальника. Объ огорченіяхъ, которые терпѣлъ св. Савва отъ своевольныхъ монаховъ въ *житіи* его повѣствуется слѣдующее: „На 48 году жизни преп. Саввы возмутились въ его лаврѣ нѣкоторые иноки, развращенные нравомъ и плотскіе смысломъ, духа не имѣющіе, которые давно уже всячески огорчали святаго. Ибо часто среди пшеницы появляются плевелы и терніе растетъ въ вертоградѣ,—и между апостолами нашелся одинъ предатель. Итакъ эти развращенные братія или—лучше сказать—лжебратія отправилась въ Іерусалимъ къ патріарху и про-

сили у него игумена. *Гдѣ вы живете?* спросилъ патріархъ. Они отвѣчали, что живутъ въ пустынѣ и наконецъ послѣ долгихъ распросовъ вынуждены были сознаться, что живутъ въ обители, называемой именемъ нѣкоего черноризца Саввы. *А гдѣ же Савва?* спросилъ патріархъ. Иноки вмѣсто отвѣта стали клеветать на святаго, говоря, что онъ человѣкъ простой и неискусный и не можетъ управлять многими братіями, да ктомуже и самъ не желаетъ принимать хиротонію. Тогда бывшій при патріархѣ пресвитеръ Кирикъ, хранитель честнаго древа крестнаго, спросилъ монаховъ: „вы ли приняли Савву къ себѣ или Савва принялъ васъ?“ Они отвѣчали: Савва принялъ насъ. „Если такъ“,—возразилъ патріаршій пресвитеръ,—„если Савва могъ собрать васъ въ пустынномъ мѣстѣ, онъ же, при помощи Божіей, можетъ и управлять вами.“ Послѣ того патріархъ призвалъ къ себѣ св. Савву, рукоположилъ его во пресвитеры, и сказалъ непокорнымъ братіямъ: *вотъ вамъ отецъ и игуменъ вашей лавры, поставленный Богомъ, а не людьми.*—Прошло нѣсколько лѣтъ. Савва настоятельствовалъ въ своей лаврѣ и добрѣ все устроилъ, но ненавистники его не успокоились. Ихъ набралось уже до сорока человѣкъ. Неискусные умомъ и развращенные нравомъ, они дѣлали столько пакостей игумену, что онъ, уступая неправедному ихъ гнѣву, оставилъ свою лавру и удалился въ другое мѣсто, гдѣ также устроилъ монастырь. Спустя не мало времени Савва опять возвратился въ свою лавру, полагая, что враждебные ему иноки уже успокоились, но оказалось, что они пребываютъ въ прежней злобѣ и число ихъ возрасло до 60, и сколько ни старался Савва убѣлить зоіоновъ, но не могъ, ибо отъ его кроткихъ увѣщаній они еще болѣе раздражались. Савва опять удалился изъ своей лавры и на новомъ мѣстѣ основалъ новый монастырь. Между тѣмъ враждебные лавріоты распустили молву, будто Савва съѣденъ львами близь Мертваго моря, и просили себѣ у патріарха новаго игумена. Вопреки ихъ желанію патріархъ возвратилъ въ лавру св. Савву съ слѣдующею граматою къ лавріотамъ: „даю знать вамъ, о Христѣ братіямъ, что отецъ вашъ Савва живъ, а не съѣденъ звѣрями, какъ вы увѣдомляли. Онъ пришелъ ко мнѣ на праздникъ и я удержалъ его, считая несправедливымъ, чтобы онъ оставлялъ свою лавру, которую съ Божіею помощію, создалъ своими трудами. Примите своего отца усердно со всякою честію, ибо не вы его выбрали, а онъ васъ собралъ. Если же среди васъ найдутся монахи гордые и непокорные, которые не захотятъ покориться

Саввѣ, то повелѣваемъ имъ немедленно выдти изъ лавры, ибо нелѣпо отцу быть отчуждену отъ своей обители". Посланіе патріарха имѣло слѣдствіемъ то, что враждебные Саввѣ иноки, разрушивъ игуменскую келлію, съ озлобленіемъ и ругательствами удалились вонъ изъ лавры и стали жить гдѣ-то въ оскутской долинѣ въ большомъ оскуденіи. Ихъ оскудѣніе и нестроеніе растрогали св. Савву, который не переставалъ и послѣ того заботиться объ ихъ матеріальномъ и духовномъ устроеніи, хотя они на первое время отвергали эти заботы, говоря съ досадою: *и сюда пришелъ этотъ косоокій*!"—Непослушаніе и своеволіе братіи зависѣло впрочемъ иногда и отъ суровости настоятелей, возведенной въ то время въ принципъ. Св. Іоаннъ въ *Лѣствицѣ* (III) передаетъ не мало примѣровъ жестокихъ искушеній, какимъ подвергали аввы своихъ послушниковъ, чтобы научить ихъ смиренію. „Нѣкогда", пишетъ онъ, „сидѣлъ я за трапезою съ игуменомъ, и онъ, святые уста свои приклонивъ къ уху моему, говоритъ: „хочешь ли покажу тебѣ при самой глубокой сѣдинѣ божественный образъ мыслей?" Когда же я сталъ о томъ просить, игуменъ позвалъ со второй трапезы именуемаго Лаврентіемъ, около 48 лѣтъ пребывающаго въ обители и втораго въ монастырѣ пресвитера. Онъ пришелъ, преклонилъ колѣна предъ игуменомъ и принялъ отъ него благословеніе. Но когда всталъ,—игуменъ вовсе ничего не сказалъ ему и оставилъ его стоять предъ трапезой и не вкушать пищи; обѣдъ же только начинался, почему онъ стоялъ долгій часъ или часа два. Мнѣ было уже стыдно взглянуть въ лице сему труженику, потому что былъ онъ весь сѣдъ и жилъ уже 80-й годъ. Такъ до окончанія обѣда простоялъ онъ безъ отвѣта. Когда же встали, игуменъ посылаетъ его сказать другому иноку Исидору начало 39 псалма.—Въ другой разъ игуменъ къ назиданію прочихъ напрасно напалъ въ церкви на эконома, велѣвъ безвременно выслать его. Я зная, что экономъ не виноватъ, наединѣ сталъ оправдывать его предъ великимъ старцемъ. Мудрый отвѣчалъ мнѣ: „и самъ я зналъ это, отецъ; но какъ несправедливо и жалко вырывать хлѣбъ изъ устъ у голоднаго младенца; такъ и пекущійся о другихъ дѣлаетъ вредъ и себѣ и труженику, если не доставляетъ ему ежечасныхъ случаевъ пріобрѣтать вѣнцы, какіе можетъ получить труженикъ, терпя или оскорбленіе, или безчестіе, или уничиженіе, или осмѣяніе." Вышеупомянутый игуменъ у Іоанна лѣствичника представляется идеальнымъ настоятелемъ.—Изъ житія св. Саввы видимъ, что и онъ подвергалъ своихъ

иноковъ искушеніямъ. Такъ нѣкогда св. Савва и его ученикъ на пути встрѣтили много мірянъ, и въ томъ числѣ красивую женщину. *Кажется дѣвица на одно око слѣпа?* сказалъ Савва спустя немного времени. „Нѣтъ, отче,“ отвѣчалъ ученикъ, „она очень свѣтло смотритъ и глаза у нея отличные.“ *Почему ты въ этомъ такъ увѣренъ?* спросилъ св. Савва. „Я, отче,“ отвѣчалъ простодушный ученикъ, „прилежно смотрѣлъ на ея лице.“ Послѣдствіемъ этой бесѣды было то, что ученикъ былъ отправленъ въ Кастелліо на наказаніе.—Понятно, что подобнаго рода душеполезная строгость игуменовъ возбуждала въ иныхъ монахахъ ропотъ и непокорство. Но и съ послушною братіею для настоятеля было много заботъ объ ихъ духовномъ благоустроеніи сообразно личнымъ особенностямъ каждаго.

Заботы о матеріальномъ благостояніи обители доставляли строителю также не мало искушеній. Самое коренное искушеніе состояло въ несовмѣстимости большихъ затратъ, требуемыхъ на содержаніе и украшеніе обители, съ обѣтомъ монашескаго нестяжанія. Иные строители какъ напр. преп. Савва жертвовали на свою обитель свое наслѣдственное, иногда очень большое, имущество; много помогали христолюбивые датели изъ мірянъ; но иногда, по свидѣтельству *житій*, ощущалось непосредственное участіе божественнаго промысла. Такъ въ *житіи* св. Саввы повѣствуется, что святой желалъ прикупить землю сосѣднюю съ обителью и въ надеждѣ на милость Божію отдалъ продавцу въ качествѣ задатка послѣднія полчервонца, обѣщаясь на утро доплатить остальное или потерять задатокъ. Ночью св. Савва стоялъ на молитвѣ и вотъ внезапно явился какой-то незнакомецъ, подалъ св. Саввѣ 170 золотыхъ монетъ и безъ всякихъ объясненій удалился. Уплата за купленную землю была произведена и задатокъ не былъ потерянъ. Въ *житіи* св. Ѳеодосія читаемъ, что нѣкогда въ недѣлю ваій множество нищихъ пришли въ монастырь за обычною милостынею; монахи говорили игумену, что нечѣмъ накормить такую толпу, но, по его приказанію, пошли въ хлѣбню и сверхъ ожиданія нашли тамъ множество хлѣбовъ. Такое же умноженіе хлѣбовъ совершилась и на праздникъ Успенія Богоматери. —Наконецъ заявленія настоятелей отъ лица монашескаго сословія по общимъ церковнымъ дѣламъ не чужды были нѣкоторыхъ опасностей. Мы не будемъ повторять разсказа о протестѣ св. Саввы и Ѳеодосія противъ монофизитскихъ симпатій царя Анастасія (стр. 255—257), но

припомнимъ только, что, по словамъ *житій* царь грозилъ Саввѣ и Ѳеодосію изгнаніемъ изъ палестинскихъ монастырей.

Завѣщанный монашествомъ VI вѣка, образъ святаго настоятеля и строителя обители близокъ русскому сознанію; знаменитѣйшіе русскіе святые иноки (Ѳеодосій печерскій, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлоезерскій, Зосима соловецкій, Пафнутій боровскій и Іосифъ волоцкій)—представляютъ въ себѣ воплощеніе этого типа, такъ что въ ихъ житіяхъ легко можемъ найти повтореніе житій аввъ V и VI вѣка. Тоже стремленіе къ устроенію главной обители и новыхъ монастырей, относящихся къ ней, какъ колоніи въ метрополіи, тоже разумное монастырское хозяйство, тѣже заботы о непослушной братіи, тѣже хлопоты о пріемѣ богомольцевъ, богатыхъ и убогихъ,—характеризуютъ одинаково и древнихъ палестинскихъ и нашихъ русскихъ (а равно и современныхъ аѳонскихъ) монастырскихъ строителей.

Упадокъ церковной литературы. Осужденіе умершихъ писателей. Преобладаніе легендарно-апокрифическихъ сказаній. Иноческая литература.

Уже въ минувшемъ *золотомъ* вѣкѣ церковной литературы обозначились нѣкоторыя примѣты ея будущаго безплодія, состоявшія въ пренебреженіи къ умственному наслѣдію классической древности, въ подавленіи духа любознательности и свободнаго изслѣдованія, въ поставленіи правоученія на первомъ планѣ, въ стремленіи разъ навсегда опредѣлить, формулировать и возвести въ догматъ все содержаніе христіанскаго вѣдѣнія. Правда въ прошломъ періодѣ у церковныхъ писателей возможны были еще два направленія—*супранатуралистическое* и *умѣренно-раціоналистическое* (стр. 206) и халкидонскій соборъ, бывшій въ концѣ прошлаго періода, принадлежалъ ко второму направленію, и—по выраженію А. П. Лебедева (стр. 273)—*шесть сотъ отцевъ собора халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло*,—но, какъ видно, благословеніе это относилось не къ ближайшей эпохѣ, а къ болѣе или менѣе отдаленнымъ временамъ лучшаго будущаго. Громкій и блестящій вѣкъ Юстиніана, богатый искусными юристами, полководцами и архитекторами, и вообще образованными и талантливыми людьми, не представляетъ намъ ни одного знаменитаго церковнаго писателя. Едва ли это случайность. Скорѣе должно думать, что уму и таланту тяжело было въ области церковной литера-

туры, затѣсненной всевозможными авторитетами, начиная съ авторитета отцевъ и учителей церкви предыдущаго періода и кончая авторитетомъ догматическихъ указовъ и заявленій императора. Очень можетъ быть, что способные люди чуждались богословской литературы, какъ области, неблагопріятной для таланта, и относились къ ней съ тѣмъ холоднымъ индифферентизмомъ, который такъ высказывается у Прокопія. „Христіане,—говоритъ онъ,—„разноглася между собою относительно вѣроисповѣданія, раздѣляются на партіи. Я хорошо знаю предметъ разногласія, но не буду о немъ распространяться. Ибо я считаю какимъ-то сумасброднымъ недоразумѣніемъ спорить о свойствахъ божественнаго существа, когда мы, думается мнѣ, не можемъ знать въ точности сокровенныхъ свойствъ человѣческихъ, а тѣмъ паче того, что относится къ существу Божію. По моему всего удобнѣе молчать объ этомъ, ограничиваясь тѣмъ, чтобы не отвергать господствующихъ вѣрованій. Я съ своей стороны ничего не скажу о Богѣ, кромѣ того, что Онъ благъ ко всему существующему, и что все содержится въ Его власти. И пусть разсуждаетъ объ этомъ по своему усмотрѣнію каждый, іерей ли то, или міряпинъ.“ (Gotth. I, 3.) Припомнимъ, что и другіе талантливые дѣятели VI вѣка въ религіозныхъ вопросахъ держались такого же образа мыслей, какъ и Прокопій; Требоніанъ напр. слылъ даже аѳеистомъ. Бо́льшаго повидимому процвѣтанія богословской литературы можно было бы ожидать тамъ, куда не проникало вліяніе византійскаго императора: напр. у монофизитовъ, несторіанъ и западныхъ христіанъ. Но еретическая литература, хотя и существовала, почти не дошла до насъ. [1]) Литература запада представляетъ

---

[1]) На основаніи отрывочныхъ извѣстій, но въ логической послѣдовательности, излагаются разныя направленія монофизитской догматики въ сочиненіи г. Троицкаго: *изложеніе вѣры церкви армянской.* Спб. 1875. (стр. 136—164). Чтобы устранить двойство природъ во Христѣ, монофизиты могли идти двумя путями: α) или признать человѣческую природу *однородною* съ божественною, β) или признать человѣческую природу во Христѣ фиктивною и случайною *акциденціею.* По первому пути монофизиты прошли четыре стадіи, отмѣченныя въ сочиненіяхъ Діоскора, Тимоѳея Элура, Юліана Галикарнасскаго и Стефана Варсудаили. Монофизиты, стоявшіе на первыхъ трехъ стадіяхъ, обозначены у современниковъ характерными прозвищами *ѳеопасхитовъ*, *афтартодокетовъ* и *актиститовъ*, а Стефанъ Варсудаили

нѣсколько смѣлыхъ и умныхъ сочиненій, (напр. Факунда и Ферранда), но они не имѣютъ общаго значенія и составлены исключительно въ видахъ борьбы съ притязаніями императора анаѳематствовать умершихъ писателей.

Анаѳематствованіе умершихъ писателей и строгая цензура и критика ихъ произведеній представляетъ собою также характернѣйшую черту VI вѣка въ литературномъ отношеніи. Изсушивъ свободу и производительность религіозной мысли у современниковъ, цензурно-догматическій духъ вѣка не оставилъ въ покоѣ и предковъ, но положилъ и ихъ на Прокрустово ложе своей догмы. Особенно замѣчательно осужденіе Оригена. Этотъ благороднѣйшій и талантливый богословъ III вѣка еще при жизни былъ обвиняемъ въ свободомысліи, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе—такъ сказать—опережалъ своихъ потомковъ и представлялся вольнодумнымъ и неблагонадежнымъ. Поэтому рядомъ съ горячими почитателями Оригена всегда находились и строгіе хулители его. Наиболѣе животрепещущій интересъ представляло ученіе Оригена о загробной жизни. Любящая душа Оригена не могла примириться съ мыслію о вѣчности мученій, поэтому въ его сочиненіяхъ между строкъ высказывается убѣжденіе, что будетъ конецъ мученіямъ не только для грѣшнаго человѣка, но и для діавола. Это ученіе Оригена разумѣется было предметомъ наибольшихъ споровъ между монахами, мнившими оставить все въ сей жизни для того, чтобы взыскать жизни будущей. *Дѣлатели страха и — мзды* были убѣждены, что съ отъятіемъ догмата о вѣчныхъ мученіяхъ послѣдуетъ

дошелъ даже до *пантеизма.* „Люди, достойные вѣроятія, (говоритъ современникъ), увѣряли, что видѣли на его кельѣ слѣдующую надпись: *вся природа единосущна съ Богомъ,*—и что надпись эту потомъ онъ снялъ изъ страха, какъ бы изъ-за нея не нажить себѣ бѣды.“ Далѣе пантеизма въ этомъ направленіи идти было уже некуда.—По второму пути шли Филоксенъ и Северъ, изъ которыхъ второй выработалъ относительно соединенія двухъ природъ во Христѣ формулу: μία φύσις θεανδρικὴ καὶ μία θεανδρικὴ ἐνέργια —*единое богомужное естество и единое богомужное дѣйствіе.* Смыслъ этой формулы таковъ, что Іисусъ Христосъ всегда былъ *только Богомъ,* но въ совершеніи дѣла искупленія дѣйствовалъ иногда *по божески,* иногда *по человѣчески;* человѣкомъ же въ истинномъ смыслѣ этого слова онъ не былъ.

полнѣйшая нравственная распущенность; *дѣлатели* же *любви* [1]) полагали, что можно быть добродѣтельнымъ и безъ страха вѣчныхъ мукъ. Послѣдняя мысль повидимому выражается въ слѣдующихъ словахъ св. Исаака Сирина. „Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры; потому что каждому даетъ, чего онъ достоинъ. А милосердіе ко всѣмъ сострадательно преклоняется; кто достоинъ худаго, тому не воздаетъ зломъ, и кто достоинъ добраго воздаянія, того преисполняетъ съ избыткомъ... Какъ песчинка не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ кускомъ золота; такъ требованіе правосудія Божія не выдерживаетъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божіимъ. Что́ горсть песку, брошенная въ великое море, то́ же грѣхопаденіе всякой плоти въ сравненіи съ Божіимъ промысломъ и Божіею милостію. И какъ обильный водою источникъ не заграждается горстью пыли; такъ милосердіе Создателя не преобѣждается пороками тварей.“ (Слово 89; въ русск. перев. стр. 508—509). „Будь проповѣдникомъ Божіей благости; потому что Богъ правитъ тобою недостойнымъ; потому что много долженъ ты Ему, а взысканія Его не видно на тебѣ, и за малыя дѣла, тобою сдѣланныя, воздаетъ Онъ тебѣ великимъ. Не называй Бога только правдивымъ къ тебѣ, потому что въ томъ, что дѣлается съ тобою, не даетъ себя знать правосудіе Его. Хотя Давидъ именуетъ его правдивымъ и правымъ; но Сынъ Его открылъ намъ, что паче Онъ благъ и исполненъ благостыни. Ибо говоритъ: *благъ есть* къ лукавымъ и нечестивымъ (Лук. 6, 35)... Да не помыслимъ никогда сего беззаконія, чтобы Бога наименовать немилосердымъ. Возлюби Его, какъ обязанъ ты любить Его, и не за то, что дастъ тебѣ въ будущемъ, но за то, что получили мы въ настоящемъ, и за этотъ одинъ міръ, который сотворилъ Онъ для насъ. Ибо кто въ состояніи воздать Ему? Гдѣ воздаяніе Ему въ дѣлахъ нашихъ? Кто убѣдилъ Его въ началѣ привести насъ въ бытіе? кто умоляетъ Его о

---

[1]) Заимствуемъ эти характерныя выраженія изъ св. Іоанна Лѣствичника, который въ *Лѣствицѣ* (VIII, 27) говоритъ: „видѣлъ я трехъ вмѣстѣ потерпѣвшихъ безчестіе монаховъ. Одинъ почувствовалъ оскорбленіе, но смолчалъ; другой радовался о себѣ, но печалился о злословившемъ; третій же, вообразивъ, какой вредъ потерпѣлъ ближній, проливалъ горячія слезы. Такъ можно было видѣть здѣсь *дѣлателей страха, мзды и любви*.“

насъ, когда мы не вспоминаемъ о Немъ? Когда насъ еще не было, кто возбудилъ къ жизни это тѣло наше? И еще,—откуда мысль вѣденія западаетъ въ персть? О какъ дивно милосердіе Божіе!... Грѣшникъ не въ состояніи и представить себѣ благодать воскресенія Его. Гдѣ геенна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе, многообразно насъ устрашающее и преподѣвающее радость любви Его? И что такое геенна въ сравненіи съ благодатію воскресенія Его, когда возставитъ насъ изъ ада, содѣлаетъ, что тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и падшаго во адъ возставитъ въ славѣ?.. Эта милость—воскресить насъ послѣ того, какъ мы согрѣшили, выше милости—привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей!.. Слава Тебѣ за сіи два міра, который Ты создалъ къ нашему возрастанію и наслажденію всѣмъ, Тобою созданнымъ, возводя насъ къ вѣдѣнію славы Твоей,—слава Тебѣ отнынѣ и до вѣка!" (Слово 90-е). Какое же мѣсто остается для геенны при такомъ преобладающемъ представленіи о милосердіи Божіемъ? „Говорю,"—отвѣчаетъ св. Исаакъ Сиріянинъ,—„что мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви. И какъ горько и жестоко это мученіе любви! Ибо ощутившіе, что погрѣшили они противъ любви, терпятъ мученіе, бо́льшее всякаго приводящаго въ страхъ мученія; печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви, страшнѣе всякаго возможнаго наказанія. Неумѣстна человѣку такая мысль, что грѣшники въ гееннѣ лишаются любви Божіей. Любовь есть порожденіе вѣденія истины, которое (въ чемъ всякій согласенъ) дается всѣмъ вообще. Но любовь силою своею дѣйствуетъ двояко: она мучитъ грѣшниковъ... и веселитъ собою соблюдшихъ долгъ свой. И вотъ, по моему разсужденію, таково геенское мученіе,—*оно есть раскаяніе.*" (Слово 18). Если такъ,—то при идеѣ о безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ, понятно, что это раскаяніе не можетъ быть ни безплодно, ни безконечно. И такимъ образомъ св. Исаакъ Сиріянинъ, хотя ни разу въ своихъ твореніяхъ не упоминаетъ имени Оригена, но по своимъ представленіямъ о загробной жизни приближается къ оригеновскому ученію о всеобщемъ возстановленіи. Подобнымъ же образомъ думали и другіе иноки—*дѣлатели любви.* Но такъ какъ *дѣлатели любви* составляли незначительное меньшинство, *дѣлателей же страха и мзды* было громадное множество, то власти духовныя и свѣтскія сочли необходимымъ принять въ разсчетъ нравственное состояніе сихъ послѣднихъ, для которыхъ

оригеновское предположеніе о концѣ загробныхъ мученій могло послужить поводомъ къ нравственной распущенности. Это понятно: человѣкъ, въ пылу страсти, одолѣваемый искушеніями, можетъ еще до нѣкоторой степени сознательно рѣшиться перетерпѣть въ будущемъ большія мученія, но никто, не потерявъ разсудка, не согласится за какое бы то ни было удовольствіе подвергнуться мученіямъ безконечнымъ, разумѣется, если только увѣруетъ въ ихъ безконечность. Посему-то игумены палестинскихъ монастырей—въ томъ числѣ и препод. Савва,—быть можетъ отчасти въ дисциплинарныхъ видахъ, горячо ратовали противъ иноковъ оригенистовъ, разсуждая, что весьма испорченъ родъ сей и исполненъ всякаго лицемѣрія и неправды и только суровыми прещеніями можетъ быть сколько-нибудь удержанъ на пути добра. Вѣроятно также разсуждалъ и имп. Юстиніанъ, по предложенію котораго состоялось между прочимъ слѣдующее опредѣленіе противъ Оригена и его ученія: „кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демоновъ и нечестивыхъ людей временно, и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ, или что будетъ послѣ возстановленіе демоновъ и нечестивыхъ людей, да будетъ анаѳема. Анаѳема и Оригену, прозванному адамантовымъ, изложившему это, вмѣстѣ съ его нечестивымъ и преступнымъ ученіемъ, и всякому, кто держится этихъ мыслей, или защищаетъ ихъ или какимъ-нибудь образомъ когда-либо осмѣлится повторять ихъ.“ (Дѣянія всел. соборовъ въ русск. переводѣ. V, 505). Въ настоящее время трудно конечно выяснить, какое вліяніе на нравственную и общественную жизнь произвело осужденіе Оригеновыхъ мнѣній, и въ частности мнѣнія о концѣ загробныхъ мученій, но несомнѣнно, что вліяніе это было велико. Мы знаемъ изъ исторіи, что нравственнаго подъема въ обществѣ не послѣдовало. Можемъ припомнить также слова св. Писанія: *страха нѣсть въ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ муку имать, боящися же не совершися въ любви.* (I Іоан. 4, 18). Можемъ также признать психологически вѣроятнымъ, что запуганные перспективою вѣчныхъ мученій, и въ тоже время не чувствуя въ себѣ силы подняться до высоты евангельскихъ идеаловъ, люди VI и послѣдующихъ вѣковъ, для своего спасенія прибѣгали къ средствамъ безполезнымъ и даже положительно вреднымъ. Здѣсь, можетъ быть, имѣетъ свое начало обычай щедрыхъ вкладовъ на поминъ души, обычай предсмертнаго постриженія и разныя су-

свѣрія, стоящія въ связи [1]) съ надеждою какъ-нибудь легкимъ способомъ избавиться страшной и безконечной муки.

Безсиліе литературы нашего періода и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная ея черта высказались въ томъ, что даже по догматическимъ вопросамъ полемика велась не столько при помощи доказательствъ отъ разума и свящ. писанія, сколько при помощи разныхъ фантастическихъ разсказовъ, которые не имѣли въ себѣ никакихъ ручательствъ своей достовѣрности. Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, направленный сразу противъ всѣхъ еретиковъ и помѣщенный въ *Лугѣ духовномъ* (гл. 25). „Былъ нѣкоторый старецъ въ лаврѣ каламонской, что около св. Іордана, именемъ Киріакъ, старецъ великій предъ Богомъ. Къ сему старцу пришелъ въ одно время братъ чужестранный, именемъ Ѳеофилъ, изъ страны дарійской, спросить его о блудныхъ помыслахъ. Старецъ началъ говорить ему о цѣломудріи и чистотѣ. Братъ, получивъ великую пользу, говоритъ старцу: „господинъ авва! я въ моей странѣ нахожусь въ связи съ несторіанами, и по этой причинѣ не могу, а желалъ бы остаться съ тобою.“—Старецъ, услышавъ имя Несторія и тронувшись погибелію брата, убѣждалъ и молилъ его оставить пагубную сію ересь и обратиться къ святой, соборной и апостольской церкви. Старецъ сказалъ ему, что нельзя спастись, если не будетъ право вѣровать и исповѣдывать, что св. Дѣва Марія есть истинная Богородица. Братъ отвѣчалъ старцу: „св. авва! всѣ ереси тоже говорятъ, что ежели съ нами не будешь имѣть общенія, не спасешься. Что же мнѣ дѣлать, не знаю я бѣдный. Помолись Господу, чтобы мнѣ познать истинную вѣру.“ Старецъ съ радостію принялъ предложеніе брата и сказалъ ему: останься въ моей кельѣ, и я надѣюсь на Бога, что его благость откроетъ тебѣ истину.—Оставивъ брата въ своей пещерѣ, вышелъ къ мертвому морю и сталъ молиться за него. И точно

[1]) На ряду съ осужденіемъ свободомыслящихъ и не подходящихъ къ духу вѣка древнихъ писателей, обнаружилась фальсификація древнихъ писателей,—появленіе подъ ихъ именами новоизготовленныхъ произведеній. Таковы напр., такъ называемыя *творенія Діонисія Ареопагита*, цитуемыя въ 1-й разъ монофизитами на соборѣ 534 г. (см. стр. 294), и подробно разсуждающія о небесной іерархіи, о девяти чинахъ ангельскихъ, т. е. о чемъ едвали бы могъ разсуждать писатель I вѣка изъ аѳинскихъ грековъ. О твореніяхъ Діонисія Ареопагита есть въ русской литературѣ сочиненіе К. И. Скворцова (Кіевъ. 1871); егоже въ *трудахъ кіевск. д. ак.* 1863 г. и св. Смирнова въ *Пр. об.* 1872. № 6.

около 9-го часа слѣдующаго дня братъ видитъ, что кто-то стоитъ предъ нимъ по виду страшный и говоритъ ему: пойди и познай истину. Взявъ его, приводитъ въ темное и смрадное, но жаркое мѣсто и показываетъ ему въ огнѣ Несторія, Евтихія и Аполлинарія, Евагрія и и Дидима, Діоскора и Севера, Арія и Оригена и другихъ. Тотъ, который показалъ это мѣсто, сказалъ иноку: оно уготовано и для тѣхъ еретиковъ, которые учатъ нечестиво о пресвятой Богородицѣ, и для тѣхъ, кои послѣдуютъ ихъ ученію. Итакъ, если тебѣ нравится это мѣсто, оставайся при ученіи своемъ. Если же не хочешь подвергнуться подобному наказанію, обратись ко святой, соборной и апостольской церкви, къ которой принадлежитъ наставлявшій тебя старецъ. Я говорю тебѣ: если человѣкъ всѣ добродѣтели сотворитъ, но не будетъ право вѣровать, придетъ въ это мѣсто.“ Подобнаго рода легендарными разсказами переполнена вся литература нашего періода, о которой можно сказать, что изъ вѣка *золотаго* она перешла прямо въ вѣкъ *желѣзно-скудельный*. Въ этихъ разсказахъ можемъ различать три группы: разсказы а) полемико-апологетическіе б) эсхатологическіе и в) демонологическіе.

Полемико-апологетическіе разсказы имѣютъ цѣлію доказать истину и божественное происхожденіе всѣхъ догматовъ, таинствъ, обрядовъ и установленій православной церкви. Въ дополненіе къ приведенному выше разсказу, представимъ еще нѣсколько подобныхъ. О Ефремѣ, патріархѣ антіохійскомъ (527 – 545 г.), разсказывается (ibid. 35) слѣдующее: „Услышавъ объ одномъ столпникѣ, что онъ принадлежитъ къ числу послѣдователей Севера и акефаловъ, Ефремъ пошелъ къ нему съ намѣреніемъ убѣдить его. Когда св. Ефремъ предсталъ предъ столпника и началъ убѣждать и умолять его, чтобы тотъ принялъ апостольское ученіе и пріобщился ко святой соборной и апостольской церкви; то столпникъ отвѣчалъ: „я не пріобщусь къ собору безъ (т. е. IV-му) размышленія“. Св. Ефремъ спрашиваетъ его: какъ ты хочешь, чтобы я показалъ тебѣ, что благодатію Господа нашего Іисуса Христа св. церковь свободна отъ всякой нечистоты еретическаго ученія? Столпникъ отвѣчалъ ему: „патріархъ! разведемъ огонь! я и ты войдемъ въ него, и кто выйдетъ невредимъ, тотъ православный, тому должны послѣдовать“.—Симъ думалъ онъ устрашить патріарха. Св. Ефремъ говоритъ столпнику: ты долженъ былъ послушаться меня, какъ сынъ отца, и ничего отъ меня не требовать: теперь ты требуешь отъ меня даже того, что выше силъ

моихъ; однако я надѣюсь на милосердіе живаго Бога, что для спасенія души твоей и это сдѣлаю. Послѣ сего говоритъ св. Ефремъ къ предстоявшимъ: Благословенъ Господь! принесите сюда дровъ. Когда дрова были принесены, патріархъ, зажегши оные предъ столпомъ, сказалъ столпнику: сойди, и по твоему требованію войдемъ въ огонь оба. Столпникъ, удивленный упованіемъ патріарха на Бога, не хотѣлъ сойдти. Патріархъ говоритъ ему: не ты ли сего требовалъ? и неужели не хочешь исполнить своего обѣщанія? Тогда архіепископъ, снявъ свой омофоръ и подошедъ къ огню, началъ молиться: Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, благоволившій ради насъ поистинѣ воплотиться отъ Владычицы нашей пресвятой Богородицы и приснодѣвы Маріи, покажи намъ истину!—и повергъ омофоръ свой въ огонь. Огонь горѣлъ около трехъ часовъ; дрова сгорѣли, но омофоръ остался цѣлъ и невредимъ, совершенно ничего не потерпѣвъ отъ огня. Тогда столпникъ, увидѣвъ случившееся, совершенно убѣдился въ истинѣ, и, проклявъ Севера и ересь его, приложился ко св. церкви.“ Въ другой легендѣ—также посредствомъ испытанія огнемъ—доказывается божественность христіанской вѣры и превосходство ея предъ іудейскою. Именно—ко временамъ патр. Мины (536—55 г.) пріурочивается такой разсказъ. „Жилъ въ Константинополѣ одинъ іудей, занимавшійся стекольнымъ дѣломъ и имѣвшій единственнаго сына, котораго и отдалъ учиться грамотѣ вблизи великой церкви (т. е. Софіи). Сосудохранитель великой церкви, имѣя остатки св. трапезы отъ немалаго времени, пригласилъ дѣтей, чтобы потребить оные. Пришелъ и іудейчикъ и принялъ св. дары вмѣстѣ съ прочими христіанскими дѣтьми. Когда онъ возвратился къ родителямъ, отецъ спрашивалъ его: отчего ты, сынъ мой, такъ просвѣтлѣлъ? Мальчикъ отвѣчалъ: „вмѣстѣ съ христіанскими дѣтьми я вошелъ въ великую церковь и вкушалъ тамъ.“ А злохитрый оный—лучше сказать—звѣрь нежели отецъ (μᾶλλον θὴρ ἢ πατὴρ) послѣ обѣда, взявъ съ собою сына, пошелъ въ мастерскую, брюсилъ сына въ каминъ и, затворивъ дверцы его, ушелъ. Жена іудея, увидѣвъ ярость отца противъ сына, со тщаніемъ прибѣжала въ мастерскую, услыхала голосъ мальчика въ каминѣ и за тѣмъ вытащила сына изъ камина невредимымъ. „Кто тебя, дитя мое, бросилъ въ каминъ?“ спрашивала мать, „и какъ ты не сгорѣлъ?“ Мой отецъ,—отвѣчалъ мальчикъ,—бросилъ меня въ каминъ, а порфироносная жена пришла и погасила пламень, говоря: *не бойся, дитя*! Услыхавъ это, мать была поражена и взявъ сына, поспѣшила къ па-

тріарху Минѣ, разсказала ему все и просила принять ее вмѣстѣ съ сыномъ въ христ. вѣру. Патріархъ съ обоими отправился къ царю, который приказалъ позвать іудея—отца, разузнавъ дѣло, много увѣщевалъ его принять христіанство, но безуспѣшно,—почему и приказалъ его казнить, какъ убійцу собственнаго сына,—а іудейку по крещеніи сдѣлалъ монахинею или діакониссою (ἀσκήτριαν), а мальчика чтецомъ."

Приведемъ въ заключеніе еще одинъ чудесный разсказъ полемико-апологетическаго характера. „Одинъ палестинскій военачальникъ Гивимеръ едва опредѣлился къ сей должности, какъ захотѣлъ прежде всего поклониться св. Воскресенію Христа Бога, и когда уже готовъ былъ войти въ церковь, увидѣлъ барана, который шелъ на него и хотѣлъ поразить его рогами. Военачальникъ испугался и пошелъ было назадъ, но стоявшій здѣсь хранитель св. креста Азарій и привратники спросили его: что съ тобою сдѣлалось, господинъ? для чего не идешь? Онъ отвѣчалъ имъ: для чего вы пустили сюда этого барана? Они изумились, начали осматривать св. гробъ, и, ничего не нашедъ, сказали ему: иди; тутъ ничего нѣтъ. Онъ еще попытался войти и снова встрѣтилъ того же барана, который шелъ на него и не дозволялъ войти. Когда такое видѣніе начальнику повторилось нѣсколько разъ,—между тѣмъ какъ другіе ничего такого не видали,—тогда хранитель св. креста сказалъ ему: „повѣрь мнѣ, господинъ, у тебя что нибудь есть въ душѣ, за что тебѣ не дозволяется поклониться св. гробу Спасителя нашего. Посему прошу тебя принести покаяніе Богу. Онъ человѣколюбивъ и милосердъ и по сему-то милосердію показалъ тебѣ это чудо."—Начальникъ со слезами отвѣчалъ хранителю креста:" точно я виновенъ предъ Богомъ во многихъ и важныхъ грѣхахъ." И съ этими словами упалъ на землю, долгое время плакалъ и исповѣдывалъ грѣхи свои Богу; потомъ всталъ, опять хотѣлъ войти и опять не допущенъ былъ явившимся бараномъ. Тогда хранитель св. креста сказалъ ему: видно есть какое-нибудь другое препятствіе. Начальникъ отвѣчалъ: „развѣ то мнѣ препятствуетъ, что я не православный, а послѣдователь Севера?" И просилъ хранителя креста пріобщить его святыхъ животворящихъ таинъ Христа Бога нашего. По принесеніи св. чаши онъ пріобщился, и послѣ сего вошелъ въ пещеру гроба и поклонился; никакого видѣнія болѣе ему не было. (Лугъ духовный гл. 48).

Само собою разумѣется, что еретики могли составлять и вѣроятно составляли подобные же чудесные разсказы въ подтвержденіе своей догмы и—противъ православія.

Эсхатологическія сказанія нашего періода отражаютъ въ себѣ пригнетенное и запуганное міросозерцаніе эпохи, изображая яркими красками картины адскихъ мученій. Приведемъ для примѣра сказаніе о воинѣ таксіотѣ, [1]) судя по внутреннимъ признакамъ относящееся къ времени имп. Юстиніана. Въ Карѳагенѣ,—вѣроятно вскорѣ по завоеваніи этого города Юстиніаномъ въ 334 г.,—жилъ воинъ *таксіотъ*, большой грѣшникъ. Когда и въ Карѳагенъ проникла моровая язва, опустошавшая имперію при Юстиніанѣ, *таксіотъ* испугался, раскаялся во грѣхахъ и удалился изъ города на село, быть можетъ надѣясь на селѣ удобнѣе избѣгнуть заразы. Но старыя привычки брали верхъ: будучи на селѣ, *таксіотъ* впалъ въ прелюбодѣяніе съ женою земледѣльца. Вскорѣ послѣ этого *таксіотъ*, будучи ужаленъ змѣею, умеръ, но умеръ не совсѣмъ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ ожилъ и разсказалъ мѣстному епископу и монахамъ слѣдующее: „Когда я умиралъ, видѣлъ я страшныхъ муриновъ, смутившихъ душу мою, видѣлъ также и двухъ прекрасныхъ юношей, взявшихъ душу мою и понесшихъ на высоту. Мы проходили чрезъ различныя мытарства и дошли до мытарства блудныхъ дѣлъ. Тамъ остановили меня стражи и предъявили мнѣ мои блудныя дѣла, совершенныя отъ юности моей. „Эти грѣхи,“ сказали ангелы, — „уже изглаждены покаяніемъ“.—Но—возразили бѣсы,—онъ уже и послѣ покаянія прелюбодѣйствовалъ съ женою земледѣльца.“ И ангелы не нашли во мнѣ добраго дѣла, которое могли бы противопоставить этому грѣху и оставили меня въ рукахъ бѣсовъ, которые и низвергли меня въ преисподнія темницы адскія. Тамъ вѣчная тьма объемлетъ души грѣшниковъ, тамъ вѣчная мука, неутѣшный плачъ и скрежетъ зубовъ. И нельзя изобразить словами тѣхъ бѣдствій; грѣшники плачутъ—и нѣтъ утѣшающаго, умоляютъ—и нѣтъ избавляющаго. Тамъ затворенъ былъ и я, и горестно рыдалъ отъ 3-го часу до 9-го. Потомъ я увидалъ малое сіяніе и двухъ ангеловъ, и сталъ умолять ихъ вывести душу мою на покаяніе. „Поздно уже молить,“ отвѣчали они, „никто отсюда не выходитъ до всеобщаго воскресенія.“

---

[1]) Ταξιώτης, это не имя, а служебное положеніе воина, весьма не высокое,=рядовой солдатъ.

Я все-таки продолжалъ умолять. Тогда одинъ ангелъ спросилъ другаго: ручаешься ли за его покаяніе? *Ручаюсь*, отвѣчалъ тотъ и подалъ руку. Тогда ангелы взяли душу мою и снова принесли къ тѣлу. И видѣлъ я что душа блеститъ, какъ дорогой камень, а мертвое тѣло черно и зловонно, какъ тина. И гнушался я войти въ него. Но ангелы сказали мнѣ: „нельзя тебѣ покаяться иначе, какъ въ тѣлѣ, съ которымъ ты согрѣшилъ. Иначе, отведемъ тебя обратно. „И тогда душа моя вошла въ тѣло, и я ожилъ. (Четіи-мин. подъ 28 марта.)

Демонологическіе разсказы также весьма распространены въ литературѣ нашего періода. Правда не свободна отъ нихъ и литература предшествующаго періода, въ частности иноческая литература; но въ первый разъ въ нашемъ періодѣ бѣсы являются полуматеріальными существами и ведутъ дѣла съ людьми нотаріальнымъ порядкомъ, съ записью и неустойкою. Чтобы подтвердить это, приведемъ вкратцѣ *повѣсть о покаяніи эконома Ѳеофила, писанную очевиднымъ свидѣтелемъ Евтихіаномъ клирикомъ* (которая по содержанію нѣсколько похожа на извѣстную русскую повѣсть XVII в. о Саввѣ Грудцынѣ.) Незадолго до нашествія персовъ (540 и слѣд. гл.), въ Аданѣ, городѣ второй Киликіи, жилъ экономъ при каѳедральной церкви Ѳеофилъ. За свои добродѣтели онъ пользовался такимъ общимъ уваженіемъ, что граждане усильно хотѣли возвести его въ мѣстные епископы, но онъ отказался по причинѣ крайняго смиренія,—и епископство досталось другому. Новый епископъ сначала обращался съ Ѳеофиломъ внимательно, но потомъ уволилъ его отъ всѣхъ дѣлъ на покой. Огорченный Ѳеофилъ пришелъ въ крайнее малодушіе и уныніе; онъ воображалъ, что всѣ горожане смѣются надъ нимъ, не хотѣлъ выходить изъ дому и готовъ былъ пожертвовать чѣмъ угодно, лишь бы получить свою прежнюю должность,—готовъ былъ даже для этого продать свою душу бѣсу. Бѣсъ не заставилъ себя долго ждать, и тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ унылымъ ех-экономомъ чрезъ посредство своего слуги волхва—жидовина, къ которому Ѳеофилъ обратился съ просьбою помочь горю. Еврей повелъ Ѳеофила въ полночь на городской ипподромъ, гдѣ производилось въ то время бѣсовское ристаніе, представилъ его предсѣдательствующему бѣсу, который, укоривъ Ѳеофила за его прежнюю христіанскую жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое желаніе помогать ему, но съ условіемъ, чтобы Ѳеофилъ отрекся отъ Маріи и ея сына и представилъ письменное отреченіе за собственно-

ручнымъ подписомъ. Θеофилъ согласился. Обрадованный сатана простеръ бѣсовскія свои руки, обнялъ Θеофила, началъ гладить его бороду и цѣловать его. Еврей подложилъ между тѣмъ приготовленную хартію и Θеофилъ написалъ и закрѣпилъ печатью отреченіе отъ Христа и Богоматери. Послѣ дружескаго прощанія сатана и Θеофилъ разстались. На другой день, *Божіимъ, думается, смотреніемъ, а не діавольскимъ строеніемъ* (говоритъ составитель сей повѣсти), епископъ призвалъ Θеофила, публично просилъ у него прощенія, возвратилъ ему экономскую должность и почтилъ сугубою честію. Θеофила всѣ стали уважать болѣе прежняго. Но душа его была непокойна. Грѣхъ богоотступничества лежавъ на пей, какъ камень, и Θеофилъ началъ сокрушаться и раскаяваться. Ктому же около этого времени еврей, бывшій посредникомъ между сатаною и Θеофиломъ, за премногія свои чарованія былъ подвергнутъ суду и сожженъ живой. Θеофилъ еще болѣе сталъ тужить и унывать, наконецъ сложивъ съ себя экономскую должность, Θеофилъ затворился въ одномъ пустомъ храмѣ и 40 дней и ночей каялся и плакалъ предъ иконою Богоматери. И былъ ему гласъ отъ иконы Богоматери—и не малая бесѣда. Сначала Богоматерь представляла Θеофилу безмѣрную тягость его отступничества, а Θеофилъ указывалъ на силу покаянія и примѣры прощенныхъ грѣшниковъ; потомъ Θеофилъ выражалъ уныніе, а Богоматерь утѣшала его надеждою на милость Божію и свое ходатайство. Видѣніе Богоматери повторялось еще два раза. Въ послѣдній разъ Θеофилъ видѣлъ въ снѣ Богоматерь, возвращающую ему его отступническое рукописаніе, и проснувшись дѣйствительно нашелъ у себя у груди свое рукописаніе съ ненетронутою печатію. Наутріе въ день воскресный Θеофилъ пришелъ въ соборную церковь, послѣ чтенія евангелія палъ къ ногамъ епископа и съ его разрѣшенія всенародно разсказалъ о своемъ грѣхопаденіи и покаяніи. Въ заключеніе Θеофилъ подалъ епископу свою запечатанную, выданную сатанѣ, богоотступническую хартію, которая и была прочтена діакономъ съ амвона, и всѣ дивились такой ужасной вещи. Затѣмъ Θеофилъ, по приказанію епископа, публично сжегъ свою нечестивую хартію, и послѣ литургіи былъ пріобщенъ св. таинъ; и просвѣтилось лице его какъ солнце. Спустя три дня Θеофилъ умеръ и былъ погребенъ предъ иконою Богоматери, бывшей свидѣтельницею его покаянія. „А я Евтихіанъ, смиренный и грѣшный“—(заключаетъ составитель повѣсти), „воспитанный въ дому блаженнаго Θеофила и по ходатайству

его сподобившійся клиричества во св. каѳолической церкви, служилъ господину моему во время печали и скорби его, и былъ очевидцемъ его покаянія и слышалъ ушами моими тó, чтò и написалъ истинно и справедливо на пользу благочестивымъ и во славу Христа Бога нашего, славимаго во вѣки. Аминь."

Подобнаго рода фантастическіе разсказы были очень распространены въ византійской литературѣ и принимались съ полною вѣрою, такъ что въ большинствѣ не допускалось даже и предположенія о томъ, чтобы они могли быть плодомъ самообольщенія или сознательнаго обмана. Духъ времени дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Латинская литература также не бѣдна подобными сказаніями, которыя собраны между прочимъ въ *діалогахъ* св. папы Григорія. Приведемъ одно изъ римскихъ сказаній, имѣющее очевидною цѣлію доказать духовную связь апостола Петра съ римскими папами. „Есть въ Римѣ письменное преданіе, что когда папа Левъ писалъ посланіе ко св. Флавіану, патр. константинопольскому, противъ злочестивыхъ Евтихія и Несторія, то, написавъ, положилъ его на гробъ св. апостола Петра и молитвою, постомъ, колѣнопреклоненіями просилъ верховнаго апостола: *въ чемъ я какъ человѣкъ согрѣшилъ, ты, какъ пріявшій церковь отъ Господа и Бога нашего Іисуса Христа, исправь.* Спустя 40 дней апостолъ явился молившемуся папѣ и сказалъ: *читалъ и исправилъ.* Папа взялъ посланіе съ гроба св. Петра, открылъ и нашелъ его исправленнымъ рукою апостола". (Лугъ духовн. 175). Какъ ни тенденціозно это сказаніе, то оно нашло себѣ полную вѣру и на востокѣ.—Каково было вліяніе подобной литературы на народную мысль и жизнь? Кажется не ошибемся, если скажемъ, что тогдашней литературѣ недоставало двухъ важныхъ условій для благотворнаго вліянія, именно: свободы и правды.

Болѣе здравою и сильною частію духовной литературы была литература спеціально-иноческая. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ подвижническія слова св. Исаака Сиріянина († въ концѣ VII в.) и *лѣствицу* пр. Іоанна игумена синайскаго († 563 г.) Исаакъ Сиринъ былъ отшельникъ въ полномъ смыслѣ этого слова, находившій свое призваніе въ томъ, чтобы въ уединеніи заниматься богомысліемъ. Оставивъ для пустыннаго безмолвія епископскую каѳедру, Исаакъ Сиринъ и въ сочиненіяхъ своихъ высказываетъ полную отрѣшенность отъ житейскихъ благъ и отъ практической дѣятельности." Если ты міря-

пишъ",—читаемъ въ 14 словѣ—„то проводи время въ наслажденіи мірскими благами. А если ты инокъ, то украшайся дѣлами, какими отличаются иноки. Если же намѣренъ ты заниматься тѣмъ и другимъ, то утратишь то и другое. Дѣла инока слѣдующія: свобода отъ тѣлеснаго, въ молитвахъ тѣлесный трудъ и непрестанное сердечное памятованіе о Богѣ." „Тѣмъ, которые живутъ въ ангельскомъ чинѣ, не заповѣдано благоугождать Богу чѣмъ либо житейскимъ, т. е. заботиться о рукодѣліи или брать у одного и подавать другому... Если же кто, противорѣча сему, упомянетъ о божественномъ Павлѣ апостолѣ, что онъ работалъ собственными руками и подавалъ милостыню; то мы скажемъ ему, что Павелъ одинъ и могъ сдѣлать все; мы же не знаемъ, чтобы другой былъ Павелъ, подобно ему, способный на все." Равнодушіе Исаака Сирина къ земнымъ благамъ такъ велико, что, по его мнѣнію, молиться Богу о дарованіи земныхъ благъ также несообразно, какъ обращаться къ царю съ просьбою о выдачѣ малаго количества навоза.— Творенія Исаака Сирина имѣютъ своимъ предметомъ общіе вопросы о судьбахъ міра и души человѣческой и носятъ на себѣ характеръ созерцательный,—о чемъ могутъ дать понятія приведенныя выше (стр. 326—7)выдержки о будущей жизни и геенскихъ мученіяхъ. Извѣстный славянофилъ И. В. Кирѣевскій (соч. I, 199) считаетъ творенія Исаака Сирина глубокомысленнѣйшимъ изъ всѣхъ философскихъ писаній. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о высокихъ достоинствахъ твореній св. Исаака, мы должны только сказать, что онъ почти не принадлежитъ къ современной византійской литературѣ; ибо онъ былъ сиріянинъ, писалъ по сирски, жилъ внѣ предѣловъ византійской имперіи и въ его міросозерцаніи мало общаго съ міросозерцаніемъ современныхъ ему византійцевъ. Болѣе характеренъ въ этомъ отношеніи св. Іоаннъ, игуменъ синайскій, прозванный *лѣствичникомъ*, отъ своего сочиненія озаглавленнаго, Κλίμαξ=*лѣствица*. *Лѣствица* представляетъ въ себѣ сборникъ афоризмовъ, относящихся до подвижнической жизни и по содержанію заимствована изъ многолѣтняго монашескаго опыта многихъ иноковъ. Но составъ и изложеніе книги принадлежитъ самому Іоанну лѣствичнику и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться характернымъ представителемъ византійской литературы съ ея искуственностію и привязанностію къ аллегоріи и словеснымъ украшеніямъ. Начнемъ съ самаго заглавія *Лѣствица*. Заглавіе это въ предисловіи, принадлежащемъ одному изъ по-

читателей св. Іоанна, объясняется такъ: „книга сія непогрѣшительно, какъ бы за руку, ведетъ слѣдующихъ ей и несомнѣнно представляетъ утвержденную лѣствицу отъ земнаго во святая и показываетъ на вершинѣ оной утверждающагося Бога. Сію-то, думаю, лѣствицу видѣлъ и запинатель страстей Іаковъ, покоясь на подвижническомъ ложѣ. Но съ усердіемъ и вѣрою, умоляю, будемъ восходить и мы симъ умнымъ и небожественнымъ восхожденіемъ". И еще: „во образъ 30 лѣтъ Господня совершеннолѣтія, писатель книги знаменательно соорудилъ лѣстницу изъ 30 степеней, по которой, достигнувъ Господня возраста, окажемся праведными и безопасными отъ паденія." И самъ авторъ *лѣствицы* говоритъ: „по мѣрѣ скуднаго вѣденія, какое дано мнѣ, какъ немудрый архитекторъ, соорудилъ я лѣствицу восхожденія; послѣ этого пусть смотритъ каждый, на какой онъ стоитъ ступени." (XVII, 30).—Судя по этому, можно было-бы ожидать, что *лѣствица* изображаетъ 30 фазисовъ духовной жизни, обозначающихъ собою въ послѣдовательномъ порядкѣ возхожденіе человѣка къ совершенству. Но достаточно бѣглаго взгляда на оглавленіе книги для того, чтобы видѣть, что заглавіе *лѣстница* поставлено только для краснорѣчія, что по ступенькамъ этой *лѣстницы* нельзя восходить, потому что въ ней добродѣтели перемѣшаны съ пороками и вообще нѣтъ никакой постепенности. Приведемъ заглавія этихъ степеней: 1) объ отреченіи отъ суетной жизни, 2) о безпристрастіи и безпечальной жизни, 3) о странической жизни, 4) о мученичествѣ мужественнаго послушанія, 5) о покаяніи, 6) о памятованіи смерти, 7) объ очистительномъ плачѣ, 8) о тихой негнѣвливости, 9) о памятозлобіи, 10) о злорѣчіи, 11) о молчаніи, 12) о лжи, 13) объ уныніи, 14) о чревоугодіи, 15) о блудѣ и непорочности, 16) о сребролюбіи, 17) о нестяжательности, 18) о безчувствіи, 19) о псалмопѣніи въ общемъ собраніи, 20) о различныхъ видахъ бдѣнія, 21) о боязни, 22) о тщеславіи, 23) о гордости, 24) о простотѣ, 25) о смиренномудріи, 26) о разсудительности, 27) о безмолвіи, 28) о невещественной молитвѣ и о терпѣніи, 29) о безстрастіи, 30) о любви.—Очевидно, что въ порядкѣ исчисленныхъ главъ нѣтъ никакого лѣствичнаго восхожденія. Одинъ изъ русскихъ духовныхъ писателей („Записки синайскаго богомольца" въ *трудахъ кіев. д. ак.* 1873 г. № 3, стр. 379) даетъ такой отзывъ о твореніи св. Іоанна лѣствичника." Что выходитъ изъ разбора „*лѣствицы*"? Самое имя ея показываетъ, что въ ней должно идти дѣло о постепенномъ восхожденіи. И дѣйствительно, въ ней обозначены 30

ступеней подвижническаго возвышенія человѣка къ образцу всякаго совершенства—Богу. Въ высшей степени желательно было бы, поучительно, и даже просто любопытно, имѣть подобное неоцѣненное руководство. Но есть ли оно? Дѣйствительно ли тутъ лѣствица? Точно ли это ступени, изъ коихъ съ одной надобно ступать на другую, и ни одной нельзя миновать? Думаю, что далеко нѣтъ. Скорѣе это 30 словъ или разсужденій подвижническихъ о разныхъ добродѣтеляхъ и добродѣтельныхъ состояніяхъ, условіяхъ ихъ, пособіяхъ и препятствіяхъ имъ, искушеніяхъ, паденіяхъ и пр., чѣмъ систематическое изложеніе духовнаго преуспѣянія человѣка отъ начала до конца. Для примѣра остановимся на самой первой ступени „лѣствицы". Она названа „отреченіемъ отъ міра". Предполагается такимъ образомъ, что это есть дѣйствительное начало всего прочаго, подготовка ко всѣму дальнѣйшему, и потому самому есть легчайшая и простѣйшая изъ добродѣтелей иноческихъ. Между тѣмъ отреченіе отъ міра надобно считать послѣдствіемъ множества предшествовавшихъ духовныхъ состояній, плодомъ долговременной и усиленной работы надъ собою. Чтобы отречься отъ міра, кажется, необходимо прежде всего сознать себя грѣшникомъ и раскаяться (степень 5), возлюбить нестяжательность (ст. 17) и безмолвіе (ст. 11), пріобрѣсть мужество (21) и терпѣніе (28) и значительную долю безстрастія (29), прежде же всего этого—усвоить себѣ живую вѣру, полную надежду и горячую любовь къ Богу, что указывается на самой послѣдней степени. Такъ что не ошибся бы кто нибудь, думаю, если бы „лѣствицу" ту поставилъ низомъ вверхъ, и пошелъ по ней, запасаясь прежде всего вѣрою, безъ которой немыслимъ никакой подвигъ, на второй ступени сталъ бы умѣрять свои страсти, на третьей—учился умной молитвѣ, на четвертой дѣлалъ—попытки безмолвія и отшельничества, и т. д. до самой послѣдней, т. е. первой, на которой отрекся бы совсѣмъ міра, и сталъ равноангельнымъ. Да проститъ мнѣ „богошественный" Синай мое слово о его небошественной лѣствицѣ."—Если св. Іоанну не удалось построить цѣлую книгу на основаніи аллегорическаго заглавія, то въ отдѣльныхъ мѣстахъ книги онъ успѣвалъ выдерживать довольно сложныя аллегоріи. Вотъ напр. аллегорическое изображеніе монашеской жизни подъ образомъ плаванія по морю. „Опасное, подлинно опасное море, переплываемъ мы, смиренные монахи,—море, на которомъ много вѣтровъ, скалъ, водоворотовъ, разбойниковъ, урагановъ, мелей, звѣрей и волнъ. Подъ *скалою* для

души разумѣемъ свирѣпую и внезапную раздражительность. Подъ *водоворотомъ*—безнадежность, которая объемлетъ собою умъ и стремится увлечь его во глубину отчаянія. Подъ *мелью*—невѣжество, которымъ худое пріемлется, какъ доброе. Подъ *звѣрями*—это тяжелое и свирѣпое тѣло. Подъ *разбойниками*—опасныхъ служителей тщеславія, которые расхищаютъ нашъ грузъ и трудъ добродѣтелей. Подъ *волною*—пресыщенное и обремененное чрево, которое своимъ стремленіемъ предаетъ насъ во власть звѣрю. Подъ *ураганомъ* -низверженную съ неба гордыню, которая насъ возноситъ и потомъ низводитъ до бездны." (XXVI, 15). Или вотъ аллегорическое изображеніе игумена подъ видомъ врача. „Запасись ты, досточудный, пластырями, порошками, глазными примочками, микстурами, губками, небрезгливостію, орудіями для сѣченія жилъ и для прижиганій, мазями, снотворными составами, ножемъ, перевязками. *Пластырь*—это врачество отъ страстей видимыхъ, то есть тѣлесныхъ: а *пріемъ* лекарства *внутрь*, это—уврачеваніе страстей внутреннихъ, очищеніе невидимой скверны. *Порошокъ*, это—безчестіе, ѣдкое и врачующее насъ отъ язвы самомнѣнія; *глазная* же *примочка*, это—очищеніе душевнаго ока ума, возмущеннаго омраченіемъ раздражительности. *Микстура* это—выговоръ, огорчающій и скоро врачующій. *Сѣченіе кровоносной жилы*, это — сѣченіе въ собственномъ смыслѣ, это—сильная и жестокая мѣра ко спасенію недужныхъ. *Губка*, это—послѣ сѣченія жилъ или другой операціи, попеченіе врача о больномъ въ снисходительныхъ и кроткихъ словахъ и подаваемая ему отрада. *Прижиганіе*—это правило и эпитимія, человѣколюбиво на время налагаемая для покаянія. А *мазь*, это—успокоеніе по прижиганіи, предлагаемое больному или въ словѣ, или въ маломъ утѣшеніи. Дать *снотворный составъ* значитъ—принять на себя бремя послушника, и подчиненіемъ даровать ему покой, недремленный сонъ и святую слѣпоту, чтобы не видѣлъ онъ своихъ совершенствъ. Употреблять *перевязки* значитъ—терпѣніемъ до самой смерти подкрѣплять и сдерживать разслабленныхъ и приведенныхъ въ изнеможеніе тщеславіемъ. Конецъ же всего есть *ножъ*; это—приговоръ объ отсѣченіи душевно-омертвѣвшаго и согнившаго члена, чтобы проказы своей не сообщилъ онъ прочимъ членамъ.—Счастливое свойство въ врачахъ—*небрезгливость*; а въ настоятеляхъ—безстрастіе." (Слово къ пастырю гл. 2). Разсуждая о той или другой добродѣтели или худой страсти, св. Іоаннъ олицетворяетъ ее и вступаетъ съ нею въ словопреніе, допрашивая,

кто ея родители, дѣти, враги и т. д. Вотъ напр. бесѣда лѣствичника съ чревоугодіемъ. „Скажи намъ, мучитель всѣхъ смертныхъ, купившій всѣхъ за златникъ ненасытности: „какъ нашелъ ты доступъ къ намъ? и что́ обыкновенно рождаешь по вшествіи твоемъ? и каково изшествіе твое отъ насъ“? И чревоугодіе, раздраженное сими оскорбленіями, съ яростію устремляясь на насъ и свирѣпѣя, отвѣтствуетъ: „за что осыпаете меня укоризнами вы, ставшіе моими подвластными? какъ усиливаетесь разлучиться со мной? Я связана съ вами природой. Мнѣ дверь—свойство снѣдей; причина моей ненасытимости—привычка; основаніе моей страсти—навыкъ, безчувствіе души и ненамятованіе смерти. Домогаетесь узнать, какъ имена моимъ исчадіямъ? Перечтемъ ихъ и превзойдутъ числомъ песокъ. Выслушайте по крайней мѣрѣ, какъ именуются мои первенцы и любимыя чада. Первородный сынъ мой—приснѣшникъ блуда; второй по немъ—жестокосердіе, а третій—сонливость; отъ меня происходитъ море помысловъ, волны сквернъ, бездны несказанныхъ нечистотъ. Дочери мои—лѣность, многословіе и проч.; отчаяніе же—самая злая изъ всѣхъ моихъ дочерей. Возстаетъ на меня, но не побѣждаетъ,—памятованіе грѣхопаденій. Всегда враждебна мнѣ мысль о смерти; но ничто не истребляетъ меня совершенно въ людяхъ. Кто пріялъ Утѣшителя, тотъ побораетъ меня, и умоленный имъ Утѣшитель не попущаетъ мнѣ дѣйствовать страстно. А не вкусившіе его дара непремѣнно ищутъ услажденія моего сладостію.“ (Лѣств., XIV, 357). Вообще по искусственности, любви къ аллегоріямъ и олицетвореніямъ книга св. Іоанна лѣствичника напоминаетъ литературную манеру латинскихъ и южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII вѣка. Встрѣчаются также и произвольныя примѣненія св. писанія. Напр. „памѣреваясь съ усердіемъ и горячностію проходить монашеское поприще, разумно внимаемъ, какъ Господь о всѣхъ пребывающихъ въ мірѣ, даже и о живыхъ, далъ приговоръ, что они мертвы, сказавъ кому-то: *остави мертвыхъ* т. е. мірянъ *погребать* мертвыхъ тѣломъ.“ (Лѣств. II, 5.) Или еще: „будь, какъ царь въ сердцѣ своемъ, превознесенный въ смиреніи, и повелѣвай смѣху: *иди и идетъ*; и сладостному плачу: *пріиди и пріидетъ*; и рабу и мучителю нашему—тѣлу: *сотвори сіе—и сотворитъ*.“ (ibid. VII. 39). Но нельзя отрицать и того, что несмотря на нѣкоторыя литературныя несовершенства *Лѣствицы*, въ которыхъ выражается общій литературный упадокъ вѣка,—большая часть афоризмовъ *Лѣствицы* заключаютъ въ себѣ богатство духовной опытности и про-

изводятъ въ душѣ читателя доброе нравственное настроеніе. Столѣтіемъ ранѣе Іоаннъ лѣствичникъ былъ бы не очень замѣтенъ въ ряду другихъ знаменитыхъ церковныхъ писателей, но въ VI вѣкѣ онъ явился —такъ сказать—литературнымъ гигантомъ. Кромѣ празднованія памяти его 30 марта, церковь установила особое празднованіе ему, какъ писателю *лѣствицы*, въ 4-е воскресенье великаго поста, воспѣвая такъ: κάρπους ἀειθάλεις ἐκ τῆς βίβλου προσφέρων διδάγματα σοφέ, καθηδύνεις καρδίας τῶν τούτοις μετὰ νήψεως προσεχόντων μακάριε. Κλίμαξ γάρ ἐστι ψυχὰς ἀναγουσα γῆθεν πρὸς οὐρανιον καὶ διαμένουσαν δόξαν, τῶν πίστει τιμώντων σε. *Лѣствица* обязательно читалась въ монастыряхъ во св. четыредесятницу.

Церковныя узаконенія въ вѣкъ Юстиніана. Восточные христіане внѣ предѣловъ имперіи.

Въ нашемъ періодѣ мы видимъ сравнительно мало знаменитыхъ церковныхъ писателей и подвижниковъ христіанской добродѣтели. Канонизованныхъ святыхъ все еще очень довольно, но замѣтно вмѣстѣ съ тѣмъ, что канонизованіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ архіереевъ—напр. константинопольскихъ патріарховъ—входитъ уже въ обычай, какъ бы въ силу ихъ первенствующаго іерархическаго положенія. Такъ изъ 15 столичныхъ патріарховъ нашего періода 10 (Анатолій, Геннадій, Евфимій, Македоній, Іоаннъ каппадокіянинъ, Епифаній, Мина, Евтихій, Іоаннъ схоластикъ, Іоаннъ постникъ) канонизованы, такъ что для тогдашняго византійскаго патріарха представлялось столько же вѣроятности сподобиться включенія въ календарь, сколько напримѣръ для современнаго русскаго митрополита—получить орденъ св. Андрея первозваннаго. Само собою разумѣется, что эта канонизація имѣла силу только въ средѣ господствующей православной церкви,— у египетскихъ же монофизитовъ и другихъ отдѣлившихся христіанъ были свои святые, противопоставляемые православнымъ святителямъ. Такъ напр. въ коптскомъ календарѣ подъ 7 сентября находимъ *память Діоскора патріарха александрійскаго*,—подъ 2 октября *пришествіе Севера патріарха антіохійскаго*. (См. въ книгѣ пр. Порфирія Успенскаго *о коптахъ* Спб. 1856 ст. 95 и 97). Но если въ нашемъ періодѣ упало иночество и оскудѣла духовная литература, за то развилось церковное право. Вмѣсто живыхъ носителей христіанскаго идеала, выступили впередъ блѣдныя и безкровныя юридическія нормы. Нормы эти по самому существу своему не могутъ соотвѣтствовать высотѣ хри-

стіанскаго идеала, ибо quod non vetat lex, vetat pudor; онѣ не ручаются даже за извѣстную степень приближенія къ христіанскому идеалу, ибо, опредѣляя внѣшнюю форму благоустроеннаго быта, не могутъ влить духа жизни, безъ котораго узаконеніе—или остается только на хартіи или, переходя въ жизнь, даетъ результаты, противуположные ожиданіямъ.—

Въ вѣкъ Юстиніана, давшаго систематическій видъ гражданскому праву, много сдѣлано и для церковнаго права, какъ относительно содержанія его, такъ и относительно формы. Будучи представителемъ идеи цезарео-папства (см. стр. 282—284), Юстиніанъ исходнымъ пунктомъ и вмѣстѣ конечною цѣлію для своей законодательной дѣятельности поставилъ союзъ между церковію и государствомъ. „Всевышняя благость", разсуждаетъ императоръ (nov. 9, praefat.), „сообщила человѣчеству два великіе дара: священство (sacerdotium) и царскую власть (imperium.) Исходя отъ одного начала (Бога), они совокупно украшаютъ жизнь человѣческую. Посему нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвами къ Богу. Когда и церковь во всѣхъ частяхъ своихъ благоустроена и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народовъ къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь благодѣтельный для человѣчества." Послѣдствіемъ этого союза между церковію и государствомъ по отношенію къ церковному праву было то, что царская власть съ одной стороны признавала авторитетъ существовавшихъ уже церковныхъ постановленій (sacros canones,—говоритъ Юстиніанъ cod. lib. b., tit. 3, cap. 45—non minus, quam leges valere etiam nostrae leges volunt: sancimus obtinere, et quae sacris visa sunt canonibus, perinde ac si civilibus inscripta essent legibus. Quod sacri canones prohibent, per nostras etiam abolemus leges); съ другой стороны царская власть считала себя въ правѣ продолжать дѣло церковнаго законодательства, сообразуясь съ существующими канонами и принимая во вниманіе голосъ іерарховъ. Въ исторіи царствованія Юстиніанова мы изложили уже его законы относительно еретиковъ, иновѣрцевъ, относительно нравственныхъ аномалій византійскаго общества, и другія законодательныя мѣры, тѣсно связанныя съ ближайшею современностію. (См. стр. 285—286; 290—292). Намъ остается изложить законы Юстиніана относительно духов-

наго сословія, которые на много лѣтъ пережили Юстиніана и уцѣлѣли отчасти до настоящаго времени.

Относительно епископовъ Юстиніанъ законополагалъ слѣдующее: кандидатъ во епископы долженъ имѣть болѣе 30 лѣтъ отъ роду (novell. 137 cap. 2—по другой новеллѣ не менѣе 35 лѣтъ nov. 123, cap. 1). Онъ долженъ быть безбраченъ или по крайней мѣрѣ бездѣтенъ. „Едва ли возможно", разсуждаетъ императоръ (codex, lib. I, tit. 3, cap. 42), „чтобы семейный человѣкъ, при ежедневныхъ попеченіяхъ о дѣтяхъ своихъ, обращалъ всѣ свои труды и мысли на служеніе Богу и церкви. Нѣкоторые, движимые духомъ христіанскаго благочестія, дарятъ все свое имущество церквамъ съ тою цѣлію, чтобы оно было употреблено на бѣдныхъ и на другія благочестивыя потребности. Но было бы неприлично, если бы епископъ воспользовался этимъ для своихъ дѣтей и родственниковъ. Вмѣсто этой плотской склонности, онъ долженъ быть отцемъ всѣхъ вѣрующихъ." Кромѣ того кандидатъ во епископы долженъ быть безукоризненъ по жизни, православенъ, образованъ и свободенъ отъ занятій по общественной или военной службѣ. Мірянинъ, избираемый во епископы, долженъ предварительно пробыть не менѣе трехъ мѣсяцовъ въ составѣ клира (novell. 123). Не видно, чтобы къ избранію епископовъ былъ допущенъ въ то время народъ, составлявшій паству, какъ бывало въ болѣе раннія времена. Это не согласовалось бы съ упадкомъ политической свободы при Юстиніанѣ. „Когда нужно будетъ избрать епископа," законополагалъ Юстиніанъ (nov. 123 и 127), „то клиръ и вельможи (optimates) того города, для котораго необходимъ епископъ, принявъ во вниманіе всѣ правила о избраніи епископа, должны назначить по общему согласію трехъ кандидатовъ (или по крайней мѣрѣ двухъ, а въ случаѣ крайности и одного), и потомъ приговоръ объ избраніи утвердить собственноручною подписью и клятвою предъ св. евангеліемъ, что они избираютъ извѣстныя имъ лица, не за подарки, не за какое-либо обѣщаніе, ни по дружбѣ, но по несомнѣнной увѣренности, что избираемыя ими лица просвѣщенны по вѣрѣ, честны по жизни" и т. д.

Право окончательнаго выбора и посвященія принадлежало патріарху или митрополиту. Митрополитъ имѣлъ право утверждать и рукополагать епископа въ предѣлахъ своей области (novell. 137). Патріархъ имѣлъ право утверждать и рукополагать митрополитовъ своего патріархата—кромѣ митр. ефесскаго и кесарійскаго.—(novell. 7, cap. 1).

Самъ патріархъ утверждался императоромъ, а рукополагался всѣми епископами своего патріархата. (nov. 131). Принимавшій рукоположеніе давалъ увѣреніе въ неподкупности своего избранія и произносилъ торжественно исповѣданіе вѣры и клятву въ соблюденіи церковныхъ правилъ (nov. 6. cap. 1., nov. 137. cap. 2).—Послѣдующая жизнь епископа была обставлена слѣдующими правилами. Епископъ долженъ былъ жить безотлучно въ предѣлахъ своей епархіи, и могъ выѣзжать въ столицу только по крайней надобности или по вызову императора, —и во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ на одинъ годъ. (Cod. I, tit. 3, cap. 43). Впрочемъ епископъ не только могъ, но даже долженъ былъ являться на ежегодные помѣстные соборы къ митрополиту или патріарху, при чемъ на соборѣ епископы занимали мѣста по старшинству лѣтъ и такимъ образомъ засѣдали и подавали голоса и подписывали свои имена. (Nov. 123, cap. 10 и nov. 137, cap. 4). Юстиніаномъ была опредѣлена и другая градація епископовъ соотвѣтственно важности занимаемыхъ ими каѳедръ. (nov. 131, cap. 2). Епископъ въ своей епархіи долженъ жить свято и поучать свою паству словомъ и примѣрамъ. „Епископамъ," разсуждалъ Юстиніанъ, „единственно приличны посты, ночныя бдѣнія, размышленія о Христѣ и молитвы." (Cod. I, tit. 3. cap. 34). Посему епископамъ воспрещено было—подъ угрозою 3-лѣтней ссылки въ монастырь на покаяніе—играть въ кости и присутствовать на зрѣлищахъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они необходимо были бы свидѣтелями непристойныхъ дѣлъ и богомерзкихъ словъ (nov. 123, cap. 10). Что касается до обширныхъ предѣловъ власти епископской, то объ этомъ отчасти мы говорили уже выше (стр. 285—286); вообще же она по своему пространству соотвѣтствовала—съ нѣкоторымъ избыткомъ—древнерусской епископской власти, какъ эта послѣдняя опредѣляется въ такъ называемыхъ *уставахъ Владиміра и Ярослава.*

Причисляемый къ клиру, — по законамъ Юстиніана — долженъ имѣть опредѣленный возрастъ, для священства—не менѣе какъ 35-лѣтній, для діаконства и уподіаконства 25-лѣтній, для причетничества 18-лѣтній. Всякій клирикъ долженъ быть грамотенъ, благочестивъ и благоустроенъ въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Принимающій священство или діаконство долженъ былъ или давать обѣтъ безбрачія или быть женатъ, но не на вдовѣ или разведенной съ мужемъ; причетникъ же могъ жениться и послѣ посвященія. Въ предотвращеніе си-

монія какъ рукополагаемый такъ и рукополагающій должны были клятвенно—подъ страхомъ лишенія сана—засвидѣтельствовать, что за рукоположеніе не было ничего не дано, ни взято, ни даже обѣщано. Всякій клирикъ находился въ полномъ подчиненіи мѣстному епископу и долженъ былъ—подъ угрозою 3-лѣтней эпитиміи въ монастырѣ—удаляться отъ мірскихъ игръ и зрѣлищъ, не ходить на ипподромъ, не играть въ кости, и даже не сидѣть между играющими. „Священнослужители должны помнить—разсуждалъ императоръ (cod. I, tit. II, cap. 34 и nov. 123),—что сами же они требуютъ отъ принимающихъ св. крещеніе отрицаться сатаны и всей гордыни его; значительную же часть гордыни діавола составляютъ позорныя зрѣлища.“—Клирикамъ воспрещено было принимать на себя мірскія общественныя должности, напр. быть сборщиками податей, управителями помѣстій и т. д.,—но за то они освобождены были отъ податей и повинностей и имѣли право пользоваться какъ доходами съ имуществъ, завѣщанныхъ храму благодѣтелями, (nov. 57, c. 2, nov. 123, cap. 18, nov. 16, nov. 6, cap. 8), —такъ и добровольными приношеніями отъ прихожанъ (Cod. I, tit. 3. cap. 1 и 50).

Иноки при Юстиніанѣ окончательно вошли въ составъ духовнаго сословія и получили закономъ опредѣленное положеніе. Доступъ въ монашество былъ широко открытъ. Родители не имѣли права удерживать дѣтей своихъ отъ поступленія въ монашество или лишать ихъ за это наслѣдія. Равнымъ образомъ и супруги могли по взаимному согласію или оба поступить въ монашество или одно лице изъ нихъ, при чемъ закономъ охранялись имущественныя права лица, принимавшаго монашество (nov. 123. c. 39—41). Также и рабы съ согласія господъ могли принимать монашество (nov. 5. c. 2). Ни грамотности, ни предварительной безпорочной жизни отъ принимающихъ монашество не требовалось; напротивъ какъ баня, омывающая совѣсть, монашество и считалось особенно пригоднымъ для большихъ грѣшниковъ. Постриженію долженъ былъ предшествовать 3-лѣтній искусъ, который впрочемъ для лицъ благонадежныхъ могъ быть и сокращаемъ (nov. 123, cap. 15). Поведеніе иноковъ было опредѣлено строгими правилами. Монахи должны были подчиняться мѣстному епископу, постоянно пребывать въ своемъ монастырѣ, не вмѣшиваться ни въ церковныя, ни въ гражданскія дѣла, между собою сохранять тишину, упражняться только въ постѣ и молитвѣ (nov. 5, cap. 1. nov. 131, cap. 7). Мона-

стыри должны быть ограждаемы стѣнами: мірянамъ внутрь стѣнъ позволялось входить только въ случаѣ особой надобности, и притомъ мужчинамъ только въ мужскіе, а женщинамъ только въ женскіе монастыри. (nov. 123. cap. 35—36). На практикѣ постриженіе въ монахи и въ клирики—со временъ Юстиніана и даже ранѣе—стало употребляться какъ видъ политической смерти для лицъ попавшихъ въ опалу у правительства. Такъ былъ постриженъ въ клирики Іоаннъ каппадокіянинъ, первый министръ Юстиніана.

Законодательная дѣятельность временъ Юстиніана отразилась и въ наукѣ церковнаго права. Почувствовалась потребность въ систематическомъ собраніи церковныхъ законовъ. Трудно было довольствоваться хронологическимъ изложеніемъ каноновъ, слѣдуя порядку соборовъ и отцевъ, составлявшихъ правила. Въ виду быстраго накопленія государственныхъ законовъ, относящихся къ предметамъ церковнаго управленія, необходимо было извлечь на нихъ и собрать особо все, касавшееся церкви. Необходимо было наконецъ для удобства въ употребленіи расположить и каноны, и царскіе законы относительно церкви—по предметамъ содержанія. Этой потребности удовлетворилъ *Іоаннъ схоластикъ*, (ex ordine scholasticorum), сначала адвокатъ, потомъ пресвитеръ антіохійскій, наконецъ патріархъ константинопольскій. (565—578 г.) Еще будучи пресвитеромъ, онъ составилъ сборникъ церковныхъ каноновъ, раздѣленный на 50 главъ или титуловъ. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ извлекъ изъ Юстиніановыхъ новеллъ постановленія, относящіяся къ церкви, и расположилъ въ 87 главахъ. Этотъ сборникъ помѣщенъ въ Кормчей книгѣ (гл. 42) подъ заглавіемъ: *отъ свитка божественныхъ новыхъ заповѣдей... царя Юстиніана.* Въ ряду константинопольскихъ патріарховъ VI вѣка былъ и другой церковный юристъ—*Іоаннъ постникъ* (582—595), составившій покаянный или эпитимійный номоканонъ, т. е. руководство для духовниковъ съ назначеніемъ эпитимій, болѣе снисходительныхъ, чѣмъ какія значатся въ правилахъ св. Василія великаго, но сравнительно съ практикою настоящаго времени все еще очень строгихъ.

Само собою разумѣется; что кругъ дѣйствія византійскаго церковнаго права ограничивался предѣлами господствующей православной церкви въ византійской имперіи. А предѣлы эти все болѣе и болѣе съужались. Стремленіе къ національной обособленности коптовъ, армянъ, сирійцевъ и ихъ недовольство византійскою центральною администраціею давно уже побуждало этихъ окраинныхъ провинціаловъ къ сепаратизму, выражавшемуся въ томъ, что они держались особаго мнѣнія по христологическимъ вопросамъ и отвергали рѣшенія—иные—III, а большинство—IV халкидонскаго собора. (См. стр. 180). Никакіе компромиссы, предлагаемые центральнымъ правительствомъ, не удовлетворяли упрямыхъ провинціаловъ. (Стр. 246—249). Но еще болѣе долженъ былъ раздражать ихъ духъ нетерпимости, проникающій законодательство Юстиніана относительно еретиковъ и противниковъ церкви. (стр. 292). Чтобы провѣрить это, мы можемъ обратить вниманіе на отзывы армянскаго историка объ императорахъ нашего времени. Вотъ отзывъ армянскаго историка католикоса Іоанна VI о Зенонѣ и Анастасіѣ. „Въ то время умеръ, пребывая на своемъ тронѣ, благочестивый, религіозный и славный царь римскій Зенонъ. До его воцаренія все было покрыто густымъ и мрачнымъ облакомъ ненавистной ереси. Но Зенонъ отвергъ соборъ халкидонскій, разсѣялъ мракъ и процвѣло въ церкви Божіей дивное, пресвѣтлое и истинное ученіе апостольское. Послѣ Зенона возшелъ на тронъ бодрый Анастасій. Онъ также былъ горячій другъ истины, какъ и Зенонъ,—и даже болѣе; всѣ его дѣйствія были пріятны Богу, и онъ крѣпко былъ привязанъ къ святому ученію св. отецъ. По его приказанію были писаны окружныя посланія, анаѳематствовавшія всѣ ереси и соборъ халкидонскій“. Но совершенно другой отзывъ даетъ армянскій историкъ объ имп. Юстиніанѣ. „Послѣ Анастасія царствовалъ нечестивый Юстиніанъ: это былъ человѣкъ злой, который хотѣлъ все разрушить, все перемѣнить и возобновить ересь собора халкидонскаго; онъ удручалъ оскорбленіями, притѣсненіями и жестокими муками всѣхъ святыхъ людей и всѣхъ, которые держались св. ученія, и погружалъ св. церковь въ безднѣ крови.“ (Hist. d'Armenie par le patriarche Iean).

Враждебное отношеніе провинцій къ византійской центральной власти предвѣщало въ ближайшемъ будущемъ ничто иное, какъ совершенное отпаденіе Арменіи, Египта и Сиріи отъ церковнаго и политическаго союза съ имперіею. Такъ дѣйствительно и случалось. Ар-

мянскій патріархъ Бабкенъ на помѣстномъ соборѣ изъ епископовъ своего народа въ 491 г., произнесши анаѳему на несторіанъ и послѣдователей Евтихія, вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя противъ халкидонскаго собора. Египетскіе туземцы, извѣстные подъ именемъ *коптовъ*, въ 536 г. избрали себѣ особаго патріарха и составили національную церковь съ употребленіемъ мѣстнаго языка при богослуженіи; небольшое число—большею частію пришлыхъ—приверженцевъ центральной власти и халкидонскаго собора уцѣлѣло только въ городахъ и называлось *мелхитами* (отъ слова *мелехъ* царь). Сирскіе монофизиты или яковиты въ 541 г. также завели себѣ туземную іерархію, первымъ представителемъ которой былъ Іаковъ Барадей. Несторіане, преслѣдуемые въ предѣлахъ имперіи, удалились въ Персію, и впослѣдствіи во время персидскихъ войнъ храбро сражались противъ своихъ прежнихъ единоземцевъ. Движимые духомъ миссіонерства, несторіане пронесли проповѣдь христіанства на востокъ до Китая и до Индіи, гдѣ и доселѣ напоминаетъ о несторіанскомъ миссіонерствѣ маленькая колонія такъ называемыхъ *христіанъ св. Ѳомы.* (Труды к. д. ак. 1861. № 12).

Вообще къ концу нашего періода византійская имперія и церковь была подобна дереву съ несоразмѣрно длинными и тяжелыми вѣтвями, которыя готовы были обломиться отъ собственной тяжести. Нуженъ былъ только сильный порывъ бури, чтобы онѣ совсѣмъ отпали, и эта буря разразилась въ началѣ слѣдующаго періода съ возникновеніемъ магометанства.

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Императоры Фока и Ираклій. (602—641).

Фока и его гибель. (610) Ираклій и его попытка покинуть столицу (618).

Новый императоръ Фока, (съ 23 ноябр. 602 г. по 3 окт. 610) низвергшій и убившій Маврикія и истребившій всю семью своего предшественника, далеко не всею признанъ былъ имперіею. Египетъ и Африка (т. е. Карѳагенъ съ областію) не признали Фоку. Не хотѣли признавать его и въ Антіохіи, гдѣ по этому поводу былъ мятежъ, въ которомъ принимали живое участіе евреи и умерщвленъ антіохійскій патріархъ Анастасій. Мятежъ впрочемъ былъ усмиренъ. Напротивъ того въ Римѣ признали Фоку съ большимъ удовольствіемъ. По тогдашнему обычаю изображеніе новаго императора и его супруги было разносимо по всѣмъ городамъ имперіи, при чемъ горожане выходили на встрѣчу со свѣтильниками и кадильницами и воздавали изображенію императора такую честь, какъ бы самому императору. Изображенія Фоки и его супруги Леонтіи были принесены въ Римъ 25 апрѣля 603 года: сенатъ и народъ привѣтствовали ихъ обычными кликами: *Христе, услыши насъ! Да живетъ императоръ Фока и императрица Леонтія!* и св. папа Григорій поставилъ царскія изображенія въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранилось два письма папы Григорія I (+22 февр. 605 г.) къ имп. Фокѣ и одно къ имп. Леонтіи. Жалуясь на *грубое обращеніе* имп. Маврикія и осыпая Фоку льстивыми и незаслуженными похвалами, папа вмѣстѣ сътѣмъ даетъ ему и доброе наставленіе. *Если что́ отличаетъ нашихъ императоровъ отъ варварскихъ царей,* пишетъ папа,—*такъ это то́, что варварскіе властите-*

лями считаютъ своихъ подданныхъ рабами, тогда какъ наши императоры предоставляютъ своимъ народамъ свободу, нисколько не теряя чрезъ это своего могущества. Добрыя отношенія между имп. Фокою и римскою каѳедрою высказались въ томъ, что въ 606 г. Фока, по ходатайству папы, запретилъ константинопольскому патріарху носить титулъ *вселенскаго* (слич. стр. 305—6),—а въ 607 г. разрѣшилъ папѣ превратить римскій пантеонъ въ храмъ Богоматери и всѣхъ святыхъ. Болѣе близкаго участія въ судьбахъ Италіи Фока принять не могъ, — и въ этомъ заключается разгадка добрыхъ отношеній его къ Риму, которыя разными историками объяснялись различно, то въ похвалу Фокѣ, то въ осужденіе папѣ Григорію и его преемникамъ.

Въ Константинополѣ же, гдѣ Фока имѣлъ болѣе возможности показать себя, чѣмъ въ Римѣ, онъ показалъ себя съ очень худой стороны. Грубый и необразованный солдатъ, случайно, дерзостію и мятежемъ поднятый на высоту императорской власти, Фока не могъ и не желалъ стать въ уровень съ своимъ новымъ положеніемъ. Онъ и на престолѣ сохранилъ грубыя солдатскія привычки къ пьянству, жестокости и разврату. Преданность царя пьянству была до такой степени общеизвѣстна, что однажды (609 г.) народъ на ипподромѣ обратился къ нему съ восклицаніями: *опять ты пилъ, свой умъ сгубилъ!* (πάλιν εἰς τὸν κάῦκον ἔπιες. πάλιν τον νοῦν ἀπέλεκες. Theoph. chron.) „Тогда —разсказываетъ хронографъ,—по приказанію Фоки городской префектъ многимъ отрубилъ крайніе члены и повѣсилъ ихъ въ циркѣ на цѣли, другихъ обезглавилъ, а нѣкоторыхъ, завязавъ въ мѣшки, приказалъ бросить въ море.“ Самая наружность Фоки была непривлекательна: рыжіе волосы, сросшіяся брови, суровый взглядъ и шрамъ на лицѣ, который имѣлъ свойство темнѣть во время царскаго гнѣва,— таковы были примѣты Фоки. По поводу недоброкачественности Фоки, у позднѣйшаго хроникера (Дороѳея монемвасійскаго), сообщается слѣдующая легенда. „Нѣкій богоносный мужъ, имѣющій дерзновеніе къ Богу, услышавъ о царскихъ злыхъ дѣлахъ, возопилъ ко Господу такъ: „Господи Боже! чего ради Ты прогнѣвался на народъ свой и послалъ такого царя—тирана? за что такое наказаніе? чѣмъ провинился народъ Твой, что Ты предалъ его во власть такого кровожаднаго волка?“ И было сему богоносному мужу отъ Бога откровеніе въ такомъ родѣ: „много-де Я старался найти царя похуже, чтобы наказать народъ за

его своеволіе, но не могъ обрѣсти хуже Фоки. Ты же впредь не искушай судебъ Божіихъ.“

Пороки Фоки не искупались доблестями и талантами даже на томъ поприщѣ, на которомъ онъ провелъ всю жизнь свою, т. е. на воинскомъ. Авары успокоились; но персы снова стали сильно тѣснить имперію. Персидскій царь Хозрой объявилъ Фокѣ войну подъ предлогомъ отмщенія за смерть своего благодѣтеля и друга Маврикія, и вторгся въ предѣлы имперіи. Что же Фока? онъ не обнаружилъ никакой храбрости и распорядительности, сидѣлъ въ столицѣ и пытался только поднять духъ войска тою религіозностію, которой самъ не имѣлъ. Фока предложилъ собору іерарховъ канонизовать и заблаговременно причислить къ мученикамъ тѣхъ воиновъ, которые падутъ на полѣ сраженія. Западные историки безусловно осуждаютъ предположеніе Фоки. Но греческій историкъ Папарригопуло находитъ въ немъ нѣкоторый смыслъ. „Народы, также, какъ и отдѣльные люди“,—разсуждаетъ Папарригопуло, (II, 258—9)—„нуждаются въ извѣстныхъ нравственныхъ мотивахъ, для того чтобы благоуспѣвать въ семъ мірѣ. Одна матеріальная сила недостаточна. Конечно и безъ нея обойтись нельзя, но оно возрастаетъ во много разъ, если находитъ опору въ духѣ человѣка,—въ его чувствахъ и соображеніяхъ. Эти нравственные мотивы различны, и не всѣ равносильны. Самыми сильными считаются патріотизмъ, чувство національнаго достоинства и преданность вѣрѣ отцовъ. Въ VII вѣкѣ религіозное чувство было главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго греческій народъ черпалъ свою моральную силу. Въ виду этого царская власть не разъ пыталась воспользоваться религіознымъ чувствомъ подданныхъ, чтобы хотя сколько-нибудь восполнить въ народѣ оскудѣніе патріотизма и гражданскихъ доблестей. Такъ Фока пытался возбудить изъ летаргіи усыпленныя души византійцевъ, предполагая приравнять воинскія доблести къ подвигамъ мученниковъ.“ Какъ бы то ни было, но предположеніе Фоки не осуществилось. Позднѣйшій византійскій канонистъ Вальсамонъ сообщаетъ, что когда имп. Фока хотѣлъ причислить къ мученикамъ воиновъ, падшихъ на войнѣ, то бывшіе тогда представители церкви, ссылаясь на 13 й канонъ Василія в., не соглашались съ императорскимъ требованіемъ, говоря:“ какимъ образомъ мы причтемъ къ мученикамъ тѣхъ, кои убивали на войнѣ, когда Василій великій не допускалъ ихъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки, къ причащенію въ

теченіе трехъ лѣтъ?“ Но когда многіе священники и одинъ епископъ отстаивали мысль императора и признались, что сами они участвовали въ сраженіяхъ съ врагами отечества и многихъ убили,—тогда соборъ, согласно съ симъ канономъ и 43-мъ тогоже отца, хотѣлъ воспретить имъ священнодѣйствіе. Впрочемъ многіе,—въ особенности тѣ, которые сами были воинами,—возражали противъ этого мнѣнія, доказывая, что такіе достойны даже награды.“ (См. Migne, tom. 138, p. 635—8). Чѣмъ окончилось это разногласіе на соборѣ, Вальсамонъ не разсказываетъ, но несомнѣнно, что предложеніе Фоки было отклонено.

Пороки и неспособность Фоки возбудили въ византійцахъ сильнѣйшее желаніе избавиться отъ него. Послѣ двухъ неудачныхъ заговоровъ, сообщники которыхъ погибли въ тяжкихъ мукахъ, византійскіе вельможи обратились къ автономному тогда правителю Африки Ираклію съ просьбою придти самому или прислать сына для занятія престола. Вслѣдствіе этого приглашенія прибылъ съ флотомъ изъ Карѳагена Ираклій сынъ, безъ труда низвергъ Фоку (5 окт. 610 г.) и занялъ его мѣсто. Ужасныя подробности убіенія Фоки такъ передаются у хроникера. „Послѣ того какъ Фока былъ разбитъ, нѣкій вельможа Фотинъ, оскорбленный Фокою въ лицѣ своей супруги, съ толпою воиновъ вошелъ во дворецъ и безчестно стащивъ съ трона окаяннаго Фоку, сорвалъ съ него царскую одежду, и надѣвъ на него черное рубище, а на шею ему цѣпь, въ такомъ безчестномъ и жалкомъ видѣ представилъ Ираклію. Ираклій, посмотрѣвъ на Фоку, сказалъ: „такъ-то, окаянный, ты управлялъ государствомъ!“ А тотъ, какъ человѣкъ отчаянный, возразилъ: „ты будешь управлять лучше!“ Тогда Ираклій приказалъ сначала отсѣчь Фокѣ руки и ноги, а потомъ живьемъ рѣзать на куски, а тайные члены отсѣчь и привязать къ копьямъ за безмѣрныя оскверненія, какія совершалъ Фока,—въ заключеніе отсѣчь голову, и обезображенный трупъ мрачной памяти Фоки предать огню на такъ называемомъ бычачьемъ рынкѣ.“

Фока, какъ бы въ отмщеніе, оставилъ Ираклію очень тяжелое наслѣдство—пустое казначейство, разстроенную и почти несуществующую арміо, недовольный и деморализованный народъ, и—что всего хуже—двухъ сильныхъ враговъ—аваровъ съ сѣвера и персовъ съ юга,—которые готовы были сжать, какъ въ тискахъ, столицу имперіи. Было отчего придти въ отчаяніе! Въ первое время Ираклій не смотря на свою молодость и талантливость, дѣйствительно казалось былъ подав-

ляемъ трудностями своего положенія. Особенно грозно было нашествіе персовъ. Въ 611 г. они захватили Кесарію—каппадокійскую, въ 613 г. опустошили Сирію, въ 614 г. взяли Іерусалимъ, разрушили храмы и забрали въ плѣнъ патріарха Захарію и древо креста Господня, въ 615 г. завладѣли всѣмъ Египтомъ, въ 616 г.—Ливіею и Киринеею, въ 617 г. добрались до Халкидона и стали на азіатскомъ берегу Босфора въ виду столицы. Къ непріятельскому нашествію присоединились голодъ и большая смертность въ столицѣ. Послѣднее обстоятельство особенно огорчило Ираклія, потому что онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ гражданами, какъ неоплатный должникъ. Дѣло было вотъ въ чемъ. Мы знаемъ уже (стр. 28), что Константинъ В., желая привлечь обитателей въ новую столицу, узаконилъ даровую раздачу хлѣба гражданамъ Константинополя. Послѣдующіе императоры продолжали эту милость, при чемъ житницею для столицы служилъ плодородный Египетъ Когда персы (съ 615 г.) завладѣли Египтомъ, подвозъ египетскаго хлѣба въ столицу разумѣется прекратился. Но Ираклій тѣмъ не менѣе обязался продолжать обычную раздачу хлѣба отъ казны для тѣхъ, кто пожелаетъ внести въ казну единовременно три номизмы (около 13½ руб. с.). Скоро однако у царя не стало ни хлѣба, ни денегъ, и онъ принужденъ былъ прекратить обѣщанную раздачу хлѣба и такимъ образомъ оказался полнымъ банкротомъ. Весьма вѣроятно, что усилившаяся смертность стояла въ связи съ недостаткомъ хлѣба. Быть можетъ основательный ропотъ голодающихъ гражданъ, а еще болѣе стыдъ оставаться среди обманутаго народа, привелъ Ираклія къ рѣшимости оставить Константинополь и переселиться въ родной Карѳагенъ. Уже корабли, нагруженные царскими сокровищами, отплыли изъ столицы, когда граждане, узнавъ о намѣреніи императора, мятежно собрались (авг. 618 г.) и, имѣя во главѣ патріарха Сергія, принудили императора дать въ Софійскомъ соборѣ клятву, что онъ будетъ до конца жизни защищать имперію, и что преимущественно на константинопольскихъ гражданъ будетъ смотрѣть, какъ на дѣтей своего престола. Обнаруженный при этомъ случаѣ народомъ энтузіазмъ съ одной стороны снялъ съ императора стыдъ невольнаго банкротства, съ другой стороны подалъ ему добрую надежду на возможность поправить дѣла въ будущемъ.

Походы Ираклія на персовъ. Осада Константинополя аварами и персами и акаѳистъ Богоматери (624). Возвращеніе Ираклія изъ походовъ и воздвиженіе креста Господня (629).

Изъ двухъ враговъ, нагнетавшихъ имперію, Ираклій долженъ былъ обезпечить себя со стороны одного,—для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ другаго. Онъ предпочелъ умириться съ сѣвернымъ врагомъ—славянами и аварами—и направить всѣ силы противъ южнаго—персовъ. Важныя причины побуждали Ираклія къ такому рѣшенію". Византійская имперія,—разсуждаетъ Папарригопуло, (III, 254—5) „всегда отчаянно боролась противъ царей персидскихъ и калифовъ магометанскихъ, потому что эти враги, управляя многолюдными и сильными государствами, угрожали конечною гибелью эллинизму. Но Византія легче мирилась съ сѣверными варварами, потому что эти мало развитые въ политическомъ отношеніи народы не искали ничего, кромѣ грабежа или захвата земель, которыми Византія, какъ государство приморское, торговое и городское, не особенно дорожила. Была притомъ надежда, что сѣверные варвары, благодаря вліянію христіанства, византійскаго просвѣщенія и законодательства, могутъ со временемъ болѣе или менѣе ассимилироваться съ остальными подданными имперіи." — Въ этихъ конечно видахъ Ираклій предоставилъ славянскимъ племенамъ, носившимъ имя хорватовъ и сербовъ, передвинуться къ югу и занять принадлежавшія имперіи земли, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сербіи, Босніи, Герцеговины, Далмаціи и Черногоріи. Славянскіе переселенцы приняли христіанство изъ Рима, признали номинальную зависимость отъ имперіи и—по мысли Ираклія,—конечно должны были помогать имперіи отбиваться отъ аваровъ. Не такъ легко было Ираклію уладиться съ аварами,—*тѣломъ великими и умомъ гордыми.—Въ си же времена*—говоритъ русскій начальный лѣтописецъ—*быша и обры, ходиша на Ираклія царя и мало его не яша.* (Замѣтимъ въ скобкахъ, что это первое по времени извѣстіе изъ византійской исторіи, отмѣченное нашимъ лѣтописцемъ, какъ имѣвшее связь съ преданіями родной старины. Лѣтописцу знакомы были по народной памяти эти гордые авары, которые примучивали славянъ и насиліе творили женамъ дулѣбскимъ и о которыхъ ходила еще на Руси пословица—*погибоша аки обрѣ*,—и вотъ, встрѣтивъ на страницахъ византійскаго хроникера

интересное извѣстіе о старыхъ знакомцахъ, нашъ лѣтописецъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ далекій пунктъ, гдѣ начатки русской исторіи соприкасаются съ греческою). Событіе, о которомъ упоминаетъ русскій лѣтописецъ, было слѣдующее: въ 619 г. для утвержденія мирнаго договора между аварами и греками было назначено личное свиданіе между обоими монархами—Иракліемъ и ханомъ аварскимъ—на берегу Мраморнаго моря вблизи Константинополя. Императоръ прибылъ съ блестящею свитою, съ фокусниками и комедіантами для увеселенія аваровъ и съ толпами любопытныхъ жителей столицы: аварскій ханъ явился съ своими полчищами, которыя умножались все болѣе и болѣе, пробираясь по частямъ, внутрь *длинныхъ стѣнъ*, (см. стр. 251) ограждавшихъ предмѣстія столицы. Внезапно ли проснулась въ аварахъ жажда къ грабежу при видѣ богатой добычи, или преднамѣренно коварный ханъ велъ дѣло къ тому, чтобы захватить въ плѣнъ императора со свитою,—какъ бы то ни было, но авары нечаянно бросились на безпечныхъ византійцевъ, захватили 70000 (по другому извѣстію 270000) плѣнныхъ, и самъ императоръ едва спасся послѣднимъ бѣгствомъ въ столицу. Впослѣдствіи (620 г.) аварскій ханъ извинялся въ своеволіи своихъ подданныхъ, и необходимость въ мирѣ съ аварами была такъ велика, что Ираклій удовлетворился извиненіемъ.

Кромѣ указанной выше, была еще важная причина, склонявшая Ираклія, примирившись съ аварами, обратить всѣ усилія противъ персовъ. При упадкѣ политической свободы и гражданскихъ доблестей,—только религіозный энтузіазмъ могъ въ то время воодушевить грековъ и служить залогомъ военныхъ успѣховъ. Но сѣверные варвары, хотя и раззоряли византійцевъ своими набѣгами, но не оскорбляли ихъ вѣры. Совсѣмъ иное дѣло были персы. У хроникера записано слѣдующее извѣстіе. „Нечестивый Хозрой, царь персидскій, захватилъ Каппадокію, Дамаскъ, Палестину со св. городомъ и многія тысячи христіанъ умертвилъ рукою евреевъ. Взялъ въ плѣнъ и Захарію, патріарха іерусалимскаго, и честное древо креста Господня отправилъ въ Персію... Персидскія полчища взяли Халкидонъ и немалое время стояли тамъ въ виду Константинополя. Царь Ираклій отправилъ пословъ къ Хозрою, прося мира, но Хозрой отвѣчалъ такъ: *если царь вашъ отречется отъ распятаго и поклонится солнцу, дамъ миръ.*“ Дѣло очевидно шло не объ имуществѣ, даже не о жизни только, а о святой вѣрѣ. Отвѣтъ

Хозроя сослужилъ добрую службу Ираклію. Царь могъ теперь рѣшиться на то, на что никогда не рѣшился бы при другихъ обстоятельствахъ, —именно— для пополненія казны отобралъ и перечеканилъ въ монету церковные сосуды. Конечно многіе благочестивые византійцы, въ обыкновенное время искавшіе спасенія души въ монастырѣ, могли теперь искать душевнаго спасенія въ священной войнѣ съ персами. И самъ царь проникся религіознымъ одушевленіемъ и сталъ во главѣ священнаго похода противъ персовъ. Хроникеръ такъ описываетъ отправленіе царя въ походъ. „Совершивъ праздникъ пасхи, (который въ 622 г. приходился 4 апрѣля), царь, сбираясь въ походъ, сказалъ патріарху: *на руки Богоматери оставляю сей городъ и своего сына.* Затѣмъ царь молится, вошедши въ великую церковь въ черныхъ сандаліяхъ (вмѣсто красныхъ, составлявшихъ оффиціальный аттрибутъ царскаго достоинства), и Георгій Писидъ, (сосудохранитель великой церкви и поэтъ того времени), видя такое смиреніе Ираклія, сказалъ:

„О царь, ты надѣлъ черную обувь,
Но ты окрасишь ее въ крови персовъ.“

Взявъ на руки нерукотворенный образъ Богочеловѣка, царь отправился въ походъ противъ персовъ.

Персовъ недалеко было искать. Они стояли на противоположномъ берегу Босфора близъ Халкидона, и всякій обыкновенный полководецъ на мѣстѣ Ираклія поспѣшилъ бы сразиться съ ними. Ираклій поступилъ иначе. Пользуясь свободною морскою дорогою, Ираклій съ войскомъ выплылъ въ Архипелагъ и Средиземное море, высадился въ Киликіи въ тылу персидскаго войска, и затѣмъ удачной битвой съ персами очистилъ отъ нихъ Малую Азію. Но Ираклій не удовлетворился этимъ первымъ успѣхомъ. Пробывъ малое время въ Константинополѣ, царь послѣ пасхи (27 марта) 623 г. снова отправился въ походъ, чтобы искать Хозроя въ его собственныхъ владѣніяхъ. Направившись чрезъ Черное море сначала въ Армепію и Закавказье, Ираклій затѣмъ проникъ въ самую Персію и, по словамъ хроникера, *нещадно жегъ и опустошалъ Персиду* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Пособниками Ираклію въ его борьбѣ съ персами были тюркскія племена, жившія къ сѣверу отъ кавказскихъ горъ, которыхъ греческій хроникеръ называетъ *хазарами*, а начальный русскій лѣтописецъ *бѣлыми уграми.* [1]) Но въ

[1]) „Си со угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша но Хоздроя, царя перьскаго.“

то время, когда Ираклій громилъ Персію, его собственной столицѣ угрожала страшная опасность. Хозрой, царь персидскій, заключилъ союзъ съ ханомъ аварскимъ съ тѣмъ, чтобы одновременно напасть на Константинополь. Лѣтомъ 624 года, когда Ираклій находился во глубинѣ Персіи, его столицу окружили сильные враги. Съ европейской стороны обложилъ Византію аварскій ханъ слишкомъ со 100000-нымъ войскомъ, въ составѣ котораго, кромѣ аваръ, находились гепиды, *русскіе*, [1]) славяне и болгары, а съ азіатской стороны Босфора стало близь Халкидона персидское войско, составлявшее $^1/_3$ хоздроевой арміи ($^2/_3$ были заняты борьбою съ Иракліемъ). Союзники пришли съ большими надеждами и съ большою гордостію; они разсчитывали захватить столицу, *какъ въ сѣтку*, взять ее, *какъ птичье гнѣздо*. Аварскій ханъ говорилъ византійцамъ, что имъ остается только превратиться въ птицъ и улетѣть по воздуху, или сдѣлаться рыбами и уплыть по водѣ, и великодушно предлагалъ жителямъ столицы взять по верхней и исподней одеждѣ на человѣка и уходить въ Азію, оставивъ городъ со всѣмъ имуществомъ во власть побѣдителя. Но византійцы не унывали. Войска въ городѣ было мало (Ираклій впрочемъ успѣлъ доставить въ столицу 12000 кольчужниковъ), но во главѣ столичнаго управленія стояли два очень способные человѣка—патрицій Бонъ и патріархъ Сергій. Первый парализовалъ всѣ усилія осаждающихъ искусными стратегическими распоряженіями; второй—подкрѣплялъ мужество гражданъ церковными процессіями и надеждою на заступленіе покровительницы города—Богоматери. Упованіе не посрамило. Послѣ 9-суточныхъ безуспѣшныхъ приступовъ (отъ 31 іюля—по 8 августа), ханъ аварскій сжегъ осадныя машины и удалился ни съ чѣмъ. Приписавъ спасеніе города заступленію Богоматери, патріархъ Сергій и имп. Ираклій установили на вѣчныя времена совершать послѣдованіе *несѣдальнаго пѣнія* (ἀκαθίστον ὕμνον) въ честь Богоматери, которое и понынѣ совершается въ пятницу на 5-й недѣлѣ великаго поста, и къ которому вскорѣ присоединилось воспоминаніе о двухъ счастливо отбитыхъ осадахъ Константинополя отъ арабовъ (673—8 и 717—8).

---

[1]) Папарригопуло III, 271. Мы не знаемъ, откуда взялъ Папарригопуло извѣстіе, что въ станѣ аваровъ въ 624 г. были и русскіе. Но во всякомъ случаѣ оно стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе.

„Кто изъ грековъ—говоритъ греч. историкъ Папарригопуло (III, 274—7),—не знаетъ гимна, воспѣваемаго на этомъ *послѣдованіи* въ честь заступницы христоименитаго народа?

Τῇ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ τὰ νικητήρια!
ὡς λυτρωθεῖσα τῶν δεινῶν, εὐχαριστήρια
Αναγράφω σοι, ἡ πόλις σου, Θεοτόκε.
Ἀλλ' ὡς ἔχουσα τό κράτος ἀπροσμαχητον,
Ἐκ παντοίων με κινδύνων, ἐλευθέρωσον,
Ἵνα κράζω σοι. χαῖρε νύμφη ἀνύμφευτε.

Кто изъ грековъ не слушаетъ ежегодно съ глубокимъ умиленіемъ тѣхъ привѣтствій, въ которыхъ живая фантазія и благочестивая любовь прилагаютъ всевозможныя уподобленія къ предстательницѣ нашей народности, державы и церкви?

Χαῖρε τῆς ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος·
Χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος·
Χαῖρε, δι' ἧς ἐγείρονται τρόπαια.
Χαιρε, δι' ἧς ἐχθροὶ καταπίπτουσιν.

„Прошло слишкомъ 1200 лѣтъ послѣ установленія при Ираклiѣ послѣдованія *несѣдальнаго гимна*! Византійская держава была урѣзана, пала, возстановлена, опять пала, и въ нашемъ вѣкѣ нѣкоторая часть ея опять получила политическую независимость, но, несмотря на такія перемѣны, послѣ длиннаго ряда вѣковъ, во всякой греческой странѣ, въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, въ Солунѣ и въ Смирнѣ, въ Критѣ и на Хіосѣ, вечеромъ въ пятницу 5-й недѣли великаго поста акаѳистъ Богоматери не перестаетъ возбуждать насъ къ благодарности Всевышнему за спасеніе еллинизма, соединять тѣхъ, которые раздѣлены насиліемъ, и наполнять сердца наши надеждами на лучшее будущее!"—Можемъ прибавить, что и у насъ русскихъ, по примѣру грековъ, лучшія патріотическія воспоминанія—объ избавленіи отъ Тамерлана, Ахмата, Мехметъ-Гирея, поляковъ — соединены съ празднествами въ честь Богоматери (26 авг., 23 іюня, 21 мая, 22 окт.)

Послѣ освобожденія Константинополя отъ опасности, избавившись отъ тяжелой заботы, Ираклій продолжалъ воевать въ Персіи. 12 декабря 627 года онъ имѣлъ битву съ Хозроемъ на развалинахъ древней Ниневіи и одержалъ рѣшительную побѣду. Но гораздо важнѣе побѣды была гибель Хозроя, который былъ свергнутъ съ престола своимъ сыномъ Сироемъ, принимавшимъ участіе въ заговорѣ противъ

отца. Сирой немедленно заключилъ миръ съ Иракліемъ, при чемъ Ираклій обнаружилъ значительную умѣренность и не повторилъ ошибки Юстиніана, старавшагося какъ можно болѣе расширять территорію имперіи. Рѣки Араксъ и Евфратъ были поставлены пограничною чертою между греческою и персидскою монархіею. Объ этомъ счастливомъ поворотѣ въ своихъ дѣлахъ императоръ извѣстилъ жителей столицы письмомъ, которое было прочитано съ амвона св. Софіи въ праздникъ пятидесятницы 15 мая 628 года. Приведемъ изъ этого большаго письма небольшія выдержки, свидѣтельствующія о томъ религіозномъ характерѣ, какой императоръ постоянно придавалъ своей войнѣ съ персами. „.... Да возвеселятся небеса и да возрадуется земля, море и все, что въ немъ! И мы всѣ христіане съ хвалою и славословіемъ возблагодаримъ единаго Бога, радуясь радостію великою о имени святомъ Его! Ибо палъ гордый богоборецъ Хозрой. Палъ и провалился въ преисподнюю, и потребилась отъ земли память его. Погибъ съ шумомъ нечестивецъ, превозносившійся и глаголавшій неправду съ гордынею и уничиженіемъ противъ Господа нашего Іисуса Христа истиннаго Бога и пречистой Его матери благословенной Госпожи нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи... Пошелъ Хозрой въ путь Іуды искаріотскаго, который услышалъ отъ всемогущаго Бога нашего, что хорошо было бы не родиться человѣку сему,—пошелъ въ огнь неугасаемый, уготованный сатанѣ и достойнымъ онаго.“ Изложивъ затѣмъ ходъ своихъ персидскихъ дѣлъ и отношеній, императоръ заключалъ письмо такъ: „такимъ образомъ мы уповаемъ на Господа нашего Іисуса Христа, благаго и всесильнаго Бога, и на Госпожу нашу Богородицу, что всѣ наши дѣла, по ихъ благости, устроятся. Мы, при помощи Божіей, уже двинулись изъ своего лагеря, имѣя держать путь въ Армепію. Но вы хорошо сдѣлаете, если будете постоянно и прилѣжно молиться, чтобы Богъ сподобилъ насъ видѣть васъ, какъ мы того желаемъ.“

Въ сентябрѣ того же года жители столицы уже встрѣчали съ восторгомъ своего побѣдоноснаго монарха, возвращавшагося изъ дальнихъ походовъ. „Византійцы, узнавъ о прибытіи царя,“—говоритъ хроникеръ—„всѣ съ неудержимымъ усердіемъ вышли къ нему на встрѣчу, вмѣстѣ съ патріархомъ и Константиномъ, сыномъ Ираклія,—неся въ рукахъ свѣтильники и масличныя вѣтви, и восхваляя царя съ великимъ благоуміемъ. Сынъ Ираклія выступилъ впередъ, упалъ къ ногамъ отца: отецъ обнялъ сына и оба орошали землю слезами. Народъ,

видя это, также плакалъ и возсылалъ Богу благодарственные гимны. И такимъ образомъ, принявъ царя съ радостію, восторгомъ и похвалами, византійцы ввели его во дворецъ.“ Для дополненія картины тріумфа можемъ прибавить, что Ираклій ѣхалъ по улицамъ столицы въ колесницѣ, везомой четырьмя слонами, а предъ нимъ несли честный и животворящій крестъ Христовъ, вырученный изъ персидскаго плѣненія и считавшійся самымъ славнымъ и желаннымъ трофеемъ. Восторженные византійцы уподобляли царя Богу. „Какъ Богъ“,—говорили они,—„въ шесть дней совершилъ все твореніе, а 7-й назвалъ днемъ покоя, такъ и царь Ираклій въ шесть лѣтъ совершилъ много трудовъ и подвиговъ, а въ 7-й годъ въ мирѣ успокоился.“

Въ слѣдующемъ 629 г. царь отплылъ моремъ въ Сирію, чтобы возвратить въ Іерусалимъ честное древо крестное. Въ Іерусалимѣ ожидали уже Ираклія возвращенный изъ персидскаго плѣна патріархъ Захарія и тысячи освобожденныхъ христіанъ. Царь передалъ патріарху древо креста, цѣлое и неповрежденное персами, и затѣмъ 14 сентября самъ торжественно принесъ и поставилъ это знаменіе вѣры и побѣды на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно было водружено Константиномъ великимъ 14 сентября 335 года. Клиръ воспѣвалъ: Σῶσον, Κύριε, τὸν λαόν σου καὶ εὐλόγησον τὴν κληρονομίαν σου, νικὰς τοῖς βασιλεῦσι κατὰ βαρβάρων δωρούμενος καὶ τὸ σὸν φυλάττων διὰ τοῦ σταυροῦ σου πολίτευμα,—а народъ славословилъ благочестиваго и счастливаго царя. И доселѣ въ православной церкви 14 сентября совершается праздникъ *всемірнаго воздвиженія честнаго креста*; это, какъ мы видимъ, уже другой церковный и вмѣстѣ національный праздникъ, установленный Иракліемъ. [1])

---

[1]) Пребываніе Ираклія въ Іерусалимѣ ознаменовалось нѣкоторымъ гоненіемъ на евреевъ. Въ хроникѣ Ѳеофана кратко говорится, что императоръ велѣлъ евреямъ выдти изъ святаго города и не подходить къ нему ближе, чѣмъ на три мили. Въ хроникѣ Амартола читаемъ болѣе обширный разсказъ. „Когда Іерусалимъ былъ захваченъ персами, и честное древо вмѣстѣ съ патріархомъ было отправлено въ Персиду, то іерусалимскіе евреи, движимые фанатизмомъ, перебили въ Іерусалимѣ христіанъ. Когда же Ираклій съ помощію Божіею одержалъ великую и досточудную побѣду и возвратилъ честное древо во Іерусалимъ, то вышеупомянутые безбожные іудеи, избившіе христіанъ, со страхомъ и дарами вышли на встрѣчу царю и лукаво выманили у него клятву пощадить ихъ. Царь спросилъ ихъ, кто

Магометъ и его ученіе. Завоеваніе Сиріи и Египта магометанами. Религіозная политика и смерть Ираклія. (641, март. 11).

„Слава Ираклія,“ говоритъ Финлей, „была бы на ряду со славой Александра, Аннибала или Цезаря, умри онъ въ Іерусалимѣ послѣ удачнаго окончанія персидской войны. Онъ утвердилъ миръ въ имперіи, возстановилъ силу римскаго управленія, воскресилъ могущество христіанства на востокѣ и вновь водрузилъ святой крестъ на Голгоѳѣ. Его слава не могла болѣе возрасти.“ Къ несчастію для себя, Ираклій прожилъ еще болѣе 10 лѣтъ и видѣлъ рядъ гибельныхъ для Византіи событій, предъусмотрѣть которыя не могла никакая человѣческая мудрость,—предъотвратить которыя не могла никакая человѣческая энергія. Мы разумѣемъ завоевательную пропаганду Ислама.

Ходъ исторіи приводитъ насъ къ рѣчи объ аравійскомъ пророкѣ Магометѣ, основанная которымъ религія имѣла столь роковое и тяжелое вліяніе на всю послѣдующую судьбу восточнаго христіанства. Мы конечно не будемъ вдаваться въ подробности о Магометѣ и магометанствѣ, (относительно чего существуетъ цѣлая громадная литература;) ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчанія.

Магометъ родился въ Меккѣ около 570 г. нашей эры, началъ свою проповѣдь 40 лѣтъ отъ роду, т. е. въ 610 г., принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину въ 622 г., и отъ этого года *гиждры* или

они и откуда? Они отвѣчали: „рабы твоей державы, бѣдные евреи, обитающіе въ Іерусалимѣ“. Царь далъ клятву не обижать ихъ, не зная того, что́ случилось. Пришедши же въ Іерусалимъ, едва нашелъ нѣсколькихъ христіанъ, скрывающихся въ горахъ и пещерахъ. Царь спросилъ,—неужели нѣтъ болѣе христіанъ, и въ отвѣтъ услыхалъ о томъ, что́ евреи сдѣлали съ христіанами. Узнавъ коварство евреевъ, царь спросилъ христіанъ: какъ, по вашему мнѣнію, я долженъ поступить съ евреями? Христіане стали просить, чтобы евреи получили возмездіе. Но царь, боясь клятвы, не соглашался на то. Тогда христіане, желая достигнуть своей цѣли, установили поститься недѣлю ради нарушенія царской клятвы“. Въ книгѣ Никона черногорца, (извѣстной въ старинной русской литературѣ,)—повторяется вышеприведенный разсказъ и упоминается, что эта недѣля поста христіанъ была именно *сырная*. Если такъ, то Ираклію принадлежитъ и 3-е церковное установленіе.

бѣгства начинается магометанское лѣтосчисленіе. Изъ Медины Магометъ распространилъ свое ученіе, по всей Аравіи, овладѣлъ въ 630 г. самою Меккою, въ слѣдующіе два года произвелъ нѣсколько незначительныхъ нападеній на Сирію и умеръ въ 632 г.

Есть три точки зрѣнія для сужденія о личности Магомета. Первая дается Кораномъ;—вторая—византійскими писателями; третья—ближайшими къ нашему времени западно-европейскими историками.

Коранъ представляетъ Магомета боговдохновеннымъ пророкомъ, Божіимъ посланникомъ міру. Чтобы познакомить читателей съ этимъ воззрѣніемъ въ наиболѣе доступной и изящной формѣ, мы приведемъ два стихотворенія русскихъ поэтовъ—Пушкина и Лермонтова,—составляющія переложеніе изъ Корана. Первое стихотвореніе изображаетъ ту знаменитую ночь, называемую у арабовъ *алъ кадеръ*, т. е. „божественное опредѣленіе,“ когда ангелъ Гавріилъ явился Магомету въ пустынѣ, далъ ему прочесть свитокъ повелѣній Божіихъ и поздравилъ его пророкомъ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился:
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ—
Открылись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ—
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,

И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,—
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!"

Другимъ стихотвореніемъ характеризуется то печальное 12-тилѣтіе Магометовой жизни (610—622), когда мекканцы не признавали его пророкомъ и преслѣдовали его насмѣшками и поруганіями.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жъ, дѣти, на него,

Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!"

Само собою разумѣется, что взглядъ на Магомета, какъ на пророка Божія, возможенъ только для вѣрующаго мусульманина.

Совершенно иначе смотрятъ на Магомета греческіе хроникеры и полемисты. Они считаютъ его обманщикомъ и слугою діавола.

Такъ—греческій хроникеръ Ѳеофанъ сообщаетъ слѣдующее: „На 31 году царствованія Иракліева умеръ Магометъ, вождь сарациновъ лжепророкъ.... Разсказывается о немъ вотъ что: бѣдному сиротѣ Магомету удалось наняться въ услуженіе у одной богатой женщины, своей родственницы, по имени Хадичи, чтобы ходить съ верблюдами и вести торгъ съ иноплеменниками въ Египтѣ и Палестинѣ. Потомъ спустя немного, напустивъ на себя смѣлость и подладившись къ своей хозяйкѣ вдовѣ, Магометъ беретъ ее себѣ въ замужество. Странствуя по Палестинѣ и знакомясь съ іудеями и христіанами, Магометъ понабрался нѣкоторыхъ изреченій писанія. Магометъ страдалъ припадками. И жена его очень сокрушалась, что, будучи богата и знаменита, вышла за такого мужа, который не только бѣденъ, но и подверженъ припадкамъ. Утѣшая жену, Магометъ говорилъ, что-я-де вижу странный образъ ангела именемъ Гавріила, и будучи пораженъ видѣніемъ, изнемогаю и падаю. Жена повѣрила Магомету тѣмъ болѣе, что его поддерживалъ сквернаго ради прибытка лжеименный нѣкій монахъ, который жилъ тамъ, будучи изгнанъ (т. е. изъ византійской имперіи) за свое зловѣріе. Монахъ говорилъ, что дѣйствительно ангелъ Гавріилъ посылается ко всѣмъ пророкамъ. Повѣривъ лживому аввѣ, обманутая женщина разсказала о пророческомъ достоинствѣ своего мужа и другимъ своимъ соплеменницамъ, и донеслась эта лживая вѣсть и до вождя племени по имени Абу-вахара, который и былъ преемникомъ Магомета. И лживое заблужденіе и ересь его захватила предѣлы Етривскіе". Извѣстіе Ѳеофана переписывалось съ разными дополненіями и измѣненіями и послѣдующими византійскими писателями. Такъ Константинъ, порфирородный (de administr. imper. 14) переписавъ извѣстія Ѳеофана частію сокращаетъ, частію дополняетъ дальнѣйшія слова его такимъ образомъ: „И оскверненный сумазбродъ училъ своихъ послѣдователей, что убивающій врага или убиваемый врагомъ входитъ въ рай и тому

подобному вздору. Они кланяются также звѣздѣ Афродиты, которую называютъ *Кувар* и взываютъ въ молитвѣ своей такъ: ἀλλὰ ἀὐὰ κουβὰρ т. е. богъ и Афродита.“

Скудныя и повидимому невѣрныя извѣстія византійцевъ о Магометѣ и магометанствѣ вызвали суровое осужденіе со стороны западныхъ ученыхъ. „Ничтожные греки (graeculi)“ говоритъ одинъ изъ нихъ (А. Реландъ), „живя между магометанами, вмѣсто того, чтобы хорошо узнать, изучить ихъ самихъ, а также ихъ священный языкъ, потѣшаются тѣмъ, что представляютъ намъ ихъ со всею недобросовѣстностію, какую можетъ внушить ненависть къ побѣдоносным врагамъ, особенно когда соединяется съ нею ревность по вѣрѣ.„ Но во 1-хъ по справкѣ оказывается, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя греками о магометанствѣ, даже по видимому несообразныя, имѣютъ историческую основу; (см. объ этомъ *Замѣтки къ вопросу о визант. противомусульманской литературѣ* Ѳ. Курганова и Г. Саблукова. Казань 1878); а во 2-хъ странно было бы и ожидать отъ грековъ сочувственнаго отношенія къ безпощаднымъ врагамъ ихъ вѣры и народности.

Западно-европейскіе ученые стоятъ опять на иной точкѣ зрѣнія по отношенію къ Магомету. Они разумѣется не признаютъ его пророкомъ, но не признаютъ также и сыномъ діавола. Они просто видятъ въ немъ крупнаго историческаго дѣятеля, и такъ какъ для великихъ послѣдствій естественно предполагать великую причину, то западные историки въ большинствѣ склонны давать высокую оцѣнку дарованіямъ Магомета и даже его нравственнымъ качествамъ. Капитальные для новыхъ историковъ вопросы суть слѣдующіе: а) относительно личности Магомета: вѣрилъ ли самъ Магометъ въ свое божественное посланничество или былъ сознательнымъ обманщикомъ? и б) относительно религіи Магомета: на какой степени сравнительнаго достоинства стоитъ религія Магомета по отношенію къ тѣмъ религіямъ, которыя она вытѣсняла и замѣняла собою? Въ обширной литературѣ относительно исламизма [1]) имѣются отвѣты на эти вопросы не только различные, но

---

[1]) Произведенія этой литературы: *Weil.* Mohammed d. Prophet, s. Leben u. s. Lehre, *Sprenger* Das Leben u. Lehre d. Proph. Mahommed, *Herbelot*, orientalische Bibliothek, *E. Renan* Etudes de l'histoire religions, *Barthelemy Saint Hilaire* Mahomet et le Coran. *William Muir*... *Humphrey Prideaux*... На рус-

даже прямо противоположные. Уклоняясь отъ крайности, чтобы тѣмъ вѣрнѣе попасть на среднюю линію истины, кажется можемъ согласиться съ тѣми писателями, которые думаютъ, что Магометъ вѣрилъ въ свое пророческое призваніе, пока его проповѣдь была отвергаема и презираема, и сдѣлался сознательнымъ обманщикомъ подъ обаяніемъ чрезвычайнаго успѣха,—что религія Магомета была благомъ для человѣчества, на сколько вытѣсняла собою старыя вѣрованія арабовъ-идолопоклонниковъ,—и сдѣлалась величайшимъ зломъ въ своемъ стремленіи оторвать и втянуть въ себя значительную часть христіанскаго міра.

Переходимъ къ очерку отношеній магометанства къ христіанству, какъ онѣ опредѣлялись догматически и слагались исторически.

Догматическая часть проповѣди Магометовой очень проста и ограничивается двумя ученіями: о единствѣ Божіемъ и о будущей жизни. Догматъ о единствѣ Божіемъ выражается въ одномъ изреченіи, которое служитъ символомъ исламизма: *нѣтъ Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ его*. Магометъ отвергъ таинство св. Троицы, потому что оно будто бы противорѣчитъ единству Божію, а въ самомъ дѣлѣ потому что оно не согласовалось съ тѣмъ значеніемъ пророка и посланника Божія, какое Магометъ хотѣлъ усвоить себѣ. Въ догматѣ св. Троицы мы признаемъ, что Сынъ Божій снисшелъ на землю и вочеловѣчился ради спасенія человѣчества. Но очевидно, что съ этимъ догматомъ не мирится мысль о новомъ пророкѣ; ибо какимъ образомъ простой человѣкъ будетъ перемѣнять то́, что́ установилъ Богъ? Въ интересахъ Магомета было оставить Бога уединеннымъ на небѣ и никогда не вступавшимъ въ непосредственное общеніе съ людьми, чтобы самому выступить въ качествѣ новаго апостола и новаго пророка, имѣющаго довершить дѣло своихъ предшественниковъ. Посему Магометъ старался поставить свою религію въ связь съ двумя прежними монотеистическими религіями, іудейскою и христіанскою, высказывалъ уваженіе къ св. писанію и къ пророкамъ, какъ къ своимъ предшественникамъ. Какъ

скомъ: *Кантемира* состояніе мухкамеданской религіи 1722. Коранъ въ трехъ переводахъ (прошлаго столѣтія, Николаева и Саблукова), *Вашингтона—Ирвина* Жизнь Магомета въ русскомъ переводѣ 1875. *Петрова* харьк. преф. статья о Магометѣ, — Миссіонерскій противумусульманскій сборникъ, періодич. изданіе при казан. д. академіи.

новый посланникъ Божій, благоговѣйно бесѣдуя объ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Магометъ въ особенности объ Іисусѣ Христѣ говоритъ съ такими похвалами, въ которыхъ не видно ни малѣйшаго предчувствія той вражды, которая вскорѣ возгорѣлась между послѣдователями христіанства и исламизма. Св. Дѣву Марію Магометъ конечно не признавалъ Богородицею, но поставлялъ ее въ ряду совершеннѣйшихъ женщинъ міра, на ряду съ Маріамь, сестрою Моисеевою, съ своею женою Айше и дочерью Фатимою. Онъ признавалъ, что Іисусъ Христосъ есть истинно посланникъ Божій, достойный всякой чести въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ,—одинъ изъ тѣхъ, которые всего ближе предстоятъ лицу Божію. А онъ, Магометъ, посланъ для того, чтобы возвратить іудеевъ и христіанъ на правый путь, съ котораго они уклонились. Моисей и Іисусъ,—прибавлялъ онъ,—радовались, ожидая пророка, который будетъ славнѣе ихъ, т. е. его, Магомета, который есть евангельскій Утѣшитель, величайшій и послѣдній изъ посланниковъ Божіихъ.—Этотъ новый апостолъ изображалъ будущую жизнь въ образахъ и обѣтованіяхъ, наиболѣе способныхъ увлечь толпу.—Нравственныя и обрядовыя предписанія Магомета состояли въ обрѣзаніи, очищеніи, постѣ, путешествіи въ Мекку, молитвѣ и милостынѣ.—Всякое иконное изображеніе отвергалось Магометомъ, какъ идолопоклонство. Таковы были главныя черты новой религіи и понятно, что если бы Магометъ ограничился ими, то его религія никогда не достигла бы своего послѣдующаго распространенія и господства. Но властолюбивый пророкъ далъ мѣсто еще нѣсколькимъ вѣрованіямъ, которыя одни только объясняютъ великое торжество магометанства.

Коранъ,—эта священная книга исламизма,—содержитъ повидимому много предрасполагающаго къ вѣротерпимости. Говорится напримѣръ, что вѣрные и послѣдователи іудейской и христіанской религіи, однимъ словомъ всѣ вѣрующіе въ Бога и въ день судный и творящіе добро получатъ воздаяніе отъ Господа. И еще: „не дѣлайте никому принужденія въ вѣрѣ. Истинный путь достаточно отличается отъ ложнаго. Не вѣрующій въ идоловъ и вѣрующій въ Бога утверждается на неподвижномъ основаніи.“ И еще: разсуждая о христіанахъ и іудеяхъ, которыхъ называетъ также *людьми писанія*, коранъ говоритъ: „Богъ вашъ и нашъ одинъ и тотъ же.“ Но къ несчастію сходныя религіи могутъ быть и самыми враждебными между собою, подобно тому какъ бываетъ непримиримая вражда между близкими родственниками. Въ ко-

ранѣ находятся также положенія, которыя неизбѣжно должны были вызвать борьбу между исламомъ и христіанствомъ. „Отрекающійся увѣровать въ исламъ,"—говорится тамъ,—„хуже скота передъ Богомъ: пусть приметъ наказаніе за нечестіе, пусть будетъ наказанъ огнемъ вѣчнымъ. Призывайте іудеевъ и христіанъ къ принятію ислама. Воюйте съ врагами своими въ брани за вѣру. Когда Богъ пошлетъ помощь свою и побѣду, тогда увидите, что люди съ готовностію обратятся къ исламу." Такимъ образомъ коранъ сначала привѣтствуетъ христіанъ и іудеевъ, какъ братьевъ, потомъ презираетъ ихъ наравнѣ съ идолослужителями, далѣе угрожаетъ и наконецъ призываетъ мусульманъ къ войнѣ съ христіанами. Но этого мало. „Пророкъ",—говорится въ коранѣ,—„и вѣрующіе, которые пожертвовали имуществомъ и пролили кровь свою за исламъ, удостоятся благословеній небесныхъ и вселятся на вѣки вѣковъ въ обиталищѣ, уготованномъ для нихъ отъ Бога, въ садахъ, орошаемыхъ рѣками, въ царствѣ наивысшаго блаженства". Мечъ"—говоритъ Магометъ—„это ключь неба; одна капля крови, пролитая ради Бога, одна ночь воинскаго бдѣнія ради Бога зачтутся вѣрнымъ дороже, чѣмъ два мѣсяца поста и молитвы. Падшій въ битвѣ получитъ прощеніе грѣховъ своихъ. Въ послѣдній день раны его будутъ блистать и благоухать; ангельскія крылья выростутъ у него вмѣсто отрубленныхъ членовъ; райскія красавицы гуріи будутъ наградою его доблести и вѣры." Такимъ образомъ коранъ не только призывалъ вѣрныхъ воевать противъ христіанъ и іудеевъ, также, какъ противъ идолопоклонниковъ, но и обѣщалъ заманчивыя награды въ будущей жизни падшимъ на этой священной войнѣ.—Но исламъ еще и другими способами поддерживалъ воинственный духъ въ своихъ приверженцахъ и побуждалъ ихъ смѣло идти на встрѣчу всякой опасности. Обѣщавъ вѣрнымъ, особенно падшимъ на полѣ битвы награды въ будущей жизни, исламъ не лишалъ ихъ и вещественныхъ наградъ въ жизни настоящей. Жизнь и имущество побѣжденныхъ отдавались на волю побѣдителей. Красивѣйшія плѣнницы становились наложницами борцовъ за новую религію, разрѣшавшую многоженство. Для умноженія числа вѣрующихъ было принято за правило, что новые приверженцы ислама становятся непосредственно участниками всѣхъ благъ, обѣщаемыхъ исламомъ въ сей жизни и будущей. А для того, чтобы мусульмане, удѣломъ которыхъ была война и господство, имѣли подъ руками служебную рабочую силу, было при-

нято другое правило—терпѣть въ магометанской державѣ иновѣрцевъ, которые должны были платить подати и нести повинности.

Возбуждая въ своихъ послѣдователяхъ фанатизмъ и своекорыстіе для священной войны, исламъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнималъ у нихъ и естественную боязнь смерти догматомъ о предопредѣленіи. Очень можетъ быть, что самъ Магометъ и не проповѣдывалъ догмата о предопредѣленіи. Но въ коранѣ есть мѣста, близко къ нему приводящія. Напр. „Богу вы обязаны сномъ ночнымъ и пробужденіемъ утреннимъ. Богъ знаетъ, что вы дѣлаете цѣлый день. Богъ владычествуетъ надъ своими рабами и посылаетъ вамъ стражами ангеловъ, которымъ поручено пресѣчь дни ваши въ опредѣленный срокъ и которые вѣрно соблюдаютъ повелѣнія небесныя.“ Преемники Магомета развили вполнѣ ученіе о предопредѣленіи, внушая мусульманамъ, что если кому умереть, тотъ умретъ въ опредѣленный срокъ и на своей постелѣ, а кому суждено еще жить, тотъ останется живъ и среди величайшихъ опасностей, но что конечно смерть въ священномъ бою предпочтительнѣе, чѣмъ смерть въ постели.

Таковы были новые враги, явившіеся на южныхъ окраинахъ византійской имперіи. Имперія давно манила воображеніе арабовъ. Самъ Магометъ бывалъ въ предѣлахъ имперіи, еще когда не былъ пророкомъ. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за войною грековъ съ персами и 30-я глава корана начинается словами: „греки были побѣждены персами, но чрезъ нѣсколько лѣтъ греки снова побѣдятъ персовъ.“ Очевидно, что Магометъ больше сочувствовалъ грекамъ, какъ *людямъ писанія*, чѣмъ огнепоклонникамъ персамъ. Въ ночь своего фантастическаго путешествія на седьмое небо Магометъ предварительно побывалъ въ Іерусалимѣ, который для него былъ также священнымъ городомъ, какъ и Мекка. [1])

---

[1]) Дѣйствительность этого посѣщенія, по словамъ арабскихъ писателей, засвидѣтельствована имп. Ираклію іерусалимскимъ патріархомъ. „Магометъ, — говоритъ Ахметъ бенъ Іосифъ — отправилъ въ Константинополь посла къ имп. Ираклію, желая склонить его къ принятію ислама—и случилось такъ, что при императорѣ находился тогда и патріархъ. Когда посланникъ разсказалъ о ночномъ путешествіи пророка, патріархъ пораженъ былъ удивленіемъ и сообщилъ императору случай, согласующійся съ разсказомъ посла“ Мой обычай,—сказалъ патріархъ,—не отходить ко сну, пока

При жизни Магомета сношенія арабовъ съ Византіею были почти только дипломатическія. Въ 629 г. Магометъ отправилъ посольство къ Ираклію съ предложеніемъ принять исламъ, на что получилъ отрицательный, но уклончиво-сдержанный отвѣтъ. При преемникѣ Магомета Абу-бекрѣ (632—634) усилились враждебныя дѣйствія магометанъ противъ Сиріи, а при второмъ калифѣ Омарѣ (634—644) арабы одержали надъ греками рядъ блестящихъ успѣховъ и завоевали южную половину имперіи. Есть извѣстіе, что имп. Ираклій, пораженный столь быстрыми и неожиданными успѣхами арабовъ, собралъ совѣтъ для обсужденія вопроса, почему арабы, которые далеко уступаютъ грекамъ числомъ, образованіемъ и военнымъ искусствомъ, оказываются столь сильными и непобѣдимыми врагами. Вопросъ дѣйствительно былъ не легкій и загадочный. Покорить народъ, дорожащій своею независимостію, также трудно, какъ трудно собакѣ схватить ежа, свернувшагося въ клубокъ и защищающагося со всѣхъ сторонъ своими иглами. Наполеонъ I не могъ покорить ни Россіи, ни Испаніи. Только чрезвычайное превосходство въ силахъ или въ искусствѣ можетъ обезпечить успѣхъ непріятелю. Такъ татары раздавили Россію въ XIII вѣкѣ; такъ европейцы примучивали дикарей новаго свѣта. Но у арабовъ не было превосходства предъ греками ни въ числѣ, ни въ военномъ искусствѣ, какъ можемъ между прочимъ видѣть изъ словъ имп. Ираклія. Въ чемъ же тайна арабскихъ успѣховъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ Ираклію не глубокомысленный, но характерный для того времени. Одинъ старый вельможа объяснилъ Ираклію, что *успѣхи сарацинъ нужно приписать ничему иному, какъ гнѣву Божію за грѣхи грековъ*,—

не замкну каждой двери во храмѣ. Въ упомянутую ночь я заперъ ихъ по своему обыкновенію, но была одна, которой я никакъ не могъ подвинуть. Поэтому я послалъ за плотниками, которые, осмотрѣвъ дверь, объявили, что притолки надъ нею и все зданіе до такой степени осѣли, что нельзя запереть дверь. Такъ я и оставилъ ее незапертою. На разсвѣтѣ я отправился туда и увидѣлъ, что камень, находящійся въ углу храма, просверленъ, и были еще слѣды на томъ мѣстѣ, гдѣ была привязана лошадь. *Итакъ*,—сказалъ я присутствовавшимъ,—*ворота не остались бы неподвижными, если бы здѣсь не молился кой-нибудь пророкъ.*" Само собою разумѣется, что извѣстіе Ахмета на столько же заслуживаетъ довѣрія, на сколько и самое путешествіе Магомета на седьмое небо.

и это объясненіе было признано окончательнымъ. Оно пожалуй и окончательное въ томъ смыслѣ, что выводитъ вопросъ изъ области человѣческаго обсужденія. Но для исторіи ясны и другія причины успѣха арабовъ. Дѣло въ томъ, что южная половина византійской имперіи, состоявшая изъ Египта и Сиріи и попавшая подъ первые удары арабовъ, —давно уже была привязана къ византійской державѣ насильственною и непрочною связью. Сирійцы и копты говорили своимъ языкомъ, сознавали свою національность и неохотно подчинялись господству національности греческой, которая брала перевѣсъ не столько силою, сколько хитростію. Въ своей антипатіи къ грекамъ сирійцы и копты упорно держались за свою монофизитскую догматику, которая различно понималась самими монофизитскими богословами, но была дорога для народнаго большинства, какъ выраженіе отдѣльности отъ грековъ. Понятно, что при нападеніи всякаго внѣшняго врага для сирійцевъ и коптовъ шелъ вопросъ не о политической самобытности, но о замѣнѣ одного господства другимъ. Господство грековъ уже было извѣдано и было антипатично; не лучше ли будетъ господство другаго народа? Поэтому-то сирійцы и копты легко подчинились господству персовъ въ началѣ царствованія Ираклія, и потомъ, когда могущество персовъ было сокрушено Иракліемъ, послѣ краткаго возсоединенія съ Византіею, опять еще болѣе легко подчинились господству арабовъ въ концѣ царствованія тогоже Ираклія. „Въ Сирію арабамъ легко было проникнуть“— разсуждаетъ Шлоссеръ—„такъ какъ тамошніе христіане, обезсиленные лѣнивою и чувственною жизнію, раздѣленные на секты и не знавшіе ни патріотизма, ни чувства чести, охотно соглашались платить невѣрнымъ поголовную подать, лишь бы только въ замѣнъ того ихъ оставили въ покоѣ..; къ деспотизму они и безъ того давно привыкли.“ —„Сирійскіе города“, говоритъ Фишлей, „дрожа за свое богатство и относясь вполнѣ равнодушно къ интересамъ своихъ правителей, начали заключать отдѣльные мирные договоры съ арабами. Вездѣ, гдѣ императорскій гарнизонъ не имѣлъ довольно силы, чтобы держать жителей въ покорности, туземные сирійцы старались войти въ какую-нибудь сдѣлку съ арабами для предохраненія своихъ городовъ отъ грабежа, въ полной увѣренности, что арабскія власти не могутъ оказаться болѣе жадными и жестокими, чѣмъ императорскіе правители.“ Такое же добровольное подчиненіе мусульманамъ имѣло мѣсто и въ Египтѣ, И нужно сказать, что на первый разъ сирійцы и копты не ошиблись,

мѣняя одно владычество на другое. Арабы обнаруживали кротость, великодушіе и честность въ исполненіи обѣщаній. Ихъ поведеніе опредѣлялось слѣдующими наставленіями калифа Абу-бекра: „будьте справедливы, несправедливые никогда не процвѣтаютъ; будьте храбры, умрите скорѣе, чѣмъ уступать; будьте милостивы, не убивайте ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей; не губите ни плодовыхъ деревьевъ, ни засѣянныхъ полей, ни скота; исполняйте данное слово даже по отношенію къ вашимъ врагамъ; не трогайте людей удалившихся отъ міра (т. е. клириковъ и монаховъ), но заставляйте прочихъ переходить въ мусульманство или платить намъ дань, а если они откажутся отъ этихъ условій, убивайте ихъ". Въ этихъ правилахъ—по мнѣнію историка Финлея—высказывались начала справедливости и гуманности, которыя рѣдко были примѣняемы византійскими властями по отношенію къ инославнымъ подданнымъ. Но,—какъ показала исторія,—путь справедливости и гуманности только на малое время озарилъ отношенія арабовъ къ побѣжденнымъ народамъ.

Императоръ Ираклій зналъ органическій недугъ своей имперіи, состоявшій во взаимной антипатіи сѣверной и южной половины имперіи, и задолго до появленія арабовъ принималъ мѣры къ его уврачеванію. Государь нашего времени постарался бы сплотить своихъ разновѣрныхъ и разноплеменныхъ подданныхъ общностію интересовъ политическихъ и экономическихъ, оставляя неприкосновенною свободу мысли и совѣсти. При такой постановкѣ дѣла держатся теперь въ единствѣ такія напр. сложныя государства, какъ Австрія и соединенные Штаты; но до этой мудрости не могло додуматься польское правительство въ XVII в., тѣмъ болѣе нельзя было ожидать ея отъ Ираклія въ VII в. Господствовавшій въ то время строй понятій склонялъ напротивъ того императора идти путемъ совершенно противоположнымъ т. е. хлопотать прежде всего объ установленіи религіознаго единства между подданными, и отселѣ ожидать упроченія единства политическаго. Такова была политика и всѣхъ почти предшественниковъ Ираклія начиная съ имп. Маркіана, т. е. со временъ халкидонскаго собора. Разница только въ томъ, что одни императоры какъ напр. Зенонъ и Анастасій пытались достигнуть религіознаго объединенія подданныхъ путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній между разномыслящими; другіе же, какъ напр. имп. Юстиніанъ, надѣялись на всемогущество императорскаго указа. Ираклій предпочелъ идти первымъ путемъ, какъ болѣе благонадежнымъ, хотя непри-

годность его была испытана. Еще во время персидскихъ походовъ находясь въ Закавказьи, императоръ сблизился съ митрополитомъ колхидскимъ Киромъ и совмѣстно съ нимъ выработалъ проектъ объединенія монофизитовъ съ православными посредствомъ провозглашенія догмата *о монофелитствѣ*, т. е. о единствѣ божественной воли во Христѣ при двухъ естествахъ божескомъ и человѣческомъ. Этимъ ученіемъ, по предположенію императора, могли удовлетвориться и монофизиты и православные: монофизиты,—потому что признавалась одна божественная воля во Христѣ; православные,—потому что допускались во Христѣ два естества. Императоръ поспѣшилъ ввести въ свои виды столичнаго патріарха Сергія, и Сергій, (610—638) человѣкъ весьма умный и замѣчательный въ качествѣ политическаго дѣятеля, не замедлилъ усвоить себѣ религіозную политику императора, точно также какъ сдѣлалъ нѣчто подобное патріархъ Акакій при Зенонѣ (см. стр. 246). Все это совершалось приблизительно около 622 г., когда непризнанный пророкъ Магометъ бѣжалъ изъ Мекки въ Медину, а Ираклій былъ еще занятъ войною съ персами. Хлопоты объ устройствѣ уніи нужно было отложить до окончанія тяжелой войны. Чрезъ годъ послѣ конца персидской войны (630 г.) Ираклій назначилъ на патріаршую александрійскую каѳедру—митрополита колхидскаго Кира, который, какъ главный виновникъ ученія о монофелитствѣ,—предполагалось,—лучше всякаго другаго могъ провести въ жизнь придуманную имъ унію. Затѣмъ прошло еще два года. Положеніе православнаго александрійскаго патріарха, не признаваемаго $^{19}/_{20}$ своей паствы, было тогда очень неудобно. Занимающій эту каѳедру долженъ былъ быть persona grata и искупать своими личными достоинствами—привѣтливостію, ласковостію, общительностію,—непопулярность своего положенія. Таковъ былъ Тимоѳей Салофакіолъ (460—482), которому сами монофизиты говорили: „мы любимъ тебя, хотя и не въ общеніи съ тобою“. Таковъ былъ св. Іоаннъ милостивый (609—620), житіе котораго (ноябр. 12) наполнено разсказами о его кротости и благотворительности. Понятно, что и Киру (630—640) нужно было время и усиліе, чтобы пустить корни въ неблагодарной почвѣ. Наконецъ въ 633 г. патр. Киру удалось достигнуть нѣкотораго успѣха. Египетскіе монофизиты, извѣстные подъ именемъ *Ѳеодосіянъ* (отъ монофизитскаго патріарха Ѳеодосія 531—8), приняли актъ соединенія съ правосл. церковію на началахъ монофизитства, пріобщились въ правосл. храмахъ, и были очень до-

вольны такимъ соединеніемъ, говоря, что не они пришли къ халкидонскому собору, а халкидонскій соборъ пришелъ къ нимъ. Нужно и то сказать, что Ѳеодосіане были самые слабые и непослѣдовательные изъ монофизитовъ; они даже не приписывали Христу всевѣденія, почему и назывались *аноетами*... Это было начало уніи; чего можно было ожидать далѣе? Повидимому унія при Иракліѣ имѣла противъ себя меньше противодѣйствующихъ силъ, чѣмъ унія при Зенонѣ. Тогда противъ уніи были римскій папа и византійскіе акимиты (см. стр. 247—250). Теперь римскій папа Онорій (625—638) по уступчивости или по недоразумѣнію сталъ на сторонѣ монофелитства. Объ *акимитахъ* тоже ничего не было слышно, и только Софроній, сначала монахъ, потомъ патріархъ іерусалимскій (634—644), горячо боролся противъ монофелитства въ его объединительными попытками. Но монофелитская унія была слаба своею внутреннею несостоятельностію и не напрасно острословы того времени называли ее *единеніемъ водянымъ*, т. е. писаннымъ или построеннымъ на водѣ.

Нашествіе арабовъ отняло всякій политическій смыслъ у монофелитскаго объединенія и пресѣкло всякую возможность дальнѣйшаго развитія уніи. Во время этого нашествія Ираклій могъ опытомъ убѣдиться въ безполезности и тщетѣ своей религіозной политики. Арабы оторвали отъ имперіи три патріархата: антіохійскій, іерусалимскій и александрійскій,—и не только міряне, но даже и представители этихъ патріархатовъ не выразили императорскому правительству ни преданности, ни сочувствія. Антіохія была взята арабами въ 637 году; патріарха въ Антіохіи тогда не было, поэтому о немъ не можетъ быть и рѣчи.—Іерусалимъ сдался арабамъ послѣ долгой осады въ 638 г. Патріархомъ тогда былъ св. Софроній, извѣстный своею ревностію противъ монофелитства. Ревностное православіе св. Софронія не помѣшало впрочемъ ему войти въ переговоры съ арабами относительно капитуляціи Іерусалима. Желая заключить болѣе выгодныя и прочныя условія, Софроній объявилъ, что отдастъ священный городъ только самому калифу Омару, который нарочито и прибылъ въ Іерусалимъ изъ Медины для заключенія мирнаго договора. Такъ какъ этотъ договоръ послужилъ образцемъ для послѣдующихъ договорныхъ отношеній христіанъ съ мусульманами, то мы и приводимъ его въ полномъ видѣ.

„Во имя Бога премилосердаго. Омаръ—обитателемъ Эліи (т. е. Іерусалима). Они будутъ находиться подъ охраною; они сохранятъ

свою жизнь и имѣніе. Ихъ храмы не будутъ разрушены и будутъ предоставленны имъ въ пользованіе: но входъ въ храмы для мусульманъ невозбраненъ и днемъ и ночью, и двери его открыты для мимоходящихъ. Воздвигать крестъ надъ храмомъ не позволяется, равно и звонить въ колокола; пусть довольствуется биломъ. Пусть не строятъ новыхъ храмовъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Мусульманскому страннику пусть даютъ въ своемъ городѣ даромъ ночлегъ и прокормленіе въ теченіе трехъ сутокъ. Дѣти ихъ не обязаны изучать коранъ: но пусть не проповѣдуютъ открыто своей вѣры мусульманамъ, пусть никого не привлекаютъ къ ней, пусть не мѣшаютъ своимъ родственникамъ принимать мусульманство. Пусть не выносятъ на улицу ни своихъ крестовъ, ни своихъ священныхъ книгъ пусть уважаютъ мусульманъ и уступаютъ имъ мѣсто, когда тѣ пожелаютъ сѣсть. Пусть не одѣваются, какъ мусульмане;... пусть не причесываются, какъ правовѣрные;" пусть не говорятъ тѣмъ же языкомъ, не называются тѣми же именами, не имѣютъ на своихъ печатяхъ арабскихъ надписей. Пусть не ѣздятъ верхомъ на сѣдлахъ,—не носятъ никакого оружія не берутъ мусульманина въ услуженіе. Пусть платятъ исправно подать, признаютъ калифа своимъ самодержцемъ и не прямо ни косвенно не вредятъ его службѣ." — На этихъ условіяхъ обѣщалась свобода вѣроисповѣданія и допущеніе въ Іерусалимъ христіанскихъ поклонниковъ, со всѣхъ концовъ міра.—При въѣздѣ въ Іерусалимъ калифъ Омаръ, поразивъ зрителей, привыкшихъ къ пышности византійскаго монарха, своею суровою простотою. Въ плохой одеждѣ изъ верблюжьей шерсти онъ ѣхалъ на верблюдѣ, имѣя при себѣ мѣхъ съ водою и мѣшки съ хлѣбомъ и финиками для своего пропитанія. На мѣстѣ храма Соломонова Омаръ устроилъ мечеть, существующую и по нынѣ.

Нѣкоторые историки напр. Финлей удивляются, почему православнѣйшій патріархъ Софроній обнаружилъ столь вѣрности и преданности къ византійской державѣ и къ особѣ императора Ираклія, что обязался за себя и за свою паству признать калифа своимъ самодержцемъ. Въ объясненіе этого можно указать двѣ причины: одну—личную (патр. Софронія); другую—общую (всѣхъ іерарховъ). 1) Какъ ревностный противникъ монофелитства, св. Софроній могъ предпочесть державу мусульманскаго калифа, который не вмѣшивался въ вѣрованія своихъ христіанскихъ подданныхъ, державѣ христіанскаго императора, религіозная политика котораго была несогласна съ чистымъ право-

славіемъ. 2) св. Софроній,—равно какъ и всякій другой іерархъ въ его положеніи—не могъ не чувствовать, что съ переходомъ подъ мусульманское подданство авторитетъ его власти между пасомыми не ослаблялся, а усиливался. Если мусульманскіе калифы допускали между своими подданными общество христіанъ, обязательно выдѣлявшееся своею религіею, языкомъ, бытомъ и даже одеждою, то естественно, что у этого общества должно было быть свое начальство или—по крайней мѣрѣ—представительство. Такое представительство никакъ не могло пасть на долю чиновниковъ византійскаго императора, которые или удалялись въ имперію или принимали исламъ. Естественнымъ представителемъ христіанскаго общества былъ духовный глава его—патріархъ, одинаково признаваемый и своею паствою и мусульманскимъ правительствомъ. Онъ былъ первый человѣкъ своей христіанской общины, тогда какъ въ византійской имперіи терялся въ ряду многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, стоявшихъ ближе къ императору.

Александрійскій патріархатъ былъ завоеванъ арабами въ теченіе двухъ лѣтъ (639 – 641). Здѣсь было даже два патріарха: одинъ монофизитскій патріархъ Веніаминъ, въ паствѣ котораго были туземные копты, составлявшіе классъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ и низшихъ чиновниковъ, числомъ до 6 милліоновъ душъ; другой патріархъ, назначенный императоромъ, извѣстный Киръ, хлопотавшій объ уніи монофизитовъ съ православными на основаніи монофелитства. Паству Кира составляли такъ называемые *мелхиты* (роялисты),—большею частію пришлые римляне и греки, поселившіеся въ городахъ Египта, также солдаты и высшіе чиновники; число мелхитовъ простиралось до 300000 душъ. Монофизитскій патріархъ, который до нашествія арабовъ былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ находятся у насъ раскольничьи архіереи, разумѣется принялъ арабовъ, какъ желанныхъ избавителей, и заключилъ формальный договоръ о подчиненіи всей страны мусульманамъ. Копты согласились платить подушную и поземельную подать, но за то арабы предоставили имъ полную независимость въ дѣлахъ вѣры и церкви, обезпечили ихъ личность и собственность отъ насилій и даже позволили оставить на храмахъ кресты. Арабскій полководецъ обращался съ коптскимъ патріархомъ весьма почтительно и даже льстилъ ему. Отношенія коптскаго патріарха къ арабамъ совершенно естественны: но странно то, что и мелхитскій патріархъ Киръ вступилъ въ переговоры съ арабами, предлагая калифу

200,000 червонцевъ ежегодной дани, съ условіемъ, чтобы онъ не завоевывалъ Египта, и кромѣ того, какъ любитель уній, проэктировалъ унію совершенно невозможную, предполагая устроить брачный союзъ калифа съ дочерью императора и выражая надежду, что сія послѣдняя обратитъ калифа въ христіанство. Но Ираклій не одобрилъ предположеній Кира и запретилъ ему продолжать эту дипломатію. Александрія послѣ 14-мѣсячной осады была взята арабами 22 дек. 641 года уже послѣ смерти Ираклія.

Печальны были послѣдніе годы Ираклія. Послѣ безпримѣрной славы онъ испытывалъ безпримѣрныя неудачи. Онъ сознавалъ невозможность бороться съ арабами, когда въ 635 г. увозилъ древо крестное изъ Іерусалима въ Константинополь и говорилъ съ горемъ: *прощай Сирія*! Только силою исторической инерціи, заставляющей людей прибѣгать къ запоздалымъ и ненужнымъ мѣрамъ, можемъ объяснить изданіе Ираклемъ въ 638 г. (а по другимъ извѣстіямъ—ранѣе) такъ называемаго Ἐκθέσις'а т. е. изложенія вѣры въ монооелитскомъ духѣ. Запоздалость и безполезность *ектезиса* призналъ и самъ Ираклій, когда въ 639 г. писалъ папѣ Іоанну: „*ектезисъ*—не мой: я ни диктовалъ его, ни приказывалъ составлять; по патріархъ Сергій составилъ еще за 5 лѣтъ до моего возвращенія съ востока, и въ Константинополѣ уже просилъ обнародовать его отъ моего имени и съ моею подписью: я уступилъ его просьбамъ. Но видя, что отъ сего возникли споры, объявляю всему міру, что я не авторъ *эктезиса*".

Ираклій умеръ 2 февраля 641 года отъ водяной, 66 лѣтъ отъ роду; царствовалъ 30 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ, и 5 дней. На предсмертныя бѣдствія и болѣзни Ираклія византійцы смотрѣли, какъ на Божіе наказаніе за монооелитство и за бракъ съ племянницею Мартиною, который былъ впрочемъ заключенъ около 28 лѣтъ тому назадъ. Приведемъ въ подлинникѣ извѣстіе хроникера о болѣзни Ираклія, какъ образчикъ диффамаціи въ византійскомъ вкусѣ. Ἡρακλείος νόσῳ περιπεσων ὑδερικῇ, δι' ἧς καὶ τέθνηκε, δεινῶς ετιμορεῖτο· ἐπὶ τοσοῦτον γάρ τὸ πάθος ἐπεκτάθη ὡς ἡνίκα οὐρεῖν ἔμελλε, σανίδα κατὰ τοῦ ἴτρου ἐτίθει διὰ τὸ στρέφεσθαι τὸ αἰδοῖον αὐτοῦ καὶ κατὰ τοῦ προσώπου τὰ οὖρα ἐκπέμπειν. Ἔλεγχος δὲ ἦν τοῦτο τῆς ἑαυτοῦ παρανομίας ἕνεκεν τοῦ εἰς τὴν ἰδίαν ἀνεψιὰν παρανομωτάτου γάμου.

Гиббонъ, характеризуя Ираклія, представляетъ его любопытнѣйшимъ феноменомъ государя, который первое и послѣднее десятилѣтіе своего царствованія провелъ въ какой то летаргіи, а въ среднее десяти-

лѣтіе развилъ блистательныя дарованія и совершилъ великіе подвиги. Но кажется вѣрнѣе будетъ думать, что Ираклій всегда былъ энергиченъ и талантливъ, и только обстоятельства, которыя сильнѣе человѣка, были рѣшительно противъ него въ началѣ и концѣ его царствованія.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Преемники Ираклія до пресѣченія его династіи (641—711).

Смутное полугодіе по смерти Ираклія. Имп. Конста, внукъ Ираклія, и послѣдняя монофелитская борьба. Смерть Консты (+668).

Послѣ смерти Ираклія на византійскомъ царскомъ престолѣ въ теченіе полугодія продолжались смуты. Чтобы понять, въ чемъ онѣ состояли, нужно припомнить составъ семейства Иракліева. Ираклій былъ женатъ два раза; въ первый разъ на Фабіи—Евдокіи, которая умерла въ ранней молодости (13 авг. 612 г.), оставивъ сына Константина;—другой разъ—на родной племянницѣ своей (отъ сестры Маріи) Мартинѣ, въ супружествѣ съ которой прожилъ 28 лѣтъ до самой своей смерти и отъ которой имѣлъ между прочимъ сына Ираклеона (род. въ мартѣ 624 г.) Бракъ Ираклія съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патріархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, наконецъ, видя непреклонность Ираклія, самъ перевѣнчалъ его съ Мартиною. *Ты исполнилъ свой долгъ, какъ архіерей и другъ мой,* — сказалъ при этомъ случаѣ Ираклій Сергію, — *теперь исполни волю мою, какъ государя.* Мартина была неотлучною спутницею Ираклія: онъ бралъ ее въ персидскіе походы, тогда какъ сынъ Константинъ оставался въ столицѣ. Вообще отношенія Ираклія къ Мартинѣ и къ сыну отъ перваго брака Константину напоминаютъ собою нѣсколько отношенія Петра великаго къ Екатеринѣ I и царевичу Алексѣю. Предъ смертію Ираклій хотѣлъ совмѣстить несовмѣстимое: онъ завѣщалъ имперію обоимъ сыновьямъ своимъ Константину и Ирак-

леону съ обязательствомъ оказывать Мартинѣ почтеніе и повиновеніе, какъ императрицѣ и матери. Константину было тогда 27 лѣтъ, Ираклеону 18,—а Мартинѣ около 45 лѣтъ.

Властолюбивая Мартина, привыкшая считать себя первою особою при жизни мужа, по смерти его одна представилась народу на ипподромѣ въ качествѣ императрицы и самодержицы. Но византійцы были предъубѣждены противъ Мартины. Мы видѣли уже, что болѣзни и бѣдствія послѣднихъ лѣтъ Ираклія они считали наказаніемъ Божіимъ за его беззаконный бракъ съ Мартиною. Присматриваясь къ религіознымъ партіямъ того времени, можемъ думать, что противъ Мартины, сторонницы монооелитства, были приверженцы строгаго православія, называвшіеся прежде *акимитами*. Какъ бы то ни было, но при появленіи Мартины на площади раздались крики: *а гдѣ наши цари Константинъ и Ираклеонъ?.... Развѣ женщина будетъ принимать посланниковъ? развѣ женщина пойдетъ на войну? не дай Богъ намъ имѣть правительство, надъ какимъ смѣются персы!...* Въ виду такихъ заявленій общественнаго мнѣнія Мартина должна была отступить на задній планъ и фактически императоромъ сдѣлался старшій сынъ Ираклія Константинъ. Но онъ властвовалъ только 103 дня и умеръ 25 мая 641 г. Мартина съ своимъ сыномъ Ираклеономъ опять очутилась на вершинѣ правительственной власти. Но положеніе ея было очень непрочно. Хотя больной Константинъ могъ умереть и естественною болѣзнію, но смерть его случилась такъ кстати для Мартины, что византійцы заподозрили ее въ отравленіи Константина. Мало того—считая Мартину готовою на всѣ преступленія, византійцы опасались, что она погубитъ и двухъ малолѣтнихъ дѣтей Константина. Тщетно Мартина торжественно клялась, положивъ руку на честной крестъ въ Софійскомъ храмѣ, что она не будетъ вредить дѣтямъ своего умершаго пасынка, ни лично, ни чрезъ чье-либо посредство, тщетно поспѣшила короновать старшаго изъ сыновей Константиновыхъ 11-лѣтняго Констну. Народъ, подстрекаемый нѣкоторыми честолюбцами, не вѣрилъ и волновался. Столичный патріархъ Пирръ, усердный сторонникъ Мартины, предчувствуя печальный конецъ ея судьбы, бѣжалъ изъ Константинополя въ Карѳагенъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Мартина, оставшаяся беззащитною среди своихъ враговъ, была, по опредѣленію синклита, лишена власти и послана въ ссылку вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ираклеономъ, при чемъ Мартинѣ отрѣзанъ языкъ, а Ираклеону

носъ. Изуродованные вдова и сынъ великаго Ираклія послѣ этого совершенно исчезаютъ изъ исторіи. Они безвѣстно дожили свою печальную жизнь гдѣ-нибудь въ монастырскомъ или тюремномъ заточеніи, а императоромъ провозглашенъ внукъ Ираклія Константинъ, которому вѣроятно, по причинѣ его малолѣтства, усвоено имя *Конста*, оставшееся за нимъ и въ исторіи.

Когда Конста подросъ и взялъ въ свои руки бразды правленія, то оказался человѣкомъ очень способнымъ и энергичнымъ, но жестокимъ, своенравнымъ и деспотичнымъ. Главнымъ доказательствомъ дарованій и энергіи Консты служитъ впрочемъ только то обстоятельство, что мусульмане, оторвавшіе при Иракліѣ чуть не половину имперіи, при Констѣ немного подвинулись впередъ въ расширеніи своей территоріи. Мало того: вождь арабовъ Моавія заключилъ въ 659 году съ Констою перемиріе, условія котораго кажутся странными и унизительными для арабовъ. Именно: если вѣрить византійскимъ хроникерамъ, Моавія обязался платить Констѣ во все время пріостановки военныхъ дѣйствій по 1000 серебряныхъ монетъ, по лошади и по невольнику ежедневно.—Но это видимое ограниченіе мусульманской силы можетъ объясняться и помимо дарованій и заслугъ Консты. Во 1-хъ,—мусульманамъ легко было овладѣть Египтомъ и Сиріею, гдѣ жители охотно готовы были промѣнять византійское господство на какое-угодно другое, но иное дѣло—когда мусульмане достигли до областей съ сплошнымъ греческимъ или эллинизованнымъ населеніемъ; тогда всякій шагъ впередъ обходился имъ гораздо дороже. Во 2-хъ,—мусульманское владычество, на первыхъ порахъ легкое и гуманное, съ теченіемъ времени становилось тяжеле и тяжеле, а это конечно не располагало обитателей пограничныхъ византійскихъ областей мѣнять одно худое управленіе на другое, еще худшее. Наконецъ въ 3-хъ,—междоусобія и раздоры въ калифатѣ отвлекали вниманіе арабовъ отъ внѣшнихъ завоеваній ко внутреннимъ смутамъ. „Чтобы дѣйствовать свободнѣе противъ Али“, говоритъ Шлоссеръ, „Муавія заключилъ позорный договоръ съ византійскимъ императоромъ, но сдѣлавшись калифомъ, нарушилъ миръ съ греками.“ Моавія, какъ видно, былъ не спѣшивъ, и для сосредоточенія въ нужное время своихъ силъ, готовъ былъ дать пищу тщеславію грековъ. Какъ бы то ни было, но, послѣ страшныхъ успѣховъ арабовъ при Иракліѣ, и то много значило, что въ 28-лѣтнее царствованіе Консты, они не далеко подвинулись впередъ.

Обращаемся къ религіозной политикѣ Консты. Быть можетъ нѣкоторые успѣхи въ войнѣ съ арабами возбудили въ Констѣ надежду снова возвратить имперіи отторгнутыя области,—(какъ и дѣйствительно была возвращена Александрія на малое время въ 646 г.); быть можетъ, увлекаясь этою надеждою, Конста хотѣлъ склонить къ себѣ коптовъ и другихъ монофизитовъ, находившихся подъ мусульманскою властію, —какъ бы то ни было Конста, подобно дѣду Ираклію, держался уніонныхъ стремленій, и въ 648 г. будучи 18 лѣтъ отъ роду издалъ, по совѣту к—скаго патріарха Павла, такъ называемый *типъ*, которымъ думалъ положить на спорные христологическіе вопросы печать молчанія. Отмѣняя *эктезисъ* Ираклія и не поставляя новыхъ догматическихъ опредѣленій, *типъ* Консты заключался такимъ образомъ: „воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каѳоликамъ спорить впредь какимъ бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одномъ дѣйствіи, двухъ дѣйствіяхъ или двухъ хотѣніяхъ и, чтобы содѣйствовать единству церкви и отнять всякій предлогъ у желающихъ спорить безъ конца, мы велѣли снять прибитые въ преддверіи великой церкви этого царствующаго града папирусы, касающіеся того вопроса. Кто осмѣлится противорѣчить сему распоряженію, будетъ подвергнутъ страшнымъ наказаніямъ.“ Быть можетъ, по существу дѣла, рѣшеніе *типа* было благоразумно и согласно съ наставленіями св. отецъ (напр. Василія великаго и Григорія Богослова) воспрещающихъ безплодныя изысканія и словопренія относительно тайнъ божественнаго существа, —но по свойству человѣческой природы, склонной къ противорѣчіямъ, опредѣленіе *типа*,—какъ это и часто бываетъ съ запретительными мѣрами,—привело къ результату, противуположному ожиданіямъ, т. е. возбудило новыя смуты вмѣсто того, чтобы покончить старыя. Въ особенности горячо возсталъ противъ *типа* римскій папа Ѳеодоръ. (642—649). Онъ созвалъ соборъ въ Римѣ, отлучилъ отъ церкви своего собрата к—скаго патріарха Павла, и, совершивъ таинство евхаристіи, собственноручно подписалъ актъ отлученія кровію Христовою. Печальный примѣръ того, до какой степени ослѣпленный іерархъ можетъ злоупотреблять религіею для служенія своимъ страстямъ! За дерзость Ѳеодора пришлось поплатиться его преемнику папѣ Мартину. Какъ ни далекъ былъ Римъ отъ Византіи, какъ ни безопасенъ казался римскій епископъ отъ греческаго императора, раздраженный Конста нашелъ возможнымъ чрезъ своего намѣстника, равеннскаго экзарха Калліопу въ 653 г. захватить

папу Мартина и привлечь его для суда въ Константинополь. Житіе св. Мартина наполнено разсказами о тѣхъ притѣсненіяхъ и жестокостяхъ, какія терпѣлъ папа отъ чиновниковъ императора. Папу обвиняли между прочимъ во вредныхъ для имперіи сношеніяхъ съ мусульманами,—обвиненіе вѣроятно неосновательное, но въ связи съ примѣрами сношеній другихъ іерарховъ съ арабами (стр. 376—378), оно имѣло видъ правдоподобія. Въ концѣ концовъ папа весною 655 г. былъ отправленъ въ ссылку въ Херсонесъ (въ Крыму близь нынѣшняго Севастополя). Нашъ прекрасный южный берегъ Крыма не понравился римскому изгнаннику. Люди казались ему варварскими и онъ не находилъ здѣсь предметовъ привычнаго житейскаго удобства. „Хлѣбъ", жаловался папа, „извѣстенъ здѣсь больше только по имени." „Я удивлялся и удивляюсь," писалъ также папа „безучастію моихъ друзей и родственниковъ; они совершенно забыли о моемъ несчастіи; кажется не хотятъ даже знать, существую я еще на свѣтѣ или нѣтъ... На людей напалъ страхъ такъ, что они чуждаются даже исполненія заповѣдей Божіихъ,—страхъ, гдѣ не должно быть никакого страха." Въ ссылкѣ папа Мартинъ прожилъ только четыре мѣсяца (+ 16 сент. 655 г.) Церковь причислила его къ лику святыхъ съ применованіемъ *исповѣдника*. Въ инкерманской киновіи существуетъ нынѣ пещерная церковь на предполагаемомъ мѣстѣ заточенія св. Мартина.

Уніоннымъ стремленіямъ византійскихъ императоровъ совмѣстно съ папами римскими всегда противодѣйствовали и греческіе ревнители православія. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Горячимъ противникомъ *типа* явился инокъ Максимъ, человѣкъ престарѣлый, ученый и въ мірской жизни знатный (бывшій нѣкогда секретаремъ императора Ираклія). Эти достоинства Максима придавали особенную цѣну его голосу и дѣлали его руководителемъ византійскаго общественнаго мнѣнія. Поэтому для императора Консты весьма важно было, чтобы такой авторитетный и вліятельный старецъ, какъ Максимъ, по крайней мѣрѣ не высказывался рѣшительно противъ *типа*. По свидѣтельству житія преп. Максима царскіе посланные говорили ему такъ: „прими то, что̀ мы предложимъ тебѣ, и доставь радость всей вселенной." И въ другой разъ: „вотъ что приказалъ сказать тебѣ императоръ: такъ какъ весь западъ и на востокѣ тѣ, которые увлечены въ соблазнъ, взирая на тебя, производятъ смуты и волненія и не хотятъ въ дѣлѣ вѣры имѣть съ нами общенія, то да вразумитъ тебя Господь принять

изданный нами *типъ* и вступить съ нами въ общеніе. Тогда мы лично пойдемъ къ тебѣ на встрѣчу, публично будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію и славою введемъ тебя въ великую церковь, поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ литургію и пріобщимся животворящихъ таинъ тѣла и крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцемъ и будетъ радость не только въ христолюбивомъ градѣ нашемъ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые ради тебя отпали отъ общенія съ нами.“ Но преп. Максимъ былъ человѣкъ духа твердаго и непреклоннаго. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. „По истинѣ,“—говорилъ онъ,—„всѣ силы небесныя не убѣдятъ меня сдѣлать то, что́ вы предлагаете.“ Причину же своего отказа признать *типъ* преп. Максимъ выяснялъ такимъ образомъ.—„Кто изъ вѣрныхъ можетъ принять этотъ указъ, запрещающій говорить о томъ, о чемъ самъ Господь говорить повелѣлъ чрезъ своихъ апостоловъ и учителей?. Кто вмѣстѣ съ нечестивыми еретиками отвергаетъ святыхъ,—а таковы люди, не желающіе говорить ни объ одной, но о двухъ воляхъ во Христѣ, какъ предписываетъ *типъ*, —тотъ (простите мнѣ за правдивое слово!) вмѣстѣ съ діаволомъ отвергается Бога. Посему смотрите, чтобы намъ подъ предлогомъ мира не впасть въ совершенное отступленіе отъ Бога, которое—по апостолу—должно предшествовать антихристу.... Дѣлайте со мною, что́ хотите, но я никогда не буду имѣть общенія съ людьми принимающими *типъ*.“ Влачимый въ теченіе 5 лѣтъ по разнымъ тюрьмамъ и мѣстамъ заточенія, то убѣждаемый и ласкаемый, то угрожаемый и притѣсняемый, преп. Максимъ съ своими двумя учениками, (по имени Анастасіями)—въ концѣ концовъ былъ подвергнутъ бичеванію воловьими жилами и усѣченію правой руки и языка и сосланъ въ страну лазовъ (Абхазію), гдѣ вскорѣ и скончался († 13 авг. 662 г.) Церковь причла преп. Максима къ лику святыхъ съ проименованіемъ *исповѣдника*. [1])

---

[1]) Достойно замѣчанія, что житіе преп. Максима исповѣдника служитъ предметомъ особеннаго вниманія у русскихъ раскольниковъ—старообрядцевъ. Они указываютъ первообразъ собственнаго противленія іерархіи въ словахъ преп. Максима: *аще и вся вселенная начнетъ причащатися съ патріархомъ, азъ не имамъ причаститися съ нимъ*. Замѣчательно также,

Конста не до конца своей жизни имѣлъ резиденцію въ Константинополѣ. Въ 662 году онъ, подобно дѣду своему Ираклію (см. стр. 354), вознамѣрился оставить столицу восточной имперіи и переселиться на западъ. Тщетно византійцы протестовали противъ царскаго намѣренія и даже успѣли удержать въ Константинополѣ жену и дѣтей Консты; самъ царь все-таки уѣхалъ на западъ. Зиму 662 г. онъ провелъ въ Аѳинахъ, дней десять (663 г. іюл. 5—16) гостилъ въ Римѣ и наконецъ водворился окончательно въ Сиракузахъ, гдѣ и прожилъ около пяти лѣтъ до самой своей смерти. Трудно угадать причину переселенія Консты. Быть можетъ это было наслѣдственное у ираклидовъ тяготѣніе къ родному западу: быть можетъ попытка образовать новый центръ государственной жизни подальше отъ опасныхъ сосѣдей арабовъ; быть можетъ—слѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ душевныхъ обстоятельствъ. Греческіе писатели, нерасположенные къ Констѣ за его *типъ*, указываютъ причину послѣдняго свойства. Императоръ имѣлъ брата Ѳеодосія, котораго велѣлъ патр. Павлу постричь и посвятить во діаконы и не разъ послѣ того самъ пріобщался св. таинъ изъ рукъ брата. Въ 659 г. Конста приказалъ умертвить брата, но постоянно сталъ видѣть его во снѣ, съ чашею въ рукахъ, говорящаго: *пей братъ*! Мученія совѣсти, не дававшія покоя императору, заставили его навсегда покинуть Константинополь, какъ мѣсто непріятныхъ воспоминаній.

Смерть Консты была насильственная. 15 іюля 668 г. онъ былъ убитъ въ банѣ прислужникомъ Андреемъ, опустившимъ кадку съ водою на царскую голову. Убійца въ этомъ случаѣ былъ выразителемъ общаго раздраженія придворныхъ противъ императора за его тяжелый и непріятный характеръ. Конста погибъ 38 лѣтъ отъ роду, послѣ 27-лѣтняго царствованія. Царедворцы, участвовавшіе въ заговорѣ, провозгласили императоромъ нѣкоего красиваго юношу, по имени Мизиза, родомъ армянина,—чѣмъ приготовили только, какъ увидимъ, скорую гибель своему избраннику.

что житіе протопопа Аввакума составлено какъ бы по образцу житія преп. Максима, представляя въ себѣ повтореніе однородныхъ фактовъ съ одинаковымъ историческимъ освѣщеніемъ.

II. Константинъ Погонатъ. (668—685). Неудачная осада столицы арабами. (669—676). VI вселенскій соборъ. (680).

Убійцы Консты не долго торжествовали. Семья покойнаго императора—какъ мы знаемъ—оставалась въ столицѣ и старшій, но еще очень молодой, сынъ Консты, Константинъ сдѣлался преемникомъ своего отца и мстителемъ за смерть его. Собравъ большой флотъ, Константинъ поплылъ въ Сицилію, разбилъ бунтовщиковъ, обезглавилъ претендента на корону Мизиза и покаралъ другихъ участниковъ бунта. Невинною жертвою этой расправы былъ оскопленный мальчикъ, сынъ вельможи Юстиніана,—впослѣдствіи Германъ, патр. константинопольскій. (715—730). Когда Константинъ послѣ сицилійской экспедиціи возвратился въ столицу, то граждане замѣтили перемѣну въ его наружности,—онъ отправился безбородымъ, а возвратился бородатымъ,—посему и прозвали его *Погонатомъ* т. е. брадатымъ, каковое имя осталось за нимъ и въ исторіи.

Константинъ Погонатъ имѣлъ общія свойства династіи ираклидовъ; онъ былъ бодръ и дѣятеленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ суровъ и жестокъ. Жестокость его обнаружилась даже по отношенію къ роднымъ братьямъ. У императора было два брата Тиверій и Ираклій, которые, хотя носили титулъ *августовъ,* но не принимали, да по малолѣтству и не могли принимать, участія въ правленіи. И вотъ въ то время, когда императоръ находился въ Сициліи, въ малоазійскихъ войскахъ вспыхнуло востаніе, имѣвшее цѣлію доставить равноправность всѣмъ тремъ братьямъ. Мятежные воины, собравшись въ Хрисополѣ (нынѣшнемъ Скутари) въ виду столицы, требовали во имя догматическихъ основаній короновапія всѣхъ трехъ братьевъ. Εἰς Τριάδα πιστεύομεν, τοὺς τρεῖς στεφομεν, (*въ Троицу вѣруемъ, трехъ увѣнчаемъ*), кричали солдаты. Императоръ, хотя и самъ конечно вѣровалъ во св. Троицу, но не уважилъ догматическихъ резоновъ своего войска. По возвращеніи изъ Сициліи онъ немедленно усмирилъ возстаніе, казнилъ виновниковъ бунта, а братьямъ урѣзалъ носы; впрочемъ и въ такомъ видѣ они продолжали еще около 12 лѣтъ титуловаться *августами* и упоминаться во всѣхъ государственныхъ актахъ, доколѣ наконецъ въ 681 г. императоръ окончательно опалился на нихъ и низвелъ ихъ въ положеніе частныхъ людей.

Не смотря на свой крутой нравъ, К. Погонатъ пользуется и въ

гражданской и въ церковной исторіи доброю памятью, и во всякомъ случаѣ лучшею, чѣмъ его отецъ; въ гражданской—за отраженіе арабовъ отъ Константинополя, въ церковной—за созваніе VI вселенскаго собора.

Греческій историкъ Папарригопуло даетъ очень высокое, преувеличенное и—можно сказать—надутое сужденіе относительно многозначительности перваго событія. „Первая осада Константинополя,“ говоритъ онъ,—„есть событіе, во многихъ отношеніяхъ достопамятное, и по своей подготовкѣ, и по неудачѣ, и по тѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ, какія имѣла бы удача для греческаго народа и для всего европейскаго міра. Если бы магометане завладѣли тогда Константинополемъ, то греческій народъ подвергался бы опасности быть стертымъ съ лица земли, да и для исторіи всего человѣчества это было бы роковымъ событіемъ. Если бы магометане захватили тогда этотъ оплотъ христіанства на востокѣ, то ничто болѣе не помѣшало бы дальнѣйшему распространенію магометанскаго владычества въ Европѣ, ни слабые славяне, ни раздѣленные и враждебные между собою германцы и франки. Западные историки приписываютъ обыкновенно спасеніе Европы отъ магометанства побѣдѣ Карла Мартелла въ 732 г., но они забываютъ, что за 60 лѣтъ предъ симъ опасность грозила Европѣ съ другой стороны, и опасность эта отвращена ничѣмъ инымъ, какъ мужественною, терпѣливою и искусною обороною, какую противопоставили византійскіе христіане полчищамъ и кораблямъ арабскимъ“. Но превознесши такимъ образомъ значеніе событія, Папарригопуло не находитъ возможнымъ начертать сколько-нибудь обстоятельную картину онаго. „Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—сколь ни важна осада Константинополя, но свѣдѣнія наши о ней очень неполны и неясны. Мы можемъ только съ достовѣрностію утверждать, что осада продолжалась 7 лѣтъ, но не постоянно. Начиналась она ежегодно въ апрѣлѣ и продолжалась до сентября. Тогда осаждающіе отплывали въ Кизикъ, гдѣ и зимовали. Въ слѣдующемъ апрѣлѣ они снова являлись предъ Константинополемъ и приступали къ осадѣ до тѣхъ поръ, пока, послѣ седмикратной неудачи, окончательно удалились во свояси. Но мы не знаемъ, производилась ли осада одновременно съ моря и суши, не знаемъ, какія были битвы между византійскимъ и арабскимъ флотомъ, тѣмъ болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно подробностей осады и обороны.“ (III. 357—8). Но такъ какъ событіе совершалось

не въ какомъ-нибудь каменномъ вѣкѣ, а при полномъ свѣтѣ исторіи, то оно, кажется намъ, не могло бы быть такъ малоизвѣстно, если бы было столь многозначительно, какъ хочетъ представить его Папаригопуло. Поэтому мы болѣе склоняемся къ мнѣнію Шлоссера, который изображаетъ дѣло такимъ образомъ. „Магометане въ теченіе 7 лѣтъ дѣлали высадки въ окрестностяхъ Константинополя для нападеній на самую столицу. (669—676). Нападенія эти, *несправедливо называемыя семилѣтней осадой Константинополя*, были безуспѣшны, потому что бури и недостатокъ средствъ очень много вредили аравитянамъ, а греки получили неожиданное средство спасенія въ незадолго предъ тѣмъ изобрѣтенномъ *греческомъ огнѣ.*“ [1])

Въ церковно-историческомъ отношеніи царствованіе Константина Погопата замѣчательно тѣмъ, что при немъ положенъ конецъ многолѣтнимъ и разнообразнымъ опытамъ уступокъ въ пользу монофизитовъ, съ цѣлію возсоединенія ихъ съ православными. Уступки эти (τὸ ἑνωτικὸν, ἡ καταδίκη τῶν τριῶν κεφαλαίων, ἡ ἔκθεσις, ὁ τύπος) были теперь анахронизмомъ. Монофизиты, населявшіе южную половину имперіи,— о возсоединеніи которыхъ такъ хлопотали почти всѣ императоры отъ Анастасія до Консты,—монофизиты эти разъ навсегда были потеряны для имперіи. Въ урѣзанныхъ предѣлахъ византійской имперіи оставалось почти сплошное греческое и православное населеніе. Догматическихъ уступокъ дѣлать было некому и не для чего. Ясно было, что слѣдовало теперь дѣлать. Нужно было положить конецъ всякимъ компромиссамъ съ ересью, осудить одинаково и монофизитство, и монооелитство, и всякое другое инославіе, утвердить догматы православія и такимъ образомъ скрѣпить религіозную связь между тѣми областями, которыя оставались еще въ предѣлахъ византійской имперіи. Въ этихъ видахъ Константинъ Погопатъ вошелъ въ соглашеніе съ римскимъ папою и въ 680 году созвалъ въ Константинополѣ VI вселенскій соборъ. Соборъ этотъ, имѣвшій 18 засѣданій и продолжавшійся почти цѣлый годъ (съ 7 ноября 680 г. по 10 сентября 681 г.,) засѣдалъ въ царскомъ дворцѣ въ залѣ, которая отъ сводчатой формы потолка на-

---

[1]) Одинъ сирійскій грекъ Каллиникъ изобрѣлъ составъ, который, будучи брошенъ на непріятельскіе корабли зажигалъ ихъ и дѣйствовалъ тѣмъ разрушительнѣе, что могъ горѣть подъ водою.

зывалось *труллою*. На большей части засѣданій присутствовалъ самъ императоръ. Пренія тѣмъ не менѣе совершались съ достаточною свободою. Соборъ выслушивалъ заявленія и Макарія антіохійскаго патріарха, упорнаго монооелита, и даже сумасброднаго монаха Полихронія, который брался доказать истину монооелитства чудомъ воскрешенія мертваго. Соборъ даже оказалъ такую снисходительность, что позволилъ Полихронію публично совершить свой странный экспериментъ въ пользу монооелитства, т. е. опытъ воскрешенія мертвеца, разумѣется не увѣнчавшійся успѣхомъ. Въ заключеніе соборъ, состоявшій изъ 289 отцовъ и имѣвшій во главѣ патріарха константинопольскаго Георгія и антіохійскаго Ѳеофана [1]) и представителей папы римскаго (Агафона) и патріарха іерусалимскаго торжественно заявилъ, что церковь признаетъ во Христѣ Іисусѣ два естества соединенныя, но не слитыя, и двѣ воли, различныя, но не противоположныя. Императоръ утвердилъ соборное опредѣленіе своимъ повелѣніемъ, которымъ воспрещалось на будущее время всякое дальнѣйшее состязаніе о догматѣ подъ угрозою изверженія изъ клира для духовныхъ,—лишенія имуществъ и ссылки для мірянъ.“ Съ того времени,—говоритъ Папарригопуло (III, 357)—„эллинизмъ окончательно отождествилъ свою судьбу съ судьбою православія и рѣшительно отсѣкъ отъ себя разныхъ еретиковъ, которые продолжали существовать въ Сиріи, Египтѣ, Месопотаміи, Арменіи, Персіи и даже Индіи... Нужно было отсѣчь крайніе члены, чтобы спасти туловище.“ Прибавимъ отъ себя, что эту операцію можно было произвести даже безъ большой боли, потому что еретики помянутыхъ странъ, если не сами для себя, то по крайней мѣрѣ для Византіи, были члены атрофированные, т. е. не связанные съ Византіею ни политически, ни нравственно.

Константинъ Погонатъ умеръ чрезъ четыре года послѣ собора, въ сентябрѣ 685 г., оставивъ престолъ сыну своему 16-лѣтнему Юстиніану.

Юстиніанъ Ринотметъ. (685--695 и 705--711) Его характеръ Соборъ въ Труллѣ. (692) Низверженіе Юстиніана. (694) Императоры Леонтій (694—697) и Тиверій. (697—705) Вторичное царствованіе Юстиніана (705—711) и его гибель.

Юстиніанъ въ 697 г. лишенный носа и съ тѣхъ поръ прозван-

---

[1]) Патр. антіохійскій Макарій лично присутствовавшій на соборѣ, былъ низложенъ за свое упорное монооелитство и замѣненъ Ѳеофаномъ.

ный ринотметомъ, былъ послѣднимъ представителемъ династіи ираклидовъ и совмѣщалъ въ себѣ всѣ родовыя свойства этой династіи въ ихъ худшемъ видѣ. Онъ былъ дѣятеленъ до безтолковости, смѣлъ до безразсудства и жестокъ до бѣшенства. Царствованіе Юстиніана распадается на двѣ половины, между которыми протекло 10 лѣтъ его изгнанія въ Херсонесѣ и вообще на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Въ первую половину своего царствованія Юстиніанъ подготовилъ свое низверженіе цѣлымъ рядомъ сумасбродныхъ мѣропріятій; во вторую половину своего царствованія, по возвращеніи изъ ссылки, Юстиніанъ доказалъ, что онъ ничему не научился и ничего не забылъ, и подготовилъ окончательную гибель свою и своей династіи.

Выселеніе мардаитовъ изъ горъ Ливанскихъ, переселеніе киприотовъ внутрь имперіи, безразсудный починъ войны съ арабами, и безразсудная страсть къ постройкамъ,—вотъ тѣ мѣропріятія Юстиніана, которыя вооружили противъ него подданныхъ и за которыя не хвалитъ его исторія. Такъ какъ всѣ эти мѣропріятія имѣютъ очень мало отношенія къ церковной исторіи, то мы должны вести рѣчь о нихъ съ возможною краткостію.

Въ горахъ ливанскихъ обитала община *мардаитовъ* или *маронитовъ*. Она составилась изъ сирскихъ и египетскихъ монооелитовъ, которые не подчинялись опредѣленіямъ VI вселенскаго собора, но тѣмъ не менѣе готовы были сражаться за христіанство противъ мусульманства и, пользуясь своею неприступною мѣстностію, дѣлали арабамъ много затрудненій. Польза, приносимая мардаитами, была такъ очевидна, что византійское правительство снисходило къ нимъ, не смотря на ихъ еретическія заблужденія. Но Юстиніанъ, согласно договору съ калифомъ 686 г., выселилъ мардаитовъ изъ Ливана и тѣмъ сломилъ крѣпкій оплотъ своей имперіи.

Страсть къ переселеніямъ людей было впрочемъ въ духѣ Юстиніана. Сдѣлавъ удачный походъ противъ македонскихъ славянъ и набравъ много плѣнниковъ, Юстиніанъ поселилъ ихъ въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи близь Геллеспонта, въ провинціи, въ которой обыкновенно квартировала императорская гвардія и которая потому называлась obsequium (ὀψίκιον). Этого переселенія еще нельзя назвать безразсуднымъ, хотя оно впослѣдствіи и оказалось неудачнымъ. [1]) Но

---

[1]) Въ войнѣ противъ калифа въ 691 г. славяне въ числѣ 30000 из-

ничѣмъ нельзя оправдать выселенія кипріотовъ. По мирному договору 686 г. островъ Кипръ былъ раздѣленъ пополамъ между калифомъ и императоромъ. А въ 690 г. Юстиніанъ переселилъ всѣхъ христіанъ изъ Кипра на материкъ, въ городъ, основанный близь Кизика и наименованный въ честь царя Юстиніанополемъ. Для чего онъ это сдѣлалъ? неизвѣстно. Но переселеніе было гибельно для кипріотовъ. Иные изъ нихъ потонули на пути; другіе умерли въ своемъ новомъ отечествѣ; остальные, потерпѣвъ раззореніе отъ потери своихъ кипрскихъ недвижимостей, при первой возможности поспѣшили возвратиться въ Кипръ, уже окончательно подпавшій мусульманскому владычеству, но никогда не могли достигнуть своего прежняго благоденствія.

Довольно также странепъ и безразсуденъ предлогъ, употребленный Юстиніаномъ для почина второй войны съ арабами. По мирному договору 686 г. калифъ обязывался уплачивать ежегодно византійскому императору довольно значительную сумму денегъ, которую и внесъ въ 690 г. арабскими монетами съ надписью *Богъ Господь*, (тогда какъ прежде эта сумма уплачивалась монетами чеканки христіанскихъ сирскихъ городовъ.) Юстиніанъ отказался принять деньги, заявляя, что надпись на монетахъ (*Богъ Господь*) противорѣчитъ христіанскому догмату пресвятыя Троицы. Тщетно калифъ возражалъ, что всякое самостоятельное государство имѣетъ право чеканить свою монету съ какою угодно надписью, что вѣсъ посылаемой суммы соотвѣтствуетъ договорному условію и т. д. Юстиніанъ не хотѣлъ ничего слушать и, собравъ войско, двинулся въ 691 г. противъ арабовъ. Исходъ войны былъ таковъ, что Юстиніану не пришлось уже впослѣдствіи получать отъ калифа никакихъ денегъ, ни арабской, ни сирской чеканки.

Не на радость подданнымъ страсть къ постройкамъ овладѣла душою Юстиніана. Какъ онъ не стѣснялся ради своего каприза переселять подданныхъ изъ одной области въ другую, такъ для него ничего не стоило разрушить одно сооруженіе, чтобы поставить на его мѣстѣ другое. Набожные византійцы были сильно возмущены тѣмъ обстоятельствомъ, что царь приказалъ разрушить предъ своимъ дворцомъ церковь Богоматери, чтобы на ея мѣстѣ устроить фонтанъ. Царь просилъ

мѣнили Юстиніану и разъяренный Юстиніанъ истребилъ всю славянскую колонію съ женами и дѣтьми.

патріарха совершить молитвословіе на разрушеніе храма, но патріархъ Каллиникъ отвѣчалъ, что существуетъ молитва на построеніе храма, но нѣтъ молитвы на разрушеніе храма. Впрочемъ по настоянію царскому патріархъ прочелъ молитву, которую закончилъ словами: *Слава Богу терпящему всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь*, —послѣ чего церковь была сломана къ великому соблазну народа.

Къ первой половинѣ царствованія Юстиніанова относится созваніе такъ называемаго *трулльскаго* или *пятошестаго собора* (692 г.), который долженъ былъ восполнить догматическія опредѣленія V и VI всел. соборовъ каноническими правилами относительно церковнаго благочинія и потому примыкаетъ къ помянутымъ вселенскимъ соборамъ и считается какъ бы ихъ продолженіемъ. Соборъ состоялъ изъ 227 отцевъ и составилъ 102 правила, изъ которыхъ шесть (5, 13, 55, 67, 82 и 86) не приняты римскою церковію. Отлагая до слѣдующаго чтенія болѣе подробное ознакомленіе съ правилами трулльскаго собора, мы здѣсь замѣтимъ только, что соборъ этотъ, по содержанію обсуждаемыхъ на немъ предметовъ, весьма сходенъ съ московскимъ стоглавымъ соборомъ 1551 г., что́ конечно дастъ намъ право находить нѣкоторую аналогію между состояніемъ византійскаго общества въ VII, —и московскаго въ XVI вѣкѣ.

Суетливая и большею частію безтолковая дѣятельность Юстиніана, его крутой желчный нравъ, его неудачи въ войнѣ съ арабами, на которую онъ самъ напросился, а также самовластіе и грабительство двухъ его временщиковъ—великаго логоѳета Ѳеодосія, (изъ монаховъ), и казначея Стефана (изъ персовъ), возбудили въ народѣ общее противъ царя неудовольствіе. Нуженъ былъ только способный предводитель, чтобы стать во главѣ возстанія. Такой вождь явился въ лицѣ полководца Леонтія, обиженнаго царемъ и долго сидѣвшаго въ тюрьмѣ. Переворотъ 695 г., (точная дата котораго неизвѣстна), совершился ночью и притомъ очень быстро. Заговорщики, состоявшіе главнымъ образомъ изъ выпущенныхъ и вооруженныхъ Леонтіемъ тюремныхъ заточниковъ, бѣгали по улицамъ и кричали: *христіане! собирайтесь въ св. Софію!* (ὅσοι χριστιανοὶ εἰς τὴν ἁγίαν Σωφίαν!) Въ собравшейся толпѣ ходила молва, что царь намѣренъ въ этуже ночь истре

бить всѣхъ византійцевъ, начиная съ патріарха. Явился во св. Софію и патріархъ Каллиникъ и обратился къ народу съ словами: *сей день, егоже сотвори Господь!* чѣмъ довольно ясно выразилъ свое одобреніе революціи. На слова патріарха народъ отвѣчалъ воплемъ: *да разсыплются кости Юстиніановы!* Что дѣлалъ въ это время Юстиніанъ, неизвѣстно. Вѣроятно онъ былъ застигнутъ въ расплохъ. Съ наступленіемъ дня онъ приведенъ былъ на ипподромъ, подвергнутъ урѣзанію носа и затѣмъ сосланъ въ ссылку въ Херсонесъ таврическій, а Леонтій провозглашенъ императоромъ. Леонтій на свою бѣду сохранилъ жизнь своему предшественнику въ память благодѣяній, полученныхъ отъ его отца Константина Погоната. Временщики же Юстиніанова царствованія (Ѳеодосій и Стефанъ) были казнены смертію.

Царствованіе Леонтія продолжалось около трехъ лѣтъ (695—698). Онъ палъ также жертвою возстанія. Арабы завладѣли Кароагеномъ (698) и разрушили его. Греческое войско, посланное Леонтіемъ для защиты Кароагена, не исполнило своего назначенія и возвращалось послѣ неудачи во свояси. Быть можетъ воины боялись царскаго гнѣва и наказанія;—какъ бы то ни было, но когда они достигли Кипра, въ войскѣ вспыхнулъ мятежъ, воины убили главнаго военачальника Іоанна и провозгласили императоромъ начальника отдѣльнаго корпуса кибирріотовъ, [1]) Апсимара, переименовавъ его Тиверіемъ. Новый императоръ поплылъ съ войскомъ къ столицѣ, овладѣлъ ею, отрѣзалъ носъ своему предшественнику Леонтію и заключилъ его въ монастырь. Царствованіе Тиверія—Апсимара продолжалось около 7 лѣтъ (698—705) и благодаря военнымъ подвигамъ брата Апсимарова Ираклія было не безславно для имперіи, но въ церковно-историческомъ отношеніи ничѣмъ не замѣчательно. Окончилось оно также насильственнымъ образомъ, и на этотъ разъ виновникомъ переворота былъ екс-императоръ Юстиніанъ Ринотметъ.

Приключенія этого изгнанника для насъ вдвойнѣ любопытны, потому что они совершались въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ въ со-

---

[1]) Тема или военный округъ кибирріотовъ (отъ города Кибиры) обнималъ собою Карію, Ликію, Памфилію и часть Фригіи. Кибирріоты составляли отборную часть византійскаго войска, но отличались дерзостію и часто бунтовали.

ставъ русской имперіи. Херсонесъ, куда былъ сосланъ царственный изгнанникъ, находился на таврическомъ полуостровѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя. Основанный греческими колонистами вѣковъ за пять до Р. Х., съ трехъ сторонъ омываемый моремъ, а со стороны материка огражденный стѣною отъ набѣговъ варварскихъ, Херсонесъ былъ городъ обширный, богатый и торговый. Обитатели Херсонеса, быть можетъ, вслѣдствіе брачныхъ связей съ туземцами утратили нѣсколько чистоту греческой крови, но за то сохранили сполна духъ древней эллинской свободы. Какъ городъ, стоящій на краю имперіи вдали отъ столицъ, Херсонесъ всегда пользовался автономіею и управлялся совѣтомъ гражданъ на подобіе древнихъ греческихъ республикъ. Центральное правительство, какъ римское, такъ и византійское, какъ будто считало себя не въ правѣ отнимать самоуправленіе у города, который своими средствами долженъ былъ отбиваться отъ непріятелей. Херсониты дѣйствительно хорошо умѣли ладить съ сѣверными варварами, извѣстными подъ общимъ именемъ *скиѳовъ*, и не только охраняли отъ нихъ свою независимость, но даже, выражаясь современнымъ языкомъ, эксплуатировали ихъ для своихъ торговыхъ интересовъ. Херсониты служили посредниками при сбытѣ въ Византію сырыхъ продуктовъ сѣвера и бойко торговали хлѣбомъ, шкурами, саломъ, медомъ, соленою рыбою и другими скиѳскими товарами, обмѣнивая ихъ на золото, ткани, металлическіе сосуды и другія произведенія византійской промышленности. [1]) Намъ думается даже, что въ VII вѣкѣ торговая дѣятельность херсонитовъ должна была подняться болѣе прежняго, потому что Египетъ, прежде снабжавшій Византію хлѣбомъ, былъ завоеванъ арабами и ½ милліонное населеніе столицы должно было ожидать себѣ пропитанія не отъ инуды, какъ только съ сѣвера. Какъ-бы то ни было, но Херсонесъ въ разсматриваемую эпоху былъ очень богатъ и многолюденъ, и вмѣщалъ въ себѣ по крайней

---

[1]) Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Херсонеса была гавань *символовъ* т. е. торговыхъ договоровъ, контрактовъ и сдѣлокъ, которая самымъ названіемъ своимъ указываетъ на большое торговое мѣсто. Вѣроятно осторожные херсониты, опасаясь пускать туземцевъ внутрь своего города, вели съ ними торгъ въ этой сосѣдней пристани. Нынѣ это—Балаклава, небольшая, но очень глубокая и удобная бухта, гдѣ во время войны 1853—55 г. стоялъ весь англійскій флотъ.

мѣрѣ 200,000 душъ. (Такъ заключаемъ потому, что число только потонувшихъ жертвъ гнѣва Юстиніанова въ 710 г. простиралось до 73,000 душъ.) Не смотря на свое богатство и многолюдство Херсонесъ —вслѣдствіе своего положенія на краю имперіи, близости каменноломенъ, а также быть можетъ вслѣдствіе преувеличеннаго представленія о скиѳскихъ морозахъ,—былъ городомъ ссыльныхъ. Намъ уже извѣстны слѣдующіе знаменитые херсонесскіе изгнанники: Климентъ, папа римскій, Тимоѳей Элуръ, патріархъ александрійскій, (стр. 242) Мартинъ, папа римскій (стр. 384). Теперь къ этимъ громкимъ именамъ присоединилось еще болѣе громкое имя екс-императора Юстиніана. Не нужно большаго усилія воображенія, чтобы представить себѣ взаимныя отношенія крайняго деспота, притомъ обезсиленнаго и изуродованнаго, и гражданъ, воспитанныхъ въ тысячелѣтнихъ преданіяхъ народоправства. Херсониты не взлюбили Юстиніана, а онъ ихъ возненавидѣлъ. Херсониты вѣроятно дразнили изуродованнаго Юстиніана: онъ конечно сулилъ имъ всевозможныя бѣдствія въ случаѣ, если опять сдѣлается царемъ. Съ теченіемъ времени раздраженіе херсонитовъ противъ Ринотмета дошло до того, что они рѣшились или просить императора Тиверія—Апсимара взять отъ нихъ куда-нибудь безпокойнаго гостя или вообще какимъ бы то ни было способомъ избавиться отъ него. Узнавъ о замыслахъ херсонитовъ, Юстиніанъ бѣжалъ къ кагану хазарскому. Каганъ принялъ любезно изуродованнаго екс-императора и выдалъ за него свою сестру, которая приняла христіанство и во св. крещеніи получила имя Ѳеодоры. Но несчастный характеръ Юстиніана вездѣ создавалъ ему враговъ. Скоро каганъ, какъ видно, разочаровавшись въ своемъ зятѣ, вступилъ въ переговоры съ византійскимъ императоромъ Тиверіемъ—Апсимаромъ, который обѣщалъ ему большіе дары за выдачу Юстиніана, живаго или мертваго. Юстиніанъ провѣдалъ коварство кагана, собственноручно задушилъ подосланныхъ къ нему тайныхъ убійцъ, отослалъ Ѳеодору къ ея брату, и изъ Фанагоріи, гдѣ жилъ, осенью 704 г. бѣжалъ на рыбачьей лодкѣ въ гавань Символовъ (нынѣшнюю Балаклаву), забралъ тамъ своихъ приверженцевъ, и, держась береговъ, поплылъ къ устью Дуная. Путниковъ застигла страшная буря. Тогда одинъ изъ приверженцевъ Юстиніана сказалъ ему: „государь, мы гибнемъ. Дай обѣтъ Богу о спасеніи своемъ. Поклянись, что, если Господь возвратитъ тебѣ царство, ты не будешь мстить врагамъ своимъ.“ Но въ груди Юстиніана бушевала буря силь-

нѣе морской. „Пусть Богъ потопитъ меня на семъ же мѣстѣ, если я пощажу хотя одного изъ нихъ!“ отвѣчалъ жаждущій мщенія Ринотметъ. Буря миновала и путники благополучно добрались до дунайскаго устья и достигли страны болгарской. Юстиніанъ немедленно вступилъ въ переговоры съ вождемъ болгарскимъ Тербелемъ, просилъ помочь себѣ въ достиженіи престола и обѣщалъ Тербелю многіе дары и дочь свою отъ перваго брака въ замужство. Въ мартѣ 705 г. болгарскія и славянскія полчища, имѣя во главѣ Тербеля и Юстиніана, уже стояли предъ Константинополемъ. Византійцы встрѣтили Ринотмета насмѣшками, но онъ не унывалъ. „Ринотметъ,—говоритъ одинъ историкъ,—„обладалъ смѣлою предпріимчивостію и свирѣпостію, необходимыми для предводителя шайки разбойниковъ, и соединенными у него съ фанатическою вѣрою въ его наслѣдственное право на престолъ, такъ что никакое предпріятіе въ этомъ смыслѣ не казалось ему безнадежнымъ.“ Ночью съ немногими воинами Юстиніанъ самолично пробрался въ Константинополь чрезъ водопроводную трубу, отворилъ извнутри однѣ изъ городскихъ воротъ, впустилъ полчища союзныхъ славянъ и болгаръ и къ утру былъ уже обладателемъ столицы.

Юстиніанъ по натурѣ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ опытъ безполезенъ. Десятилѣтнее изгнаніе нисколько не смягчило его; напротивъ цѣль, ради которой онъ добивался престола, была исключительно жажда личнаго мщенія. Первыми жертвами Юстиніана были разумѣется два императора, занимавшіе престолъ въ его отсутствіе: Леонтій, уже лишенный носа и заключенный въ монастырь, и Тиверій—Апсимаръ. Оба они были приведены на ипподромъ и повергнуты предъ Юстиніаномъ, который попиралъ ихъ ногами, тогда какъ народная толпа, всегда раболѣпствующая предъ силою и успѣхомъ, какъ бы одобряла поведеніе Ринотмета, восклицая словами псалма: ἐπὶ ἀσπίδα καὶ βασιλίσκον ἐπέβης καὶ ἐπάτησας λέοντα καὶ δράκοντα (*на аспида и василиска наступилъ ты и попралъ льва и змія.* Пс. 60, 13). Вслѣдъ за тѣмъ бывшіе цари были отведены на такъ называемую *собачью площадку* (πλατειάν τοῦ Κυνηγίου) и обезглавлены. Патріархъ Каллиникъ, вѣнчавшій ихъ обоихъ на царство, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Римъ. Герой Ираклій, братъ царя Тиверія, равно какъ и многіе его сподвижники въ битвахъ, были повѣшены на стѣнѣ константинопольской. Своимъ тиранствомъ Ринотметъ удивилъ даже болгарскаго вождя Тербеля, который, видя такія лютыя казни, говорилъ, что напрасно

греки называютъ болгаръ варварами. Лично Тербель впрочемъ не имѣлъ причины быть недоволенъ царемъ, ибо получилъ отъ него много золота и дорогихъ тканей и цѣлую область *Загорье* (т. е. южный склонъ балканскихъ горъ отъ нынѣшняго Сливна до Бургаса съ важными приморскими городами Анхіаломъ и Мессемвріей). [1])

Напрасно было бы предполагать, что Юстиніанъ, совершивъ отмщеніе надъ своими главными врагами, умирится и успокоится. Напротивъ того—жажда мщенія сдѣлалась хроническою болѣзнію его души, доводившею его почти до сумасшествія. Каждый разъ, когда Рипотметъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предвѣстіемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ лиходѣевъ. Иногда съ свойственною тиранамъ утонченностію въ жестокостяхъ Рипотметъ утромъ ласкалъ и осыпалъ почестями того вельможу, котораго вечеромъ приказывалъ отвести на казнь. Но эта же страсть къ мщенію и погубила Рипотмета, ибо въ концѣ концовъ должна была найти и нашла себѣ отпоръ въ свойственной людямъ любви къ самосохраненію.

Вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ внѣшними врагами, Юстиніанъ рѣшился направить всѣ военныя силы на то, чтобы отмстить самымъ страшнымъ образомъ своимъ старымъ врагамъ херсонитамъ. Собравъ громадный флотъ и посадивъ на него стотысячное войско подъ начальствомъ Стефана Асмикта, царь приказалъ Стефану истребить всѣхъ жителей не только въ Херсонесѣ, но и въ другихъ греческихъ колоніяхъ Тавриды, потому что, какъ видно, ни одна изъ нихъ не оказало радушія Юстиніану во время его изгнанія. Варварское приказаніе было выполнено съ достаточною жестокостію, но все-таки не совсѣмъ буквально. Знатнѣйшіе херсониты погибли въ тяжкихъ мукахъ; но большая часть гражданъ имѣла время спастись бѣгствомъ; кромѣ того пощажены были дѣти. Юстиніанъ, узналъ о неточномъ исполненіи своего приказанія, вышелъ изъ себя и потребовалъ немедленно къ себѣ въ столицу Стефана съ молодыми херсонитами. Стефанъ повиновался и, оставивъ въ Херсонесѣ вмѣсто себя спаѳарія Илію, въ ок-

---

[1]) Однако чрезъ два года (707) Юстиніанъ уже велъ неудачную для себя войну съ болгарами.

тябрѣ 710 г. поплылъ въ столицу,—но страшная буря истребила весь флотъ безъ остатка, при чемъ погибло,—какъ говорятъ,—до 73,000 душъ. Юстиніанъ выразилъ удовольствіе, узналъ о гибели флота, и, если о чемъ пожалѣлъ, такъ развѣ о томъ, что погибшіе въ волнахъ морскихъ спаслись отъ болѣе лютой смерти, какую онъ имъ готовилъ.

Весною слѣдующаго 711 г. Юстиніанъ отправляетъ новый флотъ въ Херсонесъ, съ приказаніемъ не оставить въ городѣ ни живой души, ни камня на камнѣ. Херсониты, — которымъ сочувствовалъ спаѳарій Илья, видѣвшій безуміе Юстиніаново,—укрѣпивъ свой городъ и получивъ нѣкоторое подкрѣпленіе отъ кагана хазарскаго,—обратили въ бѣгство царскій флотъ и вслѣдъ за тѣмъ предложили корону Ильѣ, а когда тотъ отказался,—провозгласили императоромъ ссыльнаго вельможу Вардана подъ именемъ Филиппика. Новый флотъ, высланный Юстиніаномъ, присоединился къ херсонитамъ, и Филиппикъ двинулся прямо на столицу и безпрепятственно завладѣлъ ею. Всѣ покинули Юстиніана, но обычная свирѣпость и мужество не оставили его, и онъ пришелъ въ неописанное бѣшенство, увидѣвъ себя не имѣющимъ возможности сопротивляться. Царь, выданный воинами, былъ убитъ спаѳаріемъ Ильею, и тогда же умерщвленъ былъ 6-лѣтній сынъ Ринотмета Тиверій, вытащенный изъ храма, куда его укрыли.

Такъ кончилась династія ираклидовъ, царствовавшая въ Константинополѣ ровно сто лѣтъ. (611--711). „Династія эта"--говоритъ Папарригопуло, „начавшаяся героемъ и продолжавшаяся людьми средняго достоинства, закончилась сумасшедшимъ извергомъ." Но намъ кажется, что основныя типическія черты—жестокость и энергія—были присущи всѣмъ членамъ династіи Ираклія отъ родоначальника династіи до его праправнука, и въ этомъ отношеніи династія ираклидовъ представляетъ намъ любопытнѣйшій образчикъ наслѣдственности родовыхъ свойствъ. Жестокія казни--отсѣченіе носа, языка, рукъ, ногъ, оскопленіе—никогда не употреблялись такъ часто въ приложеніи даже къ лицамъ царствующаго дома, какъ въ вѣкъ ираклидовъ. Обсѣченіе конечностей было тогда модною казнію, какъ бы въ соотвѣтствіе тому, что и вся имперія подверглась тойже операціи, потерявъ свои крайнія области. Предлагаемая ниже таблица династіи ираклидовъ можетъ отчасти служить доказательствомъ той безпощадной жестокости, съ какою относились даже другъ къ другу члены этой даровитой и энергичной фамиліи.

Ираклій отецъ, правитель Африки. Его дѣти:

Ираклій императоръ съ 6 окт. 610 † 641 г.		Марія (въ замужествѣ за Евтропіемъ).	Θеодоръ.
1-я жена Иракліева Фабія— Евдокія † 13 авг. 612 г.	2-я жена его племянниница Мартина.	Дочь Маріи Мартина въ замужествѣ за дядею имп. Иракліемъ. Лишена языка и сослана въ 641 г.	Сынъ Θеодоръ лишенъ носа, руки и ноги дядею импер. Иракліемъ † 635 г.
Отъ Фабіи Константинъ (род. 3 мая 612 † 23 іюня 641, будто-бы отравленный).	Отъ Мартины Ираклеонъ (род. 623 г.) лишенъ носа и сосланъ въ 641.		
Сыновья Константина:			
1) Конста (род. 630) императоръ убитъ 668 г.			
2) Θеодосій постриженъ и потомъ въ 659 г. умерщвленъ.			

Сыновья Консты:

Константинъ Погонатъ императоръ въ 668 г. † 14 сент. 685 г. — Тиверій и Ираклій августы. Лишены носовъ въ 669 и титула августовъ 681 г.

Сынъ Погоната Юстиніанъ Ринотметъ род. 669 г. уб. 711 г.

1-я жена Юстиніанова неизвѣстная поимени	2-я жена Θеодора, сестра кагана хазарскаго (съ 703 г.).
Отъ 1-й жены дочь (?) обѣщанная въ замужество Тербелю, вождю болгарскому.	Отъ Θеодоры Тиверій убитъ (711 г.).

NB. Такимъ обр. изъ 18 лицъ, поименованныхъ въ семъ родословіи, 6 погибли насильственною смертію и 5 подверглись усѣченію конечностей; да изъ шести лицъ, погибшихъ насильственною смертію, одинъ предварительно былъ постриженъ, а другой лишенъ носа.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Внутренняя исторія церкви въ вѣкъ ираклидовъ.

Вліяніе успѣховъ магометанства на положеніе восточной церкви. Православіе на востокѣ становится почти исключительно греческимъ исповѣданіемъ. Развитіе у грековъ обрядовой набожности въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ.

Самое многозначительное событіе въ вѣкъ ираклидовъ было появленіе и распространеніе магометанства. Оно,—хотя и механически, подобно бурѣ, землетрясенію или какому-нибудь другому физическому бѣдствію,—но тѣмъ не менѣе существенно повліяло на жизнь византійской имперіи вообще и въ частности на внутреннюю жизнь церкви, измѣнило много существующихъ отношеній, создало много новыхъ и неожиданныхъ. Иноплеменные и инославные христіане—копты и сирійцы—исповѣдники монофизитской или несторіанской догматики—отпали отъ византійской имперіи и подклонились подъ магометанскую державу. Къ чести ихъ нужно сказать, что, перемѣнивъ подданство, они не измѣнили христіанской вѣрѣ. Не заботясь о политической свободѣ, они горячо заботились о сохраненіи вѣры и остались христіанами, хотя бѣдными, угнетенными, презираемыми и невѣжественными, но все таки христіанами. „Успѣхъ мусульманской вѣры,“—говоритъ англійскій историкъ Финлей,—„не подвигался одинаковымъ шагомъ съ успѣхами арабскаго оружія. Изъ всѣхъ туземныхъ жителей покоренныхъ странъ одни сирійскіе арабы немедленно перешли въ новую вѣру своихъ соплеменниковъ; но огромное большинство христіанъ въ Сиріи, Месопотаміи, Египтѣ, Киринеѣ и Африкѣ твердо держалось своей вѣры и упадокъ христіанства въ этихъ странахъ долженъ быть приписанъ скорѣе гибели, чѣмъ вѣроотступничеству христіанскихъ тузем-

цевъ... Особыя причины, по которымъ христіане VII и VIII вѣка могли твердо сопротивляться натиску магометанства, предпочитая истребленіе вѣроотступничеству,—при всемъ своемъ невѣжествѣ и умственномъ упадкѣ,—причины эти заслуживаютъ болѣе точнаго изслѣдованія.“

Поставивъ главнымъ предметомъ изученія исторію византійской церкви, мы не будемъ слѣдить за печальною судьбою инославныхъ христіанъ подъ мусульманскимъ владычествомъ и изслѣдывать причины твердости ихъ въ христіанствѣ, какою, конечно, искупались ихъ еретическія заблужденія. Впрочемъ, если вѣрить ихъ заявленіямъ, вся ересь ихъ условливалась ихъ антипатіею къ грекамъ, а не догматическимъ разномысліемъ. Преосв. Порфирій Успенскій въ своей книгѣ: *вѣроученіе, богослуженіе* и проч. *коптовъ* (Спб. 1859) говоритъ: „Спросите коптскихъ епископовъ или монаховъ, въ которыхъ вѣра уяснена:... Христосъ постился, алкалъ, жаждалъ, скорбѣлъ, молился, плакалъ какъ человѣкъ или какъ Богъ?... Кто добровольно умеръ на крестѣ? человѣкъ—или Богъ?...—Вамъ отвѣтятъ въ Каирѣ, Сіутѣ, Фаюмѣ, Манфалутѣ, Ахминѣ и близь пороговъ Нила, какъ отвѣчали мнѣ: „пожалуйте, вникните въ наши вѣроисповѣданія и богослужебныя книги безъ предъубѣжденія, и вы узнаете, мы не монофизиты и не ѳеопасхиты въ вашемъ смыслѣ. Мы анаѳематствуемъ ереси Несторія и Евтихія; мы исповѣдуемъ Христа какъ Бога совершеннаго и какъ человѣка совершеннаго, кромѣ грѣха; мы исповѣдуемъ неизрѣченное соединеніе двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, безъ сліянія, измѣненія, преложенія и раздѣленія ихъ... Мы исповѣдуемъ, что Богъ, какъ Богъ, не страдалъ и не умеръ на крестѣ, ибо Онъ всегда блаженъ и безсмертенъ, но не разлучался съ страждущимъ и умершимъ Іисусомъ и т. д. —Такъ сердцемъ вѣруютъ и устами исповѣдуютъ вѣру свою копты. Они, какъ и армяне,—не еретики.“

Отдѣленіе отъ византійской имперіи всей южной половины ея со множествомъ иноплеменныхъ и инославныхъ христіанъ сразу же отозвалось для церковной жизни весьма ощутительными послѣдствіями.

1) Въ *догматической литературѣ* скоро пресѣклись всѣ христологическіе споры, волновавшіе христіанскій міръ въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій. Оказались праздными и безполезными всѣ многолѣтнія попытки императоровъ согласить всѣхъ подданныхъ къ принятію одной общей догматики; оказались ненужными болѣе всякіе компромиссы и соглашенія между монофизитами и православными,—и VI

вселенскій соборъ въ своемъ догматическомъ опредѣленіи изрекъ последнее слово по христологическому вопросу.

2) Въ *церковной іерархіи* выдвинулось впередъ положеніе патріарха константинопольскаго до такой степени, что онъ сталъ единственнымъ первенствующимъ іерархомъ востока. Константинопольскій патріархатъ и прежде своимъ объемомъ равнялся тремъ остальнымъ восточнымъ патріархатамъ взятымъ вмѣстѣ; теперь—послѣ мусульманскаго разгрома—онъ одинъ занималъ все пространство урѣзанной византійской имперіи, ибо остальные три патріархата остались за рубежемъ. Мало того: изъ трехъ зарубежныхъ патріархатовъ два—антіохійскій и александрійскій—до послѣдней степени сократились въ численности паствы, ибо православіе въ нихъ и прежде было слабо и поддерживалось главнымъ образомъ усиліями центральнаго правительства, а теперь безъ этой поддержки совсѣмъ почти пало. Можемъ думать, что число православныхъ христіанъ въ антіохійскомъ и александрійскомъ патріархатахъ сократилось приблизительно до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ существуетъ нынѣ [1]).—Припомнимъ также, что Антіохія и Александрія были разрушены, такъ что патріархамъ приходилось жить въ другихъ городахъ. [2]) Нѣсколько болѣе сохранилось православіе въ іерусалимскомъ патріархатѣ, но этотъ патріархатъ съ самаго начала своего существованія былъ меньше всѣхъ

---

[1]) Въ антіохійскомъ патріархатѣ числилось въ 1848 г. до 70000 душъ при одномъ патріархѣ, 3 митрополитахъ и 9 архіепископахъ; въ александрійскомъ патріархатѣ въ 1855 г. числилось до 14000 душъ при одномъ патріархѣ, двухъ титулярныхъ митрополитахъ и 8 храмахъ. (См. *Арсенія лѣтопись церк. событій*). На оскудѣніе восточныхъ патріархатовъ съ предосужденіемъ указывали москвичи XVII в. *Что то за патріархъ и надъ кѣмъ онъ патріархъ, что одна церковь во всей его патріаршіи? патріархъ зовется отцемъ начальникъ, сирѣчь имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, ино онъ кому начальникъ: а у него другой церкви нѣту и никакихъ отцевъ подъ началомъ у него нѣту.* Пр. об. 1861. III, 329.

[2]) На это обстоятельство указывалъ патр. Никонъ, когда, доказывая некомпетентность своихъ судей, патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго, говорилъ: *„Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій—въ Дамаскѣ.* Соловьева XI, 370.

остальныхъ. [1]) При такомъ положеніи дѣлъ константинопольскій патріархъ фактически становился іерархическимъ главою востока, точно также какъ римскій папа былъ іерархическимъ главою запада, — и можно было уже предвидѣть близость іерархической борьбы между Римомъ и Византіею.

3) Въ положеніи *монашества* также произошли значительныя перемѣны. Первая отчизна монашества Египетъ оказался уже неудобенъ для тихаго и безмятежнаго житія; вторая отчизна Палестина—также. Иноки продолжали еще существовать и въ Египтѣ и въ Палестинѣ, но въ меньшемъ противу прежняго количествѣ. Большинство восточныхъ иноковъ жило въ предѣлахъ византійской имперіи, и въ частности къ настоящему періоду относится установленіе новой отчизны, новаго центра для монашества на Аѳонѣ, который—по мнѣнію пр. Порфирія (исторія Аѳона. Кіевъ 1876. III, 1—7) въ первый разъ сдѣлался изъ мірскаго монашескимъ при имп. Константинѣ Погонатѣ. Впрочемъ Аѳонъ въ то время не былъ еще славенъ и не имѣлъ тѣхъ подобныхъ крѣпостямъ монастырей и великолѣпныхъ храмовъ, какими украшается нынѣ. „Первоначальные монастыри на Аѳонѣ“—говоритъ историкъ Аѳона (III, 13) „были очень малы, какъ это доказываютъ ихъ развалины. Вообразите себѣ одноэтажный домъ съ тремя—четырьмя комнатками, съ келейною церквицею человѣкъ на шесть и съ кладовою въ башенкѣ: вотъ такой домъ и есть первобытный монастырь аѳонскій—безъ ограды, безъ двора, безъ колокольни. По какому уставу монахи жили въ сихъ монастырькахъ—это неизвѣстно. Ни одинъ изъ нихъ ничѣмъ не прославился; посему и четь-минея молчитъ о первоначальномъ *монастырскомъ* иночествѣ на Аѳонѣ.“

---

[1]) Изъ исторіи церковныхъ дѣлъ при имп. Анастасіѣ мы видѣли (стр. 255—257), что православіе процвѣтало въ іерусалимскомъ патріархатѣ и тамъ находились такіе горячіе борцы за православіе, какъ преп. Савва и преп. Ѳеодосій. Подобные же ревнители православія были въ іерусалимскомъ патріархатѣ и послѣ покоренія его арабами. Таковы Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоръ и Ѳеофанъ начертанные. Православіе въ іерусалимскомъ патріархатѣ было затѣснено другими христ. вѣроисповѣданіями со времени крестовыхъ походовъ. Въ настоящее время православныхъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ по свѣдѣніямъ отъ 1838 г. числится до 22000, при одномъ патріархѣ, 6 митрополитахъ, 4 архіепископахъ и 1 епископѣ.

Впрочемъ вѣкъ ираклидовъ вообще не богатъ канонизованными иноками, хотя число иноковъ въ византійской имперіи,—преимущественно въ столицѣ и окрестностяхъ ея,—было весьма значительно, и, по мнѣнію греческаго историка Папарригопуло (III, 409), было даже болѣе надлежащаго. „Монастыри, обители, скиты, лавры, келліи—говоритъ греческій историкъ—умножились до чрезвычайности: ежегодно тысячи новопачальныхъ стекались въ эти убѣжища праздности, а иногда и безпутства,—и большею частію не вслѣдствіе горячаго религіознаго усердія или какого-либо честнаго стремленія, а по любви къ праздности и покою. Такимъ образомъ военная служба, земледѣліе, ремесла лишались полезныхъ и крѣпкихъ силъ, и это въ ту эпоху, когда государство должно было напрягать всѣ свои силы, чтобы отбиться отъ налегающихъ отовсюду враговъ вѣры и народа. Прибавимъ къ тому, что монастырскія имѣнія бо́льшею частію были свободны отъ общеобязательныхъ податей, а имѣнія эти были велики и обширны, и такимъ образомъ государство лишалось значительной части принадлежащихъ ему денежныхъ средствъ.“

Оставляемъ это сужденіе о тогдашнемъ греческомъ монашествѣ на отвѣтственности греческаго историка; но замѣтимъ, что этимъ сужденіемъ многое объясняется какъ въ постановленіяхъ трульскаго собора, такъ и по вопросу о причинахъ, вызвавшихъ послѣдующій періодъ иконоборства.

Сводя къ общимъ итогамъ значеніе магометанскаго погрома въ восточной римской имперіи, мы должны сказать, что для государства это событіе было печально, а для церкви—быть можетъ—еще печальнѣе. Государство правда потеряло много провинцій, но не погибло и даже не очень ослабѣло, какъ не ослабѣла Англія послѣ потери сѣверо-американскихъ штатовъ. Государство стало меньше, но за то плотнѣе и компактнѣе, ибо заключало въ своихъ предѣлахъ однородную греческую національность. Правительство уже не принуждено было двоиться между противуположными, но равно законными требованіями разныхъ провинцій, задачи его стали проще и опредѣленнѣе. Въ частности Константинополь много выигралъ отъ того, что закрылись такіе важные торговые центры, какъ Антіохія, Александрія, Карѳагенъ. Константинополь сталъ теперь всесвѣтнымъ рынкомъ, на ко-

торомъ мѣнялись своими произведеніями обитатели всѣхъ странъ, прилегавшихъ къ бассейну Средиземнаго моря. Одни таможенные и рыночные доходы въ столицѣ, простиравшіеся (по счету еврея Веніамина Туделы XII в.) до 7,300,000 червонцевъ (124 милл. драхмъ или болѣе 30 милл. рублей) могли обогатить византійскаго монарха, а богатство привлекало къ нему много служилыхъ людей не только изъ своихъ подданныхъ, но еще болѣе изъ иноземцевъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказалась церковь. Духъ узкой исключительности, которымъ и прежде были проникнуты такъ называемые *акимиты*, теперь возобладалъ безгранично. Если мы припомнимъ изъ какихъ сложныхъ элементовъ слагалась іерархія и церковная литература въ своемъ *золотомъ* вѣкѣ, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Аѳанасій, Кириллъ, Антоній, Пахомій и др. были египтяне, Синезій, уроженецъ Киринеи, Ефремъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ златоустъ, Ѳеодоритъ сирійцы, Василій великій, Григорій нисскій армяне, Григорій богословъ армяно-каппадокіецъ, — [1]) то мы поймемъ, какимъ оскуденіемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоенная себѣ греками съ VII столѣтія. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи *болгарскаго вопроса* и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся.

Папарригопуло рисуетъ намъ такую картину суевѣрной набожности и духовнаго упадка Византіи въ вѣкъ ираклидовъ. „Праздники умножились до того, что на каждый день приходилась память одного или многихъ преподобныхъ или мучениковъ; богослужебныя чинопослѣдованія сдѣлались такъ длинны, что усердные богомольцы на много часовъ отвлекались отъ своихъ житейскихъ занятій. Благоговѣйное почтеніе къ иконамъ, и мощамъ и приписываніе имъ чудодѣйственной силы не разбирало того, что подлинность нѣкоторыхъ священныхъ реликвій была сомнительна, а иногда даже бывалъ несомнѣненъ подлогъ. Многіе уходили въ монастырь отъ тру-

---

[1]) М. Е. Ковальницкаго. Рѣчь о значеніи національнаго элемента въ исторіи развитія христіанства. Кіевъ 1880 стр. 38—39.

дящагося общества; остававшіеся въ мірѣ посвящали много времени на исполненіе весьма усложнившихся богослужебныхъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы эти люди ничего не дѣлали; они занимались и мореплаваніемъ, и торговлею, и художествами, и воинскимъ дѣломъ; но навѣрное они проводили въ праздности отъ житейскихъ занятій цѣлую половину года. Нужно только бросить взглядъ на *изложеніе царскаго чина* у Константина Порфирогенита или на сочиненіе Куропалата *о должностныхъ лицахъ*, [1]) чтобы придти въ изумленіе отъ множества господскихъ и богородичныхъ праздниковъ, праздниковъ въ честь великихъ святыхъ,—и царскихъ дней (πολιτικῶν πανηγυρέων), когда общественныя учрежденія отъ высшаго до низшаго прекращали свои служебныя занятія. И это были только великіе, нарочитые, всенародные праздники; а кромѣ того было много мѣстныхъ праздниковъ во имя мѣстно чтимыхъ святынь, которые по своей многочисленности также содѣйствовали умноженію народной праздности. Вѣру смѣнило суевѣріе, а отъ сліянія суевѣрія съ праздностію ослабѣли всѣ силы народной энергіи, тѣмъ болѣе что воспитаніе было въ рукахъ монаховъ, которые, за немногими исключеніями, воспитывали молодежь сообразно своимъ неправильнымъ понятіямъ. Къ довершенію бѣды присоединились нѣкоторыя вредныя узаконенія. Къ уцѣлевшему отъ древности рабству присоединилось закрѣпощеніе (δουλοπαροικιά), которое обрекло сотни тысячь людей, если не на лишеніе свободы, то на имущественную зависимость, разнообразно стѣснявшую ихъ дѣйствія. Далѣе—церковь отлучила еретиковъ отъ общенія съ православными, а гражданскіе законы поставили еретиковъ въ положеніе, приниженное сравнительно съ господствующею церковію,—чѣмъ въ свою очередь было положено основаніе дальнѣйшему моральному разъединенію и враждебности. Въ дополненіе ко многимъ грубымъ обычаямъ, которые мы переняли у сѣверныхъ варваровъ (усѣченіе языка, носа, ослѣпленіе) [2]),—мы заимствовали и съ востока нѣкоторые обычаи унизи-

---

[1]) Константинъ Порфирогенитъ писалъ въ X в., а Г. Кодинъ Куропалатъ въ XIV в. но конечно Папарригопуло имѣетъ основаніе утверждать, что бытовой порядокъ, записанный этими авторами, имѣлъ мѣсто и въ VII в.

[2]) Въ этомъ случаѣ Папарригопуло взводитъ напраслину на сѣверныхъ варваровъ. Напротивъ мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни ослѣпленія,—и притомъ, если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи ослѣпленія (напр. Васильки Ростиславича или Василія Темнаго), то они ничтожны сравнительно съ тѣми ослѣпленіями въ гро-

тельные и чуждые духа древней эллинской жизни, напр. обычай падать ницъ предъ царемъ и цѣловать его колѣни. Что́ удивительнаго послѣ того, если души оподлѣли, если возвышенныя стремленія изсякли, если нравы огрубѣли? Что удивительнаго, если въ области церковной литературы не явилось ничего выдающагося, послѣ великихъ твореній Василіевъ, Григоріевъ, Златоустыхъ и Синезіевъ?"

Историка Папарригопуло никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ патріотизма и еллинофильства; поэтому если нарисованная имъ картина религіозно-нравственнаго состоянія Византіи въ VII вѣкѣ поражаетъ насъ своею мрачностію, то должно думать, что вина этого лежитъ не въ историкѣ, а въ описываемой эпохѣ: значитъ историческая дѣйствительность была такова, что историкъ долженъ былъ говорить такъ, а не иначе. Присматриваясь ближе къ этой картинѣ, мы не можемъ не замѣтить разительнаго сходства между нравственно-религіознымъ состояніемъ Византіи въ VII вѣкѣ и—московскаго государства въ XVI и XVII вв. Тотъ же умственный застой, тоже обрядовая набожность, тоже обиліе праздниковъ, тоже усердное посѣщеніе храмовъ, и доходящее до суевѣрія почитаніе священныхъ реликвій, и тѣже недуги общественной жизни, состоявшіе въ низости и жестокости. Разница только въ томъ, что Византія имѣла свое лучшее время позади, въ прошедшемъ, а Россія—впереди, въ будущемъ.

Богослужебная литература въ VII вѣкѣ. Почитаніе священныхъ реликій.

Такъ какъ развитіе обрядовой набожности составляетъ собою отличительную черту вѣка ираклидовъ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, которые преимущественно давали пищу такой набожности. Мы разумѣемъ 1) богослужебную литературу VII вѣка, представляющую въ себѣ образецъ византійскаго религіознаго лиризма; и 2) чествованіе св. реликвій, перенесеніемъ которыхъ въ столицу византійцы утѣшали себя въ потерѣ южныхъ областей имперіи.

мадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами. Припомнимъ хоть Василія булгароктона, ослѣпившаго въ 1014 г. 20000 болгаръ, или Константина Мономаха, ослѣпившаго въ 1043 г. 800 нашихъ соотчичей съ полководцемъ Вышатою.

Литература всегда болѣе или менѣе отвѣчаетъ потребностямъ времени. Поэтому въ вѣкъ обрядовой набожности естественно ожидать развитія богослужебной литературы. И дѣйствительно въ VII вѣкѣ къ прежде существовавшимъ простымъ и возвышеннымъ ритуаламъ христіанской церкви, составленнымъ бо́льшею частію изъ псалмовъ или по образцу псалмовъ Давидовыхъ,—присоединилось нѣсколько гимновъ и каноновъ, носившихъ на себѣ печать византійской искусственности. Такъ патр. Сергій ввелъ въ употребленіе при литургіи нѣкоторыя новыя пѣснопѣнія, составленныя, должно полагать, сосудохранителемъ великой церкви, Георгіемъ Писидомъ. Въ 616 г. введено было пѣніе при преждеосвященной литургіи гимна: *нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ*... Въ 624 г. патр. Сергій ввелъ при поставленіи на св. престолъ свящ. сосудовъ пѣніе тропаря: *да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи.* Но вѣнецъ византійской богослужебной поэзіи составляетъ *акаѳистъ Богоматери*, введенный въ церковное употребленіе въ 625 г. по случаю отраженія отъ столицы аваровъ и персовъ (см. стр. 358—359). Въ самомъ *акаѳистѣ* есть указаніе на то, что онъ составленъ по случаю побѣды надъ огнепоклонниками и звѣздопоклонниками персами. Такъ—къ Богоматери обращены между прочимъ слѣдующія привѣтствія: *радуйся, звѣзда, являющая солнце! радуйся свѣта незаходимаго мати! радуйся огня поклоненіе—угасившая!*—Въ славянскомъ переводѣ акаѳистъ поражаетъ насъ обиліемъ обращенныхъ къ Богоматери синонимовъ и эпитетовъ, не всегда удобопонятныхъ. Но нужно читать его въ греческомъ подлинникѣ, чтобы оцѣнить все богатство словесныхъ украшеній, какимъ онъ изобилуетъ, чтобы понять ту тонкую и сложную словесно-мозаическую работу, которая имѣла мѣсто при его составленіи.

Приведемъ нѣкоторые образчики этой весьма художественной словесной мозаики, о которой не дастъ и не можетъ дать понятія славянскій переводъ.

Χαῖρε δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει.
Χαῖρε δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει.
Χαῖρε, ἀστὴρ ἐμφαίνων τὸν Ἥλιον.
Χαῖρε, γαστὴρ ἐνθεοῦ σαρκώσεως.
Χαῖρε, τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρύλλητον θαῦμα.
Χαῖρε, τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρήνητον τραῦμα.
Χαῖρε τὸ φῶς ἀῤῥήτως γεννήσασα.

Χαῖρε τὸ πῶς μηδένα διδάξασα.
Χαῖρε βλαστοῦ ἀμαράντου κλῆμα.
Χαῖρε καρποῦ ἀκηράτου κτῆμα.
Χαῖρε, ὅτι λειμῶνα τῆς τρυφῆς ἀναθάλλεις.
Χαῖρε ὅτι λιμένα τῶν ψυχῶν ἑτοιμάζεις.
Χαῖρε, ἡ τῆς βαρβαρου λυτρουμένη θρησκείας.
Χαῖρε, ἡ τοῦ βορβόρου ρυομένη τῶν ἔργων.
Χαῖρε, τῆς ἀπάτης τὴν πλάνην πατήσασα.
Χαῖρε, τῶν εἰδώλων τὸν δόλον ἐλέγξασα.
Χαῖρε, θάλασσα ποντίσασα Φαραὼ τὸν νοητόν.
Χαῖρε, πέτρα ἡ ποτίσασα τοὺς διψῶντας τὴν ζωὴν.
Χαῖρε, τροφὴ τοῦ Μάννα διάδοχε.
Χαῖρε, τρυφῆς ἁγίας διάκονε.
Χαῖρε, στολὴ τῶν γυμνῶν παῤῥησίας.
Χαῖρε, στοργὴ πάντα πόθον νυκῶσα.
Χαῖρε, φιλοσόφους ἀσόφους δεικνύουσα.
Χαῖρε, τεχνολόγους ἀλόγους ἐλέγχουσα.
Χαῖρε, ὅτι ἐμωράνθησαν οἱ δεινοὶ συζητηταί.
Χαῖρε, ὅτι ἐμαράνθησαν οἱ τῶν μύθων ποιηταί.
Χαῖρε, σύ γὰρ ἀνεγέννησας τοὺς συλληφθέντας αἰσχρῶς.
Χαῖρε, σύ γὰρ ἐνουθέτησας τοὺς συληθέντας τὸν νοῦν.
Χαῖρε παστὰς ἀσπόρου νυμφευσεως.
Χαῖρε πιστοὺς Κυρίῳ ἁρμόζουσα.
Χαῖρε, ὀσμὴ τῆς Χριστοῦ εὐωδίας.
Χαῖρε, ζωὴ μυστικῆς εὐωχίας.

Мы привели только тѣ мѣста изъ *акаѳиста*, въ которыхъ своеобразное сопоставленіе греческихъ словъ и созвучій совершенно непереводимо по-славянски. Но и весь *акаѳистъ*, взятый сполна, представляетъ собою любопытнѣйшій памятникъ византійскаго словеснаго художества. Авторомъ *акаѳиста* признаютъ Георгія Писида.

По образцу акаѳиста Богоматери составлено вѣроятно въ первой же трети VII вѣка 24 икоса чѣстному кресту (εἰς τὴν νοητὴν κλίμακα τὸν τιμιον σταυρὸν). Икосы въ перемежку заканчиваются словами: Χαῖρε ξύλον μακάριον! и Ἀλληλούϊα. Точное подражаніе акаѳисту Богоматери не совсѣмъ выгодно отразилось на этомъ произведеніи; тѣмъ не менѣе и въ немъ есть мѣста, конечно сильно говорившія религіозно-патріотическому чувству грековъ, которые сражались и страдали подъ знаменемъ креста,— затѣсняемые варварами и мусульманами.

Χαῖρε, βουλῆς τῆς ἀῤῥήτου πέρας.
Χαῖρε, λαοῦ εὐσεβοῦντος κέρας.
Χαῖρε, πολεμίων ὁ τρέπων τὰς φάλαγγας.
Χαῖρε, φλοξ καθάπερ ὁ φλέγων τοὺς δαίμονας.
Χαῖρε, σκῆπτρον πεουράνιον τοῦ βασιλέως τοῦ πίστου.
Χαῖρε, τροπαῖον ἀήττητον τοῦ φιλοκρίστου στρατοῦ.
Χαῖρε, ὁ τῶν βαρβάρων τὴν ὀφρὺν καταβάλλων.
Χαῖρε, ὁ τῶν ἀνθρώπων τὰς ψυχὰς περιέπων.
Χαῖρε, κακῶν πολλῶν ἀμυντήριον.
Χαῖρε, καλῶν πολλῶν βραβευτήριον.
Χαῖρε, δι' οὗ χριστοφόροι σκιρτῶσι.
Χαῖρε, δι' οὗ Ἰουδαῖοι θρηνοῦσιν.
Χαῖρε, ξύλον μακάριον.

Акаѳисты пользовались большою распространенностію въ православномъ мірѣ. По образцу акаѳиста Богоматери составлены впослѣдствіи акаѳисты Спасителю, Николаю чудотворцу и другимъ святымъ, —представлявшіе въ себѣ точное воспроизведеніе первоначальной литературной формы. [1])

Къ концу періода ираклидовъ относится составленіе Андреемъ архіепископомъ критскимъ *великаго покаяннаго канона*, который хорошо извѣстенъ всему православному міру, ибо читается ежегодно на 1-й седмицѣ великаго поста. 250 тропарей этого канона наполнены самоукореніями многогрѣшной, окаянной и пребеззаконной души. „Откуда начну оплакивать злосчастной моей жизни постыдныя дѣянія? Какое начало положу, Христе, моему сѣтованію? Но Ты, милосердый, даждь мнѣ прегрѣшеній оставленіе.“ —Такъ начинаетъ св. Андрей свой великій плачь. „Грѣхъ лишилъ меня боготканныя одежды и, какъ листьями, облекъ меня одѣяніемъ стыда въ обличеніе страстныхъ стремленій моихъ.“ Пересматривая далѣе всю библейскую исторію отъ Адама до благоразумнаго разбойника, св. Андрей отвсюду съ усиленнымъ напряженіемъ извлекаетъ для многогрѣшной души укоры, осужденія и побужденія къ сокрушенію. Обиліе самоукореній въ *великомъ канонѣ* подало впослѣдствіи поводъ къ народному

---

[1]) На ряду съ благоговѣйными читателями и почитателями акаѳистовъ, являлись впослѣдствіи люди, критически и отрицательно относившіеся къ литературной формѣ акаѳиста. Таковъ былъ напр. Артемій, игуменъ троицкій въ XVI вѣкѣ.

представленію, будто лично св. Андрей былъ чрезвычайный грѣшникъ. [1]) Но житіе св. Андрея (4 іюля) не даетъ никакихъ основаній къ такому предположенію. Поэтому должно думать, что обиліе самоукореній въ *покаянномъ канонѣ* св. Андрея нужно объяснять не какими-нибудь исключительными психическими обстоятельствами автора, а болѣе всего литературнымъ вкусомъ и настроеніемъ времени. Къ такому же заключенію приходимъ, если сравнимъ канонъ св. Андрея съ великимъ образцемъ покаянной поэзіи, 50-мъ псалмомъ Давида. Истинное чувство всегда ярко и немногословно, и вопль матери, погребающей сына, ясно различается отъ причитаній. Сравненіе покаяннаго канона св. Андрея съ однородными по содержанію стихотвореніями св. Григорія Богослова также будетъ не въ пользу перваго и даетъ намъ свидѣтельство о литературномъ регрессѣ VII вѣка сравнительно съ IV-мъ. Мы не можемъ здѣсь удержаться отъ того, чтобы не привести слѣдующее глубоко-меланхолическое стихотвореніе Григорія Богослова (въ русскомъ переводѣ моск. митр. Филарета):

Близокъ послѣдній трудъ жизни: плаванье злое кончаю.
Я уже вижу вдали казни горькаго зла:
Тартаръ ярящійся пламень огня, глубину вѣчной ночи,
Скрытое нынѣ во тьмѣ явное тамъ въ срамотѣ.
Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мнѣ даруй
Жизни останокъ моей добрый по волѣ Твоей.
Много страдалъ я, о Боже Царю, и духъ мой страшится
Тяжкихъ, судныхъ вѣсовъ, не низвели бы меня...
Жребій мой понесу на себѣ, преселяясь отсюда,
Жертвой себя предая скорбямъ, снѣдающимъ духъ.
Вамъ же, грядущіе, вотъ завѣтное слово: нѣтъ пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ прахъ.

Отзвуки античной поэзіи ясно слышатся въ формѣ этого стихотворенія, проникнутаго глубокою, но сдержанною грустью и тѣмъ мрачно-торжественнымъ настроеніемъ, какое охватило душу великаго старца на порогѣ вѣчности. Какое различіе сравнительно съ монотонными по-

---

[1]) Такъ Андрей критскій является дѣйствующимъ лицомъ въ легендѣ о кровосмѣсителѣ. *Костомарова Монографіи* I, 312.

каянными плеоназмами св. Андрея критскаго, которыми авторъ видимо хотѣлъ не столько выразить, сколько возбудить чувство сокрушенія въ себѣ и своихъ слушателяхъ!

Къ богослужебной литературѣ періода ираклидовъ относятся также тріодные гимны или *трипѣсницы* св. Софронія іерусалимскаго отъ дней великаго поста до вознесенія Господня, давно уже вышедшіе изъ церковнаго употребленія. (Изданы Майомъ specileg. rom. IV, 125—225). Кромѣ того въ этотъ періодъ появилось нѣсколько литургическихъ толкованій. Таковы напр. св. Софронія *объясненіе на литургію* (у Мая Specil. rom. IV, 31—48), Максима исповѣдника изъясненіе на литургію или *тайноводство* (μυσταγωγία),—и аввы Дороѳея наставленія о значеніи иноческой одежды—схимы, кожанаго пояса, аналава и куколя. (См. *Христ. чт.* 1826).

Остальная часть церковной литературы (кромѣ литургической) находилась въ застоѣ. Догматическіе споры стали утихать; историческая литература — также, какъ и въ предыдущемъ періодѣ (см. стр. 329—336),—наполнялась сказаніями, большею частію фантастическими и легендарными.—Въ особенную связь съ богослужебными стремленіями вѣка должны быть поставлены тѣ сказанія, въ которыхъ раскрывается мысль о святости церковныхъ таинствъ и обрядовъ. Таковъ напр. слѣдующій разсказъ *плачущаго монаха*. „Я, когда былъ въ мірѣ, имѣлъ жену. Мы оба держались ученія Севера. Пришедши однажды домой, я не нашелъ жены своей; но слышу, что она отошла къ сосѣдкѣ, чтобы пріобщиться. Сосѣдка принадлежала къ святой соборной церкви. Я тотчасъ побѣжалъ остановить жену. Пришедъ въ сосѣдній домъ, я нашелъ, что жена моя приняла уже св. часть и пріобщилась. Схвативъ ее за горло, я принудилъ ее извергнуть св. часть, и взявъ сію послѣднюю, бросалъ туда и сюда, и наконецъ она упала въ грязь. Но тотчасъ молнія восхитила св. причастіе. Спустя два дня является ко мнѣ эѳіоплянинъ, одѣтый въ рубище и говоритъ: *я и ты осуждены на одинаковое наказаніе*. А кто ты таковъ? спросилъ я его. Эѳіоплянинъ отвѣчалъ: *я тотъ, который страдавшаго за всѣхъ Господа Іисуса Христа ударилъ по ланитѣ* (Лугъ духовный, 29).—Упадокъ проповѣдничества въ VII в. обозначается 19 правиломъ трульскаго собора, которое внушаетъ предстоятелямъ церковнымъ проповѣдывать, *не преступая положенныхъ уже предѣловъ или преданія богоносныхъ отецъ. И если предложено слово писанія,*

пусть (проповѣдники) *изъясняютъ его не иначе, какъ согласно съ тѣмъ, какъ изложили свѣтилы и учители церкви въ своихъ писаніяхъ,—и пусть лучше въ этомъ ищутъ добраго имени, чѣмъ въ составленіи собственныхъ словъ, дабы, въ случаѣ несостоятельности въ этомъ, имъ не отпасть отъ надлежащаго.* Соборное правило конечно вызвано сознаніемъ несостоятельности современныхъ проповѣдниковъ, но понятно, что, если бы древнія свѣтила и учители церкви руководились этимъ правиломъ, то они не оставили бы своихъ писаній.

Переходимъ къ сказанію о почитаніи мощей, св. реликвій и св. иконъ,—которымъ наиболѣе характеризуется умоначертаніе византійскаго общества, преимущественно въ вѣкъ ираклидовъ.

Почитаніе св. мощей ведетъ свое начало съ очень давнихъ временъ. Христіане первыхъ вѣковъ тщательно собирали и хранили кости мученическія, тогда какъ фанатики язычества старались сожигать и истреблять ихъ, думая дать тѣмъ наглядное опроверженіе догмату о воскресеніи. Во мракѣ катакомбъ римскіе христіане собирались совершать богослуженіе надъ гробами и останками мучениковъ. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею, то останки мучениковъ можно было чтить безъ страха, открыто и торжественно. Появилось много храмовъ въ честь мучениковъ. Въ дополненіе къ уцѣлѣвшимъ отъ первыхъ вѣковъ останкамъ мучениковъ, отыскивались новыя, дотолѣ сокрытыя. Таково напр. бывшее при имп. Ѳеодосіѣ младшемъ, обрѣтеніе мощей 40 мучениковъ, о коемъ повѣстствуетъ Созоменъ (IX, 2). Мощи эти были погребены въ Константинополѣ вмѣстѣ съ тѣлами консула Кесарія, его жены и нѣкоей діакониссы Евсевіи, а на верху воздвигнутъ храмъ во имя мученика Фирса. „Обрѣла же мощи"—продолжаетъ историкъ,—„сестра державнаго, царица Пулхерія. Дивный Фирсъ, явившись ей уже въ третій разъ, сказалъ о скрытыхъ подъ землею мученикахъ и повелѣлъ переложить ихъ къ нему, чтобы и они лежали въ одномъ съ нимъ мѣстѣ и пользовались одинаковыми почестями. Являлись ей и сами 40 мучениковъ, облеченные въ свѣтлыя ризы."... На основаніи этихъ видѣній произведена была раскопка подъ храмомъ мученика Фирса. Докопались до гроба. „Крышка надъ гробомъ,—продолжаетъ историкъ,—устроена была на подобіе священной трапезы, а вверху, гдѣ лежали мученики, замѣчено небольшое отверстіе. Нѣкто изъ царедворцевъ, бывшій при этомъ, случайно имѣлъ въ рукахъ тонкую палочку. Вложивъ ее

въ отверстіе, потомъ вынувъ назадъ, онъ поднесъ ее къ носу и ощутилъ благовоніе мура. Это обстоятельство подало добрую надежду какъ работавшимъ, такъ и присутствовавшимъ. Открывъ со тщаніемъ гробъ, работники нашли въ немъ тѣло Евсевіи. Въ головахъ ея находился ящикъ, обтесанный на подобіе кивота и закрывавшійся извнутри особою крышкою, которая по краямъ прикрѣплена была желѣзомъ, а желѣзо запаяно было свинцомъ. Посреди крышки видно было также отверстіе и служило яснѣйшимъ знакомъ, что внутри находятся мощи. Какъ скоро это сдѣлалось извѣстно, тотчасъ явились во храмѣ мученика царица и епископъ. Свѣдущіе люди немедленно сняли желѣзные обручи и крышка безъ труда была поднята. Подъ нею найдено много мура, а въ ящикѣ два серебряные ковчега, въ которыхъ лежали св. мощи. При этомъ царица воздала благодареніе Богу, что удостоилась такого откровенія и присутствовала при открытіи св. мощей."

Мощи мучениковъ представляли собою большею частію отдѣльныя кости, иногда разсѣченныя и обугленныя. Но обрѣтались,—большею частію въ дальнихъ пустынныхъ окраинахъ византійской имперіи,—и *цѣлокупные мощи*, принадлежавшія подвижникамъ, часто неизвѣстнымъ. Объ обрѣтеніи такихъ мощей разсказывается и въ житіи преп. Онуфрія (іюн. 12) и въ *Лугѣ духовномъ*. Вотъ разсказы изъ *Луга духовнаго*. „Нѣкогда пришли мы въ деревню за 6 миль отъ Росса, и тамъ два старца мірянина приняли насъ въ своей церкви. Деревня ихъ лежала при подошвѣ горы. Показавъ намъ въ церкви мраморную доску, они сказали намъ: „христіане, подъ симъ памятникомъ лежитъ великій отшельникъ."—Почему же вы знаете? спросили мы ихъ.—„За 7 лѣтъ мы, живущіе на семъ мѣстѣ, видали во время ночи на вершинѣ горы свѣтъ, какъ бы огонь... И такъ три мѣсяца видѣли огонь. Въ одну ночь... всходимъ на гору къ свѣту и, гдѣ былъ свѣтъ, остаемся до слѣдующаго дня. Поутру видимъ пещеру въ томъ мѣстѣ, гдѣ являлся свѣтъ, и, войдя въ нее, находимъ мертваго отшельника. Онъ былъ одѣтъ въ шерстяную исподницу и плащь, сплетенный изъ пальмовыхъ листьевъ, держалъ въ рукахъ св. библію съ серебрянымъ крестомъ. Сверхъ того нашли хартію съ такою записью: *я, смиренный Іоаннъ, скончался 15 индикта*. По соображеніи времени открылось, что онъ умеръ за 7 лѣтъ. Онъ же былъ таковъ, какъ бы сегодня скончался. Перенесши его, мы похоронили въ церкви." (гл. 86). „Одинъ изъ отцовъ ѳеопольскихъ говорилъ о себѣ, что однажды пошелъ онъ на гору

Аманонъ и нашелъ тамъ пещеру. Вошедъ въ нее, онъ нашелъ отшельника, стоящаго на колѣняхъ, имѣющаго руки простертыми къ небу, а волосы повисшими до земли. Я — говорилъ разскащикъ, — думая, что онъ живой, повергся предъ нимъ съ словами: отче! помолись и обо мнѣ! Но такъ какъ онъ ничего мнѣ не сказалъ, то я всталъ и подошелъ ближе, чтобы привѣтствовать его. Взявъ его за руку, я увидѣлъ, что онъ мертвъ. Я оставилъ его и ушелъ. Отшедъ немного, видѣлъ другую пещеру, вошелъ въ нее и нашелъ старца, который спросилъ меня: благополучно ли дошелъ братъ? заходилъ ли въ другую пещеру?—Какже заходилъ, — отвѣчалъ я. Онъ продолжалъ: что́ тамъ получилъ? Ничего, сказалъ я. Да, сказалъ старецъ,—вотъ уже 15 лѣтъ, какъ скончался тамошній старецъ, а представляется что не больше часа, какъ заснулъ." (гл. 88). [1]) Существованіе анонимныхъ цѣлокупныхъ мощей естественно давало поводъ къ вопросу, кому онѣ принадлежатъ. Вопросъ этотъ рѣшался большею частію на основаніи видѣній и откровеній, коими утверждалась принадлежность мощей тому или другому святому, иногда даже пророку или апостолу. Созоменъ (IX. 17) разсказываетъ слѣдующее объ открытіи мощей пророка Захаріи. „Въ окрестностяхъ палестинскаго города Елевферополя есть селеніе Хафаръ-Захарія. Управлялъ имъ нѣкто Калимеръ, староста, человѣкъ преданный владѣльцу, но суровый, упрямый и неправдивый въ отношеніи къ сосѣднимъ земледѣльцамъ. Такому-то человѣку предсталъ пророкъ на-яву и открылъ себя. Указавъ на одинъ садъ, онъ сказалъ: „копай здѣсь, отмѣрявши два локтя отъ садоваго забора, по направленію дороги, ведущей въ городъ Биттеремапъ. Найдешь двойной гробъ, внутри деревянный, снаружи обитый свинцомъ, а около гроба стеклянный сосудъ съ водою и двухъ змѣевъ посредственной величины, кроткихъ и безвредныхъ до того, что они кажутся ручными." Пришедши, по повелѣнію пророка, къ указанному мѣсту, Калимеръ усердно принялся

---

[1]) Особенно много цѣлокупныхъ мощей находилось въ Египтѣ. Шла молва, что ежегодно при берегахъ Нила, вблизи пирамидъ, въ праздникъ пасхи выступаютъ изъ земли тѣла мертвецовъ, и лежатъ наружи до пентикостіи, а потомъ опять покрываются землею. Извѣстіе объ этомъ записано въ *палинодіи Захарія Копыстенскаго* (ч. 2, разд. 10, арт. 6), у русскаго паломника Гагары и у преосв. Порфирія Успенскаго.

за дѣло. Когда по вышесказаннымъ признакамъ былъ открытъ священный гробъ, явился божественный пророкъ, облеченный въ бѣлую ризу, думаю потому, что былъ священникъ... Сколь ни много вѣковъ лежалъ подъ землею, найденъ былъ неповрежденнымъ; волоса у него были обриты, носъ прямой, борода не длинная, голова небольшая, глаза немного впалые и закрытые рѣсницами.“ — Еще болѣе замѣчательно открытіе мощей апостола Варнавы, благовременно случившееся для доказательства автокефальности кипрской архіепископіи. „Въ царствованіе Зенона,“—говорится въ византійской хроникѣ, (485 г.)— „найдены были по откровенію въ Кипрѣ подъ рожковымъ деревомъ мощи апостола Варнавы и при нихъ на груди евангеліе отъ Матѳея, собственноручно писанное Варнавою. Это евангеліе Зенонъ положилъ въ придворномъ храмѣ св. Стефана и ежегодно оно читается во св. и великій праздникъ.“ Открытіе мощей ап. Варнавы должно было защитить автокефальность кипрской архіепископіи отъ притязаній антіохійскаго патріарха, какъ это заявилъ самъ апостолъ кипрскому архіепископу въ своемъ видѣніи предъ открытіемъ мощей. „Я Варнава, ученикъ Господа нашего Іисуса Христа,“—говорилъ апостолъ архіепископу.... „Выдь изъ города на западъ за пять стадій, къ мѣсту, которое называется *мѣсто здравія*; копай землю подъ рожковымъ деревомъ и найдешь склепъ и гробъ, гдѣ положены мои мощи и евангеліе, мною собственноручно написанное, которое я переписалъ у св. апостола и евангелиста Матѳея. И когда супостаты твои, желая подчинить себѣ сію церковь, станутъ говорить, что Антіохія есть престолъ апостольскій; ты отвѣчай: *и мой градъ есть апостольская каѳедра, и здѣсь почиваютъ мощи апостольскія.*“ (Четіи минеи подъ 11 іюня.)

Мощи пріобрѣтались съ усердіемъ, чествовались съ благоговѣніемъ. Вопросъ о мощахъ соединялся неизбѣжно у византійцевъ съ представленіемъ о томъ или другомъ святомъ, о днѣ его памяти и мѣстѣ торжественнаго собранія въ честь его. „А гдѣ же мощи святаго? —спрашивалъ всякій византіецъ, начиная съ императора. „Если ихъ нѣтъ, то они должны быть отысканы: если есть, но далеко, то должны быть перенесены въ столицу, или по крайней мѣрѣ пріобрѣтены хоть частію.“ Такое стремленіе къ собиранію мощей повело къ тому, что были обрѣтаемы мощи весьма древнихъ святыхъ напр. пророка Самуила, Исаіи, Іереміи, Даніила, предтечи Іоанна, перво-

мученика Стефана, Маріи Магдалины, Лазаря четверодневнаго и многихъ апостоловъ,—и не только въ столицѣ имперіи находились мощи почти всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ церковію, но и всѣ монастыри, и многія даже частныя лица имѣли у себя значительныя собранія мощей. Одно изъ самыхъ характерныхъ собраній—это уцѣлѣвшій доселѣ въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія календарь изъ мощей, состоящій изъ 11 ящиковъ по числу 11 мѣсяцовъ. (12-й ящикъ почему-то отсутствуетъ; быть можетъ утраченъ). Каждый ящикъ раздѣленъ на малыя отдѣленія по числу дней мѣсяца, и въ каждомъ отдѣленіи хранится часть мощей дневнаго святаго.

Нельзя не чувствовать сердечнаго умиленія предъ останками людей, на землѣ жившихъ для неба, предъ костями мучениковъ, страдавшихъ за Христа, или отшельниковъ, изнурявшихъ тѣло свое самоотверженными подвигами. Но доброе и справедливое чувство почтенія къ мощамъ часто соединялось у византійцевъ съ примѣсью суевѣрія. Не говоримъ уже о томъ, что при отсутствіи всякой провѣрки относительно подлинности мощей возможны бывали ошибки и подлоги. Главная бѣда была въ томъ, что мощи почитались не столько ради памяти о добрыхъ подвижникахъ Христовыхъ, сколько какъ нѣкій чудотворный талисманъ, спасающій отъ бѣдъ какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя селенія. Жители Низибіи приписывали захватъ города персами тому обстоятельству, что въ немъ уже не было мощей св. Іакова низибійскаго. (См. стр. 108). Жители Антіохіи не хотѣли уступить императору мощей Симеона столпника, полагая, что мощи хранятъ ихъ городъ отъ землетрясенія. Отъ мощей св. Евфиміи и апостола Петра ожидалось вразумленіе въ эпоху монофизитскихъ споровъ. (См. стр. 336). Чудо ожидалось отъ мощей; чудо приписывалось мощамъ; и то и другое часто бывало суевѣрнымъ заблужденіемъ, удалявшимъ живыхъ людей отъ живаго Бога.

Если мощи служили предметомъ почитанія, прежде всего какъ земной поминокъ по отшедшихъ на небо святыхъ, то такое же значеніе могли имѣть и тѣ предметы, какими пользовались святые при жизни. Разумѣется эти—въ тѣсномъ смыслѣ слова—*свящ. реликвіи* наиболѣе потребны были въ тѣхъ случаяхъ, когда о мощахъ не могло быть и рѣчи, именно для благоговѣйнаго воспоминанія о Спасителѣ, Богоматери и Иліи пророкѣ. Спаситель вознесся на небо, но для благоговѣйнаго воспоминанія о Немъ въ Византіи было много священ-

ныхъ реликвій, разновременно собранныхъ: крестъ Христовъ и орудія страданій Христовыхъ, пелены Христовы, срачица Господня, платъ шейный, лентіонъ и калиги Господни, мраморная лохань, изъ которой Христосъ умылъ ноги ученикамъ, трапеза, за которой совершалась тайная вечера, мраморный столпъ, къ которому былъ привязанъ Христосъ, двѣ доски гроба Господня и печати гробныя и т. д. Точно также, не имѣя мощей Богоматери, византійцы хранили во Влахернскомъ храмѣ ризу Богоматери, поясъ ея, посохъ и омофоръ или *маформій ея*; за неимѣніемъ мощей пр. Иліи, чтили часть его милоти и пояса. Кромѣ того священныя реликвіи выступали въ тѣхъ случаяхъ, когда отдаленность времени давала мало надежды на открытіе мощей. Къ этому роду реликвій принадлежатъ: сѣкира, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, вѣтвь масличная, принесенная въ ковчегъ Ноевъ голубицею, трапеза, за которою Авраамъ угощалъ св. Троицу, рога жертвеннаго овна Авраамова, жезлъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море, рогъ, изъ котораго Самуилъ излилъ елей на Давида, и т. д. Наконецъ были и и такого рода священныя реликвіи, которыя не замѣняли собою мощей, но служили къ нимъ дополненіемъ. Напримѣръ: существовали мощи ап. Петра, но чтимы были кромѣ того и желѣзныя вериги, въ которыхъ былъ закованъ сей апостолъ и т. д.

Относительно всѣхъ помянутыхъ реликвій нужно сказать тоже самое, что уже сказано относительно мощей. Почтеніе къ св. реликвіямъ само въ себѣ чувство прекрасное и законное, — но у византійцевъ часто переходило въ суевѣріе. Многія реликвіи не могли дать никакихъ доказательствъ въ пользу своей подлинности. Чѣмъ напримѣръ можно было доказать подлинность сѣкиры, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, или подлинность роговъ жертвеннаго овна Авраамова? какъ не удивляться, встрѣчая въ Константинополѣ колодезь, у котораго бесѣдовалъ Христосъ съ Самарянкою? Но это еще не такъ важно. Болѣе важно то, что въ внутреннемъ отношеніи византійцевъ къ реликвіямъ проглядывало нѣчто, похожее на фетишизмъ. Отъ реликвій ожидали чуда; добыть ихъ старались всякими хотя бы незаконными способами; имѣя ихъ, надѣялись избавиться не только отъ внѣшнихъ бѣдъ, но даже и отъ нравственной отвѣтственности.

На ряду съ мощами и свящ. реликвіями предметомъ благоговѣйнаго почтенія для византійцевъ были св. иконы. Первоначальное значеніе иконъ было совершенно правильное. Онѣ служили для негра-

мотныхъ раскрытою книгою священныхъ событій; и даже для грамотныхъ яркимъ напоминаніемъ того, что́ нужно имѣть въ умѣ во время молитвословія. Для христіанскихъ же художниковъ иконописаніе служило школою искуства, потребность въ которомъ никогда не умираетъ въ душѣ человѣческой. Иконами украшались не только стѣны храмовъ, но также и дворцы, дома частныхъ людей, даже одежды и въ особенности священныя книги. Миніатюрное иконописаніе на свящ. книгахъ было любимымъ занятіемъ благочестивыхъ и досужихъ людей, въ томъ числѣ и императора Ѳеодосія младшаго. Но византійцы не удовольствовались просто напоминательнымъ значеніемъ иконъ,—какъ не удовольствовались имъ по отношенію къ мощамъ и свящ. реликвіямъ, но въ самой иконѣ,—конечно не всякой,—стали видѣть непосредственный источникъ особой благодати Божіей. Предметомъ особаго чествованія стали иконы самописанныя, нерукотворенныя, явленныя, чудотворныя, мvроточивыя, гласящія, плачущія, кровь изливающія. Сказанія о чудотворныхъ иконахъ были въ Византіи весьма многочислены и разнообразны. Если вѣрить позднѣйшему хроникеру (Дороѳею монемвасійскому), патр. Германъ, желая отвратить перваго иконоборнаго императора Льва отъ гоненія на св. иконы, сообщалъ ему между прочимъ слѣдующія чудеса отъ св. иконъ, совершившіяся въ вѣкъ ираклидовъ. 1) Во дни царя Ираклія, персидскій царь Хозрой осадилъ городъ Едессу. Жители пришли въ страхъ и молили Бога о спасеніи. И вотъ мѣстному епископу Евлалію является ночью свѣтозарная жена и говоритъ: *иди къ городскимъ воротамъ, найдешь икону Христа; возьми ее и узришь силу Христову.* Архіерей дѣйствительно, разобравъ стѣну надъ городскими воротами, нашелъ нерукотворенный образъ Христовъ, сокрытый много вѣковъ тому назадъ (при внукѣ Авгаря), и о чудо! предъ образомъ горѣла лампада,—мало того: на противоположной черепицѣ отпечатлѣлся образъ Христовъ такой же, какъ и на убрусѣ. Епископъ, взявъ образъ, прошелъ съ нимъ по городу съ литіею и молебствіемъ. Спустя нѣсколько дней персы разложили большой костеръ, чтобы поджечь стѣны города. Тогда епископъ опять вынесъ святой убрусъ, и Богъ сотворилъ великое чудо: пламень обратился на лагерь непріятельскій и пожегъ множество персовъ, а остальные, видя чудо, побѣжали назадъ и не осмѣливались болѣе нападать на городъ. 2) Въ сѣверной части острова Кипра былъ храмъ пресвятыя Богородицы, а снаружи надъ дверью храма находился жи-

вописный образъ Всесвятой, нарисованный такъ, что Всесвятая сидѣла на тронѣ и держала Христа—младенца на колѣнахъ, а съ правой и лѣвой стороны предстояли два ангела съ великимъ страхомъ. И вотъ однажды одинъ изъ тамошнихъ арабовъ, по наущенію діавольскому, устрѣлилъ Всесвятую въ правое колѣно, и внезапно,—о чудо, которымъ Богоматерь явила силу иконы своей!—полилась кровь изъ раны и покапала на землю. Арабъ же, видя чудо, обратился въ бѣгство, но извергъ тутъ же душу свою.

Въ вѣкъ ираклидовъ число мощей, свящ. реликвій и чудотворныхъ иконъ въ византійской имперіи весьма умножилось. Всѣ эти священные предметы тщательно были уносимы греками изъ южныхъ областей имперіи, захваченныхъ мусульманами. Такъ самъ Ираклій, отчаявшись удержать Сирію, въ 635 г. перевезъ крестъ Господень изъ Іерусалима въ Константинополь. Около тогоже времени перенесены мощи св. Антонія изъ Александріи, глава Іоанна предтечи изъ Емесы и т. д. Перенесеніемъ святынь внутрь имперіи византійцы утѣшали себя въ потерѣ святаго города и южныхъ областей имперіи. Впослѣдствіи, когда крестоносцы шли освобождать святую землю отъ владычества мусульманскаго, они съ удивленіемъ замѣтили, что греки совершенно равнодушно относятся къ ихъ предпріятію. „Къ чему,“ говорили греки, „воевать за святую землю, когда оттуда всѣ святыни вынесены?“

Какое моральное вліяніе оказывала на византійцевъ обрядовая набожность, которой они такъ усердно предавались подъ гнетомъ тяжяихъ бѣдствій современности и при представленіи о нескончаемыхъ геенскихъ мученіяхъ? Вопросъ этотъ существенно важенъ, ибо достоинство религіозности опредѣляется главнымъ образомъ чрезъ нравственныя дѣйствія, вызываемыя ею, чрезъ нравственную силу и энергію, возбуждаемыя ею. Безспорно, много сокрушенныхъ чувствъ, много теплыхъ слезъ было у византійцевъ VII вѣка. Но за всѣмъ тѣмъ вѣкъ этотъ былъ вѣкомъ запуганности и приниженности, варварства и жестокихъ казней,—и того суевѣрія, которое заставляетъ искать надежду спасенія не во внутреннемъ подъемѣ духа, а во внѣшнихъ пособіяхъ, ни мало спасти не могущихъ.

Постановленія трульскаго собора противъ двоевѣрія и суевѣрія.

Широко развившееся въ Византіи суевѣріе самыми крайностями

своими должно было возбудить противъ себя реакцію. Первый довольно слабый опытъ такой реакціи представляютъ собою постановленія трульскаго собора 680 года. Рисуя собою черты современной византійской жизни, постановленія этого собора представляютъ для бытовой исторіи Византіи въ VII в. такой же драгоцѣнный матеріалъ, какъ напр. постановленія русскаго *стоглаваго* собора—для характеристики московской жизни въ XVI в. Само собою разумѣется, что постановленія того и другаго собора, между которыми есть замѣчательное сходство, изображаютъ собою тѣневую, отрицательную сторону церковной жизни, ибо и цѣль сихъ соборовъ состояла въ томъ, чтобы указать недостатки, требующіе исправленія. Правила трульскаго собора расположены безъ систематическаго порядка. Систематизируя содержаніе ихъ по своему, мы можемъ па основаніи ихъ представить довольно полную картину византійскаго двоевѣрія и суевѣрія.

Византійское простонародье—преимущественно въ селахъ—еще держалось старыхъ языческихъ преданій и обычаевъ. Годовые праздники располагались по языческому календарю. Простолюдинами праздновались *календы, воты, врумаліи и народный праздникъ 1 марта.* На этихъ праздникахъ *женщины всенародно плясали*; кромѣ того совершалось переряживаніе, *мущины одѣвались въ женское платье, а женщины въ мужское*;—празднующіе надѣвали на себя *маски, комическія, сатирическія или трагическія* (правило 62-е). *Въ новомѣсячія* раскладывали *предъ домами и лавками костры, зажигали ихъ и перепрыгивали* чрезъ нихъ *по какому-то древнему обычаю* (прав. 65). *Осенью выжимая виноградъ въ точилахъ, призывали гнуснаго Діониса,* а *сливая вино въ бочки, творили* нѣчто *безумное* (вѣроятно что-нибудь въ родѣ славянскихъ похоронъ Ярилы). [1]) Желая знать тайное и будущее, простые — а быть можетъ и не простые только — люди обращались къ гадателямъ, которые *прорицали по бреднямъ за-*

---

[1]) Замѣчательно это сходство славянскаго язычества съ простонароднымъ греческимъ. Славянская коляда съ переряжиеаньемъ, Купало съ прыганьемъ чрезъ костры и Ярило, по поводу коего творилось нѣчто *безумное*, невольно припоминаются намъ при чтеніи 62 и 65 правилъ трульскаго собора, съ которыми по содержанію весьма сходны 23—27 правила стоглаваго собора.

блужденія о счастіи, о судьбѣ, о генеалогіи и о множествѣ другихъ подобныхъ темныхъ вещей. Не мало было въ Византіи татіи такихъ *такъ называемыхъ стоначальниковъ, поставщиковъ талисмановъ* и вообще разныхъ *гадателей.* Соборное правило (61) приравниваетъ къ гадателямъ и подвергаетъ одинакой эпитиміи *и тѣхъ, которые водятъ медвѣдицъ и тому подобныхъ животныхъ на потѣху и соблазнъ людей простыхъ.* Быть можетъ и въ Византіи, также какъ и на Руси, медвѣдь служилъ для прорицанія. [1])

Были въ византійскомъ простонародьѣ и другіе неодобрительные обычаи, болѣе близкіе къ христіанству и носившіе на себѣ печать двоевѣрія. Такъ нѣкоторые *послѣ дня рождества* Христова *варили пшеничную муку и дѣлились ею другъ съ другомъ подъ предлогомъ будто бы чествованія родовъ Непорочной Дѣвы* (прав. 79). Это, какъ видно, было нѣчто въ родѣ русской *рожаничной трапезы* въ ея позднѣйшемъ нѣсколько христіанизированномъ видѣ. За тѣмъ *въ различныхъ церквахъ* міряне приносили *на жертвенникъ виноградъ по какому-то укоренившемуся обычаю,—а священнослужители, соединяя* виноградъ *съ безкровною жертвою приношенія, раздѣляли народу тотъ и другую вмѣстѣ* (прав. 28). Кромѣ того усердствующіе міряне *приносили на жертвенники медъ и молоко* (прав. 57), а въ Арменіи даже *вареныя части мясъ* въ пользу священниковъ (прав. 99). Наконецъ *внутри самыхъ храмовъ постилались возлежанія* и устроялись трапезы. (прав. 74.) Это было повтореніе древнихъ *агапъ*, и нѣчто подобное позднѣйшимъ русскимъ *братчинамъ.*

Въ болѣе образованномъ городскомъ населеніи византійцевъ уцѣлѣли другія, также наслѣдованныя отъ язычества, привычки и симпатіи. Горожане любили играть въ азартныя игры (прав. 50), присутствовать при мимическихъ представленіяхъ, при зрѣлищахъ звѣриной травли и пляски на сценѣ (прав. 51), при конскихъ ристаніяхъ (прав. 66); клялись языческими клятвами (прав. 94); любили смотрѣть и даже изображать скандалезныя картины, чарующія зрѣніе, растлѣвающія умъ и приводящія къ взрыву нечистыхъ удовольствій (прав. 100);

---

[1]) По старинному русскому повѣрью беременная женщина обращалась къ медвѣдю съ вопросомъ о полѣ будущаго дитяти,—*да еще рыкнетъ, мальчикъ будетъ.* Въ стоглавѣ 61-му правилу трульскаго собора соотвѣтствуетъ 22-е и отчасти 19-е.

украшали волосы на головѣ искуственными уборами (прав. 96); обучающіеся гражданскимъ законамъ т. е. готовящіеся къ адвокатурѣ, совершали такъ называемыя *килистры* и одѣвались въ одежды, не находящіяся въ общемъ употребленіи (прав. 71).

Всѣ эти уцѣлѣвшіе отъ временъ язычества обычаи были конечно непохвальны, но они принадлежали уже къ прожитому періоду и съ теченіемъ времени могли сами собою вымирать или изглаждаться. Хуже было то, что на новомъ основаніи христіанской вѣры стали возникать понятія странныя и обычаи суевѣрные. Укажемъ тѣ недостатки христіанскаго общества, на которые обратилъ вниманіе трульскій соборъ.

По городамъ ходили такъ называемые пустынники, въ черныхъ одеждахъ и съ отрощенными волосами, обращаясь между мірскихъ мужчинъ и женщинъ и безчестя свой обѣтъ (правило 42). [1]) Священныя лица, клирики, или аскеты мылись въ баняхъ вмѣстѣ съ женщинами (правило 77). [2]) Находились люди, которые для какихъ-либо личныхъ цѣлей пользовались общею демономаніею и притворялись бѣснующимися (правило 60); были люди, которые, быть можетъ желая представить себя находящимися въ благочестивомъ экстазѣ, „въ церквахъ при пѣніи употребляли безчинные вопли и насиловали естество къ крику.“ (правило 75). Наконецъ вѣра въ спасительную силу таинствъ и обрядовъ церковныхъ, помимо личнаго нравственнаго усовершенствованія человѣка, (по позднѣйшему римскому термину ex opere operato), дошла до того, что нѣкоторые преподавали евхаристію тѣламъ умершихъ (правило 83). [3]) Такое суевѣріе, имѣвшее мѣсто между людьми, повидимому наиболѣе заботившимися о христіанскомъ житіи, разумѣется было вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ остатки суевѣрія и двоевѣрія въ народной массѣ.

---

[1]) Правилу 42-му трульскаго собора соотвѣтствуетъ въ стоглавѣ вопросъ 9 и 17. *Черницы и черницы по миру волочатся и живутъ въ миру и не знаютъ, что словетъ монастырь* и проч.

[2]) Правилу 77 трульскаго собора соотвѣтствуетъ 18 вопросъ стоглава. *Да во Псковѣ градѣ моются въ баняхъ мужи и жены и черницы и черницы во единомъ мѣстѣ безъ зазору* и проч.

[3]) Въ русской исторіи мы можемъ указать примѣръ подобнаго суевѣрія только въ крещеніи Ярославомъ 1-мъ костей его дядей Ярополка и Олега.

Правила трульскаго собора (точно также, какъ и правила нашего стоглаваго) драгоцѣнны для исторіи, ибо констатируютъ весьма характерныя данныя изъ внутренней жизни православныхъ христіанъ того времени. Такъ какъ сознаніе зла служитъ началомъ къ его исправленію, то можно видѣть въ правилахъ трульскаго собора спасительную въ нѣкоторой мѣрѣ реакцію противъ господствовавшаго въ Византіи суевѣрія и двоевѣрія. Но достаточна ли была эта реакція? сильны ли были правила трульскаго собора уврачевать недугъ византійской жизни? На этотъ вопросъ, кажется, приходится отвѣчать отрицательно. Во 1-хъ соборъ не указываетъ для борьбы со зломъ никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ отлученія отъ церкви и изверженія изъ клира. Мѣры конечно сильныя, но при распространенности въ византійской имперіи суевѣрія и двоевѣрія онѣ не могли быть строго прилагаемы, ибо въ противномъ случаѣ привели бы чуть не къ поголовному отлученію отъ церкви всѣхъ обитателей имперіи. Во 2-хъ отцы трульскаго собора, въ качествѣ представителей духовенства, должны были крайне осторожно относиться къ христіанскимъ вѣрованіямъ народа, чтобы, по слову писанія, *не угасить и льна курящагося*; посему и правила собора противъ суевѣрій отличаются нѣкоторою недоговоренностію и—такъ сказать—бьютъ зло не столько въ корень, сколько по вѣтвямъ. Сильно поражая остатки язычества, соборъ какъ бы покрывалъ снисхожденіемъ аномаліи христіанской жизни, отмѣчая только тѣ изъ нихъ, которыя уже слишкомъ бросались въ глаза (напр. бродяжничество пустынниковъ или преподаваніе евхаристіи тѣламъ умершихъ). Противъ массы апокрифическихъ сказаній, наполнявшихъ собою литературу, соборъ высказался слегка, повелѣвая въ 63 правилѣ „не обнародывать въ церквахъ, а предавать огню мученическія сказанія, ложно составленныя врагами истины.“ [1]) Противъ обилія предметовъ поклоненія соборъ высказывается еще болѣе слегка, воспрещая въ 82 правилѣ изображать Спасителя въ видѣ агнца. Мало того: нѣкоторыя

---

[1]) Какія здѣсь разумѣются мученическія сказанія, неизвѣстно. Можетъ быть *мученія Никиты*, *Георгія*, *Евпатія*, *Климента анкирскаго*, упоминаемыя въ перечнѣ русскихъ отреченныхъ книгъ.—63-му правилу трульскаго собора соотвѣтствуетъ нѣсколько 22 вопросъ стоглава, направленный противъ еретическихъ и отреченныхъ книгъ.

правила собора показываютъ, что отцы собора были и сами дѣти своего вѣка. Таково напр. 40-е правило о возможности принятія монашества съ 10-лѣтняго возраста, или 72-е правило противъ брака между православными и еретиками.

Естественно было ожидать, что реакція противъ византійскаго суевѣрія и двоевѣрія, противъ чрезмѣрной и невѣрно направленной набожности, осторожно поднятая духовными властями, разовьется сильнѣе и радикальнѣе, если попадетъ въ смѣлыя и энергическія руки свѣтскаго правительства. Набожность, хотя бы и не вѣрно направленная, была не безвыгодна—и во всякомъ случаѣ не антипатична—для духовенства, но для государей, оцѣнивавшихъ вещи съ политической точки зрѣнія, она могла представляться не болѣе, какъ безплодною тратою времени, людей и денегъ. А между тѣмъ люди и деньги были очень дороги для византійской имперіи, особенно послѣ мусульманскаго разгрома. Несчастная война всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что разбитое государство пускается въ самообличенія, ищетъ причинъ своего бѣдствія, становится на дорогу реформъ, изъявляетъ охоту поучиться лучшимъ условіямъ жизни, хотя бы даже у своихъ враговъ. Тоже самое имѣло мѣсто и въ Византіи. Въ то время какъ болѣе набожные византійцы заботились только о томъ, чтобы уносить изъ завоеванныхъ арабами областей священныя реликвіи, другіе, болѣе—такъ сказать—либеральные византійцы усомнились въ силѣ и дѣйственности этихъ священныхъ предметовъ почитанія. Вліянія арабовъ въ этомъ случаѣ—хотя ненамѣреннаго и безсознательнаго [1])—никакъ нельзя считать ничтожнымъ. Мусульмане были чистые деисты; они отвергали всякое иконное изображеніе, а равно не помышляли и о почитаніи мощей. „Не эта ли сторона ихъ вѣроученія, которою они

---

[1]) Что касается до прямаго и положительнаго вліянія арабовъ на грековъ, то слѣдовъ такого вліянія почти незамѣтно. Греки слишкомъ не любили мусульманъ, для того, чтобы заимствоваться у нихъ чѣмъ-либо, особливо относящимся до вѣры. Развѣ—быть можетъ—вліянію мусульманства можно приписать появленіе въ половинѣ VII вѣка лжеучителей, которые утверждали, что жизнь тѣлъ по воскресеніи будетъ поддерживаться тѣмиже условіями, какъ нынѣ, и тоюже чувственною пищею, и что вообще по воскресеніи въ нихъ не послѣдуетъ ничего особеннаго кромѣ того, что они лишатся возможности умереть. *Максима исповѣдника творенія* II, 245.

такъ рѣзко отличались отъ грековъ, была причиною ихъ военныхъ успѣховъ? Положимъ, что ихъ религія ложная, но вѣдь за что же нибудь Богъ имъ попускаетъ, а насъ наказываетъ.“ Эта мысль легко могла придти на умъ греку—мірянину, размышлявшему о печальныхъ судьбахъ своего отечества. Такова была духовная атмосфера, въ средѣ которой возникло явленіе, извѣстное въ церковной исторіи подъ именемъ *иконоборства*, а въ гражданской исторіи—подъ именемъ всесторонней, но неудавшейся *реформы*.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Первая половина иконоборнаго періода при такъ называемой исаврійской династіи (711—802).

Греческая исторіографія относительно періода иконоборства.

Приступая къ изложенію такъ называемаго иконоборнаго періода, мы считаемъ необходимымъ выяснить то отношеніе къ этому періоду, какое существуетъ въ греческой исторіографіи. До насъ не дошло историческихъ произведеній, писанныхъ друзьями и поборниками иконоборства. Такія произведенія несомнѣнно существовали, но они вмѣстѣ со всею почти иконоборческою литературою уничтожены во время торжества православія при императрицахъ Иринѣ и Ѳеодорѣ. Уцѣлѣвшія же до нашего времени историческія произведенія относительно временъ иконоборства писаны почти исключительно монахами, и во всякомъ случаѣ крайними противниками иконоборства, и далеко не отличаются историческимъ безпристрастіемъ. Напротивъ того каждая строка этихъ произведеній проникнута чувствомъ безпокойства, огорченія и раздраженія. Голословная большею частію брань противъ императоровъ иконоборцевъ перемѣшивается у византійскихъ хроникеровъ съ разными легендарными разсказами, направленными къ поддержанію старинной византійской набожности. Во главѣ византійскихъ историковъ иконоборства стоятъ Ѳеофанъ, игуменъ виѳинской обители *великаго села*—Μεγάλου Ἄγρου—(род. около 757 г.+718 г.), патріархъ Никифоръ, доведшій свою лѣтопись до 769 г. (+въ изгнаніи въ 829 г.) и неизвѣстный монахъ Георгій Амартолъ, доведшій свое лѣтописаніе до торжества православія въ 842 г. Сюда же относятся многіе такъ называемые *синаксаристы*, т. е. авторы, описывавшіе жи-

тія и страданія защитниковъ иконопочитанія. Всѣ эти историки пишутъ въ одномъ духѣ и направленіи и относятся къ иконоборцамъ съ одинакимъ раздраженіемъ. Чтобы дать понятіе о тонѣ и направленіи этихъ историковъ, приведемъ отзывы Амартола объ иконоборныхъ императорахъ. Перваго иконоборнаго императора Льва Исавра Амартолъ называетъ „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютѣйшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосердымъ львомъ или дракономъ, всескверным“ и т. д. О второмъ иконоборномъ императорѣ Константинѣ Копронимѣ Амартолъ выражается такъ: „послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Ковалинъ 34 года, отъ страшнаго льва происшедшій пестрообразный леопардъ и сущій отъ Дана антихристъ.“ Льва армянина Амартолъ называетъ „отступникомъ, Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злому духу, тиранномъ, звѣронравнымъ паче, нежели звѣроименнымъ“ и т. д. Ѳеофила, послѣдняго иконоборнаго императора, Амартолъ называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богоненавистникомъ и святыхъ иконъ обругателемъ и оскверненнымъ,“ и, обращая вниманіе на значеніе его имени, говоритъ, что его приличнѣе было бы назвать *богоненавистникомъ*, чѣмъ *боголюбцемъ* (μισοθεος μᾶλλον εἰπεῖν, ἢ Θεόφιλος).—Чтобы дать понятіе о легендарныхъ разсказахъ, направленныхъ къ поддержанію древняго благочестія, припомнимъ сказаніе Амартола о чудесномъ приплытіи иконы Спасителя въ Римъ. „Звѣрь (т. е. императоръ Левъ Исавръ) своевольно и нечестиво начинаетъ ересь, снимаетъ икону Господа нашего Іисуса Христа съ мѣдной двери палатъ, собираетъ нечестивый совѣтъ противъ св. иконъ и опять приглашаетъ патріарха Германа, надѣясь убѣдить подписаться противъ св. иконъ. Но патріархъ, нисколько не уступивъ хитрости и лести нечестивца, положилъ свой омофоръ на святой трапезѣ въ великой церкви, сложилъ съ себя свящ. санъ и удалился. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ опустилъ въ море и бывшую у него св. икону Спасителя, написавъ притомъ на хартіи слѣдующее: *о Спаситель, спаси себя и насъ*! (ὦ Σωτέρ, σώσον σε καὶ ἡμᾶς!) Направляемая божественною силою, икона совершенно сухою прямо приплыла въ Римъ. Римскій патріархъ, получивъ откровеніе объ этомъ, вышелъ со всѣмъ клиромъ, со свѣчами и ѳиміамами, и увидалъ икону, приближающуюся по водамъ, которая, миновавъ всѣ другіе корабли, сама собою пристала въ руки патріарха, стоявшаго на кораблѣ. Архіерей облобызалъ и со

псалмами и гимнами поставилъ въ великой церкви икону, которая осталась совершенно неповреждена водою, за исключеніемъ только трехъ пальцевъ. И сіе для большей славы Божіей.“ Можно замѣтить при этомъ, что патріарху Герману не было надобности препровождать икону Спасителя въ Римъ такимъ необычнымъ способомъ, ибо сношенія византійскихъ ревнителей иконопочитанія съ Римомъ были тогда весьма часты и усиленны.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы видѣть, что въ сочиненіяхъ хроникеровъ и синаксаристовъ иконоборнаго періода заключается историческій матеріалъ весьма сомнительнаго достоинства. Раздраженный тонъ православныхъ писателей, современныхъ иконоборству, легко объясняется ихъ полемическимъ увлеченіемъ, а равно и желаніемъ во чтобы то ни стало обезпечить и оправдать торжество иконопочитанія и монашества. Но замѣчательно, что и послѣ окончательнаго торжества православія, по мѣрѣ того какъ Византія погружалась во мракъ среднихъ вѣковъ, литературное ожесточеніе противъ императоровъ—иконоборцевъ все болѣе и болѣе усиливалось. Кедринъ, Зонара, Глика и позднѣйшіе хроникеры относятся къ иконоборцамъ гораздо фанатичнѣе, чѣмъ Ѳеофанъ и Никифоръ. Что можетъ быть напр. фанатичнѣе и легендарнѣе, чѣмъ слѣдующее извѣстіе о смерти имп. Льва армянина, записанное у Дорофея монемвасійскаго, хроникера XVI вѣка? „Въ царствованіе онаго худо погибшаго Льва армянина видѣла мать его сонъ, будто-бы она стояла среди храма пресвятой Богоматери Влахернской, и узрѣла тамъ царицу, окруженную многими служителями, а церковь вся—полна крови. И говоритъ царица одному изъ служителей: *возьми лохань и наполни кровью и дай пить матери Льва.* А та отвѣчала: „давно уже я вдова и мяса не ѣмъ.“ И сказала съ великимъ гнѣвомъ царица матери Льва (а то была святая Богородица): *непрестанно проливаетъ сынъ твой кровь христіанъ поклоняющихся иконъ моей и Сына моего единороднаго. И получитъ онъ заслуженное отмщеніе.* Проснувшись, мать Льва въ великомъ страхѣ побѣжала къ сыну и разсказала ему видѣніе и умоляла его прекратить гоненіе на иконы и иконопочитателей. Но Левъ не внималъ. И получилъ свое воздаяніе. И пораженъ былъ зло и безчестно. И потерялъ и здѣшнюю жизнь и грядущую, и вверженъ былъ въ огнь кромѣшній.“

По видимому память иконоборныхъ императоровъ навсегда *по-*

гибла съ шумомъ. Но время шло и приносило историческія явленія, аналогичныя съ иконоборствомъ, но увѣнчавшіяся успѣхомъ и поставленныя исторіею въ число событій, обозначившихъ собою прогрессъ человѣчества.—Такова была реформація XVI вѣка, освободившая сѣверную Европу отъ гнѣта папскаго авторитета и содѣйствовавшая умственному и нравственному подъему странъ, принявшихъ протестантизмъ. До настоящаго вѣка реформація съ ея послѣдствіями не оказывала вліянія на историческія воззрѣнія грековъ. Но въ настоящемъ вѣкѣ совершилось освобожденіе Еллады отъ ига турецкаго, сопровождавшееся государственнымъ устройствомъ, обезпечившимъ политическую и религіозную свободу обитателей греческаго королерства. Освобожденные греки XIX вѣка стали пересматривать прошедшую жизнь греческой націи съ иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ средне-вѣковые византійцы, и результатомъ этого пересмотра было если не полное оправданіе императоровъ иконоборцевъ, то по крайней мѣрѣ значительное смягченіе историческаго суда надъ ними. Современные эллинофилы, стоящіе по своему міросозерцанію ближе къ протестантской Европѣ, чѣмъ къ средневѣковой Византіи, дѣлаютъ такую экскурсію въ область всеобщей исторіи: „страны, принявшія реформацію, какъ то сѣверная Германія, Англія и сѣверная Америка стали впереди на поприщѣ цивилизаціи и доселѣ идутъ все впередъ и впередъ,—а страны, оставшіяся подъ владычествомъ папы, какъ то Италія, Испанія, южная Германія и южная Америка стали мало по малу терять прежнее благосостояніе, а нѣкоторыя и совсѣмъ пришли въ упадокъ напр. Испанія Только французы, оставаясь католиками, благодаря своей даровитости и энергіи, сохранили достоинство великаго народа; но, по замѣчанію Маколея, этимъ кажущимся исключеніемъ только подтверждается общее правило, ибо ни въ одной католической странѣ церковь такъ не безсильна, какъ во Франціи.“ [1]) Исходя изъ этого историческаго наблюденія, современные эллинофилы естественно задаютъ себѣ вопросъ: не лучше ли было бы для блага греческой націи, если бы дѣятельность императоровъ иконоборцевъ увѣнчалась успѣхомъ и не слѣдуетъ ли даже считать этихъ императоровъ непризнанными благодѣтелями эллинской націи, тѣмъ болѣе заслуживающими сочувствія,

---

[1]) Παπαρρηγόπουλο. Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. III, 416.

что они не имѣли утѣшенія видѣть осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній? Склоняясь къ положительному отвѣту на этотъ вопросъ, современные эллинофилы во 1-хъ совершенно заподозрили византійскихъ хроникеровъ и синаксаристовъ, сообщавшихъ крайне враждебные отзывы объ императорахъ—иконоборцахъ, объясняя эти отзывы фанатизмомъ и духомъ партіи; во 2-хъ старались выдвинуть на первый планъ случайныя и мимоходныя извѣстія въ пользу императоровъ—иконоборцевъ, встрѣчающіяся у церковныхъ писателей, придавая этимъ извѣстіямъ особую цѣну, какъ свидѣтельству изъ враждебныхъ уттъ; обращали также вниманіе на законодательную дѣятельность императоровъ—иконоборцевъ, свидѣтельствующую объ ихъ здравомысліи и заботахъ объ общественномъ благѣ; наконецъ въ 3-хъ обращали вниманіе на логику событій, которая послѣ неудачи иконоборческой реформы повела Византію все ниже и ниже до совершеннаго паденія.

Самымъ сильнымъ выразителемъ воззрѣній новыхъ эллиновъ на иконоборческій періодъ служитъ греческій историкъ и профессоръ аѳинскаго университета Папарригопуло, отношеніе котораго къ иконоборному періоду мы можемъ для ясности обозначить въ слѣдующихъ тезисахъ.

1) *Названіе иконоборнаго, прилагаемое къ разсматриваемому періоду, не точно; то было время многосторонней реформы, и притомъ болѣе гражданской, чѣмъ церковной.* „Обыкновенно", говоритъ Папарригопуло (III, 418), „періодъ этотъ называется *иконоборнымъ*, конечно потому, что устраненіе иконъ живѣе поразило фантазію людей и заставило забыть обо всемъ остальномъ. Между тѣмъ, насколько можемъ судить по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣденіямъ, дѣло шло не объ однихъ иконахъ, а о цѣломъ рядѣ перемѣнъ, церковныхъ, а еще болѣе гражданскихъ. Реформа, налагавшая смѣлую руку на все, что подрывало матеріальную, умственную и нравственную жизнь общества, кажется—кромѣ устраненія иконъ и мощей—имѣла еще въ виду ограниченіе числа монастырей, наложеніе общихъ податей на церковныя и монастырскія имущества, изъятіе народнаго обученія изъ рукъ клира, уничтоженіе крѣпостнаго права, ограниченіе рабства, введеніе нѣкоторой вѣротерпимости и вообще переустройство общества въ болѣе либеральномъ и свѣтскомъ духѣ."

2) *Императоры реформы дѣйствовали не по личному и даже не по династическому капризу; они ясно понимали задачу времени и*

недуги своего государства и брали цѣлесообразныя мѣры къ ихъ уврачеванію. „Конечно,“ говоритъ Папарригопуло (III, 419), „вожди реформы не были выше всѣхъ заблужденій своего вѣка и часто позволяли себѣ дѣйствія, неодобрительныя по суду нашего времени. Но вообще они были прозорливѣе своихъ противниковъ и выдвинули впередъ такіе принципы и мнѣнія, какія мы съ удивленіемъ видимъ въ VIII вѣкѣ, и проводили свою реформу съ такою цѣльностію и систематичностію, какія рѣдко встрѣчаются въ исторіи. Реформа, продолжавшаяся почти $1^1/_2$ столѣтія, не можетъ считаться произвольнымъ дѣйствіемъ одного царя или даже нѣсколькихъ царей, принадлежавшихъ притомъ къ разнымъ династіямъ.“

3) *Въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ императоры реформы были не одиноки: ихъ поддерживала лучшая и наиболѣе разумная часть духовенства и войско, которое, постоянно пополняясь энергическими людьми, было болѣе доступно новымъ вѣяніямъ.* „Войско“,—говоритъ Папарригопуло (III, 420) „съ самаго начала и во все продолженіе періода горячо стояло на сторонѣ реформы, и не только въ царствованія благопріятныя, но и въ царствованія, враждебныя реформѣ. Соборъ 754 г., опредѣлившій устраненіе иконъ, состоялъ изъ 348 епископовъ; ревнители иконопочитанія не говорятъ намъ, чтобы противъ этихъ іерарховъ употреблено было насиліе, и самымъ молчаніемъ свидѣтельствуютъ, что многочисленный сонмъ іерарховъ составлялъ соборныя правила свободно. Отсюда ясно, что сторону реформы поддерживали прозорливѣйшіе и практичнѣйшіе члены общества и между прочимъ весьма многіе высшіе іерархи.“

4) *Неудача реформы зависѣла съ одной стороны отъ того, что въ Византіи было много ревнителей крайней набожности, (множество иноковъ, всѣ женщины и все простонародье),—съ другой стороны отъ того, что императоры реформы недостаточно озаботились о воспитаніи въ своемъ духѣ молодаго поколѣнія.* „Классы общества, низшіе по образованію и развитію, но болѣе многочисленные, были рѣшительно противъ всякой реформы. Таковъ былъ простой народъ, вѣра котораго часто отождествляется съ обрядностію. Таковы были всѣ женщины не только низшихъ, но и высшихъ классовъ, даже супруги, дочери и сестры императоровъ реформы, которыя не только не сочувствовали нововведеніямъ, но даже часто скрытно имъ противодѣйствовали. Наконецъ многочисленные монахи, противъ которыхъ была на-

правлена реформа, по существу дѣла не могли ей сочувствовать и, благодаря громадному вліянію, какое имѣли на женщинъ и простонародье, были главною причиною неудачи всего предпріятія (III, 421—423). Но отчасти виноваты въ этомъ и императоры реформы, которые, изъявъ образованіе изъ рукъ монаховъ, не позаботились о просвѣщеніи простаго народа, отъ чего существенно зависѣла судьба реформы." (III, 438).

Таковъ взглядъ Панаррригопуло и другихъ новыхъ грековъ на періодъ иконоборчества,—взглядъ, совершенно противоположный сложившимся традиціямъ относительно сего періода, но на столько рѣшительный и обоснованный, что игнорировать его нельзя. Въ русской литературѣ этотъ взглядъ извѣстенъ благодаря статьямъ г. Васильевскаго: *законодательство иконоборцевъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 №№ 9, 10 и отчасти статьямъ о. Герасима Яреда: *отзывы о св. Фотіѣ* (Христ. Чт. 1872).

Въ какое отношеніе должна стать русская церковно-историческая наука къ періоду иконоборства, который въ древней и новой греческой литературѣ освѣщается совершенно различнымъ свѣтомъ? Вопросъ усложняется еще болѣе, если обратимъ вниманіе на аналогическіе факты русской жизни. У насъ былъ свой періодъ мрачнаго суевѣрія—XVI и XVII вѣка въ московской Руси, —и свой періодъ реформы, созданный Петромъ великимъ, въ которомъ Стефанъ Яворскій усматривалъ прямое сходство съ иконоборцами. *Онъ не антихристъ, а иконоборецъ*, сказалъ м. Стефанъ о царѣ. Сдѣлаемъ небольшое усиліе воображенія. Представимъ, что реформа Петра великаго не удалась, что казненные противники реформы (е. Досиѳей, Докукинъ, Левинъ) ублажаются, какъ мученики,—что изъ всей литературы о Петрѣ уцѣлѣла только обличительная проповѣдь Стефана Яворскаго, да нѣсколько подметныхъ писемъ и раскольническое сказаніе о Петрѣ, какъ антихристѣ. И въ такомъ случаѣ Петръ великій явился бы предъ судомъ исторіи въ томъ же видѣ, въ какомъ стоятъ императоры иконоборцы. Этотъ ходъ мыслей приводитъ насъ къ рѣшимости изложить исторію иконоборческаго періода, по возможности кратко и сдержанно, предоставивъ говорить только несомнѣннымъ и безспорнымъ фактамъ, и остерегаясь вносить въ исторію разсказы, достовѣрность которыхъ можетъ подлежать сомнѣнію. Что же касается до общаго сужденія о дѣятеляхъ иконоборнаго періода, то,—если первые источники не да-

ютъ намъ возможности выполнить правило историческаго безпристрастія: audiatur et altera pars,—мы тѣмъ не менѣе не должны забывать, что эта altera pars могла же что-нибудь сказать въ свою пользу, и по этому должны взять во вниманіе отзывы позднѣйшихъ историковъ, стоявшихъ на болѣе объективной точкѣ зрѣнія и пытавшихся сказать свое сужденіе, руководясь логикою исторіи.

Три краткосрочные императора послѣ ираклидовъ (711—717). Левъ III (716—741) какъ воинъ и правитель. Попытки церковной реформы. Ея сторонники и противники. Общее сужденіе историковъ о Львѣ.

Послѣ паденія династіи ираклидовъ не вдругъ установилась на византійскомъ престолѣ новая династія. Въ теченіе шести лѣтъ смѣнилось три императора: Филиппикъ (съ конца 711 г. по 3 іюня 713 г.), Анастасій II (713—716) и Θеодосій III (716). Филиппикъ (онъ же и Варданъ) былъ армянинъ, и поэтому сторонникъ монофелитства. Сдѣлавшись императоромъ, онъ не замедлилъ созвать соборъ для отмѣны догматическихъ опредѣленій VI вселенскаго собора. Іерархи послушно исполнили волю царя, [1]) а царь приказалъ изгладить въ столицѣ стѣнную живопись, изображавшую засѣданія VI вселенскаго собора. Есть извѣстіе, что царь вообще высказался противъ иконъ. Но такое посягательство противъ православія въ самой столицѣ православія не прошло даромъ Филиппику. Конечно общественное мнѣніе византійцевъ было противъ него сильно вооружено. Иначе мы не можемъ объяснить, почему онъ былъ низверженъ съ престола съ такою, доходящею до смѣшнаго, легкостію. 3 іюня 713 г. въ день пятдесятницы два заговорщика изъ патриціевъ схватили Филиппика, по-

[1]) Въ числѣ послушныхъ членовъ собора, созваннаго Филиппикомъ въ 712 г., были между прочимъ св. Андрей, архіепископъ критскій, и св. Германъ, митрополитъ кизическій,—вскорѣ потомъ (съ 715 г.) патріархъ константинопольскій. (Theoph. chronogr.) Авторъ *историч. ученія объ отцахъ церкви* (III, 240, 244), разсуждаетъ, что св. отцы поступили такимъ образомъ, *чтобы не возстановить противъ себя и церкви неистовство изувѣрнаго Филиппика.* Св. Германъ впослѣдствіи по отношенію къ Льву III высказалъ больше твердости.

коившагося послѣобѣденнымъ сномъ, привезли на ипподромъ и тамъ ослѣпили. Никто, какъ видно, не принялъ участія въ несчастномъ царѣ, имя котораго послѣ этого совершенно исчезаетъ изъ исторіи. На другой день (4 іюня 713 г.) императоромъ провозглашенъ былъ государственный секретарь Артемій,—какъ видно, непричастный къ заговору, ибо немедленно по воцареніи велѣлъ ослѣпить ослѣпителей Филиппика. Новый императоръ пользовался репутаціею человѣка разумнаго и опытнаго въ дѣлахъ; и своею предшествующею должностію и своими нравами онъ, кажется, походилъ на императора Анастасія Диррахита; (см. стр. 220—259) вѣроятно и самъ сознавалъ это сходство, почему и принялъ при воцареніи имя Анастасія. Но царствованіе Анастасія II было далеко не такъ продолжительно и благополучно, какъ царствованіе Анастасія Диррахита. Наученный горькимъ опытомъ своего ближайшаго предшественника Филиппика, Анастасій II былъ строго православенъ и почтителенъ къ духовному чину, но эта почтительность, доведенная до крайности, оказалась пагубною. Имѣя надобность воевать съ арабами, готовившимися къ осадѣ Константинополя, Анастасій II, сосредоточилъ противъ нихъ у острова Родоса флотъ и армію и главнокомандующимъ надъ арміею и флотомъ назначилъ софійскаго діакона Іоанна, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ казначеемъ имперіи. Но войско недовольно было такимъ главнокомандующимъ и, убивъ его, возмутилось и противъ самаго императора. Мятежники дѣйствовали наудачу и безъ опредѣленнаго плана. Двинувшись къ столицѣ, чтобы низвергнуть Анастасія II, они не знали еще, кѣмъ замѣнить его. Высадившись на берегъ въ Адрамиттіи мисійской, они нашли тамъ пользовавшагося популярностію сборщика податей, по имени Ѳеодосія, и насильно провозгласили его царемъ. Послѣ полугодовой междоусобной войны Анастасій II счелъ себя вынужденнымъ оставить престолъ и принять монашество; еще чрезъ полгода и Ѳеодосій III, этотъ царь по неволѣ, оказавшійся на престолѣ совершеннѣйшимъ нулемъ, безъ сопротивленія уступилъ корону энергическому полководцу Льву Исавру и также удалился въ монастырь. [1]) Короткое царствованіе Ѳеодосія III для насъ, славянъ, за-

---

[1]) Доскажемъ въ подстрочномъ примѣчаніи судьбу обоихъ императоровъ. Ѳеодосій III нашелъ для себя желанный покой въ жизни частнаго

мѣчательно тѣмъ, что къ его времени относится первый — вѣроятно письменный—договоръ грековъ съ болгарами, на который сіи послѣдніе ссылались спустя почти сто лѣтъ (813 г.)

Левъ Исавръ былъ человѣкъ мужественный и энергическій. Отнявъ корону у своего слабаго предшественника Θеодосія III, Левъ скоро доказалъ, что былъ достоинъ носить ее. Арабы, не прекращавшіе почти враждебныхъ дѣйствій противъ грековъ съ 692 г.—во все время византійскихъ неустройствъ и частой смѣны императоровъ,—рѣшились наконецъ покончить съ Византіею. Со всѣми силами двинулись они къ Константинополю и, не ограничиваясь—какъ прежде—прерывистыми нападеніями на городъ (см. стр. 389), окружили его съ моря и съ суши и начали правильную осаду. Но всѣ усилія ихъ были безуспѣшны. Во главѣ осажденныхъ стоялъ императоръ, человѣкъ храбрый и опытный въ военномъ дѣлѣ, а голодъ, моровая язва, греческій огонь и необыкновенно суровая зима дѣйствовали на арабовъ весьма губительно. Есть извѣстіе, что во время этой осады, продолжав-

---

человѣка. Причислившись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ къ клиру, Θеодосій мирно прожилъ до конца дней своихъ въ Ефесѣ и погребенъ во храмѣ св. Филиппа. На гробницѣ Θеодосія, по его завѣщанію, начертано одно слово ὑγεία, какъ выраженіе его убѣжденія въ томъ, что смерть есть полное освобожденіе отъ бѣдъ и болѣзней. Эпитафія, приличная такому квіетисту, какимъ былъ покойный царь!--Судьба другаго екс-императора Анастасія II, была гораздо печальнѣе. Анастасій, сосланный въ Солунь и причисленный къ клиру, не могъ примириться съ своимъ положеніемъ и забыть того, что онъ былъ императоромъ. Спустя года три (721 г.) онъ рѣшился снова искать престола при помощи тогожe болгарскаго князя Тербеля, который въ 705 г. помогъ вторично воцариться Юстиніану Ринотмету (см. стр. 397). По видимому для Анастасія были всѣ вѣроятности на успѣхъ, ибо у него было много сторонниковъ между византійскими вельможами. Но предпріятіе окончилось несчастно. Болгаре, подъ вліяніемъ угрозъ или подарковъ и. Льва Исавра, выдали ему Анастасія и его друга, солунскаго архіепископа, и имп. Левъ казнилъ обоихъ отсѣченіемъ головы на столичномъ ипподромѣ.—Въ то время былъ еще одинъ царственный изгой, искавшій себѣ безопасности въ средѣ клира; это былъ сынъ императора Тиверія—Апсимара, Θеодосій, впослѣдствіи, въ санѣ архіепископа ефесскаго, предсѣдательствовавшій на иконоборческомъ соборѣ 754 г.

шейся цѣлый (717-й) годъ, погибло до ста тысячъ мусульманъ, и осада Константинополя окончилась почти совершеннымъ истребленіемъ арабскаго войска.—Позднѣйшіе хроникеры приписывали такой счастливый оборотъ дѣла молитвамъ осажденныхъ, но конечно нельзя отрицать и распорядительности императора, которому даже нерасположенный къ нему папа Григорій II далъ такую аттестацію: *воинственный, грубый и жесткій умъ, какимъ ты обладаешь, приложимъ къ дѣламъ управленія мірскаго, но неприложимъ къ дѣламъ управленія церковнаго.*

И. Левъ прилѣжно занимался дѣлами управленія мірскаго. Онъ возстановилъ въ войскѣ порядокъ и дисциплину и оставилъ по себѣ память и въ законодательствѣ, изданіемъ двухъ кодексовъ: Ἐκλόγη и νόμος γεωργικός. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты законовъ Льва III, которыя имѣютъ связь съ общимъ духомъ реформы. Вопреки 78 правилу трульскаго собора, воспрещавшему бракъ православныхъ съ еретиками, Левъ законополагалъ, что для брачнаго союза достаточно только того, чтобы брачущіеся были христіане. Вопреки господствовавшему обычаю личнаго закрѣпощенія или кабалы (δουλοπαροικίας), Левъ законополагалъ, что земледѣльцы неотчуждаемы отъ своей усадьбы, на которой они живутъ отъ рожденія или вообще долгое время.—Но занимаясь дѣлами гражданскими, Левъ III не остался въ сторонѣ и отъ дѣлъ церковныхъ. Обвинять ли его за это? конечно въ той же мѣрѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другихъ византійскихъ императоровъ. Церковная жизнь въ Византіи до такой степени многообразно переплелась съ гражданскою, церковь—не говоря уже о духовномъ авторитетѣ—взяла на свою долю такъ много матеріальныхъ средствъ имперіи, что ни одинъ императоръ, имѣвшій опредѣленныя политическія задачи, не могъ при проведеніи ихъ не столкнуться съ церковными интересами. Царю прежде всего нужны люди и деньги. Но что же дѣлать царю, если люди шли въ монастыри, а монастыри и церкви владѣли громадными и свободными отъ всякихъ податей имуществами? Волею-неволею всякій даже самый благочестивый императоръ, преслѣдуя интересы политическіе, долженъ былъ идти въ разрѣзъ съ интересами церковными, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они понимались тогдашнимъ духовенствомъ. Мы видѣли, что и благочестивый Маврикій пытался ограничить доступъ въ монастыри воинамъ и гражданскимъ чиновникамъ (см. стр. 305), и набожный Ираклій перечеканивалъ въ монету дорогія церковныя утвари (см. стр. 357.) Конечно ни одинъ изъ ви-

зантійскихъ монарховъ не приносилъ церковныхъ интересовъ въ жертву государственнымъ съ такою послѣдовательностію и безпощадностію, какъ нашъ Петръ великій. Но при византійской набожности, (которую мы старались охарактеризовать въ предыдущемъ 12 чтеніи), и малое посягательство на церковные интересы казалось несноснымъ для большинства клириковъ и монаховъ, хотя бы и вызывалось государственною необходимостію. Византійскіе клирики и монахи всегда охотно готовы были обѣщать правительству свои молитвы и чудесную помощь свыше, но далѣе этого патріотизмъ ихъ не шелъ. Левъ III,—который былъ прежде всего воинъ — стоялъ на иной точкѣ зрѣнія. Уступая духу времени и общественному мнѣнію, онъ дѣйствовалъ медленно и осторожно и не выявилъ — быть можетъ — и десятой доли своихъ предначертаній. Но по всему замѣтно, что его церковная политика имѣла сходство съ церковною политикою нашего Петра великаго. Подобно другимъ византійскимъ императорамъ, Левъ III причислялъ себя къ клиру и именовалъ себя *царемъ и священникомъ,* но не для того, чтобы *приносить нѣкій даръ ко олтарю,* а для того, чтобы удобнѣе колебать тѣ устои, на которыхъ покоилась старинная византійская, въ значительной мѣрѣ суевѣрная, набожность. Какъ нашъ Петръ 1-й имѣлъ своими сподвижниками по церковнымъ дѣламъ архіереевъ Ѳеодосія Яновскаго и Ѳеофана Прокоповича, которые, *разумѣ[illegible]ившись,* смѣлою рукою устраняли преданія и порядки древней Руси и вводили новый церковный строй помысли преобразователя,—такъ у Льва III-го были подобные же споспѣшники изъ высшей іерархіи: Константинъ, епископъ наколійскій, Ѳома, епископъ клавдіопольскій, Ѳеодосій, архіепископъ никейскій (*нечестивый сынъ Апсимара,* какъ называлъ его папа Григорій II) и патріаршій синкеллъ Анастасій.

Первые шаги Льва III въ церковной политикѣ были повидимому направлены въ сторону отъ цѣли. Онъ началъ съ того, что сталъ (722 г.) принуждать ко крещенію евреевъ и монтанистовъ; первые крестились лицемѣрно, вторые спасались отъ принужденія самосожженіемъ. Быть можетъ этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православнѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая нужна была ему для проведенія церковной реформы.

Прошло около 10 лѣтъ по воцареніи Льва, прежде чѣмъ онъ рѣшился высказаться противъ иконопочитанія. Высказался онъ на пер-

вый разъ очень осторожно. Въ 726 г. Левъ созвалъ совѣтъ изъ высшихъ свѣтскихъ, и отчасти духовныхъ сановниковъ, (такъ называемое silentium), и предложилъ на обсужденіе свое мнѣніе о томъ, что почитаніе иконъ подобно идолослуженію и отвлекаетъ людей отъ почитанія истиннаго Бога. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь заявилъ, что онъ не требуетъ немедленно того, чтобы иконы были выносимы изъ храмовъ и уничтожаемы, а желаетъ на первый разъ только того, чтобы иконы были подняты выше такъ, чтобы къ нимъ нельзя было прикладываться. Царское предложеніе было принято совѣтомъ. Не совсѣмъ ясно, какое положеніе занималъ при этомъ престарѣлый патріархъ Германъ. Уступчивость, какую онъ обнаружилъ въ 712 г. по отношенію къ имп. Филиппику (см. стр. 435) даетъ основаніе историку Папарригопуло утверждать, что и на сей разъ Германъ не сталъ бы противиться волѣ царя, если бы позади его не стояло многочисленное и фанатически настроенное сословіе иноковъ, которые оказывали на старца болѣе сильное нравственное давленіе, чѣмъ императоръ. Какъ бы то ни было, но патр. Германъ протестовалъ—должно полагать—довольно слабо и нерѣшительно, потому что еще около 4 лѣтъ занималъ патріаршую каѳедру, не смотря на свою крайнюю престарѣлость. [1])—Царскій указъ противъ иконъ (не дошедшій до насъ) былъ тѣмъ не менѣе обнародованъ и самъ царь первый приступилъ къ его выполненію. Надъ воротами дворца, которые назывались *мѣдными*, стояло изображеніе Спасителя. (У папы Григорія II оно называется *статуя*, у Зонары ἐκτύπωμα, у Кодина στήλη χαλκῆ; можетъ быть это было просто литое и выкрашенное распятіе). Изображеніе считалось чудотворнымъ (см выше стр. 308). Но это не остановило Льва. Желая показать примѣръ подданнымъ и быть можетъ имѣя въ виду, что на востокѣ изваянія пользовались меньшимъ почетомъ, чѣмъ живописныя изображенія, царь послалъ знатнаго сановника (спаѳарокандидата Іувина) снять изваяніе

---

[1]) Сколько было лѣтъ патр. Герману,—объ этомъ существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Папа Григорій II въ письмѣ къ царю отъ 727 г. заявляетъ, что Германъ, *совершаетъ нынѣ 95-й годъ*. Но это едва ли вѣрно. Мы знаемъ, что Германъ, будучи мальчикомъ, былъ оскопленъ въ 668 году. (См. выше стр. 387.) Положимъ ему было тогда 15 или наиболѣе 18 лѣтъ. Слѣд. при началѣ иконоборства ему было не болѣе 76 лѣтъ.

или—если это было распятіе—отдѣлить его отъ креста. Когда сановникъ приступилъ къ исполненію царскаго приказанія, собралась толпа народа. „Тамъ находились (читаемъ въ письмѣ папы Григорія II) ревностныя женщины, которыя умоляли спаоарокандидата, говоря: *нѣтъ! нѣтъ! не дѣлай этого*! Но онъ не внялъ ихъ просьбамъ, поставилъ лѣстницу, и, поднявшись по ней, трижды ударилъ топоромъ въ лице Спасителя. Видя это и не имѣя силъ перенести такое нечестіе, женщины отодвинули лѣстницу и бичами засѣкли его до смерти.“ Умерщвлено было при этомъ и нѣсколько воиновъ, сопровождавшихъ царскаго сановника. Императоръ съ своей стороны спѣшилъ подавить уличный безпорядокъ. Царская гвардія разсѣяла многочисленную толпу, состоявшую бо́льшею частію изъ простонародья, монаховъ и женщинъ: не мало людей при этомъ было и перебито,—а нѣкоторые и казнены; въ томъ числѣ десять мужей (память которыхъ совершается 9 августа) и инокиня Ѳеодосія, также причтенная впослѣдствіи церковію къ лику святыхъ съ именемъ *преподобномученицы* (память ея—29 мая). Надъ мѣдными вратами дворца тамъ, гдѣ стояло изваяніе Спасителя, былъ водруженъ императоромъ крестъ (который, какъ побѣдное знамя христолюбиваго воинства, не переставалъ быть предметомъ благоговѣйнаго почтенія во всю эпоху иконоборства). Подъ крестомъ была слѣдующая подпись:

Ἄφωνον εἶδος καὶ πνοῆς ἐξῃρμένον
Χριστὸν γράφεσθαι μὴ φέρων ὁ δεσπότης
Ὕλῃ γεηρᾷ ταῖς γραφαῖς πατουμένῃ,
Λέων σὺν υἱῷ τῷ νέῳ Κωνσταντίνῳ,
Σταυροῦ χαράττει τὸν τρισήλιον τύπον
Καύχημα πιστῶν, ἐν πύλαις ἀνακτόρων.

(Не терпя, чтобы Христосъ былъ изображаемъ въ безгласномъ и бездыханномъ образѣ, посредствомъ землевиднаго матеріала, воспрещаемаго въ писаніи,—государь Левъ съ сыномъ юнымъ Константиномъ начертываетъ на дверяхъ трисолнечный образъ креста, похвалу вѣрующихъ).

Волненіе въ Константинополѣ по поводу снятія съ мѣдныхъ вратъ изваянія Спасителя происходило въ 726 году. [1]) Громкимъ эхомъ

[1]) Такъ опредѣляетъ Муральтъ. Да и папа Григорій II въ своемъ обличительномъ письмѣ имп. Льву по поводу сего событія говоритъ: *десять лѣтъ ты, по милости Божіей, добрѣ совершалъ путь свой*;... *а нынѣ ты*

отозвалось оно во всей византійской имперіи и даже за ея предѣлами. „Тутъ находились“—писалъ папа Григорій императору,—„коммерческіе люди изъ Рима, Франціи, изъ вандаловъ, изъ Мавританіи, изъ готоовъ: словомъ со всѣхъ внутреннихъ странъ запада. Прибывъ на родину, они разсказали, каждый въ своей странѣ, о твоихъ ребяческихъ поступкахъ. Тогда всюду стали бросать твои портреты на землю, попирать ихъ ногами и уродовать твое лице.“ Всего скорѣе столичное волненіе отдалось въ Елладѣ и на цикладскихъ островахъ. Прослышавъ о намѣреніи Льва *удалить иконы съ глазъ человѣческихъ*, военачальники Агалліанъ и Стефанъ провозгласили императоромъ нѣкоего Косму и поплыли къ столицѣ, но флотъ ихъ 18 апрѣля 727 г. былъ сожженъ, Агалліанъ бросился въ море, а Косма и Стефанъ, попавшись въ плѣнъ были казнены. Гораздо труднѣе и безуспѣшнѣе была борьба имп. Льва съ римскимъ папою и съ Италіею. Папа Григорій II воспользовался случаемъ, чтобы объявить себя и Римъ внѣ зависимости отъ императора—нечестивца и посылалъ къ Льву III укоризненныя посланія, явно разсчитывая на безнаказанность. „Ты стращаешь насъ,“ писалъ папа къ императору, „и говоришь: *пошлю въ Римъ войско и истреблю икону св. Петра, а тамошняго архіерея Григорія постараюсь привести связаннымъ, какъ это сдѣлалъ Конста съ Мартиномъ*. Но.. если ты станешь нагло нападать на насъ и грозить намъ; то вѣдь намъ нѣтъ надобности вступать съ тобою въ сраженіе. Римскій архіерей удалится за 24 стадіи въ страну Кампанійскую; и поди, гонись за вѣтрами... Взоры всего запада обращены на наше смиреніе. Можетъ быть мы и не стоимъ этого, но народы запада большую надежду возлагаютъ на насъ и на того, чье изображеніе грозишь ты уничтожить т. е. на св. Петра, котораго всѣ западныя царства почитаютъ какъ бы земнымъ богомъ. Если ты дерзнешь

говоришь, что иконы занимаютъ мѣсто идоловъ и проч., и тѣмъ самымъ выясняетъ, что событіе, за которое онъ порицаетъ Льва, совершилось на 11 году его царствованія, т. е. въ 726 г. Папарригопуло помѣщаетъ это событіе значительно позже, но онъ введенъ въ заблужденіе невѣрными показаніями хроникеровъ, яко бы разъяренная толпа хотѣла убить патріарха Анастасія, (который патріаршилъ съ 730 г.) Документальное свидѣтельство папы Григорія II не позволяетъ намъ раздѣлять хронологической ошибки Папарригопуло.

сдѣлать такую попытку, то западъ вполнѣ готовъ отмстить тебѣ и за тѣхъ восточныхъ людей, которымъ нанесъ ты оскорбленія.“ А преемникъ Григорія II († 11 февр. 731 г.) папа Григорій III созвалъ въ Римѣ соборъ, на которомъ отлучилъ всѣхъ иконоборцевъ отъ церкви. Вся средняя (латинская) Италія, дотолѣ подвластная греческому императору, отложилась отъ него. Раздраженный Левъ, чтобы принудить папу и итальянцевъ къ покорности, послалъ въ Италію морскимъ путемъ сильное войско, но флотъ императора бо́льшею частію погибъ отъ бури на Адріатическомъ морѣ. Императоръ могъ наказать папу только тѣмъ, что отнялъ изъ подъ его юрисдикціи западную половину балканскаго полуострова съ Солунемъ и Иллиріею, и отобралъ въ пользу своей казны папскія владѣнія (patrimonia) въ южной Италіи.

На востокѣ въ зарубежныхъ патріархатахъ иконоборныя намѣренія императора также не встрѣчали сочувствія. Сильнымъ литературнымъ противникомъ иконоборства былъ палестинскій инокъ Іоаннъ Дамаскинъ, писавшій апологетическія слова въ защиту иконопочитанія. [1])

Что́ происходило между тѣмъ внутри имперіи и въ самой столицѣ? Послѣ вышеупомянутаго столичнаго волненія (726 г.), императоръ года три, кажется, не предпринималъ противъ иконъ ничего рѣшительнаго. Онъ выражалъ даже желаніе созвать вселенскій соборъ и подвергнуть дѣло о иконопочитаніи соборному обсужденію. Извѣстіе объ этомъ предположеніи императора мы находимъ въ письмѣ къ нему папы Григорія II. „Ты писалъ,“—говоритъ папа,—„что слѣдуетъ со-

---

[1]) Въ житіи св. Іоанна Дамаскина (4 декабря) содержится извѣстіе, что имп. Левъ, желая отмстить Іоанну Дамаскину за его полемику противъ иконоборства, написалъ къ себѣ отъ имени Іоанна подложное письмо съ предложеніемъ сдать Дамаскъ императору, и переслалъ это письмо калифу, что калифъ приказалъ отрубить руку мнимому измѣнику, и что эта рука опять чудесно срослась съ тѣломъ, когда Іоаннъ молился предъ иконою Богоматери. Папарригопуло, который сомнѣвается, былъ ли когда либо Іоаннъ на службѣ калифа, считаетъ весь этотъ разсказъ позднѣйшею легендою, не имѣющею никакого основанія въ дѣйствительности, „ибо и самъ Дамаскинъ въ своихъ сочиненіяхъ ни слова не говоритъ объ этомъ событіи и о чудѣ, тогда какъ оно служило бы сильнѣйшимъ доказательствомъ къ подтвержденію его темы“ (III, 449).

звать вселенскій соборъ; намъ это показалось безполезнымъ. Ты преслѣдуешь иконы, ругаешься надъ ними и истребляешь ихъ. Сдѣлай намъ милость,—оставь это дѣло и замолчи; тогда міръ успокоится и соблазны прекратятся. Представь, что мы послушались тебя, что архіереи собрались со всей вселенной, что возсѣдаетъ уже синклитъ и совѣтъ; но гдѣже христолюбивый и благочестивый императоръ, который долженъ по обыкновенію засѣдать въ свѣтѣ и чествовать тѣхъ, которые говорятъ хорошо, а тѣхъ, которые уклоняются отъ истины, преслѣдовать,—когда ты самъ, императоръ, являешься человѣкомъ непостояннымъ и варваромъ?" Должно думать, что, получивъ такой отвѣтъ, Левъ Ш и самъ оставилъ мысль о вселенскомъ соборѣ. По иконоборныхъ намѣреній царь не оставилъ и въ 730 году 16 генваря (а по исторіи Папарригопуло въ 728 г.) обнародовалъ новый указъ противъ иконъ, который былъ строже предъидущаго, но также не дошелъ до нашего времени, да и въ свое время остался безъ исполненія. „Царь хотѣлъ"—разсуждаетъ Папарригопуло,"—только обозначить принципы реформы, а не настаивалъ на немедленномъ ихъ выполненіи." Вѣрнѣе думать, что практическій тактъ подсказалъ Льву, что нельзя перемѣнять законами того, что утверждено обычаями. Обнародовавъ указъ противъ иконъ, царь осуществленіе его кажется хотѣлъ предоставить личной иниціативѣ друзей реформы. Престарѣлый патріархъ Германъ, для котораго тяжело было стоять во главѣ церковнаго управленія въ такое смутное время, добровольно оставилъ каѳедру, [1]) и его преемникомъ былъ патріаршій синкеллъ Анастасій, если не по убѣжденію, то по разсчету объявившій себя противъ иконъ. Анастасій не-

---

[1]) Православные хроникеры и синаксаристы любятъ изображать Германа героемъ и борцомъ за вѣру, но при этомъ приписываютъ Герману то, что хотѣли въ немъ видѣть. Въ дѣйствительности Германъ, кажется, былъ просто добрый и слабый человѣкъ, чувствовавшій себя очень дурно подъ давленіемъ двухъ противоположныхъ требованій царя и иконовъ, и наконецъ оставившій каѳедру, когда его положеніе стало казаться ему невыносимымъ. Впослѣдствіи самое оставленіе каѳедры было вмѣнено ему въ подвигъ исповѣдничества и стали находить пророческій смыслъ въ простыхъ словахъ его, обращенныхъ къ синкеллу Анастасію: *не торопись, еще попадешь на ипподромъ.*

требляль иконы на своемъ патріаршемъ подворьѣ; истребляли кое-гдѣ иконы и другіе вольнодумные епископы, но въ большинствѣ храмовъ, и даже въ первенствующей столичной соборной Софійской церкви, иконы сохранились не только при Львѣ III, но даже и при сынѣ его Константинѣ. Преслѣдованіе иконопочитателей въ томъ родѣ, въ какомъ было напримѣръ гоненіе на христіанъ въ III вѣкѣ, не производилось и не могло производиться уже потому самому, что иконопочитатели составляли въ имперіи громадное большинство. Если и были отдѣльные случаи преслѣдованія иконопочитателей, усердно подмѣчаемые и обобщаемые тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ и доставившіе гонимымъ славу *исповѣдниковъ*, [1]) то поводомъ къ преслѣдованію со стороны гражданской власти было не почитаніе иконъ само въ себѣ, а такъ называемое *оскорбленіе величества*, приглашеніе къ возстанію противъ существующихъ властей или что-нибудь въ этомъ родѣ. Если на западѣ,—какъ сообщалъ папа Григорій II,—находились люди, которые рвали и бросали на землю портреты императора, то подобные ревнители могли быть и на востокѣ, особенно между иноками. Папа-ригопуло даже и этого не думаетъ. Онъ считаетъ нравственный уровень тогдашняго монашества не на столько высокимъ, чтобы оно могло выдѣлять изъ себя добровольныхъ мучениковъ. Утверждая это, Папаригопуло конечно вдвойнѣ ошибается.

Сознавая безсиліе прямыхъ и крутыхъ мѣръ, Левъ III хотѣлъ дѣйствовать въ видахъ реформы мѣрами косвенными, дѣйствіе которыхъ могло быть болѣе медленно, но зато болѣе прочно. Мы упоминали уже о его законодательной дѣятельности (см. выше стр. 439). Кромѣ того онъ хотѣлъ измѣнить направленіе въ воспитаніи юношества. Папа Григорій писалъ къ императору: „Заверни въ элементарныя училища и скажи: *я истребитель и преслѣдователь иконъ*, и тотчасъ ученики

[1]) Въ четіяхъ-минеяхъ кромѣ патр. Германа (мая 12), Іоанна Дамаскина, (дек. 4) инокини Ѳеодосіи (мая 28) и десяти мужей, (авг. 9) пострадавшихъ во время столичнаго волненія 726 г., упоминается еще, какъ исповѣдникъ иконопочитанія Василій е. парійскій (апр. 12), скончавшійся въ 728 г. Можетъ быть и нѣкоторые другіе канонизованные исповѣдники иконопочитанія, точная дата жизни которыхъ неизвѣстна, относятся къ царствованію Льва III.

забросаютъ твою голову своими дощечками.“ Левъ III и безъ папы отлично зналъ, что воспитаніе въ Византіи находится въ рукахъ клира и монаховъ и неблагопріятно для его реформъ. Поэтому онъ, не долго думая, закрылъ всѣ училища, кромѣ юридическихъ. [1]) „Ошибка Льва.“ разсуждаетъ Папарригопуло (III, 438—9) „состояла въ томъ, что онъ недостаточно позаботился о поднятіи въ тоже время свѣтскаго образованія. Конечно царь не пренебрегалъ имъ, а преемники его еще болѣе были любителями просвѣщенія, какъ это доказывается появленіемъ съ конца 8 вѣка многихъ отлично образованныхъ людей, каковы были Іоаннъ грамматикъ, философъ Левъ, Михаилъ Пселлъ, геометръ Ѳеодоръ, астрономъ Ѳеодигій, филологъ Комита и самъ Фотій, родившійся и получившій образованіе еще въ вѣкъ реформы... Но, какъ видно, свѣтское образованіе привилось не сразу, да и въ послѣдствіи было достояніемъ только высшихъ сословій и—къ сожалѣнію—не дошло почти до простаго народа, отъ просвѣщенія котораго зависѣла судьба всей реформы.“—Должно думать, что Левъ III употреблялъ нѣкоторые мѣры, чтобы измѣнить міросозерцаніе и взрослыхъ византійцевъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ папа Григорій II, но его свидѣтельство для насъ неясно. „Ты,—писалъ папа—„приказавъ покорному народу оставить иконы, сталъ занимать его пустяками, вздоромъ, свирѣлями, погремушками, гитарами и лирами, а вмѣсто благословеній и славословій сталъ занимать его баснями.“ Можетъ быть императоръ устроялъ что-нибудь въ родѣ концертовъ и публичныхъ чтеній для просвѣщенія и развлеченія византійцевъ.

Въ вѣкъ Льва III были два грозныя и замѣчательныя физическія явленія, которыя иконопочитателями и иконоборцами изъяснялись различно и примѣнительно къ образу мыслей тѣхъ и другихъ. Эти явленія—образованіе въ архипелагѣ новыхъ островов вулканическаго происхожденія въ 726 г. и сильное землетрясеніе, разрушившее стѣны столицы 26 октября 740 г. На другой годъ послѣ землетрясенія имп. Левъ умеръ (18 іюня 741.), процарствовавъ 24 года, 2 мѣсяца и 25 дней. Прибавимъ ли вмѣстѣ съ старыми византійскими хроникерами:

[1]) Это распоряженіе Льва III подало поводъ къ позднѣйшей легендѣ, якобы царь сжегъ въ столицѣ публичную библіотеку и вмѣстѣ съ нею такъ называемаго *вселенскаго учителя* съ его 12 сотрудниками.

и отправился въ огонь вѣчный? Нѣтъ, мы этого не скажемъ, ибо иной судъ Божій и иные суды человѣческіе. Прислушаемся лучше къ различнымъ отзывамъ о Львѣ III людей, изучавшихъ и оцѣнивавшихъ его дѣянія.

Отзывы объ имп. Львѣ III самымъ разнорѣчіемъ своимъ показываютъ, что еще далеко не сказано послѣднее слово исторіи объ этомъ императорѣ, равно какъ и о подобныхъ ему его преемникахъ. Самый строгій судъ надъ Львомъ III выраженъ въ слѣдующемъ анонимномъ анаѳематизмѣ. *Первому злѣйшему иконоборцу, паче же христоборцу, зѣрю зловѣрному, прельщенному отъ двухъ псовъ евреевъ, демонскому слугѣ, богопротивному ратнику Божія церкве, мучителю—глаголю, а не царю, Льву исаврянину и его псевдо-патріарху Анастасію, гонителю Христова стада, а не пастырю, и с таинники ихъ, анаѳема.* [1]) Въ томъ же духѣ, хотя гораздо сдержаннѣе, отзывается о Львѣ III-мъ хроникеръ Ѳеофанъ, называя царя сарациномудрствующимъ, *нечестивымъ и злочестивымъ, и умершимъ тѣлесною и душевною смертію.* Отзывъ Амартола мы уже видѣли выше (стр. 429).—Много снисходительнѣе относятся къ Льву III-му ближайшіе къ нашему времени историки. Le Beau, французъ и католикъ, порицая Льва за иконоборство, тѣмъ не менѣе отдаетъ ему честь въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ отзывъ Лебо (VI, 352.) „Левъ царствовалъ со славою. Подданные его любили, сарацыны боялись; казалось, само провидѣніе поставило его на тронѣ, чтобы возвратить имперіи ея прежній блескъ. Выросши въ несчастіи, которое даетъ твердую выдержку душамъ и воспитываетъ доблести, Левъ достигъ престола и держался на немъ силою своего генія. Онъ былъ бы великій государь, если бы не захотѣлъ быть реформаторомъ;—предпріятіе рискованное и опасное, когда дѣло идетъ о религіи. Религія боится царскихъ рукъ; она требуетъ у царя покровительства, а не реформы; сей послѣдней она ожидаетъ отъ своихъ служителей, законныхъ стражей вѣры и церковной дисциплины. Этотъ капризъ помрачилъ всѣ дарованія Льва, погасилъ всѣ его добродѣтели и сдѣлалъ суровымъ преслѣдователемъ человѣка, созданнаго для благодѣяній и добрыхъ чувствъ. Левъ былъ отцомъ своихъ под-

[1]) К. Никольскаго. Анаѳематствованіе, совершаемое въ 1-ю недѣлю в. поста. Спб. 1879. Стр. 123.

данныхъ, пока не захотѣлъ быть богословомъ; съ тѣхъ поръ онъ превратился въ тирана. Если бы даже государь и имѣлъ право дѣлать нововведенія въ области религіи, то никогда ни одинъ царь не былъ къ тому менѣе способенъ. Питомецъ военнаго ремесла Левъ былъ глубокій невѣжда. Но какъ будто воображая, что предѣлы его знанія также обширны, какъ предѣлы его власти, Левъ брался рѣшать богословскіе вопросы и хотѣлъ законодательствовать въ области самой религіи. Филиппикъ хотѣлъ воспретить иконопочитаніе: Левъ рѣшился довести дѣло до конца. Онъ былъ убѣжденъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, несогласное съ чистымъ христіанствомъ, и ожидалъ самыхъ блестящихъ успѣховъ для имперіи, если его святое предпріятіе будетъ исполнено."

Шлоссеръ, нѣмецъ и протестантъ, идетъ еще далѣе въ сочувствіи Льву III-му. Онъ одобряетъ и самую идею церковной реформы Льва, но порицаетъ царя только за его самовластіе и неумѣлость въ проведеніи реформы, не отрицая впрочемъ и въ этомъ случаѣ относительной умѣренности царя. „Когда могущественный государь, окруженный льстецами, заберетъ что-нибудь себѣ въ голову и свое личное мнѣніе считаетъ чистою истиною, а все съ нимъ несогласное вздоромъ и глупостью,—то рѣдко онъ можетъ устоять противъ искушенія насильно навязать подданнымъ свою истину и всегда найдутся подлыя души, которыя ради пріобрѣтенія царской милости будутъ поддерживать его словомъ и дѣломъ. Левъ и единомысленный съ нимъ патріархъ могли думать объ иконахъ, что́ угодно, могли считать ихъ идолами, могли брать строгія мѣры противъ суевѣрныхъ нововведеній, могли побуждать духовенство читать библію и возвышаться къ болѣе чистымъ религіознымъ понятіямъ,—но кто далъ царю право быть судьею совѣсти своихъ подданныхъ и дерзкою рукою ломать дерево и камень, предъ которымъ съ сердечною вѣрою преклонялись подданные, отрѣшаясь отъ земныхъ отношеній? Обманываясь относительно предѣловъ своего могущества, думая, что у всѣхъ людей такія же продажные души какъ у придворныхъ, мечтая, якобы царскія приказанія, угрозы и наказанія могутъ создавать духъ времени, Левъ осмѣлился предписывать подданнымъ, какъ они должны вѣровать. Если исаврiецъ, грубый солдатъ, раздражаемый противорѣчіемъ, еще не зашелъ слишкомъ далеко по этому пути, то это мы должны приписать или умѣренности Льва, или благоразумію его совѣтниковъ... (Bildersturmende

Kaizer 165—6). Заканчивая исторію Льва III-го, Шлоссеръ говоритъ: „хроникеры обременяютъ Льва порицаніями, хотя для всякаго безпристрастнаго человѣка 25-лѣтнее царствованіе,—послѣ котораго остались сыну и наслѣднику дисциплинированное войско, полное казначейство и послушный народъ,—вовсе не служитъ доказательствомъ порока и Божьяго наказанія. Богъ судитъ иначе, чѣмъ мы смертные... И наказаніе и награда сокрыты Имъ во мракѣ вѣчности. Наше дѣло—оцѣнивать не добродѣтели или пороки людей, а только факты внѣшней ихъ дѣятельности: здѣсь мы можемъ судить, что сдѣлано согласно или несогласно съ вѣчнымъ, всѣми признаваемымъ, закономъ. Левъ насильно хотѣлъ возвести людей къ болѣе чистымъ понятіямъ. Онъ не былъ благородный мыслитель, знающій, что мудрость нельзя вселить принужденіемъ, что толпа часто изъ одной крайности переходитъ въ другую, нисколько не лучшую. Что же касается до приписываемой Льву свирѣпости, то объ этомъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго, ибо и самые ожесточенные враги Льва не сообщаютъ никакихъ фактовъ, отмѣченныхъ особою жестокостію или несправедливостію.“ (ibid. 190).

Но наиболѣе благопріятное сужденіе о Львѣ III-мъ даетъ новый греческій историкъ Папарригопуло (III, 464—467). Онъ сочувствуетъ и идеѣ реформы Льва III, и самому ея выполненію, и, если о чемъ жалѣетъ, такъ только о томъ, что память великаго государя обезображена враждебными ему писателями. „Какое было образованіе Льва,—говоритъ Папарригопуло—неизвѣстно. Но во время военной службы, среди трудныхъ стратегическихъ предпріятій, онъ выработалъ тотъ практическій тактъ, который, хотя не всегда восполняетъ теорію, но бываетъ часто полезнѣе ея, особенно для человѣка, призваннаго управлять государственными дѣлами. Должно полагать, что Левъ былъ хорошій супругъ, хорошій отецъ, и вообще хорошій человѣкъ. Хроникеры не говорятъ ничего худаго объ его частной жизни, хотя безъ сомнѣнія они весьма охотно протрубили бы о всякомъ пятнѣ, какое только могли бы найти въ характерѣ царя. Мы узнаемъ даже, что Левъ былъ *красивъ видомъ и высокъ ростомъ*, ибо Кедринъ—паче чаянія— откровенно сообщилъ намъ объ этомъ. Производя раскопки въ Елладѣ для открытія памятниковъ древняго искусства, мы находимъ иногда разбитую статую и стараемся по возможности собрать уцѣлѣвшія части; мы не успѣваемъ возсоздать древнее произведеніе искусства въ первоначальной красотѣ, но все таки можемъ составить себѣ

нѣкоторую идею о прежнемъ изяществѣ. Таковъ же, хотя слабый, но не лишенный сходства съ дѣйствительностію, образъ имп. Льва, усматриваемый нами по частямъ и между строкъ у враждебныхъ ему лѣтописцевъ!—Враги Льва не могли отрицать воинскихъ доблестей государя, но все, что онъ дѣлалъ въ интересахъ реформы, частію перетолковано, частію сокрыто. Къ счастію самыя тяжкія клеветы измышлены позднѣйшими хроникерами; древнѣйшіе же, и особенно Никифоръ, были болѣе умѣренны и даютъ намъ основаніе смѣло утверждать, что Левъ III не сожигалъ высшаго церковнаго училища въ Константинополѣ вмѣстѣ съ учителями и книгами, не билъ по щекамъ и не изгонялъ патр. Германа, не предавался страшному тиранству, но, разъ рѣшившись совершить реформу, шелъ къ своей цѣли умѣренно и осторожно чрезъ многочисленныя затрудненія.. Если же, вопреки нашему предположенію, и случалось, что раздраженный противодѣйствіемъ Левъ позволялъ себѣ оказывать давленіе на чужую совѣсть, то нужно признать, что противники его тысячекратно отмстили ему за эту неправду, исказивъ исторію его царствованія. Наиболѣе знаменитыя его дѣла, именно законы въ пользу семейнаго благоустройства, противъ крѣпостнаго права, въ пользу болѣе широкаго и изъятаго изъ рукъ клириковъ образованія—или сокрыты, или обруганы и обезображены. Благороднѣйшій законодатель являлся предъ взорами потомства, какъ самый низкій злодѣй. Даже люди, сочувствовавшіе церковной реформѣ Льва III, до послѣдняго времени не знали, что, помимо вопроса объ иконахъ, онъ предпринималъ нѣчто болѣе важное и существенное, чтобы вдохнуть жизнь и свободу въ общество, не имѣвшее другихъ положительныхъ идеаловъ кромѣ иконопочитанія и монашества... Но настала наконецъ пора отдать справедливость одному изъ величайшихъ государей восточной имперіи, одному изъ благодѣтелей человѣчества. Левъ принялъ державу, когда столица была осаждена арабами, войско было парализовано, казначейство пусто, народъ упалъ духомъ и все государство стояло на краю анархіи. Чрезъ 25 лѣтъ, когда Левъ оставилъ престолъ своему сыну Константину, арабы были усмирены, войско отлично устроено и послушно, казначейство наполнено, общественная безопасность обезпечена; и кромѣ того въ законахъ церковныхъ, гражданскихъ, земледѣльческихъ, экономическихъ, были положены сѣмена возрожденія, развитіе которыхъ снова могло бы дать эллинизму

первое мѣсто въ мірѣ въ соціальномъ, умственномъ и политическомъ отношеніи."

Константинъ V, (741—775) въ его отношеніяхъ къ государству и церкви. Иконоборческій соборъ. (754 г.) Антимонашеская борьба. Общее сужденіе историковъ о Константинѣ V.

Сынъ и преемникъ Льва III, Константинъ V продолжалъ дѣло своего отца съ бо́льшею энергіею и настойчивостію. Какъ государь, Константинъ V прославился удачными войнами противъ арабовъ и болгаръ, возобновленіемъ столичнаго водопровода и приведеніемъ имперіи въ цвѣтущее экономическое положеніе, но по отношенію къ церкви онъ былъ лютый иконоборецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и врагъ иночества. Впрочемъ первые 16 лѣтъ царствованія Константинова прошли для православной церкви сравнительно спокойно. Константину явился сильный соперникъ въ лице зятя его Артабазда, армянина, женатаго на дочери Льва III. Артабаздъ рѣшился воспользоваться разномысліемъ подданныхъ имперіи для того, чтобы захватить въ свои руки царскую власть, и дѣйствительно при сильной поддержкѣ иконопочитателей успѣлъ воцариться и въ теченіе года (742—3) царствовать въ Константинополѣ. О Константинѣ же V, который находился съ войсками на дальнемъ востокѣ, былъ распущенъ слухъ, якобы онъ умеръ. Но Константинъ не умеръ. Осенью 743 г., онъ явился съ войскомъ предъ столицею, низвергъ и казнилъ Артабазда, и конечно не могъ возчувствовать признательности и къ сторонѣ православныхъ, поддерживавшихъ Артабазда. [1])

---

[1]) Хроникеры сообщаютъ, что самъ патріархъ Анастасій, иконоборецъ, но признавшій Артабазда, былъ подверженъ бичеванію и посрамленію на ипподромѣ. (по нѣкоторымъ варіантамъ даже ослѣпленъ), но все-таки оставленъ на патріаршей каѳедрѣ, потому что царь не могъ найти между архіереями ему преемника, склоннаго къ иконоборству. Папарригопуло (III, 174—6) не вѣритъ этому разсказу. Во 1-хъ историкъ обращаетъ вниманіе на то, что Константинъ V скоро (на соборѣ 754 г.) нашелъ не одного, а 338 архіереевъ, склонныхъ къ иконоборству,—слѣд. легко могъ замѣнить Анастасія: во 2-хъ—замѣчаетъ, что публичному посрамленію на ипподромѣ дѣйствительно подвергся одинъ патріархъ въ тоже царствованіе (767 г.)

Сознавая, что великую церковно-общественную реформу нельзя осуществить безъ содѣйствія духовенства, Константинъ V озаботился заручиться сочувствіемъ іерарховъ. Царь достигъ этой цѣли; —какими способами? объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Вѣроятно при замѣщеніи праздныхъ архіерейскихъ каѳедръ, царь старался, чтобы онѣ доставались друзьямъ реформы. Въ провинціяхъ собирались предварительные соборики, высказывавшіеся противъ иконопочитанія. Какъ бы то ни было, но въ 754 году царь имѣлъ возможность созвать такъ называемый имъ VII вселенскій соборъ противъ иконопочитанія. Соборъ открылся 10 февраля и закончился 8 августа. Первыя засѣданія собора происходили на азіатскомъ берегу Босфора, во дворцѣ, называемомъ Іеріею,—послѣднее—во Влахернскомъ храмѣ Богоматери въ самомъ Константинополѣ. Число членовъ собора было весьма значительно; именно ихъ было 338. Нѣтъ извѣстій, чтобы отцы дѣйствовали по принужденію (см. выше стр. 433). Конечно, какъ и во всякомъ многолюдномъ собраніи, главныхъ дѣятелей было немного: остальные ограничивались молчаливымъ согласіемъ и рукоприкладствомъ. Такими главными дѣятелями иконоборческаго собора, могутъ быть признаны: Ѳеодосій, архіепископъ ефесскій (сынъ бывшаго царя Тиверія—Апсимара), предсѣдательствовавшій на соборѣ за смертію патріарха Анастасія († 753 г.),—Константинъ, епископъ силейскій, котораго царь въ соборномъ засѣданіи 8 августа провозгласилъ столичнымъ патріархомъ,—и Палладій, епископъ пергійскій. Сюдаже могутъ быть причислены, съ нарочитымъ порицаніемъ упоминаемые въ актахъ VII вс. собора: Сисинній пергійскій, прозванный Пастиллою, Василій писидійскій, носящій гнусное прозвище τριχακός и Ѳеодоръ сиракузскій по прозванію Криѳинъ. [1]) Внѣшняя сторона дѣятельности иконоборческаго собора не отличалась отъ обычныхъ формъ и пріемовъ соборованія. Также какъ и на всѣхъ соборахъ вообще,- составлено вѣроопредѣленіе, касающееся предмета соборныхъ сужденій и опирающееся на основанія изъ

но не Анастасій, а Константинъ. „Нельзя же допустить, что при Константинѣ V всѣ патріархи подвергались поруганію на ипподромѣ, сидя на ослѣ лицемъ къ хвосту.“

[1]) Дѣянія VII вс. собора въ русскомъ переводѣ. Казань 1873. стр. 15, 81 и 611.

свящ. писанія, преданія и разума, также провозглашена анаѳема иномыслящимъ и также отцы подтверждали результатъ собора и привѣтствовали императора шумными восклицаніями. Формы были обычныя, но содержаніе влагалось въ нихъ неправославное. Отлагая до *15 чтенія* взложеніе догматствованія иконоборческаго собора, мы замѣтимъ здѣсь, что анаѳемѣ подвергнуты были: *двоедушный* Германъ, патр. константинопольскій, единомышленникъ его Георгій кипрянинъ, и—четырекратно—Мансуръ т. е. св. Іоаннъ Дамаскинъ. Анаѳемѣ подвергались также и всѣ иконопочитатели на будущее время. „Единогласно опредѣляемъ,—читалось въ соборномъ опредѣленіи,—что всякая икона, сдѣланная изъ какого бы то ни было вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцевъ, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей; она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія. Никакой человѣкъ да не дерзаетъ заниматься такимъ нечестивымъ и небл[illegible]приличнымъ дѣломъ. Если же кто-либо съ этого времени дерзнетъ устроить икону, или покланяться ей, или поставить ее въ церкви, или въ собственномъ домѣ, или же скрывать ее, такой,—если это будетъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, то да будетъ низложенъ, а если монахъ или міряниръ, то да будетъ преданъ анаѳемѣ, и да будетъ онъ виновенъ и предъ царскими законами; такъ какъ онъ противникъ Божіихъ распоряженій и врагъ отеческихъ догматовъ.“—Восклицаніе же, которымъ отцы иконоборческаго собора привѣтствовали императора въ засѣданіи 8 августа, было слѣдующее: σήμερον σωτηρία τῷ κόσμῳ, ὅτι σύ, βασιλεῦ, ἐλυτρώσω ἡμᾶς ἐκ τῶν εἰδώλων. („Нынѣ спасеніе міру, ибо ты, царь, избавилъ насъ отъ идоловъ“). Это засѣданіе собора имѣло мѣсто во влахернскомъ храмѣ Богоматери, изъ котораго предварительно вынесены были всѣ иконы. Папарригопуло не безъ основанія видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство того, какъ медленно и туго прививалось въ Византіи иконоборчество.“ Достойно замѣчанія,—говоритъ историкъ,—„что торжественное провозглашеніе отмѣны иконъ совершилось не въ великомъ храмѣ Софіи, что́ было всего естественнѣе, но во влахернскомъ храмѣ Богоматери,—и это потому, что св. Софія сохранила свои иконы, хотя прошло уже около 30 лѣтъ отъ перваго указа Льва III противъ иконъ. Можемъ ли мы предположить, что иконы были истребляемы вездѣ за исключеніемъ главнаго столичнаго храма?“ Какъ ни радикальны были постановленія иконоборческаго собора, но,—если вѣ-

рить хроникерамъ—вольнодумство императора шло еще дальше. Соборъ настойчиво защищаетъ почитаніе Богоматери и угодниковъ Божіихъ, а императоръ—будто-бы—рѣзко высказывался противъ почитанія Богоматери. Само собою разумѣется, что принявъ на себя приведеніе въ исполненіе соборныхъ опредѣленій, которыя казались ему слабыми и недостаточными, Константинъ V рѣшился по крайней мѣрѣ ихъ осуществить въ полномъ размѣрѣ безъ снисхожденія и послабленія. И вотъ послѣ собора 754 г. Константинъ V является суровымъ иконоборцемъ, а еще болѣе монахоборцемъ. Преслѣдованіе монаховъ обусловливалось какъ тѣмъ, что они были горячими защитниками иконъ и обрядовой набожности, такъ, и тѣмъ что они, съ утилитарной точки императора, представлялись людьми лишними и безполезными какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту. Императоръ считалъ и называлъ монаховъ распространителями идолопоклонства, чадами тьмы. Онъ рѣшился уничтожить монашеское сословіе. Превращая монастыри въ казармы, царь требовалъ отъ монаховъ, чтобы они носили мірское платье и вступали въ бракъ, обѣщая послушнымъ милости, деньги и должности въ войскѣ и администраціи. Въ 766 г. (ноября 20) императоръ взялъ съ столичныхъ жителей торжественную клятву, что каждую икону они считаютъ за идольскій образъ, и что не будутъ имѣть общенія съ монахами, но каждую недостойную черную монашескую фигуру будутъ преслѣдовать насмѣшками и камнями. Въ слѣдующемъ 766 году (авг. 24) монахи связанные попарно съ монахинями по приказанію царя были водимы по ипподрому—на потѣху столичному населенію. Царь преслѣдовалъ монаховъ въ столицѣ; тоже дѣлали въ провинціяхъ правители, особенно Михаилъ Мелиссенъ въ темѣ анатолійской, Михаилъ Лахонодраконъ въ темѣ ѳракисійской и Манесъ въ темѣ вукелларійской.

Если отношенія Константина V къ инокамъ носятъ характеръ личнаго раздраженія, то естественно ожидать, что и монахи не оставались совсѣмъ въ долгу у императора. Такъ дѣйствительно и было. Не говоря уже о томъ, что иноки противупоставляли иконоборному собору 754 г. авторитетъ заграничнаго іерусалимскаго собора въ пользу иконъ,—находились въ монашескомъ сословіи смѣлые обличители царя, за то и пострадавшіе. Таковы были Андрей каливитъ († 17 окт. 761), Стефанъ новый († 20 ноября 765), Петръ столпникъ (765 г.). Смѣлость этихъ обличителей выразилась въ томъ, что св. Андрей публично

называлъ царя Юліаномъ и Валентомъ, а св. Стефанъ попиралъ ногами монету съ царскимъ изображеніемъ.—Былъ и заговоръ противъ царя, открытый въ 766 г., послѣ чего гнѣвъ царя обрушился на вельможъ (логоѳета Конст. Попадогура и др.), на многихъ иноковъ и даже на иконоборнаго патріарха Константина, который былъ смѣщенъ и чрезъ два года (15 авг. 768 г.) казненъ. Патріаршую каѳедру занялъ Никита евнухъ, родомъ славянинъ. „Сей варваръ *нашъ* (говоритъ пр. Порфирій въ *ист. Аѳона*) выколупалъ всѣ мозаическія иконы въ своей патріархіи и въ другихъ мѣстахъ истребилъ св. образа. Скончался же онъ въ 780 году“ т. е. уже послѣ смерти Константина, который кончилъ жизнь 14 сентября 775 г., возвращаясь съ похода на Болгарію, послѣ 35-лѣтняго царствованія.

Представимъ рядъ отзывовъ и объ имп. Константинѣ. Самый суровый судъ объ этомъ государѣ содержится въ анонимномъ анаѳематизмѣ. „*Сего двоименнаго злаго звѣря* (т. е. Льва III сыну) *второму иконоборцу, скверному отъ рода его тирану, а не царю, хульнику на Вышняго, ругателю церковному, окаянному человѣку глаголю Константину Гноемотылному и с таинники его всѣми анаѳема.* [1]) Въ томъ же духѣ отзывы и древнихъ хроникеровъ. Ѳеофанъ говоритъ слѣдующее: „царь кончилъ жизнь, запятнавъ себя кровью многихъ христіанъ, и призываніемъ демоновъ и жертвами имъ, и преслѣдованіемъ святыхъ церквей, и правой и непорочной вѣры, а также истребленіемъ монаховъ и опустошеніемъ монастырей. Всякою злобою преспѣвалъ онъ не хуже Діоклетіана и древнихъ тирановъ.“ У Амартола читаемъ такія извѣстія о началѣ и концѣ жизни Константиновой. *О началѣ* „Говорятъ, что онъ при крещеніи во св. купели совершилъ испражненіе, знаменуя этимъ нѣчто странное и неблагопріятное.“ *О концѣ.* „Царь ополчился на болгаръ, но дошедши до Аркадіополя, былъ пораженъ чрезмѣрною сильною и жгучею огневицею, такъ что и голени его странно обуглились и онъ слегъ въ постель. Будучи довезенъ до Силимвріи и потомъ водою до крѣпости Стронгилла, царь умираетъ душею и тѣломъ съ такими воплями: *еще живой я преданъ неугасаемому огню изъ-за Богородицы Маріи; но отнынѣ да будетъ она почитаема и вос-*

[1]) К. Никольскаго. Анаѳематствованіе... Спб. 1879. стр. 123.

пѣваема, какъ истинная Богоматерь. И когда онъ такимъ образомъ вопіялъ и призывалъ Богородицу Марію и догматизируя заповѣдывалъ, что ее нужно почитать какъ истинную Богородицу Приснодѣву и поклоняться ей,—то среди такихъ воплей съ страшными и тяжкими усиліями извергъ онъ свою окаянную душу". Этиже темы варіируются и у другихъ хроникеровъ. У новѣйшихъ историковъ мрачный образъ Константина все болѣе и болѣе проясняется, пока не становится почти совершенно свѣтлымъ. Уже у Лебо есть желаніе стать на болѣе объективную точку зрѣнія, ибо онъ припоминаетъ, что не всѣ современники одинаково дурно думали о Константинѣ. „Еретики послѣднихъ вѣковъ," говоритъ Лебо (VII, 47—1), „не первые стали истощаться въ тщетныхъ усиліяхъ возстановить репутацію этого нечестиваго государя. Никифоръ, патріархъ константинопольскій, родившійся въ его царствованіе, говоритъ, что иконоборцы воздаютъ ему великія почести и, смѣло противорѣча недавнимъ фактамъ, представляютъ его государемъ счастливымъ, непобѣдимымъ, доблестнымъ. Георгій Амартолъ, жившій въ 9 вѣкѣ, замѣчаетъ, что Константинъ Копронимъ есть герой враговъ вѣры. „Всѣ согласно хвалятъ его," говоритъ Амартолъ: „всѣ выдаютъ его за государя побѣдоноснаго и мудраго, который былъ бичемъ варваровъ и суевѣрія." Но, по увѣренію обоихъ помянутыхъ хроникеровъ, такія похвалы Константину несогласны съ истиною. Впрочемъ можетъ быть и то, что ненависть византійцевъ исказила образъ этого государя и что гонимые православные, по весьма понятному предъубѣжденію, легко вѣрили всякой народной молвѣ и приписывали царю то, въ чемъ онъ былъ вовсе не виноватъ. Таковы напр., по моему мнѣнію, сообщенія Свиды, что царь былъ сарацинъ душою, что онъ обожалъ Венеру, приносилъ ей человѣческія жертвы и закалалъ мальчиковъ среди ночи.—Но съ другой стороны, на чемъ мы можемъ опереться, чтобы противорѣчить современнымъ писателямъ, которые изображаютъ намъ Константина, какъ человѣка, преданнаго самымъ грязнымъ удовольствіямъ, еще при жизни наказаннаго за свой развратъ позорною болѣзнію, постоянно тревожимаго ужасами, отнимавшими у него спокойный сонъ,—звѣрски жестокаго къ своимъ слугамъ, которыхъ онъ приказывалъ бичевать, и даже билъ самъ, унижая царское достоинство,—какъ жестокаго гонителя, врага Бога и человѣковъ, котораго могутъ хвалить только люди ему подобные?" Болѣе снисходительно судитъ о Константинѣ Шлоссеръ. „О нравственномъ

характерѣ Константина—говоритъ Шлоссеръ—трудно составить себѣ истинное и вѣрное понятіе. Всѣ его поступки носили на себѣ характеръ насилія, и потому намѣренія его не были поняты современниками, съ предъубѣжденіемъ смотрѣвшими на всѣ его дѣйствія. Его обвиняютъ въ жадности и скупости; но онъ не жалѣлъ издержекъ для возобновленія водопровода, построеннаго нѣкогда имп. Валентомъ и разрушеннаго во время осады столицы при Иракліѣ. Ни одинъ изъ преемниковъ Ираклія не имѣлъ достаточно средствъ для возобновленія водопровода, тогда какъ Константинъ исправилъ его въ одно лѣто, употребивъ на это до 7000 инженеровъ и рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ были уплачены изъ собственной казны императора.“ [1]) По самымъ горячимъ апологетомъ Константина является Папарригопуло, который защищаетъ царя между прочимъ добродѣтелями его дочери. „О настроеніи, которое господствовало тогда при дворѣ,“— говоритъ Папарригопуло (III, 530) — „свидѣтельствуютъ честные нравы всѣхъ дѣтей и супругъ Константина и въ особенности добродѣтели его дочери Анѳусы.“ — Добродѣтели дочери Константина святой Анѳусы дѣйствительно весьма замѣчательны, ибо представляютъ рѣдкое въ Византіи соединеніе самаго глубокаго благочестія и аскетизма съ подвигами благотворительности и любви къ человѣчеству. Царевна Анѳуса, всю жизнь проведшая въ дѣвствѣ, кончила жизнь въ монастырѣ. Она любила украшать храмы и возсоздать монастыри, но она любила также помогать бѣднымъ, выкупать плѣнныхъ и построила сиропитательный домъ для дѣтей, не имѣющихъ родителей или брошенныхъ ими. Добродѣтели св. Анѳусы, которая канонизована церковію и достойна похвалы съ какой угодно точки зрѣнія, могли бы нѣсколько примирить съ памятью ея отца тѣхъ, кто признаетъ общность и наслѣдственность фамильныхъ свойствъ, если бы даже злокачественность царя стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Но и этого послѣдняго утвержденія, по мнѣнію Папарригопуло, никакъ допустить нельзя. „Константинъ V,“—говоритъ Папарригопуло,—„оказался го-

---

[1]) Шлоссеръ замѣчаетъ также, что враждебные Константину хроникеры ухитрились объяснить противъ него даже такое повидимому для всѣхъ полезное и пріятное явленіе, какъ дешевизна съѣстныхъ припасовъ, полагая причиною этой дешевизны уменьшеніе жителей въ столицѣ.

раздо строже и настойчивѣе своего отца въ проведеніи церковной реформы. Левъ III—можно сказать—только начерталъ планъ церковной реформы, а не приступилъ еще къ ея выполненію. Константинъ же и приступилъ къ выполненію и отчасти осуществилъ реформу. Поэтому онъ сдѣлался предметомъ бо́льшаго озлобленія, чѣмъ его отецъ, и многія насилія приписываются ему съ большимъ основаніемъ, чѣмъ Льву III-му. Но враги Константина V неправы въ томъ отношеніи, что преувеличили тѣ насилія, которые царь совершилъ, и выдумали еще больше такихъ, какихъ онъ вовсе не дѣлалъ.... Если вѣрить Ѳеофану и синаксаристамъ, Константинъ V былъ безчеловѣчный извергъ. Мало того: они утверждаютъ даже, что царь поклонялся Афродитѣ и приносилъ ей ночью человѣческія жертвы,—что онъ звѣрски обращался съ своими царедворцами, которыхъ часто приказывалъ бичевать, а иногда и самъ билъ кулаками и пинками,—наконецъ, что онъ былъ преданъ крайнему распутству. Но Никифоръ въ своей исторіи ничего не говоритъ объ этомъ, напротивъ упоминаетъ о фактахъ, свидѣтельствующихъ о человѣколюбіи и благородствѣ царя... Бросая послѣдній взглядъ на весь историческій образъ Константина V,[a] заключаетъ греческій историкъ, „мы должны признать прежде всего, что воинскія доблести царя неприрекаемы. Византійское войско было при немъ хорошо дисциплинировано и часто одерживало блестящія побѣды. Но Константинъ не имѣлъ творческаго духа своего отца. Левъ III организовалъ реформу и далъ относящіеся къ ней религіозные, гражданскіе, экономическіе, соціальные законы: Константинъ не издавалъ такихъ законовъ. Въ предѣлахъ же исполнительной дѣятельности Константинъ оказался безспорно практичнѣе своего отца. Константинъ, подобно отцу, былъ убѣжденъ, что общество болѣетъ суевѣріемъ: подобно отцу, былъ чуждъ представленія о томъ, что главное лекарство противъ этой болѣзни есть распространеніе въ народѣ просвѣщенія: подобно отцу, былъ убѣжденъ, что церковная реформа достаточна къ тому, чтобы вывести народъ изъ летаргіи, и наконецъ, подобно отцу, видѣлъ, что народное большинство отвергаетъ предлагаемое ему леченье. Послѣ всего этого, Константинъ рѣшился на то, на что никакъ не могъ рѣшиться его отецъ: именно рѣшился насильно лечить общество больное и отвращающееся отъ лекарства. Положимъ, что вслѣдствіе всего этого образъ Константина, взятый въ цѣломъ, лишенъ той свѣтлости и благородства, какія отличали Льва

III, и напротивъ того выдается какою-то дикою энергіею. Но необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что при мягкомъ образѣ дѣйствій Льва церковная реформа оставалась только на хартіи, а Константинъ своею упорною энергіею двинулъ дѣло на столько, что—будь преемникъ его похожъ на него—оно было бы доведено до конца".

Левъ IV Хазаръ (775—780). Имп. Ирина вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ (780—790). VII вселенскій соборъ (787). Константинъ VI (790—797). Борьба матери съ сыномъ. Единодержавіе Ирины (797—802). Отзывы историковъ о ней.

Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе въ изложеніи исторіи, мы должны бросить взглядъ на составъ царскаго семейства. Константинъ V былъ женатъ три раза. Первою женою его была была дочь хазарскаго кагана, во св. крещеніи Ирина, крещенная и бракосочетавшаяся въ 732 г. Отъ этого брака Константинъ имѣлъ дочь св. Анѳусу и сына Льва, родившагося 25 генв. 750 г., прозваннаго по матери хазаромъ, и вступившаго въ бракъ съ аѳинянкою Ириною въ концѣ 769 г. Вторая жена Константина V неизвѣстна по имени, и, какъ кажется, была очень недолговѣчна. Третьею женою царя была Евдокія изъ знатной фамиліи Мелиссиновъ, родившая царю пять сыновей Никифора, Христофора, Никиту (род. въ половинѣ 763 г.), Анѳима и Евдокима, которые впослѣдствіи всѣ сдѣлались жертвою политики аѳинянки Ирины.

Сложное въ такой степени царское семейство, потерявъ своего главу, естественно должно было представить изъ себя позорище борьбы за престолъ и борьбы за существованіе. Естественно было ожидать также, что при господствовавшемъ въ Византіи раздѣленіи иконопочитателей и иконоборцевъ (или—говоря по нынѣшнему—консерваторовъ и либераловъ), одна часть царскаго семейства обопрется на одну,—а другая—на другую сторону. Такъ дѣйствительно и случилось. Императрица Ирина постоянно держалась иконопочитателей и монаховъ. Сыновья Константина V отъ 3-го брака постоянно пользовались сочувствіемъ иконоборцевъ и войска. А Левъ Хазаръ и сынъ его Константинъ VI по своему малодушію и слабохарактерности нигдѣ не успѣли пріобрѣсти для себя прочныхъ симпатій.

Непосредственно по воцареніи Левъ Хазаръ, находившійся подъ

вліяніемъ своей жены Ирины, высказался благодушно по отношенію къ иконопочитателямъ и монахамъ. Праздныя архіерейскія каѳедры стали замѣщаться иноками. Вліяніе Ирины высказалось и въ томъ, что царь поспѣшилъ провозгласить императоромъ своего 5-лѣтняго сына Константина. Обстоятельства, при которыхъ совершалось это провозглашеніе, показываютъ, что оно было дѣломъ консерваторовъ, желавшихъ обезпечить престолъ за сыномъ Ирины и сохранить на долго желанный для нихъ порядокъ государственнаго управленія. Народъ—по словамъ хроникера—тронутый тѣмъ, что царь оказалъ щедрость, благочестіе и сочувствіе къ инокамъ, шумно толпился на ипподромѣ съ недѣли вaій до великой пятницы (апр. 8—12) требуя, чтобы Левъ объявилъ царемъ и своего сына. Левъ по видимому не довѣрялъ прочности и силѣ сочувствія набожныхъ византійцевъ, и не соглашался. *Сынъ у меня одинъ,* говорилъ Левъ IV; *если меня не будетъ, вы убьете его и возмете себѣ другаго правителя.* Но народъ клялся, что не хочетъ иного царя, кромѣ Льва и его прямаго потомства. Взявъ съ народа торжественную клятву предъ крестнымъ древомъ, Левъ короновалъ своего сына въ день пасхи (14 апр.) 776 г. Торжество сына Ирины было пораженіемъ для другой половины царскаго семейства, для сыновей Константина V отъ 3-го брата. Тщетно Левъ IV хотѣлъ удовольствовать своихъ братьевъ громкими, но пустыми титулами цезарей и нобилиссимовъ. Одинъ изъ нихъ цезарь Никифоръ, конечно надѣясь на поддержку иконоборнаго войска, скоро составилъ заговоръ, но былъ уличенъ и сосланъ въ Херсонесъ.

Левъ IV и Ирина были согласны и единодушны между собою только въ самомъ началѣ своего царствованія. Съ теченіемъ времени они стали морально все болѣе и болѣе расходиться. Левъ IV,—быть можетъ въ силу наслѣдственныхъ свойствъ исаврійской династіи,—началъ склоняться на сторону реформы. Ирина же все болѣе и болѣе упрочивала свой авторитетъ между иноками и набожными византійцами. Послѣднимъ общимъ дѣломъ царственныхъ супруговъ можетъ быть признано избраніе новаго столичнаго патріарха на мѣсто умершаго (6 февр. 780 г.) иконоборца Никиты. Избранъ былъ Павелъ кипрянинъ,—человѣкъ, по отзыву историка Папарригопуло,—желавшій угодить всему міру. Какъ давній и искренній иконопочитатель, Павелъ былъ угоденъ императрицѣ, тѣмъ не менѣе,—по требованію императора,—далъ письменное клятвенное обѣщаніе, что не будетъ почитать

иконъ. Вскорѣ послѣ избранія новаго патріарха, произошелъ открытый разрывъ между Львомъ IV и Ириной. Царь казнилъ 6 сановниковъ, обвиненныхъ въ томъ, что они привлекали царицу къ иконопочитанію, а саму Ирину удалилъ изъ дворца. Спустя полгода Левъ IV умеръ отъ какой-то внезапной и странной болѣзни. 30 лѣтъ отъ роду, послѣ $5\frac{1}{2}$-лѣтняго царствованія [1]).

По смерти Льва Хазара на византійскомъ престолѣ является вдова его императрица Ирина вмѣстѣ съ 11-лѣтнимъ сыномъ Константиномъ VI. Хотя въ государственныхъ актахъ имя сына стояло прежде имени матери, но понятно, что при его малолѣтствѣ и при энергичномъ характерѣ Ирины истинною самодержицею была она. Взгляды и симпатіи Ирины были для всѣхъ ясны и разъ навсегда твердо опредѣлены. Она была усердною любительницею иноческаго чина и горячею ревнительницею византійской обрядовой набожности, соединенной съ почитаніемъ иконъ, мощей и свящ. реликвій. Можно сказать, что между императрицею съ одной стороны, и монахами и другими набожными византійцами съ другой стороны существовалъ постоянный,—не гласный, не писанный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный,—оборонительный и наступательный союзъ для взаимной поддержки, такъ что тор-

---

[1]) Предсмертная болѣзнь Льва IV такъ изображается у хроникеровъ. „Будучи большой любитель дорогихъ камней, Левъ возгорѣлся желаніемъ имѣть корону Маврикія, взялъ ее (изъ Софійскаго храма) и надѣлъ на себя при царскомъ выходѣ. Но на возвратномъ пути страшно почернѣла у него голова и будучи объятъ и пораженъ сильнѣйшею горячкою, онъ извергъ душу свою, поплатившись за святотатство.“ Были люди, которые обвиняли Ирину въ кончинѣ Льва IV, главнымъ образомъ потому что смерть мужа была для нея выгодна. Папарригопуло думаетъ, что слабый здоровьемъ Левъ IV могъ умереть и естественною смертію въ 30-лѣтнемъ возрастѣ. Наконецъ нельзя ли поискать еще средняго объясненія между чудомъ и злодѣйствомъ? Корона, взятая Львомъ IV изъ софійскаго храма, называется у хроникера Дороѳея монемвасійскаго *короною Ираклія* (+640). О сей послѣдней коронѣ мы знаемъ, что она была вынута изъ саркофага Ираклія чрезъ нѣсколько недѣль послѣ его смерти, когда тѣло царя уже разложилось,—такъ что корона была снята вмѣстѣ съ черепомъ. Не могъ ли трупный ядъ сохраниться въ металлѣ въ теченіе 140 лѣтъ и воздѣйствовать при соприкосновеніи съ живымъ организмомъ?

жество и пораженіе Ирины было вмѣстѣ съ тѣмъ торжествомъ и пораженіемъ для иноческаго чина.—Византійскіе иконоборцы и либералы ясно понимали, чего имъ можно ожидать отъ царствованія Ирины, и поспѣшили сдѣлать заговоръ, чтобы исторгнуть власть изъ ея рукъ и провозгласить императоромъ ея деверя кесаря Никифора (сына Константина V отъ 3 брака). Но Ирина предъупредила своихъ враговъ. Разославъ въ ссылку главнѣйшихъ заговорщиковъ, она насильно сдѣлала монахами и клириками кесаря Никифора и его братьевъ и заставила ихъ публично участвовать въ торжественномъ богослуженіи въ Софійскомъ храмѣ въ день рождества Христова тогоже 780 года.

Утвердившись на престолѣ, имп. Ирина высказала свое личное усердіе и расположеніе къ возстановленію древняго благочестія. Она торжественно перенесла съ острова Лимноса въ Константинополь мощи великомуч. Евфиміи, которыя—какъ гласитъ сказаніе о нихъ—были выброшены въ море при Константинѣ V и чудесно обрѣтены на островѣ Лимносѣ. Къ первому же времени царствованія Ирины относится странное археологическое открытіе нѣкіихъ чудныхъ мощей какого-то чуть ли не допотопнаго святаго. „Нѣкто",—читаемъ въ хроникѣ Амартола—„дѣлая раскопку у долгой стѣны, нашелъ ларецъ, и, вскрывъ его, увидѣлъ трупъ великорослаго человѣка, а на ларцѣ были выбиты слѣдующія письмена: *Христосъ имѣетъ родиться отъ Дѣвы Маріи, и вѣрую въ Него. А при Константинѣ и Иринѣ царствующихъ, опять, о солнце, ты увидишь меня!*" Какъ бы мы ни объясняли это открытіе, во всякомъ случаѣ оно соотвѣтствовало настроенію византійцевъ, желавшихъ процвѣтанія старой обрядовой набожности.—Само собою разумѣется, что желающіе чтить св. иконы невозбранно поставляли ихъ въ домахъ и храмахъ.

Но этого было недостаточно. Опредѣленія иконоборческаго собора 754 г. все-таки оставались въ силѣ, и почитаніе иконъ было еще дѣломъ нелегальнымъ. Необходимо было созвать новый соборъ съ авторитетомъ *вселенскаго* и отмѣнить на немъ рѣшенія собора 754 года. Къ этой цѣли и пошла имп. Ирина послѣдовательно и систематично. Хотя хроникеры и стараются увѣрить насъ, что событія складывались сами собою помимо усилій императрицы, но по всему видно, что составленіе новаго собора устраивалось согласно выработанному плану. Отъ исторіи сокрыты навсегда частные и келейные переговоры царицы съ духовными и свѣтскими сановниками по дѣлу о возстановленіи

иконъ; но во внѣшней исторіи этого дѣла мы можемъ различать три послѣдовательныхъ фазиса: а) отреченіе патр. Павла (784 г. авг. 31 б) избраніе въ патріархи Тарасія (784 г. дек. 35) и в) наконецъ созваніе самаго собора сначала въ Константинополѣ, (786 г. авг. 17) потомъ въ Никеѣ (787 г., сент. 24—13 октября).

Бывшій тогда въ столицѣ патріархъ Павелъ, хотя и сочувствовалъ дѣлу возстановленія иконопочитанія, но не могъ взять на себя осуществленія этого дѣла,—во первыхъ по своей крайней болѣзненности, а главнымъ образомъ потому что въ его прошломъ было нѣчто, не позволявшее ему заявить себя ревностнымъ иконопочитателемъ,—именно клятвенное обѣщаніе не почитать иконъ, данное имъ царю Льву IV при вступленіи на патріаршую каѳедру. Все, что могъ сдѣлать патріархъ ради возстановленія стараго порядка церковныхъ дѣлъ состояло въ томъ, чтобы сойти съ каѳедры, завѣщавъ созваніе новаго собора для пересмотра дѣла объ иконопочитаніи. Такъ патр. Павелъ и сдѣлалъ, и его завѣщаніе могло казаться тѣмъ болѣе обязательнымъ, что онъ скончался вскорѣ послѣ своего отреченія отъ каѳедры. Вопросъ о возстановленіи св. иконъ былъ такимъ образомъ оффиціально и гласно поставленъ на очередь.

Далѣе нужно было возвести на патріаршую каѳедру человѣка, который могъ бы санонизовать возвратъ къ отринутой религіозной обрядности, не впадая въ крайности, не раздражая по возможности многочисленныхъ противниковъ иконопочитанія. Это необходимо было для успѣха самаго дѣла. Достойно замѣчанія,—по мнѣнію Папаррригопуло (III, 546), что Ирина между многими сотнями архіереевъ, игуменовъ и монаховъ не нашла ни одного избранника на патріаршую каѳедру съ требуемыми качествами. Конечно не было недостатка въ желающихъ; но одного желанія было недостаточно; нужны были еще и умъ, и образованіе, и искусство въ дѣлахъ, и личный авторитетъ. Должно полагать, что изъ византійскихъ архіереевъ болѣе образованные уже связали свое имя съ постановленіями иконоборческаго собора;—а игумены и монахи, пребывшіе вѣрными иконопочитанію, были малообразованы и фанатичны.—Какъ бы то ни было, но императрица, не смотря на свою любовь къ иноческому чину, нашла необходимымъ выбрать патріарха изъ мірянъ, и остановилась мыслію на государственномъ секретарѣ Тарасіѣ, который отличался своею образованностію и благороднымъ примирительнымъ настроеніемъ. Выборъ былъ удаченъ.

Тарасій былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ μετριοπαθής, кроткій, разсудительный и безпристрастный. Просвѣщеннымъ умомъ онъ ясно видѣлъ и оцѣнивалъ по достоинству народныя суевѣрія и монашескія неустройства, вызвавшія иконоборческую реформу,—но съ другой стороны также ясно видѣлъ, что иконоборчество не имѣетъ почвы въ общенародномъ сознаніи и вызываетъ въ большинствѣ только озлобленіе,—и патріотически надѣялся, что возрожденіе греческой націи пойдетъ успѣшнѣе, если реформы, направляясь на другія стороны византійской жизни, не будутъ касаться быта церковнаго. При своемъ избраніи на патріаршество Тарасій,—конечно вслѣдствіе предварительнаго уговора съ царицею,—торжественно объявилъ въ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, что онъ согласенъ принять патріаршество не иначе, какъ подъ условіемъ созванія вселенскаго собора для пересмотра вопроса объ иконахъ, изъ-за котораго греческая церковь анаѳематствуется римскою и другими церквами. Собраніе въ большинствѣ соглашается на это условіе, и Тарасій провозглашается патріархомъ.—Такимъ образомъ сдѣланъ былъ второй шагъ для возстановленія отринутой церковной обрядности: не только была заявлена необходимость новаго собора, но и поставленъ былъ способный человѣкъ, который долженъ былъ руководить всѣмъ предпріятіемъ.

Предпріятіе было трудное и требовавшее большой подготовки. Патр. Тарасій прежде всего вступилъ въ сношенія съ римскимъ папою и съ восточными патріархами по вопросу о созваніи новаго собора;—съ этой стороны препятствій не предвидѣлось, и не встрѣтилось. Препятствія были внутреннія, домашнія. Цѣлое поколѣніе въ Византіи смѣнилось, и новое успѣло уже вырости и состарѣться при иконоборныхъ императорахъ, и хотя громадное большинство византійцевъ было привержено къ обрядовой набожности, но большинство это состояло изъ простонародья, монаховъ и женщинъ, т. е. изъ членовъ общества пассивныхъ. Активные же члены общества,—далеко меньшіе числомъ, но превосходившіе энергіею,—именно воины, чиновники и весьма многіе епископы рѣшительно стояли на сторонѣ иконоборческихъ порядковъ. Два міросозерцанія враждебно столкнулись другъ съ другомъ,—солдатское и монашеское,—и каждое изъ нихъ, по мнѣнію Папаригопуло (III, 556) условливалось различіемъ ихъ профессіи: солдатъ вѣрилъ въ силу личной самостоятельности и самодѣятельности человѣка и смѣло готовъ былъ идти на бой съ препятствіями, монахъ призна-

валъ всегдашнюю зависимость человѣка отъ высшихъ духовныхъ силъ и постоянно ожидалъ чудесъ и знаменій. Само собою разумѣется, что сильная и привыкшая ко власти иконоборческая партія не могла оставаться бездѣйственною при возстановленіи иконопочитанія; солдаты не могли равнодушно видѣть торжества иноковъ. Еще при избраніи Тарасія (784 г. дек. 25,—) слышны были голоса, что не нужно новаго вселенскаго собора,—но когда усиліями Тарасія былъ дѣйствительно составленъ и открытъ въ Константинопольскомъ храмѣ св. апостоловъ соборъ для возстановленія иконъ, (786 г. авг. 17), то противодѣйствіе иконоборцевъ достигло высшей степени. Иконоборствующіе епископы составляли предварительныя совѣщанія, чтобы организовать обдуманную оппозицію Тарасію; въ день открытія собора воины во множествѣ окружили храмъ св. апостоловъ и настойчиво истребовали доступъ внутрь храма, чтобы охранять свободу и безопасность иконоборствующихъ епископовъ. Соборное засѣданіе началось, но имп. Ирина, присутствовавшая тутъ же на хорахъ храма, скоро увидала, что при такой обстановкѣ соборъ не приведетъ къ желанной цѣли и предложила патр. Тарасію удалиться.—Ясно было, что нужно еще позаботиться о болѣе удовлетворительной подготовкѣ къ открытію собора, имѣющаго провозгласить торжество иконопочитанія. Императрица сочла необходимымъ прежде всего ослабить войско. Подъ предлогомъ похода противъ арабовъ, ветераны были отправлены въ Азію, и тамъ по частямъ расформированы и выпущены въ отставку. Замѣнившіе ихъ новобранцы не имѣли уже стараго духа и старыхъ преданій. Затѣмъ, чтобы будущій соборъ имѣлъ не менѣе членовъ, чѣмъ иконоборный соборъ 754 г., (т. е. не менѣе 338),—приглашены были въ составъ собора игумены и иноки въ числѣ 132. Были вѣроятно переговоры съ иконоборствующими епископами, изъ коихъ оказались склонными къ покаянію 9 человѣкъ. Наконецъ послѣ годичной подготовки VII вселенскій соборъ былъ открытъ 24 сент. 787 г., но не въ столицѣ, а въ Никеѣ, какъ городѣ, болѣе безопасномъ отъ иконоборческихъ смутъ и славномъ памятью I вселенскаго собора. На 1 засѣданіи были приняты въ церковное общеніе и получили полную амнистію покаявшіеся иконоборные епископы. На слѣдующихъ двухъ засѣданіяхъ были читаны посланіе папы Адріана и посланіе съ востока. Наконецъ съ 4-го засѣданія соборъ приступилъ къ обсужденію главнаго вопроса. Были прочитаны выдержки изъ св. Писанія и твореній

отеческихъ, говорящія въ пользу иконопочитанія, опровергнуты положенія иконоборнаго собора 754 г.,—анаѳематствованы иконоборные патріархи, Анастасій, Константинъ и Никита, и возстановлена честь памяти защитниковъ православія, патр. Германа, Георгія кипріота и Іоанна Дамаскина. Окончательное опредѣленіе относительно иконъ изложено въ такихъ выраженіяхъ. „Со всякимъ тщаніемъ и осмотрительностію опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались для поклоненія, точно также какъ изображеніе честнаго и животворящаго креста,—будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ или мозаики или другаго какого-либо вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться въ святыхъ церквахъ Божіихъ на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на доскахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа или непорочной Владычицы нашей св. Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще они (т. е. первообразы) при помощи иконъ дѣлаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ иконамъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобызаніе и почтительное поклоненіе, (ἀσπασμὸν καὶ τιμητικὴν προσκύνησιν), *но никакъ не то истинное служеніе* (λατρείαν), *которое по вѣрѣ нашей приличествуетъ одному только божественному естеству.*“ Это опредѣленіе VII вс. собора, вопреки иконоборцамъ возстановляя почитаніе иконъ,—съ другой стороны служило твердымъ оплотомъ противъ суевѣрія, настойчиво заявляя, что иконы не могутъ быть предметомъ того служенія, какое приличествуетъ одному Божеству.—Различіе терминовъ προσκύνησις и λατρεία и соединенныхъ съ ними понятій было теперь достаточно выяснено для всякаго православнаго христіанина.—Перечитывая *дѣянія* VII вс. собора, мы вообще замѣчаемъ, что рѣшающій голосъ на немъ имѣли патр. Тарасій и единомышленные съ нимъ люди средняго, примирительнаго направленія, далекіе отъ крайностей иконоборства, но въ тоже время совершенно нерасположенные покровительствовать народному суевѣрію или покрывать недостатки монашества. Достойно замѣчанія, что на VII вс. соборѣ составлено было нѣсколько правилъ противъ аномалій монашеской жизни.—Послѣднее (8-е) засѣданіе VII вс. собора имѣло мѣсто въ Константинополѣ въ дворцѣ Магнавра, въ присутствіи имце-

ратрицы матери и ея сына, и было посвящено исключительно провозглашенію торжества иконопочитанія и скрѣпленію царскими подписями соборнаго акта. Торжествующая императрица немедленно поставила надъ мѣдными вратами дворца икону Спасителя съ подписью: ἣν καθεῖλε πάλαι Λέων ὁ δεσπόζων, ἐνταῦθα ἀνεστήλωσεν Εἰρήνη.

Примирительное направленіе церковной политики, восторжествовавшее на VII вс. соборѣ, къ сожалѣнію не продолжилось. Въ своихъ усиліяхъ удержать за собою царскую власть отъ притязаній деверьевъ и подростающаго сына, честолюбивая Ирина оперлась на крайнюю партію, состоявшую изъ евнуховъ и монаховъ,—которыхъ, по нынѣшней терминологіи, можно бы назвать отчаянными реакціонерами. Эти реакціонеры, во главѣ которыхъ стоялъ евнухъ Ставракій, недовольны были снисходительностію патр. Тарасія къ покаявшимся иконоборнымъ епископамъ, не переставали высказывать сомнѣнія относительно законности поставленія самаго Тарасія въ патріархи изъ мірянъ, и не признавали авторитета VII вс. собора, такъ какъ онъ долго не былъ утверждаемъ папою. Мало того: не удовлетворяясь постановленіями VII всел. собора, реакціонеры пытались кромѣ того уничтожить всѣ реформы Льва III и Константина V въ быту военномъ и гражданскомъ. Пользуясь честолюбіемъ Ирины для того, чтобы властвовать подъ ея именемъ, реакціонеры увѣряли царицу, что *Богу не угодно*, чтобы она передавала царскую власть въ руки сына. Это не угодно было и самой Иринѣ, и послѣдствіемъ такихъ внушеній была семилѣтняя (790—797) борьба матери съ сыномъ за скипетръ и корону. Во время этой борьбы приверженцы Ирины пользовались неустройствами семейной жизни Константина VI, чтобы представить ихъ въ качествѣ ужасныхъ, вопіющихъ на небо преступленій, и вооружить противъ царя общественное мнѣніе. Въ дѣйствительности если Константинъ VI и былъ виноватъ, то не безвинна въ неустройствахъ его семейной жизни была и Ирина.

Первоначально (въ 781 г.) Ирина хотѣла обручить своего 11-лѣтняго сына съ 8-лѣтнею дочерью Карла великаго Ротрудою. Сватовство состоялось, и ученый грекъ Елисей поселился при дворѣ Карла великаго для обученія Ротруды греческому языку и обычаямъ. Но впослѣдствіи Ирина передумала и сама разрушила затѣянное ею сватовство, вѣроятно сообразивъ, что такой могучій и энергическій государь, какъ Карлъ великій, не попуститъ, чтобы его зять оставался

титулярнымъ императоромъ. Въ концѣ 788 г. Ирина женила своего сына на пафлагонянкѣ или армянкѣ Маріи, внучкѣ св. Филарета милостиваго. Въ житіи св. Филарета (1 дек.) этотъ неожиданный бракъ представляется какъ очевидное свидѣтельство милости Божіей ко св. Филарету за его нищелюбіе. Но для самой Маріи бракъ вовсе не принесъ счастія, ибо царь, по словамъ хроникера, „не хотѣлъ этого брака и противился по причинѣ склонности, какую чувствовалъ къ дочери Карла.“ Въ 790 г. Константинъ VI сдѣлалъ покушеніе отнять у матери царскую власть, и это покушеніе, сначала неудачное, скоро увѣнчалось успѣхомъ. Но Константинъ, какъ человѣкъ слабохарактерный, не съумѣлъ удержать расположенія воиновъ, которымъ былъ обязанъ своею властію и снова подчинился вліянію своей матери, которая опять оказала гибельное вліяніе на его семейную жизнь. „Царь,—по словамъ хроникера,—возненавидѣлъ жену свою Марію по навѣту матери, желавшей привести его во всеобщую ненависть,—и принудилъ ее постричься. А самъ беззаконно женился на Ѳеодотѣ кубикуларіи (фрейлинѣ Ирины) и вѣнчалъ ее на царство.“ Придворный іерей экономъ Іосифъ совершилъ царское браковѣнчаніе и патр. Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ. Но иноки приверженные къ Иринѣ употребили всѣ усилія, чтобы представить царя величайшимъ беззаконникомъ и вооружить противъ него общественное мнѣніе, и никогда, кажется, частная жизнь ни одного государя не подвергалась столь жестокимъ порицаніемъ, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Какъ будто вся вселенная готова была разрушиться отъ того, что Константинъ VI развелся съ Маріею и женился на Ѳеодотѣ. Въ концѣ концовъ приверженцы Ирины достигли своего желанія: царь потерялъ власть и зрѣніе (15 іюля, 797 г.) и Ирина осталась единодержавною царицею.

Единодержавіе Ирины, продолжавшееся около 5 лѣтъ (797—802), было золотымъ вѣкомъ для иноковъ, число коихъ въ одномъ студійскомъ монастырѣ увеличилось отъ 12 человѣкъ до 1000. Но общее направленіе внутренней и внѣшней политики страдало тѣми недостатками, которые обыкновенно свойственны господству реакціонеровъ. 31 октября 802 года Ирина была низвергнута. Логоѳетъ Никифоръ, вѣнчанный патр. Тарасіемъ на царство, сослалъ бывшую царицу на островъ Лесбосъ, гдѣ она скоро и умерла. Паденіе Ирины совершилось легко и быстро, но, какъ видно, сильно опечалило иноковъ, которые

впрочемъ предполагали, что ихъ чувства раздѣляются всѣмъ народомъ. „Одни“, говоритъ хроникеръ Ѳеофанъ, „удивлялись, какъ Богъ допустилъ чтобы исповѣдница вѣры подпала такому горю; другіе какъ будто не вѣрили своимъ глазамъ, и думали, что они видятъ это во снѣ; третьи наконецъ плакали, воспоминая ея благодѣянія къ нимъ, и всѣ вмѣстѣ проклинали какъ новаго императора, такъ и короновавшаго его“ т. е. патр. Тарасія.

Приведемъ въ заключеніе рядъ отзывовъ объ имп. Иринѣ.

Мужъ и сынъ имп. Ирины были люди довольно безцвѣтные, заурядные и пассивные, не возбуждавшіе ни сильныхъ симпатій, ни очень сильныхъ антипатій,—посему исторія ими довольно мало занимается. Совсѣмъ иное дѣло—императрица Ирина. Отзывы о ней также многочисленны и разнообразны, какъ и отзывы объ императорахъ Львѣ III и Константинѣ V,—но замѣчательно, что отзывы эти хронологически идутъ совершенно въ обратномъ порядкѣ, т. е. начинаются похвалою и кончаются порицаніемъ. Еще при жизни имп. Ирина была почти канонизована. VII вселенскій соборъ увѣнчалъ ее похвалами, именуя новою Еленою. Современникъ Ирины св. Ѳеодоръ Студитъ въ своемъ письмѣ къ ней отъ 801 г. по поводу облегченія народныхъ податей привѣтствуетъ императрицу такимъ панегирикомъ. „Скажи намъ, государыня, откуда вселилась въ тебя такая любовь къ благочестію, что ты ненасытимо возжелала благоугождать Богу и до чрезвычайности простерла попеченіе о душевной и тѣлесной пользѣ христіанъ?.... Все царство твое наполнилось радости и веселія. Кто слыхалъ о такихъ дѣлахъ? скажите мужи. Кто видалъ при другомъ царствованіи столь великое и столь важное благодѣяніе?... Хвалите ее всѣ народы; величайте ее съ нами начальники и подчиненные, священники и монахи, и весь христіанскій родъ. Ты угождаешь Богу;... ты радуешь избранныхъ ангеловъ Божіихъ и людей, живущихъ преподобно и праведно, богоименитая Ирина! Въ этомъ сіяетъ твое благочестіе, за это всѣ уста и всякій языкъ прославляетъ тебя; это, по истинѣ, слава церкви, это печать содержимаго тобою отеческаго и богодухновеннаго православія христіанъ, ревнительница по Богѣ и поборница истины!“ Вѣроятно вскорѣ по смерти св. Ирина была канонизована и включена въ календарь. У послѣдующихъ византійскихъ хроникеровъ Ирина также прославляется, какъ христолюбивая, благочестивая, благодѣтельная царица. „Ирина“, говоритъ

Амартолъ, „была весьма благочестива и любила добродѣтель и устроила многія страннопріимницы и сиропитательницы и монастыри, сдѣлала облегченія податей и множество другихъ исправленій.“ Но въ исторіи Ирины было событіе, съ которымъ не могло примириться народное чувство византійцевъ, хотя они и раздѣляли вполнѣ православнѣйшія убѣжденія царицы, именно—ослѣпленіе и низверженіе съ престола собственнаго сына. Хроника Амартола передаетъ только народную молву по поводу этого событія, при чемъ хроникеръ ни подтверждаетъ, ни опровергаетъ ее. „Мать царя, приласкавъ всѣхъ и дарами склонивъ на свою сторону, выжидала удобнаго случая, чтобы воцариться самой. И вотъ (15 іюля 797 г.)... когда царь прибылъ во дворецъ, то вельможи, сторонники его матери, въ ея отсутствіи, въ той комнатѣ, гдѣ онъ родился, ослѣпляютъ его страшно и немилостиво... Тогда помрачилось солнце на 17 дней, такъ что корабли блуждали по морю и *всѣ говорили*, что ради ослѣпленія царя затмилось солнце.“ Послѣдующіе хроникеры смѣлѣе и рѣшительнѣе очерчивали темную и свѣтлую сторону въ жизни Ирины, такъ что Ирина у нихъ представлялась существомъ двойственнымъ... Такъ Дороѳей монемвасійскій то удивляется благочестію Ирины, говоря такъ: „О чудо! одна женщина съ ребенкомъ возстановила благочестіе и попрала нечестіе!“ то называетъ Ирину дѣтоубійцею. Ближайшіе къ нашему времени историки старались разъяснить себѣ загадочный вслѣдствіе этой двойственности характеръ Ирины. Лебо, вполнѣ одобряя религіозную политику Ирины, пытается представить жестокую борьбу ея съ сыномъ за корону, какъ слѣдствіе грѣховнаго, но временнаго увлеченія, которое Ирина впослѣдствіи искупила раскаяніемъ. „Честолюбивая царица,“—говоритъ онъ—„достигла всего, чего желала, кромѣ душевнаго спокойствія и любви подданныхъ. Она рѣшилась утишить угрызенія совѣсти и смягчить народное къ себѣ нерасположеніе силою своихъ благодѣяній. Подобно всѣмъ самодержцамъ, Ирина льстила себя надеждою, что она изгладитъ память о своихъ преступленіяхъ, дѣлая добро народу, судьѣ строгому, но позволяющему подкупать себя благодѣяніями. Она отворила свое казначейство и щедрою рукою подавала бѣднымъ.“ Заканчивая исторію Ирины и упомянувъ о послѣднихъ печальныхъ дняхъ ея въ ссылкѣ на островѣ Лесбосѣ, Лебо говоритъ: „должно быть греки сильно вѣрили въ покаяніе Ирины, если причислили ее къ лику святыхъ.“

Шлоссеръ нѣсколько иначе опредѣляетъ характеръ Ирины. Не

смѣною грѣшнаго увлеченія и раскаянія объясняетъ онъ противорѣчія въ ея жизни, а тѣмъ, что самая набожность царицы не исключала проступковъ и даже преступленій. „Характеръ Ирины"—говоритъ историкъ—„представлялъ самое счастливое соединеніе властолюбія съ тогдашними понятіями о религіи.„ И еще: „Ирина была религіозна, но у ней, какъ и у всѣхъ женскихъ и избалованныхъ блестящею обстановкою натуръ, религія была болѣе средствомъ, нежели цѣлью." Характеризуя Ирину, Шлоссеръ находитъ умѣстнымъ припомнить слова Вольтера: *набожность у женщинъ соединяется съ любовью, съ политикою, даже съ жестокостію.*

Наиболѣе суровую оцѣнку личности и дѣятельности Ирины даетъ Папарригопуло (Ш, 597 — 9.) признающій всю политическую дѣятельность царицы не только неодобрительною въ нравственномъ отношеніи, но и весьма вредною для Византіи. „Ирина, рожденная и воспитанная въ Аѳинахъ, куда не проникалъ духъ церковныхъ новшествъ, принесла съ собою въ столицу убѣжденія, опредѣлившія всю ея жизнь. Константинъ V жестоко ошибся, когда избралъ Ирину въ невѣсты своему сыну и наслѣднику. Ирина не только не возъимѣла никакого сочувствія къ началамъ реформы, но всегда стремилась къ возстановленію старыхъ церковныхъ порядковъ и считала ихъ настолько необходимыми для спасенія отдѣльной личности и всего міра, что всѣ средства, добрыя и худыя, ведущія къ цѣли, казались ей дозволенными. Поэтому, прибывъ въ Константинополь, въ качествѣ невѣсты царскаго наслѣдника, Ирина не колебалась дать свекру (т. е. Константину V) притворную клятву въ нерушимомъ соблюденіи его церковныхъ нововведеній. Но по смерти Константина V, Ирина, пользуясь слабымъ характеромъ своего мужа Льва IV, стала потихоньку подкапывать новое зданіе, а по смерти мужа и совсѣмъ ниспровергла оное. А когда Ирина замѣтила, что ея деверья, а потомъ и сынъ, желая достигнуть власти, опираются на друзей реформы, то безпощадно покарала всѣхъ своихъ родственныхъ соперниковъ, не пожалѣла и родного сына. И такъ превратны были ея религіозныя понятія, что она, если вѣрить М. Гликѣ, думала искупить свой грѣхъ освобожденіемъ жителей столицы отъ различныхъ податей. Безчеловѣчный поступокъ Ирины съ сыномъ строго осудили даже расположенные къ ней хроникеры. Но и вся политика Ирины заслуживаетъ строгаго осужденія. Мы ничего не говоримъ

противъ возстановленія иконопочитанія. Возстановленіе иконопочитанія въ томъ видѣ, какъ оно состоялось на VII всел. соборѣ, не затрогивало основныхъ началъ реформы, по крайней мѣрѣ въ сознаніи умѣренныхъ ея приверженцевъ. Но Левъ III и Константинъ V, кромѣ устраненія иконъ, предпринимали и еще много нововведеній, чтобы поднять народныя силы и вывести ихъ изъ летаргіи... Къ несчастію Ирина не ограничилась только вопросомъ объ иконахъ. Она распустила войско, пожертвовала многими весьма важными внѣшними интересами имперіи, безразсудно сложила многіе необходимые налоги, умножила монастыри, подчинила правительство видамъ монаховъ, поручила государственныя дѣла негоднымъ людямъ и особенно евнухамъ, про которыхъ не даромъ ходила древняя пословица: *если имѣешь евнуха, убей его, если не имѣешь, купи и убей...* Малая Азія досталась арабамъ, Ѳракія болгарамъ, папа владычествовалъ надъ среднею Италіею, казначейство было пусто и вся имперія пришла въ такое нестроеніе и оскуденіе, что даже самъ патріархъ Тарасій согласился на ниспроверженіе неспособнаго и ханжествующаго правительства."

Низверженіемъ Ирины закончилась исаврійская династія, генеалогическую таблицу коей и прилагаемъ.

Имп. Левъ III, Исавръ † 741, іюн. 18.
Жена его Марія † 750.

Дѣти ихъ: 1) Дочь въ замужествѣ за Артабаздомъ, претендентомъ на корону, убитымъ 743 г. 2) Сынъ ихъ имп. Константинъ V род. 718 г. † 775 г. сент. 14.

1-я жена его Ирина, дочь кагана хазарскаго, въ бракѣ съ 732.	2-я жена неизвѣстна по имени.	3-я жена Евдокія изъ фамиліи Мелиссиновъ.

Дѣти отъ 1-го брака.

Сынъ имп. Левъ IV Хазаръ род. 750 янв. 25 † 780 сент. 8. | Дочь св. Анѳуса.

Жена Льва IV аѳинянка св. Ирина (въ бракѣ съ 769 г.) † 803 г. авг. 9.

Сынъ Льва VI имп. Константинъ VI (род. 771, янв. 14) ослѣпленъ въ 797 г. іюля 15.

Первая жена Константина VI пафлагонянка Марія съ 788 г. пострижена въ 795 г.

Вторая жена Ѳеодота *кубикуларія* въ бракѣ съ 795 г.

Дочь отъ 2-го брака Евфросинія въ замужествѣ за имп. Михаиломъ Травломъ съ 828 г.

Дѣти Константина V отъ 3-го брака:

Никифоръ, Христофоръ, Никита, Анѳимъ, Евдокимъ пострижены насильно въ монахи, 780 г., изувѣчены Константиномъ VI въ 792 г. вторично изувѣчены Ириною въ 797 г., изувѣчены еще разъ при Михаилѣ I въ 812 г.

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Вторая половина иконоборнаго періода (802—842 г.).

Аналогія между обѣими половинами иконоборнаго періода. И. Никифоръ Геникъ (802—811) Его борьба съ внутренними и внѣшними противниками. Отзывы о немъ. Паденіе династіи Геника (811—813).

Вторая половина иконоборнаго періода, къ разсмотрѣнію которой мы теперь переходимъ, представляетъ собою довольно рѣдкій въ исторіи примѣръ повторенія однородныхъ явленій съ тѣмъ же характеромъ и въ той же постепенности. Это какъ бы второе изданіе первой половины иконоборнаго періода, нѣсколько сокращенное и измѣненное, но въ главныхъ чертахъ тождественное. Конечно совершеннаго сходства нѣтъ, ибо въ мірѣ ничто не повторяется, но есть черты сходства поразительныя.

Сначала идетъ рядъ энергичныхъ и способныхъ государей, которые берутъ въ свои руки дѣло реформы. Льву III и Константину V соотвѣтствуютъ Никифоръ Геникъ, Левъ Армянинъ, Михаилъ Травлъ и Ѳеофилъ,—и притомъ такъ, что осторожнаго и сдержаннаго Льва III болѣе напоминаютъ Никифоръ Геникъ и Михаилъ Травлъ, а на суроваго и запальчиваго Константина V болѣе похожи Левъ Армянинъ и особенно Ѳеофилъ. Императоры реформаціоннаго направленія горячо поддерживаются войскомъ, а также нѣкоторыми новаторами изъ высшаго духовенства, похожими на русскаго Ѳеофана Прокоповича. Патріарху Анастасію, Ѳеодосію арх. ефесскому, Константину наколійскому и дру-

гимъ дѣятелямъ первой половины иконоборнаго періода соотвѣтствуютъ во второй половинѣ Антоній е. силейскій, впослѣдствіи патріархъ, и особенно патріархъ Іоаннъ грамматинъ.

Но вслѣдъ за вольнодумными и энергическими императорами на престолѣ является женщина съ малолѣтнимъ сыномъ: въ первой половинѣ періода Ирина съ Константиномъ VI, во второй половинѣ періода—Ѳеодора съ Михаиломъ III. Приверженная къ монахамъ и и клиру, и та и другая императрица, пользуясь правами единодержавной государыни, передѣлываетъ то, что было сдѣлано ея предшественниками, возстановляетъ отвергнутую церковную обрядность и торжественно утверждаетъ это возстановленіе. (Никейскій соборъ 787 г. и *торжество православія* 842 г.).

Такое повтореніе однородныхъ явленій невольно наводитъ на мысль, что весь иконоборческій періодъ не есть безпорядочная груда событій, произведенныхъ произволомъ отдѣльныхъ личностей, но законосообразное взаимодѣйствіе подспудныхъ силъ, чередовавшихся въ въ своемъ развитіи съ такою-же правильностію, какъ морской приливъ и отливъ. Эти подспудныя силы не всякій — даже греческій — историкъ назоветъ одинаково. Средневѣковый хроникеръ — монахъ усмотритъ здѣсь борьбу *благочестія* и *нечестія*; а современный грекъ, въ родѣ напр. Папарригопуло, охарактеризуетъ ихъ какъ *прогрессивный патріотизмъ* съ одной стороны и *набожную апатію* съ другой стороны.

Новый императоръ, логоѳетъ Никифоръ, низвергшій покровительницу иночества Ирину, естественно уже вслѣдствіе этого не могъ быть пріятенъ монашескому сословію. Самое воцареніе Никифора представляется у хроникеровъ какою-то безсмысленною и нелѣпою случайностію, которою изумлены и озадачены были всѣ византійцы безъ исключенія. Даже мелкія приключенія въ началѣ царствованію Никифора холодная погода въ день его воцаренія, (1 ноябр. 802 г.) ушибъ ноги царемъ, когда онъ садился на лошадь (4 мая, 803 г.), истолковываются хроникеромъ въ самомъ неблагопріятномъ для царя смыслѣ, какъ дурная примѣта и знаменіе гнѣва Божія. Но Никифоръ—и помимо того, что былъ антагонистомъ Ирины,—въ самой личности своей заключалъ нѣкоторыя свойства,—нельзя сказать дурныя, но—непріятныя для массы народа вообще и для монаховъ въ особенности. До своего вступленія на престолъ, онъ былъ государственнымъ казна-

чеемъ (ἀπὸ τοῦ γενικοῦ ταμείου, — почему и получилъ прозваніе *Геника*). Эта должность естественно располагала Никифора къ разсчетливости, бережливости и пожалуй скупости, тѣмъ болѣе что расточительное и безразсчетное хозяйство имп. Ирины естественно должно было постоянно раздражать государственнаго казначея и направлять его къ противуположной крайности. И дѣйствительно по воцареніи Никифоръ радикально измѣнилъ финансовую политику, забравъ личную сокровищницу имп. Ирины и обнаружилъ сильное стремленіе къ пріумноженію государственной казны. Разумѣется эта перемѣна была невыгодна для иноковъ, которые при имп. Иринѣ пользовались отъ нея всевозможными льготами и щедротами,—и кромѣ того привыкли уже оказывать рѣшающее вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Какъ бы то ни было, но все 8-лѣтнее царствованіе Никифора Геника прошло въ борьбѣ съ приверженцами прежняго режима, которая для царя была не легче, чѣмъ борьба съ внѣшними врагами. Прежде всего византійскіе реакціонеры, отчаявшись въ возстановленіи имп. Ирины, думали противопоставить царю Никифору другаго претендента на престолъ въ лицѣ благочестиваго полководца Вардана турка. Варданъ развернулъ знамя возстанія и уже приблизился къ столицѣ (авг. 803 г.). Къ счастію для Никифора и къ несчастію для византійскихъ реакціонеровъ, Варданъ былъ человѣкъ искренно благочестивый и не очень честолюбивый. Склонившись на увѣщанія царя Никифора и получивъ отъ него амнистію (за подписью самаго царя и патріарха), Варданъ отказался отъ своего предпріятія и принялъ монашество съ именемъ Саввы. [1]) Такъ рушилось первое покушеніе реакціонеровъ отнять престолъ Никифора.

Но борьба этимъ не окончилась. Иноки, во главѣ которыхъ стояли Платонъ и св. Ѳеодоръ Студитъ, продолжали упорно держать

---

[1]) Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ постриженія Варданъ—во инокахъ Савва—былъ ослѣпленъ какими-то воинами. Зачѣмъ? по чьему приказу? по какому побужденію? это остается дѣломъ темнымъ. Враги царя Никифора обвиняли его въ этомъ преступленіи. Царь клялся въ своей невинности.—Могло случиться, что воины, по самостоятельному почину, мстили Вардану за то, что онъ, начавъ и покинувъ дѣло возстанія, оставилъ ихъ на жертву Никифору.

оппозицію противъ царя по разнымъ вопросамъ: то по вопросу о возведеніи въ патріархи — прямо изъ мірянъ — государственнаго секретаря Никифора (12 апр. 806 г.) то по вопросу о снятіи отлученія съ эконома Іосифа. Дѣло въ томъ, что экономъ Іосифъ, незаконно совершившій бракосочетаніе Константина VI съ Ѳеодорою (795 г.) и подвергнутый за то церковному отлученію, оказалъ важныя услуги царю Никифору, склонивъ Вардана отказаться отъ своего покушенія на корону. Въ знакъ признательности царь упросилъ патріарха Никифора снять съ Іосифа (806 г.) церковное отлученіе. Но само собою разумѣется, что реакціонеры вовсе не имѣли причины раздѣлять царскую признательность къ Іосифу: напротивъ того; Іосифъ болѣе, чѣмъ когда-либо, казался для нихъ, — по выраженію св. Ѳеодора Студита — *паршивою овцою*. И вотъ съ протестомъ противъ допущенія этой *паршивой овцы* въ церковь Христову поднялись иноки, имѣя во главѣ старика Платона, св. Ѳеодора и его брата Іосифа, архіепископа солунскаго. Борьба иноковъ съ царемъ и патріархомъ по дѣлу объ экономѣ Іосифѣ тянулось около трехъ лѣтъ, пока наконецъ царь, въ 809 г. созвавъ соборъ іерарховъ, окончательно рѣшилъ дѣло объ экономѣ Іосифѣ по своему желанію, а вышеупомянутыхъ трехъ представителей монашества отправилъ въ ссылку.

Этимъ не ограничивалась внутренняя борьба реакціонеровъ съ царемъ Никифоромъ. Въ 808 г. они противопоставили ему новаго претендента на корону въ лицѣ патриція Арсавира. Но предпріятіе не удалось. Арсавиръ сосланъ въ монастырь въ Виѳинію; его сообщники, — въ числѣ которыхъ было нѣсколько епископовъ и иноковъ — были подвергнуты разнымъ наказаніямъ.

Въ 811 г. 1 октября какой-то монахъ бросился съ ножемъ на императора, намѣреваясь убить его, *какъ друга еретиковъ*, но былъ схваченъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ.

„Мы не отрицаемъ,“ говоритъ Папарригопуло (III, 636—7), „что въ постоянныхъ злоумышленіяхъ противъ Никифора принимали участіе и нѣкоторые изъ гражданъ и воиновъ; строгія экономическія мѣропріятія царя естественно задѣвали различные частные интересы. Но главными противниками царя были монахи, страстному озлобленію которыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ тяжкія клеветы на Никифора, сохранившіяся для насъ въ лѣтописяхъ Ѳеофана и Кедрина. Впрочемъ оба хроникера не могли исказить существенныхъ распоря-

женій Никифора на столько, чтобы современная безпристрастная исторія не могла различить въ нихъ величественный образъ свободномыслящаго государя; хроникеры не могли скрыть, что противники царя покушались умертвить его рукою злодѣя, носившаго монашескую рясу; хроникеры не могли переиначить событій на столько, чтобы для насъ не видно было великодушіе и человѣколюбіе царя. Въ самомъ дѣлѣ злодѣй-монахъ былъ признанъ помѣшаннымъ и отправленъ въ лечебницу; а изъ заговорщиковъ, открытыхъ въ 808 г., ни одинъ не подвергся смертной казни, а всѣ потерпѣли сравнительно легкія наказанія."

Главною чертою внутренней политики царя Никифора была строгая экономія, имѣвшая цѣлію прежде всего поднять средства государственной казны. Эта политика не могла быть пріятна реакціонерамъ и инокамъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя мѣропріятія царя были именно противъ нихъ направлены. Такъ царь старался отобрать въ казну—хотя отчасти—имущества лицъ, обогатившихся въ предшествовавшее царствованіе. Далѣе—царь отнялъ всѣ льготы, какими пользовались монастыри и обложилъ ихъ тѣми-же налогами, какіе должны были платить и частныя лица. Достойно замѣчанія, что царь и самъ принималъ участіе въ коммерческихъ предпріятіяхъ. Онъ выдавалъ купцамъ, производившимъ морскую торговлю, ссуду изъ казны со взиманіемъ 17% годовыхъ, и такимъ образомъ обогащалъ казну безъ отягощенія народа. Вообще по своимъ политико-экономическимъ воззрѣніямъ царь Никифоръ—по мнѣнію Папаригопуло (III, 628)—стоялъ выше своего вѣка и приближался къ воззрѣніямъ нашего времени.

Кончина царя Никифора была печальная. „Царь ополчился на болгаръ,—говоритъ хроникеръ Амартолъ,—жестоко разбилъ ихъ и сжегъ такъ называемый *аулъ* вождя ихъ Крума и когда Крумъ подалъ слово на миръ, говоря: *довольно тебѣ, царь!* то Никифоръ, по причинѣ крайней ненасытности, отвергъ мирныя предложенія. Огорчившись на это, варваръ оградилъ входы и исходы страны деревянными оградами. И спустя два дня, собравъ народъ и выступивъ противъ царскаго лагеря, взялъ въ плѣнъ царя и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отрубилъ голову Никифора и вонзилъ на древко, а затѣмъ обнажилъ черепъ, обложилъ серебромъ и приказалъ пить изъ него болгарскимъ начальникамъ, похваляясь надъ царемъ византійскимъ, какъ надъ ненасытнымъ и не захотѣвшимъ мира" (25 іюля, 811).

Хроникеры не скрываютъ своей радости, говоря о смерти Никифора. Но иначе судитъ современный греческій историкъ Папарригопуло, резюмируя сужденія своихъ предшественниковъ. „Таковъ былъ конецъ мужа,“ (говоритъ историкъ, заключая повѣствованіе о Никифорѣ—Ш, 644—7), „который, проведши большую часть жизни на гражданской службѣ, не усомнился, сдѣлавшись царемъ, пойти на встрѣчу самымъ крайнимъ опасностямъ и умереть славною смертію воина. Много разъ мы замѣчали крайнюю враждебность къ царю хроникеровъ; прежде всего они нападали на Никифора за его якобы жадность, называя его новымъ Ахаавомъ, болѣе ненасытнымъ, чѣмъ Мидасъ и Фаларидъ; обвиняли его также и въ нечестіи и въ крайней злобѣ и безпутствѣ. Но удивительнѣе всего то, что и новые историки изображали Никифора какимъ-то извергомъ, и не одни только католики, но и самъ пресловутый Гиббонъ, который принимая безъ критики пристрастную болтовню хроникеровъ, утверждаетъ, что были въ мірѣ тиранны свирѣпѣе Никифора, но не было тиранна болѣе презрѣннаго, что три порока омрачали его характеръ, лицемѣріе, невѣжество и жадность,—что онъ не имѣлъ никакого таланта, чтобы восполнить недостатокъ добродѣтели, и никакого такта, чтобы восполнить недостатокъ таланта,— что онъ былъ неискусенъ и неудачливъ въ войнахъ, и что смерть его настолько была всѣмъ пріятна, что утѣшила общественное мнѣніе въ потерѣ цѣлаго войска. Мы не имѣемъ подъ руками какихъ-либо новыхъ источниковъ о царѣ Никифорѣ, тѣмъ не менѣе даемъ о немъ совершенно иное сужденіе. Можно-ли приписать жадности извѣстныя правительственныя дѣйствія Никифора? Ограниченіе податью торговли рабами, учрежденіе компаніи мореходныхъ купцовъ (со ссудою отъ правительства), обложеніе податью церковныхъ имуществъ, ограниченіе пожертвованій въ пользу монастырей, церквей и епископій, строгая экономія въ расходахъ,—все это дѣянія, которыя сдѣлали бы честь лучшему изъ царей. Хроникеры имѣютъ неразсудительность изображать эти мѣропріятія, какъ какія-то казни фараоновы, а на насъ лежитъ обязанность разсудить дѣло по правдѣ и воздать должную справедливость добрымъ намѣреніямъ Никифора. Шлоссеръ, который тщательно изслѣдовалъ царствованіе Никифора, судитъ иначе, чѣмъ Гиббонъ, и конечно справедливѣе. Но замѣчательно, что и изъ древнихъ лѣтописцевъ Ѳеостириктъ, жившій нѣсколько лѣтъ спустя (при Львѣ V), говоритъ о Ни-

кифорѣ, что онъ былъ православенъ, весьма благочестивъ, и въ особенности любитель нищихъ и иноковъ (φιλόπτωχος, καὶ φιλομοναχος μάλιστα): отсюда видно, что строгое отношеніе царя къ церковнымъ и монастырскимъ имуществамъ оцѣнивалось безпристрастно и нѣкоторыми изъ современниковъ и не считалось доказательствомъ жадности и злоправія царя.—Въ военныхъ дѣлахъ Никифоръ часто оказывался несчастливымъ, а иногда быть можетъ и неискуснымъ, но не забудемъ, что онъ не былъ воинъ по призванію, что онъ нашелъ войско въ крайней распущенности и не имѣлъ времени преобразовать его, что онъ постоянно былъ утѣсняемъ внѣшними врагами; внутренніе же враги реформы также постоянно злоумышляли противъ него. Въ такихъ обстоятельствахъ Никифоръ дѣлалъ то, что́ долженъ былъ дѣлать; онъ непрестанно сражался какъ простой воинъ, и наконецъ самъ палъ на полѣ битвы. Все это конечно не служитъ доказательствомъ неблагородной души. Во внутреннихъ же дѣлахъ,—уважая постановленія VII вс. собора и вмѣстѣ съ тѣмъ управляя по духу здравыя началъ реформы,—Никифоръ наравнѣ съ Львомъ III, былъ разумнѣйшимъ и вмѣстѣ практичнѣйшимъ изъ государей, стремившихся къ моральному и матеріальному оживленію имперіи.“

По смерти царя Никифора снова наступилъ періодъ реакціи и золотой вѣкъ для монаховъ, впрочемъ непродолжительный. Сынъ Никифора, Ставракій, тяжело раненый въ битвѣ съ болгарами, царствовалъ только 68 дней (съ 26 іюля по 2 окт. 811 г.), а затѣмъ удалился въ монастырь, гдѣ скоро и умеръ. На престолѣ является зять Никифора, мужъ дочери его Прокопіи, Михаилъ Рангаве, по прежнему званію *куропалатъ* (т. е. министръ двора). Менѣе, чѣмъ 2-лѣтнее царствованіе Михаила I (со 2 окт. 811 г. по 10 іюля 813 г.) было повтореніемъ царствованія имп. Ирины. Иноки возобладали при царскомъ дворѣ; казна, скопленная трудами царя Никифора, была щедрою рукою имъ раздаваема; св. Ѳеодоръ студитъ, возвращенный изъ ссылки, получилъ руководящее вліяніе на дѣла царства; еретикамъ павликіанамъ законоположена смертная казнь; какому-то Николаю Ексоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ.—Но болгары утѣсняли имперію и угрожали самой столицѣ, а набожный императоръ не умѣлъ справиться съ ними. Въ такихъ обстоятельствахъ въ народѣ вспомнили о воинственныхъ императорахъ иконоборцахъ,

и однажды, во храмѣ св. апостоловъ, народъ столпился у гробницы Константина V, съ криками: *встань и помоги погибающему государству!* Константинъ V конечно не всталъ, но воины провозгласили императоромъ способнаго полководца Льва армянина, [1]) которому Михаилъ I и уступилъ корону и порфиру, замѣнивъ ихъ одеждою инока. (10 іюля 813).

Левъ V армянинъ (813—820). Его борьба съ иноками и иконоборческій соборъ (815). Смерть Льва V (25 дек. 820). — Отзывы о немъ.

Дѣла грековъ сразу же поправились, какъ скоро царская власть перешла въ руки энергическаго полководца Льва армянина. Болгарскій вождь Крумъ, желавшій обложить грековъ данью и вонзить свое копье во врата Цареграда долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ и скоро умеръ (13 апр. 818). Послѣ его смерти Левъ V нанесъ болгарамъ жестокое, на много лѣтъ обезсилившее ихъ, пораженіе при какомъ-то холмѣ, который долго слылъ подъ именемъ Βούνος Λέοντος. Но счастливый и любимый воинами императоръ естественно и самъ долженъ былъ подчиниться вліянію войска. А войско, возмущенное господствомъ иноковъ въ царствованіе Ирины и Михаила I, громко высказывалось противъ монаховъ и обрядовой набожности и настойчиво требовало возвращенія къ тому порядку дѣлъ, который господствовалъ при императорахъ Львѣ III и Константинѣ V.—Левъ V былъ, какъ кажется, человѣкъ набожный и миролюбивый; онъ самъ былъ довольно богомоленъ и любилъ принимать участіе въ богослужебномъ пѣніи, отличаясь своимъ громкимъ голосомъ,—и повидимому не желалъ ссориться ни съ кѣмъ, и съ духовенствомъ въ особенности. Но все таки онъ былъ прежде всего солдатъ и не могъ оставить безъ вниманія требованій

---

[1]) Левъ армянинъ былъ зять Арсавира, неудачнаго претендента на корону въ 808 г. (см. выше стр. 476). Вообще въ Византіи въ то время было много—такъ сказать *отставныхъ* екс-императоровъ и претендентовъ на корону. Живъ былъ еще ослѣпленный Константинъ VI; живъ былъ Варданъ, во инокахъ Савва; доживали свой страдальческій вѣкъ изуродованные сыновья Константина V; здравствовалъ Арсавиръ; и наконецъ къ числу этихъ *отставныхъ* государей присоединился Михаилъ I Рангаве.

своихъ товарищей по оружію. Въ такихъ обстоятельствахъ царь искалъ какого-нибудь компромисса и обратился къ патріарху Никифору съ такими рѣчами: „люди (λαός въ смыслѣ войска) возмущаются противъ иконъ, говоря, что мы неправильно почитаемъ ихъ и за это враги одолѣваютъ насъ: сдѣлай милость, уступи сколько-нибудь; уберемъ что пониже.“ Такимъ образомъ Левъ V повторялъ тоже предложеніе, какое 90 лѣтъ тому назадъ высказалъ Левъ III, въ первый разъ обнаруживъ свои замыслы противъ иконъ. (см. стр. 440). Разница только въ томъ, что Левъ III дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, надѣясь, что за первымъ шагомъ послѣдуютъ и дальнѣйшіе; а Левъ V дѣйствовалъ подъ давленіемъ войска и—быть можетъ—искренно хотѣлъ остановиться на какой-нибудь полумѣрѣ. Патріархъ Никифоръ, какъ старый царедворецъ, конечно понималъ положеніе царя, но въ свою очередь и самъ находился въ подобномъ же положеніи. Какъ за царемъ стояло войско, требовавшее возвращенія къ политикѣ первыхъ иконоборцевъ, такъ за патріархомъ стояло многочисленное и привыкшее ко власти сословіе иноковъ, обязывавшее патріарха, какъ своего представителя, не склоняться ни на какія уступки. Объясненіе царя съ патріархомъ не привело ни къ какому послѣдствію. Импровизированный во дворцѣ (въ декабрѣ 814 г.) диспутъ, въ которомъ принимали участіе съ одной стороны императоръ съ иконоборными клириками, съ другой стороны патріархъ Никифоръ съ Ѳеодоромъ Студитомъ и другими ревнителями церковности также не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ усиленія взаимнаго раздраженія. Изъ высшихъ общественныхъ сферъ вопросъ о почитаніи иконъ перешелъ въ низшія и сдѣлался предметомъ уличныхъ демонстрацій. Икона Спасителя, стоявшая на мѣдныхъ вратахъ дворца, въ періодъ иконоборства всегда служила символомъ возвышенія или упадка иконопочитанія. Она была снята Львомъ III (см. стр. 440—441) и возстановлена имп. Ириною (см. стр. 468). Теперь солдаты забросали икону камнями и Левъ V снова приказалъ снять ее (въ декабрѣ 814 г.) подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы спасти ее отъ поруганія. „О страшно слышать!“—восклицаетъ св. Ѳеодоръ Студитъ въ письмѣ къ папѣ римскому.—„Досточтимая икона Спасителя, которой и бѣсы страшатся, подверглась поношенію и униженію... въ царствующемъ городѣ.“ Съ своей стороны св. Ѳеодоръ Студитъ устроилъ—такъ сказать—контръ-демонстрацію въ честь и славу св. иконъ. „Въ недѣлю вaій (25 март. 815 г.)—читаемъ въ *житіи св.*

Θеодора—отецъ нашъ Θеодоръ, совершая обычное срѣтеніе Христа, съ собравшимся къ нему народомъ, приказалъ братіямъ, несшимъ честныя иконы, высоко поднять эти изображенія и такимъ образомъ обойти прилежащій къ обители виноградникъ. Такое дѣйствіе, происходившее предъ глазами нечестивыхъ сосѣдей и торжественно совершавшееся среди города, дошло и до слуха жестокаго властителя.“ Таково было положеніе дѣлъ, когда имп. Левъ V, смѣстилъ патріарха Никифора (13 марта 815 г.) и, назначивъ на его мѣсто Θеодота, (1 апр. 815 г.), поручилъ новому патріарху составить соборъ по вопросу объ иконахъ.

Новый патріархъ, происходившій изъ знатной фамиліи Мелиссиновъ, приходившійся роднымъ племянникомъ 3-й жены Константина V,—и всю жизнь проведшій на военной службѣ былъ—по отзыву клерикальныхъ лѣтописцевъ—человѣкъ *безсловесный и скотоподобный, болѣе безгласный, чѣмъ рыба, и кромѣ нечестія ничего не вѣдущій.* Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Θеодотъ не былъ почитателемъ иконъ и другомъ иночества. Вскорѣ послѣ своего вступленія на патріаршество Θеодотъ созвалъ соборъ, который безъ долгихъ разсужденій отмѣнилъ постановленія VII вселенскаго собора и призналъ въ силѣ рѣшенія иконоборческаго собора 754 года. Св. Θеодоръ Студитъ и другіе представители иконопочитанія и монашества, хотя и были приглашаемы на соборъ, но не пошли на него, протестовали противъ его рѣшеній и были отправлены въ ссылку,—откуда впрочемъ св. Θеодоръ не переставалъ вести обширную переписку, увѣщевая къ постоянству своихъ приверженцевъ и взывая о сочувствіи и помощи къ папѣ и восточнымъ патріархамъ.

Послѣ иконоборческаго собора 815 г., Левъ V царствовалъ еще слишкомъ 5 лѣтъ, вѣрно держась началъ иконоборства. Военныя удачи и внутреннее благоденствіе царства убѣждали Льва, что онъ стоитъ на правомъ пути. Царь устранялъ иконы, исключалъ изъ церковнаго богослуженія пѣснопѣнія и тропари, составленныя въ духѣ иконопочитанія, и замѣнялъ ихъ другими, сложенными на основаніи новаго догмата, и—что всего важнѣе—старался преобразовать воспитаніе юношества посредствомъ новой системы и новыхъ учебниковъ. „Запрещаются,“ писалъ въ негодованіи Θеодоръ Студитъ, „древлепреданныя пѣснопѣнія, въ которыхъ содержится что-либо объ иконахъ; и вмѣсто того поются новыя, съ ясно выраженнымъ нечестивымъ ученіемъ....

Младенцы воспитываются въ догматахъ нечестія по учебнику, обязательному для учителей. Самое безбожное извращеніе всего!“ Ни пѣснопѣнія, ни учебники временъ Льва V не дошли до насъ, да и въ свое время едва ли успѣли оказать существенное вліяніе на перемѣну народнаго міросозерцанія, ибо Левъ V царствовалъ недолго.

Кончина Льва V была насильственная. Онъ былъ убитъ въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ день Рождества Христова 25 декабря 820 года. Въ хроникѣ Амартола мы читаемъ такой разсказъ о смерти Льва V. „Подозрѣвая въ злоумышленіи противъ себя вельможу Михаила Травла, царь хотѣлъ казнить его въ навечеріе Рождества Христова. Но по просьбѣ царицы, ради праздника, оставилъ его до времени въ живыхъ. А Михаилъ, сидя въ тюрьмѣ и узнавъ объ этомъ, пригрозилъ всѣмъ своимъ сообщникамъ, что если де не постараетесь высвободить меня изъ тюрьмы, всѣхъ васъ выдамъ царю. Въ числѣ заговорщиковъ былъ и дворцовый комендантъ, родственникъ Михаила. Заговорщики, вооружившись и имѣя при себѣ скрытые мечи, подъ видомъ священниковъ съ фелонями, вошли во дворецъ, отпертый для нихъ комендантомъ; когда же царь взошелъ въ церковь, то заговорщики, схвативъ его, разсѣкли по частямъ и извергъ онъ свою нечестивую душу въ той части дворца, гдѣ не погибалъ ни одинъ изъ прежнихъ царей.“ При помощи другихъ источниковъ мы можемъ представить исторію убіенія Льва V нѣсколько яснѣе и подробнѣе. Левъ V, хотя и считался нечестивымъ, но былъ усерденъ къ богослуженію, не пропускалъ утрени и любилъ, стоя подлѣ клироса, предначинать пѣснопѣнія своимъ громкимъ голосомъ. Придворные клирики въ то время еще не жили во дворцѣ, а въ городѣ, и обыкновенно въ 4 часу утра собираясь вмѣстѣ, входили внутрь дворца чрезъ такъ называемую *слоновую дверь*, для совершенія утренняго богослуженія. На этотъ разъ (25 дек. 820 г.). подъ покровомъ ночи вмѣстѣ съ клириками вошли въ придворную церковь вооруженные и переодѣтые въ клириковъ заговорщики. Они условились, что самъ царь подастъ имъ сигналъ къ своему убіенію, когда предначнетъ свой любимый тропарь: Τῷ Παντάνακτος ἐξεφαύλισαν πόθῳ. И вотъ въ условленное время, когда храмъ огласился царскимъ пѣніемъ, злодѣи бросились на клиросъ и въ торопяхъ напали на регента. Тотъ, вѣроятно посвященный въ тайну заговора, поспѣшилъ обнажить свою лысую голову. Тогда злодѣи устремились на царя, который, укрывшись

въ олтарь, отмахивался отъ нихъ большимъ крестомъ и молилъ о пощадѣ. *Теперь не время пощады, а время убійства!* сказалъ одинъ изъ отчаянныхъ злодѣевъ и отсѣкъ ему руку съ крестомъ; другой отсѣкъ ему голову. Изуродованное тѣло царя злодѣи повлекли на ипподромъ, а потомъ бросили въ море.—Какая партія руководила убійствомъ Льва V? Папарригопуло думаетъ, что ни воины, ни чиновники, вообще уважавшіе Льва какъ отличнаго полководца и администратора, не могли выразить къ нему того озлобленія, которое обнаружилось въ звѣрскомъ убіеніи царя и въ ругательствѣ надъ его трупомъ. Такое озлобленіе къ царю могли питать только клерикалы. Обстоятельства убіенія царя во храмѣ,—во время богослуженія,—заговорщиками, замѣшавшимися въ толпу клириковъ, — какъ будто оправдываютъ это предположеніе.

Убіеніе царя было привѣтствовано иноками и иконопочитателями, какъ счастливѣйшее событіе. „Слѣдуетъ восхищаться", писалъ Ѳеодоръ Студитъ, „не городу такому-то или такому-то, но почти, можно сказать, всей подсолнечной; ибо истребилъ Господь не Сіона царя амморейскаго, и не Ога, царя васанскаго, царей малыхъ и угнетавшихъ малую часть вселенной, а новоявленнаго и великаго дракона, опустошавшаго великую часть вселенной, змія коварнаго и шипѣвшаго богохульствомъ, мерзость запустѣнія, сосудъ гнѣва, сына Тавеилова (Ис. 7, 6)—чтобы не сказать—*кавалинова*,—порожденіе Ахаава, полноту нечестія, гонителя Христова, врага Богородицы, противника всѣхъ святыхъ. Да возвеселятся небеса и радуется земля; да искапаютъ горы сладость и холмы правду! Палъ врагъ, сокрушенъ мучитель нашъ; заградилася уста, глаголющая неправедная; обуздана рука Авессалома, погибъ жестокосердый Фараонъ. Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни; сыну тьмы надлежало ночью встрѣтить смерть; обнажавшему божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные противъ него мечи; разрушившему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника; надлежало подвергнуться отсѣченію рукѣ, посягавшей на святыню; — пролиться нечестивой крови за пролитіе крови праведныхъ" и т. д. Съ бо́льшимъ безпристрастіемъ и достоинствомъ отнесся къ памяти Льва V также опальный и сосланный патріархъ Никифоръ. Ἡ πολιτεία Ῥωμαίων κἂν δυσσεβῆ, ἀλλ' οὖν γε μέγαν προμηθευτὴν ἀπωλώλεκεν,

(римская держава потеряла, хотя нечестиваго, но великаго правителя), сказалъ Никифоръ. Отзывы св. Θеодора и св. Никифора легли въ основу послѣдующихъ сужденій грековъ о Львѣ V. Голосъ Θеодора Студита слышится въ слѣдующемъ анаθематизмѣ: *но паки тезоименному злому первому звѣрю, злоковарному второму адову псу, ратнику Божія церкве, мучителю рабовъ христовыхъ, а не царю Льву армянину, и его станиннику второму Арію псевдопатріарху Адонію* (?), *злѣйшимъ иконоборцевъ, паче же христоборцемъ и со единомудренники ихъ анаθема.* Напротивъ того въ духѣ патр. Никифора, и еще съ большимъ сочувствіемъ ко Льву V, излагаетъ его исторію Папарригопуло, выставляя на видъ административные и воинскіе таланты царя, его своеобразное благочестіе и относительную кротость, и объясняя его иконоборческія тенденціи давленіемъ со стороны войска и вызывающимъ противодѣйствіемъ со стороны клерикаловъ.

Амморейская династія. Михаилъ II Травлъ (820—829) и его религіозный характеръ. Θеофилъ—послѣдній иконоборецъ (829—842). Императрица Θеодора и торжество православія. (19 февр. 842). Конецъ амморейской династіи.

Михаилъ Травлъ прямо изъ темницы и въ цѣпяхъ взошелъ на царскій престолъ. „Убійцы имп. Льва армянина“, говоритъ хроникеръ, „тотчасъ же отправившись въ тюрьму, выводятъ оттуда Михаила въ качествѣ не узника, а вѣнценосца, такъ что исполнилось на немъ слово псалма: *вечеръ водворится плачь, а заутра радость.*“ Прошло нѣсколько времени, пока успѣли снять цѣпи съ новаго императора, сидѣвшаго на престолѣ и принимавшаго привѣтствія отъ подданныхъ.

Такъ какъ Михаилъ Травлъ взошелъ на престолъ вслѣдствіе убіенія иконоборца Льва армянина и вѣроятно при усердномъ содѣйствіи иконопочитателей, то естественно, что православные ожидали отъ новаго императора торжественнаго возстановленія иконопочитанія и монашества. Дѣйствительно Михаилъ II тотчасъ по воцареніи возвратилъ всѣхъ сосланныхъ при Львѣ V иконопочитателей, не исключая патріарха Никифора и Θеодора Студита. Послѣ этого надежды православныхъ еще болѣе усилились. Θеодоръ Студитъ писалъ императору: „христолюбивѣйшій владыка! время примириться намъ съ Христомъ

при посредствѣ и по благоволенію твоей мирной державы, соединиться намъ съ верховною изъ церквей Божіихъ римскою, и чрезъ нее съ прочими тремя патріархами, чтобы единодушно одними устами прославлять Бога,.. величая и ваше благочестивѣйшее и превожделѣнное царствованіе."—„Впередъ, впередъ, братъ," писалъ Ѳеодоръ Студитъ вельможѣ Стефану—вѣроятно вскорѣ по смерти иконоборнаго патріарха Ѳеодота (+821)—„выступай еще на подвигъ. Говори благое досточтимому слуху благочестиваго императора нашего. Да подражаетъ онъ приснопамятному Іосіи; да будетъ онъ новымъ Давидомъ, истребляя дѣла злѣйшаго Льва и такимъ образомъ умилостивляя Бога и вѣнцемъ мирнаго правленія содѣлывая непобѣдимою державу своего царства." Но надежды и ожиданія ревнителей православія были тщетны. *Досточтимый слухъ* императора остался закрытъ для ихъ внушеній.

Имп. Михаилъ Травлъ представляетъ собою новый, дотолѣ еще небывалый на византійскомъ престолѣ, типъ самодержца въ его отношеніяхъ къ религіи и церкви. Михаилъ по происхожденію былъ фригійскій простолюдинъ [1]) и принадлежалъ къ числу анти-церковныхъ сектантовъ, которые извѣстны подъ именемъ *павликіанъ*,—и о которыхъ у насъ рѣчь впереди (въ 15 чтеніи)—и по всей вѣроятности къ тому отдѣлу секты, который отличался нравственною распущенностію и имѣлъ своимъ представителемъ Ваанеса *грязнаго* (ῥυπαρὸν). Анти-церковныя убѣжденія, внитанныя Михаиломъ въ раннемъ дѣтствѣ, сохранились у него въ теченіе всей жизни, проведенной въ военной службѣ, на которой Михаилъ, не смотря на свою необразованность и косноязычіе, составилъ себѣ блестящую карьеру. Съ этими убѣжденіями Михаилъ взошелъ на престолъ. Впослѣдствіи разочаровавшіеся въ императорѣ ревнители церковности утверждали, будто онъ былъ отчаяннымъ вольнодумцемъ, позволялъ себѣ ѣдкія насмѣшки и остроты надъ пророками, не вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ, признавалъ Іуду спасеннымъ человѣкомъ, считалъ позволительнымъ любодѣяніе, утверждалъ, что нужно клясться именемъ единаго Бога (иначе—отвергалъ св. Троицу), не вѣрилъ въ бытіе діавола, еллинскую—т. е. свѣтскую

[1]) Быть можетъ даже *цыганъ*. Его родичи были во Фригіи люди пришлые, назывались ἀθιγγανοι, и занимались торговлею лошадьми, въ коихъ и самъ Михаилъ считалъ себя спеціалистомъ. См. Lebeau, VII, 30.

образованность ставилъ выше церковной, которую презиралъ и т. д. Трудно рѣшить, на сколько справедливы всѣ эти нареканія, хотя изъ совокупности ихъ какъ будто складывается одно цѣльное міросозерцаніе. Но несомнѣнно то, что Михаилъ былъ человѣкъ анти-церковнаго духа и раздѣлялъ съ павликіанами ихъ отрицательное отношеніе къ іерархіи. Этимъ онъ рѣзко отличался и отъ иконопочитателей и отъ иконоборцевъ. И тѣ и другіе въ сущности стояли на одномъ общемъ базисѣ церковности, съ тѣмъ различіемъ, что первые предпочитали обрядовое благочестіе, а вторые—духовное просвѣщеніе,—первые стремились къ господству церкви надъ государствомъ, а вторые наоборотъ. Михаилъ Травлъ стоялъ совершенно въ иномъ кругѣ понятій. Съ его точки зрѣнія и иконоборцы и иконопочитатели представлялись чуждыми и несимпатичными. Онъ былъ много радикальнѣе тѣхъ и другихъ. Поэтому онъ и представилъ собою первый на византійскомъ престолѣ образчикъ императора—индифферентиста. Не разъ и не два при разныхъ случаяхъ императоръ высказывался такимъ образомъ: „я вступилъ на престолъ не для того, чтобы вводить новые догматы вѣры, но и не для того также, чтобы дѣлать измѣненіе уже въ преданныхъ и исповѣдуемыхъ догматахъ. Итакъ, пусть каждый поступаетъ въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно, безъ опасенія какихъ-бы то ни было непріятностей или лишеній.“ И еще: „совершенно безразлично почитать или не почитать иконы.“ И еще: „Кто прежде насъ изслѣдовалъ церковные догматы, тотъ пусть и отвѣчаетъ за то, хорошо ли онъ тогда сдѣлалъ что или нѣтъ. Мы же, въ какомъ положеніи нашли церковь, въ такомъ рѣшаемся и оставить ее. Принимая это въ соображеніе, мы настаиваемъ, чтобы никто оффиціально не осмѣливался говорить ни за,—ни противъ иконъ. Прочь соборъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ Тарасія! (787 г.)—прочь и прежній соборъ, бывшій при Константинѣ (754 г.) и теперешній при Львѣ (814 г.)! Да царствуетъ глубокое молчаніе въ обществѣ относительно иконъ!“

Какъ ни неприглядепъ духовный образъ Михаила II, отмѣченный религіознымъ и нравственнымъ индифферентизмомъ, но самые недостатки царя помогли ему стать на дорогу вѣротерпимости и провозгласить великій принципъ свободы совѣсти, до котораго человѣчество едва доработалось чрезъ тысячу лѣтъ, прошедши предварительно чрезъ всѣ ужасы инквизиціи. И такъ какъ это принципъ здравый и спасительный, то даже въ неразвитомъ и зачаточномъ видѣ онъ не замед-

лилъ оказать свое доброе вліяніе. Во 1-хъ религіозный фанатизмъ и взаимное раздраженіе иконопочитателей и иконоборцевъ значительно ослабѣли въ виду терпимости царя, который не стѣснялъ ни одного изъ своихъ подданныхъ ни въ его убѣжденіяхъ, ни въ частномъ поведеніи. Самъ Θеодоръ Студитъ, хотя и потерялъ надежду на возстановленіе клерикальной политики имп. Ирины, хотя и жаловался, что *огонь погасъ, но остался дымъ*, тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя сравнительно спокойнѣе. (Онъ впрочемъ не пережилъ всего царствованія Михаилова—† 11 ноября 826 г.) Во 2-хъ терпимость Михаила II была причиною того, что онъ усидѣлъ на престолѣ, съ котораго палъ его болѣе даровитый и знаменитый предшественникъ. И нельзя сказать, чтобы Михаилу II не угрожали никакія опасности: напротивъ въ началѣ царствованія (822—3 г.) положеніе Михаила было даже критическое, ибо ему явился сильный соперникъ въ лицѣ хромаго славянина, стараго полководца, Θомы. Θома, поддерживаемый калифомъ Гарун-ал-Рашидомъ, принялъ царское вѣнчаніе въ Антіохіи отъ тамошняго патріарха, и шелъ къ столицѣ, окруженный толпою разноплеменнаго войска и называя себя *сыномъ императрицы Ирины*. Никакъ нельзя думать, чтобы Θома могъ выдавать себя за имп. Константина VI, ослѣпленнаго 25 лѣтъ тому назадъ, который былъ хорошо извѣстенъ всей имперіи, равно какъ и самъ Θома, старый полководецъ, болѣе 20 лѣтъ занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ военномъ сословіи. Смѣшеніе двухъ столь общеизвѣстныхъ личностей было невозможно. Скорѣе должно полагать, что Θома, называя себя *сыномъ императрицы Ирины*, хотѣлъ только выразить этимъ, что онъ будетъ царствовать по *мыслямъ и сердцу* имп. Ирины, т. е. въ клерикальномъ духѣ, и этимъ надѣялся склонить на свою сторону многочисленныхъ иконопочитателей. Тотъ же смыслъ могло имѣть усыновленіе Θомою—въ качествѣ будущаго наслѣдника престола—нѣкоего монаха Анастасія. Предпріятіе Θомы, по видимому, готово было увѣнчаться успѣхомъ. Θома уже осаждалъ столицу и зимовалъ во Θракіи. Но Михаилъ II уцѣлѣлъ и одолѣлъ Θому главнымъ образомъ благодаря своей терпимости. Иконоборцы не имѣли причинъ мѣнять Михаила II на псевдонимнаго *сына имп. Ирины* съ его преемникомъ монахомъ, а иконопочитатели, не угнетаемые Михаиломъ II, также не имѣли никакихъ поводовъ слишкомъ усердствовать Θомѣ, особенно послѣ того какъ царь объявилъ всеобщую амнистію. Θома и его на-

званный сынъ Анастасій не воспользовались амнистіею и взятые въ плѣнъ, были казнены самымъ варварскимъ образомъ: (15 окт. 822 г.) по отсѣченіи рукъ и ногъ они были посажены на колъ (по другому извѣстію: сожжены). [1])

Послѣ пораженія Ѳомы (824 г.), Михаилъ II, будучи вдовъ, внялъ совѣту вельможъ, которые отъ имени своихъ женъ заявили претензію, что у нихъ нѣтъ императрицы, и вступилъ въ новый бракъ. Женою царя сдѣлалась послѣдняя отрасль исаврійскаго царственнаго дома, дочь ослѣпленнаго имп. Константина VI, 30-лѣтняя Евфросинія, до того времени жившая въ монастырѣ. Ѳеодоръ Студитъ, хотя и неодобрительно смотрѣлъ на этотъ бракъ, но не протестовалъ противъ него, какъ протестовалъ противъ 2-го брака Константина VI. Къ императрицѣ-матери (Маріи пафлагонянкѣ) Ѳеодоръ писалъ: „Слѣдуетъ, чтобы твое благочестіе оставалось дóма (т. е. въ монастырѣ), когда августа занимаетъ дворецъ, въ которомъ евангельскій мечь ясно производитъ разсѣченіе. Это, прости госпожа, съ великимъ раздумьемъ и тревогою сердечною осмѣлились мы, какъ бы бесѣдуя на ухо, изложить на письмѣ, моля Бога о дарованіи обѣимъ вамъ лучшаго и спасительнаго и нынѣ и въ будущемъ.“—По смерти Михаила II и послѣ выбора невѣсты пасынку имп. Ѳеофилу, императрица Евфросинія снова возвратилась въ свой монастырь Гастрію, проживъ во дворцѣ около 6 лѣтъ (824—830).

Хотя Михаилъ II старался держать себя одинаково индифферентно по отношенію къ иконопочитателямъ и иконоборцамъ, но, *какъ солдатъ*, по собственному признанію, *всю жизнь не поклонявшійся ни одной иконѣ*, естественно болѣе тяготѣлъ къ иконоборцамъ, — какъ это выразилось между прочимъ, въ назначеніи патріархомъ иконоборца Антонія е. силейскаго и въ письмѣ царя къ императору Людовику благочестивому. Но такъ какъ по своему вольнодумству

---

[1]) Вѣроятно уже послѣ гибели Ѳомы сложилась легенда, будто бы Варданъ, замышляя въ 803 г. возстаніе противъ имп. Никифора Геника, (см. стр. 474) пошелъ вопросить о будущемъ нѣкоего каппадокійскаго отшельника. Отшельникъ предсказалъ Вардану неудачу, и предрекъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ трехъ старшихъ его офицеровъ, Левъ и Михаилъ будутъ впослѣдствіи царями, а третій Ѳома погибнетъ въ неудачномъ стремленіи къ коронѣ.

Михаилъ былъ гораздо радикальнѣе иконоборцевъ, то его и нельзя причислять къ ихъ партіи. До конца жизни Михаилъ оставался тѣмъ же грубымъ чудакомъ, какимъ вступилъ на престолъ. Индифферентизмъ его, повидимому, простирался на дѣла не только религіозныя, но и политическія. *Поздравьте меня; у меня съ плечъ долой обуза!* сказалъ онъ, получивъ извѣстіе объ отпаденіи Сициліи. Умеръ Михаилъ II 1 окт. 820 г. послѣ 9-лѣтняго почти царствованія, и—какъ кажется—уже очень не въ молодыхъ лѣтахъ.

На почвѣ религіозной терпимости, доходящей до индифферентизма, въ IX вѣкѣ могъ держаться только такой грубый и пришлый со стороны чудакъ, какъ Михаилъ Травлъ. Анти-церковныя внушенія павликіанъ, воспринятыя въ раннемъ дѣтствѣ, глубоко залегли въ душу Михаила, а на престолъ вступилъ онъ въ такомъ преклонномъ возрастѣ, когда человѣку уже поздно мѣняться. Всякій другой византійскій государь того времени не могъ не принять участія въ религіозныхъ спорахъ вѣка; а это участіе въ концѣ концовъ сводилось къ тому что царь или стремился подчинять церковь государственнымъ интересамъ (какъ Левъ III, Константинъ V, Никифоръ Геникъ и Левъ V) или—жертвовать интересами государства въ угоду клерикаловъ (какъ Ирина и Михаилъ I). Сынъ и преемникъ Михаила Травла Ѳеофилъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Онъ не могъ держаться индифферентной политики своего отца. Получивъ образованіе подъ руководствомъ либеральнаго и весьма ученаго монаха *Іоанна*, прозваннаго *грамматикомъ* (833—842), Ѳеофилъ повторилъ въ теченіе своего царствованія политику своихъ иконоборныхъ предшественниковъ.

Лично Ѳеофилъ былъ человѣкъ благочестивый и правдолюбивый; онъ составлялъ церковные гимны (напр. *благословите отроцы*—4 гласа, *Слыши дщи Сіона* 8 гласа и стихиру въ недѣлю ваій *пріидите языцы*) и любилъ присутствовать при богослуженіи. Хроники наполнены разсказами о его правосудіи, напоминающими нѣсколько правосудіе азіатскихъ деспотовъ. Ѳеофилъ извѣстенъ также, какъ горячій любитель наукъ и особенно изящныхъ искусствъ. Это не помѣшало ему преслѣдовать иконопочитателей со всею суровостію его крутаго и запальчиваго нрава. Тотчасъ по воцареніи Ѳеофилъ казнилъ убійцъ Льва V, не смотря на то, что они своимъ злодѣяніемъ проложили путь къ престолу отцу Ѳеофила и самому Ѳеофилу. Этимъ суровымъ дѣломъ запоздалаго правосудія Ѳеофилъ выразилъ свое уваженіе и сочувствіе

къ памяти своего иконоборнаго предшественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ покаралъ и нѣсколькихъ ненавистныхъ ему клерикаловъ. Потомъ Θеофилъ предпринялъ составить—такъ сказать—статистику иконоборцевъ, поручивъ сборщикамъ податей доставлять матеріалы для такой статистики. Далѣе слѣдовало циркулярное предложеніе начальствующимъ лицамъ оказывать иконоборцамъ снисхожденіе и вниманіе. Затѣмъ въ 832 г. царь запретилъ указомъ прилагать къ иконамъ эпитетъ *святыя*, и оказывать къ нимъ почтеніе лобызаніемъ, поклонами и возжиганіемъ свѣчей. Наконецъ въ 833 г. вслѣдъ за поставленіемъ въ патріархи Іоанна Грамматика на мѣсто умершаго Антонія, созванъ былъ соборъ во влахернской церкви, произнесшій анаθему на иконопочитателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь повелѣлъ выносить иконы изъ всѣхъ храмовъ и замѣнять ихъ другими украшеніями, лѣпными или живописными. Истребляя иконы, императоръ естественно не могъ оставить въ покоѣ и монаховъ, которые служили главными представителями преслѣдуемаго имъ міросозерцанія. Подобно Константину V, царь вознамѣрился истребить или по крайней мѣрѣ до послѣдней степени ограничить сословіе иноковъ. Царь издалъ указъ, чтобы монахи, жившіе среди городовъ и населенныхъ мѣстностей, немедленно удалились изъ своихъ монастырей, предоставивъ монастырскія зданія для государственныхъ и общественныхъ надобностей; монахамъ предоставлено было жить только въ пустынныхъ монастыряхъ и запрещено показываться въ мірѣ, подъ угрозою тяжкихъ наказаній.—Гоненіе царя противъ монаховъ создало новыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ, между которыми извѣстны сициліянинъ Меθодій, впослѣдствіи патріархъ, и два брата сиріянина Θеодоръ и Θеофанъ, прозванные *начертанными* (γραπτοί). Послѣдніе нарочито пришли изъ Палестины въ Константинополь, чтобы обличать нечестиваго царя, и были отправлены имъ въ ссылку, предварительно заклейменные слѣдующими ямбами, начертанными на ихъ лицахъ.

Πάντων ποθούντων προστρέχειν ἐν τῇ πόλει,
Ἔστησαν εἰς συστήμα τῆς οἰκουμένης
Ὅπου πάναγνοι τοῦ Θεοῦ λόγου πόδες,
Ὤφθησαν οὗτοι τῷ σεβασμίῳ τόπῳ
Σκεύη πονηρὰ δεισιδαίμονος πλάνης.
Ἐκεῖσε λοιπὸν πολλὰ ἐξ ἀπιστίας
Πράξαντες αἰσχρὰ δεινὰ δυσσεβοφρόνως

Ἐκεῖθεν ἤλάθησαν ὡς ἀποστάται.
Πρὸς τὴν πόλιν δέ τοῦ κράτους πεφευγότες,
Οὐκ ἔξαφῆκαν τὰς ἀθέσμους μωρίας.
Ὅθεν γραθέντες ὡς κακοῦργοι τὰς ὄψεις
Κατακρίνονται καὶ διώκονται πάλιν.

(Тогда какъ всѣ любятъ посѣщать градъ, гдѣ пречистыя ноги Бога Слова стояли для возстановленія вселенной,—явились во всечестномъ мѣстѣ и сіи лукавые сосуды суевѣрнаго заблужденія. Совершивъ тамъ много постыднаго по невѣрію и злочестію, они прогнаны оттуда, какъ отступники. Но и прибѣжавъ въ царствующій градъ, не оставили своего неистоваго буйства. Посему заклейменные, какъ злодѣи, на лицахъ и осуждаются, и снова изгоняются.)

Въ числѣ пострадавшихъ отъ Θеофила былъ также монахъ и иконописецъ Лазарь. Вообще по суровому преслѣдованію иконъ и монаховъ Θеофилъ превосходилъ всѣхъ бывшихъ до него иконоборныхъ императоровъ. Но къ удивленію мы находимъ, что византійскіе хроникеры отзываются о Θеофилѣ нѣсколько мягче и сдержаннѣе, чѣмъ о другихъ иконоборныхъ царяхъ. Причину этого кажется можно видѣть въ распространенномъ въ Византіи убѣжденіи, что супруга царя благочестивая Θеодора исходатайствовала загробное прощеніе Θеофилу, (почему Θеофилъ и не анаθематствуется на ряду съ другими иконоборцами.) Но за то тѣмъ съ большимъ раздраженіемъ обрушиваются хроникеры на учителя Θеофилова, патріарха Іоанна грамматика, такъ что, читая ихъ отзывы, отказываешься понять, какъ такое адское изчадіе могло сидѣть на патріаршемъ престолѣ. „По смерти патріарха Антонія“ читаемъ у Амартола,—„вмѣсто него рукополагается синкеллъ Іоаннъ—лучше сказать новый Іаннiй и Іамврій,—знаменитый магіею и леканомантіею (λεκανομάντεια—гаданіе по водѣ, налитой въ тазъ), и всякимъ нечестіемъ; этотъ патріархъ, оказавшись пригоднымъ орудіемъ царскаго нечестія и паденія, дѣлалъ для царя все, что̀ служило на пагубу... Этотъ Іаннiй построилъ себѣ за городомъ домъ, донынѣ называемый *трулломъ*, посредствомъ какихъ-то жертвенныхъ заклоній бесѣдовалъ съ демонами и объяснялъ царю будущее: этотъ домъ и доселѣ стоитъ необитаемый, такъ какъ его стали посѣщать демоны.“ Позднѣйшіе историки отнеслись благосклоннѣе къ патр. Іоанну грамматику. Шлоссеръ считаетъ его ученѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка, получившимъ широкое образованіе не только въ духовныхъ, но и въ

свѣтскихъ наукахъ. Папарригопуло весьма одобряетъ не только ученость Іоанна грамматика, но и его праводушіе (δεξιότητα), честность и стойкость въ убѣжденіяхъ.

Деспотическія усилія Θеофила, направленныя къ истребленію иконъ и монашества, не увѣнчались успѣхомъ и даже, какъ это не рѣдко бываетъ, повели къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Даже въ собственномъ семействѣ Θеофилъ не нашелъ себѣ сочувствія, а напротивъ того встрѣтилъ скрытое противодѣйствіе. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о составѣ семейства Θеофила. Первая жена Θеофила неизвѣстна, но извѣстны дочери отъ 1-го брака Θекла и Марія, бывшая въ замужествѣ за армяниномъ Алексѣемъ Мосиле, намѣстникомъ Сициліи, и умершая въ 840 г. Должно полагать, что Θеофилъ овдовѣлъ еще до воцаренія. Воцарившись, онъ пожелалъ вступить во 2-й бракъ. Лѣтопись сообщаетъ объ этомъ слѣдующія, какъ будто не совсѣмъ достовѣрныя, подробности." Мать (т. е. мачиха) царя Евфросинія, пославъ по всѣмъ областямъ, собрала красивыхъ дѣвицъ для брачнаго выбора сыну своему Θеофилу. Поставивъ ихъ всѣхъ въ палатѣ, называемой *жемчужный триклиній*, мать дала Θеофилу золотой перстень съ словами: *отдай той, которая понравится*. Была въ числѣ невѣстъ одна благородная дѣвица, по имени Икасія, чрезвычайно красивая. Θеофилъ, увидавъ ее и восхитившись ея красотою, сказалъ: *не чрезъ жену ли проистекло злое?* Икасія со скромностію возразила: *но чрезъ жену же беретъ начало и лучшее*. Оскорбленный возраженіемъ, царь отвергъ Икасію и отдалъ перстень Θеодорѣ, родомъ пафлагонянкѣ." Объ Икасіѣ повѣствуется далѣе, что, потерявъ надежду сдѣлаться царицею, она удалилась въ монастырь, гдѣ и провела жизнь, занимаясь составленіемъ благочестивыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Икасіи приписывается извѣстный тропарь: Κύριε, ἡ ἐν πολλαῖς ἁμαρτίαις περιπεσοῦσα γυνή, воспѣваемый въ страстную среду,—составленный будто бы по поводу отвергнутаго желанія Θеофила снова видѣться съ нею.

Такъ или иначе было дѣло, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ 831 году состоялся бракъ царя съ Θеодорою, два брата которой Варда и Петрона играли въ послѣдствіи столь замѣтную роль въ византійской исторіи. Какъ сама Θеодора, такъ и мать ея Θеоктиста были ревностные иконопочитательницы,—хотя царица и должна была,

опасаясь мужа, скрывать до времени свои религіозныя убѣжденія. [1]) Долго отъ этого брака рождались только дочери, которыхъ мать и бабушка воспитывали въ духѣ православія. Наконецъ въ 839 г. родился у царицы сынъ и наслѣдникъ Михаилъ. А чрезъ два года послѣ того самъ царь заболѣлъ предсмертною болѣзнію и до послѣднихъ минутъ не переставалъ заботиться о судьбѣ своего семейства,—а также о судьбѣ своихъ мѣропріятій, завѣщавъ логоѳету Ѳеоктисту не соглашаться на низверженіе патріарха Іоанна грамматика и на возстановленіе иконопочитанія. Умеръ Ѳеофилъ 20 янв. 842 г.

Не прошло и мѣсяца по смерти Ѳеофила, какъ церковная политика въ его царствѣ совершенно и окончательно перемѣнилась. На престолѣ является имп. Ѳеодора съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, и почитаніе иконъ возстановляется еще легче и быстрѣе, чѣмъ за 50 слишкомъ лѣтъ при имп. Иринѣ;—доказательство того, что реформаціонныя стремленія не только не прививались къ народной массѣ, но съ теченіемъ времени теряли все болѣе и болѣе общее сочувствіе. Папарригопуло видитъ въ этомъ обстоятельствѣ печальный симптомъ упадка греческой національности.“ Ни выдержанность Льва III, ни строгость Константина V, ни снисходительность Льва IV, ни государственная опытность Никифора, ни разумъ Льва V, ни желчный характеръ Ѳеофила, ни духовная мудрость, съ какою VII всел. соборъ разъяснилъ вопросъ объ иконахъ,—ничто ни могло измѣнить народныхъ суевѣрныхъ понятій. Единственный способъ для очищенія, оздоровленія и освященія религіозныхъ понятій народа могъ быть данъ только въ общераспространенномъ правильномъ образованіи. Но объ этомъ тогда мало заботились.“ Такъ разсуждаетъ современный греческій историкъ (III, 773),—тогда какъ старинные византійскіе хроникеры призываютъ небо и землю веселиться по поводу *торжества православія*. Обратимся однако къ разсказу объ этомъ событіи.

Императрица Ѳеодора, еще при жизни Ѳеофила тайно почитав-

---

[1]) И донынѣ въ ватопедскомъ аѳонскомъ монастырѣ хранятся малыя иконы, такъ называемыя *игрушки царицы Ѳеодоры*, которымъ она поклонялась втайнѣ отъ своего иконоборнаго супруга. *Путеводитель по св. горѣ аѳонской*. Сп. 1867. стр. 46. Объ этихъ иконахъ см. у Зонары (Parisiis 1687. III, 144).

шая св. иконы, и подвергавшаяся постоянной опасности подпасть подъ тяжкій гнѣвъ своего раздражительнаго супруга, разумѣется послѣ его смерти могла свободно обнаружить свои набожныя наклонности. Высшіе сановники имперіи логоѳетъ Ѳеоктистъ, магистръ Мануилъ и братъ царицы Варда,—вѣроятно убѣдившись въ безпадежности иконоборныхъ стремленій,—также высказались въ пользу возстановленія иконопочитанія. Главный представитель иконоборства патріархъ Іоаннъ грамматикъ былъ отставленъ и посланъ въ заточеніе. Патріаршую каѳедру занялъ св. Меѳодій, ученый монахъ, родомъ сициліецъ, страдавшій при Ѳеофилѣ за иконопочитаніе. Монахи, загнанные при Ѳеофилѣ въ пустыни, снова во множествѣ явились въ столицу. Повидимому все готово было для торжественнаго провозглашенія возстановленія иконопочитанія. Но нѣкоторая задержка встрѣтилась со стороны самой царицы. Имп. Ѳеодора была нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ имп. Ирина. Ирина ничего не имѣла противъ анаѳематствованія своего свекра Константина V, да не могла горячо вступаться и за своего мужа Льва IV, съ которымъ была въ открытомъ разрывѣ. По политическимъ соображеніямъ анаѳематствованіе представителей исаврійской династіи могло быть только выгодно для имп. Ирины. Напротивъ того, имп. Ѳеодора вовсе не имѣла никакихъ побужденій допускать, чтобы ея мужъ подвергся церковной анаѳемѣ. Какъ женщина набожная и вмѣстѣ съ тѣмъ преданная покойному мужу, Ѳеодора искренно заботилась о его загробной участи. Практическій тактъ, который обыкновенно обнаруживала имп. Ѳеодора при устройствѣ своихъ экономическихъ дѣлъ, подсказалъ ей, что теперь самое удобное время исходатайствовать у іерарховъ прощеніе и разрѣшеніе Ѳеофилу, тѣмъ болѣе что не прошло еще 40 дней послѣ его смерти. Посему императрица обратилась къ патріарху Меѳодію и окружавшему его собору духовныхъ лицъ, какъ къ имѣющимъ власть вязать и рѣшить, съ просьбою открыть покойному царю доступъ въ царство небесное.—Царица просила этого, какъ личнаго для нея одолженія за все, что она сдѣлала и хотѣла еще сдѣлать для церкви.—„Если же,“—пригрозила Ѳеодора, „моя просьба не будетъ исполнена, то и вы не дождетесь ни моей поддержки, ни торжества иконопочитанія, ни возстановленія правъ церкви.“ Предложеніе императрицы неблагопріятно принято было духовнымъ соборомъ. Нѣкоторые отцы питали личное раздраженіе противъ покойнаго Ѳеофила; другіе—быть можетъ—полагали, что торже-

ство православія будетъ неполно безъ анаѳематствованія иконоборнаго царя; наконецъ всѣ опасались допустить превышеніе власти. Отцы собора объяснили, что они имѣютъ право разрѣшать живыхъ, а умершихъ только въ томъ случаѣ, если они умерли въ покаяніи и добромъ исповѣданіи; на великихъ же и нераскаянныхъ грѣшниковъ послѣ ихъ смерти разрѣшеніе простирается. Императрица, желая придти къ соглашенію съ духовенствомъ, объяснила, что покойный государь предъ смертію обнаружилъ признакъ раскаянія и прикладывался къ св. иконамъ. Хотя заявленіе имп. Ѳеодоры не соотвѣтствовало всему характеру и поведенію Ѳеофила, тѣмъ не менѣе отцы собора, не входя въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, порѣшили дать разрѣшеніе покойному царю, и по просьбѣ императрицы выдали ей письменное о семъ удостовѣреніе. [1])

Въ первое воскресеніе великаго поста, которое въ 842 году приходилось 19 февраля, состоялось *торжество православія*, которое въ современной анонимной хроникѣ описывается такъ: „Предложила царица святѣйшему патріарху Меѳодію оповѣстить и собрать всѣхъ православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ, клириковъ и мірянъ, дабы пришли въ великую церковь Божію съ честными крестами и св. иконами въ первое воскресенье св. поста. И когда воспослѣдовало такъ, и безчисленное множество народа собралось въ великой Божіей церкви,—приходитъ и самъ царь Михаилъ со святою и православною матерію своею и со всѣмъ синклитомъ,—и каждый несъ по царской свѣчѣ. И соединившись со святѣйшимъ патріархомъ и совмѣстно молебно воздвигшись отъ олтаря со св. иконами и честнымъ крестомъ и св. евангеліемъ пошли съ литіею до вратъ дворца, такъ называемыхъ *ктенаріевыхъ*. И послѣ протяженной молитвы и сокрушеннаго, многоплачевнаго и умиленнаго взыванія Κύριε ἐλέησον,—возвратились во св. храмъ для совершенія божественной таинственной литургіи съ великою ра-

---

[1]) Впослѣдствіи (и быть можетъ очень скоро) сложилась легендарная повѣсть о *загробномъ прощеніи Ѳеофила*. Въ этой повѣсти излагаются слѣдующія знаменія прощенія Ѳеофилова: а) сонъ царицы Ѳеодоры, сначала страшный, потомъ успокоительный, б) явленіе ангела патріарху в) чудесное изглажденіе имени Ѳеофила изъ патріаршаго списка еретиковъ г) гласъ свыше во время литургіи: *молитвъ ради святитель моихъ прощеніе Ѳеофилу даю.*

достію и торжествомъ. И такимъ образомъ возстановлены святыя и честныя иконы для почитанія и поклоненія во храмѣ Божіемъ. Благочестивые же самодержцы со всечестнымъ и святѣйшимъ патріархомъ Меѳодіемъ и сущими при немъ тогда митрополитами и преподобными подвижниками постановили: ежегодно въ первое воскресеніе св. поста праздновать торжественно въ великой Божіей церкви сей святой и честной праздникъ,—который празднуется и донынѣ." [1])

Радовалась благочестивая царица; радовались православные клирики и монахи; радовались набожные міряне. Но никакая радость человѣческая не бываетъ продолжительна и печали непричастна. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Уже въ самый день 19 февраля 842 г. случилось одно происшествіе, смутившее радость царицы. Послѣ церковнаго торжества высшее духовенство приглашено было въ царскія палаты на роскошный обѣдъ, устроенный императрицею. Въ числѣ трапезующихъ былъ и Ѳеофанъ *начертанный* (см. стр. 494), уже возведенный въ санъ митрополита никейскаго. Императрица, относясь къ нему съ особенною любезностію, выразила сожалѣніе о тѣхъ страданіяхъ, какимъ онъ подвергся за иконопочитаніе. Отвѣтъ Ѳеофана звучалъ не въ тонъ съ общимъ свѣтлымъ настроеніемъ дня. *За эти письмена буду я судиться съ твоимъ мужемъ и царемъ предъ нелицепріятнымъ судилищемъ Божіимъ*, сказалъ Ѳеофанъ. Императрица, которая сдѣлала все, что́ могла, для того, чтобы ублаготворить духовенство, была поражена этимъ отвѣтомъ. Она смутилась, заплакала, и, вставъ изъ-за стола сказала: *что́ же значитъ данное вами разрѣшеніе, если царь не только не считается прощеннымъ, но и позывается и привлекается къ истязанію на судѣ Божіемъ?..* Патр. Меѳодій, сознавая неумѣстность и вредъ отвѣта Ѳеофанова, спѣшилъ успокоить императрицу, — и дальнѣйшихъ послѣдствій это недоразумѣніе не имѣло.

---

[1]) Впослѣдствіи—и кажется довольно скоро—(вѣроятно въ царствованіе Михаила III) праздникъ этотъ принялъ болѣе общій характеръ *торжества православія* надъ всѣми ересями,—и въ такомъ видѣ совершается ежегодно и въ русской церкви при архіерейскомъ служеніи въ каѳедральныхъ храмахъ съ возглашеніемъ многократной *анаѳемы* всѣмъ, такъ или иначе уклоняющимся отъ догматовъ и законоположеній православной церкви.

Но вообще нельзя сказать, чтобы православные умѣренно воспользовались своимъ торжествомъ. Совершенно естественно, что иконоборные епископы были отставлены и каѳедры ихъ отданы ревнителямъ православія, и наиболѣе монахамъ; понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что при большомъ количествѣ новыхъ архіереевъ, не всѣ они могли отличаться умственною и нравственною высотою. Менѣе умѣстно и одобрительно стремленіе оказать возмездіе низверженнымъ противникамъ. Жертвою этого стремленія былъ отставленный патріархъ Іоаннъ Грамматикъ. Монахи обвиняли бывшаго патріарха въ томъ, якобы онъ выкололъ глаза у нѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица смягчила казнь и Іоаннъ Грамматикъ былъ наказанъ 200 ударовъ бича. „Двѣсти ударовъ умнѣйшему и честнѣйшему человѣку того вѣка!“ восклицаетъ историкъ Папарригопуло (III, 785) „таковъ былъ первый плодъ вмѣшательства монашескаго сословія въ дѣла правленія!“ Еще болѣе достойно сожалѣнія кровавое гоненіе, воздвигнутое на павликіанъ, во время котораго истреблено было разными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ.

Правленіе Ѳеодоры, напоминавшее своимъ клерикальнымъ характеромъ правленіе имп. Ирины, продолжалось 14 лѣтъ. Въ мартѣ 856 г. сынъ Ѳеодоры 16-лѣтній Михаилъ началъ властвовать единодержавно, а мать съ сестрами заключилъ въ монастырь. Михаилъ III былъ государь легкомысленный, пьянствующій и кощунствующій, любившій съ своимъ шутовскимъ патріархомъ и шутовскимъ духовнымъ соборомъ пародировать церковные обряды,—но онъ не былъ иконоборецъ. Могучая волна времени приносила новыя крупныя событія первостепенной важности: совершилось церковное отпаденіе Рима отъ Византіи; въ составъ христіанскаго міра вошли новыя славянскія народности;—а иконоборство отошло уже въ область исторіи. Михаилъ III былъ послѣднимъ и притомъ недолговѣчнымъ представителемъ амморейской династіи. Въ 867 г. 23 сент. онъ былъ убитъ по приказанію своего соправителя Василія македонянина, основателя такъ называемой *македонской* династіи.

Представляемъ въ заключеніе генеалогію трехъ короткихъ династій, царствовавшихъ во 2-ю половину иконоборнаго періода.

Династія Никифора Геника.

Никифоръ Геникъ императоръ съ 1 ноябр. 802, убитъ болгарами 25 іюля 811 г.

Дѣти Никифора:

Сынъ *Ставракій*, женатъ на Ѳеофаніи, императоръ съ 26 іюня 811 г., умеръ въ монастырѣ 2 октября того же года.	Дочь Прокопія, въ замужествѣ за *Михаиломъ* I Рангаве, который былъ императоромъ со 2 окт. 811 по 24 іюля 813 г., потомъ монахомъ съ именемъ Аѳанасія, ум. 845 г. Дѣти Михаила I и Прокопіи: Ѳеофилактъ и Никита, въ монашествѣ Игнатій, патріархъ съ мая 846 г.+878 г.

Династія Льва V армянина.

Левъ V имп. съ 10 іюля 813+25 дек. 820, женатъ на Маріи, дочери патриція Арсавира.

Сыновья Льва V и Маріи:

Савватій, Василій, Григорій, и Ѳеодосій. (Два изъ нихъ были кандидатами на патріаршество въ 846 г.)

Амморейская династія.

Михаилъ II Травлъ императоръ съ 25 дек. 820 г.+1 окт. 829.

Женатъ вторымъ бракомъ на Ефросиніи, дочери Константина VI.

Сынъ Михаила II отъ 1-го брака *Ѳеофилъ* императоръ съ 1 окт. 829+20 янв. 842.

Жена Ѳеофила имп. Ѳеодора, самодержица съ 21 янв. 842 г. по мартъ 856 г.

Дочери Ѳеофила: Ѳекла, Анна, Анастасія, Марія и Пулхерія.

Сынъ Ѳеофила и Ѳеодоры *Михаилъ* III, императоръ съ 21 янв. 842 г., самодержецъ съ марта 856 г., женатъ на Евдокіи Ингеринѣ, убитъ 23 сент. 867 г.

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Внутренняя исторія церкви въ періодъ иконоборства.

Время иконоборства принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, такъ называемыхъ *переходныхъ* эпохъ въ исторіи человѣчества, когда старое міросозерцаніе расшатывается и закладываются основанія для новаго. Не часто бываютъ такія эпохи и не дешево обходятся они современникамъ. Такова была эпоха возникновенія христіанства; такова была эпоха реформаціи XVI в. Въ нашей русской исторіи такова была эпоха петровской реформы, и такова—быть можетъ—та эпоха, которую мы переживаемъ въ настоящее время. Уже одно сопоставленіе времени иконоборства съ величайшими критическими моментами въ исторіи заставляетъ насъ обратить на эту эпоху особенное вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключь къ уразумѣнію ея. Въ такія переходныя эпохи общество не живетъ цѣльною и однородною жизнію; являются обыкновенно три фракціи, которыя въ наше время именуются *либералами, консерваторами и радикалами*; а въ другія эпохи назывались иначе: при Спасителѣ—*саддукеями, фарисеями и ессеями*; въ эпоху реформаціи *протестантами, ультра-папистами и піэтистами*. Вообще люди свободы и разсудка, люди авторитета и преданія, и наконецъ люди свободы и сердца выдѣлялись въ такія эпохи въ три различные и даже враждебные между собою лагеря. Сообразно такому дѣленію мы и въ періодъ иконоборства различаемъ и будемъ разсматривать три фракціи: 1) новаторовъ—иконоборцевъ, 2) консерваторовъ—ортодоксовъ и 3) антицерковныхъ піэтистовъ—павликіанъ. Анализъ этихъ трехъ фракцій, думается намъ, введетъ насъ во внутреннюю исторію временъ иконоборства.

I) Новаторы—иконоборцы. Уцѣлѣвшіе остатки иконоборческой литературы. Догматика и церковная политика иконоборцевъ. Отношеніе иконоборцевъ къ наукѣ и къ искусству.

Выше (въ 12 чтеніи) мы охарактеризовали то печальное, проникнутое суевѣріемъ и ханжествомъ, состояніе византійской церковной жизни, которое обусловливало собою появленіе иконоборцевъ. Такъ какъ иконоборцы были новаторами, давшими свое имя и характеристику настоящему періоду, то объ нихъ и будетъ наше первое слово. Къ сожалѣнію мы почти лишены возможности судить иконоборцевъ *отъ* ихъ собственныхъ *словесъ*, на основаніи ихъ собственныхъ литературныхъ произведеній. Дѣло въ томъ, что эти произведенія,—какъ сказано выше (стр. 428)—почти цѣликомъ были истреблены торжествующими иконопочитателями. Уцѣлѣли только скудные отрывки, и въ интересахъ науки мы должны предъявить по крайней мѣрѣ эти отрывки.

Такъ какъ иконоборцы исходнымъ пунктомъ для своей реформы полагали суевѣріе и ханжество православныхъ, то на первомъ мѣстѣ мы должны поставить приводимую въ исторіи Папаррригопуло (III, 702—706), весьма ѣдкую и злую сатиру, изложенную въ формѣ стихотворнаго письма нѣкоего царскаго чиновника Христофора къ монаху Андрею и направленную противъ почитателей и собирателей мощей. Такъ какъ эта сатира вовсе не представляетъ собою матеріала для назидательнаго чтенія, то мы оставляемъ ее безъ перевода.

Πολλοὶ λέγουσιν, (εἰ δ' ἀληθεῖς οἱ λόγοι,
Οὐκ οἶδα) πλὴν λέγουσι καὶ πείθουσί με,
Ὡς σφόδρα χαίρεις, ὦ μοναστὰ καὶ πάτερ,
Εἴ τις σε σεπτοῖς δεξιοῦται λειψάνοις
Ἀνδρῶν μαρτύρων ἢ σεβαστῶν μαρτύρων,
Θήκας δὲ πολλὰς λειψάνων θείων ἔχεις,
Ἃς ἐξανοίγων τοῖς φίλοις σου δεικνύεις·
Τοῦ Προκοπίου μάρτυρος χεῖρας δέκα,
Θεοδώρου δὲ πέντε καὶ δέκα γνάθους,
Καὶ Νέστορος μὲν ἄχρι τῶν ὀκτὼ πόδας,
Γεωργίου δὲ τέσσαρας κάρας ἅμα,
Καὶ πέντε μαστοὺς Βαρβάρας ἀθληφόρου·
Καὶ νῦν μὲν ὀστᾶ δώδεκα βραχιόνων

Τοῦ καλλινίκου μάρτυρος Δημητρίου,
Νῦν δ' αὖ καλάμους εἴκοσι σκελῶν ὅλων
Τοῦ Πάντελεήμονος (ὦ τῆς πληθύος!).
Λέγεις δὲ πίστει ταῦτα πάντα λαμβάνειν,
Οὐκ ἀμφιβάλλων, οὐκ ἀπιστῶν οὐδ' ὅλως.
Αἰδώ τε πολλὴν τοῖς κιβωτίοις νέμεις,
Καὶ προσκυνεῖς ὡς ὄντα Χριστοῦ μαρτύρων.
Βαβαὶ ζεούσης πίστεως σῆς Ἀνδρέα,
Ἥτις σέ πείθει τοὺς μὲν ἀθλητὰς, Ἅγιους,
Τὰς μάρτυράς δε, θήρας οἴεσθαι κύνας,
Τοὺς μὲν κεφαλὰς μυρίας κεκτημένους
Τὰς δ' αὖ γε μαστῶν πλῆθος, ὥςπερ οἱ κύνες!
Ἐκ πίστεως σῆς καὶ πρὸς ἰχθὺν ἐτράπη
Νέστωρ ὁ μάρτυς, ὀκτάπους δεδειγμένος.
Καὶ Προκόπιον πίστις ἡ σὴ δεικνύει
Βριάρεων κομῶντα χειρῶν πληθύϊ!
Λέγεις ὁ σεμνὸς καὶ Θέκλας τῆς πρωτάθλου
Ὀδόντας ἑξήκοντα (φεῦ πλάνης!) ἔχειν,
Καὶ τοῦ μεγίστου Προδρόμου λευκὰς τρίχας.
Αὐχεῖς δὲ καὶ σὺ πάσας ὡς νῦν ἐπρίω
Ἐκ τῶν γενείων τῶν σφαγέντων νηπίων
Ἐν Βηθλεὲμ, πρὶν τῆς Ἰουδαίας πόλει.
Φάσκεις δὲ τιμᾷν ταῦτα, πιστοῖς, ὡς νόμος.
Ὦ πίστις ὀρθὴ, πίστις ἠνθρακωμένη,
Ἣ τοὺς πατρῴους οὐκ ἀπαρνεῖται νόμους,
Τῶν Μακκαβαίων τὸ ζέον μιμουμένη!
Ὦ πίστις μῶμον οὐκ ἔχουσα οὐδένα,
Τάξεις ἀνατρέπουσα καὶ φύσεις μόνον,
Νῦν μὲν γυναῖκα δεικνύουσα πρεσβύτιν,
Ὕλην ὀδόντων σχοῦσαν ἑξηκοντάδα,
Νῦν δ' αὖγε λευκαίνουσα τὴν κόμην νέῳ,
Καὶ νηπίοις διδοῦσα πωγώνων πλάτη!
Καὶ ταῦτα πιστῶς ὡς ἀληθῆ προσδέχῃ,
Καὶ χρημάτων νέμεσιν ἡδέως ἔχῃ.
Οὐκ ἂν γέ τοι λείψῃ σε πλῆθος λειψάνων·
Ἔσται γὰρ ἔσται λειψάνων ἔτι πρᾶσις,
Ἕως ἂν ἠχήσειε σάλπιγξ ἐσχάτη
Ἑνοῦσα ταῦτα καὶ συναθροίζουσά πως,
Ἄφθαρτον εἰς σύμπηξιν ἄλλης οὐσίας.
Σφίγγουσα τὰ πρὶν ἐσκορπισμένα,

Πνοὴν διδοῦσα πᾶσιν ἐκπεπνευκόσιν,
Καὶ πάντας εἰς τὸ βῆμα συγκαλουμένη.
Τὸ φρικτὸν ὄντως βῆμα καὶ φοβούμενον,
Ἐν ᾧπερ αὐτὸς πράξεως οὐκ ἐνθέου
Ὀρθῶς ὑπόσχῃ ἀξίαν τιμωρίαν,
Ἀνθ' ὧν παρηνόμησας οὕτως ἀφρόνως,
Ὀστᾶ βεβήλων οἷα σεπτῶν μαρτύρων
Ὠνούμενός τε καὶ κατακλείων πίθῳ.
Τί καὶ τοσοῦτον ἐκκενοῖς οὖν χρυσίον;
Ἔξεστι καὶ γὰρ δωρεὰν σὲ λαμβάνειν,
Πρὸς τοὺς τάφους τρέχοντα τοὺς ἐν τῇ πόλει·
Εἴ περ σὺ μισθὸν οὐ κομίζεσθαι λέγεις
Ὧν ὀστᾶ προῖκα λαμβάνεις ἐκ μνημάτων,
Ἴθι πρὸς ἐξώνησιν, ἡδέως ἴθι·
Ῥᾷον κενώσεις ἅπαν τὸ σὸν χρυσίον,
Ἢ τοὺς τάφους ἅπαντας οἱ νεκροπράται.
Ἔγωγε τοίνυν ταῦτα θαυμάζειν ἔγνων
Πῶς οὐκ ἀπιστεῖς τοῖς πράταις τῶν ὀστέων,
Τοὐναντίον δὲ καὶ προσηνῶς προσδέχῃ
Ἅπαντας αὐτοὺς καὶ μεθ' ἡδονῆς ὅσης!
Ἤκουσα δ' αὐτος πρός τινος τῶν σῶν φίλων
Ὡς ἰνδὸς πλάνος τις πίστεως σῆς τὸ ξέον,
Ὀστοῦν προβάτου μηριαῖον λαμβάνει,
Ἅπαν δὲ κύκλῳ βάμματι χρίσας κρόκου
Καὶ θυμιάσας καὶ περιστείλας ἅμα,
Πρόσειστν εὐθὺς καὶ δίδωσι σοι λέγων·
«Ὀστοῦν ὑπάρχει τοῦτο μάρτυρος Πρόβου,
(Τὸ δ' ἦν προβάτου μᾶλλον, ἀλλ' οὐχὶ Προβοῦ)
Δεῖ τοιγαροῦν σοι χρυσίνων δέκα.»
Λαβεῖν τι χρῆμα θεῖον ὡ ἤθης, πάτερ,
Ἐκ πίστεως καὶ τοῦτο ποιήσας τάχα.
Πολλὴ γάρ ἐστι πίστις ἡ σὴ καὶ λίαν,
Καὶ μὴν δυνηθῇ καὶ μεθιστᾶν τὴν κτίσιν·
Ὅπου γὰρ μικρὰ πίστις ἀκραιφνεστάτη,
Ὡς κόκκος εἷς νάπυος, ὁ Χριστὸς λέγει,
Ὄρη μεθιστᾶν εὐκολώτερον σθένει.
Πλὴν ἀλλ' ἐπεί σε πιστὸν ἔγνων εἰς ἄκρον
Οὐκ ἀμφιβάλλειν, οὐδὲ διστάζειν ὅλως
Πρὸς τὰς δόσεις θέλοντα τὰς τῶν λειψάνων,
Παρέξομαί σοι προῖκα χρῆμά τι ξένον,

Ἐνόχ τὸν ἀντίχειρα τοῦ τριχολόβου,
Καὶ γλουτὸν αὐτὸν Ἠλίου τοῦ Θεσβίτου.
Βούλει, παράσχω λειψάνοις τούτοις ἅμα
Καὶ δάκτυλόν σοι Μιχαὴλ ἀρχαγγέλου;
Ἔσται· παράσχω τοῦτον ἐκ Χώνων ἔχων.
Μόνον σύ μοι πίστευε ταῦτα λαμβάνων,
Ὡς εἰσὶ τούτων ὧν ἐγὼ, διδοὺς, λέγω.
Δώσω σὺν αὐτοῖς καὶ βραχὺ, πάτερ, μέρος
Τοῦ Γαβριὴλ σοι τοῦ μεγίστου τῶν νέων·
Ἐν Ναζαρὲτ γὰρ κατελθὼν πρὶν τῇ πόλει,
Πτεροῤῥυήσας ἐξανέπτη πρὸς πόλον·
Ἤχθησαν οὖν ἐκεῖθεν ὧδε τὰ πτίλα·
Ἐγὼ δὲ ταῦτα πάντα ἔχων ἐσχάτως
Καὶ σοι παράσχω, πιστὲ λειψάνων φίλε!
Ἀλλ' οὐκ ἐκείνων φείσομαι τῶν κρειττόνων,
Οὕτω σὲ πιστεύοντα πρὸς ταῦτα βλέπων,
Τὸν ἡδὺν ὄντως ἐν μοναστοῖς Ἀνδρέαν,
Δώσω δέ σοι κἀκεῖνα σὺν προθυμίᾳ.
Ἑνὸς χερουβὶμ τριῶν ὀμμάτων κόρας,
Καὶ τῆς φλογίνης χεῖρα ῥομφαίαν μίαν,
Ἣν ἐξανάψας ἐν μέσῳ τῶν λειψάνων
Ἄλλου παρ' αὐτὴν οὐ δεηθήσῃ λύχνου·
Φλὸξ οὖσα, καὶ γὰρ οἶδε καὶ φῶς ἐκφέρειν,
Καὶ πάντα νικᾷ φῶτα λαμπρῶν ἀστέρων·
Ἕξεις ἐκείνην τοιγαροῦν σὺ καὶ λύχνον
Καὶ λείψανον κάλλιστον ὑπὲρ ἄλλοτι.
Καὶ πάντα ταῦτα προῖκα καὶ χωρὶς πόνου
Λοιπαῖς συνάξας σὺν ἀπείροις λειψάνοις,
Θήσεις με πρῶτον τοῦ χοροῦ τῶν σῶν φίλων,
Εὐεργέτην καλῶν πάντα τὸν χρόνον.
Οὕτω γάρ ἐστιν, ὥςπερ οἶμαι, καὶ πρέπον.
Ἀπογραφεύς σοι ταῦτα τῶν βασιλέων,
Ὁ Χριστοφόρος, ὃν καὶ γινώσκειν ἔχεις,
Ἀγχοῦ μὲν οἰκῶν τοῦ νεὼ Προτασίου,
Ἀμφ' αὐτὸ φημὶ τὸ στρατήγιον, πάτερ.
Ποθῶν δὲ καὶ γνώριμον σχεῖν καὶ φίλον,
Ὡς ἂν γελῴην ἡδέως καθ' ἡμέραν,
Τῶν θλίψεων εὑρὼν σε φάρμακον μέγα.

На ряду съ этою сатирою мы можемъ поставить выдержки изъ письма имп. Михаила II Травла къ западному императору Людовику

Благочестивому отъ 10 апр. 824 г., гдѣ между прочимъ разсказывается слѣдующее о суевѣрныхъ обычаяхъ иконопочитателей. „Прежде всего они изгнали изъ храмовъ святый крестъ и вмѣсто него повѣсили иконы съ лампадами; предъ иконами они воскуряютъ ѳиміамъ и оказываютъ имъ такую же честь, какъ и священному знаменію, на которомъ пострадалъ Христосъ. Они поютъ предъ ними псалмы, покланяются имъ и отъ самыхъ иконъ ожидаютъ себѣ помощи. Многіе обвѣшиваютъ ихъ льняными пелепами и выбираютъ ихъ въ воспріемники при крещеніи дѣтей. Постригающіеся въ монахи отложили прежній обычай вручать свои волосы присутствующимъ при постриженіи почтеннымъ лицамъ, а кладутъ волосы къ образамъ. Нѣкоторые пресвитеры и клирики, соскабливая краску съ образовъ, смѣшивали ее съ просфорами и виномъ и раздавали послѣ причастія. Иные предлагали евхаристію иконописнымъ святымъ, воображая ихъ причастниками. Иные совершали богослуженіе не въ храмахъ, а въ частныхъ домахъ, пользуясь иконами, какъ алтарною трапезою. Это и многое подобное совершается, что́ ученые и мудрые мужи признали недозволеннымъ и неумѣстнымъ.“ [1])

По всей вѣроятности въ иконоборческой литературѣ существовали памфлеты противъ монашества, обличавшіе праздную и безполезную для государства жизнь иноковъ, но такіе памфлеты не дошли до нашего времени.

Сходные между собою въ признаніи недостатковъ существующаго общественнаго строя, и въ борьбѣ противъ господствующей суевѣрной набожности, византійскіе либералы расходились между собою въ размѣрахъ своего отрицанія. Крайніе либералы высказывались даже противъ всякаго почитанія Богоматери и св. угодниковъ Божіихъ. Такъ объ имп. Константинѣ V хроникеръ повѣствуетъ слѣдующее. „Царь дошелъ до такого безумія и бѣшенства, что всенародно предписалъ не называть святымъ никого изъ угодниковъ Божіихъ, мощи ихъ обрѣтаемыя оплевать, предстательства ихъ не требовать, ибо-де они ничего не могутъ. Въ добавокъ къ этому всескверный нечестивецъ заповѣдалъ,—да не призываетъ никто предстательства Маріи, ибо-де она ничего не можетъ,—и запрещалъ именовать ее Богородицею. Держа въ рукѣ кошелекъ, полный золота, и показывая всѣмъ, царь спрашивалъ: *чего стоитъ кошелекъ?* Отвѣчали: „дорого

[1]) Hefele Conciliengeschichte V, 37—38.

стоитъ.“ Вытряхнувъ золото, спрашивалъ опять: *чего стоитъ кошелекъ?* Отвѣчали: „ничего не стоитъ.“ *Такъ и Марія,*—сказалъ царь (окаянный даже не удостоивалъ ее имени Богоматери),—*пока имѣла Христа въ себѣ, была многочестна; а коль скоро родила Христа, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ женъ.* Отъ такого хуленія пощади насъ, Господи!“ Другіе изъ византійскихъ либераловъ ограничивались отрицаніемъ иконопочитанія. Таковы были отцы иконоборнаго собора, бывшаго при Константинѣ V въ 754 г., рѣшительно высказавшіеся противъ иконъ, но настаивавшіе на почитаніи Богоматери и угодниковъ Божіихъ. Въ числѣ аргументовъ, высказанныхъ отцами иконоборнаго собора противъ иконъ, есть одинъ, довольно замѣчательный и въ свое время недостаточно оцѣненный. „Готовясь предать себя приснопамятной и животворящей смерти,“—говорится въ соборныхъ актахъ,—„Христосъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, произнесъ благодареніе, преломилъ и отдавая его сказалъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое.* Такимъ же образомъ отдавая чашу Онъ сказалъ: *сія есть кровь Моя. Сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Изъ всего находящагося подъ небомъ не упомянуто другаго вида или образа, который могъ бы изображать воплощеніе Его. Итакъ вотъ что́ служитъ иконою животворящей плоти Его!“ Отцы иконоборнаго собора какъ бы говорили такимъ образомъ: „если мы вѣруемъ, что имѣемъ въ таинствѣ евхаристіи Самаго Христа и пріобщаемся истинно Его животворящей плоти и крови,—то какая же намъ надобность въ столь блѣдномъ образѣ Его, какой дается живописью на иконѣ? Никто, имѣя въ рукахъ неизмѣримо лучшее, не нуждается въ худшемъ.“—Тотъ же аргументъ, и еще съ бо́льшею силою, могъ бы быть направленъ и противъ мощей и другихъ священныхъ реликвій. „Если мы,“—могли бы сказать отцы иконоборнаго собора,—„имѣемъ въ евхаристіи самаго Спасителя, то къ чему же намъ искать и собирать сомнительныя реликвіи сомнительной святости? Никто, обладая безцѣннымъ и неистощимымъ сокровищемъ, не протянетъ руки за копѣйкою.“ Впрочемъ отцы иконоборнаго собора не развили этого аргумента во всей силѣ, а отцы VII всел. собора естественно не имѣли надобности дѣлать этого.

Были наконецъ между византійскими либералами и настолько умѣренные люди, что соглашались оставить неприкосновенными иконы, но придавали имъ значеніе исключительно для простаго неграмотнаго народа. Св. Ѳеодоръ Студитъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (II, 171)

приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненій одного подобнаго либерала: „неизреченное и непостижимое человѣколюбіе Божіе къ намъ и священные подвиги святыхъ мы представляемъ прославленными въ свящ. письменахъ, не услаждаясь съ своей стороны никакимъ изображеніемъ или живописью; но позволяемъ простѣйшимъ, какъ несовершеннѣйшимъ, поучаться тому посредствомъ естественнаго ихъ руководства и свойственнаго имъ созерцанія.“ Хотя св. Θеодоръ Студитъ и опровергаетъ такое размышленіе, но очевидно оно не особенно далеко отъ ученія православной церкви.

Только въ одномъ пунктѣ церковно-дисциплинарнаго характера сходились между собою всѣ либералы и иконоборцы всѣхъ степеней и оттѣнковъ, именно: въ признаніи необходимости подчинить клириковъ и особенно монаховъ—правительству, сдѣлать церковь служебною силою въ государствѣ. Смѣлое, вызывающее поведеніе иноковъ—особенно Θеодора Студита—ставило такъ сказать ребромъ вопросъ объ отношеніяхъ духовенства къ правительству,—такъ что во вторую половину иконоборнаго періода объ иконахъ спорили болѣе по старой памяти; существенный же интересъ вращался около вопроса: монахамъ или воинамъ стоять у кормила правленія, превратиться ли церкви въ казенное оффиціальное учрежденіе или государству быть управляему въ клерикальномъ духѣ? Либералы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе рѣшительно стояли на сторонѣ государства, и даже успѣли канонизовать свое мнѣніе на соборѣ 809 г., на коемъ постановлено будто бы, что *царь стоитъ выше церковныхъ опредѣленій.* Впрочемъ акты этого собора не дошли до насъ.—Можно сказать вообще, что вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ властей—духовной и свѣтской — и составлялъ собою движущій нервъ византійской исторіи въ теченіе всего иконоборнаго періода. Вопросъ такъ и остался такъ открытымъ на будущее время, хотя благочестивая Θеодора значительно склонила его рѣшеніе въ пользу духовенства.—Современный греческій историкъ Папарригопуло весьма огорчается неудачею византійскихъ либераловъ VIII и IX в. По мнѣнію историка побѣда государственной власти надъ церковною—обезпечила бы Византіи долгое и счастливое будущее, и сдѣлала бы ее неприступною для внѣшнихъ враговъ, латинянъ, турокъ и т. д. Можетъ быть и такъ. Но мы, русскіе, пережившіе реформу Петра великаго съ ея послѣдствіями, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства.

Догматическія заблужденія иконоборцевъ осуждены на VII вселенскомъ соборѣ. Но кромѣ того надъ ними тяготѣютъ еще нѣкоторыя обвиненія, подлежащія разсмотрѣнію исторіи. Иконоборцевъ обвиняли въ невѣжествѣ и даже во враждѣ къ наукѣ. Разсказывалось о необразованности и почти безграмотности нѣкоторыхъ иконоборныхъ императоровъ (Льва III, Михаила II) и патріарховъ (Никиты, Ѳеодота); сообщались легенды о томъ, якобы Левъ III сжегъ публичную библіотеку и *вселенскаго учителя* съ его сотрудниками и т. д. *Нѣтъ у нечестивыхъ силы слова*, говоритъ св. Ѳеодоръ Студитъ съ сознаніемъ собственнаго превосходства. Всѣ эти заявленія идутъ изъ того лагеря, который не отличался особенною любовію къ наукѣ, и напротивъ того готовъ былъ видѣть въ любви къ научнымъ занятіямъ гордость разума. Но согласимся, что не все, говоренное о невѣжествѣ иконоборцевъ, было несправедливо. Согласимся, что бывали между иконоборцами люди необразованные, особенно изъ тѣхъ, которые всю жизнь провели на военной службѣ. Согласимся, что въ то время, когда Левъ III закрылъ духовныя школы и не открылъ свѣтскихъ, наступилъ въ исторіи византійскаго образованія печальный пробѣлъ. Но образованіе не исчерпывается школьною эрудиціею. Духъ изслѣдованія, любовь къ знанію и методъ болѣе значатъ въ наукѣ, чѣмъ сумма наличныхъ знаній. И въ этомъ отношеніи нельзя не отдать преимущества иконоборцамъ предъ ихъ противниками. Благодаря относительно бо́льшей свободѣ и широтѣ изслѣдованія, во второй половинѣ иконоборнаго періода процвѣли науки (см. выше стр. 446), и научное движеніе было настолько сильно, что пережило иконоборный періодъ, продолжалось во все время македонской династіи, и не осталось безъ вліянія на умственную жизнь нашего отечества.

Обвиняли также иконоборцевъ въ гибельномъ вліяніи на искусство,—въ томъ, что они, запрещая иконописаніе, отнимали тѣмъ поле дѣятельности у христіанскихъ художниковъ. Это обвиненіе слышится отъ ближайшихъ къ нашему времени изслѣдователей и повидимому имѣетъ въ себѣ болѣе основательности. Но только повидимому. Иконоборцы вовсе не были врагами искуства. [1]) Обнажая храмы отъ икон-

---

[1]) Въ частности послѣдній иконоборный императоръ Ѳеофилъ былъ великій любитель художествъ.

ной живописи, они тѣмъ не менѣе приказывали расписывать ихъ ландшафтами и мірскими сценами въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ, поднимаясь на хоры кіево-софійскаго собора. Конечно и религіозные сюжеты не исключались изъ предметовъ иконоборческой живописи, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они трактовались не какъ иконы, а какъ картины. Это условіе разумѣется болѣе давало свободы художнику, чѣмъ иконопочитаніе, которое строго должно было держаться старыхъ подлинниковъ, какъ священныхъ и непререкаемыхъ образцевъ.

II) Православные защитники иконопочитанія и монашества. Ихъ церковный авторитетъ. Крайнее направленіе ихъ церковно-политическихъ убѣжденій. Общее сужденіе о нихъ.

О византійскихъ либералахъ—иконоборцахъ мы могли говорить съ полною свободою, по крайней мѣрѣ съ свободою порицанія. Въ свое время они были опозорены и анаѳематствованы и судъ потомства для нихъ не можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ судъ современниковъ. Совсѣмъ иное отношеніе историка къ исповѣдникамъ иконопочитанія. Торжество православія было вмѣстѣ и ихъ торжествомъ. Наиболѣе знаменитые представители и исповѣдники иконопочитаніи канонизованы и причислены къ лику святыхъ. Таковы: Германъ патр. цареградскій (память 12 мая), Тарасій патр. цареградскій (память 24 февр.), Никифоръ патр. цареградскій (іюня 2), Меѳодій патр. цареградскій (іюн. 14), преп. Іоаннъ дамаскинъ (—дек. 4) преп. Ѳеодоръ студитъ (ноябр. 11) и братъ его Іосифъ арх. солунскій (генв. 26), преподобная мученица Ѳеодосія(—мая 28), преподобномученикъ Андрей Каливитъ (окт. 17), Стефанъ савваитъ (окт. 28), Ѳеодоръ (дек. 28) и Ѳеофанъ (—март. 19), начертанные,—Лазарь иконописецъ (ноябр. 14), святая царица Ирина, (авг. 9), св. царица Ѳеодора (февр. 11). [1]) Дерз-

[1]) Вообще изъ канонизованныхъ святыхъ разсматриваемаго періода только Анфиса, дочь Константина V, (память апр. 12) Филаретъ милостивый (дек. 1), праведный Евдокимъ (іюл. 31) да еще 42 мученика, пострадавшіе въ Амморѣи отъ магометанъ,—(6 марта) не заявили себя нарочитою борьбою противъ иконоборства.

немъ ли мы развѣнчивать тѣхъ, кого увѣнчала православная церковь? Правда Папарригопуло допустилъ это по отношенію къ Θеодору Студиту и Θеофану начертанному, но что́ возможно для православнаго грека, не терпимо со стороны православнаго русскаго. Мы этого и не сдѣлаемъ. Преклоняемся предъ здравостію и убѣдительностью сужденій св. Іоанна Дамаскина, предъ пастырскою мудростію и снисходительностію отцевъ VII вселенскаго собора, предъ кротостію и сдержанностію патріарховъ Тарасія и Никифора, предъ мужествомъ защитниковъ иконопочитанія, потерпѣвшихъ ссылки, мученія и даже смерть. Но при всѣмъ благоговѣніи нашемъ къ защитникамъ православія осмѣливаемся утверждать, что была черта, переходъ за которую приводилъ нѣкоторыхъ защитниковъ православія къ крайностямъ и погрѣшностямъ въ церковно-политическихъ воззрѣніяхъ. На этой чертѣ остановились св. Іоаннъ Дамаскинъ, патр. Тарасій и отцы VII всел. собора и св. патр. Никифоръ. Далѣе этой черты пошелъ Θеодоръ Студитъ и многіе другіе. Чтобы это утвержденіе не было голословнымъ, раскроемъ сочиненія св. Θеодора Студита, самаго способнаго и авторитетнаго изъ крайнихъ приверженцевъ православія, и приведемъ нѣсколько выдержекъ по вопросу объ иконопочитаніи, о монашествѣ и объ отношеніи гражданскаго правительства къ церкви.

Вопросъ о почитаніи иконъ очень ясно и обстоятельно разобранъ въ сочиненіяхъ св. Іоанна Дамаскина и въ опредѣленіяхъ VII всел. собора. Выяснено, что предметомъ иконописанія должны быть дѣйствительныя библейскія богоявленія и свящ. событія, а не фантастическіе образы; выяснено далѣе, что икона не можетъ быть отождествляема съ первообразомъ, и что то отношеніе, которое умѣстно и законно въ приложеніи къ первообразу, неумѣстно въ приложеніи къ иконѣ. [1]) Но крайніе ревнители православія не удержались на этой

---

[1]) Для отцевъ VII собора имѣли руководительное вліяніе между прочимъ слѣдующія выдержки: а) изъ толкованія на 2-ю заповѣдь Анастасія, епископа ѳеопольскаго. „*Господу Богу Твоему поклонишися и Тому единому послужиши.* Смотри: при словѣ: *послужиши*, прибавлено: *единому*, а къ слову *поклонишися* не прибавлено. Значитъ покланяться можно и не Богу, ибо поклоненіе есть обнаруженіе почтенія: служить же нельзя никому кромѣ Бога.“ б) изъ письма къ собору папы Адріана I: „сохраняя чистоту вѣры, мы иконы, подобно какъ книги божественнаго писанія, употребляемъ для

чертѣ. Такъ св. Ѳодоръ Студитъ (I, II. 15) находитъ себя вынужденнымъ кротко обличать столпника Ѳеодула за то, что онъ выставилъ на окнахъ ангеловъ, и притомъ распятыхъ, подобно Христу, и самаго Христа и ангеловъ изобразилъ престарѣлыми. Но въ другомъ случаѣ св. Ѳеодоръ не только не осуждаетъ, но и весьма восхваляетъ уклоненіе отъ правильнаго образа иконопочитанія. „Услышавъ, что твоя именитость совершила нѣкоторое божественное дѣло,“ пишетъ Ѳеодоръ Студитъ спаѳарію Іоанну (I, II. 17) „мы удивились твоей поистинѣ великой вѣрѣ, человѣкъ Божій! Ибо извѣстившій объ этомъ говорилъ, что ты употребилъ святую икону великомученика Димитрія вмѣсто воспріемника и такимъ образомъ совершилъ крещеніе богохранимаго сына твоего.. *Чествованіе образа*—говоритъ Василій великій—*относится къ первообразу*. Итакъ ясно, что мученикъ чрезъ свой образъ воспринялъ младенца, поколику ты такъ вѣровалъ. Какое же счастіе твоей именитости, что ты пріобрѣлъ такого, какъ говорятъ, кума, не какого-нибудь начальника, или, можно сказать, самого облеченнаго въ діадиму, ибо пріобрѣтенный тобою выше и превосходнѣе,“ и т. д.

Точно также превышали мѣру крайніе ревнители православія въ своихъ сужденіяхъ о высокомъ достоинствѣ монашества. Конечно монашество имѣло свои историческія заслуги, внушавшія къ нему уваженіе; конечно гоненіе, воздвигнутое иконоборцами на монаховъ, могло возбуждать къ нимъ симпатію; но и уваженію, и симпатіи должна же быть справедливая мѣра. Между тѣмъ такой мѣры не было. Существовало мнѣніе, будто бы одинъ монахъ можетъ избавить отъ наказанія 150 осужденныхъ (на загробныя мученія). Св. Ѳеодоръ Студитъ опровергаетъ это мнѣніе на томъ основаніи, что послѣ смерти нѣтъ покаянія. (Письма II 66). Но и онъ въ другихъ случаяхъ высказывалъ о монашествѣ преувеличенное понятіе. „Слагать монашество“ говоритъ онъ (Письма II, 164) „тоже, что слагать крещеніе.“ И въ другомъ мѣстѣ: „Спрашивать: откуда предано отрѣкаться отъ міра и дѣлаться монахомъ? есть ничто иное какъ спрашивать: откуда предано дѣлаться христіаниномъ? Кто установилъ первое по апостольскому преданію, тотъ установилъ и второе, изложивъ шесть таинствъ: пер-

---

напоминанія о томъ, кого мы почитаемъ.“ Окончательное опредѣленіе собора приведено выше (стр. 406).

вое—о просвѣщеніи, второе—о собраніи или пріобщеніи, третіе—объ освященіи мура, четвертое—о священническихъ посвященіяхъ, пятое—о монашескомъ совершенствѣ, шестое—о свято скончавшихся.“ Эта выдержка о шести тайнодѣйствіяхъ—въ томъ числѣ и монашествѣ—взята св. Θеодоромъ изъ псевдо-Діонисія ареопагита.—Уваженіе къ монашеству простиралось въ Византіи до того, что сложился обычай, по которому набожные родители обрекали на монашество своихъ малолѣтнихъ, иногда еще нерожденныхъ дѣтей, быть можетъ въ надеждѣ получить душѣ своей нѣкую пользу дѣтскими молитвами. Въ письмахъ Θеодора Студита противъ воли автора, высказывается, къ какимъ печальнымъ затрудненіямъ приводилъ иногда этотъ неправильный обычай. Нѣкій пресвитеръ Илія спрашивалъ наставленія на случай насильственнаго постриженія дѣтей родителями. „Вопросъ,“ отвѣчалъ св. Θеодоръ (II, 183)—„не знаю, какъ сказать,—страненъ и неизвѣстенъ нашему смиренію. Ибо доселѣ мы не слыхали, чтобы дѣти были постригаемы отцомъ насильно, а не добровольно. Если они слишкомъ молоды или невозрастны, то у нихъ нѣтъ добровольной рѣшимости, ибо они не могутъ различать доброе отъ худаго; посему на волю возрастныхъ нужно предоставить это дѣло..“ Другая коллизія представляется еще болѣе сложною. „Доброта твоя извѣстила насъ,“ пишетъ св. Θеодоръ протопотарію Исихію, (II, 172), „что ты имѣешь двухъ—скажу кратко—богодарованныхъ дочерей, и первую изъ нихъ еще прежде рожденія обѣщалъ Богу на посвященіе монашеской жизни, а вторую оставилъ въ неопредѣленномъ состояніи; теперь же, перемѣнивъ намѣреніе, думаешь сдѣлать наоборотъ по нѣкоторому необходимому обстоятельству, именно обѣщанную Богу отдать міру т. е. выдать за мужа за человѣка добраго во всѣхъ отношеніяхъ и одинаковаго возраста съ отроковицею, а оставшуюся въ неопредѣленномъ состояніи весьма юную и неравную по возрасту, принести въ жертву Богу, но при этомъ колеблешься и сомнѣваешься, не будетъ ли это противно волѣ Божіей... Мы полагаемъ, что это дѣло несправедливо, противно правой вѣрѣ и примѣрамъ, бывшимъ отъ вѣка... Подлинно, что посвящено Богу блаженнымъ обѣтомъ, то обращать на обыкновенное употребленіе не безопасно. Обыкновенное же употребленіе есть брачное сожительство... Какъ обѣщавшійся быть монахомъ, и не сдѣлавшійся имъ, возвратившись назадъ и женившись, осуждается; такъ и рѣшившійся принести сына или дочь въ жертву Богу, и потомъ из-

мѣнившій намѣреніе, подлежитъ такому же осужденію.“ Изъ отвѣтовъ св. Ѳеодора видно, что во имя принципіальнаго уваженія къ монашеству онъ ни во что ставитъ требованія жизни.

Если крайніе ревнители православія считали справедливымъ приносить въ жертву идеѣ монашества личную свободу и семейное счастіе людей, —то тѣмъ менѣе они могли остановиться предъ интересами государства и отечества. Ихъ политическій идеалъ--государство, стоявшее въ служебномъ отношеніи къ церкви или--точнѣе сказать—къ инокамъ и клирикамъ. Св. Ѳеодоръ Студитъ правда проповѣдуетъ систему невмѣшательства. „Слушай, царь, (говоритъ онъ имп. Льву армянину), что́ сказалъ божественный апостолъ: *положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе пастырей и учителей*, а не сказалъ: *царей*. Тебѣ ввѣрено гражданство и войско; объ этомъ заботься, а церковь оставь.“ Но эта система невмѣшательства односторонняя. Связывая руки царю, Ѳеодоръ Студитъ оставляетъ ихъ вполнѣ развязанными для иноковъ. „Дѣло монаха“ говоритъ онъ (Письма I, 39) „не допускать ни малѣйшаго нововведенія въ евангеліи, чтобы, подавъ мірянамъ примѣръ ереси и сообщенія съ еретиками, не отдать отчета за ихъ погибель.“ И еще: „будемъ взирать на свѣтъ истины и священныхъ правилъ, твердо соблюдая и догматы, особенно мы, монахи, особенно мы, считающіеся значущими что-нибудь. *Аще убо свѣтъ, иже въ насъ, тма есть, то тма колми! и аще соль обуяетъ, чимъ осолятся* міряне?“—Въ своей личной жизни Ѳеодоръ Студитъ показалъ примѣръ самаго широкаго вмѣшательства въ дѣла общественныя и политическія. При имп. Иринѣ и Михаилѣ I онъ оказывалъ руководящее вліяніе на дѣла правленія. При другихъ государяхъ—Константинѣ VI, Никифорѣ Геникѣ, Львѣ V, Михаилѣ II—онъ выступалъ большею частію съ протестами, иногда по дѣламъ, не имѣющимъ прямаго отношенія къ монастырю и иночеству. Побуждалъ къ протестамъ противъ гражданской власти и другихъ иноковъ. „Гдѣ,“ говоритъ онъ, „слова: *глаголахъ предъ цари и не стыдяхся*? гдѣ слава и честь нашего сословія?“ „Ты говоришь,“ писалъ Ѳеодоръ игумену Василію (II, 28) увѣщевая его противустать царю Льву V,—„что никогда не видѣлъ императора и не представлялся начальникамъ и оттого чувствуешь страхъ. Нѣтъ, отецъ!.. пусть онъ боится тебя, равно какъ и бѣсы... Обличай его, если онъ пустословитъ. Ахаава не обличалъ ли Илія, Ирода--Іоаннъ, другихъ—другіе?“ Оружію, какимъ пользовалась граж-

данская власть,—административнымъ ссылкамъ, заточеніямъ, казнямъ,—строгіе ревнители православія противопоставили духовное оружіе,—церковное анаѳематствованіе, отлученіе отъ общенія въ евхаристіи, молитвѣ, пищѣ, бесѣдѣ и т. д. Весьма строгія и подробныя правила по этому предмету излагаются въ письмахъ Ѳеодора Студита. „*Кто имѣетъ общеніе съ еретиками и въ пищѣ, и въ питіи, и въ дружбѣ, тотъ виновенъ*“,—таково общее правило св. Ѳеодора (Письма II, 32). Люди, хотя и называющіе себя православными, но не прекращающіе общенія съ еретиками, также исключаются изъ церковнаго общенія. „Можно ли здороваться съ такими людьми, говорить и привѣтствовать? Нѣтъ, какъ говоритъ великій Василій. Господь запретилъ дѣлать имъ общее привѣтствіе; случайно можетъ быть, но съ любовію и дружбою этого надобно избѣгать, дабы и здѣсь исполнялось: *радоватися* нечестивымъ *не глаголите*“ (Письма II, 49). Намъ уже извѣстны радостные возгласы Ѳеодора Студита по полученіи увѣдомленія о насильственной смерти Льва армянина (стр. 484); намъ извѣстны желчные и суровые отзывы хроникеровъ объ иконоборныхъ императорахъ (стр. 429—436 и т. д.) Послѣ этого мы легко можемъ понять, почему иконоборные цари считали ревнителей православія представителями противогосударственнаго элемента, и можемъ думать, что едва ли бы европейское правительство XIX вѣка отнеслось къ нимъ съ меньшею суровостію, чѣмъ византійское правительство IX вѣка. [1])
Еще послѣднее слово о византійскихъ ревнителяхъ православія. Ихъ ревность по вѣрѣ велика; сила ихъ убѣжденій—почтенна; ихъ твердость и настойчивость удивительна. Но ихъ церковно-политическіе иде-

---

[1]) Старинные русскіе государи Папарригопуло не читали и со взглядами новыхъ грековъ на иконоборный періодъ знакомы не были, тѣмъ не менѣе и они, по условіямъ своего положенія, становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. „Нигдѣ же обрящеши, еже не раззоритися царству отъ поповъ владому,“ разсуждаетъ Иванъ Грозный.—„Когда греческіе императоры“ — говорилъ первый русскій императоръ, „оставя свое званіе, ханжить начали, а наипаче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ нимъ подошли и въ городахъ монастыри строить испросили,—такъ на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря до Цареграда не меньше 300 монастырей было,—а отсего, когда турки подошли къ Цареграду ниже 6000 воиновъ взыскать могли!“

алы, если бы осуществились вполнѣ, не повели бы ко благу для христіанства; и здѣсь мы видимъ повтореніе обычной исторіи, что люди стремятся къ предположенной цѣли, вовсе не ожидая, что ихъ дѣятельность приведетъ къ совершенно неожиданнымъ и нежелательнымъ результатамъ. Ревнители православія стремились къ господству церкви надъ всѣми житейскими отношеніями—семейными,общественными, государственными; никакая жертва со стороны семьи, общества и государства не казалась значительною, если она вела къ цѣли. Pereat mundus, fiat ecclesia! какъ бы такъ готовы были сказать ревнители православія. Бывали періоды, когда они повидимому приближались къ своей цѣли (царствованіе Ирины, Ѳеодоры). Но при этомъ замѣчалось странное явленіе. Моральный уровень православныхъ, взятыхъ въ большинствѣ, понижался по мѣрѣ ихъ торжества, точно также какъ повышался по мѣрѣ ихъ страданія и уничиженія. Притѣсненія со стороны иконоборныхъ царей болѣе приближали церковь къ ея идеалу, чѣмъ льготы царицъ Ирины и Ѳеодоры. Это признали и сами ревнители православія, канонизовавъ цѣлый сонмъ *исповѣдниковъ* иконопочитанія. Это явленіе стоило бы того, чтобы о немъ подумать. Къ сожалѣнію ревнители православія не дали этому явленію должной оцѣнки. Они желали церкви *торжествующей*, забывая, что Христосъ и апостолы учреждали на землѣ церковь только *воинствующую*. Въ церковномъ устройствѣ православнаго типа ревнители православія видѣли конечную цѣль человѣческихъ обществъ, забывая, что церковь сама въ себѣ есть не цѣль, а средство—вспомогательное и воспитательное учрежденіе для нравственно-религіознаго усовершенствованія людей, для приготовленія ихъ къ царству Божію, къ царству небесному. [1]) Но хотя ревнители православія и забывали объ этомъ, но забвеніе не измѣняло сущности дѣла. Какъ скоро предполагалось, что земная церковь сама въ себѣ есть цѣль, а не средство къ цѣли (къ царству небесному),—то подрывалась этимъ прямая миссія церкви. Чѣмъ болѣе церковь становилась *торжествующею*, тѣмъ менѣе она оказывалась *воинствующею*. Вотъ почему *торжество православія*, не принесло

---

[1]) Уже замѣчено выше, (вып. I стр. 35—36), что самое слово *церковь* только два раза упоминается въ евангеліи, (Мѳ. 16, 18; 18, 15—17) тогда какъ постояннымъ предметомъ проповѣди Спасителя было *царство небесное*.

тѣхъ плодовъ, какихъ—быть можетъ—ожидали ревнители православія, и не сопровождалось подъемомъ духовной жизни народа.

III) Духовные христіане или павликіане. Аналогія павликіанъ съ русскими антицерковными сектами. Ихъ ученіе. Ихъ внѣшняя исторія. Заключеніе.

Въ то время, когда въ высшихъ сферахъ византійской имперіи шла упорная борьба цезаристовъ съ клерикалами,—борьба по вопросу о томъ, государство ли должно поработить себѣ церковь или церковь должна владычествовать надъ государствомъ,—въ то время въ нисшихъ слояхъ народа, въ дальнихъ захолустьяхъ имперіи, поднималось религіозное движеніе совершенно другаго рода. Въ средѣ народа явились религіозные *само-мыслители*, которые не сочувствовали ни той ни другой изъ борющихся сторонъ, которые не желали ни казенной церкви, ни клерикальнаго государства, но, прилежно читая священное писаніе, въ особенности посланія апостола Павла, проникались смѣлою мечтою очистить христіанство отъ тѣхъ наслоеній, которыми оно обросло въ теченіе 8 вѣковъ, и,—оставивъ въ сторонѣ господствующую церковь, по ихъ мнѣнію безнадежно испорченную,—пытались строить свои новыя религіозныя общины прямо *на апостольскомъ основаніи*, какъ будто бы семи или осьми промежуточныхъ вѣковъ вовсе не существовало. Такіе люди назывались *павликіанами*, потому что посланія Павла служили для нихъ главнымъ руководствомъ въ ихъ дѣятельности. Они любили называть своихъ учителей именами ближайшихъ сотрудниковъ Павла. Такъ Константинъ (+684 г.) именовался *Силуаномъ*, Симеонъ (+690 г.) *Титомъ*, Гегнезій (+окт. 740 г.) *Тимоѳеемъ*, Іосифъ, питомецъ и преемникъ Гегнезія,—*Епафродитомъ*, Сергій (+835 г.) *Тихикомъ*, и т. д. Равно и павликіанскія общины именовались иная *Ахаіей*, иная *Македоніей*, иная *Коринѳомъ*, *Ефесомъ* и т. д. однимъ словомъ носили наименованія тѣхъ церквей, какія основалъ ап. Павелъ. Но это не такъ важно. Болѣе важно то, что павликіане любили переноситься мыслію и воображеніемъ въ ту давнюю эпоху возникающаго христіанства, когда жилъ и училъ ап. Павелъ, и апостольскую простоту жизни ставили идеаломъ, къ которому старались приблизиться ихъ наставники и руководители. Такъ—главный представитель павликіанства Сергій, урожденецъ Галатіи, въ своей жизни хотѣлъ пред-

ставить копію жизни ап. Павла. Рѣшившись всецѣло посвятить себя возстановленію—какъ онъ думалъ—истинной Христовой вѣры, Сергій выступилъ на это дѣло съ неудержимою ревностію. Добывая себѣ пропитаніе плотничнымъ мастерствомъ, чтобы и въ отношеніи содержанія себя и своихъ сподвижниковъ по возможности вполнѣ подражать примѣру своего излюбленнаго апостола, Сергій пѣшкомъ обошолъ съ своею проповѣдью тѣ страны и города, въ которыхъ 800 лѣтъ ранѣе его проповѣдывалъ ап. Павелъ, какъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ посланій къ своимъ ученикамъ: „отъ востока, до запада, и отъ сѣвера до юга обошелъ я всѣ страны съ проповѣдью евангелія Христова, и все пѣшкомъ на своихъ ногахъ.“ Дѣятельность его продолжалась 34 года отъ царствованія Ирины до царствованія имп. Ѳеофила и сопровождалась необычайнымъ успѣхомъ. Послѣдователей его подобно было считать не сотнями, а сотнями тысячь. Копируя внѣшность миссіонерской организаціи апостола Павла, Сергій=*Тихикъ* создалъ для своихъ общинъ постоянное учрежденіе *синекдимовъ* (συνέκδημοι), т. е. апостольскихъ сопутниковъ или сподвижниковъ, которые въ павликіанскихъ общинахъ пользовались значеніемъ постоянныхъ мѣстныхъ надзирателей или своего рода пастырей извѣстной общины; кромѣ того установилъ классъ *астатовъ* (ἄστατοι), то есть странствующихъ миссіонеровъ, долженствовавшихъ представлять собою вѣроятно тѣхъ лицъ, которые у апостола Павла называются *посланниками церквей*. Кромѣ того Сергіемъ учреждены были *нотаріи* т. е. лица, обязанные изготовлять въ возможно-большемъ количествѣ списки новозавѣтныхъ книгъ для распространенія въ народѣ.—Всю жизнь свою стараясь по апостольски *трудиться, дѣлая своими руками*, Сергій и убитъ былъ однимъ грекомъ въ то время, когда занимался срубкою дерева для выдѣлки изъ него досокъ.—

Мы совершенно лишены были бы возможности составить сколько нибудь опредѣленное представленіе о павликіанахъ, если бы принуждены были слѣпо и исключительно держаться современныхъ письменныхъ извѣстій объ этой сектѣ. Собственная литература павликіанъ не дошла до насъ; а произведенія греческихъ церковныхъ писателей—между которыми первое мѣсто занимаетъ *Петра сицилійскаго исторія манихеевъ или такъ называемыхъ павликіанъ*, (Patrologiae cursus compl. t. CIV)—и немногочисленны и проникнуты духомъ раздраженія и ожесточенія. Вотъ какъ напр. отзывается Петръ сицилійскій о важ-

нѣйшемъ изъ представителей павликіанства Сергіѣ. „*Сергій дьяволовъ поборникъ, паствъ христовыхъ распудитель, волкъ кровожадный, личину кроткой овцы носившій, и коварно прикрашивавшій себя покровомъ добродѣтелей, чѣмъ многихъ и прельстилъ,—Сергій, врагъ креста Христова, безбожія проповѣдникъ, Богоматери и всѣхъ святыхъ ругатель, апостоловъ супостатъ, пророковъ ненавистникъ, божественнаго писанія извратитель, въ басни и сказки его превратившій,*—и такъ далѣе, и такъ далѣе. Трудно уловить историческую истину въ этомъ потокѣ брани,—и стиль автора не внушаетъ къ нему довѣрія. „Приступая къ разсказу о Сергіѣ,“ — говоритъ проф. Чельцовъ [1]— „нашъ почтенный авторъ мечетъ громы и молніи, истощаетъ цѣлый лексиконъ наивно-набожныхъ ругательствъ и становится даже краснорѣчивъ въ своемъ одушевленіи; при всемъ томъ невольно рисуетъ образъ, возбуждающій удивленіе и даже нѣкотораго рода исполненную сожалѣнія симпатію.“

Но если при разборѣ внѣшней исторіи можно еще, отлагая въ сторону полемическія красоты, извлекать только фактическія данныя, — то внутренней стороны павликіанства, — ученія этой секты,—нельзя постигнуть, руководясь только сочиненіями, написанными въ полемическомъ духѣ,—особенно при дурномъ тонѣ византійской полемики. „Судить объ ученіи еретиковъ,“ говоритъ проф. Чельцовъ,[2]) „единственно по увѣреніямъ тѣхъ лицъ, которые считали ихъ повинными смерти, и только по свѣдѣніямъ пропущеннымъ правительственною цензурою, очевидно можно, не иначе, какъ съ крайнею осторожностію. Петръ сициліецъ настойчиво старается увѣрить своихъ читателей, будто бы ученіе павликіанъ было не инымъ чѣмъ-либо, какъ именно манихействомъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. такою противуобщественною ересью, приверженцевъ которой еще имп. Діоклетіанъ, а за нимъ и первые христіанскіе государи указали казнить смертію. Съ этою цѣлію, прежде изложенія лично добытыхъ имъ свѣдѣній о павликіанахъ, Петръ сициліецъ говоритъ въ своей *исторіи* о Манесѣ и манихействѣ, на основаніи крайне сбивчивыхъ преданій

---

[1]) Рѣчь о павликіанахъ на актѣ Спб. дух. академіи 1877 г. *Христ. чт.* № 3—4.

[2]) Ibid. стр. 512 и слѣд.

объ этомъ предметѣ, сохранившихся у греческихъ писателей IV и V вѣка,—передаетъ вѣроятно по молвѣ, ходившей между православными его современниками, что будтобы нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Манеса въ самосатскомъ округѣ славились между манихеями родные братья, Павелъ и Іоаннъ, дѣти какой-то Каллиники, по имени которыхъ манихеи стали будто-бы называться павликіанами, (хотя самъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ своей *исторіи*, что павликіане называли сами себя не иначе, какъ только христіанами, и хотя вообще извѣстно, что они охотно предавали анаѳемѣ вмѣстѣ съ Манесомъ и Павла и Іоанна, равно какъ и всѣхъ другихъ манихеевъ);—затѣмъ быстро шагаетъ чрезъ 350 лѣтъ, замѣтивъ только, что во всю эту эпоху христіанскіе государи казнили манихеевъ смертію, слѣдуя словамъ Господа: *враговъ же моихъ, тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, приведите и избейте предо мною* (Лук. 19, 27) и уже только послѣ всего этого приступаетъ къ изложенію тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которые самъ собралъ о первоучителяхъ павликіанскихъ, замѣчая при каждомъ удобномъ случаѣ, что лжеученіе ихъ конечно было тождественно съ манихейскимъ. Поэтому въ старыхъ церковно-историческихъ учебникахъ такъ и преподавалось съ его словъ, что павликіанство было отраслью древней манихейской секты.—При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи *исторіи* Петра сицилійца оказывается однако, что между манихействомъ и павликіанствомъ не было, собственно говоря, ничего общаго. Вотъ пункты, въ которыхъ Петръ сициліецъ въ своей исторіи резюмируетъ ученіе павликіанъ: 1) павликіане будтобы держались дуалистическихъ понятій о Божествѣ, различая Бога добраго, Отца будущаго вѣка, и бога злаго, міродержителя вѣка настоящаго. „Это у нихъ“, говоритъ Петръ сициліецъ,—„первая аксіома: взрослый павликіанинъ обыкновенно спрашиваетъ своего ребенка: скажи мнѣ, чѣмъ мы, христіане, отличаемся отъ грековъ (ἐκ τῶν ῥωμαίων)?—какъ они всегда называютъ насъ, отказывая намъ въ имени христіанъ, и оставляя за нами только наше народное (ἐθνικόν), имя,—и тотъ долженъ отвѣтить: мы, христіане, служимъ Богу небесному, о которомъ Господь сказалъ, что *ни гласа Его никогда не слыхали, ни лица Его не видали* (Іоан. 5, 37) а греки служатъ Творцу міра сего. 2) Павликіане будто бы отвергали всѣ книги ветхаго завѣта, относя къ пророкамъ слова Христовы: *всѣ, сколько ихъ не приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали ихъ*

(Іоан. 10, 8),—и принимая книги новозавѣтныя, не оказывали уваженія къ соборнымъ посланіямъ ап. Петра, порицая его за отреченіе отъ Господа, за сопротивленіе ап. Павлу и за отзывъ о Павловыхъ посланіяхъ. 3) Они совершенно отвергали церковную іерархію, говоря, что *старцы людстіи собрашася вкупѣ на Господа*, такъ что одно простое упоминаніе имени пресвитеровъ или архіереевъ уже возбуждало въ нихъ негодованіе. 4) Они не только сами не причащались тѣла и крови Господней, но и другимъ не совѣтывали, утверждая, что Господь на тайной вечери только въ символическомъ смыслѣ заповѣдалъ причащаться своего тѣла и своей крови, то есть собственно заповѣдалъ только всегда держаться своего божественнаго ученія. 5) Они будто бы не почитали святою Божіей Матери, утверждая, что она имѣла другихъ дѣтей отъ Іосифа, и что Господь не отъ нея воспринялъ плоть свою, а воплотился въ плоть небесную. Наконецъ 6) они отвергали поклоненіе кресту Христову, умствуя, что вѣра въ крестныя страданія Христовы, а не самое древо креста имѣетъ силу низлагать демоновъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего манихейскаго".—

„По моему мнѣнію (разсуждаетъ проф. Чельцовъ) павликіанство было просто первою въ исторіи противоіерархическою или, какъ на нашемъ языкѣ принято выражаться, безпоповщинскою сектою. Несомнѣнно, что павликіане отвергали всѣ степени священства, то есть не только первосвященниковъ и священниковъ, но и левитовъ, какъ называются у нашего автора діаконы. *Старцы людстіи*, по ихъ словамъ, *собрашася вкупѣ на Господа*. Это было ихъ дѣйствительною ересью и, по воззрѣнію тогдашнихъ церковнолюбцевъ, конечно ересью самою нетерпимою и страшною. Въ христіанской исторіи это было безпримѣрнымъ до той поры явленіемъ, и Петръ сициліецъ имѣлъ по этому нѣкоторое право сказать, что *армянская ересь*, т. е. выродившаяся въ армянской области византійской имперіи, павликіанская ересь, *лютѣйшая есть паче всѣхъ ересей*. Несомнѣнно также, что, отвергнувъ іерархію, они отвергали и всѣ священнодѣйствія и требоисправленія, совершаемыя ею. Весьма вѣроятно, что павликіане нашли невозможнымъ предоставить совершеніе ихъ своимъ синекдимамъ, какъ мірянамъ, по преданію не имѣвшимъ на то права, и вслѣдствіе того пришли къ радикальному выводу, что богоустановленныя таинства не необходимы для спасенія, такъ какъ будто бы подъ духовнымъ рожденіемъ водою и духомъ можно разумѣть только принятіе вѣры во Христа, подъ при-

чащеніемъ Его тѣла и крови—постоянное пребываніе въ Его ученіи и т. д. Само собою разумѣется, что, разъ устранивъ себя отъ законнаго церковнаго учительства и вступивъ на путь произвольнаго истолкованія слова Божія, они необходимо должны были съ теченіемъ времени сдѣлаться жертвою разнаго рода заблужденій."

Вполнѣ раздѣляя взглядъ проф. Чельцова на павликіанство, какъ на первую анти-церковную безпоповщинскую секту, мы считаемъ возможнымъ—для уясненія древняго явленія современнымъ—сопоставить византійскихъ павликіанъ съ нашими русскими духовными христіанами (иначе духоборцами или молоканами.) Мы не имѣемъ историческихъ данныхъ для того, чтобы установить генетическую связь между павликіанами и молоканами, но сходство ихъ ученія изумительно, и это сходство естественно объясняется тѣмъ, что догматика тѣхъ и другихъ логически развивалась изъ одного общаго начала. Это общее начало есть *отрицаніе іерархіи.* [1]) Наши молокане въ основу этого отрицанія полагаютъ извѣстное изреченіе Спасителя въ бесѣдѣ съ женою Самарянкою, что придетъ время, когда истинные поклонники будутъ на всякомъ мѣстѣ поклоняться Богу духомъ и истиною. Изъ этого, по мнѣнію молоканъ, выходитъ, что храмовъ въ новой церкви не должно быть. Ап. Павелъ всѣхъ называетъ священниками, слѣд. особыхъ священниковъ не нужно. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, и не изъ священниковъ, слѣд. священникъ ничуть не ближе къ Богу, чѣмъ не принявшій посвященія въ духовный санъ. У Христа всѣ его послѣдователи равны и Онъ самъ сказалъ, что „всѣ братья и кто хочетъ быть первымъ, пусть всѣмъ будетъ слуга." Этимъ уничтожается различіе степеней въ церкви Христовой и не слѣдуетъ однимъ оказывать чести болѣе другихъ: всѣ мы священники.—Очень вѣроятно, что если бы до насъ дошли произведенія павликіанской литературы, то мы нашли бы въ нихъ туже аргументацію противъ священства, только—быть можетъ—приправленную бо́льшею горечью противъ византійской іерархіи.

---

[1]) Воззрѣнія русскихъ анти-церковныхъ сектантовъ излагаются нами по *воспоминаніямъ о молоканахъ* Костомарова, который имѣлъ съ ними личныя бесѣды во время житья своего въ саратовской губерніи. *Историч. монографіи* XII, 433—462.

За отрицаніемъ священства логически слѣдовало отрицаніе таинствъ. И молокане дѣйствительно отрицаютъ таинства. Противъ крещенія они говорятъ такъ: крещеніе водное есть только обрядовое представленіе мысли объ обновленіи и очищеніи человѣка посредствомъ христіанскаго ученія. Само по себѣ крещеніе водою не можетъ быть дѣйствительно; оно не можетъ спасать, не можетъ предохранить отъ злыхъ дѣлъ, ни отвратить отъ крестившагося кары Божіей за его худые поступки. Иначе—между крещенными не было бы нарушителей Божіихъ заповѣдей. Притомъ же гдѣ дары св. Духа, получаемые, какъ говорятъ, при крещеніи? Человѣкъ, крестившись во младенчествѣ, остается совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ познанія заповѣдей Божіихъ, можетъ жить по язычески и слѣд. не имѣетъ права считаться христіаниномъ. Напротивъ, если кто и не былъ крещенъ водою, но позналъ Христа и исполнялъ Христовы заповѣди, неужели онъ былъ бы осужденъ на вѣчное мученіе за то единственно, что не совершилъ обрядъ омовенія, который самъ собою не могъ его ни научить истинѣ, ни спасти отъ грѣха?.. Подобнымъ образомъ молокане разсуждаютъ и о таинствѣ причащенія. Подобно обряду крещенія,—говорятъ они—и обрядъ причащенія не дѣйствителенъ: многіе хотя и причащаются, а отъ этого не становятся лучше и не перестаютъ грѣшить; напротивъ, надобно причаститься тѣла и крови Христовой духовно, т. е. мыслить, чувствовать и поступать, какъ Христосъ повелѣваетъ, и какимъ Онъ явилъ себя въ жизни; тогда-то человѣкъ дѣйствительно составляетъ со Христомъ единую плоть, тогда онъ не можетъ и желать грѣха.

Противъ таинства покаянія русскіе анти-церковные сектанты говорятъ такъ: если кто не покается священнику, а грѣшить перестанетъ, развѣ тотъ не будетъ угоднѣе Богу, чѣмъ тотъ, кто десять разъ кается и каждый разъ возвращается къ прежнимъ грѣхамъ? Кто грѣшилъ да пересталъ грѣшить—тотъ уже тѣмъ самымъ покаялся; когда пересталъ—значитъ созналъ, что грѣхъ дуренъ; и за это сознаніе и исправленіе Богъ прощаетъ его, хотя бы онъ не повѣрялъ своей тайны священнику. Напротивъ многіе, воображая, что сообщеніе священнику грѣховъ можетъ достаточно очистить и спасти человѣка, успокоиваются совѣстію, не думаютъ искоренять въ себѣ дурныхъ наклонностей, и предаваясь имъ льстятъ себя надеждою, что загладить ихъ предъ Богомъ легко: стоитъ только по установленному образу покаяться священнику. Съ другой стороны, какъ можетъ прощать и разрѣшать свя-

щенникъ, когда онъ самъ, какъ часто мы видимъ, предается еще худшимъ порокамъ?—О таинствѣ брака они говорятъ: развѣ худое житье мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ:—будемъ вмѣстѣ жить, — и станутъ жить согласно, честно,—развѣ такое житье не богоугоднѣе, чѣмъ житье тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу и обманываютъ другъ друга? Любовь и согласіе—вотъ въ чемъ бракъ, а не въ обрядѣ. Богъ сотворилъ человѣка,—сотворилъ его во образѣ мужчины и женщины, и установилъ имъ законъ, чтобы мужчина искалъ соединенія съ женщиною и женщина съ мущиною: какъ скоро мужчина съ женщиною сошлись по взаимной склонности—это значитъ, что Богъ ихъ благославляетъ, и они должны любить другъ друга, жить вмѣстѣ дружно, согласно и не расходиться; а если между ними не станетъ любви и согласія, то лучше имъ разойтись; это, однако, не хорошо; но не то нехорошо, что они расходятся, а то, что между ними любви не стало.—На ряду съ таинствами анти-церковные русскіе сектанты еще съ бо́льшею рѣшительностію возстаютъ противъ другихъ церковныхъ установленій, напр. противъ постовъ. Молокане не противъ поста самого въ себѣ; напротивъ воздержаніе отъ пищи и питья считается у нихъ дѣломъ очень полезнымъ для воздержанія страстей. Но они не хотятъ признавать для поста опредѣленныхъ временъ года, ни перебора такой или иной пищи. Каждому необходимо поститься, но когда къ этому есть побужденіе и нужда, и постъ долженъ состоять въ совершенномъ неяденіи по нѣскольку дней или въ такомъ маломъ яденіи, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду. Такъ полезно проводить нѣсколько дней, но отнюдь не слѣдуетъ хвастать этимъ;—сообразно евангельской заповѣди нужно поститься втайнѣ, умывъ лице и помазавъ главу предъ людьми. Богу пріятенъ только такой постъ.

Наряду съ обрядовымъ элементомъ въ религіи для анти-церковныхъ русскихъ сектантовъ отступаетъ на задній планъ и элементъ догматическій; выдвигается впередъ только нравственный. Для молокана все равно: дѣйствительно ли Христосъ родился отъ Дѣвы, творилъ чудеса, страдалъ и воскресъ изъ мертвыхъ—или все это назидательный вымыселъ; слѣдствіе для нашего нравственнаго преуспѣянія, по ихъ толкованіямъ, одно и тоже; ибо цѣль христіанскаго ученія есть человѣческое совершенство, достигаемое въ любви къ Богу и ближ-

нему. Христіанство во всякомъ случаѣ есть высшее божественное откровеніе, но какимъ бы путемъ оно ни явилось человѣку, все едино; былъ ли Христосъ на землѣ на самомъ дѣлѣ или по Божію промыслу книга евангелія была написана для назиданія; и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться ею для своего спасенія. Собственно молокане не отвергаютъ исторической части священнаго писанія; они только хотятъ показать, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ. Они допускаютъ, что все написанное въ евангеліи дѣйствительно случилось, но это, по ихъ понятію, вопросъ историческій, а не религіозный. Все равно, научается ли человѣкъ изъ разсказа историческаго, или изъ вымышленной повѣсти. Вѣдь въ самомъ евангеліи есть притчи и они выдаются за притчи или вымыселъ, а не за дѣйствительно происходившія событія. Слѣд. воля Божія можетъ и въ формѣ притчи или вымысла учить насъ пути ко спасенію, а поэтому нѣтъ необходимости, чтобы разсказываемое въ евангеліи точно такъ происходило, какъ разсказывается; довольно если въ немъ сохранена будетъ внутренняя правда, а затѣмъ, если бы оно все было притчею, то ничего оттого не теряетъ. Точно также, если бы событія, описываемыя въ евангеліи, хотя и происходили на самомъ дѣлѣ, но не совсѣмъ такъ, какъ мы читаемъ, и по давности времени дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, то евангеліе отъ этого не теряетъ своего духовнаго смысла.

Отодвинувъ на задній планъ обрядовую и историко-догматическую сторону христіанства, наши анти-церковные сектанты полагаютъ сущность религіозности въ доброй нравственности. Трудъ, по понятіямъ молоканъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ не только даетъ средства къ жизни, но и предохраняетъ отъ развращенія и пороковъ, посему и долженъ быть признаваемъ религіозною обязанностію. Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію. Война же есть дѣло самое богопротивное... Молокане не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пищѣ, одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они на счетъ этого составили себѣ такое понятіе: если мы будемъ жить очень роскошно и употреблять на себя большія богатсва, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать рас-

пространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяемъ себѣ, отнимаетъ у другихъ нашихъ братій необходимое. Страсть къ роскоши дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нуждамъ другихъ.—Молокане также рѣшительно высказываются противъ винопитія и всякихъ азартныхъ игръ.

Таковы принципіальныя осново-положенія нашихъ русскихъ современныхъ анти-церковныхъ сектантовъ... Такъ, а не иначе мы должны разумѣть и древнихъ византійскихъ павликіанъ. Совершенно логически вяжутся между собою отрицаніе іерархіи, отстраненіе на задній планъ обрядовой и историко-догматической стороны христіанства и поставленіе на первомъ планѣ нравоученія.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшней судьбѣ павликіанства. Она была печальна. Такъ какъ павликіане не желали ни оффиціальной церкви, ни клерикальнаго государства, то и цезаристы и клерикалы преслѣдовали ихъ съ равною нетерпимостію. Все существованіе павликіанъ представляло почти непрерывную цѣпь преслѣдованій. Только при императорѣ Михаилѣ II, который по нашему мнѣнію самъ принадлежалъ къ павликіанамъ—хотя и къ худшей въ моральномъ отношеніи отрасли секты,—(см. выше стр. 486) они имѣли нѣкоторую ослабу.—Въ 684 году первоучитель павликіанъ Константинъ—Силуанъ былъ побитъ камнями. Въ 690 году второй учитель павликіанъ прозелитъ изъ византійскихъ чиновниковъ Симеонъ—Титъ былъ сожженъ вмѣстѣ со всѣми своими учениками. Затѣмъ при имп. Львѣ Исаврѣ одинъ изъ павликіанскихъ учителей Гегнезій—Тимоѳей, послѣ притворнаго отреченія отъ своихъ заблужденій, спасся бѣгствомъ за границу. Сергій—Тихикъ съ своими послѣдователями также принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ за границу, но и тамъ былъ убитъ однимъ грекомъ въ 835 году. Впрочемъ вѣкъ иконоборцевъ сравнительно былъ легче для павликіанъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на павликіанъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ попасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское изреченіе о томъ, что не должно восторгать плевелъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не восторгнуть и пшеницы. Такъ разсуждали по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ ревнителей православія, напр. Ѳеодоръ Студитъ, говорившій, что не должно убивать еретиковъ.

Болѣе темные дни наступили для павликіанъ съ *торжествомъ*

православія при имп. Θеодорѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ лѣтописецъ (продолжатель Θеофана): „желая обратить восточныхъ павликіанъ къ православію или въ противномъ случаѣ истребить ихъ, Θеодора отправила къ нимъ чиновниковъ, которые однихъ вѣшали, другихъ убивали мечемъ, иныхъ топили въ морѣ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до ста тысячъ, а имущество ихъ поступило въ казну.“ Но павликіане не погибли. Удалившись изъ своей суровой отчизны и, основавъ въ предѣлахъ арменскихъ городъ Тефрику, они долго были опасными врагами византійской имперіи. За тѣмъ, сдѣлавшись родоначальниками анти-церковныхъ сектантовъ, они пережили чрезъ рядъ вѣковъ и народовъ, подъ именами богомиловъ, албигойцевъ, валденсовъ, анабаптистовъ, гернгутеровъ, квакеровъ, живутъ и понынѣ подъ именемъ пуританъ, ирвингіанъ, а у насъ въ Россіи—подъ именемъ молоканъ, духоборцевъ, штундистовъ. Дальнѣйшая исторія анти-церковныхъ сектантовъ выходитъ за предѣлы нашего періода.

Въ иконоборный періодъ обозначились такимъ образомъ три типа устройства христіанскаго общества: оффиціальная церковь, клерикальное государство и анти-церковное сектанство. *Торжество православія* не было послѣднимъ словомъ церковнаго развитія, какъ этого надѣялись ревнители православія. Исторія не остановилась, не закоснѣла на этомъ событіи,—и въ прошедшемъ лежали сѣмена для будущаго.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ первому выпуску *Опыта руководства по церковной исторіи*, вышедшему въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Первые три вѣка христіанства.* (Кіевъ. 1878).

Переводъ приведенныхъ въ подлинникѣ латинскихъ и греческихъ выдержекъ изъ первоисточниковъ. [1])

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ

Цицеронъ—о государственномъ значеніи религіи. (Стр. 4—5.) Кто будетъ отрицать пользу религіозныхъ вѣрованій, если сообразить, какъ многое утверждается клятвою, на сколько договоры обезпечиваются религіею, сколь многихъ отвращалъ отъ преступленія страхъ божья о наказанія, какъ освящается взаимный союзъ гражданъ,—если безсмертные боги предполагаются при этомъ, какъ свидѣтели и судьи.

Сенека—о богахъ. (Стр. 7). Не значитъ ли это разжигать наши пороки, если изображать боговъ виновниками пороковъ и давать злу разнузданность и оправданіе примѣромъ божества?.

(Стр. 7—8). Юпитеръ чѣмъ превосходитъ добраго мужа? тѣмъ, что долѣе добръ. Но пусть мудрецъ не считаетъ себя дешевле отъ того, что его доблести заключены въ болѣе тѣсные предѣлы.... Мудрецъ также равнодушно и беззавистно смотритъ на все у другихъ, какъ и Юпитеръ,—но разница въ пользу мудреца въ томъ, что Юпитеръ не можетъ пользоваться человѣческими благами, а мудрецъ не хочетъ.

Цицеронъ о скептицизмѣ образованныхъ римлянъ (стр. 8). Нашъ Енній прежде другихъ излагалъ Евгемера и слѣдовалъ

---

[1]) Мы оставляемъ безъ перевода тексты св. Писанія, которые легко по цитатамъ пріискать въ русской или славянской библіи, а также очень короткія (однострочныя или двухстрочныя) выдержки, смыслъ которыхъ ясенъ изъ констекста.

ему. А Евгемеръ приписываетъ богамъ смерть и погребеніе. (Онъ же высказывается такъ:) „я всегда говорилъ и буду говорить, что существуютъ боги небожители, но думаю, что они не заботятся о томъ, что дѣлаетъ родъ человѣческій.“

Кто занимается философіею, тотъ не признаетъ бытія боговъ.— Мы далеки уже отъ тѣхъ авгуровъ, которые предсказывали будущее, наблюдая за птицами и по другимъ знаменіямъ. Древность погрѣшала во многомъ, что́ впрочемъ удерживается и донынѣ или по обычаю, или по доктринѣ или ради старины. И для простонародья и для великихъ интересовъ республики соблюдается нравственность, религія, дисциплина, право авгуровъ, авторитетъ жреческаго сословія.

Страбонъ — о необходимости религіи для народа (стр. 9.) Толпу женщинъ и всякаго простонароднаго сброда нельзя руководить и привлекать къ благочестію, святости и вѣрѣ—посредствомъ философіи;—нужно дѣйствовать и религіознымъ страхомъ, а при этомъ нельзя обойтись безъ сочиненія миѳовъ и чудесъ.

Совѣтъ Мецената Августу такогоже содержанія (стр. 9): божество всячески и самъ почитай и другихъ почитать заставляй согласно отеческимъ преданіямъ. Религіозныхъ же нововводителей и отвращайся и наказывай, и не только ради боговъ, не боящійся которыхъ не подорожитъ ничѣмъ другимъ, но и потому, что эти вводители иныхъ божествъ многихъ соблазняютъ къ повшествамъ, а отъ этого возникаютъ сходки, скопы и сборища; что́ неполезно для монархіи. Итакъ не допускай существованія ни атеистовъ, ни волхвовъ..

Ювеналъ—о современномъ невѣріи (Стр. 10). И мальчики не вѣрятъ, якобы существуютъ какія-то тѣни умершихъ, подземные царства и т. д.—Есть люди, которые полагаютъ все въ зависимости отъ фортуны и думаютъ, что нѣтъ никакого міроправителя, а только круговращеніемъ природы приносятся суточныя и годовыя перемѣны. Посему такіе люди безтрепетно касаются олтарей боговъ.

Плинія старшаго отзывъ такогоже содержанія (стр. 10). Смѣшно думать, будто верховное существо прилагаетъ заботу къ дѣламъ человѣческимъ. Развѣ не унизительно приписывать ему такое печальное и мелочное служеніе? — Для всѣхъ послѣ послѣдняго дня жизни будетъ тоже, что́ было до перваго дня: послѣ смерти также нѣтъ мѣста для тѣлеснаго или душевнаго ощущенія, какъ и до рожденія.

Отзывъ Сенеки подобнагоже характера (стр. 10). Всей этой громадной толпѣ боговъ, которую нагромоздило многовѣковое суевѣріе, будемъ поклоняться, придавая этому поклоненію болѣе обрядовое, чѣмъ существенное значеніе.

Сенека—о современномъ нравственномъ упадкѣ (стр. 11). Все наполнено злодѣяніями и пороками; никакія мѣры не могутъ стать въ уровень съ разлитіемъ зла. Какъ будто всѣ бѣгутъ на перебѣжку на какомъ-то громадномъ ристалищѣ порочности. Съ каждымъ днемъ все больше и больше склонность ко грѣху; все меньше и меньше —застѣнчивость. Послѣ того какъ брошено уваженіе къ доброму и

честному, пожеланіе направляется на все, что взглянется. Преступленія уже не скрываются; они всѣ на виду; и настолько распространилась въ обществѣ порочность и овладѣла всѣми сердцами, что невинность не только стала рѣдкостью, но и совсѣмъ нигдѣ не встрѣчается.

Плиній—о современномъ суевѣріи (стр. 11). Трудно рѣшить, что предпочтительнѣе для рода человѣческаго: полное ли отсутствіе почтенія къ богамъ или постыдный имъ культъ. Служатъ чужимъ святынямъ и носятъ боговъ на пальцахъ; налагаютъ на себя тяжелые и нелѣпые, но обязательные обѣты, лишая себя спокойнаго сна, воздерживаясь отъ той или другой пищи. Ни брака, ни родинъ, ни чего-либо инаго не обходится безъ святынь.

Изъ Тацита (стр. 14). Многіе были убѣждены, якобы въ старинныхъ священныхъ книгахъ содержится предсказаніе, что въ современную намъ эпоху возобладаетъ востокъ и пришельцы изъ Іудеи заберутъ власть въ свои руки.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Отзывы язычниковъ объ іудеяхъ (стр. 22). Только одна жалкая народность іудеевъ почитаетъ единаго Бога, и насколько сей Богъ слабъ и безсиленъ, видно изъ того, что онъ вмѣстѣ съ своею націею взятъ въ плѣнъ римскими божествами.

Изъ Тацита отзывъ объ іудеяхъ (стр. 22). Презрѣннѣйшій родъ рабовъ, отвратительнѣйшее племя... во взаимныхъ отношеніяхъ у нихъ неподкупная честность, сочувствіе и помощь всегда на готовѣ;—по отношенію же ко всѣмъ чужимъ—враждебная ненависть.

Іосифъ Флавій о самарянахъ (стр. 23). Самаряне—люди такого нрава: когда іудеевъ постигаютъ несчастныя обстоятельства, то самаряне отрекаются отъ единоплеменности съ ними и говорятъ тогда правду. Когда же замѣтятъ, что дѣла іудеевъ принимаютъ благопріятный оборотъ, тотчасъ прилаживаются къ нимъ въ дружбу, говоря о своемъ родствѣ и производя себя отъ дѣтей Іосифовыхъ Ефрема и Манассіи.

Указъ имп. Клавдія объ іудеяхъ (стр. 26). Іудеямъ, живущимъ во всемъ обладаемомъ нами мірѣ, подобаетъ хранить непарушимо отеческіе обычаи и не уничижать вѣрованій другихъ народовъ.

Ювенаалъ объ іудеяхъ въ Римѣ (стр. 27). Потихоньку хнычетъ надъ ухомъ дрожащая жидовка, толковательница законовъ Солимскихъ, великая жрица дерева, вѣрная посланница неба; перепадаетъ и ей въ руку, но не слишкомъ много. По дешевой цѣнѣ іудеи продаютъ какія угодно бредни.

Тацитъ о прозелитахъ іудейства (стр. 27—28). Іудеи постановили обрѣзывать родотворные члены, чтобы выдѣлиться этою примѣтою изъ другихъ народовъ. Перешедшіе въ іудейство дѣлаютъ тоже самое,—и прежде всего пріучаются презирать боговъ, нерадѣть объ отечествѣ, пренебрегать родителями, дѣтьми, братьями.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Іосифъ Флавій—объ Іоаннѣ Крестителѣ (стр. 32). Иродъ убиваетъ Іоанна, мужа праведнаго, который заповѣдывалъ іудеямъ, чтобы они вели добродѣтельную жизнь и соблюдали благочестіе къ Богу и справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ,—и потомъ уже приступали къ крещенію. „Крещеніе", говорилъ Іоаннъ, — „только тогда будетъ угодно Богу, когда вы будете пользоваться имъ не для очищенія нѣкоторыхъ погрѣшностей, но будете приступать къ нему съ непорочнымъ тѣломъ, а еще болѣе съ душою, расположенною къ праведности." И такъ какъ іудеи, восхищенные слышаніемъ словъ Іоанна, стекались къ нему во множествѣ, то Иродъ, опасаясь, чтобы такое вліяніе Іоанна не повело впослѣдствіи къ отпаденію отъ него (Ирода) подданныхъ,—ибо іудеи готовы были все сдѣлать по слову Іоанна,—заблагоразсудилъ прежде, чѣмъ воспослѣдуетъ какая-либо худая новость, заблаговременно умертвить Іоанна, чтобы не имѣть надобности раскаяваться послѣ. И вотъ, по подозрѣнію Ирода, Іоаннъ въ качествѣ узника посланъ въ Махеруптъ и тамъ лишенъ жизни. Между іудеями же шла молва, что погибель войска Иродова была наказаніемъ за убіеніе Іоанна,—такъ какъ Богъ прогнѣвался на Ирода.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тацитъ—объ Іисусѣ Христѣ (стр. 40). Виновникъ этого имени (т. е. христіанъ) Христосъ въ царствованіе Тиверія подвергся смертной казни отъ прокуратора Понтія Пилата.

Іосифъ Флавій объ Іисусѣ Христѣ (стр. 40—41). Въ это же время былъ и Іисусъ, мужъ мудрый, если не мало назвать его мужемъ. Ибо совершалъ онъ удивительныя дѣла и былъ учителемъ людей, которые со услажденіемъ пріемлютъ истину, и привлекъ къ себѣ многихъ послѣдователей, какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ. Онъ былъ Христосъ. И хотя Пилатъ, по доносу знатнѣйшихъ мужей изъ народа нашего, осудилъ его на крестную смерть,—однако тѣ, которые прежде возлюбили Іисуса, не перестали любить его. Ибо онъ въ третій день по смерти опять явился имъ живой, согласно предсказанію божественныхъ пророковъ, которые предрекли о немъ какъ это, такъ и многое другое, достойное удивленія. И донынѣ существуетъ общество людей, называющихся христіанами, отъ его имени.

Изъ Евсевія. Письмо Авгаря къ Спасителю (стр. 45). Авгарь, властитель Едессы, Іисусу благому Спасителю, явившемуся во Іерусалимѣ,—радоваться. Дошелъ до меня слухъ о тебѣ и о твоихъ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ тобою безъ помощи травъ и лекарствъ,—именно, что ты словомъ даешь слѣпымъ зрѣніе, хромымъ хожденіе, очищаешь прокаженныхъ, исцѣляешь многолѣтнихъ больныхъ и воскрешаешь мертвыхъ. Слышавъ это, я разсудилъ, что ты—или Богъ, сошедшій съ неба, или Сынъ Божій,—если совершаешь такія дѣла.

Поэтому письменно нынѣ прошу тебя придти ко мнѣ и исцѣлить случившуюся болѣзнь. Слышалъ я также, что іудеи возстаютъ на тебя и хотятъ тебѣ сдѣлать зло. Городъ же мой, хотя очень малъ, но достаточенъ будетъ для насъ обоихъ.

Отвѣтъ Спасителя Авгарю (стр. 45). Блаженъ ты, увѣровавшій въ меня, не видавъ меня. Ты письменно приглашалъ меня придти къ тебѣ, но подобаетъ мнѣ исполнить все, для чего я посланъ. По вознесеніи же моемъ пошлю къ тебѣ одного изъ учениковъ моихъ, и исцѣлитъ онъ болѣзнь твою и преподаетъ жизнь тебѣ и окружающимъ тебя.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Переписка Плинія съ Траяномъ о христіанахъ (стр. 95—96). *Плиній Траяну.* Обычно мнѣ, государь, обращаться къ тебѣ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Ибо кто лучше тебя можетъ разрѣшить мое недоумѣніе или вразумить мое неразуміе. Я никогда не бывалъ при производствѣ дѣлъ о христіанахъ; поэтому и не знаю, что́ и въ какой мѣрѣ подлежитъ розыску или наказанію. Я не мало раздумывалъ, нужно ли обращать вниманіе на различіе возраста, или слѣдуетъ одинаково относиться къ юнымъ и къ взрослымъ; слѣдуетъ ли давать снисхожденіе въ случаѣ раскаянія, или того, кто былъ христіаниномъ, не нужно щадить, хотя бы онъ и отсталъ отъ христіанства; нужно ли наказывать за одно имя, помимо преступленій, или за преступленія, соединенныя съ именемъ. Между тѣмъ доселѣ относительно обвиняемыхъ въ христіанствѣ я поступалъ такимъ образомъ. Я спрашивалъ ихъ, христіане ли они; признающихся въ христіанствѣ, спрашивалъ въ другой и въ третій разъ, угрожая казнію; упорныхъ приказывалъ вести на казнь. Я не сомнѣвался, что каково бы ни было ихъ исповѣданіе, во всякомъ случаѣ упорная и непреклонная закоснѣлость заслуживаетъ казни. Были иные, въ такой мѣрѣ безумные люди, которыхъ я назначилъ къ отсылкѣ въ столицу, такъ какъ они были римскіе граждане. Съ производствомъ дѣла, какъ часто бываетъ при разслѣдованіи преступленій, тотчасъ же выступили многія усложненія. Представленъ былъ безъименный доносъ, содержащій имена многихъ лицъ, которые заявили, что они не христіане и не были христіанами. Я разсудилъ, что ихъ слѣдуетъ отпустить, послѣ того какъ въ моемъ присутствіи они призывали боговъ, и предъ твоимъ изображеніемъ, которое я на сей случай велѣлъ поставить наряду съ изваяніями боговъ, совершали возліянія и куренія и кромѣ того хулили Христа; (ибо ни къ тому, ни къ другому, ни къ третьему нельзя принудить дѣйствительныхъ христіанъ). Другіе изъ лицъ, наименованныхъ въ доносѣ, признали себя христіанами, но тотчасъ же отреклись, заявивъ, что они были христіанами, но отстали, иные за три года, иные за большее число лѣтъ, а иные даже лѣтъ за двадцать. Всѣ они почтили твое изображеніе и изваянія боговъ, а равно хулили Христа Они утверждали, что все ихъ преступленіе или заблужденіе состояло

въ томъ, что въ положенный день они собирались предъ разсвѣтомъ и воспѣвали пѣснь Христу какъ Богу, а равно и обязывались таинствомъ не на какое-нибудь преступленіе, но чтобы не совершать воровства, разбоя, прелюбодѣянія, лжесвидѣтельства, утайки заклада; послѣ сего они обыкновенно расходились и опять собирались для принятія пищи, впрочемъ простой и безвредной; они прибавляли, что они отстали отъ участія въ христіанскихъ собраніяхъ послѣ моего едикта, которымъ я согласно твоему повелѣнію запрещалъ *гетеріи*. Тѣмъ болѣе я счелъ необходимымъ пытками вывѣдать правду отъ двухъ служанокъ, которыя назывались діакониссами. Но я ничего не открылъ кромѣ грубаго и неумѣреннаго суевѣрія, и потому, отложивъ на время разслѣдованіе, рѣшился повергнуть дѣло на твое воззрѣніе. Дѣло показалось мнѣ достойнымъ вниманія особенно по причинѣ количества заблуждающихся. Многіе люди всякаго возраста, всякаго состоянія и обоего пола заблуждаются и стоятъ на дорогѣ къ заблужденію. Не только въ города, но и въ села и въ деревни проникла зараза этого заблужденія. Но кажется можно задержать и поправить бѣду. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что почти опустѣвшіе храмы боговъ опять начинаютъ наполняться, священныя церемоніи, давно прекращенныя, опять совершаются, и откармливаются жертвы, для которыхъ доселѣ весьма рѣдко находился покупатель. Отсюда легко заключить, какъ много народу можетъ исправиться, если оказывать снисхожденіе кающимся въ заблужденіи.

Траянъ Плинію. Ты поступалъ какъ слѣдуетъ, мой любезный, при разбирательствѣ дѣла о тѣхъ, которые были предъявляемы тебѣ въ качествѣ христіанъ. Вообще нельзя сдѣлать постановленія, которое имѣло бы окончательно твердую форму. Разыскивать христіанъ не слѣдуетъ; но если они будутъ предъявлены и изобличены, то ихъ слѣдуетъ наказывать, впрочемъ такъ, что отрекшійся отъ христіанства и подтвердившій это самымъ дѣломъ т. е. преклоненіемъ предъ нашими богами получаетъ прощеніе за раскаяніе, хотя бы прошлое его и было подозрительно. Безъименные же доносы не должны быть принимаемы во вниманіе ни въ какомъ судебномъ дѣлѣ; это—скверные примѣры и не въ духѣ нашего времени.

Отзывъ Тертулліана о письмѣ Траяна (стр. 97). О приговоръ по необходимости полный противорѣчій! императоръ запрещаетъ разъискивать христіанъ, какъ людей безвредныхъ, и приказываетъ наказывать ихъ, какъ вредныхъ. Онъ щадитъ и свирѣпствуетъ, притворяется не замѣчающимъ христіанъ и однако наблюдаетъ за ними. За тѣмъ ты въ своемъ рѣшеніи обманываешь самъ себя? Если не осуждаешь христіанъ, почему не оправдываешь? и т. д.

Изъ актовъ мученическихъ. Разговоръ имп. Траяна со св. муч. Игнатіемъ (стр. 99). *Траянъ*. Кто ты, злой демонъ, что стараешься нарушать наши законы, да и другихъ убѣждаешь къ тому же, чтобы они погибли несчастно? *Игнатій*. Никто богоносца не называетъ злымъ демономъ: злые духи бѣгутъ отъ рабовъ Божіихъ: если же ты называешь меня злымъ для этихъ демоновъ, потому что я не-

пріятенъ имъ, я согласенъ; ибо имѣя пренебеснаго царя Христа, я разрушаю ихъ козни. *Траянъ.* А кто такой богопосецъ? *Игнатій.* Тотъ, кто имѣетъ Христа въ сердцѣ своемъ. *Траянъ.* Развѣ мы, думаешь ты, не имѣемъ въ душѣ боговъ, которые помогаютъ намъ противъ враговъ? *Игнатій.* Ты по заблужденію величаешь языческихъ демоновъ богами: единъ есть Богъ, сотворившій небо и землю и море и все, что въ нихъ, и единъ Христосъ Іисусъ, единородный сынъ Божій, который да будетъ ко мнѣ милостивъ. *Траянъ.* Ты говоришь о томъ, кто распятъ при Понтіѣ Пилатѣ? *Игнатій.* Да, о томъ, который распялъ на крестѣ мой грѣхъ, вмѣстѣ съ виновникомъ его, и всю демонскую лесть, всю злобу осудилъ и повергъ къ ногамъ тѣхъ, которые носятъ Его въ своемъ сердцѣ. *Траянъ.* Итакъ ты носишь въ сердцѣ Распятаго? *Игнатій.* Такъ точно, ибо написано: *вселюся въ нихъ и похожду.*—Послѣ этого Траянъ постановилъ приговоръ:—„повелѣваемъ Игнатія, который говоритъ, что онъ носитъ въ себѣ распятаго, отвести въ оковахъ въ Римъ, подъ воинскою стражею, и тамъ предать на съѣденіе звѣрямъ для забавы народа.“ Игнатій выслушалъ этотъ приговоръ спокойно и воскликнулъ съ радостнымъ воодушевленіемъ. „Благодарю тебя, Господи, что ты удостоилъ меня засвидѣтельствовать совершенную любовь къ тебѣ и благоволилъ связать меня желѣзными узами, подобно какъ апостола твоего Павла.“

Изъ письма св. Игнатія (стр. 100). Я пшеница Божія: пусть измелятъ меня зубы звѣрей, чтобъ я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ.

Указъ имп. Адріана малоазійскому проконсулу Минуцію Фундану (стр. 102). Я получилъ докладъ отъ знаменитаго предшественника твоего Серенія Граніана. Я разсудилъ, что этого доношенія нельзя оставить безъ отвѣта, чтобы люди невинные не подвергались напрасной тревогѣ и чтобы не подать повода къ совершенію зла доносчикамъ. Итакъ, если областные жители могутъ открыто доказывать свои доносы на христіанъ, такъ-чтобы отвѣчать за нихъ предъ судомъ, то пусть обращаются только къ суду, а извѣты и вопли оставятъ. Въ случаѣ обвиненія точное разслѣдованіе дѣла пусть будетъ залогомъ справедливости. Посему, если кто основательно обвиняетъ христіанъ въ противозаконныхъ поступкахъ, то опредѣляй наказаніе по мѣрѣ преступленія. Но если кто вздумаетъ только клеветать на христіанъ, того, ради Бога, постарайся построже наказать, какъ мошенника.

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Иринней объ ученіи гностика Василида (стр. 111—112). Василидъ, давая видъ, будто-бы онъ открылъ нѣчто особенно высокое и достовѣрное, далъ своей системѣ безконечное развитіе. Онъ представлялъ, что прежде всего отъ нерожденнаго Отца родился Умъ, отъ него родилось Слово, потомъ отъ Слова Разумъ, отъ Разума же Пре-

мудрость и Сила, отъ Силы же и Премудрости силы, начальства и ангелы, которыхъ онъ называетъ первыми и говоритъ, что они сотворили первое небо. Потомъ чрезъ истеченіе изъ нихъ появились еще другіе и создали другое небо, подобное первому; и подобнымъ образомъ, когда отъ нихъ произошли другіе, точно соотвѣтствующіе тѣмъ, которые выше ихъ, то образовали третье небо; и отъ третьяго ряда въ нисходящемъ порядкѣ образовался четвертый рядъ ангеловъ, и такимъ же образомъ послѣдовательно произошли все новыя начальства и ангелы, 365 небесъ. Поэтому и годъ по числу небесъ имѣетъ число дней.—Ангелы же, занимающіе самое послѣднее небо, именно видимое нами, устроили все въ мірѣ, и раздѣлили между собою землю и живущіе на ней народы. Ихъ начальникъ есть тотъ, котораго почитаютъ Богомъ іудейскимъ; и такъ какъ онъ хотѣлъ подчинить своимъ людямъ, т. е. іудеямъ всѣ прочіе народы, то ему противостали всѣ прочіе князи. Поэтому стали враждебны его народу всѣ прочіе народы. Но нерожденный неименуемый Отецъ, видя ихъ погибель, послалъ свой первородный Умъ—онъ то и называется Христомъ,—чтобы освободить вѣрующихъ въ него отъ власти мироздателей. Онъ явился на землѣ ихъ народамъ въ образѣ человѣка и совершалъ силы. Поэтому онъ самъ не страдалъ, но нѣкто Симонъ Киринейскій, который былъ принужденъ нести за Него крестъ; сей былъ преображенъ, такъ что его считали за Іисуса, и по невѣдѣнію и ошибкѣ былъ распятъ; а самъ Іисусъ принялъ образъ Симона, стоялъ тамъ и смѣялся надъ ними. Такъ какъ онъ былъ безтѣлесная сила и Умъ нерожденнаго Отца, то онъ измѣнялся по произволу, и такимъ образомъ вознесся къ пославшему его, посмѣваясь надъ тѣми, которые не могли его удержать, ибо онъ сталъ для всѣхъ невидимъ. Тѣже, которые это знаютъ, освобождены отъ начальствъ, создавшихъ міръ, и не должно вѣровать въ распятаго, но въ того, кто пришелъ въ человѣческомъ образѣ, котораго почитали распятымъ, и называли Іисусомъ, и который былъ посланъ Отцемъ, чтобы чрезъ такое домостроительство разрушить дѣла мироздателей. Итакъ кто,—говоритъ Василидъ,—вѣруетъ въ распятаго, тотъ еще рабъ и во власти тѣхъ, которые сотворили тѣла; кто же его отрицаетъ, тотъ свободенъ отъ нихъ и знаетъ домостроительство нерожденнаго Отца.—Душа одна получаетъ спасеніе; ибо тѣло по природѣ тлѣнно. Пророчества—говоритъ Василидъ—произошли отъ начальствъ, творцевъ этого міра, собственно же законъ—отъ главы ихъ, который вывелъ свой народъ изъ земли египетской. Василидъ не придаетъ никакого значенія идоложертвеннымъ мясамъ и считая ихъ за ничто, безъ всякаго опасенія употребляетъ ихъ; онъ также считаетъ дѣломъ безразличнымъ пользоваться и другими подобными вещами и всякаго рода удовольствіями. Кромѣ того, эти люди (т. е. гностики) занимаются волхвованіемъ, употребляютъ заклинанія, вызыванія и другія продѣлки. Они также вымысливъ нѣкоторыя имена, выдаютъ ихъ за имена ангеловъ, и возвѣщаютъ, что одни изъ нихъ въ первомъ небѣ, другіе во второмъ небѣ; и затѣмъ пытаются для 365 вымышленныхъ небесъ дать имена, указать начала, ангеловъ и силы.

Такимъ образомъ имя міра, откуда низшелъ и куда возшелъ Спаситель, есть *кавлакау*.—Поэтому тотъ, кто это позналъ и узналъ ангеловъ и ихъ причины, дѣлается незримымъ и недоступнымъ для всѣхъ ангеловъ и силъ, также какъ и кавлакау. И какъ сынъ былъ для всѣхъ невѣдомъ, такъ и они (т. е. гностики) должны быть никому невѣдомы. Ибо говорятъ они: „ты знай всѣхъ, а тебя пусть никто не знаетъ.“ Потому такіе люди готовы отрекаться, (т. е. отъ Христа) и не могутъ быть мучениками за имя (Христа); ибо ихъ нельзя отличить отъ прочихъ людей. Но немногіе могутъ достигнуть вѣденія, развѣ одинъ изъ тысячи или два изъ десяти тысячъ. Гностики говорятъ, что они не іудеи, но еще и не христіане; и не должны высказывать открыто свои таинства, но молчаніемъ хранить ихъ въ тайнѣ. Разстояніе тѣхъ 365 небесъ они распредѣляютъ, подобно математикамъ. Ибо, принимая математическія теоремы, они(т. е. гностики) передѣлали ихъ сообразно съ характеромъ своего ученія; начальникъ небесъ, говорятъ они, есть ἀβραξας, и потому заключаетъ въ себѣ числа 365. (α 1+β 2+ρ 100+α 1+ξ 60+α 1+ς 200=365).

Ириней о богословіи валентиніанъ (стр. 113—115). Они говорятъ, что въ невидимыхъ и неизреченныхъ высотахъ сперва существовалъ какой то совершенный Эонъ, котораго называютъ Первоначаломъ, Первоотцемъ и Глубиною. Онъ—необъятный и невидимый, вѣчный и безначальный, существовалъ безчисленные вѣка временъ въ величайшей тишинѣ и спокойствіи. Ему соприсуща была Мысль, которую называютъ также Благодатію и молчаніемъ. Эта Глубина нѣкогда вздумала произвести изъ себя начало всѣхъ вещей, и это произведеніе, которое она вздумала породить, какъ сѣмя въ утробу матери, положило въ соприсущномъ ей Молчаніи. Послѣднее, принявъ это сѣмя и зачавъ, родило Умъ, который подобенъ и равенъ своему родителю и одинъ только вмѣщаетъ въ себѣ величіе Отца. Этотъ Умъ называютъ они Единороднымъ, также Отцемъ и Началомъ всего. Вмѣстѣ съ нимъ родилась Истина. Вотъ первая и родоначальная Пиѳагорейская четверица, которую они называютъ корнемъ всего: именно Глубина и Молчаніе, потомъ Умъ и Истина. Когда же Единородный почувствовалъ, для чего онъ произведенъ, то самъ произвелъ Слово и Жизнь, Отца всѣхъ имѣющихъ произойти послѣ него, начало и образованіе всей Полноты. Изъ Слова и Жизни чрезъ сочетаніе произошли Человѣкъ и Церковь. И это есть родоначальная осмерица, корень и начало всѣхъ вещей, которая названа у нихъ четырьмя именами, именно Глубина, Умъ, Слово и Человѣкъ. Ибо каждое изъ нихъ есть вмѣстѣ мущина и женщина такимъ образомъ: сперва Первоотецъ совокупился съ своею Мыслію; а Единородный, т. е. Умъ,—съ Истиною, Слово—съ Жизнію и Человѣкъ—съ Церковію.—Эти эоны, произведенные во славу Отца, возжелали и сами отъ себя прославить Отца и произвели своимъ сопряженіемъ новыя произведенія; именно—Слово и Жизнь, по произведеніи Человѣка и Церкви, произвели 10 иныхъ эоновъ, которыхъ называютъ (валентиніане) слѣдующими именами: Глубинный и Смѣшеніе, Нестарѣющійся и Единеніе, Самород-

ный и Удовольствіе, Неподвижный и Срастворепіе, Единородный и Блаженная. Это—десять эоновъ, которые по словамъ валентиніанъ, произошли отъ Слова и Жизни. Далѣе—Человѣкъ и самъ вмѣстѣ съ Церковію произвелъ двѣнадцать эоновъ, которымъ жалуютъ такія имена: Утѣшитель и Вѣра, Отчій и Надежда, Матерній и Любовь, Вѣчный Умъ и Разумѣніе, Церковный и Блаженство, Желанный и Премудрость. Вотъ тридцать эоновъ, придуманныхъ гностическимъ заблужденіемъ,—эоновъ, которые скрываются въ молчаніи и никому невѣдомы. Вотъ невидимая и духовная ихъ Полнота, троечастно раздѣленная: на осмерицу, десятокъ и дюжину. Посему-то, говорятъ, Спаситель (ибо не хотятъ именовать Его Господомъ), 30 лѣтъ ничего не дѣлалъ вьявь, чтобы тѣмъ указать на таинство сихъ эоновъ. Утверждаютъ также, что и въ притчѣ о работникахъ, посланныхъ въ виноградникъ, весьма явно указано на этихъ 30 эоновъ: ибо одни изъ нихъ посылаются въ первый часъ, другіе—въ третій, иные—въ шестый, другіе—въ девятый, а иные—въ одинадцатый; въ сложности вышесказанные часы составляютъ собою число тридцать; ибо одинъ, три, шесть, девять и одинадцать равняются тридцати; часы же, по мнѣнію ихъ, означаютъ эоновъ.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Указъ императора Марка Аврелія малоазійскимъ муниціпіямъ (стр. 121). Самодержецъ кесарь Маркъ Аврелій Антонинъ августъ, общинѣ азійской—радоваться. Я убѣжденъ, что боги и сами пекутся,—какъ-бы люди враждебные имъ не укрылись; потому что боги гораздо лучше васъ могутъ наказать тѣхъ, которые не хотятъ поклоняться имъ. Вы тревожите (христіанъ) и обвиняете въ безбожіи: но этимъ самымъ утверждаете ихъ въ мнѣніи, котораго они держатся. У нихъ, вслѣдствіе обвиненія, является болѣе готовности умереть за своего Бога, нежели жить. Поэтому, полагая души свои, но не соглашаясь дѣлать то, чего вы отъ нихъ требуете, они выходятъ побѣдителями. Что же касается до землетрясеній, бывшихъ и бывающихъ; то вамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ унываете и свои нравы сравниваете съ нравами ихъ, я считаю нужнымъ напомнить слѣдующее: во все время такихъ бѣдствій они обнаруживаютъ болѣе дерзновенія предъ Богомъ, а вы, пока бѣдствіе вамъ неизвѣстно, не заботитесь ни о богахъ, ни о чемъ, и не думаете о почитаніи Безсмертнаго, которому служатъ христіане, преслѣдуемые и гонимые вами до смерти. Впрочемъ о нихъ многіе областные правители писали еще прежде къ нашему божественнѣйшему отцу, и онъ отписывалъ имъ, что тревожить этихъ людей не должно, если они не обнаруживаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ римскаго владычества. Писали о нихъ многіе и ко мнѣ, и я отвѣчалъ, согласно съ мнѣніемъ моего отца. Итакъ, если кто станетъ обвинять кого-либо изъ христіанъ въ томъ, что онъ христіанинъ, то обвиняемаго освобождать отъ суда, хотя-бы

онъ оказался дѣйствительно христіаниномъ, а обвинителя подвергать суду. Дано въ Ефесѣ, въ общинѣ азійской.

Посланіе общины смирнской о мученіи св. Поликарпа (стр. 124—128). Чудный Поликарпъ, услышавъ о волненіи противъ него языческой черни, не смутился, а хотѣлъ остаться въ городѣ. Но поелику многіе просили его удалиться, то онъ и удалился въ одну деревеньку, отстоящую не далеко отъ города, и живя тамъ съ немногими, днемъ и ночью ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только молился за всѣхъ и за всѣ церкви въ мірѣ; такъ поступалъ онъ и во всякое время. За три дня до того, какъ онъ былъ схваченъ, во время молитвы ему было видѣніе. Видѣлось ему, что возглавіе его горѣло огнемъ. Тогда обратясь къ бывшимъ съ нимъ, онъ сказалъ пророчески: „меня сожгутъ живаго".—Когда продолжали искать его, онъ перешелъ въ другую деревеньку. Вдругъ явились и тамъ искавшіе его. Онъ могъ удалиться и оттуда въ другое мѣсто, но не захотѣлъ, сказавъ: „да будетъ воля Господня!" Итакъ услышавъ о пришедшихъ, онъ сошелъ и разговаривалъ съ ними. Пришедшіе дивились его лѣтамъ и твердости духа, и нѣкоторые изъ нихъ сказали: „къ чему было столько заботиться, чтобъ схватить такого старца?" Немедленно приказалъ онъ предложить имъ пить и ѣсть, сколько имъ хотѣлось, и просилъ ихъ, дать ему нѣсколько времени помолиться безпрепятственно. Когда они согласились, то онъ всталъ и молился, бывъ исполненъ благодатію Божіею, такъ что въ продолженіи двухъ часовъ не могъ умолкнуть. Слышавшіе дивились, а многіе раскаявались, что пошли противъ такого божественнаго старца. — Когда же онъ окончилъ молитву и наступило время отправиться; тогда посадивъ его на осла, повезли въ городъ; это было въ великую субботу. — Когда, Поликарпъ вступалъ на поприще, былъ съ неба гласъ: „крѣпись и мужайся Поликарпъ!" Какъ скоро привели его, то проконсулъ спросилъ: „ты ли Поликарпъ?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ, убѣждалъ его къ отрѣченію словами: „побереги свою старость!" говоря и другое тому подобное по своему обыкновенію: „клянись счастіемъ кесаря, раскайся, скажи: казнь безбожнымъ"! Но Поликарпъ, съ важнымъ видомъ посмотрѣвъ на толпу находившихся на поприщѣ беззаконныхъ язычниковъ, указалъ на нихъ рукою, и, со вздохомъ воззрѣвъ на небо, сказалъ: „казнь безбожнымъ"! Проконсулъ настойчиво твердилъ: „поклянись, и отпущу тебя; хули Христа." Но Поликарпъ отвѣтствовалъ: „уже восемьдесятъ шесть лѣтъ служу Ему, и Онъ ничѣмъ не обидѣлъ меня: какъ же могу хулить Царя моего, который спасъ меня"? Проконсулъ продолжалъ говорить: „поклянись счастіемъ кесаревымъ". Но онъ отвѣчалъ: „ежели ты по тщеславію хочешь, чтобы я поклялся кесаревымъ, какъ говоришь, счастіемъ, и притворяешься незнающимъ, кто я; объявляю открыто: я христіанинъ! Если же хочешь узнать ученіе христіанское, назначь день и послушай". Проконсулъ сказалъ: „проси у народа"! Поликарпъ отвѣчалъ: „я тебя только удостоиваю отвѣта. Ибо насъ учили начальникамъ и властямъ, поставленнымъ отъ Бога, воздавать приличную и безвредную для насъ честь; а народъ я считаю недостойнымъ тою,

чтобы давать ему отчетъ.“ Проконсулъ ему сказалъ: „у меня есть звѣри; имъ отдамъ тебя, если не перемѣнишь мыслей.“ Поликарпъ отвѣчалъ: „требуй звѣрей; ибо у насъ хорошихъ мыслей не перемѣняютъ на худыя. Хорошо обращаться отъ зла къ правдѣ.“ Прокопсулъ продолжалъ: „когда не боишься звѣрей, то я велю тебя сжечь огнемъ, ежели не перемѣнишь мыслей“. Поликарпъ отвѣчалъ: „ты грозишь огнемъ, который часъ горитъ, и потомъ угасаетъ; потому что тебѣ неизвѣстенъ огнь будущаго суда и вѣчной казни, который уготованъ нечестивымъ. Но что медлить? Дѣлай, что намѣренъ. „Говоря сіе и много подобнаго, онъ исполнился смѣлости и радости, такъ что не только не смутился отъ того, что ему говорили, но напротивъ того проконсулъ пришелъ въ изумленіе, и послалъ своего провозвѣстника трижды провозгласить среди поприща: *Поликарпъ объявилъ себя христіаниномъ.* Когда сіе было сказано провозвѣстникомъ, то все множество язычниковъ и іудеевъ, живущихъ въ Смирнѣ, съ неукротимымъ гнѣвомъ, громко возопило: „это учитель нечестія, отецъ христіанъ, истребитель нашихъ боговъ, который многихъ учить не приносить жертвъ и не покланяться богамъ“. Говоря сіе, они подняли крикъ, и просили асіарха Филиппа, чтобы выпустилъ льва на Поликарпа. Филиппъ отвѣчалъ, что ему нельзя сего сдѣлать; потому что бой со звѣрьми уже кончился. Тогда вздумалось имъ закричать въ одинъ голосъ: сжечь Поликарпа! Сіе скорѣе было исполнено, нежели сказано. Народъ немедленно набралъ дровъ и хворосту съ дворовъ и бань, въ чемъ съ особенною готовностію помогали іудеи, по своему обыкновенію. Когда готовъ былъ костеръ: то Поликарпъ снялъ съ себя всѣ одежды, и, развязавъ свой поясъ, началъ и разуваться. Когда же хотѣли его и пригвоздить: то онъ сказалъ: „оставьте меня такъ. Тотъ, кто даетъ мнѣ силы терпѣть огонь, дасть силы, и безъ вашихъ гвоздей, быть на кострѣ неподвижнымъ.“ Посему не пригвоздили его, однако связали. Итакъ онъ, положивъ руки назадъ и бывъ связанъ, воззрѣлъ на небо и сказалъ: „Господи, Боже Вседержитель, благословляю Тебя, что Ты удостоилъ меня въ сей день и часъ, принять участіе въ числѣ мучениковъ Твоихъ и въ чашѣ Христа Твоего, для воскресенія въ жизнь вѣчную душею и тѣломъ въ нетлѣніи Святаго Духа. За сіе и за все хвалю Тебя, благословляю Тебя, прославляю Тебя, купно съ вѣчнымъ и пренебеснымъ Іисусомъ Христомъ, возлюбленнымъ Твоимъ Сыномъ, съ которымъ Тебѣ и Святому Духу слава и нынѣ и въ будущемъ вѣкѣ. Аминь.“

Когда онъ произнесъ *аминь*, и окончилъ молитву: тогда служившіе при кострѣ разожгли огонь. Когда же огонь сильно разгорѣлся, то мы увидѣли великое чудо, мы, которымъ дано было видѣть. Огонь, принявъ видъ свода, подобно корабельному парусу, надутому вѣтромъ, стоялъ вокругъ мученикова тѣла, и оно, находясь въ срединѣ, было не какъ тѣло сожигаемое, но какъ пекущійся хлѣбъ или какъ золото и серебро, разжигаемое въ горнѣ. Мы чувствовали такое благоуханіе, какъ бы пахло ладономъ или другимъ драгоцѣннымъ ароматомъ.— Беззаконные, видя, что тѣло его не можетъ быть сожжено огнемъ, велѣли подойти исполнителю казни и вонзить въ него кинжалъ. Когда

палачь это сдѣлалъ, то вылетѣлъ голубь и кровь текла въ такомъ обиліи, что погасила огонь, и весь народъ съ удивленіемъ видѣлъ, какое различіе между невѣрными и избранными. Послѣ сего мы взяли кости Поликарпа, которыя превосходнѣе дорогихъ камней и лучше золота, и положили, гдѣ слѣдовало.

Тертулліанъ о чудѣ громоноснаго легіона (стр. 130). Маркъ Аврелій во время германскаго похода молитвами къ Богу христіанскихъ воиновъ испросилъ дождь жаждущему войску.

Изъ посланія ліонской и вьеннской церкви о ліонскихъ мученикахъ (стр. 130—132). Веттій Епагатъ, одинъ изъ числа нашихъ собратій, человѣкъ, проникнутый горячею любовію къ Богу и ближнему, не могъ снести несправедливаго приговора противъ насъ, но движимый негодованіемъ, требовалъ, чтобы ему позволено было говорить въ пользу братій—и ясно доказать, что у насъ не бываетъ ничего нечестиваго или противнаго религіи. Но когда лица, принадлежавшія къ трибуналу, стали громко высказываться противъ него, (ибо сослуживцамъ извѣстны были его убѣжденія) и самъ предсѣдатель суда неблагопріятно отнесся къ его прошенію, въ высшей степени справедливому, и только спросилъ, христіанинъ ли онъ?—то Епагатъ громко исповѣдалъ себя христіаниномъ и присоединился къ числу мучениковъ.

Съ этого времени начали дѣлать разборъ и разслѣдованіе и относительно прочихъ. И вызвались сами, и оказались первомученики. Такова была служанка Бландина, чрезъ которую показалъ Христосъ, что кажущееся людямъ низкимъ, презрѣннымъ и безчестнымъ удостоивается бо́льшей чести отъ Бога, ради преизбыточествующей любви къ Нему. Среди жесточайшихъ мученій Бландина говорила только: *я христіанка и ничего худаго у насъ не дѣлается.*

Но тогда же ясно обозначились люди не приготовленные и не выдержанные и не имѣвшіе довольно силъ къ подъятію такого подвига. Изъ нихъ около десяти падшихъ принесли намъ много слезъ и горя, и ослабили ревность прочихъ. Изъ числа отрекшихся вѣры во Христа была нѣкая Библіада, и когда діаволъ считалъ ее своею жертвою, и хотѣлъ не только подвергнуть ее осужденію, но и наругаться надъ нею, то она была ведена на мученія и принуждаема, какъ женщина непостоянная и слабодушная, свидѣтельствовать противъ христіанъ какъ противъ людей нечестивыхъ. Но она образумилась среди мученій и какъ бы пробудилась отъ глубокаго сна, какъ будто терпимая ею казнь навела ее на мысль о мученіяхъ вѣчной геенны. И вопреки нечестивцамъ она сказала: *возможное ли дѣло, чтобы ѣли младенцевъ тѣ, которые не позволяютъ себѣ питаться кровію животныхъ?* За это она была признана христіанкою и присоединена къ числу мучениковъ.—Блаженнѣйшій же Поѳинъ, епископъ церкви ліонской, 90-лѣтній старецъ, на вопросъ предсѣдателя, кто Богъ христіанскій, отвѣчалъ: *познаешь, если будешь достоинъ.* Послѣ сего безъ всякаго человѣколюбія епископъ былъ схваченъ и подвергнутъ безчисленному множеству ударовъ. Потомъ, еле дышащій былъ ввергнутъ въ темницу, гдѣ чрезъ

два дня и скончался... Нѣкоторые изъ христіанъ, оказавшіеся римскими гражданами, были обезглавлены, остальные отданы звѣрямъ... Мы между тѣмъ были подавляемы самою тяжкою скорбію, потому что не позволялось намъ погребать тѣла мучениковъ. Не помогалъ намъ и ночной мракъ; нельзя было смягчить мучителей ни деньгами, ни просьбами; напротивъ того съ величайшимъ усердіемъ и тщаніемъ они стерегли тѣла мучениковъ, как будто находили для себя величайшую выгоду въ томъ, чтобы лишить ихъ погребенія. Итакъ тѣла мучениковъ, подвергнутыя всяческому безчестію и въ теченіе семи сутокъ лежавшія выброшенными на открытомъ воздухѣ, наконецъ были сожжены и превращенныя въ пепелъ высыпаны нечестивцами въ мимотекущую рѣку, чтобы на землѣ не уцѣлѣло никакого останка тѣлъ мученическихъ. Мучители поступали такъ, какъ будто бы были выше Бога и могли отнять у мучениковъ воскресеніе, чтобы не оставить имъ—говорили нечестивцы—никакой надежды на возстаніе. „Посмотримъ-де, воскреснутъ ли они; будетъ ли съ ними Богъ ихъ и въ силахъ ли Онъ изъять ихъ изъ рукъ нашихъ.“

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Изъ первой апологіи Іустина мученика (137—141).

Люди истинно благочестивые и истинные философы должны уважать и любить только истину..... Что же это значитъ? мы объявляемъ, что не дѣлаемъ ничего преступнаго и не держимся безбожныхъ ученій, и вы не дѣлаете судебнаго изслѣдованія, но по влеченію безразсудной страсти и по наущенію злыхъ демоновъ казните насъ—безъ разсужденія и заботы. Но должно сказать истину. Еще въ древности злые демоны, открыто являясь, оскверняли женщинъ и отроковъ и наводили на людей поразительные ужасы, такъ что тѣ, которые не разсуждали разумомъ объ ихъ дѣйствіяхъ, будучи объяты страхомъ, и не зная, что это были злые демоны, называли ихъ богами и давали имъ такое имя, какое кто изъ демоновъ самъ себѣ избралъ. Но когда Сократъ рѣшился обнаружить это, руководствуясь истиннымъ разумомъ и изслѣдованіемъ, и отвести людей отъ демоновъ, тогда сами демоны воспользовались людьми, живущими въ злѣ, и чрезъ нихъ Сократъ былъ осужденъ на смерть, какъ безбожникъ и нечестивецъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ вводитъ новыя божества. Подобнымъ образомъ они тоже самое дѣлаютъ и противъ насъ. Ибо не только среди эллиновъ обличено это Словомъ чрезъ Сократа, но и среди варварскихъ народовъ тѣмъ же Словомъ, которое приняло видимый образъ, сдѣлалось человѣкомъ и нареклось Іисусомъ Христомъ. Вѣруя этому Слову, мы говоримъ, что духи, дѣлавшіе такія дѣла, не только не суть добрые, но злые и нечестивые демоны, которые по дѣламъ своимъ не могутъ сравняться даже съ людьми, любящими добродѣтель.

Потому то насъ называютъ безбожниками..... Кто же изъ здравомыслящихъ не сознается, что мы не безбожники, когда почитаемъ Создателя всего міра, и согласно съ тѣмъ, какъ мы научены, говоримъ,

тто онъ не требуетъ крови, возліяній и куреній, а славимъ его по мѣрѣ силъ словомъ молитвы и благодареніемъ.... Нашъ учитель въ этомъ есть Іисусъ Христосъ, который для этого родился и былъ распятъ при Понтіѣ Пилатѣ, бывшемъ правителѣ Іудеи, во времена Тиверія кесаря; и мы знаемъ, что онъ Сынъ Самого истиннаго Бога, и и поставляемъ его на второмъ мѣстѣ, а Духа пророческаго на третьемъ. Что мы справедливо почитаемъ его,—я докажу вамъ. Насъ обвиняютъ въ безуміи за то, что мы послѣ неизмѣннаго и вѣчнаго Бога и Отца всего даемъ второе мѣсто распятому человѣку, а не знаютъ заключающейся въ этомъ тайны.

Мы также отстали отъ пихъ (т. е. демоновъ) какъ скоро увѣрокали Слову, и теперь посредствомъ Сына слѣдуемъ единому Богу нерожденному; мы прежде находили удовольствіе въ любодѣяніи, нынѣ любимъ одно цѣломудріе; прежде пользовались хитростями магіи, а нынѣ предали себя благому и нерожденному Богу; прежде мы болѣе всего заботились о снисканіи богатства и имѣнія, нынѣ и то, что и имѣемъ, вносимъ въ общину и дѣлимся со всякимъ нуждающимся; прежде другъ друга ненавидѣли, убивали, и не хотѣли пользоваться однимъ очагомъ съ иноплеменниками, по разности обычаевъ, — нынѣ по явленіи Христовомъ, живемъ вмѣстѣ, и молимся за враговъ нашихъ, и несправедливо ненавидящихъ насъ стараемся убѣждать, чтобы они, живя по добрымъ Христовымъ правиламъ, вѣрно надѣялись получить съ нами и тѣже самыя блага отъ владычествующаго надъ всѣмъ Бога...

(*Символика креста*). Разсмотрите всѣ вещи въ мірѣ, устрояется ли что безъ формы (креста) и можетъ ли быть безъ нея взаимная связь? По морю нельзя плавать, если на кораблѣ не цѣлъ тотъ трофей, который называется парусомъ; земли нельзя орать безъ крестообразнаго плуга; копающіе землю, равно какъ и ремесленники, не иначе производятъ свою работу, какъ посредствомъ орудій, имѣющихъ туже форму. И наружный видъ человѣка отличается отъ вида неразумныхъ животныхъ только тѣмъ, что человѣкъ прямъ и имѣетъ возможность протягивать свои руки,—и на своемъ лицѣ имѣетъ простирающійся ото лба такъ называемый носъ, посредствомъ котораго совершается у животныхъ дыханіе, и который не что другое представляетъ, какъ фигуру креста...

(*Богослуженіе первенствующихъ христіанъ*). Кто убѣдится и повѣритъ, что это ученіе и слова наши истинны, и обѣщается жить сообразно съ вѣрою,—тѣхъ учатъ, чтобы они съ молитвою и постомъ просили у Бога отпущенія прежнихъ грѣховъ, и мы молимся и постимся съ ними. Потомъ мы приводимъ туда, ихъ гдѣ есть вода, и они возрождаются такимъ же образомъ, какъ сами мы возродились, то есть посредствомъ омовенія водою во имя Бога Отца и владыки всего, и Спасителя нашего Іисуса Христа, и Духа Святаго... А омовеніе это называется просвѣщеніемъ, потому что просвѣщаются умомъ тѣ, которые познаютъ это. Послѣ того, какъ омоется такимъ образомъ увѣровавшій и давшій свое согласіе, мы ведемъ его къ такъ называемымъ братьямъ въ общее собраніе для того, чтобы со всѣмъ усердіемъ совер-

шить общія молитвы, какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ повсюду находящихся, дабы удостоиться намъ, познавшимъ истину, явиться и по дѣламъ добрыми гражданами и исполнителями заповѣдей, для полученія вѣчнаго спасенія.

По окончаніи молитвъ мы привѣтствуемъ другъ друга любзаніемъ. Потомъ къ предстоятелю братій приносятся хлѣбъ и чаша воды и вина: онъ, взявъ это, возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всего и подробно совершаетъ благодареніе за то, что онъ удостоилъ насъ этого. Послѣ того, какъ онъ совершитъ молитвы и благодареніе, весь присутствующій народъ отвѣчаетъ: аминь. Послѣ благодаренія предстоятеля и возглашенія всего народа, такъ называемые у насъ діаконы даютъ каждому изъ присутствующихъ пріобщеніе хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе, и вина и воды, и относятъ къ тѣмъ, которые отсутствуютъ. Пища эта у насъ называется евхаристіею,—благодареніемъ, и никому другому не позволяется участвовать въ ней, какъ только тому, кто вѣруетъ въ истину ученія нашего и омылся омовеніемъ во оставленіе грѣховъ и въ возрожденіе, и живетъ такъ, какъ Христосъ. Ибо мы принимаемъ это не такъ какъ обыкновенный хлѣбъ или обыкновенное питье: но какъ Христосъ, Спаситель нашъ, Слово Божіе воплотился и имѣлъ плоть и кровь для спасенія нашего, такимъ же образомъ пища эта, надъ которой совершено благодареніе чрезъ молитву слова Его, и отъ которой чрезъ уподобленіе получаетъ питаніе наша кровь и плоть, есть—какъ мы научены—плоть и кровь того воплотившагося Іисуса.

За всѣ получаемыя наши благодѣянія мы прославляемъ Создателя всего, чрезъ Сына Его Іисуса Христа и чрезъ Духа Святаго. Въ такъ называемый день солнца бываетъ у насъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селамъ; и читаются, сколько позволяетъ время, сказанія апостоловъ или писанія пророковъ. Потомъ, когда чтецъ перестанетъ, предстоятель посредствомъ слова дѣлаетъ наставленіе и увѣщаніе подражать тѣмъ прекраснымъ образцамъ. Затѣмъ всѣ вообще встаемъ и возсылаемъ молитвы; когда же окончимъ молитву, тогда, какъ я выше сказалъ, приносится хлѣбъ и вино и вода; и предстоятель также возсылаетъ молитвы и благодаренія, сколько онъ можетъ. Народъ выражаетъ свое согласіе словомъ—аминь, и бываетъ раздаяніе каждому и пріобщеніе даровъ, надъ коими совершенно благодареніе, а къ небывшимъ они посылаются чрезъ діаконовъ.

Достаточные же и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ, что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля; а онъ имѣетъ попеченіе о сиротахъ и вдовахъ, о всѣхъ нуждающимся по болѣзни или по другой причинѣ, о находящихся въ узахъ, о странникахъ издалека, вообще печется о всѣхъ находящихся въ нуждѣ. Въ день же солнца мы всѣ вообще дѣлаемъ собраніе потому, что это есть первый день, въ который Богъ, измѣнивъ мракъ и вещество, сотворилъ міръ, а равно Іисусъ Христосъ Спаситель нашъ въ тотъ же день воскресъ изъ мертвыхъ.

ЧТЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ

Изъ воспоминаній св. Ирипея ліонскаго (стр. 148). Тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее. Такъ я могъ бы описать даже мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блаженный Поликарпъ; могу изобразить его походку, образъ его жизни и внѣшній видъ, его бесѣды къ народу, какъ онъ разсказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и съ прочими самовидцами Господа, какъ онъ припоминалъ слова ихъ и пересказывалъ, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его чудесахъ и ученіи. Такъ какъ онъ слышалъ все отъ самовидцевъ жизни Слова, то онъ разсказывалъ согласно съ Писаніемъ. По Божіей милости ко мнѣ, я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на бумагѣ, но въ моемъ сердцѣ—и по милости Божіей всегда сохраняю ихъ въ свѣжей памяти.

Изъ книги св. Ирипея противъ ересей (стр. 140—150). Если кто спроситъ насъ: какъ Сынъ произошелъ отъ Отца? то мы отвѣтимъ ему, что этого происхожденія, или рожденія, или наименованія, или откровенія—или какъ хотите назовите это неизрѣченное рожденіе—никто не знаетъ ни Валентинъ, ни ангелы, только одинъ родившій Отецъ и рожденный Сынъ. Итакъ если это рожденіе необъяснимо, то всѣ тѣ, которые усиливаются объяснить рожденіе и происхожденіе, сами не знаютъ, что дѣлаютъ, покушаясь изъяснить то, что неизъяснимо.

Церковь, хотя разсѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли, приняла отъ апостоловъ и учениковъ ихъ вѣру въ единаго Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, и море, и все, что въ нихъ, и во единаго Христа Іисуса, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія, и въ Духа Святаго, чрезъ пророковъ возвѣстившаго все домостроительство Божіе и пришествіе и рожденіе отъ Дѣвы, и страданіе и воскресеніе изъ мертвыхъ и вознесеніе во плоти на небо возлюбленнаго Христа Іисуса Господа нашего, а также явленіе Его съ небесъ во славѣ Отчей, чтобы „воглавить все“ и воскресить всякую плоть всего человѣчества, да предъ Христомъ Іисусомъ, Господомъ нашимъ и Богомъ, Спасомъ и Царемъ, по благоволенію Отца невидимаго, „преклонится всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдается Ему“, и да сотворитъ Онъ праведный судъ о всѣхъ: духовъ злобы и ангеловъ согрѣшившихъ и отпадшихъ, а также и нечестивыхъ, неправедныхъ, беззаконныхъ и богохульныхъ людей Онъ пошлетъ въ огонь вѣчный, напротивъ праведнымъ и святымъ, соблюдавшимъ заповѣди Его и пребывшимъ въ любви къ нему отъ начала или по раскаяніи, даруетъ жизнь, подастъ нетлѣніе и сотворитъ вѣчную славу.

Это ученіе и эту вѣру церковь, хотя и разсѣяна по всему міру,—тщательно хранитъ, какъ бы обитая въ одномъ домѣ; одинаково вѣруетъ этому, какъ бы имѣя одну душу и одно сердце; согласно проповѣдуетъ это, учитъ и передаетъ, какъ бы у ней были одни уста. Ибо хотя въ мірѣ языки различны, но сила преданія одна и таже. Не иначе вѣрятъ, и не различное имѣютъ преданіе церкви, основан-

ныя въ Германіи, въ Испаніи, у кельтовъ, на востокѣ, въ Египтѣ, въ Ливіи и въ срединѣ міра. Но какъ солнце—это твореніе Божіе—во всемъ мірѣ одно и тоже: такъ и проповѣдь истины вездѣ сіяетъ и просвѣщаетъ всѣхъ людей желающихъ придти въ познаніе истины.

Еретики, всегда ищущіе и никогда не могущіе найти истину... еретики, приносящіе къ олтарю Божіи чуждый огонь, т. е. чуждыя ученія, будутъ сожжены небеснымъ огнемъ, какъ Надавъ и Авіудъ.

Изъ письма Иринея е. ліонскаго къ Виктору е. римскому (стр. 152). Апостолы постановили, что мы не должны никого осуждать за пищу или питіе или празднованіе новомѣсячій и субботъ. Откуда же такіе споры? откуда раздѣленія? Мы празднуемъ, но съ закваскою злобы и лукавства, разрывая церковь Божію; мы соблюдаемъ внѣшнее, и отвергаемъ лучшее—вѣру и любовь. А между тѣмъ мы слышали изъ словъ пророческихъ, что Господу не угодны такіе праздники и посты.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Изъ сказанія о мученіи Перпетуи, записаннаго отчасти со словъ ея (стр. 161—162). „Отецъ, говорю, видишь ли этотъ сосудъ стоящій здѣсь: кружка это или что другое?“—Онъ сказалъ вижу. И я сказала ему: „неужели можно назвать его иначе, чѣмъ какъ онъ называется?“—и говоритъ: нѣтъ. „Такъ и я не могу назвать себя иначе, какъ только христіанкою.“

Въ продолженіе этихъ немногихъ дней мы были крещены..... Спустя немного насъ заключили въ темницу и я ужаснулась, потому что никогда не испытывала такой темноты. О страшный день! Невиданный мракъ, духота и жаръ отъ множества содержимыхъ, грубое обращеніе солдатъ и ко всему этому мучительное безпокойство о дитяти.

(Послѣ причастія) тотчасъ я почувствовала силу и стала способна къ труду и уходу за ребенкомъ: и темница сдѣлалась для меня какъ бы дворцомъ, такъ что я желала быть лучше тамъ, чѣмъ гдѣ либо....

(*Слова отца Перпетуи*) „Дочь моя! сжалься надъ моими сѣдинами, сжалься надъ отцомъ, если только достоинъ я, чтобы ты звала меня отцемъ. На своихъ рукахъ я берегъ тебя до этого цвѣтущаго возраста, я любилъ тебя болѣе всѣхъ твоихъ братьевъ; не отдавай же меня на позоръ людямъ. Вспомни о своихъ братьяхъ, вспомни о матери и теткѣ, вспомни о своемъ сынѣ, который безъ тебя не будетъ живъ. Оставь упрямство и не губи насъ всѣхъ. Никому изъ насъ нельзя будетъ головы поднять, если ты подвергнешься чему нибудь!“

(*Отвѣтъ Перпетуи*). „Пусть будетъ со мною, что Богу угодно на этомъ поприщѣ; знай, что мы не властны въ себѣ, но состоимъ въ волѣ Божіей.“

Гиларіанъ прокураторъ сказалъ: пожалѣй сѣдинъ твоего отца, пожалѣй слабаго младенца и принеси жертву за здравіе императора. И я отвѣчала: *нѣтъ*. Гиларіанъ сказалъ: ты христіанка. И я отвѣ-

чала: я христіанка. И когда отвели меня въ сторону, стоялъ отецъ около меня и Гиларіанъ приказалъ увести его и сѣчь. И горько стало мнѣ за отца моего какъ будто я сама подвергалась наказанію: такъ жаль мнѣ было его бѣдственную старость.

Другая мученица Фелицитата во время тюремнаго заключенія мучилась родами. „Если ты теперь такъ страдаешь", говорили темничные стражи, — „каково же тебѣ будетъ достаться звѣрямъ, которыхъ ты пренебрегла, когда отказалась принести жертву." Мученица отвѣчала: „теперь я терплю тó, что терплю; а тогда будетъ другой во мнѣ, который будетъ терпѣть за меня, потому что я рѣшилась страдать за него."

(*Конецъ мученичества*). Возсіялъ день побѣды ихъ и пошли они изъ тюрьмы на амфитеатръ, какъ бы на небо, съ веселымъ видомъ.... Вошедши въ дверь, они принуждаемы были перемѣнить одежду; мужчинъ заставляли одѣться жрецами Сатурна, а женщинъ — жрицами Цереры. Благородная твердость ихъ воспротивилась до конца. Они говорили: *для этого мы добровольно и пришли на мученія, чтобы не стѣснялась наша свобода. За это мы и душу свою отдаемъ, чтобы не дѣлать чего-либо подобнаго. Таковъ договоръ нашъ съ вами.* Побѣдила неправда правду. Согласился трибунъ, чтобы они были введены просто, какъ были одѣты. Поровнявшись съ прокураторомъ Гиларіаномъ, они жестами и мановеніями высказали ему: *ты судилъ насъ, тебя будетъ судить Богъ....* И Тотъ, Кто сказалъ: *просите и получите*, далъ каждому изъ нихъ такой конецъ, какого кто пожелалъ.

Изъ Элія Лампридія о Геліогабалѣ (стр. 164). Говорилъ кромѣ того Геліогабалъ, что религію іудеевъ и самарянъ и христіанскую набожность нужно перенести сюда, чтобы священство Галіогабалово обладало тайною всѣхъ культовъ.

Изъ Светонія объ Александрѣ Северѣ (стр. 165). Въ утренніе часы А. Северъ совершалъ богослуженіе въ своей молельнѣ, гдѣ помѣстилъ изображенія покойныхъ государей, впрочемъ не всѣхъ, а только лучшихъ и избранныхъ, а также праведныхъ людей, въ числѣ ихъ Аполлонія и—по извѣстію современнаго писателя—Христа, Авраама и Ареся и подобныхъ боговъ и предковъ.... Северъ хотѣлъ построить Христу храмъ и включить его въ число боговъ, о чемъ, говорятъ, помышлялъ и Адріанъ.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Гимнъ Христу Спасителю св. Климента александрійскаго. (стр. 179—181).

Неукротимыхъ онагровъ смиритель,
Крыло птенцовъ летающихъ вѣрно,
Непоколебимое кормило юношей,
Пастырь агнцевъ царственныхъ!
Твоихъ невинныхъ
Дѣтей собери
Свято славить,
Искренно пѣть
Устами чистыми
Тебя Вождь дѣтей—Христа!
Царь святыхъ,
Державный Слове
Отца превышняго,
Податель мудрости,
Крѣпость страждущихъ,
Владыка вѣчности,
Рода смертнаго
Спаситель Іисусе!
Пастырь и дѣлатель,
Кормило, узда,
Небесное крило
Стада святаго!
Ловецъ человѣковъ
Тобой спасаемыхъ,
Въ волнахъ непріязненныхъ
Моря нечестія,
Рыбъ чистыхъ
Сладкой пищей уловляющій!
Веди насъ пастырь
Разумныхъ овецъ!
Веди насъ святый,
Царь дѣтей непорочныхъ!
Веди по стезѣ Христовой.
Ты путь небесный,
Слово превѣчное,
Вѣкъ безпредѣльный,
Свѣтъ превѣчный,
Источникъ милости,
Правитель добродѣтели,
Жизнь непорочная,
Пѣвцевъ Божіихъ—Христе Іисусе!

Небесное млеко,
Изъ сладкихъ сосцевъ
Дѣвы благодатной—
Мудрости Твоей источенное!
Мы твои дѣти,
Нѣжными устами
Воскормленные,
Нѣжнымъ дыханіемъ
Материнской груди
Исполненные!
Пѣсни простыя,
Гимны невинные
Христу царю
Въ награду святую
За ученіе жизни
Поемъ всѣ купно;
Поемъ просто
Отрока державнаго.

Вы ликъ мира,
Дѣти Христовы,
Люди святые!
Пойте всѣ купно Бога мира!

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Изъ Тертулліана (стр. 192). Что общаго между Аѳинами и Іерусалимомъ? между академіею и церковію? между еретиками и христіанами?

—(Стр. 193). Стань на средину душа! Не въ такомъ видѣ я призываю тебя, когда ты, образованная въ школахъ, обученная въ біб-

ліотекахъ, академіяхъ и аттическихъ портикахъ, изрыгаешь мудрость. Вызываю я тебя простую, грубую, необразованную, немудрую, какова ты у тѣхъ, которые имѣютъ только одну тебя. Для меня и нужна твоя безъискуственность, потому что какой либо искуственности никто не вѣритъ Я знаю, что ты не христіанка, ибо ты не рождаешся, а дѣлаешься христіанкою. Однако теперь христіане требуютъ отъ тебя свидѣтельства. (Свидѣтельство души Тертулліанъ находитъ въ общепотребительныхъ присловьяхъ: *что́ Богъ дастъ, если Богу угодно, Богъ милостивъ, Богъ видитъ все, Богу вручаю, Богъ воздастъ, Богъ между нами разсудитъ*).

—(Стр 196). Неужели присяга людямъ выше обѣта Богу, и мы, обрекшись Христу, должны присягать еще другому господину?... Можно ли намъ браться за мечь, когда Господь сказалъ, что *взявшій мечь мечемъ погибнетъ*! Пойдетъ ли на войну сынъ мира, которому даже и тяжбу вести не прилично? станетъ ли подъ знамя государя тотъ, кто уже знаменованъ Богомъ?

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Мученіе св. Кипріана карѳагенскаго. *Судопроизводство 30 августа 257* года (стр. 205—206). „При императорѣ Валеріанѣ IV и Галліенѣ III, консулахъ, въ III календы сент. въ Карѳагенѣ въ присутственномъ мѣстѣ проконсулъ *Патернъ* сказалъ епископу Кипріану: „священнѣйшіе императоры Валеріанъ и Галліанъ, удостоили писать ко мнѣ повелѣвая, чтобы не хранящіе римской религіи соблюдали тѣмъ не менѣе римскія церемоніи. Спрашиваю объ имени твоемъ; что ты мнѣ скажешь?“ *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „я христіанинъ и епископъ. Не знаю никакихъ иныхъ боговъ, кромѣ истиннаго Бога, который сотворилъ небо и землю, море и все, что есть въ нихъ. Сему Богу мы христіане служимъ; Его умоляемъ день и ночь за себя и за всѣхъ людей, и за благоденствіе самихъ императоровъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: ты твердо стоишь на своей волѣ? *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „добрая воля, познавшая Бога, измѣняться не можетъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: итакъ можешь согласно предписанію Валеріана и Галліена отправляться въ изгнаніе въ городъ курубитанскій. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „отправляюсь.“ *Патернъ* проконсулъ сказалъ: императоры удостоили писать ко мнѣ не только о епископахъ, но и о пресвитерахъ. Желаю знать отъ тебя, кто пресвитеры, состоящіе въ семъ городѣ. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „въ своихъ законахъ вы хорошо и полезно постановили, чтобы доносчиковъ не было. Итакъ пресвитеры не могутъ быть открыты и выданы мною. Они окажутся на своихъ мѣстахъ“. *Патернъ* проконсулъ сказалъ: я сегодня здѣсь розыщу ихъ. *Кипріанъ* сказалъ: „дисциплина воспрещаетъ имъ заявить о себѣ, да и для твоей цензуры это было было бы не благоугодно; посему пресвитеры и не могутъ выдать себя сами, но если ты сдѣлаешь розыскъ, то они будутъ найдены.“ *Патернъ* проконсулъ сказалъ: я ихъ найду,—и прибавилъ:—кромѣ того импе-

раторы предписали, чтобы нигдѣ не было сборищъ, и чтобы не ходили на кладбища. Кто не будетъ соблюдать столь спасительнаго повелѣнія, будетъ казненъ смертію. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „дѣлай, что́ тебѣ приказано.“—Тогда *Патернъ* прокопсулъ приказалъ Кипріана епископа отправить въ ссылку.

Судопроизводство 14 сентября 258 года (стр. 207—208). Когда Кипріанъ былъ введенъ, то *Галерій Максимъ* проконсулъ сказалъ Кипріану епископу: ты Ѳасцій Кипріанъ? *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: „я“. *Галерій Максимъ* проконсулъ сказалъ: священнѣйшіе императоры приказали тебѣ принять участіе въ церемоніяхъ. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: „я не согласенъ.“ *Галерій Максимъ* сказалъ: подумай о себѣ. *Кипріанъ* епископъ отвѣчалъ: дѣлай, „что́ тебѣ приказано. Въ столь справедливомъ дѣлѣ не нужно размышленіе“. *Галерій Максимъ*, переговоривъ съ судомъ, безъ труда изрекъ приговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: долго ты жилъ съ нечестивымъ образомъ мыслей и множество людей собралъ въ свое незаконное скопище и оказался врагомъ боговъ и священныхъ законовъ и не могли благочестивые и священнѣйшіе государи Валеріанъ и Галліенъ августы и Валеріанъ знаменитѣйшій цезарь возвратить тебя къ слѣдованію своимъ церемоніямъ. И когда такимъ образомъ ты оказался виновникомъ и предводителемъ гнуснѣйшихъ преступленій; то ты самъ и будешь примѣромъ для тѣхъ, кого собралъ участниками въ своемъ злодѣяніи: кровью твоею утвердится дисциплина. И сказавъ это, прочиталъ опредѣленіе по таблицѣ: Ѳасція Кипріана слѣдуетъ казнить мечемъ. *Кипріанъ* епископъ сказалъ: слава Богу.

Послѣ этого приговора толпа братій сказала: и мы съ нимъ головы сложимъ. Посему произошло смятеніе между братьями и великая толпа послѣдовала за Кипріаномъ. И выведенъ былъ Кипріанъ на поле Секста, и тамъ снявъ верхнюю одежду преклонилъ колѣна и повергся въ молитвѣ ко Господу. За тѣмъ снявъ и отдавъ діаконамъ далматикъ, сталъ въ рядъ и началъ ожидать палача. Когда же пришелъ палачь, приказалъ своимъ, чтобы дали томуже палачу 25 червонцевъ. Братья разостлали предъ нимъ ручники и полотна. Послѣ того блаженный Кипріанъ собственноручно закрылъ себѣ глаза, и такъ какъ онъ не могъ самъ завязать платка, то завязали ему Юліанъ пресвитеръ и Юліанъ поддьяконъ. Такъ пострадалъ блаженный Кипріанъ и тѣло его положено тутъже неподалеку въ виду наблюдающихъ язычниковъ. А на другой день со свѣчами, богослуженіемъ и великимъ торжествомъ перенесено учениками на площадь Макробія Кандидіана прокуратора, которая находится на маппалійской дорогѣ возлѣ рыбныхъ садковъ.

Св. Кипріана ученіе о церкви (стр. 203). Не можетъ имѣть Бога отцемъ тотъ, кто не имѣетъ церкви матерью. (Стр. 209—210). Святой Духъ отъ лица Божія въ пѣсни пѣсней обозначаетъ, что церковь едина и говоритъ: *едина есть голубица моя*... Нужно радоваться, когда худые члены отдѣляются отъ церкви, чтобы они не заразили голубицъ и овецъ Христовыхъ своимъ злокачественнымъ и

ядовитымъ прикосновеніемъ. Не думайте, чтобы добрые люди могли отдѣляться отъ церкви. Вѣтеръ не развѣваетъ зерна; буря не опрокидываетъ крѣпко укоренившагося дерева. Негодная шелуха разносится вѣтромъ; слабыя деревья вывертываются вихремъ... Не можетъ быть мученикомъ тотъ, кто внѣ церкви:.. не можетъ предать себя на мученіе такъ, кто не соблюлъ братской любви.

Міръ колеблется и падаетъ и свое разложеніе свидѣтельствуетъ не драхлостью, а уже послѣднею агоніею... Мы готовимся встрѣтить день, который водворитъ каждаго въ его жилищѣ. Какое блаженство въ небесномъ царствѣ безъ страха смерти,—въ вѣчной жизни! Какое великое и постоянное счастіе! Тамъ славный ликъ апостоловъ; тамъ сонмъ торжествующихъ пророковъ: тамъ неисчетное множество мучениковъ, увѣнчанныхъ побѣдою послѣ борьбы и страданія... Къ нимъ, любезнѣйшіе братья, поспѣшимъ съ пламеннымъ стремленіемъ: пожелаемъ какъ можно скорѣе быть съ ними, какъ можно скорѣе придти ко Христу.

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Изъ Тертулліана (стр. 230). Когда Аррій Антонинъ въ Азіи производилъ настойчивые розыски, всѣ мѣстные христіане явились предъ его трибуналами; тогда онъ, приказавъ арестовать немногихъ, сказалъ остальнымъ: „безумцы! если вы хотите умереть, то сами можете воспользоваться для этого веревками и висѣлицами“.

ЧТЕНІЕ ОСМНАДЦАТОЕ.

Составъ римскаго клира въ 252 году (стр. 241). Епископъ одинъ, пресвитеровъ 40, дьяконовъ 7, иподьяконовъ 7, аколуѳовъ 42, заклинателей и чтецовъ вмѣстѣ съ привратниками 52.

Изъ посланія къ Діогнету о правахъ древнихъ христіанъ (стр. 249—230). Христіане ни мѣстопребываніемъ, ни языкомъ, ни обычаями не отличаются отъ прочихъ людей. Живя въ эллинскимъ и варварскихъ городахъ, какъ кому пришлось, во внѣшнихъ пріемахъ, въ одеждѣ, обхожденіи и прочемъ образѣ жизни, они ведутъ себя, какъ и всѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ чудное и поистинѣ удивительное устроеніе своего общества. Они имѣютъ отчизну, но остаются пришельцами; они принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, какъ граждане, но вездѣ пребываютъ, какъ чужіе. Всякая чужая отчизна для нихъ своя, и всякая своя отчизна—чужая. Они женятся, какъ и всѣ; имѣютъ дѣтей, но не бросаютъ своего порожденія; они живутъ въ плоти, но не по плоти: находясь на землѣ, они тѣмъ не менѣе состоятъ гражданами небесными. Они повинуются установленнымъ законамъ и своею жизнію стоятъ выше законовъ. Они любятъ всѣ и отъ всѣхъ терпятъ преслѣдованія. Ихъ не знаютъ, но осуждаютъ; ихъ умерщвляютъ, но они живы. Они бѣдны, но многихъ обогащаютъ... они всего лишаются, и всѣмъ изобилуютъ... ихъ прокли-

наютъ, и они благословляютъ... Просто сказать, что въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ христіане. Душа разлита по всѣмъ членамъ тѣла, равно и христіане живутъ по всѣмъ городамъ міра. Душа обитаетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна; такъ и христіане живутъ въ мірѣ, но не принадлежатъ къ міру. Невидимая душа пребываетъ въ видимомъ тѣлѣ, такъ и пребываніе христіанъ въ мірѣ явно, но невидима ихъ религія. Плоть ненавидитъ душу безвинно и воюетъ съ нею за то, что видитъ въ ней препятствіе для пользованія удовольствіями; ненавидитъ и христіанъ міръ безвинно за то, что они противятся удовольствіямъ. Душа любитъ враждебную плоть и члены тѣлесные, такъ и христіане любятъ своихъ враговъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но держитъ собою тѣло; такъ и христіане заключены въ мірѣ, какъ въ крѣпости, но держатъ собою міръ. Безсмертная душа пребываетъ въ смертномъ одѣяніи; такъ и христіане живутъ въ тлѣнной области, ожидая нетлѣнія на небесахъ. Таковъ назначенный для нихъ Богомъ предѣлъ противъ котораго возставать имъ не полагается.

Акты (быть можетъ апокриѳическіе) о мученичествѣ актера Генезія (стр 252—253). Однажды для потѣхи имп. Діоклетіана, которому какъ свирѣпѣйшему тирану, христіане были ненавистны, актеръ Гегнезій хотѣлъ представить на сценѣ въ смѣхотворномъ видѣ таинство христіанскаго благочестія. Посему въ присутствіи императора и всего народа, лежа посреди театра какъ бы больной, Генезій просилъ крещенія въ такихъ комическихъ выраженіяхъ: *эхъ други, мнѣ тяжело, хочу облегчиться.* Другіе актеры отвѣчали: „какъ же мы облегчимъ тебя? развѣ мы столяры, чтобы обстрогать тебя?“ Эти слова возбудили въ народѣ смѣхъ. Генезій продолжалъ. *чудаки, хочу умереть христіаниномъ.* „Зачѣмъ?“ Генезій отвѣчалъ: *за тѣмъ, чтобы въ оный день я какъ бѣлецъ обрѣтенъ былъ въ Богѣ.* Явились пресвитеръ и заклинатель, и Гегнезій внезапно по вдохновенію Божію увѣровалъ. Ибо когда тѣ сѣли около его постели и сказали: „чего ради послалъ ты за нами, чадо?“—Генезій уже не притворно и фальшиво, а отъ чистаго сердца отвѣчалъ: *я желаю принять благодать Христову, чтобы возродившись ею, избавиться отъ бездны беззаконій моихъ.* Таинственные обряды были совершены, и облеченный въ бѣлыя одежды актеръ былъ схваченъ на сценѣ воинами и, подобно мученикамъ, былъ подвергнутъ розыску за Христа. Поставленный предъ императора на возвышенномъ мѣстѣ Генезій держалъ такую рѣчь: „Слушай, императоръ и все войско, мудрецы и народы сего города! всякій разъ, когда я видалъ христіанина или оглашеннаго, я чувствовалъ отвращеніе и издѣвался надъ твердостію исповѣдниковъ вѣры. Я отрекся отъ родителей и сродниковъ изъ-за ихъ христіанства, и осмѣивая христіанъ прилежно изучалъ ихъ таинства, чтобы изъ ихъ священнодѣйствія сдѣлать для васъ потѣху. Но когда вода коснулась моего обнаженнаго тѣла и на вопросъ о вѣрѣ я призналъ себя вѣрующимъ, то я увидалъ руку, сходящую на меня съ неба, и лучезарныхъ ангеловъ около меня, которые прочитали по книгѣ всѣ грѣхи, совершенные мною отъ дѣтства, и омыли ихъ въ той водѣ, въ кото-

рой въ виду вашемъ я былъ погруженъ, и показали затѣмъ мнѣ книгу бѣлѣе снѣга. Итакъ императоръ, и вы всѣ народы, посмѣвавшіеся надъ сими таинствами, увѣруйте вмѣстѣ со мною, что Христосъ есть Господь, свѣтъ, истина, благость и ради Него вы можете получить прощеніе."

Изъ Тертуліана. Обращеніе къ христ. женщинамъ (стр. 255). Вы не ходите по капищамъ, не требуете зрѣлищъ, не знаете праздниковъ языческихъ боговъ.... Всякій вашъ выходъ изъ дому имѣетъ важную причину. Нужно или посѣтить кого-либо изъ больныхъ братій, или отнести пожертвованіе, или послужить при проповѣди Божіей.

О заклинателяхъ. Пусть будетъ поставленъ предъ вашими трибуналами, какой-либо человѣкъ, несомнѣнно одержимый демоновъ; и пусть христіанинъ, кто-бы онъ не былъ, заставитъ бѣса говорить: духъ, въ другомъ мѣстѣ ложно выдающій себя за бога, тутъ признаетъ себя демономъ по правдѣ... Если же демоны, которые не смѣютъ лгать христіанину, не признаютъ себя демонами: то на томъ же мѣстѣ пролейте кровь онаго дерзновеннѣйшаго христіанина.